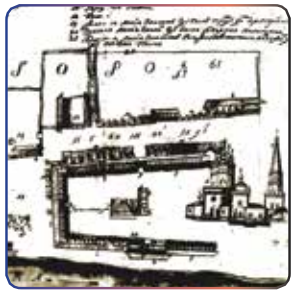
Иркутск

учебное пособие
по предмету
«Иркутсковедение»

Том
1

Главный редактор
Д-р истор. наук, проф. С. И. Гольдфарб
Редакционная коллегия:
Р. Н. Болотов (мэр г. Иркутска), А. В. Южаков (вице-мэр г. Иркутска),
д-р истор. наук Ю. А. Зуляр, д-р истор. наук А. В. Шалак,
д-р истор. наук П. А. Новиков, д-р истор. наук В. П. Шахеров,
к-т истор. наук И. В.Олейников, Ю. Василькова, А. Головко,
Т. Эйдельман, Е. Пономарева

Иркутск

учебное пособие по предмету «Иркутсковедение»

Том
1

Иркутск, 2024

УДК
ББК

Учебное пособие по истории города Иркутска / Гл. редактор доктор исторических наук, профессор Иркутского университета С. И. Гольдфарб.

Авторы: С. И. Гольдфарб. Ю. А. Зуляр, В. П. Шахеров, П. Н. Новиков, А. В. Шалак, И. В. Олейников, А. В. Ануфриенко,

Рецензенты

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мэр г. Иркутска Р. Н. Болотов. Это наша малая родина, это наш любимый город!
От главного редактора

I. Предмет «История»

II. Исторические источники

III. Хронология и календарь

IV. Археология
1. Методы и содержание археологических исследований
2. Иркутская археологическая школа

V. Вспомогательные дисциплины
1. «Дипломатика», историческая филателия, палеография
2. Нумизматика
3. Геральдика
4. Историческая география, картография, метрология

VI. Сибирь в древнюю эпоху
1. Древняя жизнь
2. Природно-климатические условия жизни на территории Приангарья-Прибайкалья
3. Ангара – магистральный путь миграции и освоения новых земель
4. Освоение Ангары в XVII–XVIII вв.
5. Освоение Ангары в XIX–XX вв.
6. Легенды и предания о происхождении Ангары
7. Происхождение Ангары

VII. Байкал
1. История изучения Байкала
2. Здоровый климат Байкала
3. Байкал многоликий
4. Заповедный Байкал

VIII. Байкальские промыслы
1. Хлебопашество и огородничество
2. Охота
3. Заготовка кедрового ореха
4. Извоз
5. Торговля
6. Таможенная служба
7. Рыбный промысел
8. Золотой промысел

IX. Приангарье и Предбайкалье
1. Народы края к приходу русских
2. Присоединение Предбайкалья к Русскому государству
3. Основание Иркутского острога
4. Население и становление городского хозяйства
5. Воеводская власть и посадский мир
6. Начало православия в Иркутске

7. Острожное оборонительное зодчество Приангарья XVII – начала XVIII в.

8. Иркутский острог в российско-китайских конфликтах на Амуре и в Забайкалье второй половины XVII в.

X. Иркутск в первой половине XVIII в.

1. Численность и социальный состав населения
2. Застройка и архитектурный облик города
3 Взаимоотношения провинциальной власти и городского самоуправления
4. Городские промыслы и ремесла

XI. Становление города как губернского центра (Вторая половина XVIII в.)

1. Губернское управление и становление городского самоуправления
2. Население и формирование архитектурного образа города
3. Иркутская ярмарка
4. Иркутск и Русская Америка
5. Образование, культура и повседневная жизнь горожан

XII. Иркутская епархия и ее роль в укреплении православия и духовного потенциала

1. Учреждение самостоятельной Иркутской епархии
2. Монастыри Иркутска
3. Церковное строительство
4. Духовенство

XIII. Город Иркутск как региональный центр Российской империи в XIX – начале XX в.

1. Иркутск в первые десятилетия XIX в.
2. М. М. Сперанский в Иркутске
3. Реформы М. М. Сперанского в Сибири
4. Общественно-культурная жизнь при М. М. Сперанском
5. А. Н. Радищев
6. Декабристы в Иркутске
7. Польские ссыльные. Петрашевцы. М. А. Бакунин
8. Муравьевское время в Иркутске
9. Городское управление и хозяйство
10. Формирование архитектурного ансамбля и благоустройство города

XIV. Экономическое развитие города в XIX в.

1. Развитие городской торговли и крупного капитала
2. Ремесло и промышленное производство
3. Иркутск и Великий Сибирский путь

XV. Иркутская епархия в XIX – начале XX в.

XVI. Развитие образования и культуры в XIX в.

1. Школы, училища, гимназии
2. Военное образование
3. Духовное образование
4. Начальная образовательная школа
5. Средние общеобразовательные учебные заведения
6. Средние специальные учебные заведения

7. Библиотечное дело. Общественные организации
8. Печать и литература
9. Театр. Музыкальная жизнь
10. Искусство. Фотография. Синематограф
11. ВСОРГО. Научная жизнь

XVII. Иркутск на рубеже веков

1. В новый век на волне модернизации
2. «Иркутск – «золотая» столица Российской империи»
3. Благоустроительные работы
4. Иркутский транспорт

XVIII. Иркутск и иркутяне в годы русско-японской войны

1. Иркутяне на фронте
2. Иркутские казаки
3. Боевые действия на море
4. Война и железные дороги
5. Иркутск в годы войны

XIX. Иркутск в начале XX в.

1. Модернизационные процессы нового века в Иркутске
2. Влияние войны на повседневную жизнь Иркутска
3. «Кровавое воскресенье» и иркутское общество
4. Активизация общественно-политической жизни в конце 1905 г. – начале 1906 г.

XX. Иркутск и иркутяне на фронте и в тылу в годы Первой мировой войны

1. Иркутские соединения в боевых действиях (1914–1918 гг.)
2. Иркутяне в боевых действиях 1916–1918 гг.
3. Иркутские казаки на фронте и в тылу
4. Влияние войны на экономическую и общественную жизнь Иркутской губернии

ПРИЛОЖЕНИЕ

С Иркутском связанные судьбы

Некоторые памятники и памятные места Иркутска

Памятники истории и культуры Иркутска (недвижимые)

Монастыри

Храмы Иркутска (православные)

Часовни

ЭТО НАША МАЛАЯ РОДИНА, ЭТО НАШ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД!

Впервые в школы нашего города приходит учебное пособие по современному предмету «Иркутсковедение». Мы давно ждали появления этой книги, потому что со всей очевидностью стало понятным: «недоговаривание», «недосказанность», «белые пятна» ни к чему хорошему не приводят. Особенно, когда речь об истории родного края, предмете, который обязан объективно показать наш путь в прошлом и настоящем, проложить мостик в будущее.

Стоит ли говорить об ошибках на историческом пути? Стоит ли вспоминать, где была допущена несправедливость, упущена возможность добиться чего-то нового, конкурентного? Стоит ли возвращаться к прошлому, сравнивать его с современностью? Вновь и вновь рассказывать о героях-земляках и героических подвигах наших предков. Не просто стоит – необходимо. И для того, чтобы не совершать старых ошибок в будущем, и для осознания своих упущений «здесь и сейчас», для понимания, чем наше слово и дело отзовутся.

Даже если бы и не было в школьной программе предмета «Иркутсковедение», необходимо было бы давно создать пособие, главная задача которого – изложить ход развития нашего любимого города. Потому что история – это и есть развитие, базис, фундамент для понимания взаимоотношений людей. Абсолютно все строится на взаимоотношениях. Они характеризуют наши поступки, наши мотивы в поисках лучшего и избавления от всего, что мешает жить счастливо.

Проделана огромная работа по созданию книги, которая рассказывает об Иркутске от времени его возникновения до современности. О сложности и объеме исторических изысканий можно судить хотя бы по тому, что рассказ этот включает в себя события за более чем 360 лет!

Главная отличительная черта Иркутска в том, что все эти столетия он созидал. Этому созиданию в разные эпохи давали разные имена. Было время землепроходцев и географических открытий, время освоения новых территорий, дипломатических прорывов, уникальных проектов в самых различных отраслях. Чего только стоил Транссиб? А развитие Дальнего Востока? Разработка месторождений полезных ископаемых…

У каждого города есть свое, особенное, неповторимое. Иркутск не исключение. Все знают, что это исторический город – прошлое и настоящее здесь находятся в гармонии, а многие важнейшие события происходили именно на этой земле вопреки, казалось бы, объективным предпосылкам (Иркутск – город не у моря – имел самое настоящее Адмиралтейство, в деле освоения Тихого океана, освоения американского континента иркутяне сыграли выдающуюся роль, одна из первых трансконтинентальных торгово-промышленных компаний – Русско-Американская – тоже корнями уходит в Иркутск и многое другое). Никто не сомневается, что высокое звание города трудовой доблести и славы – заслуженное признание работы поколений иркутян. Мы студенческая столица: каждый шестой житель – молодой человек, получающий образование в прекрасных учебных заведениях. Пять космонавтов России связаны с нашим городом, так же, как и жизнь основателей вертолетостроения, высокая литература, которая подарила миру имена великих писателей и драматургов. Именно наш город стал основателем экологического движения, когда появилась опасность, что уникальной экосистеме Байкала может быть нанесен ущерб. Накопленная история – богатейший дар, оставленный нам предками, сбереженный дедами и прадедами, приумноженный нашими родителями. Теперь мы и наши дети приняли эстафету их дел.

Конечно, пройдет какое-то время, и эта книга потребует продолжения. Но в этом и есть смысл живой истории – она не прекращает писать свою летопись, рассказывать новым поколениям иркутян об их малой родине, любимом Иркутске.

Руслан Болотов, мэр Иркутска.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Историография Иркутска чрезвычайно велика и разнообразна. Городу посвящены монографии, хрестоматии, сборники документов, защищены диссертации, увидели свет художественные и публицистические сочинения, множество альбомов, буклетов. Сотни и сотни книг составляют каталог изданий об Иркутске. Среди этого многообразия есть и работы авторов этого учебного пособия, которые много лет разрабатывали отдельные аспекты иркутсковедения.

Обилие литературы, хорошая документальная база вовсе не означают, что сделано все. Каждая новая книга ставит новые вопросы, на которые уже даны или еще предстоит дать ответы.

Перед вами коллективный труд – «Иркутсковедение» – пособие по истории города для средней школы. Оно создается впервые, хотя о необходимости его говорили как минимум последние тридцать лет. Все сходились на том, что без такой книги сложно донести до детей объективный, системный рассказ о прошлом, настоящем и будущем города на Ангаре.

Учебное пособие – сложная многофункциональная работа, поскольку в него нужно вложить все самое главное, важное и необходимое так, чтобы не только вызвать искреннюю заинтересованность учеников в истории своей малой родины, но и побудить самостоятельно расширять границы своих знаний.

Формально еще несколько лет назад в нем не было надобности, поскольку в школьных программах отсутствовал курс «Иркутсковедение», который следовало рассматривать как важное дополнение к курсам «История России» и «История Сибири». Теперь же «Иркутсковедение», благодаря мэру Иркутска Руслану Николаевичу Болотову, стало обязательным элементом учебного процесса во всех школах города.

История Иркутска – составная часть отечественной истории, и потому главная задача курса «Иркутсковедение» – дать общие объективные представления о различных сторонах городской жизни, событиях, которые происходили здесь на протяжении столетий, вплоть до современности. Не менее важная задача – показать неразрывность и взаимосвязь иркутских событий с общероссийской и общесибирской жизнью и вместе с тем выявить то особенное, что было присуще старинному русскому городу, которому исполнилось более 360 лет.

Авторский коллектив поставил перед собой цель максимально полно отобразить жизнь Иркутска с момента его основания до настоящего времени, не обходя сложные страницы его истории. Задача авторов состояла в том, чтобы избежать вымыслов и искажений, не следовать тактике умолчания. История города – наша общая родословная, которую мы вправе знать и помнить такой, какой она была в действительности.

История Иркутска многослойна, и буквально каждое событие в ней имеет различные трактовки и объяснения. И все они так или иначе формировали взгляд на сам город и все, происходящее в нем… Наша задача изложить факты, помочь учащимся составить объективное представление о времени и происходящих событиях.

Об Иркутске есть множество оценочных суждений. Одно из них принадлежит знатоку сибирской истории, публицисту, общественному деятелю Г. Н. Потанину. В большом очерке «Города Сибири» он дал меткие и образные характеристики сибирским городам. Вот, что он, в частности, писал об Иркутске: «По внешнему виду Иркутск – один из лучших городов в Сибири…

Внутри город производит сенсацию своей магистральной улицей, которая носит банальное имя Большая. Она недурно отстроена, обставлена торговыми магазинами и вся сплошь состоит из каменных построек, так как после пожара 1879 г. деревянные постройки на ней запрещены, а которые существовали до пожара, были уничтожены огнем…

Монументальные новые здания в городе: новый собор, театр и музей Географического Общества. Театр и музей составляют гордость города. Театр, самый большой в Сибири, построен на средства жертвователей, собранные генерал-губернатором Горемыкиным; он вмещает до тысячи зрителей, находится в ведении городского самоуправления; репертуаром театра заведует театральная дирекция – институт, какого нет ни в каком другом городе Сибири…

Иркутск выделяется из семьи сибирских городов своими больницами; он имеет три больших больницы: городскую, построенную на средства богача золотопромышленника Кузнецова, больницу для хронических больных – на средства Медведниковых, и детскую – на средства золотопромышленника Базанова; по величине зданий, по числу кроватей и по внутренней обстановке этих больниц ни в одном сибирском городе ничего нет подобного…»

Если расширить эту емкую характеристику одного из знатоков сибирской жизни, то можно сказать, что история города складывалась людьми и реальными, хотя порой, кажется, невероятными событиями. В историю вплетались мифы, легенды и предания, которые делали факты объемнее, ярче, увлекательнее. Историческая память с удивительной прозорливостью вела и ведет наш город по спирали истории. Все эти столетия людям, созидающим иркутскую историю, приходилось отвечать

на самые различные вызовы. В том и состоит феномен накопленной истории, который последовательно складывал рассказ об Иркутске.

Учебное пособие – особый жанр. Такая книга не может досконально охватить все, относящееся к теме, иркутская история чрезвычайно богата и разнообразна. Авторский коллектив прекрасно сознает, что невозможно осветить все стороны городской жизни. Да это и вряд ли требуется. Изучение истории – процесс творческий, а обилие доступной литературы и источников позволяет в ходе самостоятельной работы восполнять свои знания.

Предлагаемое издание создавалось специально для школы. В разных возрастных категориях, т. е. в разных классах, учащиеся должны получить внятный для восприятия и усвоения материал.

Данное пособие по Иркутсковедению состоит из двух томов. Первый включает в себя материал с момента прихода русских в Приангарье и до событий 1917 года. Второй – со времени Великой Октябрьской Социалистической революции и до сегодняшнего дня.

К каждому тому созданы рабочие тетради для учащихся, которые включают в себя большой учебно-справочный материал.

Вероятно, школа предложит дополнения, возможно, темы, замечания, направленные на усиление или дополнение тех или иных глав. Такая работа всегда позволяет улучшить результат.

Изучение родного края – путь, который позволяет понять, как богата наша Иркутская область, наш любимый город не только материально, но и духовно, как много накоплено прекрасных созидательных примеров.

Авторский коллектив выражает признательность за помощь и поддержку Руслану Николаевичу Болотову, мэру города Иркутска, Андрею Владимировичу Южакову, председателю иркутского отделения Военно-исторического общества, Андрею Юрьевичу Стекачеву, председателю Иркутской городской думы, Эдельман Татьяне Николаевне, заместителю мэра г. Иркутска, Ларисе Александровне Сулеймановой, директору областной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, Общественной палате г. Иркутска, историкам и краеведам города.

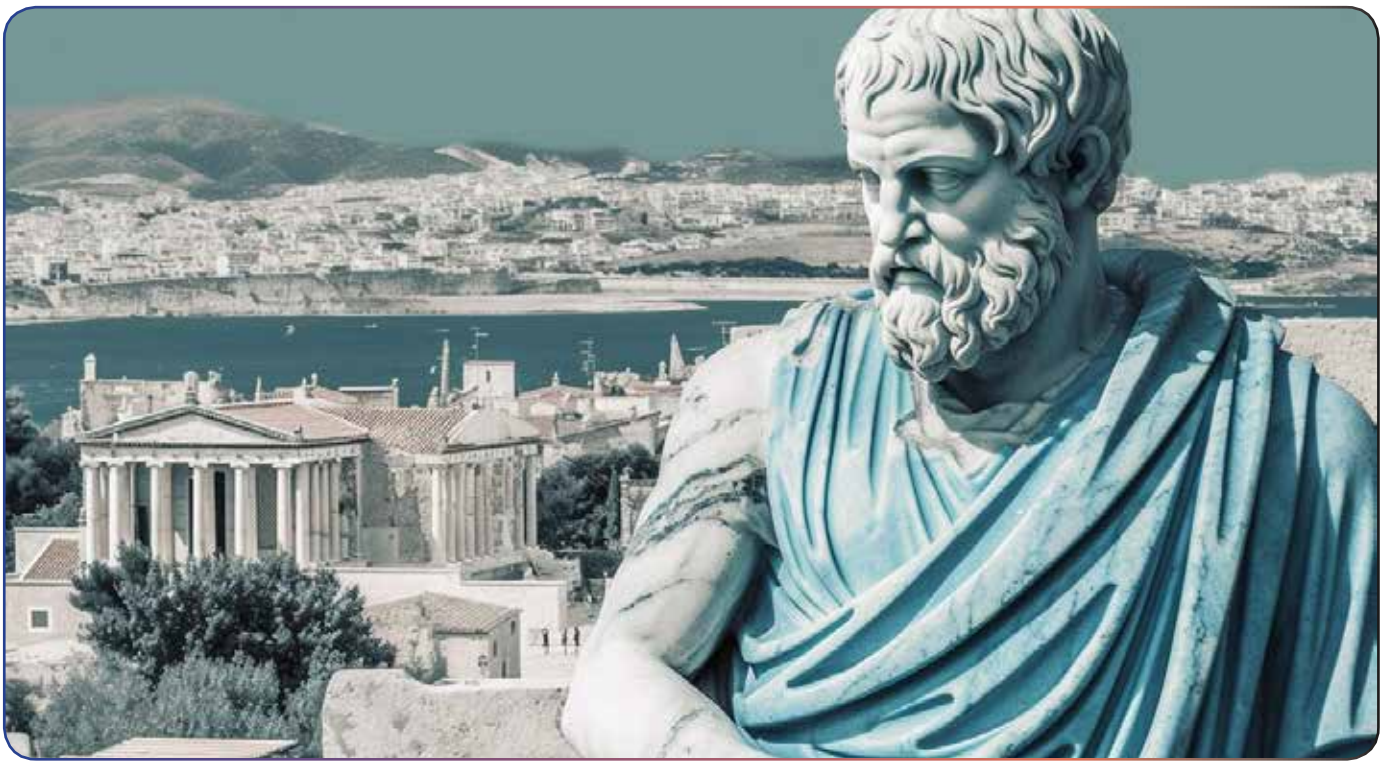
Станислав Гольдфарб,
доктор исторических наук, профессор Иркутского университета,
Почетный гражданин Иркутской
области, председатель Общественной палаты г. Иркутска

I.

Предмет «История»

Муза Истории Клио

Аристотель

Мы хотим знать, как жили наши предки, как они вели свое хозяйство, какие праздники отмечали, какие песни пели, как одевались, как отдыхали и работали, как осваивали новые земли, прокладывали пути, строили здания, изобретали, творили и многое-многое другое.

Все это история, та область знания, которая позволяет понять, что было во времени, установить взаимосвязи отдельных фактов, оценить степень влияния событий друг на друга.

В переводе с греческого языка «история» есть рассказ, который вбирает в себя самое важное с точки зрения составителя. Это могли быть сведения о разливах рек, урожаях, поступках правителей, сражениях и т. п.

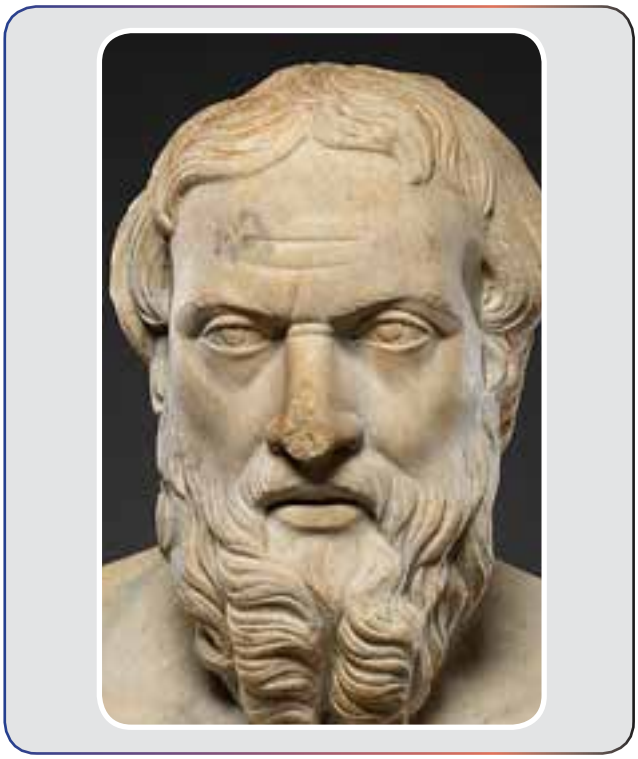
Древнегреческий философ, государственный и общественный деятель Аристотель считал, что история есть систематическое изложение сведений о природных явлениях. При этом он и его ученики рассматривали историю и как описание прошлого.

Между прочим, первые историки, которых называли «логографами» («логос» означало «слово»), были типичными краеведами. Они рассказывали главным образом о конкретных городах, конкретных местах и событиях.

Первым крупным историком называют Геродота из Галикарнаса (около 484 – около 425 гг. до н. э.). В своих сочинениях он уже выступал как человек, обладающий самыми разнообразными знаниями в географии, этнографии, политике, законодательстве. Он сравнивал и анализировал, сопоставлял и подвергал критике те или иные факты.

В древнем мире историю считали одним из видов искусства, а музой, хранительницей истории называли Клио – дочь богини памяти Мнемозины.

В XVI веке начинается процесс превращения истории в науку. Постепенно приходило понимание, что задача истории и историков не только в собирании фактов прошлого и их пересказа, но и в попытках объяснять эти факты и события. Очень важным было осознание,

Бюст Геродота

что история не может довольствоваться только «голыми» фактами. На нее оказывают влияние многочисленные «побочные» факторы. К примеру, климат, географическая среда, обычаи, экономика, демография и многое-многое другое.

«История», конечно, понятие очень широкое, она включает в себя множество областей, тем, вопросов. Свою историю имеет каждое государство, часть света, группы государств. Внутри локальной, региональной или всемирной истории формируются конкретные этапы, периоды, другие, более или менее крупные, временные отрезки, насыщенные важными, определяющими событиями. Если мы рассказываем о странах и континентах, то речь идет о всемирной истории, когда говорим о нескольких территориях – то затрагиваем региональный аспект, когда в центре внимания наша страна – то акцент делается на отечественной истории. Если мы повествуем о нашем городе Иркутске, то чаще употребляем термин «краеведение». Система самых разнообразных краеведческих знаний об Иркутске для удобства определена нами как «Иркутсковедение». Этот раздел – часть истории, которая рассказывает, описывает, изучает город.

«Иркутсковедение» включает в себя самые разнообразные вопросы – политические, экономические, социальные. Мы говорим об истории фабрик и заводов, о людях, выдающихся горожанах, о быте и культуре населения, об их занятиях и многом другом. Накоплен огромный массив источников и литературы, который помогает сделать наш рассказ глубоким, полновесным, точным.

Книга «Иркутск и Иркутская губерния», которая была опубликована в Иркутске в 1870 году, начинается с природных характеристик: климата; местоположения; почвы; водных ресурсов, которыми могли пользоваться горожане; «естественных произведений» – полезных ископаемых, которые жители добывали на окраинах и использовали для своих и общественных нужд; населения и т. д.

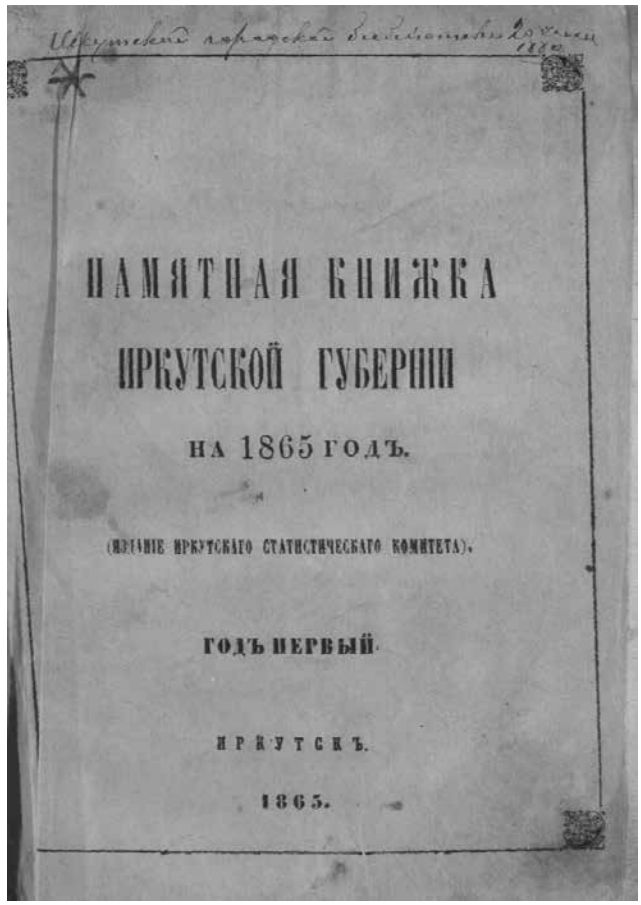
Начиная иркутскую историю с возникновения ясачного зимовья, постепенного роста экономики и численности населения, автор рассказывал, как Иркутск сделался центром огромного Восточно-Сибирского края.

В книге «Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» шло повествование о том, как жил Иркутск к моменту приезда губернатора Сибири графа М. М. Сперанского, как шло развитие при другом выдающемся российском государственном деятеле Н. Н. Муравьеве-Амурском.

Хронологические сборники, летописи, тематические справочники, научные и популярные статьи и книги охватывали самые разнообразные стороны городской жизни, историю жителей.

Один из основателей иркутской школы историков Ф. А. Кудрявцев отмечал огромную роль, которую играли города в жизни российского государства. Он исходил из того, что Иркутск прошел славный путь и в определенное время превратился в торгово-распределительный пункт товаров, которые поступали из цен-

Издания по истории Иркутска

тральных районов России и разных мест Сибири. В то же время сам доставлял различные товары – пушнину, золото, слюду и другие богатства Восточной Сибири в европейскую часть государства. А еще он играл видную роль в дипломатических сношениях с Китаем, Японией, Кореей. Главные темы, на которых останавливался Ф. А. Кудрявцев, касались общественно-политической истории Иркутска.

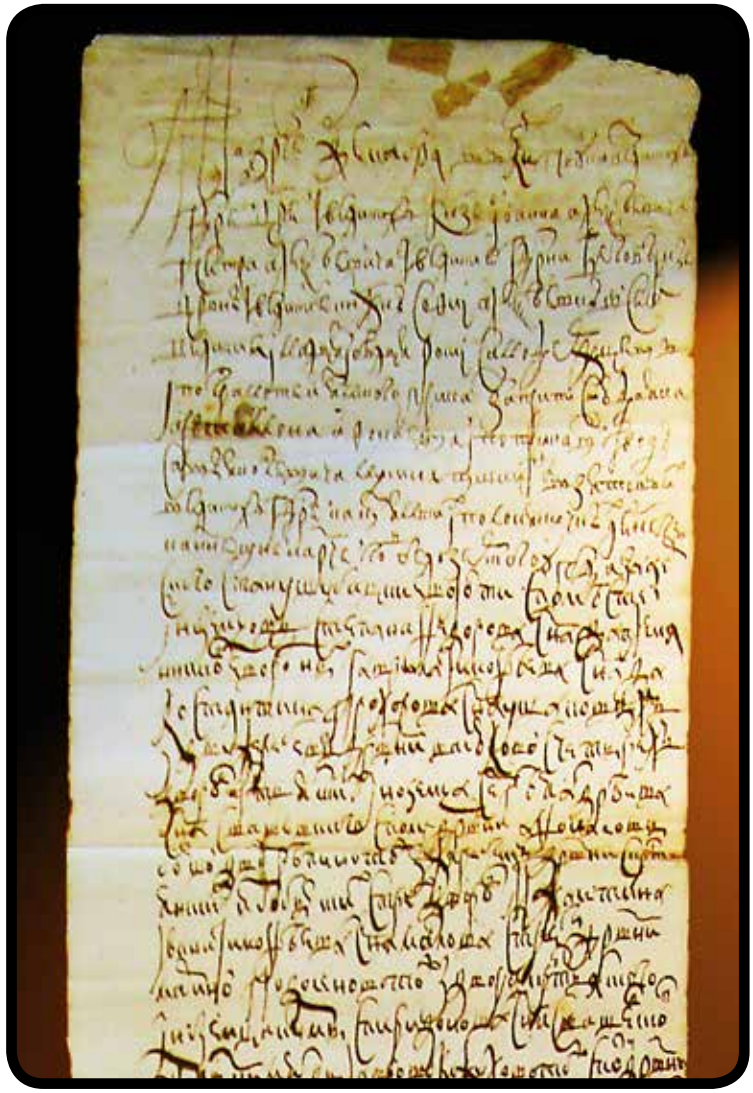
Выдающийся фольклорист, много лет проживший в Иркутске, ученый с мировым именем М. К. Азадовский изучал историю родного края с точки зрения культурно-просветительских процессов. Он представлял рукописные журналы в Сибири, рассказывал о сибирских поэтах и литераторах, беллетристике, о фольклористах и фольклорных традициях, жизни декабристов в Сибири. Профессор Иркутского государственного университета В. П. Трушкин составил литературную летопись нашего города, а профессор А. В. Дулов – библиографический указатель, охватывающий практически все отрасли городской жизни. Примеров подобного рода можно приводить множество.

Таким образом, «Иркутсковедение» охватывает огромное количество тем, которые непосредственно связаны с жизнью города, его людьми. Разумеется, эти темы сопрягаются с жизнью региона – Сибири – и всей России, являясь неотъемлемой частью истории большого многонационального государства Российской Федерации.

II.

Исторические источники

Как правило, выделяется семь типов источников: письменные, вещественные, этнографические, устные, лингвистические, фото- и кинодокументы, фонодокументы.

Наскальные рисунки на берегу р. Лены

По мере накопления знаний появилась потребность в соблюдении хронологии, с помощью которой можно было наиболее четко и объективно прояснить возникновение, развитие и течение той или иной ситуации. Появилась потребность в оценке разнообразных источников, использовании смежных исторических дисциплин, из которых бы черпались и новые знания. Обилие особенностей и традиций различных территорий приводило к разнообразию подходов в определении не только хронологических периодов между историческими этапами, но и методов работы с источниками и литературой. К примеру, в советской исторической науке рубежом между средними веками и новым временем считался XVII век. Обосновывалось это тем, что именно в это время начинает развиваться капитализм, принесший много нового во все области жизнедеятельности. Разделом между новой и новейшей историей в российской историографии стали считать 1917 год, когда произошла Великая Октябрьская Социалистическая революция, изменившая абсолютно все – от общественно-политического строя до социально-экономического порядка.

В зависимости от темы изучались различные разделы истории: внешняя политика, экономическая история, революционное движение, история рабочего класса и крестьянства, государственное строительство и многое-многое другое. Возникала потребность привлекать источники из других областей – археологии, палеографии, геологии, геральдики, хронологии и т. д. Началось дробление, или специализация, самой исторической науки, и, соответственно, каждому разделу были присущи родовые виды источников.

Появилась дисциплина – источниковедение, которая изучала природу источника, как отражалось в нем то или иное историческое событие. Здесь же отрабатывались приемы работы с источниками. Так, к примеру, складывалась технология определения подлинности того или иного источника. Все это укладывалось в критику (оценку) источника – внутреннюю и внешнюю. Если внешняя критика

Здание Главного управления Восточной Сибири

помогала устанавливать подлинность документа, его происхождение, точную датировку, то внутренняя способствовала определению его ценности, надежности.

Все, кто изучал историю Иркутска, использовали самые разнообразные источники. Если касались социально-экономического развития города, то обращались к статистическим материалам, документам Министерства внутренних дел и финансов, поскольку именно здесь занимались собиранием сведений о городах. Не обходились без законодательных актов и материалов официального (государственного) делопроизводства. И здесь неоценимую помощь оказывало Полное собрание законов Российской империи.

Для изучения истории города, конечно же, важны материалы государственных учреждений. Возьмем местные органы государственной власти. К примеру, Иркутскую провинциальную канцелярию, созданную 26 ноября 1724 года. Она являлась исполнительным органом при Иркутском провинциальном воеводе (с 1731 г. – вице-губернаторе), который в свою очередь являлся председателем провинциального суда, осуществлял надзор за законностью деятельности местных органов власти. На нем же лежали контроль над сословными повинностями и самоуправлением, наблюдение за поступлением налогов, учет населения. Именно воевода-вице-губернатор реализовывал меры по благоустройству территории, организовывал оборону края в военное время, подавление народных волнений, борьбу с эпидемиями, ведал рекрутскими наборами, снабжением армии, пересылкой колодников, с 1727 г. ведал судебными делами в губернском городе и его уезде.

Иркутская мещанская управа – Иркутское мещанское управление – согласно «Городовому положению» 1785 г. состояло из собрания мещанского общества (схода) и мещанского старосты, которые находились в ведении Иркутской городской думы. В ее функции входила организация выборов на должности мещанского управления и определение размеров их содержания, попечение обо всех делах, относящихся к мещанскому сословию: учет и составление размера общественных податей и сборов, городских повинностей; наблюдение за благоустройством города, развитием торговли и ремесла, за выполнением мещанами рекрутской повинности. Городская дума следила также за службой на городских общественных должностях, выборами депутатов на общественные должности и другими важными областями городской жизни.

Главное управление Восточной Сибири (ГУВС) в г. Иркутске появилось 25 октября 1822 г. на основании «Учреждения для управления сибирских губерний». Оно состояло из генерал-губернатора и Совета ГУВС – коллегиального совещательного органа с находящейся при них канцелярией. К непосредственным действиям генерал-губернатора относились: ревизия местных управлений; определение и увольнение чиновников; рассмотрение и представление их к наградам; управление горной и соляной промышленностью; заведование учебными заведениями; дела о казенных оброчных статьях; управление казаками; с 1834 г. – инспекция местных войск, посредничество в отношениях России с сопредельными странами. Генерал-губернатор являлся председателем Совета ГУВС.

Почтовая марка

Материалы ГУВС хранят ходатайства, сведения, переписку об открытии женских учебных заведений в г. Иркутске, г. Троицкосавске, в Енисейской губернии (1856, 1860, 1863 гг.), о пожертвованиях иркутских купцов на развитие образования, список действующих в Восточной Сибири женских училищ (1863 г.), сведения о Российско-Американской компании (1868–1870 гг.). Отчеты, доклады, данные о деятельности Байкальского пароходства, о доставке его судами арестантов, конвойных команд. Отчеты, доклады о строительстве, состоянии, содержании граждан, сведения об учреждении в городах ярмарок и базаров; циркуляры, материалы об участии городов Восточной Сибири во всероссийских и международных выставках (в т. ч. Парижских 1869, 1878 гг.). Документы об устройстве, образовании полицейских, пожарных частей (1877 г.), сообщения о борьбе со стихийными бедствиями, пожарами.

Ценным источником являются различного рода отчеты чиновников. Так, генерал-губернаторы ежегодно писали отчеты для императора, большое место в них отводилось различным вопросам жизни городов.

Интересным источником являются справочные издания: к примеру, адреса-календари, где мы находим важные статистические данные. Много интересного в истории нашего города можно найти в документах сословно-представительских организаций.

Как уже говорилось, Иркутск как центр управления огромным краем играл заметную роль во внешней политике России на востоке. Источники раскрывают нам выдающуюся деятельность Русско-Американской компании по освоению Аляски и Курильских островов, взаимоотношений с Китаем, Монголией, Кореей и Японией. Переписка дипломатических работников, отчеты о работе консульств, международные договоры, соглашения позволяют представить себе роль Иркутска во внешней политике России, культурные, научные, образовательные связи между губернским центром и странами Азиатского востока.

Наконец, важным и очень интересным источником являются документы личного происхождения: мемуары, письма, дневники. Каждый из них дополняет наши знания в том или ином вопросе, позволяет окунуться в реальность изучаемого времени, оценить роль исторической фигуры в международной деятельности.

Уникальным историческим источником является периодическая печать. В Иркутске издавалось большое количество газет и журналов, которые запечатлели в самых разных жанрах вопросы истории, экономики, культуры Иркутска. На страницах периодики оживают многие интересные факты общественной жизни, биографии отдельных иркутян и многое другое.

Следовательно, источниками «Иркутсковедения» является все, что отражает ход развития города и деятельность его жителей, все, что позволяет передать процесс становления и развития Иркутска в различных аспектах – истории, архитектуре, географии, геологии, археологии и т. д.

Как правило, выделяется семь типов источников: письменные, вещественные, этнографические, устные, лингвистические, фото- и кинодокументы, фонодокументы. В каждом из названных типов существует большое разнообразие видов. Основными являются: рукописи, законодательные акты, делопроизводственная документация, частные акты, статистические документы, периодическая печать, документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма).

III.

Хронология и календарь

Без определения времени,
когда произошло
то или иное
историческое событие,
сложно понять,
что послужило его
причиной,
что ему сопутствовало,
вызвало и оказало
влияние
на происхождение.

Предмет «Иркутсковедение» формируется историческим временем – столетиями, годами и более короткими промежутками – месяцами, днями, в течение которых происходили те или иные события. Речь, таким образом, идет о хронологии. Очень важно понимать, что любое наше действие обладает пространственной и временной характеристикой.

Без определения времени, когда произошло то или иное историческое событие, сложно понять, что послужило его причиной, что ему сопутствовало, вызвало и оказало влияние на происхождение.

Сутки, месяц, год, столетие, тысячелетие – главные единицы измерения времени. Семидневный отрезок времени составлял приблизительно четвертую часть лунного месяца.

Сутки – время, в течение которого Солнце «обходит» Землю и вновь появляется в первоначальной точке. Русское слово «сутки» происходит от древнего понятия «сутыкать», т. е. соединять ночь и день. Знакомая нам система деления дня на 24 часа зародилась в Вавилоне, но официально ее ввел александрийский астроном Клавдий Птолемей во II веке н. э.

Первые способы измерения времени в течение суток были связаны с Солнцем. Делали это с помощью гномона – вертикального столба. Он отбрасывал тень, и по ней определяли время. Затем появился скафис – солнечные часы: тень отбрасывалась на специальный циферблат вертикальной осью – стрелкой. Скафис был также изобретен в Вавилоне в III веке н. э.

У народов Азии имелись песочные часы, где время измерялось количеством песка, который пересыпался из одного сосуда в другой.

В Китае пользовались огненными часами. Ход времени определялся сгоранием специальной свечи. В мире знали водяные часы – клепсидры (в переводе с греческого «похитители воды»). В XI-XII веках появляются колесные – механические часы. В России первые колесные часы были установлены в Московском Кремле в 1404 году. В 1624 году часы были установлены на Спасской башне Кремля. В 1706 году Петр I заменил их на часы-куранты, которые действуют и по сей день.

Песочные часы

Лунно - солнечный календарь. XVIII век

Год. Это время, за которое Земля совершает оборот вокруг Солнца В году двенадцать месяцев. Такое деление также было связано с астрономическими представлениями – с двенадцатью зодиакальными созвездиями эклиптики. Год делится в практической жизни не только на месяцы, но и на полугодия и кварталы.

В 1878 году было введено так называемое поясное время. Вся поверхность земного шара делилась на 24 часовых пояса. Для каждого устанавливалось местное время, соответствующее его среднему меридиану. А за нулевой меридиан был принят пояс, средним меридианом которого является Гринвичский. Поясное время изменяется скачком на один час при переходе из одного пояса в смежный. В СССР поясное время было введено 17 января 1924 года. Сутки, месяцы, год лежат в основе календаря – системы исчисления времени. Их характеризует периодичность явлений природы. Возникновение календарей связано с хозяйственной деятельностью человека, с сезонностью большинства форм жизнедеятельности. Земледелие, скотоводство базировались на учете природных факторов, и все это суммировалось в календарных системах.

Свои календари были в Древнем Египте, у Майя, в Китае, древней Месопотамии и Индии, Греции. Существовали еврейский календарь, мусульманский. Известно о европейском календаре.

В настоящее время современный солнечный календарь принят в большинстве стран. Восходит он к древнеримскому исчислению времени.

Солнечные часы

Часы на Староместской площади в Праге

В учете времени есть не только календарные сутки, месяцы и год, но и эра. Эра в переводе с латинского означает «число», «цифра». Эра является отправной точкой в счете годов. В понятие «эра» вкладывают не только цифры, но и содержание. К примеру, мировые эры – византийская, александрийская или эра вавилонская. В данном случае за названиями не только точка отсчета того или иного события или явления, но и сама история, связанная с названием. Эра Александра Македонского, греческая или римская, эра Петра I и т. д.

Как известно, в мире широко распространены понятия и счет «до нашей эры» и события «нашей эры». «Наша эра» – христианская – была создана римским монахом Дионисием путем специальных расчетов еще в VI веке нашей эры. Расчеты свои Дионисий сделал в 525 г. Он составил новую таблицу пасхальных циклов. Для этого монах использовал евангельское предание о распятии Христа в возрасте 30 лет и о чудесном возрождении в воскресенье, в день «первой христианской пасхи» 25 марта.

В настоящее время система счета от «рождества Христова» стала эталоном для фиксирования исторических событий всех эпох.

Исторически восточные славяне, к которым принадлежали народы, населявшие территорию будущей России, относились к земледельческим народам. Их жизненный уклад сопрягался со временем года – сезонами: зима, лето, весна, осень. При императоре Петре I была проведена реформа календаря – введена принятая в Европе новая эра «от рождества Христова». И начало нового года было установлено не 1 сентября, а 1 января.

Еще одно изменение в счете времени произошло после Великой Октябрьской Социалистической революции в 1918 году. Страна перешла на новый календарный стиль – он обогнал старый на 13 дней.

IV.

Археология

1. Методы и содержание археологических исследований
2. Иркутская археологическая школа

Раскопки на захоронении «Верхоленская гора»

1. Методы и содержание археологических исследований

Археология – историческая наука, которая изучает прошлое на основе материальных остатков деятельности человека.

Понятие «археология» было известно еще в Древней Греции и означало «рассказы о древности». А сам термин «археология» впервые применил Платон в IV веке до нашей эры.

Археология включает в себя различные специализации – классическая, средневековая, индустриальная археология и т. д. Существует подводная археология, которая изучает подводные памятники – здания, корабли, поселения. Существует даже экспериментальная археология. В круг ее интересов входит реконструкция технологии изготовления хозяйственного инвентаря, охотничьих снаряжений, оружия.

Все, что использовал человек с начала своего существования, есть археологические источники. Все – от древних городищ, захоронений или курганов до отходов хозяйственной деятельности составляет археологическое наследие. К нему относятся отдельные предметы, к которым прикасался человек в процессе жизнедеятельности, в том числе орудия труда, предметы быта, оружие, украшения.

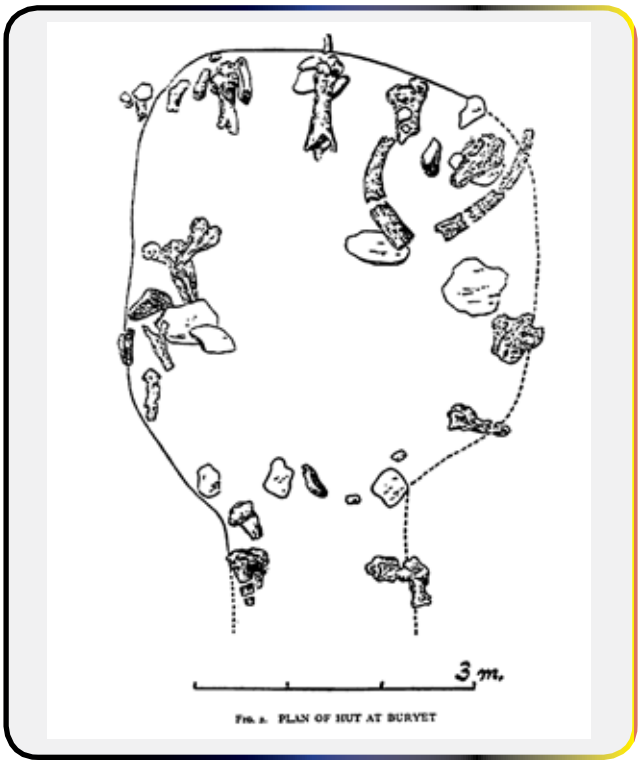
Археологические исследования позволяют изучать климат Земли в его развитии, воздействие человека на окружающую среду, процессы культурной и хозяйственной жизни.

Работа археолога состоит из полевых и камеральных (кабинетных) исследований.

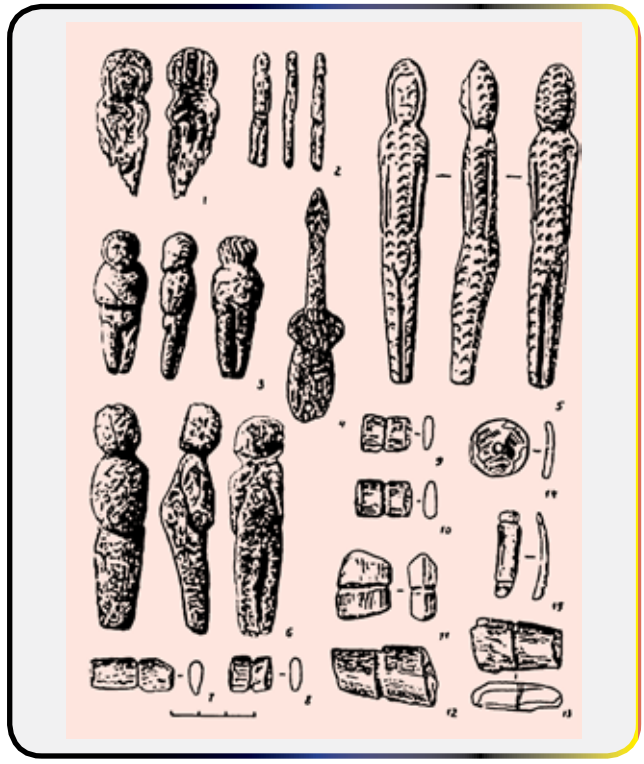
Начало археологического периода истории соотносят с появлением первых артефактов человеческой деятельности. Это примерно три миллиона лет тому назад.

К археологическим источникам относят также памятники, данные о которых вводятся в научный оборот в ходе проведения раскопок и камеральных исследований. Археологические памятники также представляют собой все многообразие человеческой деятельности в конкретную эпоху. Существует несколько типов археологических памятников.

Поселения – места, связанные с жизнью

Реконструкция могильника в селе Буреть

Предметы найденные в могильниках

людей. К неукрепленным можно отнести стоянки, как правило, это временные места, где протекала хозяйственная деятельность человека. Стоянки могли располагаться в пещерах и на открытой местности. Землянки и полуземлянки использовались на долговременной основе.

Городища представляли собой укрепленные поселения – там были валы, стены, рвы и другие подобные защитные постройки.

К археологическим памятникам относятся погребальные сооружения, которые также могут различаться по видам. К примеру, грунтовые могильники – захоронения, признаки

Могилы плиточной культуры

Реконструкция жилища древнего человека в Сибири

которых не видны на поверхности, курганы (малые и большие) – длинные, каменные, земляные, каменно-земляные.

Существуют дольмены – сооружения из камней, гробницы – погребальные сооружения с усложненной архитектурой и строением.

Археологическая наука широко использует данные археологической разведки. Под ней понимается работа по предварительному изучению археологических памятников. В ходе нее составляется специальная археологическая карта конкретного места, на которой помечаются все выявленные памятники. В зависимости от задач и целей охват может быть расширен до района, области… Археологическая разведка – это предварительный этап изучения того или иного памятника. Она включает в себя характеристики местности (географическую, гидрологическую, климатическую и т. д.) предполагаемых археологических культур, изучение литературы и источников.

Разведка бывает наземная и воздушная (авиа). Последняя подразумевает съемку местности с воздуха. Она позволяет по характеру рельефа, растительности и почвы определять особенности территории. К примеру, в местах, где почва была перемещена, растительность гуще и выше и т. д.

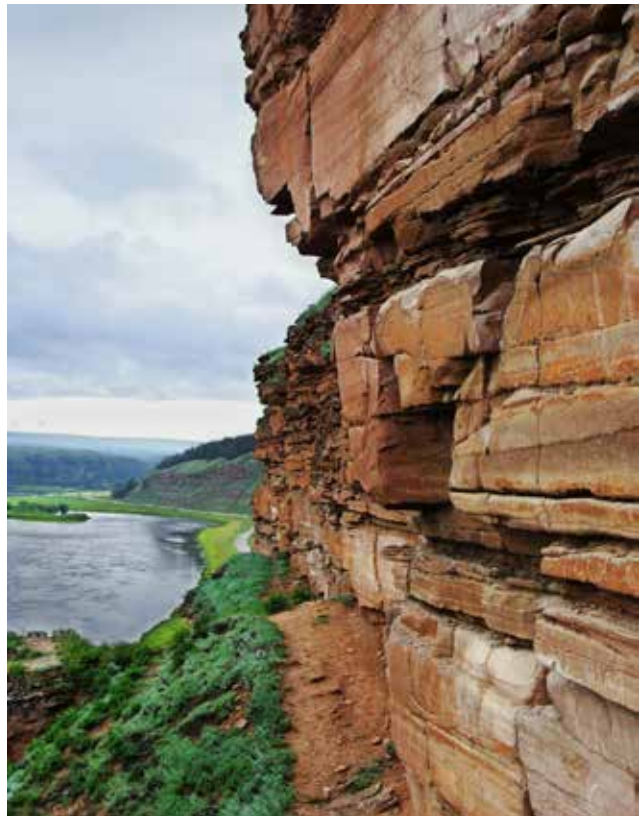
В современный арсенал археологов входит геофизическая разведка. Она позволяет обнаружить объекты, находящие в культурном слое, захоронения и т. п.

Подводная разведка используется в тех местах, где предполагается наличие древних поселений, затонувшие корабли и т. п.

Любое исследование начинается с изучения уже накопленного материала. Литература дает понимание, кто, что и когда сделал в той или иной области археологии. Работа в лабораториях, музеях позволяет сопоставить данные литературы с имеющимися источниками. Полевые работы позволяют не только выявить новые источники, но и совместить данные прошлых лет с вновь открытыми фактами.

Огромное значение имеют полевые археологические работы, в ходе которых могут быть открыты новые памятники. На начальном этапе полевых работ идет визуальное изучение местности. Используют пробные шурфы, полученный грунт, который тщательно исследуется на предмет артефактов, биологических, хозяйственных остатков и т. п. Все тщательно документируется: шурфы нумеруются, фиксируется полученное содержимое, расположение слоев грунта и т. д.

Берег реки Лена

Б. Э. Петри

М. М. Герасимов

Главным способом в археологических исследованиях являются раскопки. Именно в ходе них извлекаются различные материалы, которые позволят позже реконструировать различные события истории человека.

После составления плана исследований в данном конкретном месте, определения целей формируется график работ.

Территория, где проводятся исследования, разбивается на квадраты – это координатная сетка, к которой привязываются впоследствии все находки. Фиксируются особенности ландшафта – высоты местности.

В ходе земляных работ применяются самые различные инструменты от бульдозера до мастерка, совочка, кисточки, скальпеля.

На месте раскопок обязательно существуют приспособления, через которые просеивают вынутый грунт, чтобы не потерять особенно мелкие предметы.

2. Иркутская археологическая школа

Хорошо известна во всем мире Иркутская археологическая школа. Флагманом ее в настоящее время является кафедра археологии, этнологии и истории Древнего мира исторического факультета Иркутского государственного университета.

Считается, что термин «иркутская школа археологии» был введен археологом В. А. Городцовым в первой половине XX в.

В числе «первых» были Н. Я. Ходукин и В. И. Подгорбунский, Г. П. Сосновский и В. И. Сосновский, Г. Ф. Дебец.

У истоков иркутской археологии стоял исследователь первобытной культуры приват-доцент С.-Петербургского университета Б. Э. Петри. Именно он к середине 1930 года сформировал основные научные силы и заложил фундамент для будущих исследований. К

А. П. Окладников

Г. И. Медведев

этой школе принадлежали А. П. Окладников, П. П. Хороших, Е. И. Титова, М. М. Герасимов, И. В. Арембовский и другие.

Во второй половине 40-х годов археология вошла в вузовское преподавание, последовали регулярные полевые стационарные изыскания. В 60-х гг. XX в. под руководством М. М. Герасимова и А. П. Окладникова стал формироваться кадровый состав.

На современном этапе традиции продолжает кафедра археологии, этнологии, истории Древнего мира, созданная в 1988 г. Здесь трудились и продолжают успешно работать такие ученые, как исследователь неолита Байкальской Сибири Н. А. Савельев, специалист по истории Древнего мира П. Е. Шмыгун, этнограф М. Г. Туров, археологи, этнографы А. А. Тютрин, Т. В. Алаева, Е. А. Липнина, М. В. Хандагурова и др.

Кафедру долгие годы возглавлял профессор, доктор исторических наук Г. И. Медведев, ученый с мировым именем, которого по праву считают одним из основателей иркутской школы археологии. Яркими представителями иркутской школы археологии были доктор исторических наук, профессор М. П. Аксенов и кандидат исторических наук, доцент Свинин В. В..

В рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» начиная с 2010 г. идет разработка темы «Феномен Байкальской Сибири в формировании культурного пространства Северной Азии». Археологи факультета совместно со своими коллегами из Института этнологии и антропологии РАН в 2008–2011 гг. участвовали в создании альбома-реконструкции «Лица первых иркутян». Сотрудники кафедры регулярно организуют археолого-этнографические конференции с международным участием. Широк круг зарубежных партнеров кафедры. Постоянные контакты в форме совместных экспедиций, грантовых программ поддерживаются с научными центрами Китая, Монголии, Канады, Японии, Польши, Великобритании, Дании и Норвегии.

V.

Вспомогательные дисциплины

1. «Дипломатика», историческая филателия, палеография
3. Нумизматика
3. Геральдика
4. Историческая география, картография, метрология

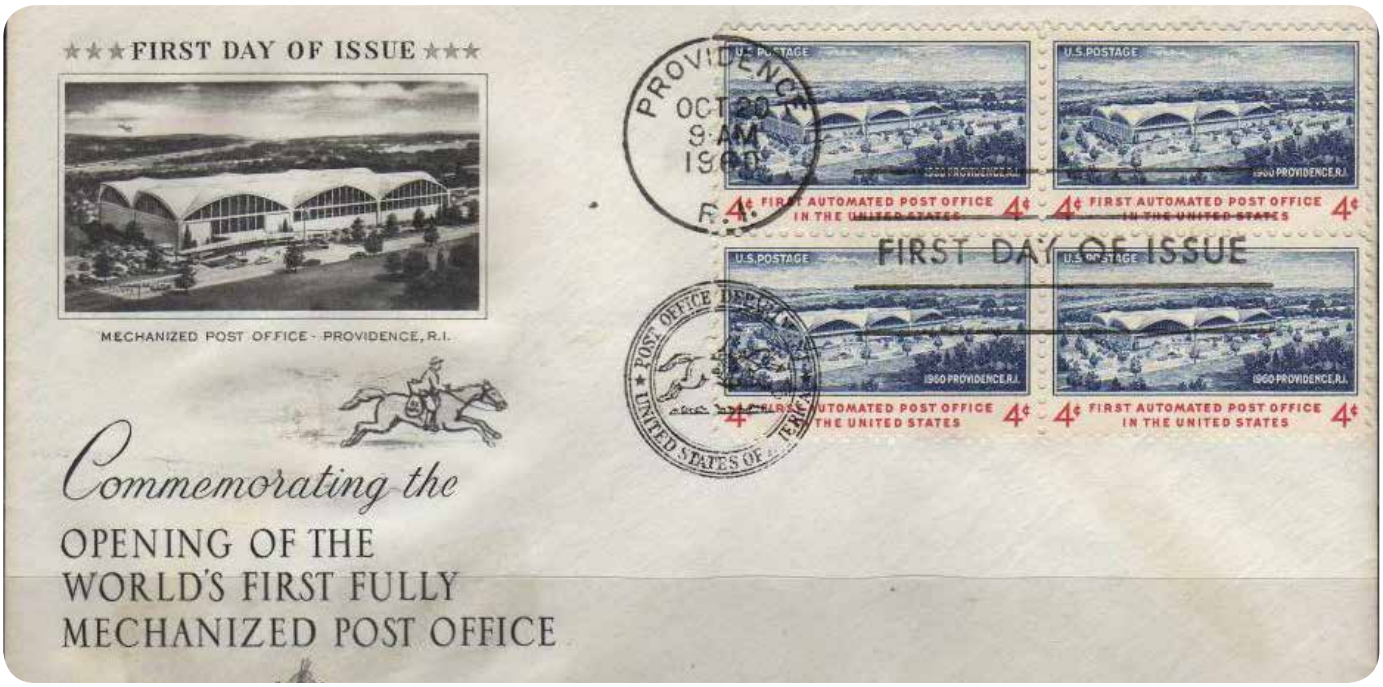
ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА.

Coronation 1911
FIRST U·K·AERIAL POST
By Sanction of H.M. Postmaster General

To His Majesty
the King
Windsor Castle

Первая карточка, отправленная на имя короля.

Въ Лондонѣ 9-го сентября начала функціонировать первая европейская воздушная почта. Письма перевозятся на аэропланахъ съ Лондонскаго аэродрома въ Виндзоръ. Однако, практической пользы отъ этого нѣтъ никакой. Карточки для пересылки съ воздушной почтой можно получать за 50 коп. только въ комитетѣ, организовавшемъ эту пересылку писемъ по воздуху, и на каждой такой открыткѣ красуется штемпель: «Первая воздушная почта Соединеннаго Королевства». Первая карточка была отправлена комитетомъ королю Георгу. Къ сожалѣнію, уже съ первыхъ же дней начались несчастья съ воздушными почтальонами. Одинъ упалъ, одна поднявшись на воздухъ, другой принужденъ былъ спуститься посреди дороги изъ-за порчи машины, и только авіаторъ Гамель благополучно достигъ мѣста назначенія.

Почтовый конверт

1. «Дипломатика», историческая филателия, палеография

«Дипломатика» исследует главным образом правовые акты. Название дисциплины пошло от слова «диплом».

Так в старину определяли юридические документы (акты, соглашения, договоры и т. д.). Было очень важным установление их подлинности, ведь речь шла о правах собственности, экономических и политических обязательствах. Дипломатика кроме того изучает (выявляет) как, где, когда были созданы тот или иной акт, договор, соглашение.

Поскольку все важные документы скреплялись печатями и подписями, возникала потребность в определении их подлинности, понимании традиций и т. п. Появилась наука сигиллография, или сфрагистика.

Близка к дипломатике историческая филателия, которая изучает знаки государственной почты, почтовые марки.

Потребность в точных датировках событий сформировала целое направление, в котором изучали бумагу, чернила, стили письма и так называемых филиграней, специальных знаков, которые ставили на различных сортах бумаги.

Наука, которая изучала древнюю письменность, называется «Палеография». Столетиями все писалось от руки. Использовались разные шрифты, языки, правила письма. Палеография поделилась на разделы. Все, что создано на папирусе, вобрала в себя папирология. Эпиграфика изучала надписи на зданиях, мемориальных конструкциях, могилах.

2. Нумизматика

Нумизматика изучает монеты и медали. Это важный источник изучения торговли, хозяйственных связей, экономики.

В Иркутске не было своего монетного двора, здесь никогда не «били монету». Но в Сибири долгое время «били монету» из «золотистой и сребристой меди». Она была разного

Сибирская монета. 1771 год

достоинства: полушечная, десяти, пяти, двух- и однокопеечная.

Чеканка сибирских денег – результат политики императрицы Екатерины II, которая объявила край царством. Всего выпустили денег на пять миллионов рублей. Запрещение чеканить монету с сибирским гербом относится к 1787 году.

В 1765 году в Барнауле был построен Сибирский монетный двор. Сырье получали с серебряных рудников медных и золотых приисков. Монеты имели хождение по всей Сибири. Судя по описаниям Петра Симона Палласа, монеты содержали в себе по большей части медь, куда добавляли золото или серебро. Как писал академик, ссылаясь на указ Екатерины II, «благоволено было, чтоб запасаемую на здешних заводах и получаемую всегда серебряную медь по внутренней оной цене и содержанию бить в сибирскую монету, которая должна была состоять в гривнах, или десятикопеешниках или грошевиках, копейках, полукопейках и четвертькопеешниках или полушках, все с сибирским геробом…»

По его же данным, выбиваемая ежегодная сумма монет равнялась 2,5 миллиона рублей.

Сибирский двор был окружен высоким острогом, у входов в него дежурил караул. Внутри монетного двора располагались щетная и угольная караульни, якорная кузница с большим молотом и двумя горнами, наковальня, слесарня, плавильня, токарное и монетное строение.

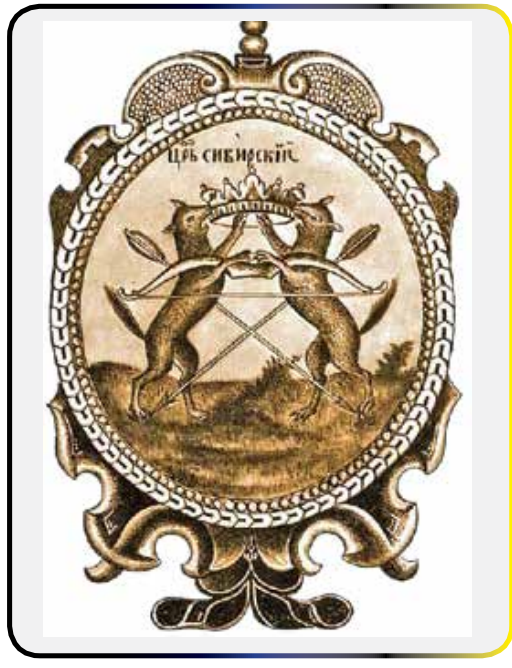
Оставил Паллас и описание монетного строения, в котором имелось четыре отделения – расковочное, плющильное, гуртильное, где «круглевички» гуртили, печатное.

3. Геральдика

Гербы и все, что с ними связано (происхождение, символика), изучает геральдика. Есть много различных определений, что такое герб. Суммируя их, можно сказать, что это условное изображение, которое предстает символом, отличительным знаком государства, города, рода и отдельного лица. В каждом гербе отражаются исторические традиции.

Геральдикой в России серьезно заинтересовались во время царствования Алексея Михайловича, основателя династии Романовых. В 1672 году был составлен «Титулярник», где

Герб «Царь Сибирский»

были изображены 33 герба земель, входивших в титул русского царя. Регламентация гербов началась при Петре I, когда была учреждена Герольдия, в чью обязанность входило составление гербов. Во второй четверти XVIII века началась работа над городскими гербами.

Каждый герб рождался по особым правилам, которые прописывала специальная герольдмейстерская контора. В числе них и такие: «Сколько давно и от какого случая или причины и от кого те городы построены, каменные или деревянные или земляные, и от каких причин, какими имянами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого сходства; и каждого из тех мест каких родов скоты, звери и птицы всем имена, а особливо где есть род какой партикулярной; и самые те места гористыя или равныя, болотныя ли или сухия, степныя ли или лесныя и плодовитым древам партикулярным наипаче какой род; какова хлеба в котором месте болши родитца; и те городы на морях или на каких озерах или реках, и как их имяновали, и в них каких родов с партикулярных наипаче рыб обилие бывает; и огородных, и полевых, и лесных овощей и всяких трав и цветов чего где больше родитца; и в которых местах какие народы живут: русския ли или татарские или иной какой нации и какова звания: и который город взят осадою или войною (задачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какие возможно сыскати…»

Иркутск свой герб получил спустя четыре года после возведения в статус города. В летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова сказано: «…Герб города Иркутска высочайше пожалован первоначально 18 февраля 1690 года, а сего представляет в серебряном поле бабра, бегущего по зеленой траве в левую сторону щита и имеющего в челюстях своих соболя. Многие у нас разумеют сказанного бабра за бобра. Бобр (castor liber) – известное земноводное животное, шкура которого ценится очень высоко; а бабр (lelis pantera) – кровожадный, сильный и лютый зверь, живет в жарких странах. Он иногда забегает в Сибирь из Китая. Шкура его светло-желтоватого цвета с чернобурыми поперечными полосами, с длинным хвостом. Этот-то зверь и изображен на гербе города Иркутска и всей Иркутской губернии».

Вид Иркутска

В основании иркутского герба – щит. Из пяти форм был избран французский. Серебряное поле – это вода. Географы и путешественники рассказывают о могучей реке Ангаре и Байкальском море. Соболь в зубах бабра – символ пушных богатств. О бабре мы уже сказали.

4. Историческая география, картография, метрология

К специальным историческим дисциплинам относится историческая география. Окружающая среда играла важнейшую роль в жизни человека. Она формировала хозяйственный календарь, специализации в занятиях – она определяла занятия тем или иным промыслом.

Близко к исторической географии примыкает и историческая картография, которая позволяет проследить, как шло освоение земель, как учитывались накопленные географические данные, как выглядели остроги, города, что входило в состав населенных мест.

Метрология изучает меры веса и длины; генеалогия – историю семейств и фамилий, ономастика позволяет раскрыть тайны имен: ее отрасли – топонимика, наука о происхождении географических названий, и антропонимика – наука о происхождении имен и фамилий.

Большое значение имеет археография – наука об изданиях источников, архивоведение.

VI.

Сибирь в древнюю эпоху

1. Древняя жизнь
2. Природно-климатические условия жизни на территории Приангарья-Прибайкалья
3. Ангара – магистральный путь миграции и освоения новых земель
4. Освоение Ангары в XVII-XVIII вв.
5. Освоение Ангары в XIX – XX в.
6. Легенды и предания о происхождении Ангары
7. Происхождение Ангары

Берег Ангары

1. Древняя жизнь

До сих пор неизвестно, кто и когда окрестил одну четвертую часть всей Азии красивым, поэтическим именем – Сибирь.

Есть версия, что пошло это название от имени народа «сыварь» или «сыбирь», который обитал то ли в Монголии, то ли в Китае, то ли на среднем Иртыше. Потом пришли новые народы – татарские племена – и покорили гордых «сыбирцев».

Сибирь имеет не только сухопутные границы, но и морские, она вобрала в себя пространство, на котором в разные эпохи возникали и исчезали цивилизации. Она стала родиной для индоевропейских, угро-финских, тюркских древнеазийских племен. А что было до этого? Что представляло собой древнейшее население Сибири во времена, когда наши далекие предки бродили по лесам, добывали рыбу в реках, изготавливали каменные орудия труда и охоты, разжигали огонь на том месте, которое мы в Иркутске называем предместьем Глазково, располагались на ночлег у реки Ангары (которая, возможно, и не имела тогда вообще никакого названия) в надежде, что следующий день не принесет им беды?

Хотя бы схематично попробуем представить себе Северную Азию послеледникового периода.

По бескрайним просторам мигрируют гиганты-мамонты, зубры, носороги, исполинские северные олени и дикие лошади. Это время ученые назвали эпохой палеолита.

Палеолитический человек Приангарья стал знаменитым на весь мир благодаря открытию крестьян села Мальта Савельева и Брилина. Однажды, копая подполье, они обнаружили ископаемые кости и сообщили об этом в Иркутский краеведческий музей. К ним прибыл молодой научный сотрудник археолог М. М. Герасимов, впоследствии крупнейший ученый, создавший методику восстановления облика человека по черепу. Раскопки на левом берегу реки Белой подтвердили предположение, что находка относится ко времени позднего палеолита. Так наука узнала о стоянке первобытного человека. А через восемь лет на правом берегу Ангары, у села Нижняя Буреть, другой молодой археолог, ставший не менее

Мамонт

известным ученым, А. П. Окладников открыл такую же стоянку.

Исследователи датировали возраст стоянок как 24–26 тысяч лет и относили их к самым ранним поселениям людей в Приангарье.

Палеолитические стоянки первобытного человека найдены археологами во многих местах, в том числе и близ Иркутска по берегам Ангары и ее притока Ушаковки, у военного госпиталя, на Верхоленской горе. Везде был обнаружен хозяйственный инвентарь доисторического времени – примитивные орудия труда: каменные и костяные предметы. Кстати, именно стоянка, обнаруженная при строительстве военного госпиталя в Иркутске в 1871 году, была одной из первых стоянок древнекаменного века, найденных в России. Известный сибирский археолог академик А. П. Деревянко писал: «Находки, сделанные в Иркутске, вызвали в научном мире много гипотез о Сибири как колыбели человечества. Авторами этих гипотез были крупные французские ученые-археологи и антропологи второй половины XIX века – М. Вагнер, А. Катрфаж, Жозеф Август де Бай. Предположениям этим не суждено было подтвердиться, но интерес к археологии Сибири в XIX веке у специалистов был большой».

Шаг за шагом наши предки осваивали плоскогорья и низменности в поисках питания. Жизнь людей этого времени была полукочевой. В Мальте, Бурети ученые обнаружили настоящие жилища – землянки. При их строительстве использовались известковые плиты, шкуры, бивни и крупные кости животных. Все это скреплялось особым образом.

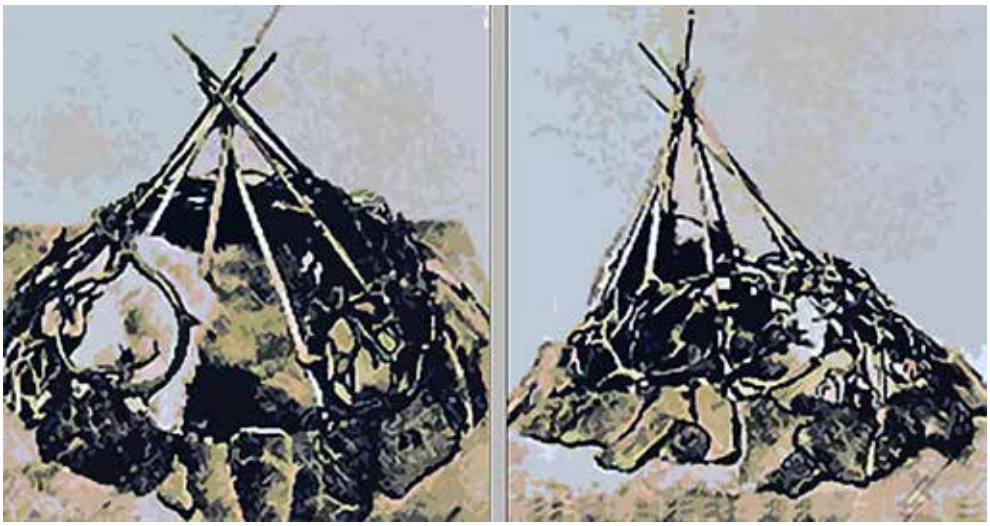
Посреди такой землянки-юрты горел очаг. Здесь собирались первобытные люди: отдыхали, готовили пищу, спали. И как знать, может быть, у этих костровищ и изготавливались художественные украшения – статуэтки из камня и кости.

Палеолит сменил среднекаменный век – мезолит. Человек той эпохи жил 8-9 тысяч лет назад. Наиболее известный памятник опять-

Раскопки в Мальте

Реконструкция жилищ стоянки древнего человека

таки был обнаружен на реке Белой. Раскопки позволили воочию увидеть основные отличия двух крупных эпох в истории человечества. Впервые были обнаружены остроги и крючковые снасти. К палеолитическим статуэткам добавились шлифованные бусы из перламутра. Потомки мезолитического пращура изобрели лук и стрелы, научились гончарному делу.

6-5 тысяч лет назад наступила эпоха неолита. Стоянки неолитического человека тоже найдены в значительном количестве в сибирской земле. Археологи обнаружили орудия труда и охоты, украшения. Когда ученые изучили топоры и скребки, долота и песты, гарпуны и наконечники стрел, они пришли к выводу, что обработка этих орудий значительно тоньше, чем в эпоху палеолита: человек неолита научился более мелкой обивке и шлифовке кремния и сланца, кварца и роговика, диорита и нефрита. Орудия охоты стали изощреннее и удобнее. К деревянной основе лука особым способом крепили костяные пластинки, и он становился грозным и удобным оружием. Острые тяжелые наконечники разили цель наповал. А из нефрита стали делать топоры. Особенность нефрита не раскалываться делала такой топор незаменимым орудием защиты и охоты. А еще неолитический человек научился плести сети и добывал рыбу в большом количестве.

Это он, человек неолита, взял красную охру и стал рисовать на скалах лосей, бизонов, стаи уток и гусей, запечатлел сцены охоты. Древние художники не только изобразили животный мир и свои отношения с ним – они «придали» ему движение, донесли через тысячелетия «живые» образы. Вот как описывает одно из таких открытий А. Я. Ковалев, много лет изучавший архитектуру и быт приангарских деревень: «Солнце садилось за горами. Последние блики его падали на хмурый камень, высвечивая древнее изображение ло-

Предметы найденные в Мальте

Наскальные рисунки на Байкале

Гигантский олень

сихи. Скоро стало темно и рисунок пропал, слился с камнем. Исследовать изображение было уже нельзя, и мы разожгли на каменном ложе площадки большой костер. Яркое пламя осветило снизу базальтовую глыбу, и лось словно ожил. В ночной темноте в бликах огня засверкали его массивная морда, горб на холке, линии стройных ног. Это было изумительно! На фоне черного базальта серебрилось изображение лося, как бы донося до нас дух тысячелетий. Лучи костра высвечивали верхний гребень желобка и оттеняли нижний. Нижнее освещение настолько полно воспроизвело фигуру лося, что видны были даже самые незаметные днем шлифованные бороздки, еле-еле ощущаемые пальцами. Колебания огня вызывали трепетные блики на камне, и изображение слово оживало.

Это открытие показалось нам многозначительным. Возможно, что отдельные религиозные ритуалы, скажем, моленье о счастливой охоте, древние совершали у изображения животного именно в ночное время при свете костров, когда в сгущенной огнями темноте рисунок зверя выступал особенно ярко. А рядом толпились люди древнего племени, обратив свои взоры к ожившему камню. Шаманы произносили заклинания, призывая богов даровать удачу в охоте, и многоголосый хор смелых людей вторил им. Кто знает, может быть, именно здесь, на этой самой гранитной площадке происходили и ритуальные танцы охотников, пиршества после богатой добычи… Великое счастье художника – вызвать своим произведением чувство сопереживания, благоговейный восторг!

Эффект от пламени костра был проверен нами и на писаницах Долгого порога. И повсюду нижнее колеблющееся освещение оживляло фигуры лосей, которые представали на одиноких блоках в полном своем величии, выглядели еще строже и монументальнее, чем днем».

Человеку неолита понадобилась одежда для защиты от непогоды, и он научился изготавливать иглы, шильца, с помощью которых сшивал выделанные шкуры. Из расколотых клыков кабана или резцов бобра стал делать украшения.

Археологи обнаружили на неолитических стоянках и глиняные остатки: именно в это время зарождалось гончарное дело.

Любопытно, что еще в 1927 году А. П. Окладникову при раскопках на ангарских островах между Иркутском и Байкалом пришлось встретиться с материалами совершенно другого облика. «Тщательные раскопки на Сосновом острове и других соседних с ним островах Ангары показали, что перед нами действительно другая, ранее неведомая

А. Окладников и В. Запорожская на раскопках

Реконструкция одежды северных племен

культура железного века, более древняя, чем та культура «курумчинцев» (курыканов), которую мы знали прежде. Это было нечто новое, существенно важное для понимания ранней истории Восточной Сибири, неизвестная прежде новая глава этой истории».

Раскопки иркутских археологов убедительно доказали, что в жизни древнего народа очень большое место занимала металлургия. А. П. Окладников сделал вывод, что обнаруженные остатки плавильных горнов могли принадлежать древнему народу плавильщиков и скотоводов раннего железного века. Он нашел, например, большое число своеобразных каменных молотов округлой формы с желобками для привязывания к рукояти. Среди изделий древних мастеров ангарских островов наиболее интересными археологам показались ножи древних форм, «напоминающие по очертаниям ножи бронзового века, огромные остроги с втулкой внизу для древка, литые чугунные или железные топоры-кельты, также в точности повторяющие по форме древние бронзовые орудия такого рода. Литые топоры с Ангары совершенно одинаковы с железными втульчатыми наконечниками мотыг и теслами древнего Китая, где очень рано (еще до начала н. э.) началось производство таких литых изделий, как топоры, и выплавка изделий из чугуна…»

А. П. Окладников предположил, что расцвет металлургического производства на Ангаре в это время может быть объяснен тем, что местные племена общались с гуннами, укрепленный форпост которых находился в долине реки Селенги, вблизи устья Иволги, около нынешнего Улан-Удэ.

Интересно, что именно в Приангарье спустя тысячелетия возникло металлургическое производство, которое по мере освоения сибирского края принимало вид заводского предприятия и носило товарный характер. Вот она, накопленная история!

В 1881 году иркутский археолог Н. И. Витковский в месте впадения реки Китой в Ангару и в 1900 году М. Овчинников в Глазковском предместье Иркутска обнаружили целые неолитические кладбища. Когда человек умирал, его клали в яму, вырытую в песке, головой на северо-восток или на юго-запад. В таких погребениях находились вещи, которые, как считали соплеменники умершего, могут понадобиться в загробном мире. Погребение покрывалось тонким слоем песка с красной охрой, яма засыпалась, и делался могильный холм. Нередко на таких холмах совершались поминальные жертвоприношения.

Открытие Н. И. Витковского – могильник в Глазково – дало имя целой культуре, которая вошла в мировую археологию как Глазковская.

Четыре тысячи лет тому назад настал энеолит – эпоха орудий труда из меди и бронзы. Первые погребения этого времени нашли снова в Иркутске, в Глазково.

Из металла делались украшения и крючки, иглы и шилья, ножи. Люди этой культуры изготавливали лодки – долбленки из цельных могучих стволов деревьев, легкие маневренные берестяные суденышки. Между племенами стали устанавливаться связи, начинался обмен орудиями труда, продуктами питания.

Разные ветры проносились над Сибирью. Народы сменяли друг друга. На место исчезнувшей культуры приходила новая. Еще не было кочевого скотоводства, еще не было земледельческой оседлости. Жизнь оставалась опасной, нередко смертельно, без общепринятых правил, но уже с наметившимся распорядком (прообразом хозяйственного календаря): сезонная охота, сезонная рыбалка, сезонные перемещения туда, где больше зверя, воды, рыбы, травы, леса...

2. Природно-климатические условия жизни на территории Приангарья-Прибайкалья

В эпоху великого похолодания Приангарье и Прибайкалье не испытали сплошного оледенения, как это случилось в Европе. Климат сформировался в этой части света как резко континентальный, с сухими малоснежными зимами. Иваньев, Л. Н., Хороших П. П. сделали вывод, что «Отсутствие сплошного ледяного покрова, сухость климата способствовали созданию в Прибайкалье своеобразных природных условий, несколько отличных от западноевропейской и западносибирской частей СССР. В то время как на этих частях Советского Союза тундра глубоко проникала к югу, доходя до Крыма и Кавказа, в Прибайкалье она расположена была значительно севернее. Южнее расстилались обширные степные пространства, поросшие высокими и густыми травами. По долинам рек и на горах росли кустарники и деревья: ивы, березы, сосны и ели. Климат был хотя и несколько холоднее, чем в наше время,

В горах Восточных Саян

но все же благоприятный для существования животных и человека».

Человек каменного века приспособился к сложным климатическим условиям, сумел выжить и войти в период позднего палеолита, когда климат стал более теплым. Известный сибирский ученый Б. Э. Петри писал: «Еще давал себя знать холод, наследие ледникового периода. Сибирь представляла собою в это время сухие травянистые степи, и только горы начали покрываться лесом. В общем, условия жизни должны были приближаться к тем, которые мы наблюдаем сейчас в северной полосе Сибири. Но дичи было изобилие. По степям и в долинах рек паслись стада зубров и первобытных быков. Тут же паслись большие табуны диких лошадей, кое-где бегали антилопы (сайга). По рекам, озерам и бесчисленным болотам водилось несметное количество лебедей, гусей и уток. По склонам гор на моховых пространствах паслись стада северного оленя, а в перелесках скрывались гигантские олени, могучие вымершие животные, похожие на сибирского марала, но гораздо крупнее его и украшенные огромными рогами (расстояние между крайними отростками – размах рогов – доходило до 3 ½ метров).

Наверное, не случайно одни из самых древних петроглифов, которые относятся ко времени границы каменного и бронзового веков – изображения на скале Саган-Забы – изображение оленя и двух лосей. Охота являлась

Наскальные рисунки на берегах Байкала

главным занятием человека в ту пору, а олень и лось – желанной добычей.

Среди всех этих животных поражал своим видом огромный сибирский носорог с двумя рогами на носу, весь обросший густой шерстью, которая его хорошо защищала от холода. Вначале водился еще мамонт, но к концу палеолита он исчез (вымер)».

Человек исстари селился у воды. В этом смысле Приангарье – настоящий водный мир. Здесь расположены исторические водные объекты – прежде всего озеро Байкал, реки Лена и Ангара, Иркут и Белая, Илим и Уда и многие другие реки и озера. Вокруг Байкала в силу разнообразия природных ландшафтов и климатических зон стали формироваться различные типы хозяйств.

Именно Байкальская Сибирь была территорией, на которой в древности происходило множество исторических событий. Эта земля знала великих героев, испытала трагедию рождения и гибели великих государств.

Лена – главная информационная, транспортная магистраль на Восток, к морям и океанам. Приленские территории, возможно, самые мирные и безопасные с точки зрения землепроходческой деятельности. Во-первых, осуществлять сплав неизмеримо легче, чем двигаться против течения. Во-вторых, малочисленность населения (прежде всего коренных народов) делала продвижение к северным морям относительно безопасным.

Приленье долгое время оставалось самой таинственной и малоизученной территорией, ибо русский первопроходец так торопился к Океану, что оставлял «на потом» речные берега. Торопливость была обоснована геополитическими соображениями, подогревалась вечным желанием быстрого приобретения богатства, мечтами о новой жизни, личным геройством и, разумеется, соперничеством.

Ангара, с точки зрения продвижения, была для землепроходцев трудной рекой: по ней приходилось подниматься вверх, против течения. Но, возможно, потому она и изучалась так подробно и тщательно. В 1675 году Спафарий описал Ангару, а в 1697 г. Семен Ремезов в «Чертежной книге Сибири» показал реку с мельчайшими подробностями. Потом были академические экспедиции, устройство на Ангаре первого астрономического пункта.

Ангара была главным путем в Европейскую Россию и, соответственно, требовала иного подхода в освоении, чем водные пути

Берег Байкала

Река Ангара

Севера. Утверждаться на открытых огромных землях Приангарья с его илимскими пашнями, степными пространствами стали испытанным способом – здесь начали ставить остроги, которые по истечении времени переходили в разряд городов. Они превратились в оборонительную линию для всей Байкальской Сибири. Товарное земледелие, развитие ремесел, расцвет судоходства находились под защитой оборонительных острогов – протогородов. В будущем, перейдя в разряд городов, они сыграют выдающуюся роль в развитии аграрного полиса Приангарья. Перед нами уникальный процесс, когда индустриальная история складывалась не на эксплуатации сельского хозяйства, а в определенной степени наоборот. Отложенная история! По мере развития аграрного сектора нагрузка на индустриальный будет снижаться, что позволит активно подниматься и городу, и деревне.

3. Ангара – магистральный путь миграции и освоения новых земель

Почему Ангара получила именно такое имя – ясности нет. Существующие гипотезы о его происхождении противоречивы, а версий много. Например, возникновение названия связывается со словом «ангар», которое в переводе с монгольского означает «щель, трещина, расселина». С бурятского «ангар» переводится примерно так же – «рот, ущелье, открывать, раздвигать». Есть предположение, что это название имеет эвенкийское происхождение.

Исток Ангары находился во внутреннем море – Байкале. Впадала Ангара в Енисей, который к тому времени был неплохо освоен первопроходцами.

«Подведение сибирских инородцев под высокую царскую руку». Худ. Н. Н. Каразин

Россиянин никогда не стремился порабощать другие народы, как это делали англичане, испанцы, голландцы, португальцы, французы и многие другие европейские государства. Новые народы добровольно входили в состав Русского государства и оказывались включенными в государственную жизнь России. Многие получали должности, титулы, звания. Идея «Земля от края и до края» другим путем была просто неосуществима, да и, пожалуй, неприемлема.

Присоединение Приангарья проходило с минимальными военными действиями и ни в какое сравнение не шло с чудовищным кровопролитием и истреблением людей в Латинской Америке, на африканском континенте, в Индии… И. И. Серебренников писал, что «…без особых усилий было подчинено русской власти тунгусское население по р. Лене (в пределах нынешнего Киренскаго уезда) и ее притоках Киренги и Витиму, а также по р. Н.-Тунгуске, Илиму и Верхней Ангаре. Сообразно сему шло и заселение края мирным элементом: пашенными крестьянами и посадскими людьми. Сравнительно легко и свободно пошло сразу же заселение долины реки Лены, от устья Куленги и вниз, и ее больших притоков; то же самое необходимо сказать про долину реки Илима и В. Ангары. Более осторожно шло заселение Верхоленского края и Приангарья, в особенности в стороне от Лены и Ангары, так как здесь русским поселенцам некоторое время все еще приходилось опасаться соседства с немирными туземцами, долгое время отказывавшимися признавать над собою власть русских».

И в Приленье, и в Приангарье имели место кровавые стычки, угрозы, конфликтные ситуации между землепроходцами и «братскими», «немирными», «лесными» народами. Но это не было то масштабное истребление народов, какое испытали страны от европейских колонизаторов. Русский первопроходец шел не порабощать и грабить, а договариваться и действовать совместно в интересах общего государства, в интересах своего дела.

Такое постоянное занятие «своим делом» создавало почву для спокойного развития производящих отраслей – земледелия и скотоводства – и для сбалансированных отношений

Селенгинские буряты

народов. Места хватало всем, традиционные производства не пересекались, сакральные области не подвергались агрессии. Каждый этнос сохранял свой хозяйственный календарь, который складывался веками. Лучшими скотоводами, безусловно, являлись кочевые народы, земледелие оставалось за русскими поселенцами, ремесла, как подсобные отрасли, заполняли стыки между важнейшими продовольственными кластерами. Но! Коренные народы, как правило, продовольствие производили в основном «для себя» и что-то для обмена. Оно не было товарным. Русские же были поставлены в условия производства в объемах, необходимых для потребления «по всей» Лене, Ангаре и далее, где обосновались поселенцы. Кроме личного потребления все время приходилось думать о государственном «заказе», чтобы «накормить» всех вокруг. Присоединенных земель становилось все больше и больше, соответственно, населения тоже. Общественное равновесие, которое стало возможным благодаря территориальному пространству, отсутствию агрессивной информационной среды, явилось в итоге причиной возникновения разнообразных маршрутов «в» / «через» Приангарье и, разумеется, «из» него на запад и восток.

Все вместе это способствовало увеличению числа походов русских служилых людей на Ангару, которая стала магистральным путем для миграции и освоения новых земель. Освоение шло постепенно и в несколько этапов.

4. Освоение Ангары в XVII-XVIII вв.

Освоение Ангары русскими отрядами началось в 20-е гг. XVII в. из Енисейска. Инициативное движение подкреплялось постоянно растущей потребностью в «мягком золоте» – пушнине. Пушнина становилась конвертируемой валютой, которая требовалась империи.

Хронологически календарь ангарских «экскурсий», вероятно, следует начинать с легендарного Пенды, который в 1620-1623 гг. совершал многочисленные походы в Приленье и Приангарье. В районе современного Балаганска он вышел к Ангаре.

В декабре 1623 года енисейским служилым людям Ждану Козлову, Василию Лодыгину и Арсению Иванову была вручена наказная память о походе в Братскую землю для того, чтобы склонить тамошних жителей к вступлению в российское подданство. В том же году енисейский воевода послал атаманов Дмитрия

Памятник Пантелеймону Пянде

Памятник Максиму Перфильеву

Памятник Петру Бекетову

Фирсова и Василия Алексеева во главе отряда из 40 служилых на кочах вверх по Ангаре, «дабы испытать, не возможно ли на живущих там бурят возложить дань…»

В 1625-1627 году в Забайкалье по Ангаре из Енисейска отправились В. Тюменец и М. Перфильев. Между первопроходцами и бурятами состоялся информационный обмен: казаки рассказали бурятам о России, царе, о своем походе, кочевники, в свою очередь, – о своей земле, о том, кто живет на ней. Знакомство, судя по всему, проходило мирно и дало положительный результат в первую очередь первопроходцам, поскольку Максим Перфильев впоследствии доносил в столицу, что брацкие люди хотят платить ясак, торговать со служилыми людьми и, соответственно, поклониться большому царю.

Но так было не всегда. Нередко служилые «сшибались» с местными племенами. Им приходилось сталкиваться с «немирными» тунгусами, которые оказывали, как могли, сопротивление при строительстве Маковского и Енисейского острогов. Не желал идти на мир и князец Тасей.

В 1627 году уже сорок человек во главе с Максимом Перфильевым поднимались вверх по Ангаре. Была им поставлена задача достичь бурятских стойбищ, что они и сделали с успехом. Правда в подданство обратить бурят не удалось, но очное знакомство состоялось и закончилось миром, что уже само по себе было хорошим знаком. В 1628 г. через Илимский волок на Лену прошел В. Бугор. В том же году Петр Бекетов с тридцатью казаками преодолел ангарские пороги и оказался на реке Оке, где ему удалось убедить бурят признать власть русского царя.

В 1629 году на Илиме оказался Иван Галкин. Как известно, им было поставлено первоначально зимовье, которое получило имя Ленский волок, впоследствии переименованное в Илимский острог. В том же году отправился вверх по Ангаре Яков Хрипунов, который дошел до устьев Оки, «где выдержал нападение больших скопищ бурят (вскоре после этого умер)». Шел он на 20 судах вверх по Ангаре для поиска серебра в «брацких землях». К отряду был прикомандирован специальный «плавильщик и литейных дел мастер» Иван

Курбат Иванов

Памятник Вихорю Савину

Репа, взятый из московской оружейной палаты. Именно в это время, по мнению историков, было совершено первое покушение на жизнь русских со стороны бурят – убили казака Вихоря Савина. Впоследствии одну из рек, впадающую в Ангару, назвали по его имени – Вихоревка.

В 1630 для закрепления за Россией «брацких земель» из Енисейского острога направляется отряд М. Перфильева.

Не всякий поход считался успешным. Знакомясь с многочисленными попытками первых десятилетий изучения и освоения Приангарских земель, можно сделать вывод, что удачным считался тот, который принес короне новых подданных, хороший ясак, важные новости о соседях, пограничные известия. Верхом результативности следует признать строительство ясачных зимовий и острогов, из которых вырастали центры постоянного жительства с универсальными функциями. В таких центрах формировалось управление присоединенными землями, кадровый костяк для будущей административной единицы, создавался оборонительный рубеж, заводилось хозяйство, по большей части тоже универсальное, с доминированием того или иного рода хозяйственной деятельности в зависимости от климатических условий, навыков населения: пашенное земледелие, добывающие промыслы, кустарные…

Итогом многих трудных лет «хождений» по ангарской земле стало строительство в 1631 году Братского острога.

В 1631 году Максим Перфильев доложил енисейскому воеводе о завершении постройки Братского острожка «в двух плесах у брацкого порогу Падуна в Кондогоновых улусах на полднище ходу до устья Оки». По словам атамана, острожек был укреплен «всякими крепостьми».

Судя по источникам, между 1631 и 1634 годом крупных походов в Приангарье не наблюдалось. Только в 1634 году к Падуну «на царскую службу» в «брацкий острог» направлен отряд во главе с пятидесятником Дунайкой Васильевым. Судьба отряда оказалась сложной. Летом 1635 г. Гаврилов Лапа сообщил в Енисейск страшную весть, что «брацкие князцы Кошугун да Кошугур со своими улусными

Башня острога в Бельске

людьми, пятидесятника Дунайку Васильева сотоварищи, пятьдесят двух человек побили, пищали и зелье к ним поймали», а двух человек, посланных в Енисейский острог «с отписками, тунгусы на дороге пограбили, и они от того грабежу на дороге позябли, а острожек сожгли».

В 1636 г. отряд служилых людей под начальством Николая Радуковского поставил острог на правом берегу реки Оки близко от «брацких юрт, летних жировищ и сенных их покосов».

В 1638 г. из донесения стольника Петра Головина енисейскому воеводе следует, что «…по Ангаре и по Оке рекам мочно и пашня завесть, и те землицы мочно привести по государеву царскую руку в вечное холопство не многими ратными людьми, двумяста человек, с ношенным боем, а болши де того людей ненадобно…»

А вот известие 1644 года. Енисейский воевода Сила Аничков посылает Ивана Похабова с тридцатью служилыми в Братский острог

Волок. старинная гравюра

для ясачного сбора и «прииска новых земель». Похабов ясак собрал с прибылью «перед своею братьею» – прежними приказными людьми. Кроме того, он «круг старого острожку новой острог поставил» и сделал новые надолбы и рвы, потому что старый острог «был мал и худ». Поставив новый, более крепкий и основательный острог, Похабов с отрядом двинулся вверх по Ангаре.

В 1649 г., по мнению П. А. Словцова, произошло важное историческое событие для Приангарья: «…Для содействия овладения между Ангарой и Леной открыто в 1649 году Илимское воеводство, простиравшееся от Чечуйского зимовья до вершины Лены, с зависимостью от Якутска». И неважно, что Якутск от Илимска далеко-далече. Главное, что Приангарье получило новый административный центр, который потянул за собой создание местной бюрократии, отныне производившей многочисленные распоряжения. Для центральной власти это обернулось потоком понятной и обширной информации. Знания – помощь и аргумент для дальнейшего освоения новых территорий. И вот первый итог: в 1650 году начались земледельческие опыты. Земля около Братского острога представлялась прекрасным местом для хлебопашества. Так начиналась великая история Илимской пашни, которая кормила не только Иркутскую губернию, но и поставляла хлеб на многие сибирские и российские рынки.

Чертеж земли иркутского города Ремизова

В 1654 году казаки поставили Балаганский острог. Предначертаны там были оборонительные дела и еще, конечно, сбор ясака, работа на земле.

Не обошлось и без знаменитого первопроходца Курбата Иванова. В 1641–1650 гг. он совершил несколько удачных экспедиций и в итоге описал для государя много интересного: Байкал, первооткрывателем которого считается, информацию о собранных соболях и здешних людях, подведенных под государеву руку.

И уже во времена русского царя Алексея Михайловича Романова накопленные сведения начинают обобщаться: «А от Енисейского острогу вверх по Енисею реке до усть Тунгуски реки ходу 2 дни, а по Тунгуске реке вверх же до Нижного Брацкого острогу ходу 12 недель, и потом по Тунгуске реке и пороги; а с усть Илима реки тоже по реке зов. Ангара. А от Нижнего Брацкого острогу и от уст Оки реки вверх по Ангаре реке до Балаганского острогу ходу 2 недели. А от Балаганского острогу до Иркутского острогу же по той же реке по Ангаре ходят недели по 2. А от Иркутского острогу вверх по Ангаре реке до Байкала озера доходят за неделю. И на той Ангаре реке город».

Казалось бы, всего несколько предложений в документе под названием «Чертеж всей Сибири…», сделанном в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича. Но чтобы написать все это, потребовались десятки лет ежедневно многотрудной, вне всякого сомнения, опасной жизни сотен первопроходцев. И последующая информация восходит к «Чертежу». В «Описании Сибирского царства» читаем: «От Генесейского *(Енисейского – С. Г.)* острога вверх Ангарою рекою стругами ходу до Брацкого острога 4 недели. Вверх от Брацкого острога по той же реке Ангаре до Балаганского острога ходу 6 недель. Река Унга великая река, Иркут река и иные реки пали устьем в Ангару реку. От Балаганского острога ходу водою вверх до Иркутцкого острога 5 недель. От Иркутцкого острога до моря Байкала ходу тоже 5 недель.

Д. Мессершмидт

Иоганн Георг Гмелин

Ангара река великая вышла из моря Байкала; а по Ангаре реке пороги зело страшные: запасы и товары, вверх идя и на их пловучи, на себе обносят – иной порог 4 поприща, а иные по 2 и полтора поприща».

Поскольку информация чаще переписывалась без особой проверки (да и как можно было проверить?), прибавляясь к уже услышанному, то неточности не были редкостью. 5 недель от Иркутского острога до Байкала – это уже слишком даже для сибирского XVII века!

В 1692 году в Париже вышла книга французского иезуита Филиппа Авриля о Сибири. Шпион по факту, он не прошел мимо Ангары. Она впечатлила его, и он называл ее огромной рекой.

К 1689 году относятся строки, оставленные другим иезуитом, Жаном-Франсуа Жербильоном, дипломатом и путешественником: «Примерно в 10 лье от озера, вниз по реке встречают другой острожек, который зовется Иркутское, по имени небольшой реки, впадающей в этом месте в Ангару. Оттуда в девять или двенадцать дней достигают Енисейска; это село, выстроенное московитянами на реке того же имени…

…Продолжаю спускаться по Ангаре, течение которой, как я уже сказал, чрезвычайно быстрое и где множество скал, между которыми, однако же, барки могут пройти. Коль скоро ими управляют местные жители на расстоянии около полулье к югу от города Енисейска, река Ангара впадает в Енисей; в этом месте она имеет не менее лье в ширину».

В 1725 году в Иркутск после долгого путешествия прибыл Д. Мессершмидт. Путь по Ангаре занял у него три недели. Из Иркутска он следовал в Енисейск. Мессершмидт определил длину Ангары, произвел съемку, сделал первое описание речных порогов.

В это же время (1725–1730 гг.) геодезист П. Чичагов работал над первой инструментальной съемкой Ангары.

Свой вклад в изучение Ангары и прилегающих к ней земель внесли студенты Петербургской академии наук и геодезисты, которые работали в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Они были помощниками профессоров Миллера и Гмелина. Так, студент-переводчик И. Яхонтов описал путь профессорских отрядов. Труд его «Описание водяного пути по рекам: Ангаре от

П. Паллас

С. П. Крашенинников

города Иркутска вниз, Тунгуске и Енисею до г. Енисейска» был очень востребован во всех последующих экспедициях на восток.

Немало любопытных сведений об Ангаре оставил и студент С. П. Крашенинников. Он, кстати, также участвовал в знаменитых экспедициях Витуса Беринга, и его книга с описанием Камчатки получила мировую известность. Путешествуя по Ангаре, Крашенинников оставил интересные замечания в своем «Дневнике путешествия. 1734–1736 гг.». Он описал, в частности, ангарский ледостав, причину наводнений, которые топили Иркутск и его окрестности.

В сентябре 1739 г. по заданию академиков Гмелина и Миллера студенту Скобельцыну было поручено ехать по Ангаре до Илимска с целью составить карту этого района, а студенту Шетилову сухим путем пройти в том числе с Уды по Ангаре до деревни Подволошиной.

Среди тех, кто изучал Ангару, упомянем А. Радищева, который волею судеб отбывал сибирскую ссылку. 29 октября 1791 года писал он в одном из своих писем: «…Самое красивое здесь – река, окружающая город *(Иркутск – С. Г.)* с двух сторон. Из всех рек, которые мы переезжали, не исключая и Чусовой, впадающей в Урал, Ангара самая быстрая и по причине быстроты своей очень поздно покрывается льдом. Не знаю, следует ли верить тому, что здесь рассказывают о том, как образуется лед на ее поверхности; уверяют, что на дне реки образуется нечто вроде снега или оледенения, которое затем подымается на поверхность и превращается в лед. Сие явление совсем особенное, и объяснение оного весьма затруднительно».

В другом письме, датированном 14 ноября 1791 года, он вновь обращается к реке: «Так как Ангара покрывается льдом лишь в начале января и так как дорога становится проезжей лишь в конце того же месяца, нам придется, чтобы теперь отправиться в Илимск, ехать по большой Якутской дороге, а вдоль Лены – более 500 верст. Это большой крюк, но ничего другого сделать нельзя. Следуя по этой дороге, нам придется проехать, примерно 900 верст до Илимска, меж тем как по Ангаре там всего 560 верст».

Различные сведения об Ангаре оставили также П. Паллас и А. Мидеендорф.

Как видим, к концу XVIII в. был накоплен

определенный объем сведений о Приангарье и Ангаре. Появились географические описания территории в целом и отдельных ее районов. Ангара, которую рассматривают как важный путь в западные районы России, стала объектом пристального изучения.

5. Освоение Ангары в XIX – XX вв.

Изучение реки продолжалось и в последующее время. Большинство экспедиций на Ангару в XIX было так или иначе связано с исследованием порогов, которые являлись главным препятствием для развития судоходства на всем протяжении реки. Пароходовладельцы, золотопромышленники, горнозаводчики посылали инженеров и геологов, иных специалистов, чтобы получить ответ, как улучшить судоходство.

И. Черский

А. Чекановский

Одна из ранних экспедиций, предпринятая в 1813 году, практических действий по улучшению судоходства не принесла. В 1853 году совершено было исследование порогов по поручению одного из гамбургских купцов. А в 1858 г. ангарские пороги были описаны поручиком Рашковым. Кроме того, в литературе сохранились упоминания об экспедиции Д. Романцова в 1863 г. Тогда же изучением Ангары занимался Н. А. Пашковский: он изучал все, что касается сплава по реке хлеба, чая и спирта, а в 1875 г. стал участником экспедиции барона Аминова и Чалатьева.

В 1870 году путешествие на Ангару предпринял П. Ровинский. В сообщении, сделанном на одном из заседаний ВСОРГО в Иркутске, он указал, что «специальною целью было предварительное знакомство с ближайшими к Иркутску ангарскими порогами, чтобы впоследствии можно было проектировать экспедицию для полного исследования всех их в видах возможности сделать Ангару хорошим водяным путем и связать посредством ее, Енисея и Чулыма систему вод Восточной Сибири с Западной».

Упомянем о чиновнике высокого ранга Семивском, который в своих работах о Вос-

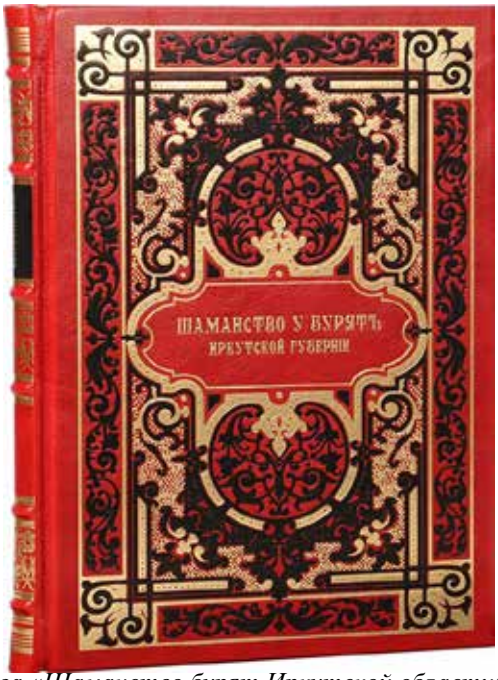

Карта реки Ангары

точной Сибири описал реку Ангару, упомянем путешествия И. Черского, А. Чекановского, П. Яворского и В. Обручева, Н. Витковского.

Одну из своих поездок в 1877 г. Черский посвятил исследованию границ и размеров черноземной области в Балаганском округе между реками Белой, Унгой и Ангарой. В итоге исследователю удалось определить площадь черноземной полосы. Она составила 400 000 десятин.

Этим же летом в Балаганский район совершил поездку Н. Агапитов для описания черноземных земель в Балаганском и Иркутском округах. Попутно он собирал материал о флоре степной части Иркутской губернии. Исследователь отметил особенности черноземов в Иркутской губернии и сравнил их с российскими плодородными землями: «Считаю не безынтересным указать на свойства чернозема вообще и сибирского в особенности. Под черноземом в России разумеют плодородную почву черного цвета, легко рассыпающуюся в пыль в сухое время и превращающуюся в липкую грязь во время дождей. В черноземе Иркутской губернии способность превращаться в мелкую пыль и даже раздуваться ветром народ подметил и результат наблюдения высказал в характерном имени «пыхун». Пыхун распространяется по возвышенностям, «по буграм» и в понятии населения пыхун отличается от «чернозема», приурочиваемого к падям. Почему в одном из местных названий чернозема подмечена и указана только способность превращаться в пыль, а не другое свойство – обращение в липкую грязь? Первое качество наблюдается гораздо чаще, ибо дожди, хотя и совпадают с летним временем, но бывают непродолжительны; во-вторых, чернозем, и преимущественно пыхун, располагается по возвышенностям (имеет кроме того нередко

Книга «Шаманство бурят Иркутской области»

под почвою глину), с которых дождевая вода быстро сбегает в пади, а из них в ручьи и речки. Таким образом, верхние слои почвы освобождаются от застоя воды; местное население считает чернозем почвою легко высыхающею и противополагается в этом случае глине; в связи с последним отличием чернозема находится и сельскохозяйственное значение обоих родов почв; только в сырое лето с пыхуна получается хороший урожай, напротив, в случае засухи лучший урожай дают тяжелые глинистые земли».

Агапитов считал, что именно богатые черноземом почвы Балаганского округа способствовали процветанию таких населенных пунктов, как Мальта, Черемхово, Кутулик, Залари, Тайтурское, Узко-Лужское, Гымыльское, Иретское, Бельское, Верхне-Булайское, Холмогойское. «В каждом из них население превышает 1 000 душ. Земледелие, возделывание хлебных растений составляет единственный источник благосостояния; собираемый хлеб перемалывается на ближайших мельницах и уже смолотый поступает в продажу…»

Подчеркнем еще одну особенность, подмеченную Агапитовым. В отличие от многих

Берег Ангары

российских земледельческих районов, урожаи в Балаганском округе продавались исключительно после помола – зерно в цельном виде на рынок не поставлялось. Объяснение достаточно простое: обилие водяных мельниц позволяло делать помол достаточно дешевой операцией. Потому помол был выгоден земледельцам, поскольку давал дополнительные доходы.

На левом берегу Ангары, на горе у деревни Усть-Тальцинская, Н. Н. Агапитов обследовал и описал городище: «Городище это имеет два вала – внутренний замыкает пространство с трех сторон, при длине стороны в 30 сажень, оставляя не защищенной сторону, обращенную к чрезвычайно крутому левому берегу Ангары; в середине помещается группа больших камней, расположенных также по трем сторонам четырехугольника, оставляя небольшую площадку в одну или две квадр. сажени в центре; камни в двух углах еще лежали по два один на другом; самый большой камень был в длину 5 ½ фута, при толщине в 1,5 фута; камни состояли из песчаника, взятого из самой горы, представляющей хорошее обнажение крупнозернистого твердого песчаника на стороне, обращенной к Ангаре; такие же плиты песчаника служили основой для валов. …Камни в центре городища можно принять за остатки жилья; внутренний вал окружался другим внешним валом, направлявшимся дугой вокруг перво-

Река Иркут в Тункинской долине

го и упиравшимся обоими концами в крутой и обрывистый высокий берег Ангары; в этом валу был проход в 17 сажень на стороне, обращенной к Унгинской степи».

Н. Н. Агапитов впоследствии привлек к работе известного бурятского писателя, ученого и общественного деятеля Г. Хангалова. Ему удалось собрать коллекцию черепков и каменных орудий. На верху горы нашли разные предметы хозяйственного инвентаря, в том числе ножи и кресты. Агапитов после осмотра памятника предположил, что относится он ко времени появления здесь русского человека.

Контур основания жилища

Контур основания жилища из плиток песчаника, в центре—очаг

захоронение плиточной культуры

Несколько археологических сезонов на Ангаре (1880–1882 гг.) провел Н. Витковский. Подсказку, где вести раскопки, дали старожилы. Они рассказали исследователю о земляных буграх, где на поверхность вышли остатки захоронений. Бугры находились в местности, которую старожилы называли «Ярки». «Окрестность представляет сплошную низменную равнину, простирающуюся от р. Ангары по долине… Более возвышенные места этой равнины распаханы, остальная площадь представляет или сенокосные луга, или небольшие пролески из мелкого березняка и сосны, между которыми изредка попадаются огромные стволы лиственницы.

Говорят, что лет 150 тому назад здесь был очень хороший строевой лес, что подтверждается и множеством изгнивших пней значительной толщины, встречающихся почти повсеместно. Во время рекостава при высоком уровне Ангары низменность покрывается водою на большое расстояние, остаются свободными только возвышенности.

На одной из таких возвышенностей, подымающейся сажени на 4 над летним уровнем воды в Ангаре, находится курган, хотя название это вряд ли применимо в данном случае, так как место погребения не представляет в настоящее время и следов искусственной насыпи.

Этот курган местные жители называли

Похмельный порог на р. Ангара

«Щёки» на Ангаре

«Мунгальской могилой», предполагая, что там захоронены монгольские воины… Кроме того, здесь были обнаружены нефритовый шлифованный топорик, кусок необделанного нефрита, три гарпуна из кости, украшения из клыка кабана, два наконечника стрел из яшмы и амфорного кварца».

В 1880 г. совершил поездку по Ангаре В. И. Вагин. Он детально описал свои впечатления от путешествия.

К 1885 году относятся исследования В. К. Златковского с целью геологического изучения Нижнеудинского округа (поездка его началась от д. Бархатово на Ангаре до д. Бельской на реке Белой) и Н. И. Витковского (археологические и этнографические исследования в верховьях реки Куды).

В 1888 г. научную поездку по Балаганскому округу совершил Я. П. Прейн. Он был командирован генерал-губернатором Иркутской губернии А. П. Игнатьевым для проведения почвенных и ботанических исследований. Список растений, собранных путешественником, составил 329 наименований.

В 80-х – 90-х гг. XIX в. более активно начали использоваться возможности Ангары как транспортной артерии, и с этого времени повысился интерес исследователей к гидрологическим изысканиям. Ученые и любители стали формировать базу данных о температуре воды, колебаниях ее уровня, особенностях фарватера, порогах и т. д.

Разумеется, Ангара требовала специальных гидрографических изучений. В 1887–1889 гг. экспедиция под руководством М. Чернцова сделала первое полное гидрографическое исследование Ангары. Так появился «Атлас реки Ангары».

В 1894–1899 гг. было предпринято, возможно, самое крупное предприятие по исследованию судоходства на Ангаре. Итогом его стала записка «Об исследовании реки Ангара», созданная на основе фактических материалов, собранных в ходе экспедиций.

В начале 90-х гг. XIX в. на Ангару командировали инженера Е. З. Новаковского для проведения изысканий нового сухопутного тракта от Ангары, ниже Шаманского порога, к Усть-Куту на Лене. В самый разгар работ появился проект киренского купца И. С. Дружинина, который предлагал иной вариант, более короткий: с Ангары от села Савина Кежемской волости до села Верхне-Марковское на Лене. По сведениям, которые он собрал у киренских крестьян и инородцев, этот путь сокращал расстояние на 300 верст!

Считается, что первое «проплытие» Падунских порогов на паровом катере относится к 1883 г. У суденышка было известное для края имя – «Сибиряков». Александр Михайлович Сибиряков, купец-миллионщик, являлся активным сторонником превращения Ангары в сплошной водный путь. Год за годом он выделял средства для ее изучения и освоения. В

Падунский порог

Шаманский порог

особенности активизировалась работа в конце 90-х гг. XIX в. в связи со строительством среднесибирского участка железной дороги и доставкой грузов из Красноярска в Иркутск водным путем, более дешевым и быстрым. В 1895 году активно велись работы в Татарском быке, а в Татарской шивере они были завершены; то же самое можно сказать и о Брянской, Кашиной шивере. «Восточное обозрение» сообщало, что «пароход уже три раза прошел здесь полным ходом, нигде не задев дно и в третий раз приведя с собою баржу».

Известно, что летом 1883 г. на Падунском пороге работал инженер Руненберг. Чтобы обеспечить более-менее безопасный проход судов в обе стороны, им был предложен вариант расчистки русла Ангары в этом месте или строительство обводного канала. Канал должен был пройти по землям здешних крестьян, на что последние ответили: «Пускай

Падунские пороги

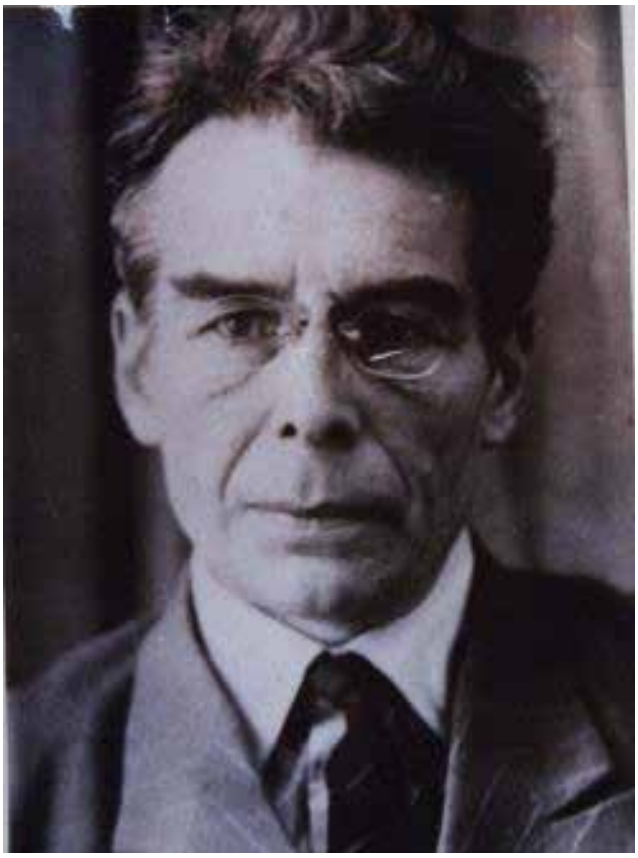

Государь освободит все наше селение со всем потомством от податей и всех повинностей на столетия вечные, а без этого мы не отдадим пашни».

Планы строительства обводного канала возникали постоянно. Спустя три года Падунский порог исследовал известный сибирский путешественник А. Л. Чекановский. Итоги своих работ он передал И. Д. Черскому, который отправлялся на экскурсию в эти места. Черский отбывал здесь ссылку, и ему разрешили проводить геологические исследования равнины Ангары. Они были столь глубоки, что их использовали в период строительства Братской ГЭС.

В 1911 г. археологическими исследованиями на левом берегу Ангары при впадении в нее реки Китой занимались известный иркутский археолог М. П. Овчинников и издатель журнала «Сибирский архив» А. Линьков. «Насыпанные курганы на могилах и сложный обряд погребения наводил на мысль, что здесь похоронены не случайные кочевники; к тому же число могильников было значительно свыше десяти, значит это было более или менее постоянное кладбище определенных поселений неолитического человека. На поиски этих поселений мы и отправились…», – писал последний в одной из своих статей-отчетов.

Выше селения Усть-Балея А. Линьков занялся осмотром береговой линии. «Вскоре же мне попались на глаза глиняные черепки посуды с характерным орнаментом неолита; за-

В. Н. Шерстобоев

тем я нашел хорошо обделанный кремневый скребок и осколок лямы. У меня уже больше не было сомнений, что здесь находится становище первобытного человека…

…Начиная почти от самого Усть-Балея (главным образом от места, где грузятся на барки дрова), на протяжении двух верст, я находил следы существования первобытного человека в виде хорошо обработанных кремневых скребков. Кроме того, я нашел обломок нефрита с прекрасной шлифовкой; быть может, это обломок каменного топора; затем обломок кремневого дротика (или наконечника копья) тонкой работы и обломок каменного долота из нефрита со шлифовкой; много осколков нефрита и черепков глиняной посуды с разнообразнейшим орнаментом…»

В числе исследователей Ангары упомянем И. И. Воротникова, которого считают одним из первых братских краеведов. Его работы «Описание Братской волости», «Братский острог Иркутской губернии Нижнеудинской

Берег Ангары

волости», статьи об ангарских порогах, Николаевском заводе, истории Братского острога и по сей день используются в качестве пособий для изучения родного края. Отдадим дань уважения и М. Е. Карпову, создателю первого в Братске музея в 1913 г.

Масштабные исследования на Ангаре проводил А. П. Окладников, известный археолог, впоследствии академик. В 30-х годах XX в. он изучал наскальные рисунки у порогов Долгий и Ермаковский. Затем последовали экспедиции 50-х годов. Итогом многолетних исследований стали работы, посвященные петроглифам Ангары.

В числе особо интересных работ по истории Сибири и Приангарья выделяется двухтомник В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня». Такого подробного исследования по истории земледелия и хозяйствования в сибирской историографии, пожалуй, нет по сей день. Основной вывод о выдающейся роли сибирского пашенного крестьянства в освоении Сибири, о том, что именно сельскохозяйственное освоение стало стержнем экономического развития Сибири, был смелым для того времени.

Даже этот короткий рассказ об истории изучении Ангары свидетельствует о том, какую роль играла эта река в жизнедеятельности Приангарья, и какую роль предначертано было играть ей в настоящем и будущем.

Пристальное внимание к Ангаре и постоянные исследования вполне объяснимы. Приангарье было не только хлебной житницей края, но и главным путем из России в Сибирь и обратно. К этому следует прибавить активизацию в разные годы китайского торга, а также строительство Транссибирской магистрали.

6. Легенды и предания о происхождении Ангары

Историческая река не может не иметь собственных легенд и преданий, в том числе о своем происхождении. Один из таких прекрасных рассказов записал выдающийся фольклорист Л. Е. Элиасов. Он называется «Как появилась Ангара».

«Было это очень давно, так давно, что тех древних людей, которые тогда жили, сейчас и в помине нету. Вся Сибирь была покрыта льдом, и те люди бродили только по маленьким островкам и кое-как находили себе пропитание. Потом льды стали таять, островков появилось больше, постепенно они начали соединяться, и получилась большая земля.

Год от года в Сибири становилось теплее, холода все дальше к Ледовитому океану отступали, и люди почувствовали большое облегчение. Раньше они ели только одну рыбу, которая водилась в озерах между островками, а теперь после ухода льда размножились звери и птицы, и человек стал привыкать к мясу.

Посреди Сибири в большой котловине появилось море, прозванное Байкалом, и это море стояло в своих берегах. Никому оно своей воды не давало, и к нему не подходила ни одна речка.

Скучно стало морю, тоска его начала грызть: ни днем ни ночью словом перемолвиться не с кем. Какая же это жизнь, одинокому, скалы и те рядышком растут, им и то веселее. Тосковал, тосковал Байкал, начал силы свои терять и сохнуть. А в это время в горах накопилось много воды. Много лет таяли лед и снег, и вода никуда не уходила. И той воде тоже надоело стоять на одном месте. Но вот случилось землетрясение, вода с гор и гольцов прорвалась к Байкалу и подняла его высоко-высоко. Вода размыла горы и наделала много падей, и с тех пор потекли по ним речки и ручьи в море.

Ожил Байкал, веселее ему стало, в погоду гребни заулыбались, вздохнуло море полной грудью. Жить бы ему так да жить, но, видно, не привык он к спокойствию. Разбушуется ни с того ни с сего, разойдется, как богатырь, и всем тошно приходится. Скалы подмоет – они в воду рушатся, деревья с корнем выворачивает – к себе берет, берега смывает – и себе мяг-

кое дно стелет. Хотели его маленькие речки и ручейки уговорить, чтобы он вреда никому не чинил, но не слушался грозный седой старик, не унимался. Тогда речки и ручейки приунатужились, собрали по капле всю воду с гор и всей силой навалились на старика, чтобы не держал он их воду и дал ей выход к другим морям и океанам.

Сила в тех ручьях и речках была большая, чем в самом Байкале. Сколько он ни держал их у себя в берегах, которые он обнес скалами и высокой стеной леса, но удержать не мог. От тяжести воды, которая пришла от ручьев и речек, дно Байкала около Саян начало опускаться. Вода просочилась глубоко под дно, до самых белых камней. Камни эти, как известка, закипели и прорвали берег, разломали скалы, и повалила вода вниз по долине, сделала себе широкую дорогу.

Увидел старик Байкал, что богатство его уходит, рассердился и бросил в провал большой камень. Провал тот камень проглотил. Старик больше прежнего бросил камень, и тот ушел под воду. Тогда он бросил последний камень, который теперь видно, но обессилел и затих. Подумал старик, что ничего ему теперь не сделать, и смирился. А вода тем временем шла и шла по провалу и прорвалась до самого океана.

Видят речки и ручьи, что старик запечалился, сказали ему: «Не горюй, наш отец, пока мы живы и ты будешь сильным». С тех пор прошло много лет. На берегу Байкала поселились буряты. Они идут от людей, при которых случился провал. Провал буряты называют ангарой, потому и реку, которая идет от провала, они и до теперешнего времени зовут Ангара».

В самом названии великой реки заложены народные представления о ее природе. О происхождении имени также существует немало легенд и преданий. Вот лишь одно из них: «На том месте, где сейчас Байкал, раньше были одни большие ледяные горы. Они уходили своей вершиной до самых облаков. Все лучи солнца падали на эти горы, они-то растопили льды. Воде некуда было деваться, она пошла

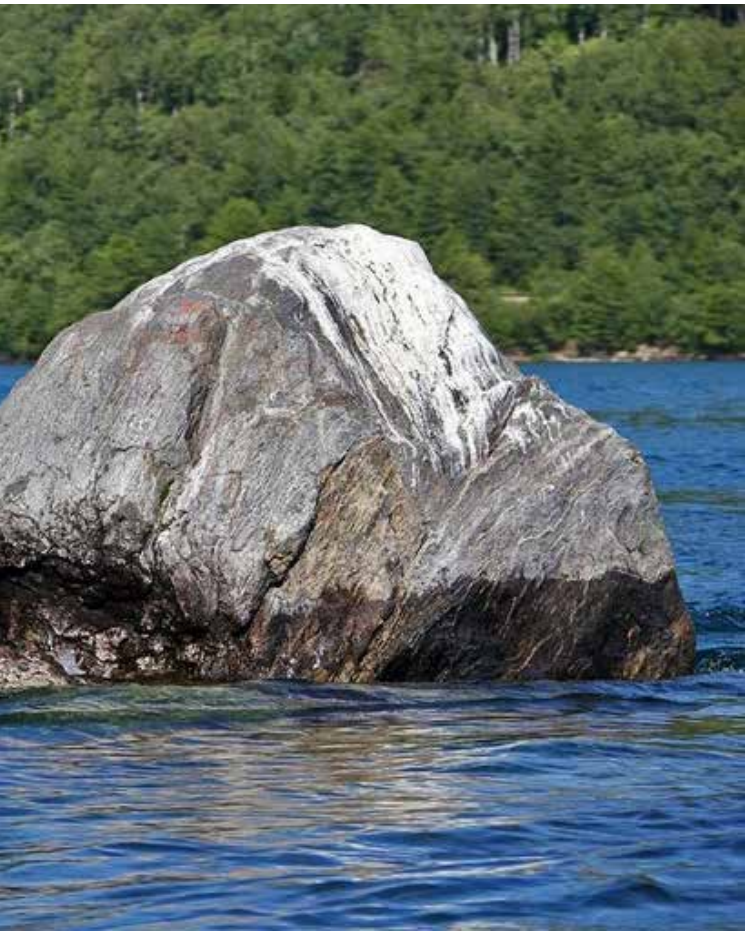
Иллюстрация их книги «Ангарские бусы» К. Соловьевой

Иллюстрация А. Муравьева

Шаманский камень

под землю, разъела ее и сделала громадную котловину. Котловина заполнилась водой. Так образовался Байкал, как говорят старики.

В это же время начали таять горы льда и снега в горах. Сначала вода спружилась в отдельных горных логодинах, а потом прорвалась к Байкалу. Потому-то сейчас в него впадает много разных рек, речушек и ключей.

Когда в Байкале воды набралось очень много, он ее сдержать не мог, она стала искать себе выход. Вот и нашла. В одном месте она протекла под землю, а там камни были, из которых известку жгут. Те камни вскипели, выбросили все наружу, и образовался сильный провал. Вода хлынула в этот провал и потекла вниз.

Было это дело много тысяч лет тому назад. В то время здесь жили разные люди, от которых буряты пошли. Они по названию провала и прозвали новую реку Ангарой. Раз по-бурятски провал называется Ангарой, а река потекла по провалу, то ей дали имя Ангара, и ничего тут мудреного нету». Это известная легенда, записанная во многих вариантах в самых разных населенных пунктах по Ангаре.

Сакральность природных объектов, связанных с большой водой, отмечалась многими учеными и путешественниками. Писали об этом и мы в предыдущих книгах (см. «Мир Байкала», «Лена-река»). Большинство природных объектов по Ангаре имели не только имена, но и народные версии происхождения. Уловное место, урожайные участки пашни, богатые сенокосы, пороги, ландшафтные уголки и т. п. получали свои имена.

Народная молва объясняет, что, к примеру, название Кашина шивера на Ангаре произошло от следующего случая. В старину суда поднимались вверх через пороги бичевою, которую вытягивали воротами, устроенными на берегу. При проходе одного из судов через шиверу рабочие плохо закрепили ворот. Они расположились на берегу и стали варить кашу. Ворот вырвало и рукоятками убило 40 человек, тут же и похороненных. Подобный случай повторился в Падунском пороге, где точно таким

Приток Ангары река Ока

же образом при подъеме судна убило двенадцать человек, они похоронены на правом берегу порога. Над могилой в качестве памятника поставлен был столб с надписью. Этот случай, равно как и одинаковое мелководье, вероятно, и породили часто повторяющуюся местными жителями поговорку «Кашина шивера – Падуну сестра».

В письменных источниках XIII и XIV вв. река фигурирует под названием Ангара-Мурэн. В переводе с бурятского «мурэн» – большая полноводная река. Слово «Ангара», как мы уже упоминали, исследователи выводят из общего для бурятского и эвенкийского языков корня «анга» (разинутый, открытый, зияющий). Такой точки зрения придерживался известный сибирский ученый М. Н. Мельхеев. Он указывает на исток Ангары, которая как бы прорезает горы и затем стремительно несется по расселине.

Есть версия, что «Анагара» в переводе с монгольского (анга) означает рот, ущелье. Г. Д. Санжеев высказал гипотезу, что название реки унаследовано бурятами от другого народа.

У эвенков свое прочтение названия. Они называли реку Йанедзи и считали, что Енисей является притоком Ангары, имеющей быстрое течение и большую глубину. Оттого здесь и рыбацкие снасти делали особые – сети и невода на Ангаре использовали редко.

Рассказов об Ангаре множество. Вспомним один из них, принадлежащий А. И. Лосеву, автору «Описания Иркутского наместничества 1792 года». В разделе «Знатнейшие судоходные реки» он так описывает реку: «Ангара, вышедшая из Байкала моря и простирающаяся мимо губернского города Иркутска, бывшаго воеводского города Балаганска, Братского острога, городов Енисейска и

Туруханска. Переименовавши свое имя ниже Братского острога, понедалеку от бывшева города Илимска, где впадает в нее р. Илим, она известна там под именем Верхней Тунгуски до впадения в нее Енисея, с которым названием проходит она в Северной океан, ширина ее от моря Байкала до трех верст, у города Иркутска не более 250-ти сажен, а от Иркутска в течении мимо Братского острога на 2 версты до впадения в нее Илима, где уже она Тунгузскою именуется, имеет ширины на 300 сажен по притчине зжавших ея каменных гор, ниже разделяется она на разные протоки, имеет ширины верст на 10, близ Туруханска верст на 20, а при устье верст на 30. Глубина ее с вершины до Иркутска от 3-х до 5-ти, у Братского острога от 5 до 7-ми сажен…

Плавание по ней производится большими дощенниками, посредственными и малыми лотками свободное, кроме порогов, которых в сей реке находится немало… пристаней на сей реке кроме Иркутской же не находится, но токмо нагружаются суда при впадении Илима…

Луговой и нагорной стороны означить не можно, потому что она инде с обеих сторон между беспрерывных хребтов течет, а инде –

Сосна на о. Ольхон

Река Ангара

то в той, то в другой стороне долин и лугов протекает. Что же принадлежит до качества ея воды, то она с вершины до города Иркутска, пока впала река Иркут, имеет воду, столь прозрачну, что в глубочайших ее местах не только видно дно, но и малейшие камешки, раковинки и цвет песка. А от Иркутска вниз хотя и не так прозрачна, однако и тут, не в пример, светлее других рек. Потому что она проходит и течение продолжает по камням и между камней, совсем почти не касаясь или очень мало земли мягкой, и, как выше сказано, что сия вода слишком тонка, не имея в себе липкости или тончайшей вязкости, что ученые fluditus (размягченная, расслабленная) называют…»

Еще одно описание реки относится к XIX веку и сделано замечательным сибирским историком и общественным деятелем П. А. Словцовым: «Ангара, при истоке из Байкала, имеет ширины более 2-х верст и, переливая зелено-прозрачную воду чрез каменную закраину, под горизонтом воды лежащую на 1 1/2 и на 2 ар. глубины, открывает, однако ж, судам проходы, которые и называются воротами. Таким образом, Ангара, начиная свое течение, сначала прикрывается с обеих сторон крутыми Байкальскими горами.

Островов на Ангаре, которая с р. Илима называется В. Тунгускою, исчислено по губернии Иркутской 318 и по Енисейской, до слияния с Енисеем, 150. На оных есть леса, луга и сенокосы, даже пашни и деревни, или стойбища инородческие. Большие острова длин.

Устье р. Ида

5-10 и даже 20, шир. около 10 верст. О двух соляных островах, в 67 в. лежащих ниже Иркутска, здесь умалчивается для того, что в III главе насчет их сказано все нужное.

По Ангаре очень много каменных переборов (шиверов), возвышающихся под водою. Эти поперечные каменные гряды, опасные для водоходства, начинаются ниже ос. Братского в числе 9-ти; из них самые грозные 3, недавно были найменованы. При 9 порогах, в длину продолжающихся 67 в., река падает с лишком на 21 саж. Есть и быки также опасные.

У Ангары нет постоянной стороны луговой или нагорной. Берега той или другой стороны попеременно то гористы, то плоски, то на обеих сторонах утесисты или ровны; они состоят из глины, извести, песка, а вверху отчасти из угольного сланца и гранита.

Длина течения Ангары от Байкала до Иркутска 60, отсюда до Енисейска 1 059 в. Глубина по фарватеру на первом расстоянии 3–5, у ос. Братского 5–7, далее к Енисею 7 саж. Ширина в Иркутске 200–250 саж., у ос. Братского и ниже – около 26, близ устья Илима с

Балаганск

версту, по причине сжатия гор береговых. Далее Тунгуска разбивается на многие протоки между островов».

Не можем не привести замечательные строки из записки подполковника Романова, составленной специально для генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. А. Муравьева-Амурского и публикуемой впервые:

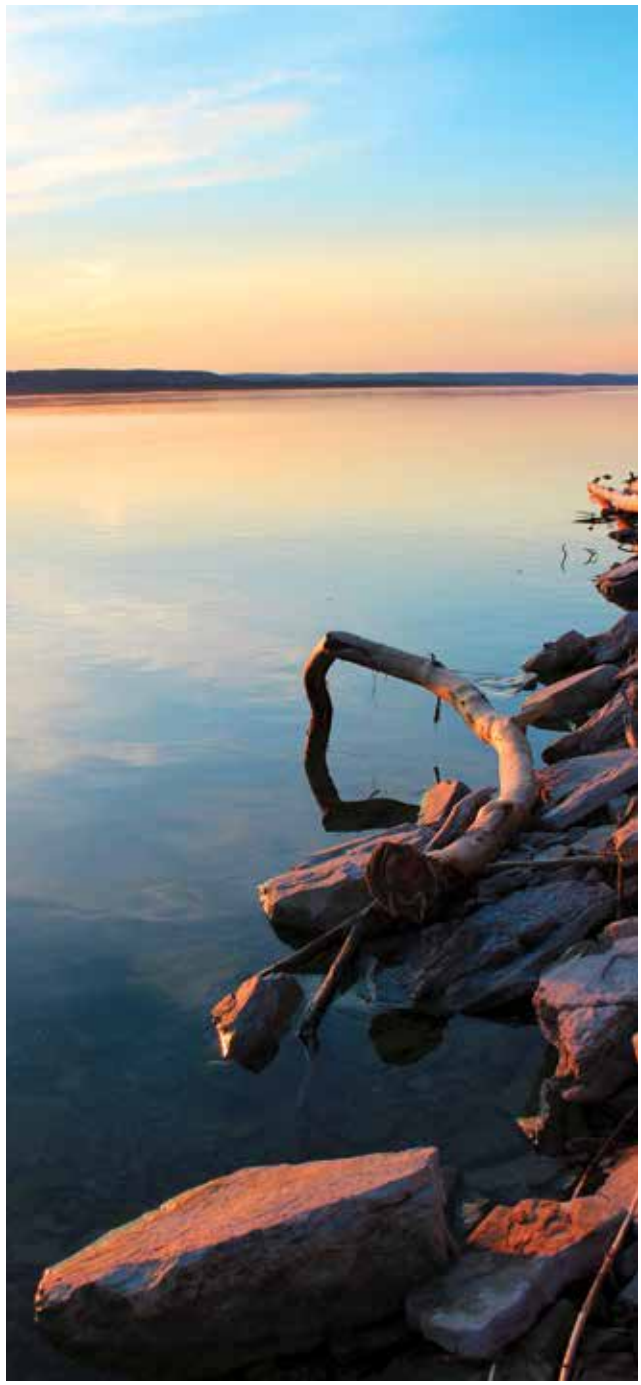
«…Ангара представляется если не величайшею, то длиннейшею рекою Старого Света, которую превосходит протяженностью только р. Миссисипи в Северной Америке…

…Прорываясь из Байкала между крутыми и частью утесистыми берегами, при истоке переливается через каменистую гряду, как бы через разрушенную плотину и быстро несет свои воды к Иркутску, лежащему в 65 верстах от озера Байкала. Скорость течения на этом пространстве полагается от 11 до 12 верст в час, что составляет от 2 до 3 фут падения на версту. Таким образом, уровень Байкала приходится выше Иркутска от 130 до 195 фут…

Несмотря на стеснившие ее русло утесы, Ангара вскоре по выходе своем из Байкала начинает уже дробиться на протоки, образуя многочисленные острова, покрытые кустарниками и большею частью заливаемые осенним разливом.

…Отличие обоих берегов заключается в том, что справа горы имеют состав каменистый, спускаются к реке крупными, а местами и скалистыми обрывами, тогда как левый берег состоит из землистых возвышений или поросших лесом, или покрытых лугами и пашнями. Здесь кроме луговых и кустарных островов начинают встречаться покрытые хвойным лесом и уже не затопляемые разливом. Пред Балаганском река достигает наибольшей своей ширины, образуя значительнейшие острова; тоже снова суживается, сливаясь в одно русло – имеющее местами не более 300 сажен ширины.

…Еще выше Иркутска по берегам Ангары начинают показываться пашни, но хлебопашество в особенности развито в окрестностях Балаганска, где им занимаются как русские

Вечер на Ангаре

крестьяне, так и степные буряты. Но ниже Шиверы и с. Янды берега Ангары представляют сплошную мрачную тайгу, весьма затрудняющую развитие хлебопашества, особенно на склонах левого берега, обращенных к западу. Здесь к вершинам гор почва камениста, и потому пахотные места встречаются только на нижних скатах, но и тут обработка земли

Поля Балаганского района

и созревание хлебов весьма сильно затрудняются мокротой и сыростью почвы, происходящих от множества ключей, просачивающихся с верхних скатов…»

Далее автор уточнял, что все каменные гряды на всем протяжении Ангары у местных жителей именуются шиверами и быками. «Резкого отличия между этими названиями определить нельзя, но можно вообще сказать, что порогом называется каменная гряда с большим и весьма заметным уклоном или падением, шивера есть тот же порог, т. е. такая же каменная гряда поперек реки, но с меньшим падением, и, наконец, быками называются такие каменные гряды, которые не столько длинны, как порог или шиверы, и проход чрез которые не представляет для судов особых затруднений. Кроме того во многих частях реки между порогами, шиверами и быками встречаются еще так называемые Кармакулы – подводные камни на тихом течении, не производящем никакой зыби, и от этого издали совершенно незаметные. Точного исчисления всех порогов и шивер на Ангаре до сего времени не имеется. Народная молва считает их 77 от Братского острога до Енисейска, но это число преувеличено. На маршрутной карте межевого инженера поручика Рашкова 1858 года они показаны далеко не все. Точно так же не полно исчисление их в книге г. Семивского «Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири 1817 г.».

Рисунок Лосиного острова

Романов в ходе экспедиции насчитал 50 каменных препятствий. Позднее исследователи насчитали 43 препятствия на Ангаре от устья до Падуна.

Многое изменилось во внешнем облике великой реки. Достаточно вспомнить исток. Ангара вытекает из Байкала и, прорезав Приморский хребет с его древними гранитными плитами, бежит дальше на север. На границе истока до момента постройки плотины Иркутской ГЭС Ангара как бы переливалась через край порога, далее практически посредине

реки возвышался Шаман-камень – скала, объем которой, по подсчетам ученых, составлял 30 кубических метров. Когда-то в старину бурятские шаманы совершали здесь свои ритуалы, есть сведения, что на Шаман-камне оставляли преступников. Сейчас мы видим только верхушку скалы, воды поднялись и скрыли ее.

7. Происхождение Ангары

Все, что связано с Байкалом и Ангарой, и по сей день вызывает споры. Многие ученые сходятся во мнении, что вопрос о происхождении Ангары не решен окончательно.

Само формирование современной гидрографической сети, в том числе Ангары и ряда ее притоков, ученые возводят к образованию Байкала. Первоначально формировалась система Ангары, Иркута, Ушаковки, затем более мелких притоков. Первое время скорость течения воды была большой. Это позволяло переносить крупные галечники и пески. Затем водный режим рек постепенно меняется – наступает озерный режим, который характеризуется переносом тонких песков и суглинков. В это время речные долины практически сформированы.

Чередование природных изменений – постоянный фактор формирования рек, долин, террас. Быстрые течения сменяются постоянным слабым движением. Углубляются русла рек. Этот этап сменяется снова периодом накопления.

Ученые не раз высказывали мысль о том, что сток Байкала в древние времена был не по Ангаре в Енисей, а к бассейну Лены в Ледовитый океан.

Ряд исследователей утверждает, что в четвертичный период Байкал не имел никаких стоков, наоборот, Ангара несла свои воды в великое озеро. Истоки ее находились не в привычном для нее месте, а где-то на северо-западе от Балаганска. Но однажды образовался размыв, и теперь уже байкальские воды понеслись в сторону Енисея.

По другой версии, в Байкале образовался избыток воды. Тектонические процессы привели к появлению размыва и образованию реки Ангары, которую гидрологи поделили на три участка, каждому из которых присущи свои особенности. Первый участок – Верхняя

Исток Ангары

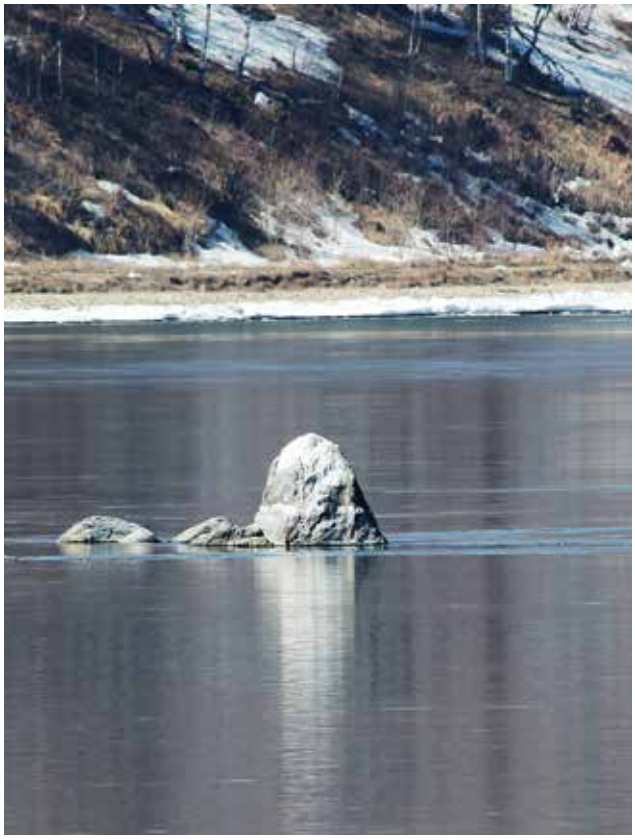
Ангара – от истока до устья Оки протяженностью 667 км, средний – от устья Оки до устья Илима, протяженностью 290 км, нижний – от устья Илима до впадения в Енисей протяженностью 896 км.

Иркут, один из больших ангарских притоков, не доходит до южной оконечности Байкала всего на 20 километров, он резко поворачивает к северу и, пройдя дикое ущелье в Тункинских отрогах, образует Зыркузунскую петлю, выходит на равнину и затем течет к Ангаре. Ученые говорят о гигантском горном обвале, который когда-то преградил путь Иркуту в Байкал.

Там, где Ангара вытекает из Байкала, ее левый гористый берег поднимается. После Иркутска все наоборот – начинает возвышаться правый.

Разумеется, природные и климатические условия на протяжении всей Ангары не одинаковы. Так, от Иркутска до реки Белой идут сосново-лиственничные леса, березовые и сосновые рощи. За Усольем-Сибирским тайга переходит в лесостепь. У Балаганска и по правым притокам Ангары, Унге и Осе, главенствует степь. Эти земли считаются зоной зернового и животноводческого хозяйствования. После Усть-Уды начинается тайга.

Шаман-камень у истока Ангары

Ангара имела множество островов. К 1865 году их насчитали 468. Из них 150 находились на реке в пределах Енисейского округа.

К уникальным природным памятникам можно отнести речные каменные острова на Ангаре ниже устья ее правого притока Вихоревки. В народе один из них назвали «Чайник» – огромная плита выпирала прямо на середине русла.

Как и всякая историческая река, Ангара имеет множество притоков. В книге «Иркутск и Иркутская губерния», изданной в 1870 г., указывалось, что Ангара принимает в себя в качестве притоков 168 больших и малых рек. Наибольшее число их впадает в Ангару с левой стороны. Есть утверждения, что бассейн Ангары вбирает в себя 51 тысячу водотоков!

Все водотоки, к которым относится и сама Ангара, можно разделить по принадлежности к бассейнам. После образования ряда водохранилищ их стало несколько.

Иркут, река горного типа, впадает в Ангару на 75 километре от истока. Протяженность Иркута 468 км.

Китой, река горного типа, впадает в Ангару на 137 км от истока. Длина реки 322 км.

Ока, река горного типа, впадает в Ангару на 683 км от истока. Протяженность реки 985 км (притоки Оки – Ия, Уда (после слияния с Бирюсой называлась Тасеевой), Артюгинка).

Как мы видим, ангарский бассейн поистине огромен. Разнообразные ландшафты создавали отличающиеся друг от друга по климату, геологическому строению области. Каждая такая территория вырабатывала свой особый хозяйственный календарь, что позволяло населению приспосабливаться к сложным условиям жизни.

VII.

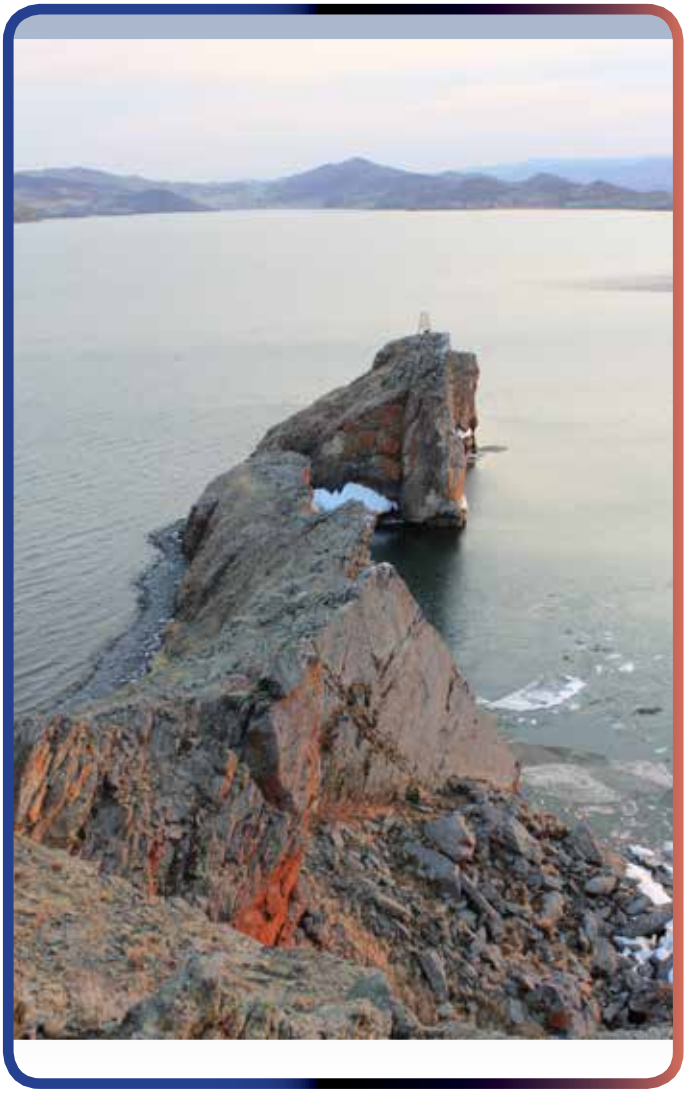
Байкал

1. История изучения Байкала

2. Здоровый климат Байкала

3. Байкал многоликий

4. Заповедный Байкал

Байкальский хребет

1. История изучения Байкала

Животный мир Прибайкалья был разнообразен. В тундре и лесотундре обитали северный олень, рысь, водились песцы, полярные куропатки. В степях – стада зубров, мамонтов, носорогов, лошадей, куланов. Доставало и хищников – росомах, медведей, лисиц, волков, пещерных львов. Человек в это время охотился на северного оленя, лошадь, дижгтая (полуосла), первобытного быка. Добычей становились лось, гигантский олень, изюбрь. Первые следы доисторического человека в Прибайкалье Петри относил к самому концу четвертичной геологической эпохи, а именно к тому периоду, когда исчезает мамонт. Это открытие принадлежало известному иркутскому археологу и краеведу М. П. Овчинникову. Особенную известность получила палеолитическая стоянка «Верхоленская гора».

В жизнедеятельности человек палеолита использовал практически всю добычу. Даже кости шли в костер в качестве топлива, они разгорались медленно, но зато горели долго и давали много тепла.

Байкал и прилегающие к нему земли являлись не только территориями освоения, но и представляли огромный интерес для изучения, поскольку отсюда начинались все стратегические пути на восток.

Первыми исследователями становились те, кто осваивал и присоединял эти сибирские провинции. Поэтому первый этап связан с экспедициями землепроходцев и казацких отрядов. Он охватывает время примерно с середины XVII по начало XVIII вв.

Второй этап связан с академическими экспедициями Императорской Академии наук. Этот период укладывается в рамки с начала XVIII по середину XIX века.

Третий этап отражает целенаправленное комплексное изучение края с середины XIX века по 1917 г. И далее наступает новый период в изучении Байкала.

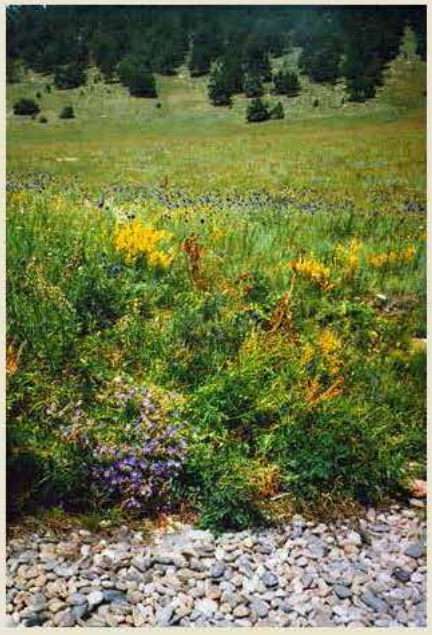
Конечно, еще до прихода русских землепроходцев, первыми исследователями этих мест были коренные жители: буряты, монголы, тунгусы, которые, разумеется, делали попытки разгадать многочисленные байкальские тайны. А их было много – даже имя озера до сих пор не объяснено точно, так же, как и имя реки Ангары.

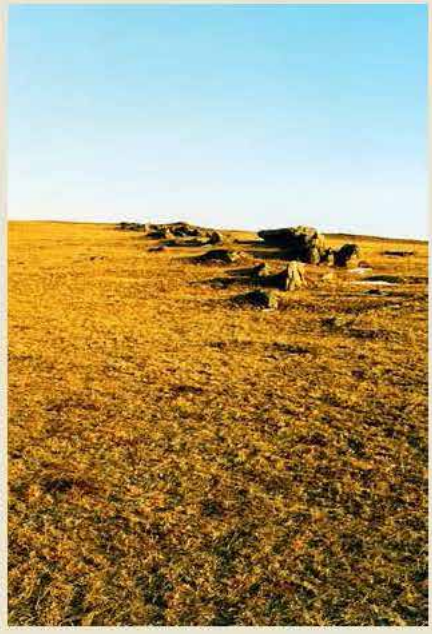

Шерстистый носорог

Мамонт

Шерстистый носорог

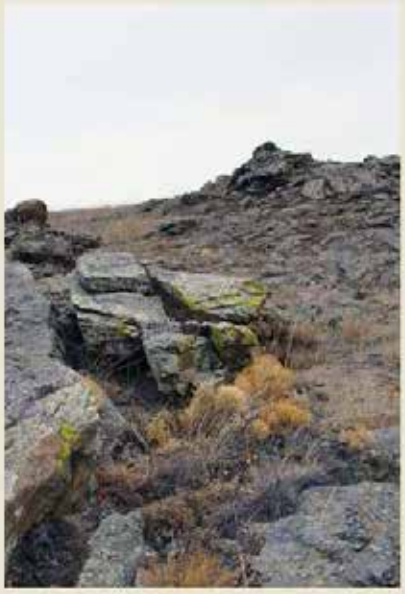
Бизон

Гигантский олень, обитавший в Прибайкалье тысячи лет назад

Лошадь Пржевальского

Рысь

Лось

Некоторые авторы выводили название от монгольских слов «Байкал» или «Байгал» – богатый огонь; тюркского «Бай-куль» – богатое озеро; китайского «Пехай» – северное море; тунгусского «Ламу» – море; бурят-монгольского «Далай-нор» – святое озеро...

Байкал – самое крупное хранилище чистой пресной воды на Земле. Ученые оперируют цифрой – одна пятая всех мировых запасов пресной воды. А по объему водной массы Байкал, к примеру, превосходит Балтику.

Точные координаты уникального природного объекта хорошо известны. Байкал расположен почти в центре Азии: 53°01’ с. ш., 108°41’ в. д.

Длина береговой линии озера – 2 100 км, длина озера между двумя крайними точками – 636 км, ширина 79,5 км.

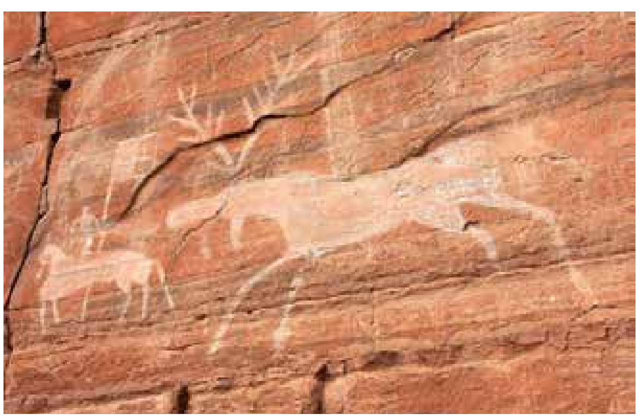
Площадь водного зеркала составляет 31 500 квадратных километров. Из 30 островов (подсчеты Черского и Гусева) самый большой остров – Ольхон. Его площадь – 700 квадратных километров. Самый большой полуостров – Святой Нос (596 километров).

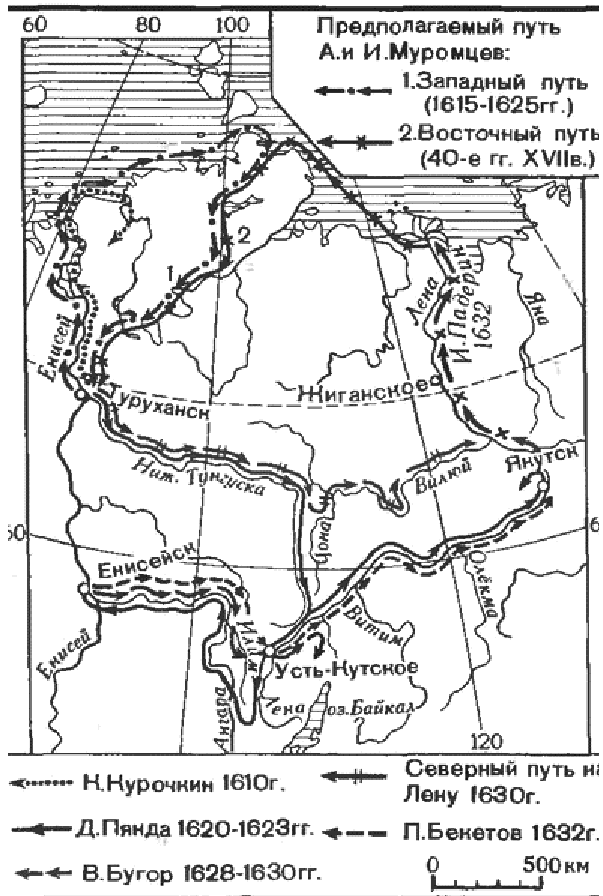
Водосборный бассейн Байкала составляет 557 500 квадратных километров. В Байкал впадают сотни рек, ручьев, источников. Из Байкала вытекает одна единственная река – Ангара.

Максимальные глубины на Байкале достигают 1 620 метров в средней котловине, 1 423 в южной, 890 в северной.

О природе Байкала, его тайнах и могуществе писали в своих записках путешественники и дипломаты, слагались стихи, легенды, предания.

Наскальные рисунки

Пути освоение Приангарья

Российской посол и путешественник Н. Спафарий отметил: «…а погодие живет по Байкале великое всегда, но паче осеннею порою для того, что лежит Байкал что в чаше, окружен горами будто стенами, и негде же не отдыхает и не течет, опричь того, что от него течет Ангара река, а в нем большие реки и мелкие и иные многия в него впали, а по край берегу везде камень и пристанищи не многие, наипаче на левой стороне едучи от реки Ангары, и для того разбивает суды часто».

Совершив фактически кругобайкальское путешествие, Спафарий сделал еще одно точное замечание: «Только от верхния Ангары до усть нижней Ангары везде подле моря утес каменной и горы высокие и места самые страшныя, и для того суды часто разбивает, а по Селенгинской стране земля низкая, и для того не так часто разбивает…»

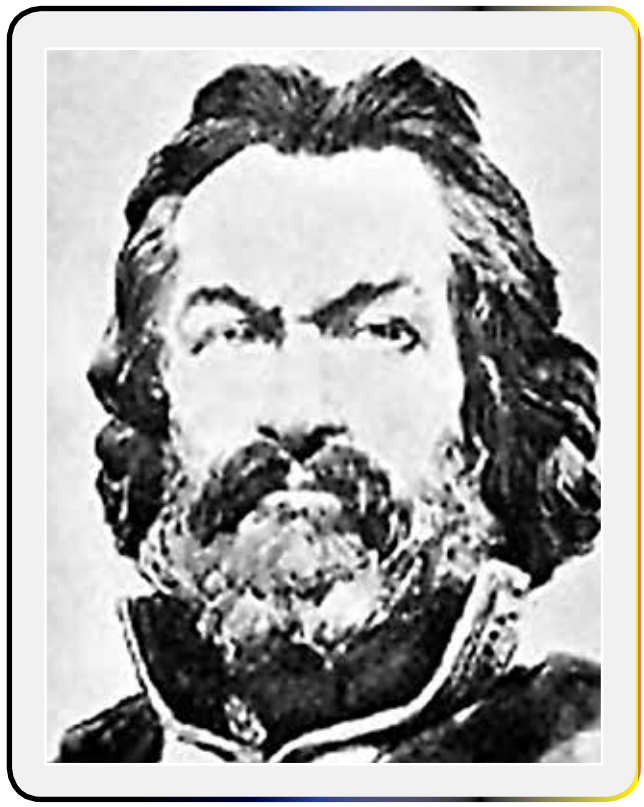
В 1817 году Николай Семивский, автор интересной и поучительной книги «Новейшие … повествования о Сибири», написал «Послание с Невы на Ангару», в котором рассказал об одном из трагических происшествий на Байкале – когда в один миг под воду ушла гигантская поверхность земли. Семивский предполагал, что «со всем этим Байкал по многим доказательствам справедливее можно называть Ангарским провалом, который в отдаленные и не известные времена произошел от сильного землетрясения. Утвердительно можно сказать, что пространство между сими двумя реками *(Верхней и Нижней Ангарой – С. Г.)* наполненное водою, или самый Байкал, есть не что иное, как провал, землетрясением произведенный…»

Известный путешественник, ученый и писатель Никита Бичурин (о. Иакиф), вероятно, на основании собранных на тот момент данных, заметил: «Иркутск расположен на небольшом мысу, образующем подошву гор, которые от южной городской заставы продолжаются до самого Байкала, постепенно возвышаясь. Поэтому некоторые не без основания опасаются, что сей город сделается жертвою Байкала, если сильный удар землетрясения осадит каменное русло жерла ангарского…

Происхождение Байкала приписывают подземному огню. В самой вещи, если посмотреть на высочайшие береговые горы, опускающиеся в глубину озера в полуразрушенном виде, если обратить внимание на чрезвычайную неровность дна его, на острые вершины с деревьями и мхами, показывающиеся в воде при значительном удалении от берегов; особенно если представить себе недосягаемую глубину подле той самой подводной горы, чрез которую из него выходит Ангара; то нельзя не убедиться, что некогда, еще во времена незапамятные, сильное землетрясение произвело провал, составляющий водоем Байкал».

Байкальский эндемик

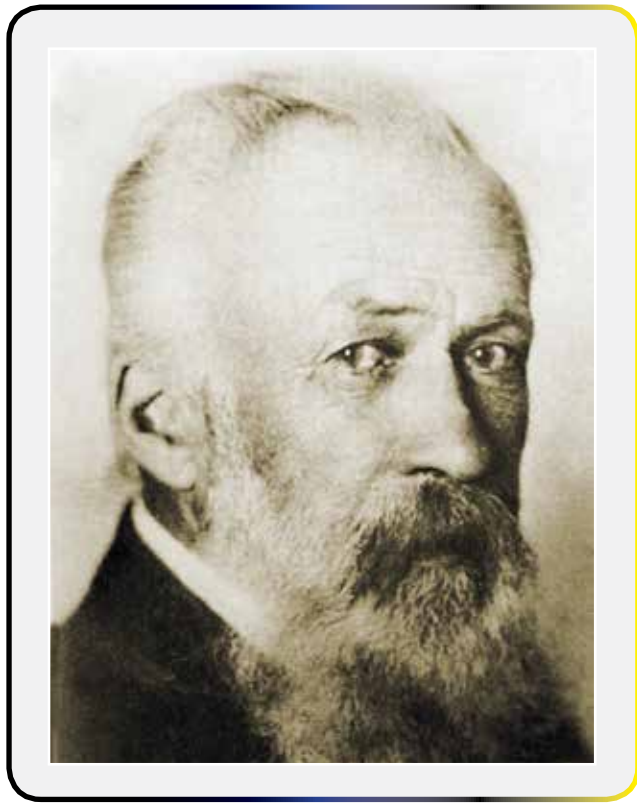
Милеску Спафарий

Геолог Меглицкий полагал, что русло озера не могло быть образовано внезапным провалом гор. Скорее всего, рассуждал он, это естественная продольная долина.

Многие исследователи образование байкальской впадины связывали с гигантскими подвижками земной коры, ссылаясь на катастрофическое землетрясение 30-31 декабря 1861 года, когда под воду ушла огромная береговая часть Байкала. Горный инженер И. Ло-

Никита Бичурин (о. Иакиф)

Обручев

патин оставил описание увиденного: «Осевшая местность была совершенный луг около 30 верст длиною и 18 шириною. Здесь уже 150 лет жили буряты, занимавшиеся по преимуществу скотоводством, а также в больших размерах и хлебопашеством. По межевой карте видно, что все почти, составляющее поземельный участок бурят, теперь затоплено…»

Проблема происхождения Байкала всегда интересовала ученых и вызывала споры. Как и почему в этом озере оказались морская и озерная флора и фауна – загадка, над которой и по сей день бьются ученые всего мира.

А. Гумбольдт считал, что когда-то Байкал был фиордом Ледовитого океана. А в качестве доказательств приводил наличие в озере нерпы, различных видов губок, ракообразных. Первоначально этой же гипотезы придерживался и Дыбовский, который разделил всю фауну Байкала на две группы – сибирскую и сугубо байкальскую. И лишь в 1923 году он сделал окончательный свой вывод: «Точка зрения Гумбольдта-Пешеля и ряда других уважаемых авторитетов, принимавших Байкал за фиорд Северного Ледовитого океана, а его фауну идентичной с фауной того же океана, держалась лишь до исследовательских работ А. И. Чекановского, И. Д. Черского и Ф. Шмидта, показавших, что на просторах Сибири к югу от 67°5’ с. ш. нет морских отложений моложе силурийского времени».

Оригинальная точка зрения принадлежала профессору Н. Андрусову. Он считал Байкал природной мастерской, в которой постоянно образуются новые виды животного мира озера. Он также считал, что в силу своего размера пресноводное озеро создает условия, которые придают пресноводным животным морские черты.

Известный геолог и путешественник Обручев-старший считал, что Байкал образовался в начале четвертичного периода, когда стали формироваться Альпы, Кавказ, Гималаи... Сама котловина, по его мнению, возникла из-за сбросов (опусканий). Обручев поддержал Зюсса, которой выдвинул идею, что Байкал

Берег Байкала

врезан в так называемое Древнее темя Азии. Древним теменем Азии ученые называют Саяно-Байкальское нагорье. В конце Эозоя, когда начались процессы горообразования, стали возникать первые впадины (грабены), в числе которых появилась и Байкальская. А вот современные глубины Байкала, как считал Обручев, появились значительно позже – в конце третичного периода. В это время Древнее темя Азии испытывало значительные поднятия и опускания. Одно из самых значительных опусканий как раз и произошло в Байкальской грабене.

Любопытную гипотезу высказывал геолог М. М. Тетятьев. По его мнению, Прибайкалье в четвертичное время представляло собой холмистую страну, где было много озер. Забайкалье было покрыто Юрским морем. В это время начинается поднятие этого материка, что и привело к образованию Прибайкальской нагорной страны. Но рядом шли процессы оседания пластов в местах наивысшего напряжения. Так образовалась Байкальская впадина.

Дыбовский, Дриженко, Верещагин своими исследованиями доказали, что байкальские глубины имеют подводные хребты, пересекающие дно озера с юго-запада на северо-восток. Иркутский геолог Павловский на основании имеющихся данных сделал вывод, что «Это обстоятельство свидетельствует о том, что впадина Байкала не представляет собой простое ваннообразное углубление в земной коре, а является довольно сложной. Она состоит из сочетания нескольких, не менее трех, впадин…

Байкальская впадина имеет облик глубокой морщины на лике Земли. Это узкая и

длинная полоса земной коры, опустившаяся на 2–3 километра…

Н. А. Флоренсов рассматривал Байкал как впадину, которая возникла и развивалась одновременно с Мировой рифтовой системой. «Корни» впадины, рассекая всю кору, уходят в верхнюю мантию, т. е. на глубину 50–60 км.

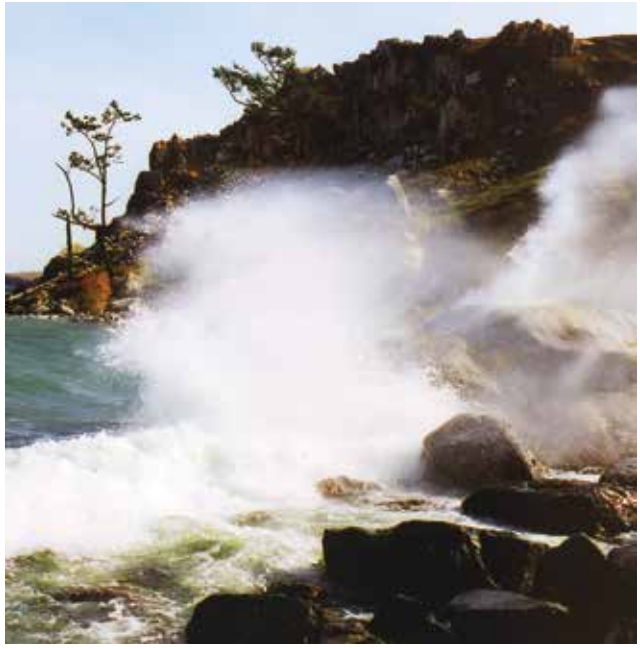
Между прочим, в те древнейшие времена стоки Байкала уходили через Баргузинскую долину в бассейн реки Витим и далее в Лену. Ангары еще не существовало. Исследования подтвердили догадки ученых, что Ангара моложе Байкала.

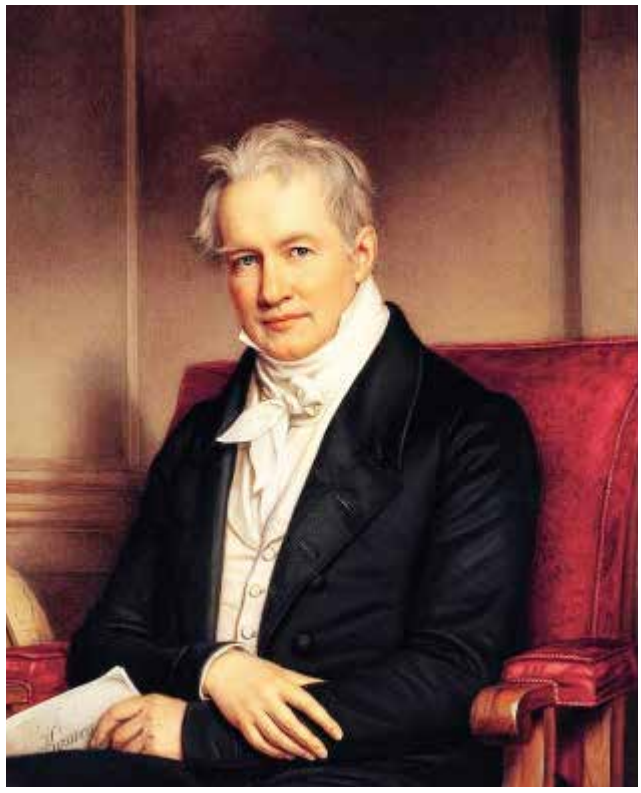
Опускание материковой суши открыло байкальской воде новый путь – в «небольшую старую падь, принадлежавшую Большой речке, которая текла на северо-запад и впадала в Иркут. Байкал, прорвавшись в долину Большой речки, образовал Ангару. Меньший по размерам Иркут стал ее притоком.

А вот что удалось выяснить после более чем 40 погружений глубоководных аппаратов «Пайсисов» летом 1977 года на Байкале.

«Совместными усилиями – геофизическими исследованиями с борта «Г. Ю. Верещагин» и визуальными с борта аппаратов «Пайсис-7» и «Пайсис-11» – получен обширный

Шторм на Байкале

Александр фон Гумбольдт

научный материал, позволивший по-новому взглянуть на природу Байкальского рифта. Во всяком случае, при рассмотрении механизма образования Байкальской впадины появилась возможность использовать существующие тектонические модели, то есть объяснить, какие процессы образовали впадину, и что делает ее похожей на океанский рифт.

Сейсмическое профилирование позволило установить, что южная котловина представляет собой ассиметричный грабен, имеющий крутой северный борт и более пологий южный. К востоку южная котловина углубляется и расширяется. Установлено, что максимальная мощность осадочных пород составляет 2 400 метров.

Геологи, работая под водой и проводя анализы собранных образцов, установили, что подводные склоны Байкала сложены теми же породами, что и берега озера, освещаемые солнцем. Многочисленные ступени, обрывы, каньоны и долины подводного склона, не разрушенные эрозией, не различимые с помощью

Байкало-Ленский заповедник

судовых эхолотов и обнаруженные при визуальных наблюдениях, оказались характерными образованиями, появляющимися в зонах растяжения и сброса. Говоря иными словами, геологи своими глазами увидели подтверждение того, что Байкал является грабеном (грабен – это опущенный участок земной коры между тектоническими трещинами). На поверхности земли крупные грабены представлены впадинами, иногда занятыми озерами (оз. Байкал), морями (Красное море).

Не занесенные осадками трещины, увиденные через иллюминаторы подводных аппаратов, говорят о том, что Байкальский рифт продолжает жить, и недавние землетрясения, произошедшие в этом районе, еще одно тому подтверждение…»

2. Здоровый климат Байкала

В XVI–XVIII веках большинство колонизированных территорий оценивались не только с точки зрения ископаемых богатств, лекарственных растений, иных материальных активов, но и с точки зрения того, может или нет колония принять новое население и прокормить его. А еще, судя по всему, высоко ценился здоровый климат.

Историк и путешественник Иоганн Фишер в своей знаменитой книге «Сибирская история», которая вышла в 1774 году в Санкт-Петербурге, писал: «По завоеваниями Россиянами Сибири нарочитое было приложено старание для ее населения и размножения городами, крепостями, большими и малыми деревнями; но невзирая на то она еще очень пуста, и рассуждая по обширности ее, могла

Ф. Дриженко

Верещагин

бы еще пропитать несколько миллионов народу, Сибирь хотя студеная страна, но воздух там чистый и здоровый, и люди могли бы жить до глубокой старости…»

Ученые пришли к выводу, что на Байкале столь своеобразные климатические условия, что его следует относить к особой климатической подобласти. Действительно, на таком небольшом по масштабам пространстве, которое тяготеет к Байкалу, такое разнообразие климатов: сухой степной, морской, холодный альпийский. Было выделено три климатических округа, которые соответствуют трем котловинам Байкала. А в каждом округе несколько климатических районов с подрайонами.

Биологи, ботаники, географы определили на Байкале целых семь районов, каждый из которых отличается особой флорой и фауной:

Юго-Восточный (Хамар-Дабанский). Одна из его особенностей – повышенная атмосферная увлажненность.

Юго-Западный (Ангарский), где есть степная, скально-степная растительность, светло- и темнохвойные леса.

Селенгинский (Дельтовый), где преобладают луговые и болотные растения и животные.

Маломорский (степной Ольхонский). Характерная особенность этого района – сухость климата.

Восточный (Тункинский) – с лесными ландшафтами.

Северо-Западный (Котельниковский) с наличием высокогорной фауны. Даже на берегу в этом районе произрастает 21 вид высокогорных растений.

Северо-Восточный (Баргузинский) со значительным количеством термальных источников.

На Байкале даже ветры особые. Местные жители каждому дали имя. Баргузин – северо-восточный, Верховик – северо-западный, Сар-

Карта «Заготовка земель для переселенцев...»

ма – северо-западный, Горный – дующий перпендикулярно берегу, Шелонник – «гулящий» на восточном побережье.

С ужасом вспоминали рыбаки о «Толчее» – когда на середине озера встречаются разные ветра.

В одном из первых исследований, связанных со строительством Забайкальской железной дороги, в 1894 году были получены любопытные данные о ветрах.

Итак, с юго-востока дул «Култук с камня», с юга – «Шелонник», с юго-запада – «Култук». Вот как характеризовались эти три байкальских ветра в отчете экспедиции по исследованию Байкала: «С юго-западного конца озера Байкал, от селения Култука дует противоположный Верховику ветер Култук. У юго-западного берега он не чувствителен под защитою гор; летом повторяется очень часто, но при значительной силе достигает лишь до половины Байкала; осенью он бывает сильнее и дует через все озеро. Так как при продольных по озеру ветрах волны имеют большое расстояние для пробега, то при этих ветрах они хотя и достигают большой величины, но бывают правильные, крупные и прокатистые».

«Западный ветер (например, для Мысовой по направлению от Лиственничной) бывает только осенью, но и тогда дает незначительную волну.

Юго-Восточный (Хамар-Дабанский)

Юго-Западный (Ангарский)

Селенгинский (Дельтовый)

Маломорский (степной Ольхонский)

Восточный (Тункинский)

Северо-Западный (Котельниковский)

Северо-Восточный (Баргузинский)

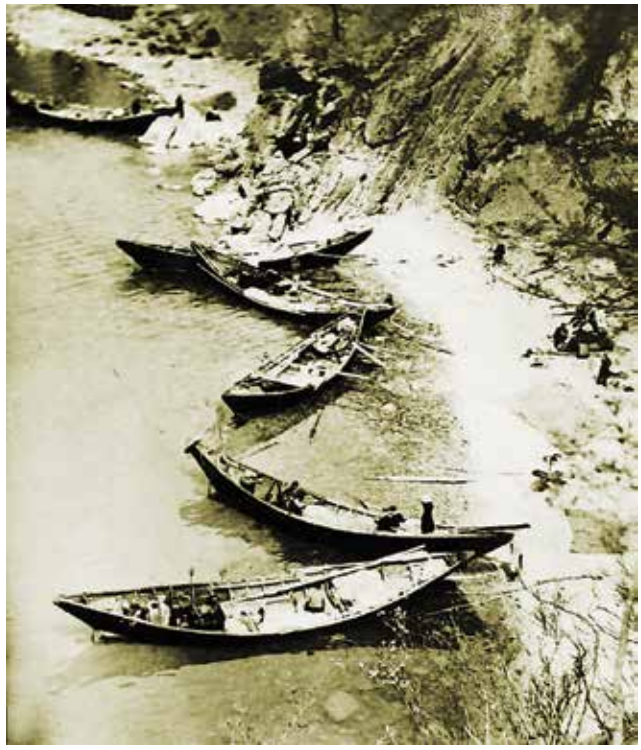
Южный (Шелонник) и юго-восточный (Култук с камня), падая с снежных вершин гор юго-восточного берега от устья реки Снежной по направлению к Лиственничному), обыкновенно сменяют собой ветер горный, исключительно бывают осенью, отличаются непродолжительностью, порывистостью и разводят у северо-западного берега сильную, крупную и частую зыбь».

«Верховик» – так называют северный ветер, который дует из долины реки Верхняя Ангара вдоль озера на юг.

В песне «Славное море» воспет могучий ветер «Баргузин». Встретиться с ним чаще всего можно в центральной части Байкала. Он дует из Баргузинской долины поперек и вдоль Байкала.

Одним из самых коварных считается «Горный». Этот ветер рождается на западе и северо-западе Байкала. Появляется он внезапно, срываясь с гор.

И, конечно, «Сарма» – мощный, самый страшный из байкальских ветров. Он вырывается из долины реки Сарма. Известный байкальский исследователь Вознесенский писал: «Ветер этот отличается не только своей ужасающей силой и продолжительностью, но и тем еще, что он поднимает целые тучи водяных брызг, быстро обледеневающих в воздухе. Эти брызги уносятся сравнительно высоко, так что ими обильно покрываются не только мачты судов, но и весь скалистый полуостров Кобыльей головы (на Ольхоне) как с наветренной, так и с подветренной сторо-

Большой Ушканий остров

ны. Метеорологическая будка, дождемер и мостик, находящиеся на высоте 8–10 метров выше воды, во время Сармы покрываются толстым ледяным слоем».

Сам Байкал оказывает огромное влияние на формирование климата прилегающих территорий. По многолетним наблюдениям, температура зимних месяцев в районе Култука и Лиственничного выше, чем в Иркутске. Так, средняя температура декабря в Лиственничном -11 градусов, в Иркутске -17,9 градусов. Наоборот, температура весенних и летних месяцев ниже. Причина такого расхождения хорошо известна: за лето поверхность Байкала накапливает тепло, а потом осенью медленно отдает его. Весной же поверхность озера нагревается медленно, и это влияет на понижение температуры.

По данным ученых, Байкал оказывает влияние на территории, находящиеся приблизительно в радиусе 100 километров. В среднем озеро повышает температуру окружающей местности на 2 градуса.

«В Верхоленске мы имеем среднюю температуру декабря -25,2 градуса. Тогда как на Ушканьем острове -9 градусов, другими словами, на расстоянии 160 верст мы имеем разницу средних месячных температур 16 градусов. В среднем 1 градус на каждые 10 верст. В действительности разница еще резче, так как единственной причиной, препятствующей распространению согревающего влияния Байкала в направлении на с.-запад, служит мощный, но узкий береговой хребет, поднимающийся крутой стеной по западному берегу Байкала».

Южный (Щелоник)

«Верховик»

«Баргузин»

«Сарма»

По данным метеорологов, температура воздуха, к примеру, в Слюдянском районе колеблется в январе от -16,2 до -17,9 градусов, июле от 13,3 до 15,9 градусов. Сравнивая их с температурами других мест, можно увидеть, что в зимнее время они на 4-5 градусов выше, а летние на 2-3 градуса ниже, чем на территориях, удаленных от Байкала.

Атмосферных осадков здесь выпадает больше, чем, скажем, в Иркутском районе. Влияние Байкала сказывается и на продолжительности безморозного периода, который длится до 121–126 дней.

«В целом, – считают ученые, – агроклиматические условия в гольцово-горно-таежной части неблагоприятны для земледелия из-за суровой продолжительной зимы с коротким и холодным летом. В прибрежной части района возможно выращивание ячменя, гороха, ранней капусты, картофеля, турнепса, репы, редиса, салата и др., однако здесь мало угодий, пригодных для освоения под пашню. Небольшие участки имеются между Солзаном и Утуликом, Слюдянкой и Култуком и по долине р. Култук. С применением осушения здесь может быть освоено до 1 000 га новых земель».

По многолетним наблюдениям ученых известно, что Байкал в этих местах замерзает в первых числах января, а вскрывается около

После шторма

половины мая. Толщина льда обычно составляла 0,42-0,45 саженей, но иногда доходила и до 0,50 саженей. Эти промеры позволяли сделать вывод, что в течение более чем трех месяцев ледяной покров вполне может быть дорогой. Правда безопасным можно было считать путь вдоль берега, ибо дальше путешественники вполне могли угодить в промоину или трещину.

Известные исследователи Байкала В. Дыбовский и В. Годлевский по этому поводу писали: «Образование трещин происходит следующим образом: тотчас после своего образования тонкий еще ледяной покров озера трескается то тут, то там. Льдины сдвигаются

Баргузинский залив и полуостров Святой Нос из космоса

Восточный берег о. Ольхон

Западный берег Байкала

одна на другую или же их выбрасывает на берег. Понятно, что чем толще и, следовательно, крепче покров, тем труднее происходят подобные местные переломы, и потому явление несколько изменяется: при сильных ветрах и участии давления воздуха покров трескается на значительное пространство по нескольку километров, и оторванные льдины передвигаются ветром. Пока не наткнутся на препятствия, которые им ставит уцелевшее ледяное полотно; ударяясь об его край, льдины дробятся, нагромождаются на этом краю, образуя род вала, обозначающего места обоюдной встречи; таким образом, по отношению к передвигаемой льдине, на подветренной стороне образуется щель, а на противоположной – вал, называемый торосом».

Таяние льда на Байкале начинается в конце апреля с северо-западной стороны широкой полосой. Лед, по наблюдениям, становился рыхлым. А вот на юго-восточном берегу появлялись полыньи вначале в устьях рек. По количеству осадков Прибайкалье относят к влажной зоне умеренных широт. По берегам Байкала количество осадков чуть больше среднего, чем по области. Максимальное количество их выпадает на юго-западном берегу, где влияние оказывает Хамар-Дабан.

По данным климатологов, количество снежного покрова уступает западной Сибири. Правда толщина покрова увеличивается по берегам Байкала, достигая 37 сантиметров, и в горах Хамар-Дабана: в Мишихе количество снежного покрова бывает 134 см.

В Прибайкалье много солнечных дней. Вот что писал В. Ф. Дягилев: «Прибайкалье по продолжительности солнечного сияния почти вдвое превосходит Москву и превосходит юг СССР – Полтаву. Особенно резко отличие в феврале, когда продолжительность солнечного сияния в Полтаве лишь 1,8, в Иркутске же 6,8 часов. Превосходит Крым и такие курорты, как Железноводск, где средняя за год продолжительность 4,9 часов.

Отношение действительной продолжительности солнечного сияния к возможной зимой 44,5, летом 53,6, осенью 48,9.За год 51,9. Число дней без солнца (когда солнце закрыто весь день облаками) в Иркутске очень мало: в феврале 2.7, в марте и апреле лишь по 1,4».

Любопытно, что в «Описании Иркутского наместничества за 1792 год» говорится об отсутствии здесь «отменных дерев». Трудно представить себе истинность вот этих предложений: «Отменных дерев, кроме вереса, растущего около Байкала по горам, на каменных ращелинах, который превышает приятностию многие куренья, иных нет. Зверей: соболей, белки, медведей, волков, лосей, диких баранов и зайцев довольно; насекомые суть единственны, как в первой части показано».

Байкал – край минеральных источников. Знаменитые горячие и холодные ключи в Хакусах, Горячинске, Давше, Тункинской долине издревле использовались местными жителями в лечебных целях. В Большереченском и Котельниковском источниках температура приближалась к температуре кипения. Известны

Мыс Хобой

Берег у пос. Зама

источники в районе Чивыркуйского залива, Питалевский, Фролихинский, Давшинский, Гаргинский, Томпинский, Алинский, Кулинский. Температура байкальских источников выше, чем у минеральных источников Кавказа. Разница эта достигает и 27, и даже 46 градусов. К примеру, в знаменитом источнике «Большая речка» в Баргузинском заповеднике температура воды достигает 76 градусов. Вблизи источников ученые находили уникальные образцы флоры. Известный натуралист и путешественник О. Гусев писал, что «Все эти растения и животные были признаны реликтами, сохраняющимися в этих местах уже более миллиона лет, с того исторического периода развития земли, когда в Прибайкалье господствовала теплолюбивая фауна и флора.

М. Г. Попов расценил эти находки как реликты палеоценовой или миоценовой субтропической флоры, сохраняющиеся в этих местах с середины третичного периода, то есть на протяжении 25–40 миллионов лет!»

Эти гипотезы вызвали дискуссии, которые продолжаются и по сей день.

Курорт Горячинск

3. Байкал многоликий

На Байкале, по данным ученых, 27 больших и маленьких островов. Каждый из них играет свою роль в жизнедеятельности озера. К примеру, «острова Камешек-Безымянный и Голый Кылтыгей являются оригинальнейшими птичьими базарами северного Байкала. Десятки гнезд серебристых (Larus argentatus mongolicus) и сизых (Larus canis heinei) чаек видны на их каменных карнизах. Остров Камешек-Безымянный – гнездовье больших бакланов (Phalacracorax carbo slnensis), единственное на всем северном Байкале. На острове Лохматый Кылтыгей М. Г. Поповым было найдено интересное растение – новый мак с большими белыми цветами, признанное ученым загадочным эндемом Лохматого Кылтыгея. На острове Бакланьем гнездятся тетерева (Lyrurus tetrix) и, что самое интересное, весной бывают страстные тетеревиные тока».

Самый крупный остров Ольхон – 73 километра длиной и 11 шириной. Та часть Байкала, которая находится между Ольхоном и западным берегом, называется Малое море. Продолжением Ольхона считается полуостров Святой Нос. По данным геологов, когда-то

они составляли одно целое. Эту идею впервые высказал Г. Ю. Верещагин. Все водоемы на полуострове, по его мнению, были остатками пролива.

В 70 километрах от Ольхона на северо-востоке расположились Ушканьи острова – Большой Ушканий и три Малых Ушканчика – Долгий, Круглый и Тонкий. Название ученые связывают с тем, что в старину здесь водилось много зайцев (ушканов). Группа Ушканьих островов находится против полуострова Святой Нос. Большой остров вытянулся с востока на запад в длину на пять километров и в самой широкой части достигает трех километров. Площадь его составляет около девяти квадратных километров. Высота доходит до 216 метров над уровнем Байкала. Самый маленький остров из архипелага – Долгий. Он вытянут с юго-запада на северо-восток. Длина его 1 250 метров. А высота от 17 до 21 метра над уровнем Байкала. Самый высокий остров из группы малых Ушканьих островов между Долгим и Тонким – Круглый. Высота его 21 метр.

Одним из первых исследователей Ушканьих островов был Паласс, который побывал здесь в ходе академической экспедиции. Острова были нанесены на карту в 1772 году штурманом Алексеем Пушкаревым. Растительность Ушканьих островов описал В. Н. Сукачев в 1914 году.

Судя по всему, Ушканьи острова старше самого Байкала. Ученые считали, что они – остаток подводного Академического хребта. Известный исследователь Байкала Г. Ю. Верещагин, побывав здесь и исследовав местность, пришел к выводу, что рано или поздно Ушканьи острова исчезнут в силу естественных причин – будут размыты волнами Байкала. А вот другой байкаловед, В. В. Ломакин, пришел к противоположному выводу. Ломакин считал, что острова – это проявление тектонической активности байкальской впадины, и когда-нибудь все четыре острова соединятся между собой в единый комплекс. Археологические раскопки позволили П. П. Хороших и В. В. Ломакину сделать вывод, что скорость поднятия

Остров Калтыгей

Ушканьих островов огромная – 2 миллиметра в год, 20 сантиметров в сто лет и два метра за тысячелетие.

Любопытно, что растительность на островах отличается друг от друга. Это происходит в силу климатических особенностей Байкала и месторасположения островов. Вот что пишет В. В. Ломакин: «На Большом Ушканьем острове растет хорошо сохранившийся первобытный лес из высоких лиственниц и сосен.

Остров Лохматый

. О. Ушканий, п-ов Святой Нос, Баргузинский хребет

Под деревьями – густые заросли рододендрона, кусты которого покрываются весной множеством красивых фиолетовых цветков. На юго-восточном склоне острова раскинулась небольшая степная «маряна» (поляна). Среди леса местами возвышаются голые утесы. На Малых ушканьих островах растет редкий и низкорослый лиственничный лес. Эти островки столь невелики, что сплошь подвергаются летом охлаждающему влиянию байкальской воды, температура которой в открытом озере даже в теплые дни редко повышается выше 4 градусов. Холод препятствует росту деревьев, в связи с чем на малых островах растет карликовая березка, которой нет на Большом острове, где Байкал сильно охлаждает только береговую полосу.

Сарайский пляж

…В летнее время, при безветрии, Ушканьи острова часто окутаны туманом, подолгу густой пеленой лежащим на холодном озере. В ясные дни они очень привлекательны своей дикой живописностью». А еще, по данным В. В. Ломакина, на Большом Ушканьем острове целых десять древних волноприбойных террас, и плоская вершина – самая верхняя из них.

Кроме того, что именно здесь среда обитания зайцев-беляков, сюда приходят в массовом порядке байкальские нерпы. Ушканьи острова – самое крупное из 22 нерпичьих лежбищ, находящихся на Байкале. В 1957 году у острова Круглого ученые наблюдали скопление 100 тюленей. Байкаловеды отметили здесь большое количество высоких муравейников.

В Чивыркуйский заливе есть острова Б. Кылдыгей (Лохматый Кылдыгей) и Малый Кылдыгей (Голый Кылдыгей), остров Елены в Онгоконской губе и Бакланий остров.

Байкал окаймляют хребты. Поэтому берега озера высокие, по большей части скалистые, крутые и часто отвесные.

Береговые линии Байкала волнистые, вогнутые участки образуют бухты. А выступаю-

Байкальская нерпа

щие – мысы. Их в Байкале насчитывается до 174. Крупные заливы становились природными бухтами.

По западному побережью Байкала идут Приморский и Онотский хребты. Первый тянется до параллели острова Ольхон. Продолжением Приморского хребта является Байкальский хребет, тянущийся до верхней Ангары. Приморский хребет, гористый, возвышающийся над уровнем Байкала, круто опускается к самому побережью озера. Вершины хребта достигают 1 857 метров абсолютной высоты. Онотский хребет идет к западу от Приморского и является водоразделом рек, впадающих в Байкал, и притоков Лены и Ангары.

Вдоль южного и юго-восточного берега Байкала идет хребет Хамар-Дабан (в переводе с бурятского Хребет-нос). Хамар-Дабан – водораздел бассейна Байкала и Иркута с одной стороны и Селенги с другой. Вершины этого хребта поднимаются до 2 300 метров абсолютной высоты.

На северо-западе Байкал ограничен Кичерским хребтом. На западе расположен хребет Улан-Бургасы. Вдоль Восточного берега северной части Байкала тянется Баргузинский хребет. Баргузинский хребет – своеобразный водораздел между реками Подлеморья и Баргузинской долины.

Байкал окружен рядом озер, которые здесь называются сорами. Те соры, которые сообщаются с озером небольшими проливами, называют прорвами. Соры на Байкале разные – от небольших до таких, которые насчитывают несколько десятков квадратных километров. Есть озера, с которыми Байкал связан непосредственно. К примеру, озеро Духовое на 95 метров выше уровня Байкала. Из Духового вытекает одноименная речка, которая несет свои воды в Байкал.

Байкал имеет три залива: Баргузинский, Чивыркуйский и Провал. Самый большой – Баргузинский, затем Чивыркуйский и, наконец, самый маленький – Провал. В канун 1862 года случилось мощное землетрясение в Цаганской степи, после которого образовался залив Провал. Жители деревни Кударинской и одного из степных улусов впоследствии уверяли, что они ясно видели искры и огонь, которые вырывались из-под земли и опалили некоторые постройки. В той же деревне Кударинской во время одного из сильнейших ударов разрушился купол церкви и, упав на обе стороны храма, разбил боковые пристройки. Часть каменных глыб обрушилась внутрь храма и проломила пол. Вся Цаганская степь, занимавшая более двухсот квадратных километров, ушла под воду.

«Землетрясение, которому обязан своим рождением залив Провал, было слышно на огромной территории в полтора миллиона квадратных километров: от Александровского завода в Читинской области до Нижнеудинска в Иркутской области и от Тунки-Урги на юге до Киренска на севере».

Вот какие могучие силы природы проявились на Байкале.

Полуостров Святой Нос

Байкало-Ленский заповедник

Самым большим полуостровом на восточном берегу Байкала является полуостров Святой Нос. С материком он соединен перешейком шириной до 10 километров, все экспедиции отмечали его заболоченность и труднопроходимость. Именно на этом перешейке находится озеро Рангатуй, или Большой Сор. Перешеек разделяет два крупных залива – Баргузинский и Чивыркуйский. Между полуостровом Святой Нос и материком находится Чивыркуйский, или Курбуликский, залив. Он вдается в Байкал на расстояние в 28 километров, и ширина его составляет от 6 до 12 километров. Баргузинский залив вдается в материк на 32 километра. Полуостров Святой Нос образует и целый ряд небольших заливов (губ) – Онгоконская, Змеиная губа, губа Фертикова.

Байкальский сор

Баргузинский залив и р. Баргузин

Полуостров имеет очертания неправильного треугольника. Крайняя точка на северо-востоке образует мыс, который назвали «Верхнее изголовье», а юго-западная оконечность называется «Нижнее изголовье». Длина полуострова 59 километров, ширина до 25 километров. Наибольшая высота гор полуострова 1 337 м.

В 1900 г. на полуострове работал общественный деятель А. М. Станиловский. Начав маршрут в Лиственничном, Станиловский далее проехал до устья Верхней Ангары, бухты Песчаной, Турки, Баргузинского залива, устья Кичеры... В Иркутском государственном архиве сохранилась «Книга записей Антона Михайловича Станиловского», по которой можно узнать, как проходила экспедиция. «Ожидания мои относительно обилия растительных форм, – читаем в кратком отчете, – на неисследованном еще полуострове не вполне оправдались. Весь полуостров покрыт лесом таежного типа и только изредка в мелководных бухтах на пологих берегах их встречаются клочки луговой растительности, в некоторых узких долинках при речках моховые заросли с растительностью тундрового характера и на утесах и скалистых обрывах формы, специально свойственные этим местонахождениям. По рассказам байкальских рыбопромышлен-

Полуостров Святой Нос

ников, единственное место Святого Носа, довольно богатое растительными формами – это нижнее «изголовье». Туда, по рассказам, в прежнее время ежегодно летом ездили бурятские ламы из Селенгинска для собирания лекарственных трав».

В глубине полуострова Святой Нос путешественники увидели большое озеро Сор, или Рангатуй, и множество маленьких озер. Они оставили вот это описание увиденного: «На полуострове исследователи не нашли соболя и тарбагана, а на берегу Чивыркуйского залива не было мелких грызунов – мышей-полевок. Вероятно, это следствие большого числа змей, которые обитали здесь».

Зато в большом количестве обитала белка. Были зайцы, лисицы, волки, рысь и колонок. Здесь обитал северный олень и лось и в «весьма значительном количестве» медведь. В июне и июле во время так называемой гоньбы на берег Верхнего изголовья Святого носа выходила нерпа. Здесь было много птиц – рябчики и глухари, сойка и кедровка, воробьиные, пищухи.

Святой Нос был всегда малообитаемым местом, главным образом обживался сезонными охотниками на белку. Именно из-за малообитаемости здесь предполагалось создать заповедник или заказник с элементами ведения охотничьего хозяйства. С другой стороны, близлежащие деревни Макаринино, Адамово и Усть-Баргузин позволяли надеяться на развитие здесь отдельных видов охотничьего и рыболовного промыслов.

С вершины полуострова в Байкал стекало несколько небольших речек – Буртуй, Крестовая, Маркова, Онгоконская.

По мнению ряда ученых, еще в ледниковый период Байкал выглядел иначе. Сток байкальской воды происходил через бассейн реки Лены , а современный исток Ангары стал результатом мощных сейсмических процессов. Была здесь и активная вулканическая деятельность. Об этом свидетельствуют многочисленные горячие источники. Кстати говоря, исток самой Лены всего в девяти километрах от Байкала, правда теперь он отрезан от озера стеной хребтов. Предполагается, что Баргузинская, Тункинская, Верхнеангарская долины некогда были заливами Байкала.

Берег Байкала от Култука до Мысовой представлял собой своеобразную дугу с вдающимися в нее бухтами. В этом месте их было значительно больше, чем на участке от Баранчика до Култука: Слюдянская между

Рыбачья деревня Баргузин

Горы Полуострова Святой Нос

Рука Баргузин

Шаманским мысом и Каркадаем, Бурочная (Буракшинская) между мысами Кикадаем и Безымянным, Куркавочная – между мысами Безымянным и Утуликским, Солзанская – между Утуликским и Солзанским, Осиновская – между Солзанским и Муринским, Паньковская – между Муринским и Снежинским, Мамайская – между Снежинским и Выдринским, Выдринская – между Выдринским и Осиновским, Дуриха – между Осиновским и Селенгинским, Шестопалиха – между Селенгинским и Куркавочным, Танхойская – между Куркавочным и Куркавочным и Переемным и другие.

Откуда в Байкале столько воды? Разумеется, от притоков – рек, речушек, ручейков. Сколько точно? Одни исследователи называли число 336, другие 460, третьи 544.

Большая часть байкальских притоков – небольшие горные речки и ручьи, стекающие в озеро. Наиболее крупные притоки – Селенга, Верхняя Ангара, Кичера, Голоустная, Баргузин.

Одним из важнейших притоков Байкала является Верхняя Ангара. В своем течении она бывает и мелкой, и узкой, и медленной. Но дельта ее поражает воображение. Она занимает более 500 километров.

Другим крупным притоком Байкала является река Баргузин. Она берет свое начало из озера Балантамур Южно-Муйского хребта на высоте около 2 500 метров. Протяженность Баргузина 480 километров, а площадь бассейна более 21 100 кв. км. Он считается третьим по объему воды притоком после Селенги и Верхней Ангары. Неслучайно еще Спафарий в своих записках отметил: «А река Баргузин – река великая». Река судоходна на 204 км от устья (пос. Усть-Баргузин) до села Могойто. В ее истоках много ледниковых озер, богатых рыбой. Вообще насчитывается порядка 1 076 озер, из них 20 горько-соленых.

Большинство рек в Слюдянском районе – горные, стекающие с Хамар-Дабана и впадающие в Байкал. Наиболее крупная река в пределах района – Быстрая. Западную часть Слюдянского района пересекает р. Иркут. Известны несколько озер – Слюдянское, Теплое, Голоустнинское, Култукское, Утуликские озера...

О реке Итанца, на которой был построен Итанцинский острог, а впоследствии возникло большое село Турунтаево, писал в свое время посол Спафарий в своих записках: «Впадает она в Селенгу, а вытекает из озера, и дощанниками и каюками не ходят подле нее сухим путем в острог Баргузин. По той речке по Итанце – степь великая… а места добрые и хлебородные».

Хотя Итанца и не впадает напрямую в Байкал, она несет свои воды в Селенгу, важнейший приток озера. Местные жители за ее «вертлявость» говаривали: «Это речка Итанца – ни начала, ни конца».

Хрустальный Байкал

Еще одна байкальская река – Турка. На ней стоит большое село, названное по имени реки. Длина реки около 200 километров. Она течет между хребтами Улан-Бургасы и Голондинский. Притоком Турки является река Ямбуй. По имени Турки названы также Туркинские минеральные источники, известные своими целебными свойствами далеко за пределами Прибайкалья.

Следует упомянуть реку Хаим, что в переводе с эвенкийского языка означает «выход теплых ручьев в реку», и байкальский приток Кику. Длина этой последней реки 82 км. Зарождается она на высоте 1 700 метров на хребте Улан-Бургасы, проходит мимо села Гремячинска, а затем сворачивает на север. Именно здесь, в пойме, образовалось несколько прибрежных озер – Малое Духовое, Большое Духовое, Дикое.

Несмотря на то, что все притоки несут в озеро различные взвеси, а во время ливней и паводков целые потоки органических веществ, целые глыбы и потоки камней, вода в Байкале удивительно прозрачная.

Прозрачность воды измеряется различными способами. Один из способов: специальным прибором – диском Сенеки. Это пластинка, окрашенная в белый цвет. Ее опускают с затененной стороны лодки, пока она не перестанет быть видимой. Тогда отмечается глубина.

Существует и фотографический способ. Он более точен. В воду опускают фотографическую кассету со специальным приспособлением. На определенной глубине это приспособление срабатывает. Глубина, на которой пластина перестает чернеть, также является определителем прозрачности воды.

Временами прозрачность Байкала достигала 40 метров. А средняя прозрачность воды составляет 18 метров.

4. Заповедный Байкал

На Байкале существует несколько заповедников, в том числе уникальный соболиный. Долгое время в мире валютой считалась и пушнина, она играла огромную роль в экономике России и Сибири.

В середине XVII века только Восточная Сибирь давала 80 тысяч соболей в год, а в целом в России добывалось 200 тысяч зверьков.

К 90-м годам XIX в. добыча пушнины в Восточной Сибири упала в два раза. В 1910 году во всей России охотники продали всего 27 тысяч соболиных шкурок. Истребление соболя было ускорено резким повышением цен на шкурку с 1900 года. В 1910–1912 годах заготовительная стоимость баргузинского соболя достигла огромных по тем временам цен – 235 рублей в среднем за шкурку и даже 400, а иногда и 600 рублей за наиболее ценные.

Байкало-Ленский заповедник

Водопад на притоке реки Снежная

Баргузинской соболь считался одним из лучших в мире. Для охраны его был создан Баргузинский соболиный заповедник, а для организации пушносырьевых торгов в Баргузинском уезде действовали две ярмарки – Баунтовская и Улюнская.

В 1912 году был издан царский указ, запрещающий повсеместно промысел соболя в течение трех лет. На Камчатку, в Саяны, Прибайкалье – основные места обитания зверька – были отправлены научно-исследовательские экспедиции.

В том же 1912 году было сформировано три экспедиции для изучения состояния соболя в Восточной Сибири. Один отряд должен был работать на Байкале, второй – в районах Восточных Саян и третий – на Камчатке. Байкальская экспедиция получила название Баргузинской, поскольку работала на территории Баргузинской долины, где соболь был самого высокого качества. А возглавил отряд очень известный в России знаток пушного промысла Г. Г. Доппельмаир. В экспедиции было еще четверо участников: Д. Н. Александров, А. Д. Батурин, К. А. Замбелин и З. Ф. Сватош.

21 июня 1914 года участники Баргузинского отряда прибыли в Усть-Баргузин, а 1 июля на пароходе «Святой Феодосий» экспедиция высадилась в Сосновской бухте на северо-восточном побережье Байкала, у западных

К. А. Забелин

Лаборатория Баргузинского заповедника

отрогов Баргузинского хребта. Подлеморье – так любовно звали этот район Байкала русские, буряты и эвенки.

В 1914 году участники экспедиции ушли в свои первые маршруты. Д. Н. Александров отправился вдоль берега Байкала до устья Большой. Северные байкальские территории исследовал сам Доппельмаир. А Сватош отправился по долине реки Нергили. Фактически заповедник стал работать с 1915 года. Именно с осени 1915 г. усилиями членов экспедиции на территории будущего Баргузинского заповедника была установлена охрана соболя. Шесть стражников несли наблюдение за местностью.

17 мая 1916 года постановлением иркутского генерал-губернатора у эвенков изъяли из пользования часть земель для Баргузинского заповедника и казенного охотничьего участка при нем. З. Ф. Сватош стал руководителем заповедника, где трудился до самой смерти в 1945 г. Его выдающиеся заслуги в исследовании животного мира Байкала общепризнаны во всем мире. На государственном уровне узаконение произошло позже – 20 января 1917 года министр земледелия представил в Сенат записку «Об учреждении Баргузинского заповедника».

Общая площадь нового заповедника составила 200 000 га. В современном виде площадь составляет 263 200 гектаров, в том числе трехкилометровая полоса акватории самого озера.

Особенностью Баргузинского заповедника было то, что местному коренному населению разрешалось вести охотничий промысел, который являлся главным способом существования. К тому же оказалось, что территории, которые отводились под новый заповедник, были местами традиционного лова на Байкале, именно здесь сосредотачивались главнейшие рыбные промыслы.

VIII.

Байкальские промыслы

1. Хлебопашество и огородничество
2. Охота
3. Заготовка кедрового ореха
4. Извоз
5. Торговля
6. Таможенная служба
7. Рыбный промысел
8. Золотой промысел

Тунгусы на охоте

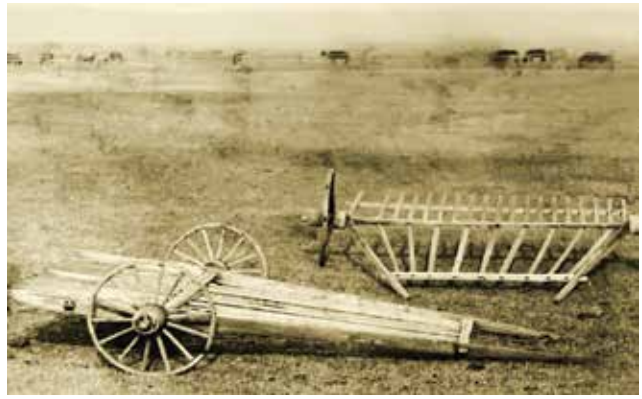
1. Хлебопашество и огородничество

Работа на земле в прибайкальских районах складывалась веками. Несмотря на отсутствие значительных земельных угодий, пригодных для занятия сельским хозяйством, хлебопашество играло важную роль в хозяйственной деятельности населения. Наличие ирригационных систем в разных землях, прилегающих к Байкалу, свидетельствует о постоянном употреблении хлеба древними народами. Декабрист Н. А. Бестужев в статье «Бурятское хозяйство», которая относится к 1853 году, писал о распространении у бурят земледелия: «… земледелие быстро распространилось между бурятами; они первые начали поливать свои пашни отведенными горными речками. Они выучились у русских пахать землю; зато, в свою очередь, русские теперь переняли у них искусство орошения, и везде, где есть возможность перенять горную речку или ручей, у нас за Байкалом, поля и пашни поливаются».

Известным земледельческим районом считался Култук. Здесь испокон веков местные жители покупали или обменивали муку и хлеб. Многочисленные торговые караваны, уходившие в Китай и Монголию, запасались хлебным продовольствием именно здесь.

Село Култук

Сельхозорудия крестьянского хозяйства

В прибайкальских районах существовал свой строгий порядок и очередность занятий. Когда заканчивался летний рыболовный промысел, жители готовились к сенокосу – правили необходимый инструмент, ремонтировали телеги. С «Прокопьева дня», т. е. с 8 июля, сенокос был главным занятием в большинстве районов. Сенокосные паи распределялись обществом. Это связано не только с вековыми традициями, но и с тем, что прибайкальские сенокосы, как правило, были приречные – заливные. Нередко на сенокос приходилось переправляться на другой берег реки или острова. Сенокос длился почти два месяца – с начала июля по конец августа.

К промыслам следует отнести и сбор ягод, шишки. Благо рынок Иркутский был недалеко, и таежный товар всегда пользовался спросом. Для некоторых семей сбор и продажа дикоросов являлись существенным подспорьем в жизни.

Сеяли главным образом то, что необходимо для собственного потребления – овес, ячмень, рожь, ярицу. В своей записке инженер Шац сообщал о сельскохозяйственных опытах в этом районе Прибайкалья, которые, скорее всего, относились к 60-м годам XIX века. «Опыт засеивания ячменя, овса и яровой ржи на устьях рр. Утулика и Мурина давно уже были произведены и довольно успешно, ныне же произведены опыты посадки огородных овощей на некоторых станциях и с полным успехом. Между прочим, проживающий на Снежнинской телеграфной станции Ревизор

Поля приангарья

Соха и борона

Волокуша

Молотилка

Тункинская долина

Иванов в минувшем лете, руководимый лишь мыслию об общей пользе, с особенною любовью занимался разведением всевозможных овощей и засеиванием зерновых колосовых растений. С этою целью г. Иванов собственными средствами и не жалея собственных трудов разработал около станции небольшое пространство земли в полтораста сажень длиною и несколько десятков саженей шириною – грунт этой местности составляет песчано-глинистая земля. Опыт Иванова увенчался полным успехом: и капуста различных пород, горох, свекла, репа, брюква и редька, конопляное семя и колосья ржи и пшеницы, доставленные г. Ивановым на бывшую в Иркутске опытную выставку, обратили на себя внимание и показали, что долина р. Снежной, около устья ее, в настоящее время совершенно пустынная, способна к заселению».

П. А. Кропоткин, путешествуя по Восточной Сибири, в том числе знакомясь с территориями Прибайкалья, рассуждая о местном населении, отметил: «Хлеба у них вдоволь, скота довольно; масло, следовательно, есть, и в обеде у них играет важную роль все мучное и жирное. Кислое для сибиряка необходимость, а потому хлеб непременно должен быть кислый; уксус льется нещадно на пельмени, и даже неудивительно, что хозяйка предложит вам подлить его в суп».

С августа наступало время уборки урожая хлебов. На это уходило много сил, поскольку

почти повсеместно имелась чересполосица, орудия жатвы были достаточно примитивные – главным образом серпы.

Табак выращивали во многих прибайкальских деревнях. И не только для собственного потребления.

Климатические особенности позволяли активно и успешно заниматься огородничеством.

2. Охота

У многих поколений байкальских жителей охота занимала существенное место в жизнедеятельности. В некоторых районах охотничий промысел играл первостепенную роль в хозяйственной жизни.

Георги, описывая промыслы народов, населяющих байкальские берега, остановился на «звероловствующих Тунгузах». Вот, что он писал относительно их охотничьих занятий: «Звериный же промысел производят различно. Они употребляют при том луки, стрелы, рогатины, силки, ловушки. А особливо самострелы и приученных к гоньбе зверей собак…

Упражнявшийся щастливо в звериной или рыбной ловле Тунгуз принимается за содержание оленей; оскудневший же оленный Тунгуз берется за звериный промысел и рыбную ловлю, либо разводит собак: но ни тот, ни другой не променяют лесов и гор на чистые степи или звериного и других промыслов на скотоводство».

Известно, что в прибрежной полосе Байкала добывали бобра. Бобровые меха ценились очень высоко, и за них нередко отдавали соболей.

П. А. Кропоткин, побывавший в этих местах в 1865 г., оставил такую запись: «Плаванье по Байкалу, рыбные промыслы и извоз послужили важным предметом обогащения для прибрежных крестьян, почему прибрежные деревни особенно велики и отличаются зажиточностью».

Старинное оружие бурят

Особой статьей охотничьего промысла была добыча пушного зверя. Пушнина веками была средством оплаты ясака, эквивалентом валюты и т. п. Удачный сезон приносил экономическое благосостояние семье.

По осени собирал охотников делить «подлеморские речки» знаменитый на весь мир баргузинский соболь. На специальных съездах договаривались, кто и где будет соболевать. Соболевщик – профессия трудная и опасная. Охотника подстерегали непогода и снежные лавины, труднопроходимые перевалы и горные дороги – зачастую единственный путь в определенное время года попасть к местам обитания соболя. В частности, пока Байкал не встал, попасть из Подлеморья к Баргузину можно было только через горы. «Этот переход очень труден, т. к. идти приходится по безлюдной местности, перебираясь с гольца на голец.

Бурят промысловик пушнины

Ветра, обычные в крае в это время года, в горах свирепствуют с особенной силой, навевая среди скал огромные массы снега – это, т. н. навивы, суметы».

Охота не прекращалась фактически весь год. В традиционные периоды промышляли в близлежащей тайге, зимой – на Байкале, используя любую возможность. С 1 октября на «Покров день» начинали белковать.

Особенным достижением в конце 90-х гг. XIX века в районе Подлеморья считалась добыча пушнины на 200–300 рублей.

Зимние и весенние промыслы были сопряжены с опасностями разного рода. И в частности ледовыми промоинами, истончением льда и т. п. Нередко даже опытные промысловики попадали в неприятные истории. У местных жителей была отработанная технология спасения провалившихся животных

Охотник на нерпу

и грузов. Вот что рассказывает О. К. Гусев: «Особенно опасными считаются участки набухшего синего льда. На таком льду лошадь проваливается мгновенно, и на поверхности остается только ее голова. Потопление лошадей весной наблюдается сплошь и рядом почти ежегодно. Местные жители знают несколько простых способов спасения лошадей. Провалившееся несчастное животное моментально распрягают, на шею ему привязывают канат, которым слегка душат его, чтобы тело вздулось и всплыло как можно выше. Сани приподнимают и ставят «на попа». За верхний вяз прикрепляют канат. Санями действуют, как рычагом. Предварительно пешней скалывается лед перед лошадью и вырубаются две ямки для закрепления саней. Легкую лошадь при некотором напряжении может вытащить и один человек, но тяжелые, рослые кони часто замерзают, прежде чем их удается спасти, в чем я убедился на собственном опыте.

Зная это, опытные нерповщики возят с собой нехитрое приспособление, напоминаю-

щее ворот, а также обязательно топор и пешню. Принцип действия ворота состоит в следующем.

Во льду пешней вырубается глубокое отверстие, в него вставляется кол, на который сверху надевается отрезок дуплистого дерева. Канат обматывается вокруг «ворота», и под него продевается пешня, служащая рычагом. Охотник ходит вокруг и постепенно выматывает канат. Этот способ дает возможность одному человеку вытащить на лед самую тяжелую лошадь».

Чем быстрее шло освоение прибайкальских земель, тем сложнее становились взаимоотношения человека и природы. Наряду со строгим соблюдением природных законов повсеместно ощущалось их нарушение. Промысловых животных становилось все меньше. До начала XX века промысловые законы в целом по Сибири соблюдались плохо. Охота на обитателей тайги, Байкала и его притоков шла круглый год, зачастую самыми варварскими способами. Неслучайно к концу XIX века ситуация с пушным зверем, соболем в частности, приняла катастрофический характер.

Кроме охоты на ценных пушных зверей, промышляли птицу – били рябчиков, куропаток, тетеревов, уток и гусей.

Глухарь

Первые две недели июля официально разрешалась охота на изюбря. В Прибайкалье на изюбря охотились на солонцах, природных выходах соли с собакой и трубой – к примеру, в Баргузинском районе охотились при помощи специальной трубы, сработанной из сосны. Кроме мяса в дело шли панты, которые чрезвычайно ценились в Китае, кожа после специальной выделки использовалась для пошива одежды.

Веками шел промысел на нерпу. Археологи утверждают, что зверобойство на Байкале

Нерповщик

Охота на медведя под Иркутском

Промысел нерпы

относится еще к донеолитическому времени.

Ольхонские буряты кроме традиционных орудий промысла применяли при охоте на нерпу сети из конского волоса. С годами этот способ был усовершенствован. Н. П. Левин описывал его, изучая рыболовство и охоту на Ольхоне: «Охота еще проще и доступна всякому, даже не промышленнику-специалисту. Сеть… плетется из конского волоса… Для сетевого промысла нужна еще опытная собака, роль которой у ольхонцев исполняют обыкновенные улусные собаки. Промысел основан на том, что нерпа, дышащая легкими, нуждается в свежем воздухе. На промысловых собаках лежит обязанность… отыскать нерпичьи отдушины, найдя которые пронзительным лаем дает знать хозяину. Придя на зов своего помощника к отдушине, охотник вбивает около нее деревянный кол, за которым привязывает сеть. И сеть опускается в воду через небольшую отдушину, «хунге», таким образом, чтобы подошедший зверь непременно в ней запутался…»

Именно бурятские охотники внедрили в практику охоты санки с парусом, лодки. При раскопках древних стоянок археологи находили свидетельства активной охоты. Издревле занимались охотой на нерпу и жители южнобайкальских сел и поселков.

Добычей нерпы занималось население Крестовки, которая находилась в 160 верстах от истока Ангары.

В мае 1900 года Министр Земледелия и государственных имуществ действительный тайный советник Ермолов сообщал статс-секретарю А. Н. Куломзину: «В отношении своем от 22 февраля сего года Ваше Высокопревосходительство изволили сообщить мне Высочайшую Его Императорского Величества отметку: «К министру земледелия», по поводу указания во всеподданнейшем отчете о состоянии Забайкальской области за 1898 г. на беспорядочную и бесконтрольную охоту на водящийся в Байкале особый род тюленя (нер-

Семейный промысел

Охотник с ондатрой

па), не имеющую никакой пользы государству. В помянутом отчете указано вместе с тем предположение, что изучение природы нерпы и установление особых правил охоты на нее могли бы дать доход казне предупредить исчезновение Байкальского тюленя». Эта заинтересованность высшего чиновника позволяла поставить вопрос о специальной зоологической экспедиции на Байкал. И действительно, в 1901 году на средства фонда вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги зоологическая экспедиция под руководством профессора университета Святого Владимира Коротнева отправилась на Байкал.

Вообще, жители прибайкальских сел и деревень вели смешанное хозяйство. Так, в Крестовке занимались исконно промыслами – охотой и рыболовством, но некоторые еще сеяли хлеб и держали скот.

Весной и осенью с овец снимали шерсть, осенью заготавливали картофельную муку – перетирали картофель на терках. В это же время запасали «смолье» для освещения. В буквальном смысле его выкапывали. Находили пни и извлекали из земли специальным инструментом – «копаницей» и топором.

Когда выпадал снег, по санному пути к домам завозились дрова и сено.

3. Заготовка кедрового ореха

В сентябре начинался сбор кедрового ореха. В большинстве населенных пунктов кедровый промысел являлся важным элементом хозяйственной деятельности. В. Демин так описывает этот промысел жителей южного Прибайкалья: «Добыча кедровых орехов по значению была второй отраслью в хозяйстве крестьянина после хлебопашества. Еще шла уборка, а мужики уже ехали в тайгу на «смотрины», «смотреть шишку», как они говорили. Без «смотрин» в кедрачи не заезжали. Надо сначала определить, какой урожай орехов ожидается, и внимательно приглядеться к кедровке, если ее много на той или иной гриве, значит, надо ждать нашествия этой птицы, для которой ничего не стоит буквально в один день спустить всю шишку с целых грив. Тогда незачем заезжать в тайгу. Не всем это грозило, кедровка, как правило, обрабатывает одну-две гривы, на других можно колотить. Начинались

Добыча ореха колотом

Кедровые леса в Саянах

Очистка кедровой шишки

сборы, собирались семьями, и в первых числах сентября заезжали в тайгу. Каждый двор заезжал в свой балаган (зимовье), вернее – на свою гриву или в свое урочище, отведенное ему сходом. Нигде в другом месте без разрешения схода хозяину двора не разрешалось колотить орехи. А если он самовольничал, сход или староста лишали его прав на получение своей доли в тайге. Все балаганы, как и пашни, назывались именами или фамилиями хозяев, например, балаган «Филиппа Бачина» или «Бурмакинский» и т. п.

Заезд в тайгу колотить орехи был своего рода праздником. В каждом дворе запрягали и завьючивали коней. На целый месяц уезжала вся деревня, все, кто мог носить колот и собирать шишку; вести хозяйство и присматривать за скотом оставались старики и ребятишки. У всех отъезжающих было приподнятое настроение, к этому располагало «освобождение» , хоть и мимолетное, от ежедневных хозяйственных и домашних хлопот, и кружила всем голову предстоящая встреча с неповторимой природой южного предгорья Байкала, с кедровым лесом, в котором необычно легко и привольно дышалось.

Первые два дня заехавшие в тайгу обустраивали балаганы, выкладывали в них каменки, изготовляли колота, рубили срубы под шишку, строили сусеки для хранения орехов до зимников и выкраивали время сходить в гости в соседние балаганы, посидеть у костра, у этого таежного камина, поговорить, поделиться новостями, почаевничать...»

Орехов наколачивали много, в среднем по 30–50 под зашивку мешков чистых каленых. В прошлом веке Култук был одним из главных поставщиков кедрового ореха на иркутский рынок.

При старом отлаженном промысловом укладе крестьяне «спешили по Култушной и Иркуту, до наледей, в кедрачи, где с сентября крестьяне хранили в специально изготовленных сусеках каленый кедровый орех, который вывозился только по зимникам. Случалось, приезжали, а в сусеках вместо ореха лежала труха, подернутая плесенью. Это когда при закладке в сусеки попадали непрокаленые орехи. В Култуке почти все дворы, за редким исключением, заготавливали орехи, заготавливали только на своих гривах и в своих урочищах, отведенных сходом. Привезенные из тайги орехи обычно засыпались в огромные бочки, вмещавшие по 25–30 мешков под зашивку. Эти бочки никогда и никто в амбары не затаскивал, их изготовляли любых размеров. В верхней крышке делали отверстие, чтобы через него пролезала по локоть рука подростка. Это была зимняя мера потребления ребятишками ореха. Другим образом орехи уже

Промысловая база

нельзя было достать. Ранней весной орехи вывозились в Иркутск на рынок, где на них всегда был большой спрос.

По доходам орехи занимали второе место после пушнины. В Култуке есть много дворов, которые по сей день стоят; они были построены на вырученные от продажи орехов деньги. В наше время, в тридцатых годах, Култук поставлял в Англию по 150–200 тонн орехов».

В Иркутске действовал маслобойный завод Лоцмана. На нем перерабатывали семена льна и конопли. Время от времени здесь перерабатывали и кедровый орех. Это была первая попытка получить продукцию из кедрового ореха фабричным способом.

Существовали особые правила сбора кедрового ореха. Существенным моментом было то, что при заключении договора заготовителю отводилась особая деляна.

Добывали шишку «колотом» – большим деревянным молотком. Бьющая часть – обрубок сырого бревна толщиной 26–30 см и длиной 0,7 метра. Черенок – 2,1 м и более. Толщина черенка – 8–10 см. Такой кедровый молоток весил и 30, и 50 кг.

Работали колотом так: черенок подставляли к основанию кедра и придерживали ногой, затем колот отклоняли и с силой били по дереву.

Во время промысла добытую шишку хранили в сусеках. Последние рубились специально из 3–5 вершковых бревен, очищенных от сучьев и срубленных по углам, как рубятся жилые избы. Площадь сусека от 3,5 до 8,4 кв. метров. По мере заполнения сусека клали новые венцы. В двух нижних делали специальные отверстия, из которых шишку доставали для обмолота.

Перед вывозом урожая шишку обмолачивали. Если вывоз по каким-то причинам откладывался, урожай хранили в сусеках без обмолота.

Разделывали шишку вручную или с помощью молотильного приспособления. Молотильная машина представляла собой примитивный механизм. В обмолоте участвовало до 5 человек, но все равно даже такой механизм облегчал труд. Если с помощью терки один человек обрабатывал в среднем 10 кулей (примерно 100 кг) чистого ореха, то машина позволяла переработать и получить продукции в два раза больше.

Но раздробить шишку – это только часть дела. Следовало еще просеять орех. В ход шло сито из березовой коры, в которой пробивали дырки пулевой гильзой. К краям бересты пришивали обечайку, и решето для просеивания было готово. Само приспособление подвешивали на веревках.

Инструмент добытчика кедрового ореха

После просеивания начиналась операция провеивания. Делалось это так. На расстоянии 10–12 метров от места обмолота устраивали 6-метровый ларь, длиной 4 и шириной 1 метр. Кверху ларь расширялся до 2 метров. Передняя поперечная стена отсутствовала. «Сверху ларь до половины длины завешивается холстинами, брезентами, половиками, вообще всем, что есть под руками. Отсеянный орех бросается в ларь особо устроенными большими деревянными ложками, имеющими в 1,5 метра черенок. Во время полета ореха в ларь мелкий сор, как более легкий, относится ветром в сторону или не долетает до ларя, как и более крупные части раздробленной шишки. Если нет времени или средств устроить ларь, то промышленники прибегают к следующему способу: на ровной площадке, покрытой мелкой травой или совершенно лишенной растительности, на 2-х кольях подвешивается широкая, метра полтора ширины и не менее 2-метров длины, холстина или брезент. Веяльщик становится против этой занавеси и деревянной ложкой или лопатой бросает орех. Занавесь в этой случае играет роль задней стенки ларя. Об нее ударяется и падает на землю более тяжелый орех, который без такого заграждения рассыпался бы по земле. Кидать орех в ларь приходится с силой, и хотя в ложку, которой просеивается орех, входит всего около 200 г, работа веяльщика очень тяжела, поэтому исполняют ее только мужчины, чередуясь между собой. Более 2-х дней такой работы не выдерживает и самый сильный человек. За день человек может просеять 7 мешков (458 килограммов) ореха, иногда более, но при условии самой напряженной работы».

Барабан для обмолота шишки

На заключительной стадии заготовки орех вывозился и просушивался в русской печи, на полу, в сараях и амбарах на холстинах, в овинах на соломе.

4. Извоз

Зимний путь через Байкал осваивался давно – навыки и опыт зимнего переезда через озеро передавались из поколения в поколение. Еще Избрант Идес в «Записках о русском посольстве в Китай (1692–1695)» писал: «Езда по озеру опасна, если путешественников в крепкие морозы застанет буран. Запряженные в сани лошади должны иметь очень острые подковы, так как лед очень скользкий, а снега не найти даже на земле, его тут же уносит ветер. Имеется также много незамерзших полыней, опасных для путешественников, если они попадают в сильную бурю, так как коней, если у них нет острых подков, несет ветром с такой силой, что они не могут ни во что опереться и скользя и падая на этом гладком льду, вперед с санями и иногда попадают в полынью. Так гибнут часто и лошади, и люди».

Через Байкал таким же способом перебирались и караваны верблюдов и быков, которые следовали в Китай. Для верблюдов де-

Зимняя дорога по льду Байкала

лали специальные кожаные башмаки, которые также подбивали острыми шипами, а быкам, по заверениям Идеса, прямо в копыто вбивали острые куски железа.

Жители Лиственничного держали большое количество лошадей, которые служили для доставки людей и грузов из Иркутска в Лиственничное и обратно, для перевозки казенной и частной почты и т. д.

Кропоткин считал Ильинскую волость, в которую входил Кабанск, одной из богатейших в Забайкалье, «несмотря на то, что земли немного и скотоводство не особенно развито. Но стоит войти во двор богатого хозяина, чтобы догадаться о причине этого благосостояния. Непременно во дворе вы увидите огромное количество телег. Телеги эти двухколесные, особого фасона, единственно употребляемые в Забайкалье. Их число обличает преобладающее занятие жителей. Извозничество развито здесь в огромных размерах: ходят в Читу, отвозя десятки тысяч пудов хлеба для амурского

Крагобайкальский тракт

сплава, ходят в Кяхту и перевозят все чай из Кяхты до Байкала. Особенно же извозничают крестьяне кабанские, по своему удобному положению между Байкалом, Кяхтою и Читою…»

Если по другим сухопутным почтовым трактам почта шла круглогодично, то график движения почт на Байкале зависел от матушки-природы.

Ежедневно по воскресеньям уходили из Иркутска «легкие почты в почтовых кибитках с двумя пассажирами». Зимний проезд по Заморскому тракту через Байкал в направлении Кяхты прекращался с 20 марта. Дата эта ежегодно менялась, и в газетах появлялись специальные уведомления следующего содержания: «Иркутская Губернская почтовая контора, получив донесение Смотрителя Лиственничной станции от 27.03 с. г. за № 18 об опасном проезде через Байкал, прекращает отправку через оный в Забайкальский край почт, которые будут отправляться туда с 1 ч. Апреля по Кругобайкальскому тракту».

Точно так же, по донесению лиственничного смотрителя «о восстановлении сообщения по льду через озеро Байкал, в Иркутской губернской почтовой конторе постановлено: почты, эстафеты и проезжающих, следующих как из Иркутска в Забайкальский край, так и оттуда в Иркутск, с сего числа направлять чрез озеро Байкал; временным лошадей, выставленных на время невозможности переезда чрез Байкал, на станциях Круго-Байкальского тракта, считать снятым с 10 сего января».

Вообще, с этим отрезком тракта Иркутск – Лиственничное было много проблем. Казалось бы, рядом байкальский берег, а сколько трудностей испытывали все, кто отправлялся в путь к Байкалу. Жители Лиственничного, вконец замученные тем, что нередко оставались отрезанными от железнодорожной станции Байкал (Баранчук), даже составили мирской приговор с ходатайством установить постоянное правильное почтовое сообщение с Иркутском. 1 февраля 1900 года иркутский уездный исправник в донесении Иркутскому губерна-

На станции в ожидании лошадей

Н. Сверчков. «Ямщик»

тору, вероятно, пересказал суть проблемы, изложенной листвянскими обывателями в мирском приговоре. «Сообщение с Иркутском возможно только два раза в неделю, в дни прихода и отхода поездов железнодорожных и то при условии хорошей погоды и возможности попасть на станцию Байкал на пароходе частного лица, на лодке или по льду; во время же бурь и распутицы, каковая бывает с 1 декабря по 10 января и с 1 апреля по 15 мая, сообще-

Ямщицкое хозяйство

ние с. Лиственичного с Баранчуком совершенно прекращается и с. Лиственичное, как имеющее 10 тысяч жителей и составляющее большой промышленный центр, единственную пристань на этой стороне Байкала, с большим судостроительными заводами (верфями), крайне нуждается в ежедневном сообщении с Иркутском; даже при открытии ежедневного движения поездов по Иркутско-Байкальской ветви, сообщение Лиственичного с Иркутском будет затруднительно потому, что не установлено обязательного отхода пароходов из с. Лиственичного в Баранчук и обратно, а во время распутицы для этого сообщения необходим специальный пароход-ледокол. В настоящее время Почтовое начальство, чтобы обойти это неудобство, обязало почтосодержателя Шипунова содержать одну почтовую пару в Лиственичном. Почты в распутицу из с. Лиственичного в Иркутск и обратно возить один раз в неделю на проходных лошадях 60 верст, а прием эстафет в Лиственичном из Иркутска в Лиственичное совершенно прекращено».

Далее исправник описывал все сложности, которые возникают при этом. К тому же оказалось, что в Лиственичном имеется большое число чинов, которые имеют право брать обывательских лошадей в любое время для выполнения служебных поручений. Это и почтовый чиновник, и 9 таможенных чиновников, жандармские унтер-офицеры, крестьянский начальник, исправник и становой пристав, мировой судья и товарищ прокурора,

Кругобайкальский тракт. Станция Мысовая

судебный следователь и епархиальный наблюдатель школ и многие другие. А если учесть, что только в 1899 году через Листвянку проследовало более тысячи ссыльно-поселенцев, да еще каторжных в Забайкальские рудники, было от чего схватиться за голову лиственничной власти. Обывательских лошадок-то по расписанию было всего две пары. Понимая, что завтра улучшений не будет, просили жители Лиственничного хотя бы еще несколько почтовых лошадей поставить в селе Тальцинка и Патронах. Чем закончилось дело – неизвестно, но, скорее всего, проблема так и осталась неразрешенной.

Конечно, со временем улучшалась и доставка почты и грузов, перевозка пассажиров и сами почтовые станции становились удобнее и комфортнее. В 1893 году корреспондент газеты «Восточное Обозрение» писал: «Более уже десяти лет я не ездил на почтовых. В течение этого времени многое изменилось на станциях, по крайней мере по дороге в Култук. Нет прежних, оборванных и грубых писарей, большею частью с опухшими от пьянства физиономиями; место их заняли молодые, вполне приличные люди. Станции содержатся необыкновенно чисто, стены выбелены, полы выкрашены; везде запасены дезинфекционные средства на случай холеры. На стенах почти везде вместо прежних лубочных картин портреты Государя, Государыни и Наследника…»

Услугами извоза активно пользовались на Байкале в период ледостава примерно с января по середину, а то и конец апреля. За переезд, по сведениям П. А. Кропоткина, брали от 10 до 50 и даже до 100 рублей! «Эти переезды отличаются порядочною оригинальностью, но крестьяне уже хорошо знают Байкал и привыкли бороться со всеми трудностями, а потому переезды большею частью бывают безопасны, иногда, впрочем, сопровождаясь купанием в Байкале. Лед растрескивается, и для переправы через такие трещины, через которые положительно уже невозможно перескочить лошадям, приходится прибегать к разным хитростям. Тогда или подкладывают несколько кольев, вместе моста, или отыскивают кусок льдины, чтобы втиснуть его там, где трещина поуже, сделать из него мост, переезжают на льдине, как на пароме, причем все зависит от воли ветра, и приходится иногда ждать, пока соседние трещины не закроются, что бывает часто с переменой направления ветра. Но затем, около начала мая, всякое сообщение становится уже невозможным и приходится ездить кругом моря».

Декабрист А. Е. Розен, следующий в ссылку, оставил в своих «Записках декабриста» такие строчки: «В Иркутске дали нам в проводники казацкого урядника; со второй станции переехали Святое море, или Байкальское озеро, 60 верст на одних и тех же лошадях; ямщики имели в санях запасные доски, чтобы в случае попадающихся широких прососов или трещин устроить мост на льду. Чрез трещины шириною в аршин кони перескаки-

Верхнеудинск

Почтовый двор в Иркутске

вали с такою быстротою, что длинные сани не прикасались воды…»

В извозе была своя, так сказать, транспортная классификация. Различалась езда на почтовых, вольных и долгих лошадях. Что такое почтовые и вольные лошадки, объяснять не надо, о них говорят сами названия. По необходимости, когда не было возможности воспользоваться ни теми, ни другими, прибегали к помощи «долгих». Эту услугу оказывали люди, которые не имели права, по разным причинам, ездить на обывательских лошадях. Передвижение на «долгих» означало, что один и тот же возница, одна и та же лошадка везут вас без перемены и день, и неделю, и, если необходимо, месяц. Езда на «долгих», не подразумевающая перемены лошадей, утомительна – через каждые двадцать-двадцать пять верст обязательный отдых, кормление коней. Такие «экипажи», как правило, на ночевку останавливались в частных избах у тех владельцев, которые имели желание сдать помещение путешественникам.

Повозки были самых различных видов: от обычной телеги до крытой кибитки или возка. А. Розен уточнял, что сбруя коня была веревочная с узлами.

Извоз как промысел особенно активизировался в период строительства Транссибирской магистрали и, в частности, ее Кругобайкальского участка. Газета «Восточное Обозрение» писала: «Ямщиков на Байкале масса. Одна переправа Забайкальской ж. д. ежедневно отправляет 100 вагонов груза, на что нужно не менее 1 800 подвод».

При всей важности промысла, извоз следует рассматривать как вспомогательный вид деятельности прибайкальского населения. Он не оказывал решающего влияния на социально-экономическую жизнь конкретного села или общества, группы деревень. Вероятно, так сложилось в силу экономических особенностей прибайкальских территорий – извоз мог дать средства для жизни нескольких семей. Поэтому остальные вынуждены были заниматься другими промыслами.

Перевозка производилась главным образом в тех местах, где имелись стратегически важные дороги и тракты, промыслы, требующие постоянного движения грузов. Довольно

Сибирский ямщик. Немецкая открытка нач. XX в.

оживленно шли грузы по линии Кяхта – Байкал – Иркутск по так называемой Игумновской дороге, Кяхта – Чертовкинская пристань на Байкале, Чертовкинская пристань – Верхнеудинск, Иркутск – Лиственничное, по Кругобайкальскому тракту из Иркутска в Верхнеудинск. Возили главным образом продукты питания, мануфактурные товары. В первой группе превалировали чай, хлеб, соль, вино.

Особо сложными были перевозки через Байкал. Путь от Верхнеудинска до Иркутска по льду занимал от 4,5 до 6 суток.

Извозчиками в массе своей являлись жители прибайкальских деревень, где занятие сельским хозяйством носило эпизодический характер. Газеты пестрели заметками о нехватке лошадей, диких нравах на почтовых станциях, отсутствии мало-мальских бытовых условий для путешествующих. Особенно плохо обстояли дела, когда наступали распутица или наплыв различного рода приезжих специалистов – топографов, землеустроителей и т. п. Тогда частным лицам передвигаться было вообще невозможно. К примеру, расстояние между Иркутском и Мысовой в 256 верст покрывалось из-за малообеспеченности извозчиками в 7–10 суток, в какой-нибудь Переемной повозку можно было прождать и четверо суток, в Большой Глубокой одна семья в ожидании лошадок просидела шесть дней!

Зимой, когда Байкал замерзал, число лошадей на тракте увеличивалось, и наоборот, летом дополнительные пары снимались. Как правило, на крупных станциях оставалось три пары лошадей, на всех остальных – две. Цены на содержание лошадей признавались очень высокими. Пара почтовых лошадей в год обходилась от 950 до 1 200 рублей.

Но это были цены, так сказать, государственных почтовых лошадок. А, к примеру, по Тункинскому тракту почтовых пар вообще не было. Здесь пользовались услугами обывательских или вольнонаемных. И цены здесь были, соответственно, выше.

5. Торговля

Кроме традиционных промыслов жители Прибайкальских сел и деревень занимались торговлей. Торговая деятельность строилась по тем же принципам, что и в любой иной точке России или Сибири с поправками на местные особенности. Существовали крупные и мелкие оптово-розничные специализированные и смешанные ярмарки, имелась розничная торговля. К примеру, поселения Никольское и Лиственничное в 1905 г. имели торгово-промышленный оборот в 210 тыс. руб., в 1906 – 168 тыс., в 1907 – 152 тыс.

Развиваясь, уже в конце XIX в. Лиственничное становится крупным перевалочным пунктом для акцизных товаров – алкоголя и чаев. Здесь было множество лавок и лавочек,

Ярмарка на Ангаре

винных погребов и трактиров. Крестьянин Тельминской волости А. О. Емельянов просил Управление государственными имуществами Иркутской губернии отвести ему землю под строительство мясной лавки. В прошении он, в частности, писал: «Владея домом в селении Лиственичном, я имею крайне малую усадьбу, которая не дозволяет мне иметь лавки для торговли мясом, мною производимом; между тем, прямо против моего дома через улицу (мой дом значится под ст. 25) имеется свободное пространство, примыкающее к берегу Байкала, которое может быть пригодно для установки нежилой постройки для торговли и для склада мяса. Мне для этой надобности требуется участок шириною от берега до дороги три сажени, а длиною четыре сажени.

Такой участок, будучи отведен мне, нисколько не стеснит ни пользования бичевником, ни прохода по улице, точно так же и в пожарном отношении стройка нежилая будет безопасна.

От края воды Байкала до линии, где идет улица, свободное пространство составляет в длину 9 саженей, так что если Управление Государственными имуществами даст мне разрешение занять место под лавку на протяжении 9 аршин, то и тогда по берегу останется свободная полоса шириной в 6 саженей, то есть гораздо больше, что оказывается в других пунктах по линии селения Лиственичного...»

Иркутская мещанка М. А. Чиркунова тоже просила выделить ей участок земли под строительство мясной лавки.

Новогрудский мещанин И. М. Вильневчиц хотел арендовать землю под ренсковый погреб «с продажей вина только на вынос».

Иркутский купец А. Пихтин занимался винным делом в Лиственничном давно. В 1899 году он просил разрешение на открытие винно-бакалейного магазина. Об этом же ходатайствовал другой иркутский купец И. Белозеров.

Часть жителей Лиственничного и Никольского зарабатывали на жизнь сдачей в аренду помещений – главным образом рыбопромышленникам и тем, чей путь лежал через Байкал. Пароходы делали рейсы не каждый день, и, чтобы переждать какое-то время, прибывшие

Ярмарка на реке

пассажиры вынуждены были ночевать в Лиственничном.

В разных местах Прибайкалья проходили традиционные торгово-промышленные ярмарки. К примеру, с 15 июня съезжались на Ольхонскую торговую ярмарку из Иркутска и Манзурки, близлежащих местностей для оптовых закупок главным образом рыбы и продукции сельского хозяйства. Располагалась эта ярмарка-базар на берегу Базарной бухты в проливе Ольхонские ворота. Собственно, и имя свое бухта получила от проходящих здесь шумных базаров.

Ольхонская ярмарка созывалась по общественному приговору. Избирался и базарный староста. В 1876 году им стал инородец «Чернорудского рода Алодий Хилаев. Общество дало ему такое наставление: «Степная Дума, командируя Вас на ярмарку, учрежденную на берегу в губе Ольхонского пролива моря Байкал поручает:

вовремя открывать ярмарку, находиться безотлучно, наблюдать за порядком, разбирать жалобы;

чтобы никто не продавал на ярмарке хлебное вино и другие крепкие напитки;

запрещать скупать рыбу одному лицу и передавать в другие руки из-за барышей;

если Вами будут замечены беспорядки: грабежи, воровство, драки и т. д. – обязательно задерживать виновных и передавать в Думу;

наблюдать, чтобы лица, не заплатившие установленную пошлину, были задержаны и доставлены в Думу».

А вот другой приговор от 11 февраля 1883 года, касающийся Ольхонской ярмарки, который носит уже ярко выраженный экономический характер. Здесь устанавливаются цены и тарифы на конкретные услуги. Так, определялось, что «с каждой бочки посола рыбы брать 30 коп., с лагуна, равного половине бочки, 15 коп., за место, находящееся под лавками, 3 рубля, балаганами по 1 рубль 50 коп., с хозяев каждого невода 5 руб., за табак, коноплю, жира – по 2 коп.».

В декабре и апреле проходили ярмарки на севере Байкала – в Душкачане. Главным товаром оставались рыба, меха и съестные припасы.

Чем торговали, вернее, за что платили деньги в ранний период освоения Прибайкалья, известно из многочисленных документов той поры. В свободном обороте были продукты питания, холст, кожа, посуда, различного рода изделия ковки. Хлеб, соль, порох служилым людям, как правило, выдавались в счет жалованья. Но, судя по наличию в сибирских острогах, как обязательного элемента, базара с базарной площадью, те же продукты могли находиться и в свободной продаже.

Ольхонская переправа

Надо полагать, в свободной продаже находились продукты всех видов промыслового хозяйства – рыба, дичь, говяжий жир. Крестьянство поставляло на рынок продукцию сельскохозяйственных промыслов – продукты питания, солому, смолу, дрова.

В конце XVI века в «Перечневых выписках окладных и неокладных расходов и доходов» уже фигурируют «московские» товарные «присылки»: английское сукно, красный кумач, выбойка, медь зеленая.

Из «Описания Иркутска 30-х годов XVIII века» Миллера известно, что в Иркутске действуют «винной подвал», за гостиным двором мясной ряд, есть мелочный ряд, пивоварня с пивным кабаком, винные и медовые кабаки.

Ко всем заведениям, производящим хмельное, внимание особое. Это наиважней-

Село Лиственничное

шая статья государственных доходов. Любопытно, что из отписки иркутского таможенного головы Василья Курлакова об устройстве казенных кабаков за Байкалом, датированной 1698 годом, следует, что за Байкалом никаких кабаков и продажи крепких напитков нет.

6. Таможенная служба

Одной из особенностей организации торговой деятельности следует считать таможенную службу, которая контролировала поступление товаров из Монголии и Китая и, соответственно, в Монголию и Китай.

Иркутская таможенная линия, или Иркутская таможня, была создана, по одним данным, в 1861-м, по другим, в 1862 г. Таможенная линия состояла из застав. В разное время в их число входили контрольные пункты Ангинский, Байкальский, Бодайбинский, Бугульдейский, Выдринский, Витимский, Култукский, Лиственничный и др.

Самое большое количество застав находилось именно вокруг Байкала, который являлся транзитным пунктом в торговых отношениях с Монголией и Китаем.

Собственно история байкальской таможни и начиналась с желания упорядочения торгово-экономических отношений с Китаем. 24 октября 1722 года был подписан императорский указ – своеобразная инструкция инспектору таможен Сибирской губернии. В числе 23 пунктов и этот: «Надлежит ему, инспектору, управление и надзирание иметь надо всеми пограничными таможнями, которые в Сибири обретаются, а именно, которые в Китай, мунгалы и иные иностранные к Сибири прилежащие, или пограничные земли».

В особенности много внимания уделялось торговле с мунгалами (монголами). Предлагалось определить, нет ли надобности в открытии новых таможен, не нужно ли увеличить число надсмотрщиков. В статье 6 говорилось, что «Особливо ему надлежит ясно описать

Таможенный пост в Култуке

зимнюю и летнюю дорогу, которою обыкновенно ездят в Китай и Мунгалы».

В обязанности таможенников входило ознакомление с родом товаров, проходящих через таможни, изучить систему пошлин.

Любопытна 12 статья: «Может ли купечеству полезно быть, чтоб Его Императорское Величество изволил всякими товарами Российскими и Сибирскими и иными иностранными в Мунгалы торговать, или лучше ли бы было, чтоб некоторые товары, которые прямо в Мунгалах не расходятся, запретить туда ввозить, чтоб Российский торг в Пекине не испортить».

Давались таможне и другие поручения. В частности, узнать, достаточно ли в крае телег, саней, лошадей, велика ли плата за провоз, собрать сведения, нельзя ли устроить водное сообщение по Сибири? «Осведомиться, можно ли расчистить Ангарские пороги и разделать дорогу по берегу р. Ангары, у Симанского (Шаманского) порога и нельзя ли завести два буера на Байкал для перевозки людей, писем и товаров с одной стороны моря на другую, из которых один буер может быть в Иркутске, а другой в Селенгинске».

Иркутская таможенная линия включала в себя две заставы – в Култуке и Лиственничном. Таможенные посты действовали в более мелких населенных пунктах – Голоустной, Бугульдейке, Курети. В Лиственничном таможенная застава, входившая в состав Иркутской таможни, препятствовала проникновению контрабандного товара на западном участке Байкала. Сообщения, подобные этому, были не редкостью. Лев Марков рассказывал: «В апреле 1898 г. на Лиственичной таможенной заставе было замечено, что по льду Байкала к селу Лиственичному движется человек с поклажей. Досмотрщик послал казака для задержания. За церковью Лиственичного неизвестный бросил свой мешок и побежал вглубь Байкала. Из-за ненадежности льда казак не решился его преследовать, а в подобранном мешке оказалось 30 фунтов чая».

А вот еще одно сообщение, подтверждающее, что Лиственничная застава не была периферийной таможенной точкой: «В феврале 1899 г. три вооруженных шашками и револьверами стражника Лиственичной заставы, остановив сани с контрабандным чаем, не смогли справиться с двумя провозителями, имевши-

Прием чая в гостином дворе

ми револьверы, побросали оружие и скрылись в безопасное место».

С развитием Кяхты как центра торговли с Монголией и Китаем значение байкальских таможенных пунктов уменьшилось. Но во второй половине XIX века, в особенности после заключения в 1851 году Кульджинского договора, кяхтинская торговля постепенно сдает свои позиции. Иркутск вновь завоевывает место основного международного транзитного пункта. Главные таможенные операции переносятся сюда, и с 1861 года Иркутская таможня опять становится ведущей в регионе, следовательно, таможенные пункты и караулы байкальской линии вновь обретают свое утерянное значение.

С постройкой Транссибирской магистрали стал осуществляться досмотр груза на железнодорожном вокзале в Иркутске и на границе Иркутской губернии и Забайкальской области. Это происходило на станциях Танхой и Выдрино.

С началом работы Байкальской железнодорожной переправы забот таможенникам прибавилось. Теперь приходилось досматривать грузы, личные вещи пассажиров.

Увеличивается состав иркутской таможенной службы, растет число застав, появляются таможенные посты.

Первоначально таможенную линию обслуживали сибирские казаки, в 1898 году от их услуг отказались. Взамен была создана вольнонаемная таможенная стража – пешая и конная. Стражники совершали обходы и объезды своих постов и обязаны были не допускать нарушения таможенных законов. Поскольку заставы обслуживали различные территории, то и количество стражников было разным. В частности, на Култукской заставе служили 6 пеших и 6 конных стражника, а в Лиственничном 18 и 16 соответственно, в Мысовой 4 и 2.

При портовых пристанях существовали специальные досмотровые залы. Современному читателю покажется странным, но всех пассажиров, которые выезжали из Листвен-

Почтовая станция

Сотый километр култукского тракта

ничного в Иркутск на пароходах, подвергали таможенному досмотру. Процедура эта, нередко томительная и скучная, занимала несколько часов.

В 1900 году в Иркутскую таможенную линию входили следующие участки таможенного контроля: Иркутский (городской), Кяхтинский, Лиственничный, Куретский, Мысовой, Сретенский, Тункинский. К этому времени действует 30 таможенных постов.

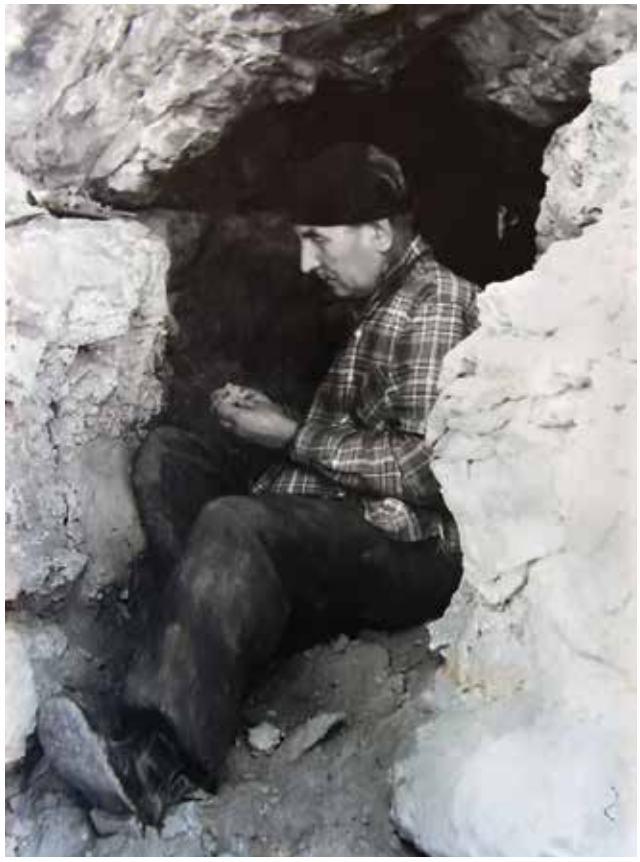
В начале XX века Иркутскую таможню возглавлял граф С. Д. Татищев. Он же разработал специальную инструкцию для служащих своего ведомства. «В досмотрщики принимаются лица всякого звания, но предпочтительно из запасных воинских чинов, безупречного поведения, грамотные… здоровые и пригодные к таможенной службе, в возрасте не менее 21 года и не старше 30 лет». Предусматривался испытательный срок. Строго были выписаны правила поведения таможенника: «Досмотрщики обязаны… без разрешения не отлучаться… С товарохозяевами, с купцами, агентами железной дороги, пассажирами и вообще с публикой обходиться вежливо, не входить в пререкания и не делать никому напрасных затруднений или остановок, в случае недоразумения немедленно докладывать… Ни в коем случае не требовать и не принимать никаких подарков по службе ни деньгами, ни вещами, ни чем-либо иным, в случае же подкупа деньгами или вещи, данные в подкуп, представлять немедленно к начальству… В продаже с аукционного торга конфискованных или оставленных за пошлину товаров досмотрщикам воспрещается покупать что-либо на аукционе».

Таможенный пост в Лиственничном действовал вплоть до 1925 г.

7. Рыбный промысел

Н. П. Егунов сделал вывод, что к концу неолита наряду с охотой стала расцветать вторая отрасль – рыболовство. «Источники пищевых запасов заметно увеличились, растет количество населения. На берегах Байкала, Ангары и многих рек появляются обширные поселения, которые в отличие от стоянок, характерных эпохе перехода от палеолита к неолиту, не были кратковременными пунктами небольших кочующих групп, а представляли из себя долговременное поселение больших коллективов Усиление оседлости в это время связано в определенной степени с развитием рыбной ловли. Она явилась устойчивым источником пополнения пищи, чем охота, и мало зависела от сезонов и прочих обстоятельств. Были освоены способы заготовки рыбы и мяса: копчение, вяление и квашение».

П. П. Хороших в пещере

Рыболовные крючки эпохи палеолита

Люди новокаменного века неолита в силу объективных причин – потребность в постоянной добыче рыбы – селятся на берегах водоемов. Байкал не был исключением.

П. П. Хороших исследовал большинство байкальских пещер, где были найдены следы пребывания палеолитического человека. Это Обухеихская пещера в трех километрах от Лиственничного, пещера на горе Скрипер, Кадлинские пещеры, пещеры Малой Кадильной, Голоустненские пещеры и т. д. В культурном слое были найдены фрагменты глиняной посуды, каменные и костяные орудия, украшения из резцов марала, железные наконечники стрел и скребки для выделки шкур. Некоторые из пещер служили местом захоронения.

Б. Петри реконструировал облик рыбачьего поселка времени неолита.

«Само селение состояло из небольшого числа жилищ. У самой полосы прибоя лежали вытащенные на берег челны. За ними стояли шесты, на которых развешивались для сушки сети. Еще дальше от берега устраивались очаги из трех камней для варки пищи, а несколько ближе к краю обитаемого места сооружались печи для обжигания горшков. Линия очагов была местом, где обитатели поселка проводили наибольшую часть времени. Здесь раскладывались большие каменные плиты для чистки рыбы, здесь происходила трапеза и повседневные работы. На заднем плане стояли жилища; летом неолитики жили в конусо-

Изготовление лодки-долбленки

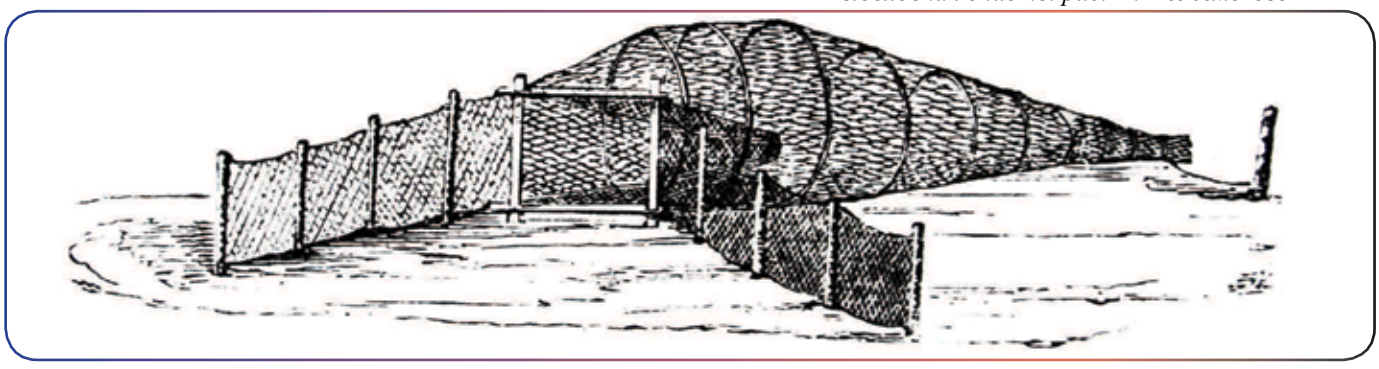
образных юртах, состоявших из жердей, покрытых, по-видимому, лиственничной корой, придерживаемой у земли большими и малыми каменьями. Посреди жилья стоял очаг из трех камней на случай ненастной погоды. Зимой жили в четырехугольных землянках. Древние насельники нашего края обладали, как нам доказывают дошедшие до нас вещи, выраженною любовью к украшению всего, что являлось делом их рук; несомненно они украшали свои дома богатой резьбой и рисунками. Жизнь рыбачьего поселка протекала шумно и хлопотливо; событиями служили обильный улов рыбы, возвращение с окрестных гор охотников, отягченных добычей, и прибытие лодок с гостями из соседнего поселения».

Основным промыслом для жителей байкальских мест все-таки являлась рыбная ловля. Неслучайно археологи постоянно находят в раскопах рыбьи кости и чешую, гальки-грузила, крючки, сработанные из дерева и кости, рыбы-приманки. Благодаря исследованиям археологов удалось установить, что, скажем, байкальские осетры в Селенге имели длину до двух метров!

Буряты верили, что в Байкале живет мифическая рыба Абарга – прародительница и царица всех рыб озера. Ежегодно весной в честь нее западные буряты совершали жертвоприношения, обряд брызганья молоком.

Рыбаки эпохи неолита охотились коллективно, применяя лодки-долбленки, костяные гарпуны, сети из конского волоса.

Рыболовная снасть. рис. П. Пежемского

Буряты-рыболовы

Известно, что очень широко применялись рыбки-приманки из белого мрамора. На спине такой рыбки делалось отверстие, крепился длинный линь. Рыболовы в лодке с гарпунами поджидали, пока на приманку клюнет большая рыба. Такой способ охоты был распространен, в частности, на Ольхоне. Наскальные рисунки острова рассказывают, как охотились на осетра, нерпу.

Среди орудий лова – сети, сплетенные из волоса, сухожилий животных, позднее – растительных волокон.

Известный иркутский ученый, исследователь байкальской флоры А. Егоров считает, что главным промысловым объектом для первых жителей Прибайкалья были осетровые рыбы. Они давали не только питательный продукт, но и кожу, кости, клей, которые использовались в хозяйственной деятельности. После осетровых шел налим. Ценность имели мясо и жир печени, который использовался при выделке кож.

У разных народов, населяющих берега Байкала, были свои навыки и способы ловли.

Иоганн Георги описывал промыслы «звероловствующих и рыбную ловлю производящих Тунгузов»: «На воду пускаются они в небольших лодках (Яу), состоящих из легкой деревянной основы и таких же закраин, обшитых берестою, и притом так плотно, что вода никак пройти сквозь оную не может. Такие их лодки внизу несколько плоски, с обоих концов остры, длиною от 1 ½ до 3 сажен, вверху шириною от 1 ½ до 2 футов, тяжестью иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всем тем довольно крепки и можно на них не токмо одному, но четырем и пяти человекам ездить безопасно по рекам и большим озерам, да и на самом Байкале, далеко от берегов. Веслы походят на лопаты; а гребут то тем, то другим. Бродники, неводы и сему подобная рыбачья снасть им неизвестна. Рыбу ловят удами. которыя опускают в воду через край идущей на гребле лодки, да и трехзубчатыми железными вилами… В ночное время ложатся они с зажженным подгнетом на брюхо на утесистых местах или разъезжают в своих лодках по воде…

Когда осенью бывает омулевый ход из Байкала в некоторые реки, то делают они неподалеку от берега из прутьев сплетенную городьбу и ставят в реке наискось, а сами стоят позади оной в воде и выбрасывают на берег голыми руками пригоняемую к городьбе по

Байкальский берег с рыбаками

причине великого множества и тут останавливающуюся рыбу».

Любопытно, что наиболее выгодным промыслом являлся лов осетровых, поскольку промышленная засолка омуля была освоена только во второй половине XIX века.

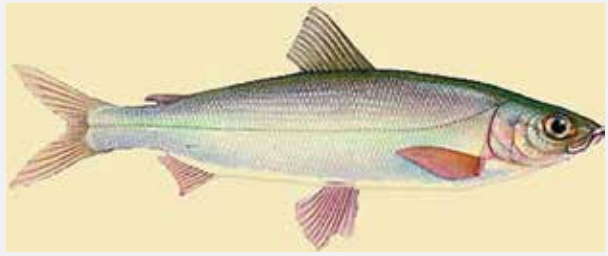
Осетров ловили больше с апреля по июнь и зимой. На осетровый лов существовали специальные заказы состоятельных купцов и промышленников. Осетров необходимо было доставлять в живом виде. Для этого их укрывали в мокрый мох и овчины. Зимой по дороге делали проруби и на веревках спускали в море осетра «отдохнуть».

Практически все путешественники, путь которых лежал через Байкал, отмечали, что эти места богаты рыбой. Паллас и Георги, побывавшие на Байкале в 1772 году, сообщали, что рыбы в реках, впадающих в озеро, столь много, что каждый мог добывать, сколько желает. Они имели в виду конкретно реку Баргузин, впадающую в Байкал. В 1840 году известный иркутянин, вошедший в историю как летописец иркутский, Пежемский сообщает уже более конкретные цифры – в реках Кичера и Верхняя Ангара в 1840 году было выловлено 7 000 бочек, или 176 750 пудов омуля.

Без каких-либо ограничений ловили рыбу во время так называемого рунного хода на севере Байкала в реках Верхняя Ангара и Кичера. Особенностью организации промысла в этих местах было то, что они принадлежали тунгусам, которые сдавали участки в аренду. С каждого невода по закону им отчислялось

Хариус

Омуль

Налим

Осетр

по 25 рублей. В Байкале ловили бесплатно. Богатые рыбопромышленники пытались договориться с вождями о том, чтобы платить не с невода, а по договоренности единовременной суммой.

На севере Байкала лов начинался с 15–20 августа и продолжался до 1 октября. В это время омуль шел из Байкала в Ангару и Кичеру на нерест. Здесь и сосредотачивался главный промысел. Приемы были самые что ни есть хищнические. Когда здесь время от времени появлялся исправник, то рыбопромышленни-

Промысловая база в Бургере

ки вынуждены были хоть как-то соблюдать правила ловли – исправник ставил по два бакана на каждой тоне, в расстоянии одна треть – одна четверть от берега. Остальное пространство отводилось для промысла. Но как только контроль ослабевал, любые ограничения моментально устранялись. Реку по всей ширине практически перегораживали многочисленными неводами. Всех тоней в Ангаре и Кичере в конце 90-х гг. XIX в. было 9. Здесь устанавливалось до 80 и более неводов.

В так называемой миллионной тоне – одном из новых русел Верхней Ангары, куда омуль шел на нерест, – лов был категорически запрещен.

В первых числах сентября рыбаки перебирались на Кичеру.

На Байкале были распространены летние артельные рыбацкие стоянки. Их называли еще летними поселениями долговременного пользования. Здесь жили, здесь перерабатывали уловы. В Кичерском устье жилые постройки делались основательно. Они составляли так называемые чечевки. Основательность эта диктовалась не только желанием иметь добротное жилье во время лова, но и тем, что в ноябре здесь проходила соболиная ярмарка. Человека, прибывшего сюда впервые, конечно же, поражало обилие лавок. Очевидцы рассказывали, что чуть ли не через дом красовалась вывеска «торговля разными товарами». Здесь же размещались склады рыбопромышленников и рыбопромышленных компаний.

Рыбный промысел играл важную роль в хозяйственном укладе населения прибайкальских территорий. Неслучайно рыбные ловли на самом Байкале всегда распределялись государством – они сдавались в аренду с речками. Особенно ловля рыбы в реках стала привлекать внимание населения и власти с благоустройством Кругобайкальского тракта, когда его направление было избрано на Посольск по берегу Байкала. Считалось, что именно промысел в реках впадающих в Байкал, должен сыграть важную роль в снабжении продовольствием проживающих на почтовых станциях

Выборка невода воротом

Возвращение чичевки с неводного лова

ямщиков и другого населения, которое может «основаться по этому тракту».

Доходы от рыбных промыслов были крайне важны и для городской казны губернского города Иркутска. 9 декабря 1893 года на обязательном заседании городской думы рассматривалось ходатайство рыботорговцев на Арсенальской площади «Об оставлении их на этой площади».

Судя по всему, вопрос поднимался не впервые. «Гласный Жарников указал на то обстоятельство, что вопрос о рыбных рядах был решен в многолюдном собрании в составе 26 гласных, и закрытой баллотировкой было постановлено оставить рыбные ряды на Арсенальской площади, а потом в собрании далеко меньшим составом постановление это было отменено», – находил это несправедливым и настаивал на отмене последнего постановления и приведении в исполнение первого. Гласный Вотинцев указывал на то обстоятельство, что с переводом рыбной торговли с Арсенальской площади город не доберет дохода значительную сумму.

Гласный Минаев и др. полагали в виду состоявшего уже решения думы ходатайство рыботорговцев отклонить, предоставив им лишь временно, впредь до постройки новых лавок остаться на Арсенальской площади.

В итоге это и стало решением думы».

Запасы рыбы в бассейне Байкала всегда признавались значительными. Промысел велся как в самом Байкале, так и в реках, впадающих в него: Селенге, Баргузине, Верхней Ангаре, Кичере, притоках Чивыркуйского залива (Большой Чивыркуй, Малый Чивыркуй, Безымянка), Посольского Сора (реки Большая Култушная, Абрамиха).

Какую рыбу промышляли на Байкале, хорошо известно: омуля и хариуса, сига и ленка, тайменя и осетра, налима, сорожину, щуку, окуня, язя и карася. Важнейшей промысловой рыбой являлся омуль.

На рыбный промысел

Засолка омуля

Ловля рыбы «корытом»

Рыбные богатства Байкальского озера способствовали организации значительного числа промысловых объединений – местных и региональных. Первых промысловиков еще называли корабельщиками, поскольку они выходили на лов на собственных парусных судах. Впоследствии, по мере развития промысла, непосредственные организаторы промысла стали пользоваться услугами пароходств.

Наряду с крупными рыбопромышленниками промысел вели и местные жители, объединенные артелями. «Эти ловецкие артели, пользуясь хотя и небольшими, но хорошо приспособленными для плавания по Байкалу парусными и гребными лодками, совершают далекие переходы, и таким образом мелкий ловецкий промысел явился также промыслом кочующим, переходящим из одного места в другое, вслед за рыбой. Особенное развитие мелкий промысел получил за последние 40–45 лет, когда для лова омуля в Байкале стали применяться плавные сети».

Среди артелей были довольно крупные. К северо-востоку от мыса Облом на восточной границе залива Провал и до станции Гремячей можно было встретить рыбопромышленников, разбивших здесь балаганы, зимовья или целые вереницы зимовий, самые настоящие избы с белыми печами. Много подобных лагерей было по всему берегу бухты Таланка. Подобные «артельные» деревни принадлежали богатым крестьянам из дальних деревень: Инкиной, Дубининой, Оймур и других. В таких рыбацких поселках нередко жило по сорок и более рабочих.

Главными орудиями лова на Байкале были сети и невода. А устройство их зависело от места лова. На омуля, хариуса, сига на глубоких местах ходили с неводом «стенью» шириной от 10 до 12 аршин. У отлогих берегов невод применяли шириной от 7 до 8 аршин. Что касается длины невода, то тут все зависело от количества артельщиков, которых насчитывалось до 17–21 человека. Главным в рыбацкой артели являлся башлык.

Летний рыбный лов на Байкале как промысел продолжался обычно до «Прокопьева дня» – 8 июля. Во-первых, необходимо было подумать о подготовке к зиме, во-вторых, первые две недели июля были официально разрешенным временем для охоты на изюбря.

Вновь промысловый лов начинался с 1 августа. Это был так называемый осенний лов неводами и сетями. Это было особое время – ведь омуль шел в реки метать икру. Осенний улов всегда ценился больше, поскольку рыба отличалась размерами и вкусом.

Осенью же начинался и так называемый водопольный промысел – лов соровой, «черной» рыбы – щуки, окуня, сороги. В Баргузинском заливе этот лов продолжался до «Заговенья» – 14 ноября, пока не замерзал залив.

Развит был на Байкале и бормашовый промысел. Бормаша – маленького ракообраз-

Плетение «морды»

ного – добывали специальным корытом. Лов на бормаша происходил так: вырубалась прорубь, туда кидали горсть бормаша и леска, привязанная к короткому удилищу.

Осенняя путина, судя по всему, заканчивалась в середине октября. Именно тогда к Лиственничной пристани возвращались с ангарских промыслов суда рыбопромышленников. Корабли доставляли омулей и «ангарщину», слава о которой, чаще худая, катилась по всей Сибири. «Ангарщиной» называли рабочий люд, который добывал рыбу на северном Байкале. «Ангарщина» была явлением совершенно байкальским и объединяла около трех тысяч человек мужчин и женщин, для которых путина являлась главным занятием. «Вся эта масса людей возвращается оттуда, почти ничем не обеспеченная в материальном отношении. Это обычное явление, что по окончании промысла рабочему ничего не приходится на руки, он должен возвратить задаток: у хозяина он взял под заработок одежду, то-другое по дорогой цене, вознаграждение же небольшое».

Рабочий сезон у «ангарщины» длился до полугода. Мало того, что наемный рабочий-путинец не получал расчета, за ним прочно закреплялась дурная слава. С такой «рекомендацией» ему было трудно устроиться на работу в межсезонье, и он ждал новой путины, чтобы вновь попытаться выскочить из этого заколдованного круга.

Ждать приходится довольно долго. С марта начинает собираться «ангарщина» в Лиственничном и Николе – рыбопромышленных резиденциях. Там они и пережидают межсезонье в специальных казармах, амбарах. Там же, кстати говоря, зимовали и байкальские суда. Часть народа устраивается на ремонтные и подготовительные работы – смолят старые лодки, чинят невода, рубят лес и т. п. Рацион в межсезонье скуден.

Быт «ангарщины», по описаниям очевидцев, был прост – жили в срубленных казармах, «обычную пищу рабочих составляет кирпичный чай, «головизна», заменяющая мясо (бычьи головы, скупаемые по дешевой цене), и хлеб – грубый, испеченный вместе с отрубями. Кстати сказать, что эту же «головизну» солят и продовольствуют ей во время следования на промысла».

Рыбопромышленные суда уходили на промыслы, едва Байкал очищался ото льда. Лагерь «ангарщины» – самые простые шалаши-казармы, сделанные из подручного материала. Меняется и рацион. «Головизну» за-

Табор рыболовов

Виды Забайкалья.—Les vues au-delà du Baïkal. № 31.
Таборъ рыбаковъ на оз. Байкалѣ.—Le campement des pêcheurs au Baïkal.

Починка сетей в Баргузине

Рыбодел в Кургулике

мещает омуль, «да и то неважными: лучшие нужны для продажи. Говорят, что для обратного пути солят особого малорослого омуля и этим кормят во время осени…»

Практически на всем протяжении существования рыбного промысла ставился вопрос о хищническом лове рыбы на Байкале, о различных способах ограничения промысла. Устанавливались различного рода ограничения не только сезонные, но и промыслово-экономические. Так, в 80-х гг. XIX в. была утверждена такса на право ловли сетями. Такса зависела от длины сети и количества занятых рабочих.

Но хищнический лов рыбы не был, по мнению отдельных байкаловедов, главной причиной уменьшения запасов, к примеру, омуля на Байкале. Одной из причин называлось обмеление и засорение устьев главных рек, в которые омуль входит для икрометания.

В 1816 году Верхнеудинский исправник Геденштром составил «Положение об омулевом промысле», в котором определялся порядок ведения рыбной ловли. В частности, запрещалось применять некоторые орудия лова, ограничивались размеры неводов, определялись места разрешенного промысла.

Государственная власть как могла пыталась регулировать промысел. Были известны следующие правовые акты: «Правила рыбопромышленности во время рунного хода омулей в реках Верхней Ангаре и Кичере, утвержденные Генерал-губернатором Восточной Сибири 6 мая 1872 г.», «Правила о рыбопромышленности в озере Байкале и на р. Селенге, утвержденные Приамурским Генерал-губернатором 23 августа 1900 года», «Правила рыбопромышленности в озере Байкал и реках, расположенных в пределах Баргузинского уезда Забайкальской области, кроме рек Верхней Ангары и Кичеры, утвержденные Иркутским Генерал-губернатором 12 июля 1906 года».

Вопрос имел государственный, общероссийский статус и неоднократно обсуждался в местных и центральных газетах, на уровне различных департаментов и в Государственной думе.

В 1908 году Иркутский генерал-губернатор созвал совещание для выработки проекта правил рыболовства, общих для всего бассейна. Предварительно прошли совещания в отдельных районах. Итоговый документ – «Правила» – был утвержден генералом Селивановым 29 декабря 1908 года.

Рыбный промысел способствовал развитию кустарных ремесел. Так, в частности, для сохранения и транспортировки улова требовались бочки, бочонки, лагуны. Жители прибрежных сел и деревень занимались плетеньем сетей и неводов, изготовлением веревок и канатов. Эти производства развивались в Еланцинском ведомстве и на Ольхоне.

8. Золотой промысел

Золото на Байкале искали всегда и всюду. Когда недалеко от Култука, всего в 15–18 верстах, нашли золотые россыпи, вряд ли кто-то удивился этому сообщению. Эту местность в народе называли «Крутой губой», находилась она в месте впадения в Байкал одной из горных речек. В конце XIX века для разработки этих промыслов стали даже набирать рабочих.

Долгое время на Байкале действовал золотой прииск «Меркуриевский», располагавшийся недалеко от ручья Малый Кот.

Золото мыли недалеко от поселков Большие и Малые Коты, которые раскинулись в пади севернее Листвянки. Судя по всему, золото здесь сыскали в начале XIX века. И первыми золотодобытчиками стали вольнонаемные рабочие да каторжники, беглые ссыльные.

Байкальские прииски по технологии были во многом похожи на более знаменитые Бодайбинские или Енисейские. В забое рабочие добывают золотосодержащий песок и свозят его на бутару. Часть рабочих вскрывает торф – это новые площадки для новых рабочих. Первый приемник байкальского золотого прииска – желоб, по-местному «колода», куда сваливали песок. К верхнему краю колоды подведен водоприемный желоб. Бутарный желоб покрыт «дырявым» железом, под этим железом лежит сукно, которое задерживает золотые крупинки. К другому концу желоба приспособлена бутара с приставленными к ней «грохотами».

Добыча золота из шурфа

Лоток для промывки золотоносного песка

Открытые разработки

С помощью этого приспособления обрабатываются галька и крупные камни с приставшими к ним глиной и песком (в местном обиходе «замазка»), которые могут содержать золото.

Таким способом на 10 забоев в день обрабатывается около 4 000 пудов «замазки». Очевидец деятельности байкальского золотого промысла писал: «Замечательной особенностью байкальских промыслов является то, что при отделении железняка от золота попадается масса мелких граненных каменьев ярко-красного цвета, похожих по своей плотности и виду на рубин».

Золото на Байкальских промыслах добывали шлиховое. Рабочие нанимались на такие промыслы без заключения договоров, назначалась лишь плата за день – 1 рубль. В счет будущих заработков отпускались и продукты дневного питания. По некоторым сведениям, владелец промыслов с каждого рубля зарабатывал 40%, т. е. 40 копеек, что считалось очень неплохим результатом.

IX.

Приангарье и Предбайкалье

1. Народы края к приходу русских
2. Присоединение Предбайкалья к Русскому государству
3. Основание Иркутского острога
4. Население и становление городского хозяйства
5. Воеводская власть и посадский мир
6. Начало православия в Иркутске
7. Острожное оборонительное зодчество Приангарья XVII – начала XVIII веков
8. Иркутский острог в российско-китайских конфликтах на Амуре и в Забайкалье второй половины XVII в.

1. Народы края к приходу русских

С незапамятных времен в юго-восточной Сибири обитали племена бурят, эвенков (тунгусов) и тофаларов (карагасов). Племена тунгусов были разбросаны на огромных пространствах Сибири от Енисея до верховьев Амура. К XVII в. их общая численность доходила до 36 тыс. человек. Часть этого народа проживала в Прибайкалье. Они кочевали по рекам Ангаре, Лене и их притокам. Племена тунгусов делились на «оленных» (разводили оленей), «пеших» и «конных» (занимались кочевым скотоводством). Немногочисленное племя карагасов, насчитывавшее не более 1 тыс. чел., кочевало по таежным пространствам северного склона Восточных Саян в верховьях рек Уда, Бирюса, Кан, Гутар, Ия. Хозяйство их было основано на охоте и оленеводстве. Транспортным средством на охоте служил олень. От количества оленей в хозяйстве зависел размер территории, на которой промышляли тофалары, а также успех пушного промысла. Рыболовство было развито мало. Женщины племени собирали дикорастущие ягоды, черемшу, ревень, лук, кедровый орех и т. д.

Наиболее многочисленным народом в Прибайкалье и Забайкалье были буряты. К приходу русских их общая численность составляла около 30 тыс. человек. Первые русские землепроходцы называли бурят «братами» или «братскими мужиками». Ко времени прихода русских в Прибайкалье самыми крайними пунктами «Братской земли» на западе были реки Бирюса и Чуна. Удинские буряты жили в районе основанного в 1648 г. Удинского острога. На Ангаре бурятские улусы начинались с Долгого порога, выше устья реки Вихоревой. Начиная с устья реки Оки по Ангаре буряты жили на западной стороне Ангары и по реке Оке, образуя своего рода остров, окруженный тунгусами. В верхнем течении Ангары буряты жили по обеим сторонам реки и ее притокам: Ие, Унге, Китою, Иркуту, Осе, Куде – вплоть до озера Байкал. Особенно многочисленным бурятское население было в бассейне реки Унги – в Балаганских степях. Буряты, обитавшие по правым притокам реки Ангары Уде, Осе, Ие, Куде, соприкасались с другими «братскими» племенами по верхней Лене. Здесь кочевья бурят располагались по долинам Лены, начиная от устья реки Анги и выше, а также по притоку Лены – реке Манзурке.

Тунгус. Открытка XIX в.

Выделялись три племени бурят: эхириты, булагаты, хоринцы.Самое большое племя – булагаты – занимало территорию в бассейне р. Ангары и ее притоков Оки, Унги, Китоя, Иркута, Белой, Куды. В начале XVII в. буряты представляли собой кочевое общество. Оно состояло из старейшин, рядовых общинников и рабов (домашнее рабство). Основным имуществом любого бурята, его богатством был

Якут

Самоеды

Эвенкийская девушка

скот, который разводили и для торговли или обмена, и для пропитания. Буряты, у которых были большие табуны лошадей и стада овец, считались представителями знати. Они активно развивали скотоводство, в их владениях рождалось больше животных, производились продукты сверх необходимого прожиточного минимума.

Представители знати возглавляли родовые органы, военные дружины и племенные группы. В мирное время власть старейшин была незначительной, но во время военных действий она существенно возрастала. Во время набегов захваченных пленников превращали в рабов. При этом пленники выполняли только подсобные работы, а основными хозяйственными делами по ведению скотоводческого хозяйства занимались свободные общинники.

Табуны и стада животных были частной собственностью бурят. Однако при этом существовала общность пастбищных территорий. Земли, которыми владели буряты, назывались «породными». Буряты хорошо знали свои «породные земли»и впоследствии не однажды стремились закрепить их за собой.

В суровых условиях природы Прибайкалья и Забайкалья они занимались сенокошением и примитивным земледелием. Наиболее распространенными культурами были просо, гречиха, ячмень. Просо сеяли на Лене, Оке, Осе, Куде в степных местах. Основным орудием труда у бурятских земледельцев была мотыга, собирать достаточные для пропитания урожаи зерна они не могли. Поэтому в экономическом отношении земледелие сильно уступало скотоводству.

Буряты были хорошими охотниками, занимались рыболовством, славились своим искусством в обработке металла. Кузнечное ремесло у них считалось почетным занятием, божьим даром. Бурятские племена вели оживленную меновую торговлю со своими соседями: тунгусами, карагасами, Монголией и Китаем. От охотников и оленеводов они в обмен на скот получали пушнину. Тунгусы, жившие

Тофалар

по реке Киренге, продавали бурятам соболей «на животину и просо». Полученную таким образом пушнину буряты сбывали в Монголию и Китай, взамен получая серебро, золото и другие товары.

Русские застали в Прибайкалье сложные отношения между различными племенами: более сильные подчиняли себе слабых. Племена, которые находились в подчинении, назывались кыштымами. Их обязанностями были уплата дани (ясака) и выставление ополчения. Обязательства между кыштымами и повелителями были взаимными: первые платили дань и выставляли вспомогательное войско, вторые – обеспечивали охрану своих кыштымов. Отношения господства и подчинения прочно

Обед в юрте

укрепились между племенами Прибайкалья: бурятские племена легко одолевали и превращали в кыштымов тунгусские племена по рекам Вихоревке, Лене, Илиму. Здесь знали бурят и боялись их, потому что сюда время от времени приходили бурятские военные отряды. Они грабили население, забирали добычу и пленных.

Однако бурятские племена не могли противостоять более сильным монгольским феодалам.

Место отдельных народов в системе межплеменных отношений определяло их отношение к русским в Прибайкалье. Тунгусы, бывшие кыштымами бурят, быстрее смирились с присутствием русских на их землях. Они надеялись на избавление от господства бурят и на защиту новых покровителей. Поэтому давали «вожей» (проводников) в «братские земли», от имени русских выступали сборщиками ясака в бурятских землях.

Колонизация Восточной Сибири проходила вначале как охват возможно большей территории, но малыми силами ввиду слабости казачьих отрядов, обладающих ограниченными возможностями и средствами для экономической интеграции, которыми располагал феодальный способ производства. Оттого и политически закреплялась за русским государством огромная территория, а экономически осваивались лишь небольшие пространства.

Кошара в бурятском селе

Эвенки

Кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории Прибайкалья были освоены и обустроены местными народами, но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. Изыскивая наиболее удобные в стратегическом отношении места для строительства укреплений, отряды служилых людей останавливали свой выбор на участках расселения и проживания коренных народов, оказавшихся ключевыми в структуре хозяйственных и политических взаимоотношений местного населения. Эти территории были жизненно важными как для аборигенов, так и для русских пришельцев. Существовавшие пути товарообмена, политической связанности и социальной организации местного общества были сосредоточены на этих территориях. И пришельцы, укрепившись на этих землях, получили возможность контролировать и предопределять, а зачастую и диктовать, все проявления жизнедеятельности подчиняемых ими народов. Но несомненно и другое: с появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, рост экономического общения, проникновение товарно-денежных отношений. Все эти процессы, имевшие своих экономических агентов и социальных носителей, оказали огромное влияние на социальную структуру «инородческого» общества, на его политическую организацию, изменили характер международных отношений в регионе.

2. Присоединение Предбайкалья к Русскому государству.

Разгром Сибирского ханства отрядом Ермака положил начало присоединению всей сибирской земли, протянувшейся до Тихого океана. Колонизация края шла довольно быстро благодаря наличию целой системы водных путей, малочисленности коренного населения, политики российского государства, для которого были важны не столько территории, сколько местные народы, которые можно было обложить ясаком. Наконец, мощным стимулом для продвижения внутрь Сибири были ее пушные ресурсы – «мягкое золото», привлекавшее не только государство с его военной организацией, но и торговых и промышленных людей из России.

В процессе открытия и присоединения зауральских территорий в конце XVI – начале XVII в. была построена основная часть городских поселений Сибири. Многие из них возникали вначале как ясачные зимовья или остроги, выполняя чисто военно-администра-

Переселенцы

В. Суриков. «Покорение Сибири Ермаком»

тивные задачи, заключавшиеся в сборе ясака с коренного населения и контроле за подведомственными территориями. Первые сибирские города и остроги представляли собой сложное техническое сооружение, выполненное в лучших традициях русского градостроительного искусства. Под «зимовьем» обычно понимается изба с боевой надстройкой или несколько таких изб, соединенных стенами и образующих двор. Под «острогом» – укрепления, где защитные функции выполняли стены и башни. Тыновые стены могли сочетаться с земляным валом. Под «городом» с точки зрения оборонительного сооружения подразумевалось укрепление, имевшее естественные и специально устроенные защитные постройки. В крупных городах выделялись «крепость» или «кремль» как наиболее укрепленная часть города, в которой находились органы власти и гарнизон.

Продвижение в среднее течение Енисея закончилось постройкой здесь Енисейского (1619) и Красноярского (1628) острогов, ставших форпостами для продвижения в Приангарье. Особую роль сыграл Енисейский острог, откуда уходили отряды служилых людей на Ангару, Илим, Лену, к Байкалу и в Забайкалье. Здесь в середине XVII в. собралась замечательная плеяда талантливых первооткрывателей сибирских земель, вклад которых в открытие и изучение новых территорий трудно переоценить. Рвением и трудами служилых людей, сынов боярских и казачьих атаманов Ивана Галкина, Петра Бекетова, Курбата Иванова, Василия Колесникова, Ивана и Якова Похабовых, целого клана Перфильевых были основаны казенные зимовья и остроги нашего края.

После основания Енисейского острога он становится основным центром движения в нижнее Приангарье. В 1628 г. атаман М. Перфильев прошел по Ангаре и выше устья Или-

Чертёж Енисейского острога

ма заложил небольшой Братский острог, который вскоре, однако, был сожжен восставшими бурятами. Тем не менее по данным этих походов в том же году была составлена в Енисейске подробная «роспись» реки Ангары и всех ее притоков. Для продвижения в Прибайкалье было важно закрепиться в Среднем Приангарье, в том месте, где начинались знаменитые Братские пороги. Поэтому в устье р. Оки неоднократно бывали отряды П. Бекетова, енисейского воеводы Я. Хрипунова, М. Перфильева. Но все их попытки закрепить эти территории и основать постоянное поселение наталкивались на противодействие бурятских племен. Продвижение русских отрядов вверх по Ангаре в район озера Байкал было приостановлено почти на два десятилетия.

Строительство Якутского и других русских поселений по Лене и ее притокам открывало возможность для дальнейшего продвижения на северо-восток вплоть до тихоокеанского побережья. Быстрому продвижению и освоению этих суровых северных территорий способствовали огромные промысловые пушные ресурсы, разветвленная система водных путей, малочисленное коренное население и отсутствие с их стороны сопротивления русской колонизации.

Скупка и добыча пушнины позволила государству через сбор ясака с местных народов и казенной десятины с торговых и промышленных людей накопить значительный первоначальный капитал для дальнейшего освоения уже присоединенных территорий и для выхода на новые пространства. Недаром в это время отмечается определенное нарастание потока из метрополии хлеба, вооружения, разных товаров и ратных людей. С другой стороны, служилые, крестьяне и промышленные люди, участвуя в торгово-промысловом и земледельческом освоении Илима и Якутии, смогли в какой-то степени укрепить и расширить свое хозяйство.

Сторожевая башня

В середине XVII в. изменилась обстановка в Прибайкалье. Бурятские племена, живущие по Ангаре, стали подвергаться частым набегам монгольских отрядов, которые граби-

Якутск. Рис. XVIII в.

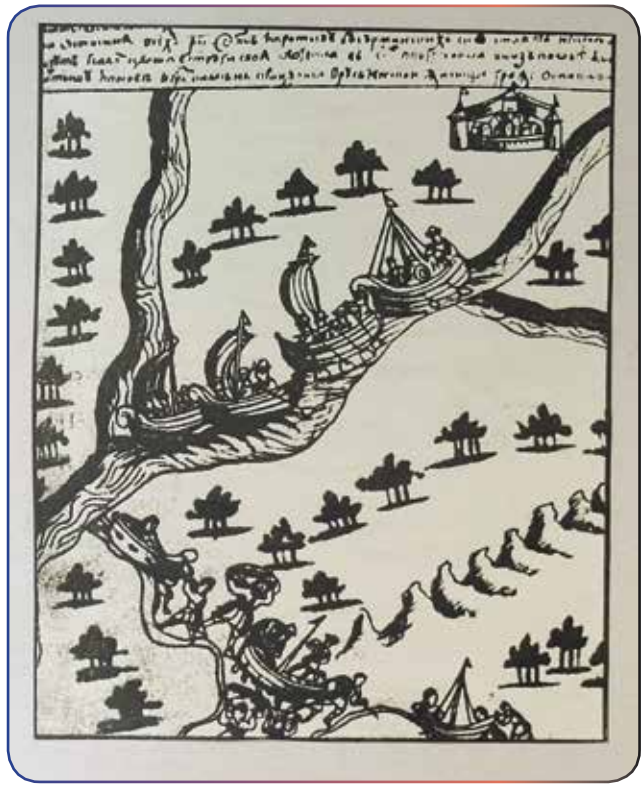

Братский острог

ли их улусы, захватывали скот и пленников. В этой ситуации буряты изменили свое отношение к русскому присутствию в их землях. Прежде всего необходимо было окончательно закрепиться в Среднем Приангарье. С этой целью в 1653 г. сын боярский Д. Фирсов перенес Братский острог на новое место – «за рекою Окой на устье в самых угожих местах». Через год возле острога были поселены пашенные крестьяне. Через год он же заложил на левом берегу Ангары Балаганский острог, который в приказных документах того времени нередко назывался еще «Верхний Братский острожек». Они стали центрами дальнейшего движения русских в Прибайкалье. Продвижение к Байкалу происходило одновременно из Енисейска по Ангаре и из Илимска вверх по Лене. Честь первого знакомства с озером Байкал принадлежала енисейскому пятидесятнику Курбату Иванову. Он еще в сентябре 1640 г. в составе отряда В. Витязева был направлен в верховья Лены и собрал первые сведения о Байкале, о. Ольхон, дороге в Китай по Селенге через Монголию. В 1642 г. он возвратился управляющим в только что отстроенный Верхоленский острожек. Отсюда летом 1643 г. с 75 промышленными людьми и казаками отправился на северо-западный берег Байкала. Перебравшись на Ольхон и объясачив местных бурят, он с частью своей команды возвратился в Верхоленск. Небольшой отряд десятника С. Скороходова был им отправлен на север озера, где был поставлен Верхнеангарский острожек. Далее команда Скороходова добралась до устья Баргузина и построила небольшое ясачное зимовье. После возвращения из похода К. Иванов составил чертеж «Байкалу и Байкалу падучим рекам». На следующий год на озеро вышли енисейские казаки во главе с В. Колесниковым. Следом на Байкал уже регулярно выходили отряды И. Галкина, И. Похабова и др. Были построены Вернеангарский (1643), Баргузинский (1648), Баунтовский (1652).

С долиной реки Иркут русские землепроходцы познакомились в 1647 г., когда Иван Похабов, возвращаясь из Забайкалья, на западном берегу озера в урочище Култук поставил острог и совершил набег в долину Иркута, где взял в плен бурятского князца Нарея. Спустя несколько лет для сбора ясака с иркутских бурят в устье Иркута было построено ясачное зимовье. В 1661 г. напротив него на правом берегу Ангары Яков Похабов заложил Иркут-

Сплав по рекам Сибири. Рис. XVII в.

Иван Галкин

ский острог. Для обороны южных рубежей Приангарья от набегов монголов в 1676 г. сын боярский Иван Перфильев, поднявшись вверх по Иркуту, около речки Тунки в «самом крепком и угожем месте» поставил Тункинский острог.

К концу XVII в. огромная территория Восточной Сибири от Енисея на западе до Амура и побережья Охотского моря на востоке и от северных просторов Якутии до китайской и монгольской границы на юге вошла в состав Русского государства. И хотя после вооруженного противостояния с маньчжурскими и монгольскими войсками на Амуре и в Забайкалье было потеряно все Приамурье, тем не менее остальные присоединенные и освоенные земли в южном пограничье прочно закрепились за российской администрацией.

3. Основание Иркутского острога

Устные предания о возникновении первого поселения на Иркуте зафиксировали практически все списки иркутских летописей. В них история города отсчитывается от некоего зимовья, поставленного в 1652 г. на острове Дьячем в устье Иркута. Существуют легенды и предания, говорящие о еще более раннем появлении здесь русского поселения. Известный краевед Михаил Стож, обобщая фольклорные тексты о появлении Иркутска, отмечал постройку зимовья в 1652 г., но при этом указывал: «хотя как поселение оно было известно в 1640 г.». Согласно устным преданиям, русские осваивали задолго до основания острога не только устье Иркута, но и другие, прилегающие к будущему городу, места. В середине XIX в. священник Кудинской церкви записал от местных жителей предание, в котором говорится, что их предки пришли в эти места еще в то время, когда Иркутского острога не было. Свои зимовья для промысла зверя они ставили на Ангаре, там, где позднее была построена Спасская церковь.

Присоединение южных районов Приангарья связано с именем енисейского сына боярского Ивана Похабова, управлявшим в 1644–1645 гг. Братским острогом. Уже в первые годы своего правления он совершил поход «вверх по Ангаре реке до Осы и до Беленя (р. Белая) и до Куданикол (р. Куда) и до Иркута рек и на Байкал озеро для прииску новых земель». В своем отчете он рекомендовал енисейским властям более активно действовать в Прибайкалье и «на тех реках на Осе и на Белене и на Иркуте в Братской земле в брацких людях и тунгусах поставить острог и в том де остроге надобно устроить годовальщиков с 50 человек». В 1647 г. он с отрядом в 96 человек закрепился на юге Байкала, поставив Култукский острожек. Отсюда он делал набе-

Иркутский острог. Лит. Б. Лебединского

ги в низовья Селенги и на р. Уду. Кроме того, совершил поход в долину Иркута, где привел в русское подданство местных бурят. Захватив в аманаты князца Нарея, он собрал ясака с иркутских бурят «5 сороков 16 соболей, да лисицу бурую». Вероятно, к этому времени и относится постройка ясачного зимовья в устье Иркута. Для окончательного закрепления территории Прибайкалья большую роль сыграла постройка в 1654 г. Балаганского острога. Приказчики его регулярно отправляли сборщиков ясака в верховья Ангары и на Иркут. Более интенсивным становится движение по Ангаре. Не только казаки, но и промышленные люди осваивали промысловые угодья Байкала. Трудно сказать, как часто использовалось в эти годы зимовье на острове Дьячем. Место было низменным, часто подтапливалось и для постоянного проживания было непригодным.

В 1658 г. к устью Иркута был отправлен енисейский сын боярский Яков Тургенев, которому поручалось «на усть той реки Иркута… поставить новый острог» с целью приведения в русское подданство бурят, кочевавших по рекам Иркуту, Китою, Белой. Незадолго до этого из-за притеснений балаганского приказчика Ивана Похабова часть ясашных бурят взбунтовалась и при приближении отряда Тургенева бежала в монгольские степи. Посчитав, что «на Иркуте реке нового острогу строить не для чего, потому что братцкие мужики изменив розбежались», Я. Тургенев вернулся обратно.

В июне 1660 г. управителем в Братские остроги (Братск и Балаганск) для наведения порядка и сыска новых земель был назначен енисейский сын боярский Яков Похабов. В сентябре того же года он совершил поход на Иркут, где встретил «новых неясашных людей князца Яндаша с иво улусными людьми». Вероятно, это были тувинцы, кочевавшие в верховьях Иркута и около озера Косогол. По словам Похабова, в декабре 1660 г. к нему в Балаганский острог прибыл гонец от тувинцев и просил поставить острог в устье Иркута для сбора ясака и для защиты от притеснений со стороны красноярских казаков. Получив это донесение, енисейский воевода 22 июня 1661 г. отправил к Похабову подмогу в 60 казаков во главе с пятидесятником Дружиной Поповым-Даурским и распорядился поставить в устье Иркута государев острог. Однако Яков Похабов, не дожидаясь ответа из Енисейска, летом 1661 г. отправился к устью Иркута и заложил острог, но не на указанном месте, а на противоположном берегу Ангары.

В своем донесении от 6 июля он указывал, что «в нынешнем 169 (1661) году июля в шестой день, против Иркута реки на Верхоленской стороне государев новый острог служилыми людьми ставлю, и башни и потолок срублены и государев житный анбар служилые люди рубят, а на анбаре башня». Место для острога было выбрано на берегу Ангары, «угожее для пашен и скотиной выпуск и сенные покосы и рыбные ловли все близко, а опроче того места острогу ставить стало негде, близ реки лесу нет, стали места степные и неугожие». Сам Похабов назвал новое поселение Яндашским по имени тувинского князца Яндаша Дороги, но имя это за острогом не

К. Лебедев. освоение Сибири

Сбор дани (ясыка) у инородцев

закрепилось и во всех последующих документах он стал наименоваться по своему местоположению – Иркутским. Таким образом, документы свидетельствуют, что острог напротив устья Иркута был поставлен по просьбе местного населения и прикрывал всю окружную территорию от набегов со стороны монгольских степей.

Первоначально новый острог состоял из одних башен. Острожные стены поставлены не были, «потому что слег не достает, лесу близко нет, лес удален от реки». Но уже к концу лета он был укреплен «надолбами» и другими «крепостьми». Острожек был невелик и имел форму близкую к квадрату. Периметр острожных стен достигал 34 сажени: в длину – 9, ширину – 8 саженей. (1 сажень в XVII в. была равна 2, 16 м). По углам стояли 4 глухих башни: одна из них была построена на «житном амбаре», другая служила также часовней. Оставив в остроге казачьего десятника Василия Ездакова с 20 служилыми людьми дожидаться подхода отряда Дружины Даурского, Яков Похабов вернулся в Енисейск. Так началась история Иркутска. Первоначально это было совсем незначительное поселение. Проплывший по Ангаре мимо летом 1662 г. протопоп Аввакум даже не упомянул про него. А на первой общей карте Сибири, составленной в 1667 г. в Тобольске, оно обозначено был одним словом – «зимовье».

Новое русское поселение на Ангаре оказалось в центре пересечения важнейших торгово-промысловых и колонизационных путей. Ангара связывала его с бассейном Енисея с одной стороны, а с другой выводила на просторы Забайкалья, в монгольские степи и далее к китайской границе. По долинам Иркута и Тунки можно было без труда выйти к Саянам и по перевалам достичь Монголии. Наконец, через Кудинские степи открывался путь к верховьям Лены, а по ней в Якутию, богатую «мягкой рухлядью». Выгодное географическое положение сделало Иркутск важнейшим стратегическим и торгово-обменным пунктом на юго-востоке Восточной Сибири.

Росту острога и его населения способствовали промысловые угодья близ него и плодородные земли. Об изобилии рыбы и дичи писали все путешественники, посещавшие

На улице Иркутска. Лит. Б. Лебединского

Иркутск в первые десятилетия. «Место самое плодородное», – восхищался Н. Спафарий в 1675 г. Посетивший спустя два десятилетия эти края Избрант Идес также отмечал, что «хлеб, соль, мясо и рыба здесь очень дешевы». Говоря об успехах земледелия, он писал, что «этим изобилием население обязано плодородию почвы, которая от Иркутска до Верхоленска родит все виды злаков». Вокруг острога быстро стали возникать сельские поселения. Уже в 1666–1667 гг. вверх по Ангаре, по Иркуту и Куде появились заимки служилых людей. К 1669 г. относится появление деревни пятидесятника О. Михалева, положившей начало Усолье-Сибирскому поселению; в том же году на устье р. Иды возникает Идинский острог. К 1670 г. относится начало Кудинской слободы, в которой уже через два года было 12 дворов пашенных крестьян. В 1673 г. основывается заимка Курлинская на Ангаре, на р. Куде возникает Талкинская деревня и отмечены первые жители (12 чел.) Уриковской слободы.

Спустя десять лет первые острожные строения прогнили и развалились, поскольку строили их в спешке из сырого леса. В 1669–1670-х гг. новый иркутский управитель енисейский сын боярский Андрей Барнешлев заново перестроил крепость. Новый острог строился уже с учетом перспектив развития Иркутска и значительно превосходил старый. Он имел форму квадрата, и длина каждой его стены составляла 108 м, а высота – 7 м. Главными оборонительными сооружениями были острожные башни. По углам стояли четыре глухих башни высотой до 11 м. Три проезжие башни достигали 20 м. В центре острожной стены, выходящей на береговую сторону, стояла Спасская башня, от которой шел крутой спуск к пристани. Над воротами башни возвышался амбар, над ним жилое помещение и две небольшие часовни, а венчал это сооружение деревянный шатер. Еще две проезжие башни выходили на степные стороны. В северо-восточной части стены были устроены ворота, ведущие на посад. Была в остроге и внутренняя крепость – двор приказных людей, находившийся около верхней по течению реки башни. Во всех башнях были устроены верхние, средние и нижние «бои», а наверху – наблюдательные вышки с перилами. Вокруг всего острога «поставлены надолбы мерою четыреста сажен». Надолбы представляли собой короткие заостренные кверху столбы, служившие неплохим препятствием против действий конного войска. В 1672 г. по распоряжению А. Барнешлева артелью енисейских плотников во главе с Федором Хлызовым в центре острога была поставлена деревянная шатровая Спасская церковь. В целом Иркутский острог был неплохо укреплен и произ-

Б. Лебединский. Иркутский острог

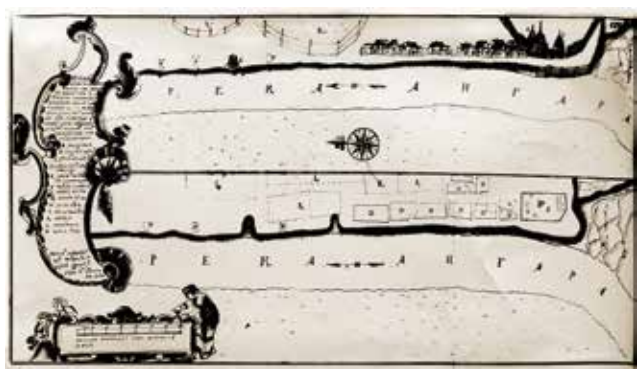
водил хорошее впечатление. В сентябре 1675 г. Н. Спафарий, возглавлявший русское посольство в Китай, отмечал в своем дневнике, что «острог строением зело хорош, а жилых казацких и посадских дворов с 40 и больши, и место самое хлеборобное». Дневник Н. Спафария свидетельствует о первых успехах земледельческого освоения края. В окрестностях Иркутска он отмечает заимки иркутских казаков в устье р. Куды, на левом берегу Ангары деревни Монастырскую, Вяткину, Каргаполову, заимку казака Ильи Могутова, на правом – деревни Бешенову, Уксусникову, Щукину.

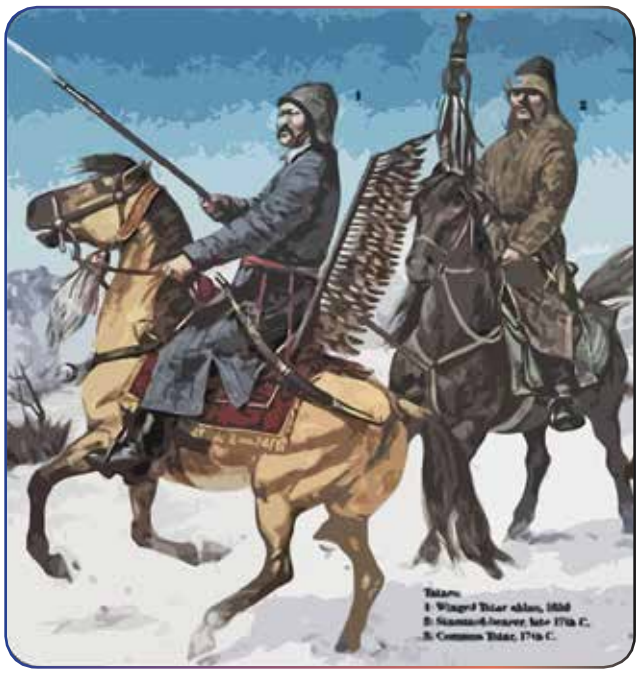
С 1682 г. Иркутский острог становится центром самостоятельного уезда, что привело к необходимости расширения острожных строений. В острожную стену была встроена приказная изба, специально для воеводы поставлены воеводский двор и изба в два покоя. Под папертью Спасской церкви были устроены шесть лавок для торговых людей, а рядом построена колокольня, по которой также были устроены четыре лавки и церковный казенный амбар. Под угловыми башнями были сделаны три избы для холостых казаков (женатые жили своими домами на посаде). Помимо других строений в остроге находилась изба гостиного двора для торговых людей, а также «караульная изба, а в караульне 3 человека аманатов» (заложников).

Став городом и центром обширного уезда, Иркутск начинает быстро развиваться. К этому времени возросла его административная и политическая роль в регионе. Сложные отношения с Китаем и монгольскими князьями во второй половине XVII в. настоятельно требовали укрепления города и расширения его задач в военной сфере. В 1670–1680-х гг. ситуация на границе с Монголией была очень напряженной и требовала постоянного внимания со стороны иркутских властей. Под влиянием маньчжурского руководства монгольские руководители открыто угрожали безопасности русских поселений в Восточной Сибири, заявляя, что если русские не уйдут из Забайкалья, то «острогам Селенгинскому, Баргузинскому, Даурскому и Иркуцкому будет не стоять». В эти годы Иркутск становится центром внешнеполитических связей России с княжествами Северной Монголии. Усиление русского влияния в Забайкалье, с одной стороны, укрепляло торговые и политические связи с монгольскими феодалами, с другой же, нередко сопровождалось стычками и набегами монголов на бурятские земли. В этой ситуации руководителям сибирских острогов приходилось вести себя очень осторожно, стараясь мирным путем улаживать возникающие противоречия.

Умелым и опытным дипломатом проявил себя иркутский воевода Л. Кислянский. В мае 1684 г. он организовал пышный прием посольства от одного из крупных монгольских феодалов Очирой Саин-хана. В торжественной встрече посольства было задействовано практически все население острога. Церемониал

Карта Иркутска. XVII в.

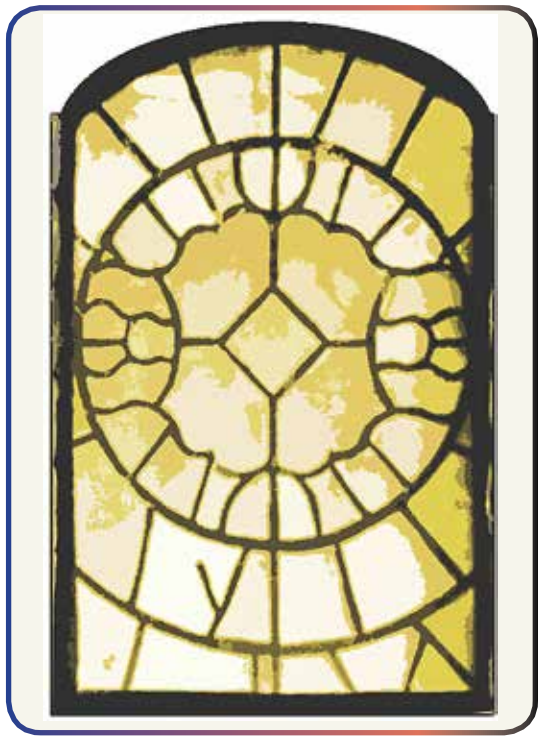
Монгольские воины

встречи, вежливое обращение и вместе с тем непреклонный тон русских властей произвели впечатление на монголов и на время заставили воздержаться от военных набегов.

После военных действий на Амуре и осады маньчжурами Албазинского острога между Россией и Китаем был заключен в 1689 г. Нерчинский мирный договор. Ценой потери амурских владений России удалось отстоять забайкальские рубежи, локализовать маньчжурскую экспансию и тем самым спасти народы Прибайкалья и Забайкалья от порабощения. В этих сложных внешнеполитических условиях начинается новый этап перестройки острога, третий по счету. В 1693 г. иркутский воевода князь Иван Гагарин доносил в Москву, что построил он новый рубленный «деревянный город со всяким городовым строением, с башнями и с вороты, с верхним и срединным им подошвенным боем». Острог имел форму квадрата, каждая из острожных стен которого имела по 60 сажен в длину (около 130 м). Поверх бревенчатых стен был устроен «облам», выступавший немного вперед и служивший для защиты стрелков. Острожные стены были покрыты тесовой кровлей. Восточная и южная стены острога были расширены на десять сажень. В новой крепости насчитывалась 7 башен. Из них одна проезжая, находившаяся в береговой стене, осталась старой. Остальные были выстроены вновь. Из них четыре угловых были глухие, а две проезжие. Главной башней города стала Сергиевская, выходившая на идинскую (ушаковскую) сторону. Она была восьмиугольной и имела три уступа, достигая в высоту 20 метров. Внутри острога располагались церковь, различные административные, хозяйственные и жилые постройки. Среди прочего здесь находились пороховой погреб, гостиный двор с 11 лавками, изба для приезжих торговых людей, таможенная изба с амбаром, винный погреб, соляной амбар. В береговой стене в старой проезжей башне был устроен амбар для хранения собранного с инородцев ясака. В той же стене была встроена приказная изба или воеводская канцелярия. Неподалеку располагался воеводский двор из пяти горниц, причем три из них были на жилых подклетях, т. е. имели полуподвальные помещения.

Несмотря на урегулирование спорных вопросов, ситуация на монгольской границе по-

Слюдяное окно Спасской церкви

Иркутский острог

прежнему оставалась неспокойной. Иркутск в полной мере испытывал на себе политику монгольских властей, пытавшихся обманом и посулами переманить пограничное бурятское население в свои владения. В 1696 г. Иркутск был осажден бурятами, но их попытка пограбить местных жителей закончилась безрезультатно. В этом же году иркутский острог подвергся осаде забайкальских казаков, поднявших восстание против воеводы А. Савелова.

4. Население и становление городского хозяйства

Строительство Иркутского острога знаменовало собой окончательное закрепление Прибайкалья за Русским государством. Благодаря своему местоположению он быстро занял ведущее положение среди ангарских и байкальских острогов и зимовий, содействуя развитию региональных хозяйственных связей. В первые годы существования Иркутского острога основную группу его жителей составляли служилые люди, выполнявшие в основном военно-административные функции. Они собирали ясак с местного населения, охраняли пограничные территории от монгольских набегов, строили новые остроги и зимовья, выполняли различные административные и дипломатические поручения. Первый гарнизон Иркутского острога составлял всего двадцать казаков и рос довольно медленно. К 1681 г. он увеличился в два раза и насчитывал 44 человека. С превращением Иркутска в центр самостоятельного уезда численность служилого населения заметно растет. Оно формируется как за счет перевода части казаков из Енисейска и других сибирских городов, так и путем «прибора» на государеву службу гулящих и промышленных людей. В конце XVII в. служилое население Иркутска составляло около половины жителей. В их числе были два дворянина «московского списка» (братья Бейтоны), 13 детей боярских, 5 подьячих приказной избы, 409 конных и пеших казаков и 50 служилых людей, переселенных «в вечное житье» из Сургута, Туринска, Верхотурья и Березова. К служилым людям причислялись также два прядильщика, мельник казенной мельницы, а также «заплечный мастер» – палач. За свои многочисленные службы служилое население получало небольшое хлебное, соляное и денежное жалование, которое, хотя и далеко не всегда, выплачивалось в полном объеме. В конце XVII – начале XVIII века пешему казаку в год полагалось 5 рублей денег, чуть больше полутора пудов соли и по 40 пудов ржи и овса. Конному казаку выдавали 7–8 руб. и от 10 до 25 пудов хлеба. Даже «верхушке» служилых людей платили не выше 10–18 руб.

К концу XVII в. дальние походы стали редкими. Это давало возможность служилому населению больше внимания уделять хозяйственным делам. Многие из них постоянно занимались промысловой деятельностью, ремеслами, участвовали в торговых операциях. Наличие вокруг города плодородной земли позволяло многим из казаков вместо хлебного жалования «служить с пашни». Некоторые из них, особенно казачьи старшины, владели значительными земельными угодьями.

Посадское и крестьянское население Иркутска и его окрестностей формировалось в основном за счет промышленных и гулящих

людей. Значительная часть из них лишь на время приходила в Прибайкалье, но по мере освоения края и роста здесь городских и сельских поселений некоторая их часть оседала на постоянное место жительства. В 1681 г. в посаде Иркутска насчитывалось всего 27 человек. За два десятилетия их количество возросло до 110. Вместе с женами и детьми они составляли 314 человек. В числе посадских были ремесленники, мелкие торговцы, работные люди и «хлебные оброчники», жившие на посаде. Писцовая книга 1686 г. дает возможность определить, откуда и когда пришли в Иркутск первые посадские жители. По пять человек прибыло в Иркутск из Москвы и Устюга, четверо из Яренска, по трое из Пинеги и Соли Вычегодской, двое из Енисейска, по одному из Мезени, Пскова, Усолья, Переяславля-Залесского, Усть-Цельмы, Шацка и один украинец. Судя по документам, почти половина из них были «гулящие люди», трое ссыльных, трое пашенных крестьян и двое посадских. Значительная часть посадского населения занималась земледелием. В 1686 г. из 37 семей посадских имели пашни или сенокосы 26. Некоторые и жили не на посаде, а по окрестным селам и заимкам.

Открытка XIX в.

В хозяйственной жизни края на первых порах преобладало промысловое освоение. Местом притяжения промышленных и гулящих людей и служилого населения были байкальские промыслы. На многочисленных реках и речках, впадающих в озеро, стояли промысловые зимовья зверопромышленников. Еще Н. Спафарий отмечал «по тем рекам по всем зимовья промышленных казаков, которые промышляют соболя». Через Иркутск

Нем. открытка XIX в.

Постройка судов

Переселенцы

ежегодно проходило более 300 человек на соболиные и омулевые промыслы «на Байкал-море».

С 1650-х гг. начинается земледельческое освоение Прибайкалья. Первые пашни были заведены около Балаганского острога для снабжения хлебом новые поселения на Байкале. После основания Иркутского острога начинают распахивать земли по Куде, Иркуту, Ангаре, Белой, Китою. В 1680-х гг. здесь появляются слободы и села пашенных крестьян.

В 1690 г. в Иркутск было направлено 160 семей из Тобольска и Енисейска для определения на «государеву» пашню. Иркутский воевода Л. Кислянский поселил 40 семей по р. Белой, 61 семью по рекам Куде и Оек, да трех человек в деревнях Урик и Разводная. Десять человек из этой партии были зачислены в иркутский посад, а 46 оказались не у дел, потому что «многие из них стары и дряхлы, а иные увечны, слепы и безноги, кормятца скитаючись меж дворами».

К началу XVIII в. в Иркутском уезде насчитывалось 333 двора пашенных и монастырских крестьян, и число их быстро возрастало. В 1710 г. в уезде проживало уже около 2,8 тыс. крестьян. К этому времени Прибайкалье становится основной продовольственной базой для русского населения Забайкалья. Среди хлебных подрядчиков выделялись крупнейшие сибирские торговцы Иван и Андрей Ушаковы. В 1690 г. они подрядились доставлять в Забайкалье по 7,5 тыс. пудов муки ежегодно. Для обработки закупаемого в Иркутском уезде хлеба Ушаковы построили в 1678–1681 гг. две мельницы в районе города на р. Иде, которая уже с конца XVII в. стала называться Ушаковкой. На каждой из них только одного помола для казенных поставок за Байкал производилось ежегодно по 2 тыс. пудов. Кроме хлебного Ушаковы владели в Иркутске квасным, пивным и винным производством. Если учесть, что Ушаковым принадлежали также солеваренный промысел в районе Усолья и мыловаренный завод, то их следует признать крупнейшими предпринимателями Иркутска. Кроме того, им принадлежали предприятия в Тобольске и Енисейске.

С появлением в Прибайкалье русского населения начинаются активные поиски полезных ископаемых. Прежде всего, это обуславливалось местными нуждами. Слюда, соль, железо, строительные материалы были необходимы в хозяйстве. Интересы государства требовали настойчивых поисков в Сибири золота, серебра, металлов, речного жемчуга, драгоценных камней. Иркутские воеводы И. Власов и Л. Кислянский лично участвовали в поиске полезных ископаемых, направляли рудознатцев и казаков в горные районы Байкала и Саян. В 1680-х гг. начинается производство железа в Идинском остроге и неподалеку от Балаганска в Кузнецкой слободе, жители которых занимались добычей руд из небольших ям, имели кузницы и плавили железо в небольших домницах кричным сыродутным

Крестьянская изба

способом. Эти населенные пункты были приписаны к Иркутску и снабжали его кричным железом.

Более успешно осваивались соляные месторождения. В 1669 г. иркутский пятидесятник Онисим Михалев начал вываривать соль на двух островах на р. Ангаре. За десять лет им было выварено почти 3 тыс. пудов соли. В 1682 г. Ангарский солеваренный завод был продан Ивану Ушакову за 510 рублей. Ушакову удалось заметно поднять производство и снизить цены на соль в четыре раза. Соль с ушаковских варниц расходилась по Иркутскому уезду и за Байкал. В 1704 г. соляной промысел в Усолье был передан иркутскому Вознесенскому мужскому монастырю.

По мере роста посадского населения в Иркутске начинают складываться ремесленное производство и местная промышленность. Задачи освоения края, развитие торговых связей, бытовые нужды и потребности населения предъявляли спрос на различные изделия из металлов, дерева, кожи, тканей. В первую очередь развивалось производство, освоенное на местном сырье. Прозвища иркутских посадских людей конца XVII в. свидетельствуют об их специализации: Семен Котельник, Евсевий Кузнец, Иван Кваснин, Иван Кирпишник, Иван Колокольник, Семен Скорняк, Тихон Шорник, Любим Выжигальщик. Свои изделия они изготовляли по заказам торговых и служилых людей, пашенных крестьян. Кро-

Сеятель

ме частных заказов иркутские ремесленники часто привлекались к работам на казну. В 1693 г. в Иркутске было две кузницы, одна из которых обеспечивала государственные нужды. Из Енисейска отправляли квалифицированных мастеров кузнечного и оружейного дела. В эти же годы старостой над иркутскими кузнецами был назначен иркутский посадский Иван Хром, в ведении которого было 7 человек.

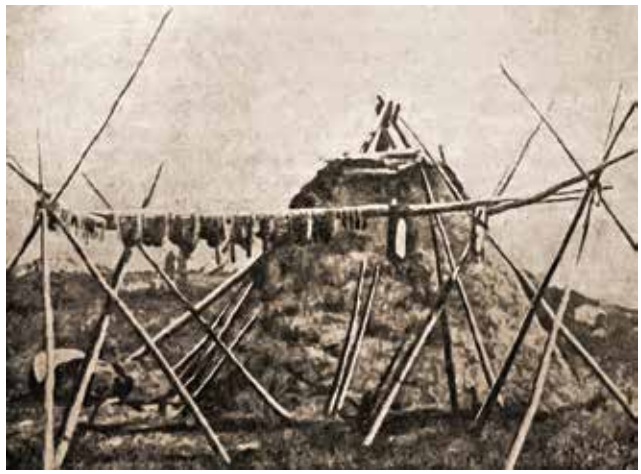
Торговля стимулировала развитие водного транспорта. В Иркутске уже с 1680-х гг. существовало плотбище, строились транспортные средства. Для отправки за Байкал различных грузов и товаров требовались десятки дощаников. Много судов строилось для казенных целей. В городе существовала даже должность «дощаничьего приемщика», который выдавал суда иркутским казакам и служилым людям. С началом отправки торговых караванов в Пекин необходимость в судах стала еще больше. По мере возрастания значения байкальской переправы судоходство выделяется в само-

Русские девушки

стоятельный промысел, обеспечивающий перевозку частных и казенных грузов, людей и нужды развивающегося рыболовства. С 1726 году на Байкале появляются постоянные перевозочные суда – небольшой пакетбот и лодка. Они служили для перевозки служивых людей и почты, позднее было дано разрешение «возить и частную кладь и частных людей за деньги, которые употреблять на поддержку судов».

Если плотницкое умение было доступно почти всему взрослому мужскому населению города, то начало каменного строительства вызвало необходимость появления каменных дел мастеров и кирпичников. Еще в 1699 г. из Иркутска писали в Сибирский приказ о том, что «каменного дела мастеров и камени и тесу годного и извести нет», на что из Москвы требовали привлекать к строительным работам ссыльных и всех праздношатающихся, которые «под образом нищеты по дворам шатаются, а работы никакой делать не хотят». Для строительства первых каменных зданий города у Знаменского женского монастыря были построены кирпичные сараи. Один из первых построил посадский Иван Кирпичник. Уже в 1701 г. в строительных работах было занято 43 ссыльных. Они заготавливали глину, ломали и тесали камень, строили кирпичные сараи. Всеми работами руководил присланный из Верхотурья «каменного дела подмастерье» Моисей Иванов Долгих. Каменное строительство в Иркутске было полностью обеспечено местным строительным материалом. Лес, камень, глина, известь заготавливались в окрестностях города.

Вяление рыбы

Некоторое развитие в городе получила обработка животного сырья. Десятки ремесленников были заняты в выделке кож, изготовлении мыла и свеч. Некоторые из них работали не только по заказам, но и поставляли продукцию в уезд и даже Забайкалье. Так, сын боярский Шестаков имел небольшие «мыльный» и кожевенный заводики. Еще большие масштабы имело мыловаренное производство, организованное Иваном Штинниковым. Производство мыла было рассчитано не только на городской рынок и уезд, но и на вывоз в Забайкалье. И. Штинников имел лавочных сидельцев в Нерчинске и Албазине. В среднем завод вырабатывал до 200 косяков мыла, из которых около половины реализовывалось в Иркутске. К концу XVII в. Штинников стал самым богатым посадским Иркутска. В 1690-х гг. он был приказчиком гостя Ивана Ушакова, ходил

с торговыми караванами в Китай, а затем стал иркутским таможенным головой.

В первые десятилетия существования Иркутского острога хлебное вино привозили из Тобольска и Енисейска, но уже в 1680-х гг. появляются небольшие винокурни и пивоварни. Подряды на производство и поставку вина брали служилые люди, представители местной администрации, торговые люди. В разное время винокурением занимались посадский С. Максимов, дети боярские И. Перфильев и Е. Курдюков, братья Пивоваровы. Еще большие размеры имело винокуренное производство гостей Ушаковых. Скупая в большом количестве хлеб у иркутских крестьян, они организовали в Иркутске крупное квасное, пивоваренное и винокуренное производства. На их винокуренном заводе, построенном в 6 верстах от города за Ушаковкой, выкуривалось более 10 тыс. ведер. В 1699 г. на месте их завода была устроена казенная винокурня. Производство и продажа вина приносили казне значительные доходы. Себестоимость одного ведра составляла около 35 коп., а продавалось оно в казенных кабаках – гербергах (назывались так, потому что над дверями были укреплены государственные гербы) по 3 рубля. Вводя казенную монополию на производство вина, правительство жестко пресекало нелегальное винокурение, конфисковывая орудия производства и ломая тайные каштаки.

Карта Иркутска 1680 г.

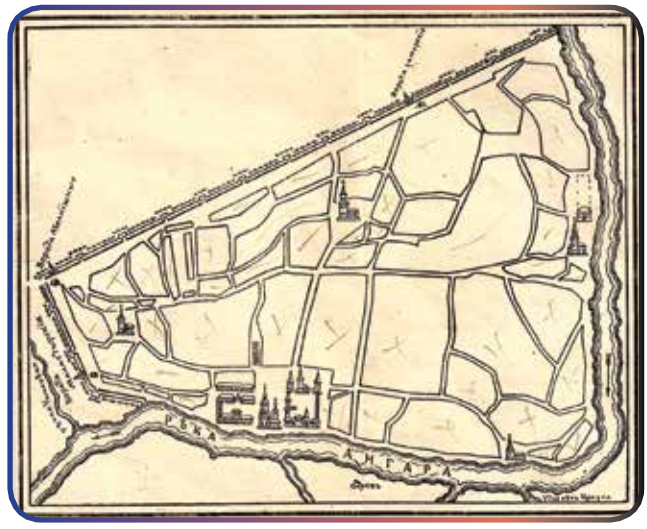

На рыбалке

Местоположение Иркутска определило его роль как товарно-распределительного центра Прибайкалья. Ангара связывала город с остальной Сибирью и далее с Россией, Лена выводила на просторы Якутии, через Иркут и Тункинскую долину открывался прямой путь в монгольские степи. Еще большее значение имела близость к Байкалу и Селенге, через которые осуществлялись торговые связи с Монголией и Китаем, а также с Приамурьем.

Сердцевиной торговой жизни города являлся гостиный двор с одиннадцатью лавками, но они не справлялись с объемом торговых операций. Уже в 1681 г. торговцы просили расширить торговые помещения на местном гостином дворе и построить новые лавки, погреба, а также избы для жилья. Особенно оживлялось торговое движение в марте, когда

План города Иркутска

На полевых работах

в Иркутск прибывали обозы с российскими товарами и пушниной. Главную роль в развитии торговли играли иногородние купцы. Через их приказчиков и сидельцев Иркутск поддерживал связи с большим числом торговых центров страны, прежде всего Устюгом, Яренском, Сольвычегодском, Тобольском, Енисейском. Из Иркутска товаропотоки распределялись на Лену, в Забайкалье, в города и слободы Иркутского и Илимского уездов. Данные таможенных книг позволяют определить ассортимент товаров, вывозимых на Лену и в Забайкалье. Из Иркутска вывозили пушнину, «русские товары», китайские шелковые и хлопчатобумажные ткани. В небольших размерах отправляли продукцию местного производства: железо, соль, рыба, хлеб и мука, слюда, кожи, мыло, рогатый скот и лошади.

Усилению торговой роли Иркутска заметно способствовало развитие пограничной торговли с Монголией и Китаем. Из Иркутска через Тунку служилые и торговые люди регулярно ездили в Монголию «для скотинной покупки». Так, в ноябре 1675 г. из «дальних улусов» тайши Цынбена были пригнаны в Иркутск табуны лошадей и верблюдов, купленные служилыми людьми. Через бухарцев и монгольских торговцев в Иркутск поступали китайские товары, а оттуда вывозились на Ирбитскую ярмарку и в Россию. Бухарские торговцы, заинтересованные в установлении торговых связей с русскими купцами, с 1680-х гг. регулярно стали появляться в восточносибирских городах. Воспользовавшись частыми поездками джунгарских послов в Иркутск, они стали отправлять караваны и туда. Первый такой караван подошел к стенам острога в ноябре 1684 г. Он пришел из Северной Монголии через хребет Хамар-Дабан и Тункинскую долину. На 170 верблюдах были доставлены китайские ткани, хлопчатая бумага, чай, табак, мерлушка. Около острога они разбили городок из 30 юрт и начали торговлю. Товары обменивались на сибирскую пушнину. Самым многочисленным оказался третий караван. На 172 верблюдах было привезено китайских и бухарских товаров на 2 тыс. рублей. К их прибытию в Иркутск со всей Сибири собралось несколько тысяч торговых

Иркутская губерния

Карта освоения сибири

Гостиный двор в Иркутске

людей. Большое значение для экономики края имело установление торговых отношений между Россией и Китаем.

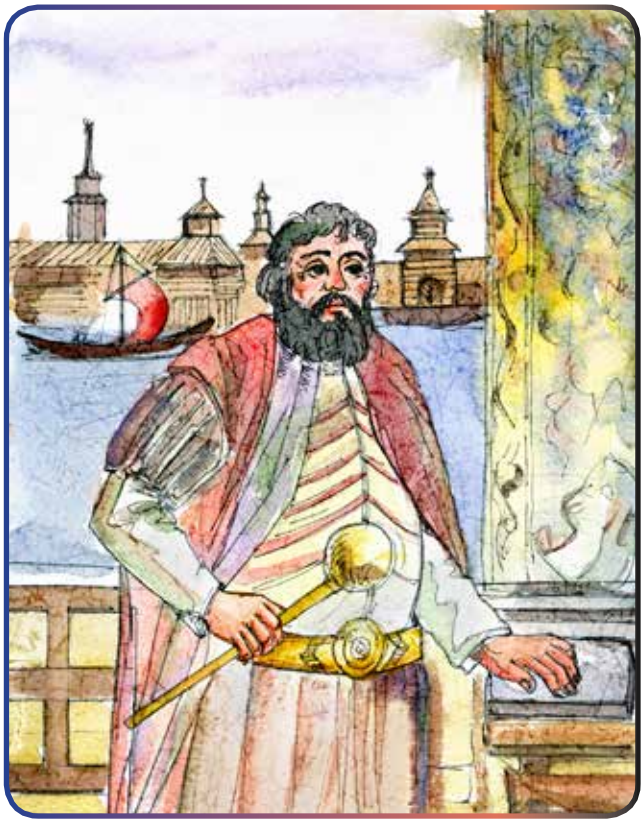
Большое значение для Иркутска имело освоение нового пути в Китай через Селенгинск и Монгольские степи. Впервые использовал его для целей русско-китайской торговли И. Савватеев. Новый путь хотя и был значительно труднее, но занимал почти в два раза меньше времени. С 1703 г. казенные караваны в Пекин стали уходить из Иркутска через Селенгинск, что превращало наш город в центр караванной торговли. В 1706 г. эта дорога официально была одобрена Сибирским приказом. После открытия нового пути в Иркутске наблюдалось большое оживление. Из Иркутска выслали в Москву китайских товаров, взятых в виде пошлины с каравана И. Савватеева, почти на 36 тыс. рублей. С этого времени казенные караваны в Пекин стали отправляться из Иркутска.

Переправа

5. Воеводская власть и посадский мир.

Первые два десятилетия Иркутский острог управлялся представителями служилой верхушки Енисейского острога, которые подчинялись енисейскому воеводе. В ведении приказчика был казачий гарнизон острога, а главные функции сводились к сбору ясака с местного населения, защите его от набегов из-за границы, изучению и хозяйственному освоению территории. Заботились приказчики и о состоянии укреплений острога, перестройке его, содействовали развитию пашенных заимок и деревень. Один из первых приказчиков Иркутского острога, перестроивший его в 1670 г., енисейский сын боярский Андрей Афанасьевич Барнешлев занимал достаточно высокое положение в Енисейске. Кроме Иркутского острога он поочередно возглав-

Городской голова

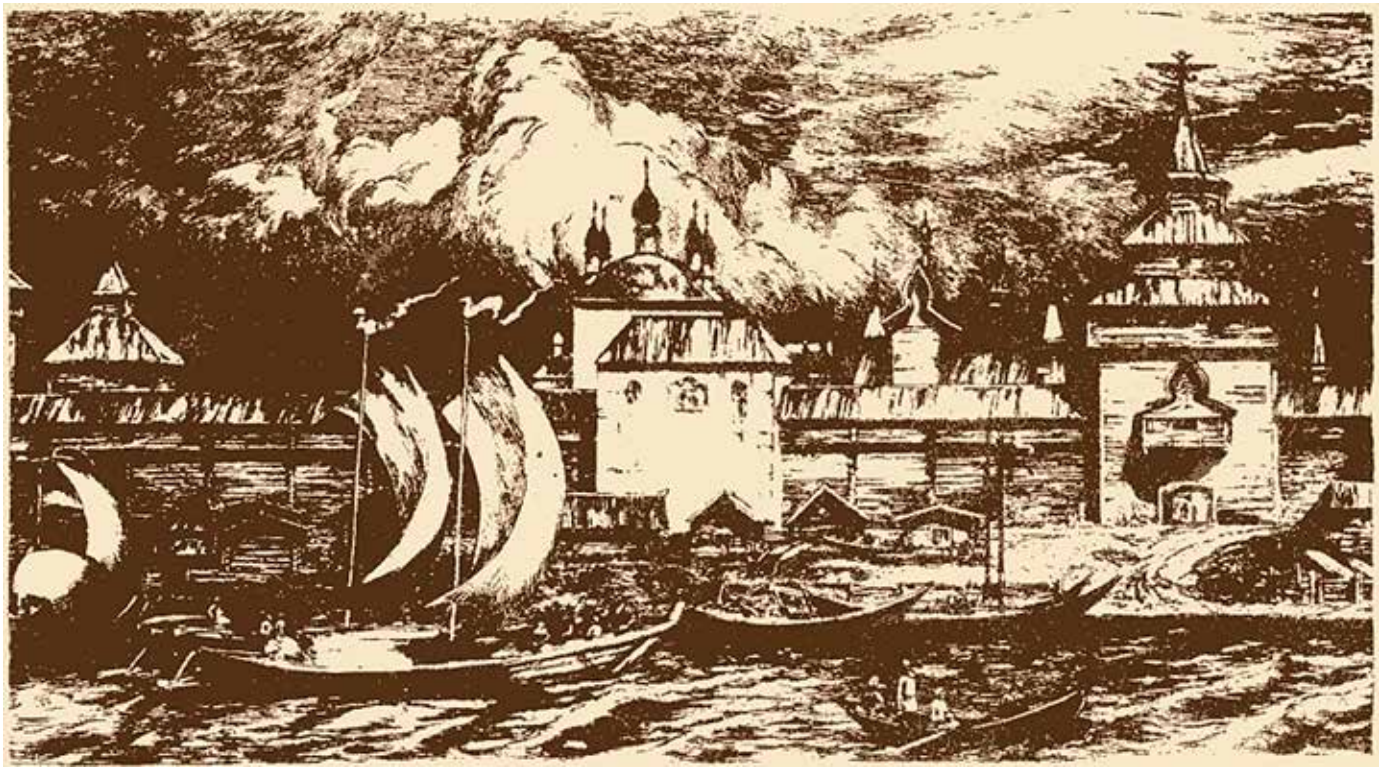
Посад

лял Баргузинский, Баунтовский и даже замещал якутского воеводу «на разряде». Его настоящее имя – Уильям Барнсли, происходил из древнего английского дворянского рода. Отец его с начала XVII в. находился на русской службе. Сам Уильям родился в Москве в 1622 г. Получил хорошее воспитание, знал несколько европейских языков. В 1646 г. оказался замешан в интриге при дворе и был сослан в Енисейск, где поверстан в казачью службу. В 1654 г. принял православие и сменил фамилию. Был определен в дети боярские по Енисейскому острогу.

Но более известным в Иркутске был род казаков Перфильевых. Основатель его енисейский сын боярский Максим Перфильев начинал свою службу в Сургуте, затем служил в Енисейске, не раз ходил с походами вверх по Ангаре в Братскую землю. С именем его сына Ивана связано основание Идинского острога, управление Селенгинским и Иркутским острогами, исполнение обязанностей воеводы в Енисейске и Илимске. Приказчиком Иркутского острога становился четырежды (1663, 1666–1667, 1676–1677, 1680–1681). Неоднократно выезжал с дипломатическими миссиями в монгольские княжества. У Перфильевых было крепкое хозяйство, пашенные земли на Иркуте, винокуренное производство. Три сына – Иван, Василий и Евстафий (Остафий), прочно осевши в Иркутске, также несли службу. Евстафий Перфильев, например, дважды назначался воеводой в Илимский острог (1697–1698, 1723). Потомки их с середины XVIII в. числились в иркутском купечестве.

С ростом вокруг Иркутска новых острогов и сельских поселений он в 1682 г. стал центром самостоятельного воеводства. Спустя четыре года к нему были причислены Верхоленский, Идинский, Балаганский остроги и Бирюсинская слобода, а в дальнейшем – остроги Западного Забайкалья. В этом же году Иркутск получает статус города.

Первым воеводой был назначен стольник Иван Евстафьевич Власов (1628–1710), происходивший из семьи обрусевшего грека, служившего воеводой в Арзамасе. Свою деятельность начал на дипломатическом поприще. В 1656 г. находился в составе русского посольства в Венецию. В дальнейшем исполнял

Б. Лебединский. Город Иркутск

обязанности головы в Пушкарском приказе. В 1677 г. в чине стряпчего был направлен на польскую границу в Путивль в полк князя В. Н. Голицина. За эту службу получил чин стольника и земельные пожалования. В феврале 1680 г. был переведен в распоряжение Сибирского приказа и назначен воеводой в Иркутск. И. Е. Власов оказался умелым и деятельным воеводой. Особенно много времени уделял он поискам полезных ископаемых в Прибайкалье и организации здесь горного дела. При нем были начаты разработки слюды на Байкале, найдены месторождения разных руд и красок. В 1686 г. вместе с окольничим Ф. А. Головиным был назначен «великим и полномочным послом» для переговоров с китайским правительством. В этом качестве принимал самое деятельное участие в подготовке и подписании Нерчинского договора 1689 г.

Преемник И. Е. Власова на воеводском поприще Иркутска Л. К. Кислянский (1641 – не ранее 1697) также был человеком неординарным. В 1670-х гг. служил живописцем при Посольском приказе и Оружейной палате. С 1678 г. «живописных дел мастер Леонтий Константинов сын Кислянский за многую работу написан по Московскому списку», т. е. в московские дворяне, и определен на службу в Сибирский приказ. В 1680 г. был определен письменным головою в Енисейский острог, а в 1683–1684 гг. служил в той же должности в Иркутске, выполнял воеводские обязанности. Как и его предшественник, уделял большое внимание развитию внешнеполитических связей с северо-монгольскими ханами, а также изучению горных богатств края. В донесениях в Москву не раз сообщал о находках слюды по рекам Уре, Ангаре и около Байкала, о граните, голубой краске на Витиме, желтой и черной краске в районе Селенгинска. В 1689 г. Л. К. Кислянский вновь был назначен воеводой и стольником в Иркутск, где прослужил около трех лет. Будучи искусным живописцем, содействовал появлению в городе иконописного дела.

Воеводы назначались Сибирским приказом из стольников или детей боярских, а иногда и более родовитых чинов. В помощь воево-

Герб и печать Иркутска 1790 г.

де для ведения письменных дел давался «дьяк с приписью» или же подьячий, который заведовал делопроизводством приказной избы. В остроги и слободы, входившие в состав уезда, назначались приказчики из местных детей боярских и дворян. Кроме того, в Иркутске находилась таможня, которой руководил таможенный голова, в чье ведение входили осмотр и оценка провозимых товаров и взыскание с них пошлин. В компетенцию воеводы включались различные следственные и розыскные дела по уголовным преступлениям и по искам. Воевода имел право определять степень вины и устанавливать наказания, вплоть до смертной казни. Низшим звеном административного управления выступали различные выборные мирские службы в лице крестьянских и посадских старост, сотников, десятских, мирских раскладчиков и целовальников.

В связи с превращением Иркутска в административный центр Прибайкалья ему были пожалованы печать и герб. Первоначально на печати было изображено: «Орел, в левой ноге лук держит тетивой вниз, под высподом трава», а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Иркутского города». Но уже в начале XVIII в. изображение на печати соответствовало гербу города. Герб Иркутска был высочайше утвержден указом 18 февраля 1690 г. Он представлял собой серебрённое поле, на фоне которого изображен бабр, бегущий в левую сторону щита и держащий во рту соболя. Автор «Иркутской летописи» П. И. Пежемский специально подчеркнул, что речь идет не о бобре, а о бабре – разновидности тигра, и привел его описание: «…Кровожадный, сильный и лютый зверь, живет в жарких странах. Он иногда забегает в Сибирь из Китая. Шкура его светло-желтоватого цвета с чернобурыми поперечными полосами, с длинным хвостом». Символика для иркутского герба была выбрана не случайно. Она подчеркивала своеобразие и богатство земли Иркутской. «Звери сии для того удостоены изображением на печати, – читаем в «Описании Иркутского наместничества 1792 г.», – что первой, т. е. бабр из всех в Сибири зверей реже, а второй, т. е. соболь как множеством и дороговизною своею рода, так

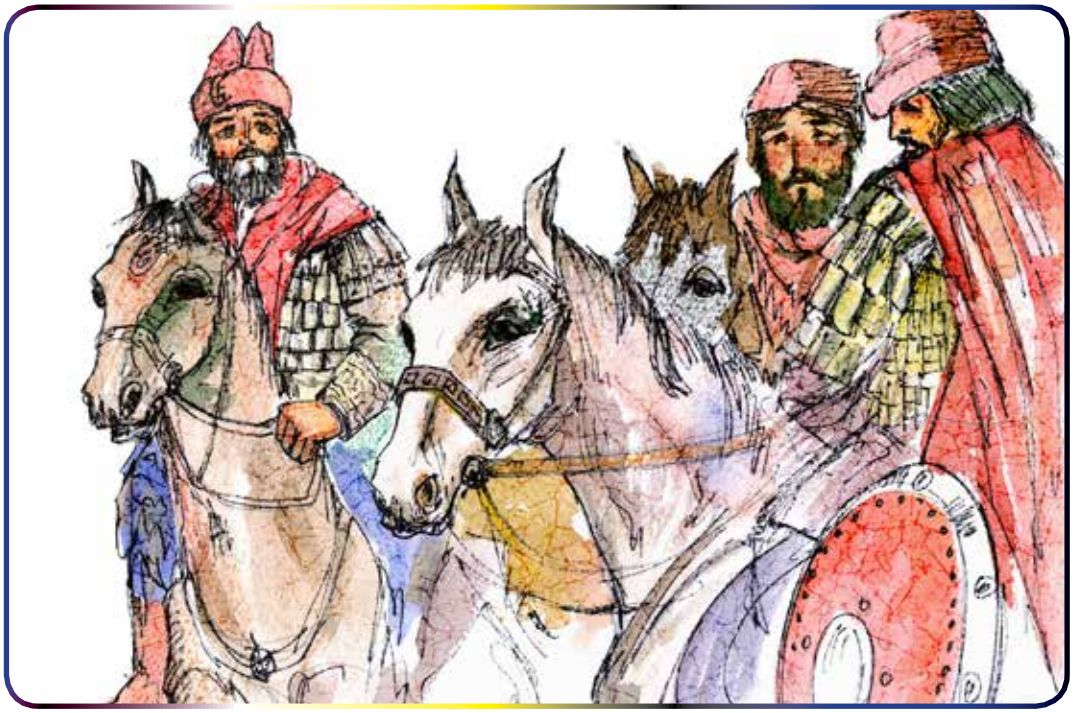
Матвей Петрович Гагарин

и знаменитою торговлею, которая соболями очень славна в Иркутском наместничестве». 26 октября 1790 г. Екатерина II утвердила гербы городов Иркутского наместничества, подтвердив и герб Иркутска. В указе отмечалось, что «сей герб старый».

Первым иркутским воеводам приходилось много внимания уделять хозяйственным вопросам. Они организовывали казенную пашню, занимались поисками полезных ископаемых, заботились об укреплении вверенных им острогов и крепостей, содействовали развитию пограничной торговли. В 1670–1680-х гг. ситуация на границе с Монголией была очень напряженной и требовала постоянного внимания со стороны иркутских властей. В эти годы Иркутск становится центром внешнеполитических связей России с княжествами Северной Монголии.

Такие представители феодальной администрации, как И. Е. Власов и Л. К. Кислянский, были, скорее, исключением среди сибирских воевод. Более типичными носителями центральной власти были, к примеру, князья Гагарины, превратившие в конце XVII в. Восточную Сибирь в свою вотчину. Они принадлежали к боярской фамилии, многие представители которой получили известность на административной и военной службах. Иван Петрович Гагарин был определен на сибирскую службу в 1679 г. сначала илимским, а с октября 1692 г. иркутским воеводой. С 1695 г. он был направлен в Якутск, где сменил своего дальнего родственника И. М. Гагарина. Наибольшую известность в Сибири приобрел младший брат И. П. Гагарина – Матвей Петрович. Службу свою в Сибири он начал в Иркутске в качестве товарища (помощника) воеводы, в данном случае при своем брате. В 1693–1695 годах руководил Нерчинским уездом. Уже в эти годы проявилось его стремление к наживе и произволу, использованию родственных связей. Но наиболее известен он стал в 1711 г., когда был назначен первым губернатором только что созданной Сибирской губернии. Огромная власть и почти полная бесконтрольность открывали большие возможности для злоупотреблений и коррупции. В результате он был отрешен от должности и указом Сената от 14 марта 1721 г приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. Казнь свершилась в Петербурге перед зданием двенадцати коллегий.

Сибирские казаки

Система воеводского управления, сосредоточившая в руках одного лица судебную и исполнительную власть, представляла широкие возможности для злоупотреблений и лихоимства. Отдаленность сибирских уездов от Центра исключала сколько-нибудь действенный контроль за действиями воевод. В результате, несмотря на строжайшие наказы и запрещения, многие сибирские воеводы, а глядя на них и низшие чины администрации, развивали в Сибири активную ростовщическую, торговую и промысловую деятельность, разоряя и опутывая кабальными обязательствами все слои сибирского населения. От притеснения воевод и «приказных людей» страдали служилое и неслужилое население, русские и ясачные инородцы.

В повседневной жизни воеводская власть постоянно взаимодействовала с мирским самоуправлением различных сословных групп населения. Традиции мирской жизни и общинного самоуправления были перенесены в Сибирь из северных уездов России. Земское самоуправление было наиболее действенной мерой ограничения всевластия воевод, разгула их произвола и корыстолюбия. Еще Соборное уложение 1649 г. подтвердило право мирского челобития на «плохих» воевод. Сплоченность мирских организаций служилого, посадского и крестьянского населения объяснялась отсутствием в Сибири крепостничества, слабостью центральной власти, широкими возможностями для ухода на новые земли, ведущей ролью служилого населения, имевшего и умевшего обращаться с оружием.

Наибольший размах приняло противостояние забайкальских и иркутских казаков против воеводы Афанасия Савелова весной 1696 г. Это первое по времени серьезное социальное потрясение в Иркутске. По характеристике городской летописи, новый воевода «был весьма корыстолюбив, с подчиненными обращался дерзко, жителям делал разные притеснения и обиды, казакам не выдавал хлебного жалования». За довольно короткий срок воевода настроил против себя служилое и посадское население не только в Иркутске, но и других уголках уезда.

Не получив от воеводы денежного и хлебного жалования за несколько лет, казаки и стрельцы Удинского, Селенгинского, Ильин-

ского и Кабанского острогов объявили на воеводу «государево дело» и отказались подчиняться воеводским приказчикам. 19 мая 1696 г. более двухсот забайкальских казаков подошли на дощаниках к Иркутску. Воевода с небольшим отрядом укрылся в «малом городе» (остроге) и неделю просидел в осаде. К счастью, вооруженное противостояние не привело к кровопролитию. Казаки отправились восвояси, обещав вернуться к Иркутску зимой в еще большем количестве. Восстание на этом не закончилось. Накал социального противоборства в Восточной Сибири в 1695–1697 гг. принял массовый характер.

Иркутское восстание следует рассматривать в контексте происходящих в это время социальных потрясений. После отъезда забайкальских казаков иркутские служилые и посадские люди отправили челобитную о замене воеводы Савелова. В ответ из Москвы был направлен новый воевода С. Полтев, но он, не доехав до Иркутска, заболел и умер в Идинском остроге. В город приехала его вдова с малолетним ребенком. Ее приезд послужил сигналом к волнениям. Не желая допускать Савелова к управлению, иркутяне объявили «мирской сход» и утвердили в должности воеводы мальчика Николая Полтева, а «в товарищи» к нему избрали сына боярского Ивана Перфильева. По сути дела, вплоть до октября 1698 г., когда прибыл новый воевода И. Николаев, краем управляла верхушка иркутских служилых во главе с И. Перфильевым. Интересно, что, узнав о событиях в Иркутске, Сибирский приказ поспешил придать им законную силу. Полномочия воеводы-младенца были официально признаны, а по поводу злоупотреблений Савелова и других воевод началось следствие. Многие воеводы и приказчики понесли наказание, имущество их было конфисковано. С Афанасия Савелова было взыскано более 4 тыс. руб., а его брат – нерчинский воевода Антон Савелов – был бит кнутом в Енисейске и отправлен в Якутск в казачью службу.

Освящение хоругви

6. Начало православия в Иркутске

Первые поселенцы Иркутска принесли с собой иконы, книги, а главное, горячую веру в силу помощи Бога во всех их делах. Вместе с казаками в Иркутск пришли священники. В остроге была выстроена часовня, позднее – церковь. Все часовни, церкви и монастыри Иркутска, как и всей Сибири, входили в состав Тобольской епархии, учрежденной в 1620 г. Всего Иркутске в XVII в. были построены три деревянные церкви: Спасская (1672 г.), Знаменская (1693 г.), Богоявленский собор (1695 г.). В селах возле города было сооружено еще 8 церквей. Всего в Прибайкалье в конце XVII в. имелось 26 храмов. Под многими из них часто располагались торговые лавки и амбары. В описи Иркутска 1684 г. отмечена «посреди острогу церковь во имя Нерукотворного Образа Господа Нашего Иесуса Христа... а под папертью кругом 6 лавок о двух житях; колокольня новая рубленая шатровая.., а под ней 4 лавки, да амбар, церковные казенные». Во вновь построенные церкви жители приносили самые ценные реликвии. Так, жители Илимского острога внесли в первую церковь образ Спаса на хоругви, с которым казаки пришли в Прибайкалье. Икона особо почиталась и считалась чудотворной. В настоящее время из-

Ф. Ф. Матюшкин. Вид Знаменской церкви. 1820 г.

Вознесенский мужской монастырь

вестна как «Спас Илимский», находится в экспозиции Иркутского художественного музея.

Первые монастыри Иркутска

Вознесенский мужской монастырь

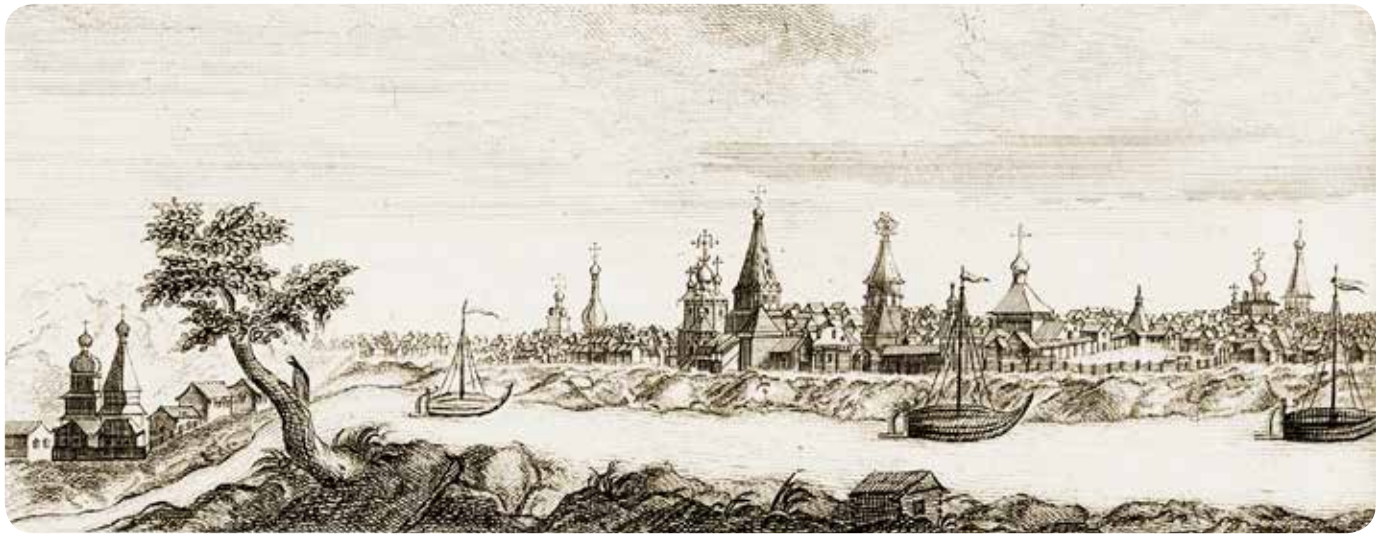
Основателем Иркутского Вознесенского мужского монастыря был старец Герасим. Он появился в Иркутском остроге вскоре после его постройки. В 1669 г. построил скит на противоположном берегу Ангары, вокруг которого собрались верующие из «людей всякого звания и чина». В том же году старец Герасим подал енисейскому воеводе челобитную о выделении земли для монастыря. В 1672 г. поступила грамота тобольского митрополита Корнилия, и монастырь начал активно застраиваться. Первой постройкой стала деревянная церковь Вознесения Господня, затем возвели кельи для братии и ограду. В монастыре проживало 3 иеромонаха, иеродьякон и 7 монахов. В 1679 г. пожар уничтожил все постройки в обители. Монастырь восстанавливался старцем Исаией при поддержке иркутян. В 1680 г. на мирские сборные средства вновь заложили Вознесенскую церковь, в 1690 г. она была освящена. К концу XVII в. удалось полностью восстановить все строения, а в 1692 г. построить новую церковь во имя Тихвинской Божией матери. Число монашествующих увеличилось до 20 человек.

Знаменский женский монастырь

История Иркутского Знаменского женского монастыря начинается в 1689 г., когда тобольский митрополит Павел назначил его строителем «торгового человека города Иркутска» Власа Сидорова, который за рекой Идой (Ушаковкой) построил Знаменскую церковь и кельи. В 1693 г. женский монастырь был основан. К концу XVII в. основные монастырские здания были построены, а сама обитель обнесена деревянным забором.

7. Острожное оборонительное зодчество Приангарья XVII – начала XVIII в.

Как уже говорилось, основная часть городских поселений Сибири была основана в процессе открытия и присоединения зауральских территорий в конце XVI – XVII в. Многие из них возникали вначале как ясачные зимовья или остроги, выполняя чисто военно-административные задачи, заключавшиеся в сборе ясака с коренного населения и контроле за подведомственными территориями. Превращение таких крепостных сооружений в крупные остроги, а затем в города, свидетельствовало об умело выбранном месте, жизнеспособности поселения, благоприятных экономических и транспортных условиях его развития. Первые сибирские города и остроги представляли собой сложное техническое сооружение, дере-

Вид Иркутска. Рис. Люрсениуса

вянное оборонное зодчество Сибири основывалось на традициях и стилистике древнерусского градостроительства.

Сибирское градостроительство прошло несколько периодов в своем развитии, и в рамках каждого из них в соответствии с новыми задачами освоения края менялись типы и виды сибирских городов, методы и приемы колонизации. Первый этап начинается со строительства Тюмени в 1586 г. и заканчивается основанием Томска, ставшим основной базой для дальнейшего продвижения России на восток. В условиях продолжавшегося противостояния со степными южносибирскими народами российские власти старались строить достаточно мощные крепостные сооружения, способные отстоять российские претензии на новые земли. Появление в этот период хорошо укрепленных городов и острогов Тобольска (1587), Березова и Пелыма (1593), Тары и Сургута (1594), Нарыма (1595), Кетска (1596), Верхотурья (1598), Мангазеи и Туринска (1600–1601) и, наконец, Томска (1604) закрепляло новые сибирские земли за Россией и усиливало контроль за основными торговыми путями, как северными морскими, так сухопутными от Верхотурья в Сибирь.

Новый этап градостроительства начинается с выходом русских землепроходцев в бассейн Енисея и Лены. В это время появляются Кузнецкий и Маковский остроги (1618), определявшие путь на Енисей через Маковский волок, Енисейский (1619), Красноярский, Рыбинский (1628) на Енисее, сеть ангароленских острожков – Киренский, Илимский, Братский и Усть-Кутский (1631), а также Якутский острог (1632), ставший основной базой колонизации всего северо-востока Сибири. На плечи Кузнецка и Красноярска легла задача дальнейшего продвижения в южную Сибирь, из Енисейска и Якутска осуществлялось проникновение в Забайкалье и Приамурье.

С 1640-х гг. начинается продвижение в Приангарье и Забайкалье и далее в Приамурье. В этот период появляются Балаганский и Албазинский (1654), Иргенский (1657), Нерчинский и Телембитский (1658), Иркутский (1661), Селенгинский (1665) и Верхнеудинский (1666) остроги. Всего за вторую половину XVII в. в Сибири было основано более 80

Селенгинский острог

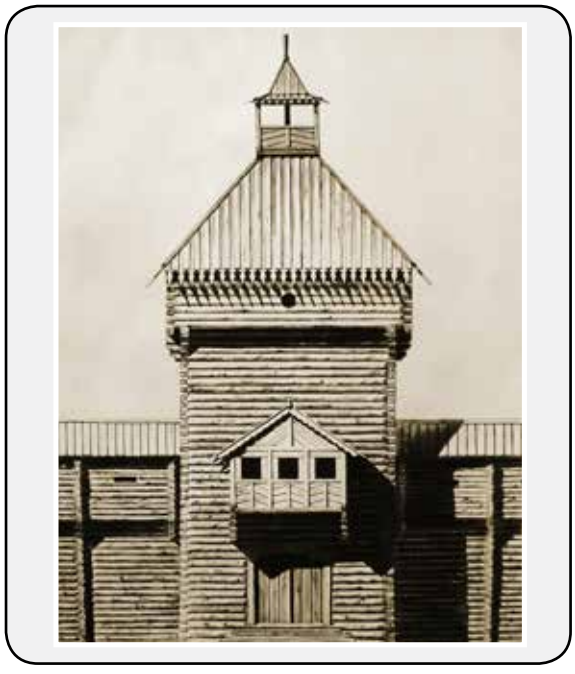

городов, острогов и слобод. Однако собственно городов и острогов как уездных центров насчитывалось всего 19.

На первых порах все сибирские города и остроги имели военно-политическое значение, ибо они строились для закрепления вновь присоединенных территорий и для организации экспедиций по «приисканию» новых земель и ясашных народов. Но у одних городов эта эпоха окончилась уже в самом конце XVI века (Тобольск, Тюмень, Верхотурье), у других – в первые десятилетия XVII века (Тара, Березов, Сургут), а у некоторых продолжалась почти весь век (Красноярск, Кузнецк, Нерчинск, Верхнеудинск и другие). Практически с первых лет существования сибирских городов и острогов они становятся центрами торгово-промысловой деятельности, что было вполне естественно для освоения такой фронтирной территории, каковой была Сибирь.

Дальнейшее их развитие было теснейшим образом связано со спецификой социально-экономических, общественных и культурно-бытовых процессов, ролью и местом в истории края. Различной была судьба городских поселений Сибири. Одни рано оформились как значительные административные и торговые

Башня острога

Сава Рагудзинский

центры локальных территорий (Тюмень, Мангазея, Енисейск, Красноярск, Якутск, Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Тобольск, Томск, Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Троицкосавск с Кяхтой). Большинство же городов Сибири оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли. Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхоленск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена, но постепенно превратились в сельские поселения (Илимск, Селенгинск и др.).

Очередной этап активного крепостного строительства в Сибири был связан с уточнением и укреплением южной пограничной линии в первой половине XVIII в. Инициатором постройки новых и реконструкции старых крепостей на юго-востоке Восточной Сибири стал посол в Китай граф С. Л. Владиславич-Рагузинский. Осмотрев городские укрепления пограничных городов, он нашел их неудовлетворительными и принял меры для усиления обороноспособности региона. По указанию посла были разработаны планы укрепления

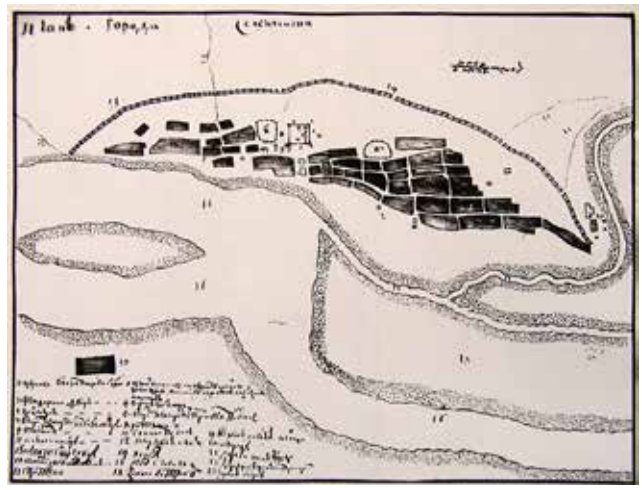
Вид Иркутска

старых городов Иркутска и Верхнеудинска. Они были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами. Кроме того, изыскивались возможности для переноса крепостных сооружений Нерчинска и Селенгинска, местоположение которых было крайне неудачно. Также были разработаны проекты строительства новых крепостей – Петропавловской на Чикойской стрелке и Троицкой на речке Кяхте.

Не все планы С. Л. Владиславича-Рагузинского были претворены в жизнь. Так, Селенгинск и Нерчинск были перенесены на другие места только спустя столетие. Однако Петропавловская и Троицкая крепости, а также Кяхтинская слобода, были построены солдатами Тобольского полка во главе с полковником И. Д. Бухгольцем почти в полном соответствии с проектными чертежами. Столь знаменитая впоследствии Кяхта возникла на базе двух отдельных поселений. Сначала была заложена в июне 1727 г. в пустынной широкой долине небольшой речушки Кяхты крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее была основана торговая слобода Кяхта. Хотя в официальных документах XVIII в. Кяхта называлась форпостом Троицкой крепости и действительно имела укрепления, ей суждено было длительное время играть важнейшую торговую роль как единственного пограничного пункта всей обширной меновой торговли между Россией и Китаем. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города, и здесь формируется основная городская инфраструктура. После того, как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключением купечества, непосредственно участвующего в торговых операциях, она превращается в элитный пригород, застроенный добротными купеческими особняками.

География распространения крепостных сооружений в эти годы переместилась к южным границам Сибири, где повсеместно внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы. От Тобола, например, была образована пограничная

Селенгинский острог

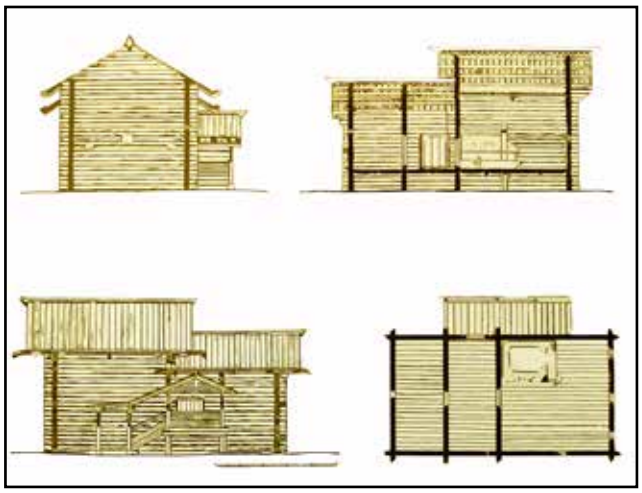

А. Рудаков. Вид Иркутска

линия укреплений, протянувшаяся к северо-востоку на тысячу верст до самого Иртыша. Чуть позднее, в 1740-х годах, была создана Ишимская линия, в 1752 году началось строительство новой укрепленной системы – Новоишимской, а на Алтае – Колыванской линии. В то же время в виду отсутствия непосредственной военной опасности необходимость в острожных и крепостных сооружениях в старых сибирских городах отпала, и они постепенно приходят в полную негодность и разрушаются. Деревянный палисад Иркутска уже к 1760-м гг. в значительной степени сгнил, местами развалился, ров осыпался. Последние остатки укрепления уничтожил пожар 1775 г. Острог же просуществовал до 1790-х гг. Не на много дольше простояли стены Верхнеудинской крепости. В некоторых городах острожные сооружения в разное время XVIII в. были уничтожены пожарами (Баргузин, Селенгинск), либо разрушены наводнениями (Петропавловская крепость, Нерчинск). Даже в пограничной Троицкосавской крепости стены к концу XVIII в. совсем обветшали, а военные постройки использовались не по прямому назначению. В первой половине XIX в. они оставались только в северных регионах (Якутский острог) и небольших заштатных городках и селах, таких как Илимск, Балаганск, Братск, Бельск.

Приказная изба

Наряду с поселениями, получившими официальный статус города, на территории Сибири насчитывалось немало острогов, которые по своим функциям и составу населения более соответствовали городским, нежели сельским поселениям. По существу, они представляли собой переходное состояние между собственно сельским и городским населенным пунктом и играли заметную роль в формировании урбанистической среды региона. Возникнув как сугубо военные крепости, они имели определенные возможности перерасти в малые городские поселения. В них проживали не только крестьяне, но и посадские, разночинцы, мещане, занимавшиеся как хле-

Бойница острога

бопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1775 г. посадское население острогов Иркутской губернии насчитывало более 2 тыс. человек, что составляло 32,6% всего торгово-промышленного населения края. Ильинский острог в Забайкалье по численности уступал только Иркутску. Всего же на территории губернии числилось 22 сельских населенных пункта с посадским населением, в том числе 14 острогов. Некоторые из них (Киренск, Верхоленск, Балаганск, Баргузин, Чита, Сретенск, Доронинск) были преобразованы в города пусть даже и на короткое время, но основная их масса постепенно все более превращалась в сельские поселения.

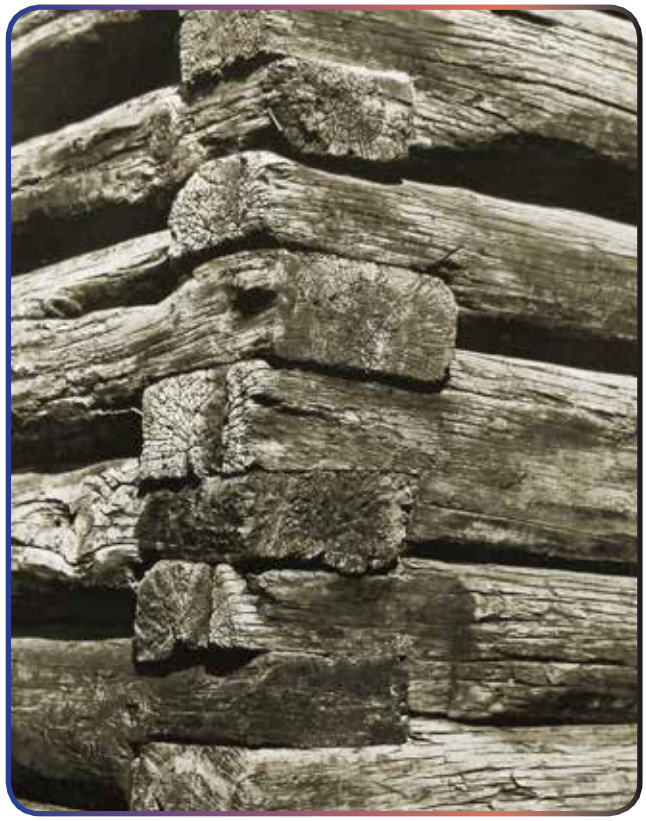
Наиболее заметную роль играли остроги, находившиеся на пересечении водных путей и вдоль дорожных магистралей. Так, от Братского острога расходились пути в Забайкалье и на Енисей, через Ленский волок – в Якутию. На Лене в качестве транспортных и хозяйственных центров выделялись Усть-Кутский и Чечуйский остроги. В Забайкалье – Кабанский, Ильинский и Итанцинский остроги. По данным верхнеудинского городского управления, в 1792 г. в этих острогах числилось 356 купцов, мещан и цеховых, что составляло почти 29% всего торгово-промышленного населения Верхнеудинского уезда. Однако строительство Кяхты, развитие Нерчинских горных заводов и связанных с ними поселений, изменение путей сообщения привели к тому, что эти «городские» функции забайкальских острогов не смогли развиться, и они в демографическом и хозяйственном отношениях сформировались как сугубо сельские населенные пункты, сохранив, однако, за собой функции административно-хозяйственных центров деревенской округи. Следует отметить также, что развитие рыночных отношений оказывало заметное влияние и на инфраструктуру сельских поселений региона. Речь идет, конечно, о крупных селах, ставших узловыми транспортными или торговыми центрами. Например, ряд больших и богатых сел, расположенных вдоль Московского тракта, «особенно поражал своим городским характером».

Со временем, в связи с отсутствием военных угроз, оборонные сооружения стали разрушаться. Ремонтные работы не производились, ветхие постройки просто сносились. Отношение местной администрации, да и простых жителей к ним как к наследию героического периода сибирской истории было весьма прагматично. Как замечал ученый и краевед Н. С. Щукин еще в 1830 г.: «Корыстолюбивое невежество не уважает остатков старины! Островки и городки в Сибири постепенно уничтожаются. Вероятно, придет время, когда мы тщетно будем искать следов военной архитектуры наших казаков-завоевателей». Проезжая через Верхоленск, он с горечью отозвался о жалких остатках его былого величия: «Я тщетно искал остатки крепости; одна церковь

Илимская Казанская церковь и Спасская башня

Типы обламов острожных строений

своею дряхлостью напоминала о старине сего поселения. Здесь небрегут историческими памятниками. Еще десять лет, и последние следы оных изгладятся».

В середине XIX века власти попытались, хотя и с большим опозданием, провести работы по выявлению памятников деревянного зодчества. Следует иметь в виду, что в российском законодательстве этого периода памятниками старины считались лишь сооружения, построенные до 1701 г. Поэтому под запросы в Сибири попадали только самые старые сибирские представители деревянного зодчества: остроги, ясашные зимовья, церкви и часовни, многие из которых к этому времени либо уже не существовали, либо находились в плачевном состоянии. Старинные церкви также в большинстве своем были перестроены или заменены на каменные. Потому к этому времени было выявлено всего несколько старых острожных башен и церквей. В результате проведенных обследований в 1869–1872 гг. в Иркутской губернии было составлено «Описание памятников древности» с приложением чертежей. К ним были отнесены три башни Илимского острога – Спасская, Никольская и Знаменская, из которых только первая неплохо сохранилась, две башни бывшего Братского острога, острожная башня в Бельской слободе, остатки деревянной башни в Балаганске, под которой были устроены ворота церковной ограды. Наиболее комплексно сохранились остатки Якутского острога, включавшие в себя четыре угловых башни с галереями и часть крепостной стены. Все эти постройки также были в запущенном состоянии, часть стен была разобрана на дрова. Городские и областные власти неоднократно делали представления о необходимости разобрать их и продать с торгов, объясняя свои просьбы отсутствием средств на ремонт и охрану. В условиях полного равнодушия населения и местных властей строения разрушались и исчезали, а робкие предписания правительства к их выявлению и сохранению следовали с большим опозданием, к тому же возлагались эти задачи

Илимская Спасская башня

на местные сообщества, не имеющие для этого необходимых средств и желания. Трудно не согласиться с автором исторического исследования об остроге Н. В. Султановым, обвинявшим местную администрацию в желании избавиться от развалин вместо того, «чтобы подвести снизу сгнившие венцы, а сверху сделать тесовую крышу и тем спасти от гибели лучшее свое достояние! Горько за памятник прошлой славы и обидно за современных русских людей!»

До нашего времени дошло всего 4 сооружения из бывших острогов Илимска, Братска и Бельска, из которых только одна чудом сохранившаяся башня Бельского острога стоит на своем родном месте. Остальные спасены и хранятся в музеях: Илимская Спасская башня – в АЭМ «Тальцы»; одна из башен Братского острога – в музее «Ангарская деревня», другая – в Москве, в музее Коломенское.

8. Иркутский острог в российско-китайских конфликтах на Амуре и Забайкалье второй половины XVII в.

С выходом в Забайкалье были сделаны первые шаги по установлению контактов с монголами северной Халхи. Василий Колесников, а затем и Иван Похабов застали на Селенге кочевья подданных Турукай-табуната, ближайшего сподвижника крупнейшего монгольского князя Цэцэн-хана. Аймак последнего был одним из крупнейших в Монголии. Возглавлял его к приходу русских Шолой Далай Цэцэн-хан. Основные его кочевья издавна находились по обоим берегам р. Кэрулен, но в 1640-х гг. его улусы находились гораздо западнее, около Селенги и Орхона. По мнению некоторых историков, причиной столь заметной перекочевки стал разгром его отрядов в 1646 г. маньчжурскими войсками. Однако русские источники упоминают монголов среди жителей Байкала уже в 1630-х гг.

Сложная ситуация в монгольских степях, все более активное давление со стороны маньчжурских правителей Китая вынуждало монгольское руководство искать более тесных связей с Русским государством. Неслучайно русские встретили доброжелательный прием и уверения в готовности пойти на более тесные контакты. Монгольские князья заявляли И. Похабову, что хотят «быть де с государевом в любви и в совете и войною бы на них государь посылать не велел». Однако призыв перейти «под государеву царскую высокую руку» остался без ответа. Для расширения связей в земли Цэцэн-хана был отправлен тобольский сын боярский Ерофей Заболоцкий. Его сопровождало 22 человека служилых и промышленных людей. Осенью 1650 г. посольство высадилось в устье Селенги. Здесь 7 октября разыгралась трагедия, надолго оставшаяся в

Селенгинский монастырь

Монгольский воин

памяти сибиряков. На русского посла и его людей неожиданно напало человек 100 «братских людей» и «побили до смерти». Над могилой посла был поставлен деревянный крест, а позднее на этом месте был построен Посольский Спасо-Преображенский монастырь.

Еще в 1673 г. иркутские власти донесли, что из-за постоянных набегов монгольских отрядов на улусы бурят в «…ясачном сборе во всех острогах чинитца многая поруха и в ясачных иноземцах смута, а служилых людей в острогах за малолюдством

К лету 1685 г. ситуация в Забайкалье резко осложнилась. На Амуре маньчжуры осадили Албазинский острог, а монгольские отряды блокировали Селенгинск и Удинск. Тогда же была предпринята попытка прорваться к Иркутску. В начале мая десятитысячный отряд Цэцэн-нойона осадил Тункинский острог, прикрывавший дорогу на Ангару. Несмотря на то, что гарнизон острога составлял всего 43 казака, взять его с ходу не удалось. Казаки выдержали трехдневный ожесточенный штурм, потеряли троих убитыми и шестерых пленными, ходили на вылазки, но острог отстояли. Иркутский воевода тем временем спешно вооружил иркутских посадских и крестьян, пополнил ими малочисленный гарнизон и с отрядом в 120 человек отправился на помощь тункинским казакам. Цэцэн-нойон, узнав о приближении иркутян, снял осаду. Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, а Л. К. Кислянский – серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями.

Для ведения переговоров с маньчжурами и централизации власти в одних руках в 1686 г. в Сибирь был отправлен в ранге чрезвычайного и полномочного посла окольничий Федор Головин. С ним уходило 500 стрельцов из Москвы. Сибирским воеводам предписывалось «прибрать» на службу не менее 1 400 человек. Вместе с воинскими силами, уже находившимися в Забайкалье, численность русских гарнизонов возрастала примерно до 2,5 тыс. человек. Полк Головина пополнялся ратными людьми по всему пути следования. В Иркутске к нему присоединилось около 100 человек, набранных из «гулящих» и промышленных людей. Еще 170 человек подошли из Илимска и Верхоленска.

Сам посланник, прежде чем двигаться в Приамурье, пытался вести переговоры с руководителями монгольских отрядов. Они начались в июне 1687 г. в Иркутске и продолжались осенью в Удинске и Селенгинске. Переговоры не увенчались успехом. Зимой следующего года группировка Очирой Саин-хана, воору-

женная и снабженная всем необходимым из Китая, осадила забайкальские остроги, пытаясь отрезать их от Иркутска. Иркутский воевода А. С. Синявин, оценив опасность ситуации, объявил массовую мобилизацию населения. Положение было столь серьезным, что служба в соборной церкви Иркутска 5–6 февраля об избавлении города от нападения была объявлена обязательной для всех жителей. В эту сложную минуту с лучшей стороны проявило себя ясачное бурятское и тунгусское население. В бурятских улусах на верхней Лене, по рекам Белой, Китою и Иркуту собиралось ополчение. Приказчику Тункинского острога Е. Перфильеву приходилось даже отговаривать бурят от преждевременного выступления, «чтоб с крайними мунгальскими людьми никакой ссоры и смятения не чиним». Из Иркутска в Забайкалье было прислано около 200 служилых, промышленных и «гулящих» людей. Кроме того, в сопровождении 50 проводников-бурят пришел большой обоз в 80 подвод с боеприпасами. В итоге монгольские войска были разбиты, что существенно повлияло на расстановку сил среди халхаских феодалов. Против северомонгольских феодалов выступил правитель Джунгарии Галдан Бошокту-хан. В ноябре 1688 г. он прислал в Иркутск посольство, предлагая русскому командованию совместные действия. Сношения с Галданом продолжались и в следующем году. Их вел вновь определенный иркутским воеводой стольник Л. И. Кислянский, который к тому же был назначен товарищем (заместителем) Ф. А. Головина «всякие наши, великого государя, дела делать заодно».

29 августа 1689 г. между Россией и Китаем был заключен Нерчинский мирный договор, установивший территориальные размежевания между двумя государствами. Ценой потери амурских владений России удалось отстоять забайкальские рубежи, локализовать маньчжурскую экспансию и тем самым спасти народы Прибайкалья и Забайкалья от порабощения.

Несмотря на урегулирование спорных вопросов, ситуация на монгольской границе попрежнему оставалась неспокойной. И Иркутск в полной мере испытывал на себе двуликую политику монгольских властей, пытавшихся обманом и посулами переманить пограничное бурятское население в свои владения. В августе 1695 г. сорок бурят из подгородных сел во главе с Петром Тайшиным и Василием Степановым бежали в сторону Тунки, угнав с собой городской табун лошадей. Новокрещеный Петрушка Иванов сын Тайшин в 1693 г. был поверстан в казаки и получил звание сына боярского. Вероятно, это объясняется тем, что он принадлежал к бурятской знати, был сыном тайши. За изменниками был отправлен отряд иркутских казаков, который смог отбить половину табуна и захватил в плен многих ясачных. Сам П. Тайшин с несколькими бурятами погиб в сражении. В назидание другим десять «главных бунтовщиков» были повешены. В следующем году Иркутск был осажден бурятами, но их попытка пограбить местных жителей закончилась безрезультатно.

Между тем ситуация на русско-китайской границе оставалась крайне напряженной. Несмотря на то, что с 1676 г. роль пограничного форпоста начал выполнять Тункинский острог, а с 1716 г. Косогольский, прикрывший собой выход из Монголии в Тунку, Иркутск находился всего в нескольких днях перехода от границы и нуждался в дополнительном усилении. В ходе второй маньчжурско-джунгарской войны китайцы закрепились в Саянах, установив межевые знаки на Тункинских и Окинских гольцах. Для решения спорных пограничных вопросов между Россией и Китаем в Сибирь был отправлен граф Савва Владиславич-Рагузинский. Ему же была поручена ревизия оборонительных сооружений в приграничной полосе и принятие мер по их улучшению. После довольно неутешительного вывода о том, что «во всей Сибири ни одного крепкого города не обретается, наипаче по сю сторону моря Байкальского», он распорядился усилить гарнизоны и выстроить новые укрепления.

X.

Иркутск
в первой половине XVIII века

1. Численность и социальный состав населения
2. Застройка и архитектурный облик города
3 Взаимоотношения провинциальной власти и городского самоуправления
4. Городские промыслы и ремесла

1. Численность и социальный состав населения

В первые десятилетия XVIII в. численность жителей иркутского посада заметно увеличивается. Иркутск постепенно превращается в торгово-ремесленный центр региона. Первая ревизия 1722 г. насчитала в городе 597 посадских, ко времени второй (1744) их число увеличилось на 1 133 ревизских души. С ростом населения растет и площадь города. В 1737 г. в Иркутске насчитывалось уже 939 обывательских дворов. По-прежнему была высока доля пришлого населения. Только 277 человек были причислены из обывателей города, еще 80 человек поступили в посад из Иркутского уезда. Остальные из разных мест Сибири (199 чел.) и Европейской России (535 чел.). Среди переселенцев из России 85% составляли выходцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Вологды, Вятки и других районов Поморья. Многие из них занимались скупкой пушнины и перепродажей ее на российские рынки и в Китай. Среди тех, кому удалось обрести здесь значительные капиталы и основать иркутские купеческие династии, были выходцы из сольвычегодского и тверского купечества Яков Дудоровский и Максим Ворошилов, устюжский посадский Никифор Трапезников, поморские черносошные крестьяне Бречаловы, Стрекаловские, Медведниковы, Пахолковы. Из северорусских крестьян происходил и основатель одного из самых знаменитых иркутских купеческих родов Афанасий Сибиряков, поселившийся в 1722 г. на землях Посольского монастыря, а спустя три года приписавшийся в иркутский посад.

Если в первые десятилетия истории города в составе горожан численно преобладал служилый контингент, то уже в первой половине XVIII в. посадский мир города становится ведущей силой в развитии городского хозяйства и торговли. Многие казаки и служилые люди

Крестьянская семья

начали заниматься хозяйственной деятельностью, в том числе мелочной торговлей, ремеслом, рыбными промыслами и судоходством. Некоторые имели небольшие земледельческие заимки. К 1724 г. в Иркутске в службе было занято 569 человек, в том числе 35 детей боярских, 23 казачьих головы, 511 казаков. По утвержденному реестру их должно было остаться только 500 человек, остальные причислялись к разночинцам. Посадское и крестьянское население Иркутска и его окрестностей формировалось в основном за счет промышленных и гулящих людей. В 1701 г. их насчитывалось в городе 1 007 душ мужского пола. Собственно посадское население росло медленнее. В начале века вместе с женами и детьми оно составляло всего 314 человек.

За XVIII в. население Иркутска выросло почти в 9 раз. Если в 1700 г. в городе считалось

Типы русских крестьян

726 ревизских душ, то к 1798 г. здесь проживало уже 6 255 человек, а если считать с женским населением, то около 11 тыс. человек. Прирост населения Иркутска заметно колебался в разные временные периоды. Если в первой трети XVIII в. население выросло в три раза и составляло к 1740-м годам около 4 тыс. человек, то в середине века наблюдается относительный застой и даже снижение численности. Так, в 1762 г. III ревизия зафиксировала в городе всего 3 798 ревизских душ. Отток населения был вызван административными мероприятиями правительства. Стремясь быстрее заселить работными людьми Нерчинские заводы, правительство предписало направить для этих целей часть посадских из ряда сибирских городов. Из Иркутска в 1758 г. была отправлена первая партия в 345 человек. Указом от 12 декабря 1760 г. городские власти должны были подготовить к переселению еще 256 посадских (с женами и детьми).

Состав городского населения отличался от сельского значительно большей социальной и сословной пестротой и сложностью. Особенно наглядно это проявлялось в крупных городах, таких как Иркутск. Жители городов делились на две большие группы. В первую входили неподатные сословия: чиновники, духовенство, военные, выполнявшие в основном административные функции. В губернских и окружных уездных центрах эти слои составляли до половины населения, в остальных городах – не более трети. Ведущая роль в развитии городской экономики принадлежала податным сословиям (купцы, мещане, цеховые) и отдельным межсословным группировкам, по своему положению и занятиям тяготевших к податному населению. К ним относились отставные нижние чины, осевшие в городах крестьяне и ссыльные, разночинцы. Вместе они составляли торгово-промышленное население городов, на долю которых приходилось до 60% горожан.

Условия формирования и деятельности купечества Сибири заметно отличались от ситуации в Европейской России. Сибирь не знала крепостного права и помещичьего землевладения. Не играло здесь такой значительной роли, как в центре страны, дворянское предпринимательство, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов.

Сибирский казачий полк

В XVIII в. заметнее становится роль и значение посадского населения, особенно купечества. Если в первые десятилетия истории города в составе горожан численно преобладал служилый контингент, то уже в первой половине XVIII в. посадский мир города становится ведущей силой в развитии городского хозяйства и торгов. Уже в середине столетия Иркутск вышел на 3 место в Сибири и на 17 в России по числу посадского населения. Особенно наглядно преобладание податных слоев города проявлялось в соотношении домовладельцев. В 1769 г. на их долю приходилось 54% обывательских домов.

Уже в первые десятилетия XVIII в. купечество составляет самую многочисленную

Тихвинская площадь в Иркутске

группу сибирского посада. Только в Иркутске в 1724 г. в купечестве числилось почти 2,5 тыс. человек, что составляло более 80% всех жителей города. Следует, правда, иметь в виду, что запись в гильдию была формальной, записывались все, кто хотел. Этому способствовал и низкий имущественный ценз, что привело к тому, что в составе купечества оказалось немало таких, которые вообще не занимались предпринимательством, едва сводили концы с концами и даже не всегда могли заплатить за себя подати. В середине столетия реальное число сибирских купцов, занимавшихся коммерцией, составляло всего 35,6% от общей численности гильдейцев. Остальные были ремесленниками, приказчиками, наемными работниками или вообще значились среди «старых, дряхлых, увечных и малолетних», все они находились в купечестве только в силу наследственного принципа, характерного для сословного деления российского общества. В Иркутске процент купцов, в той или иной степени связанных с торговой деятельностью, был чуть выше – 52,3%.

Кроме постоянных жителей в городах и острогах Сибири было немало сезонного населения, приходящего для различных работ. Среди них были гулящие люди, работники и служащие российских и сибирских купцов, ясачные инородцы и даже иностранцы (бухарские, монгольские и китайские торговцы). По данным переписи 1710 г., в Иркутске насчитывалось 1 939 гулящих людей, но только 98 из них имело свои дома в посаде. Остальные работали «из найму», занимались земледелием и различными промыслами. Большинство из них были в работниках у пашенных крестьян и проживали в уезде. Много среди них было престарелых и больных, живших в основном подаяниями.

Начало обособлению торгового населения сибирских городов в отдельную сословную категорию положил принятый в 1721 г. Устав Главного магистрата, согласно которому все городские жители страны были разделены в зависимости от капитала и рода занятий на две группы – «регулярных граждан», состоящих из двух купеческих гильдий, и «подлых людей», куда входили чернорабочие, поденщики и тому подобные наемные работники. В 1742 г. в дополнение к двум купеческим гильдиям была образована третья, в которую

План города Иркутска

вошли выходцы из упраздненной категории «подлых людей». Таким образом, в первой половине XVIII в. в купечество входило практически все дееспособное городское население, так или иначе связанное с торговлей, промыслами и ремеслом.

В 1765 г., например, в предпринимательской сфере было задействовано 820 иркутских купцов. Из них 50 человек были заняты в русско-китайской торговле. Это были наиболее состоятельные иркутяне, капитал которых составлял до нескольких десятков тысяч рублей. В эту группу входили Сибиряковы, Ворошиловы, Сизых, Глазуновы, Киселёвы, Шалины и др. Кроме китайского торга они имели различные промышленные предприятия, участвовали в освоении тихоокеанских промыслов, являлись крупными откупщиками. Еще семь купцов имели торги на северо-востоке Сибири, остальные участвовали во внутренней торговле региона самостоятельно, либо выступая в качестве агентов других купцов. В то же время значительная часть купцов только числилась в сословии, занимаясь различными ремеслами, хлебопашеством, работой по найму. Таковых по губернии насчитывалось около 2, 5 тыс. душ мужского пола, или 54,8% всех числящихся в купечестве.

Купечество Байкальской Сибири выделялось не только на сибирском фоне, но и составляло заметный отряд российского предпринимательства. Основная его масса была сосредоточена в Иркутске. В XVIII в. Иркутск по количеству купечества превосходил все другие сибирские города. В первой половине XIX в. здесь проживало более 60% всех восточносибирских купцов. В течение XVIII – первой половины XIX в. в купечестве происходили значительные изменения. После ряда правительственных реформ это сословие превратилось в ведущую общественную силу сибирских городов. Так, характеризуя иркутское общество начала XIX в., исследователи отмечали, что здесь «господствовала монополия купеческая, эксплуатация буржуазная,

Н. А. Трапезников

хотя еще и самая патриархальная». Несмотря на значительную социальную мобильность и колебания численности купечество играло ведущую роль в формировании сибирской буржуазии.

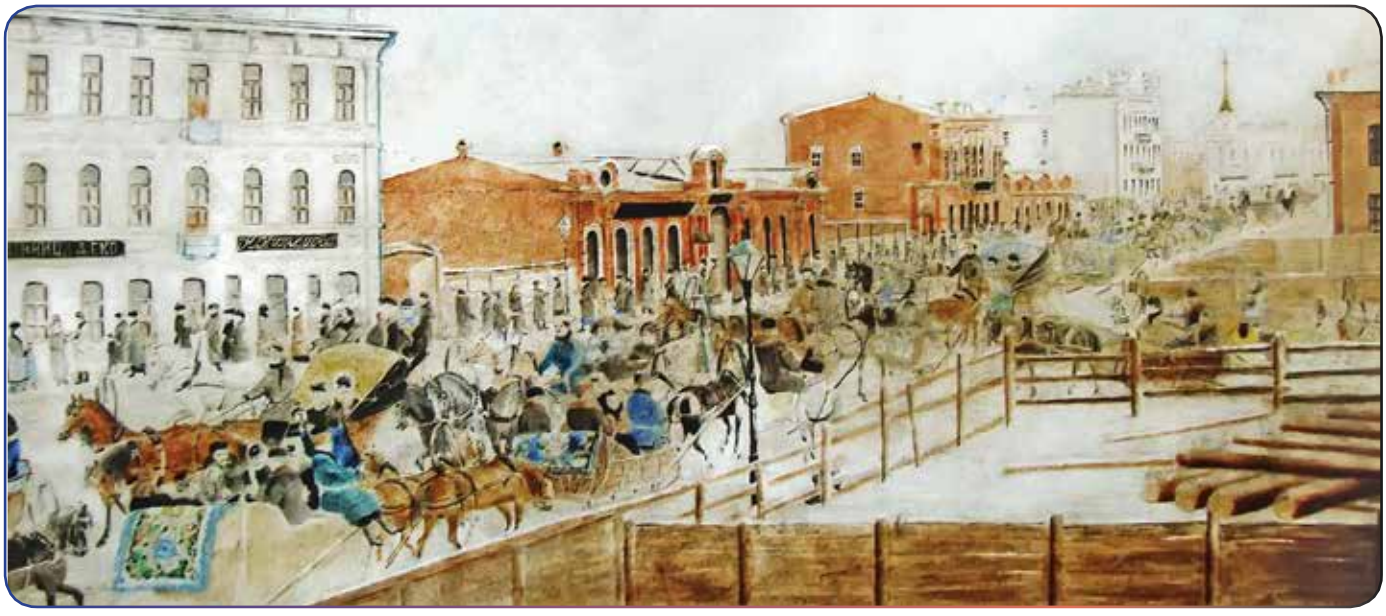
2. Застройка и архитектурный облик города.

Основанный в 1661 г. Иркутский острог уже в начале XVIII века становится достаточно крупным административным и экономическим центром Восточной Сибири. Как у всех городов, расположенных по берегам рек, его первоначальная жилая застройка формировалась вдоль течения Ангары справа и слева от острога. Причем, быстрее она росла в Идинском направлении, где берег был выше и в меньшей степени подвергался затоплению при разливах Ангары. Именно в эту сторону от острога начинает формироваться торговый центр с деревянным гостиным двором и таможней. Развитию этой части города содействовало ее положение: сюда выходила переправа, соединявшая город с большим Сибирским трактом, а также выход к берегу р. Ушаковки (Иды), где располагались мукомольные мельницы, Знаменский женский монастырь, а за ним лежали сенокосные и пашенные угодья горожан. Противоположная Ангарская сторона развивалась более медленно. Территория здесь была низменная, покрытая небольшими болотцами. Местность в районе будущей Троицкой церкви получила в народе название «Потеряиха»: в топких болотцах и озерах ее часто терялся домашний скот иркутян. С выходом иркутского посада за стены острога жителям пришлось принимать меры по осушению городской территории. В 1690-х гг. были прорыты канавы до Ангары и спущена вода из озера, располагавшегося южнее острога. Само оно было засыпано землей и постепенно превратилось в обширную площадь, ставшую со временем центральной.

Мельница в окрестностях Иркутска

Ст. Катерля. Масленица в Иркутске

Начало XVIII в. отмечено в Иркутске первым опытом каменного строения. В 1701 году в остроге началось строительство каменной приказной палаты. Постройку возводили два каменных дел мастера Моисей Иванов Долгих и Куприян Андреев, присланные из Верхотурья по распоряжению руководителя Сибирского приказа думного дьяка А. Виниуса. В приказной палате было три комнаты. В одной располагался кабинет воеводы, во второй размещались подьячие, третья служила приемной для посетителей. Внизу под зданием были устроены три кладовые с кирпичными сводами, железными дверьми и решетками в окнах. В них хранились различные товары, привозимые с караванами из Китая. В 1706–1710 гг. в юго-восточной стене острога этими же мастерами была выстроена первая в городе каменная Спасская церковь.

В августе 1716 г. пожар уничтожил значительную часть острожных сооружений. Сгорели деревянная Спасская церковь, гостиный двор, таможня и часть острожной стены с башнями от воеводской канцелярии до каменной церкви. На следующий год иркутская крепость была отстроена вновь, но, вероятно, не в полном виде. Разросшийся в разные стороны от острога посад вообще не имел никакого укрепления, «но в таком находится состоянии, как простое село». Между тем ситуация на русско-китайской границе оставалась крайне напряженной. Для решения сложных пограничных вопросов с Китаем на границу был направлен посланник граф С. Л. Владиславич-Рагузинский. Ему же была поручена ревизия оборонительных сооружений в приграничной полосе и принятие мер по их улучшению. После довольно неутешительного вывода о том, что «во всей Сибири ни одного крепкого города не обретается, наипаче по сю сторону моря Байкальского», он распорядился усилить гарнизоны и выстроить новые крепости: Петропавловскую на Чикойской стрелке и Троицкую на речке Кяхте. Кроме того, деревянные укрепления старых городов Иркутска и Верхнеудинска были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами, а также изыскивались возможности для переноса крепостных сооружений Нерчинска и Селенгинска, местоположение которых было крайне неудачно.

Чертеж Спасской церкви. Рис. А. Е. Кожевина

В 1726 г. Иркутск был полностью обнесен крепким палисадом. Он представлял собой тыновую стену высотой до 8 м, которая простиралась от Ангары к Ушаковке и после излома вновь подходила к Ангаре. Общая протяженность палисада составляла около 2,5 км. Палисад был укреплен 14 земляными люнетами, а впереди него был вырыт ров и устроены препятствия в виде рогаток. В палисаде имелось всего трое ворот: Заморские, выходившие на байкальский тракт, Мельничные для проезда к мельницам, расположенным на Ушаковке, и Монастырские – в сторону Знаменского женского монастыря. За палисадной стеной были построены дома для солдат, и со временем возникла небольшая солдатская слобода. Через два года, в 1728 г., был перестроен и сам острог. Его береговую стену несколько отодвинули, и вся крепость сместилась в северо-восточном направлении примерно на 20 м. Своей формой она представляла прямоугольник в длину 90 саж., в ширину – 70. Острог насчитывал три глухие башни по углам и две проезжих. Внутри него находились каменное

Ст. Катерля. Вид на Знаменское предместье

здание воеводской канцелярии, дом воеводы, различные кладовые и погреба, гауптвахта, старая контора, «а под ней три амбара, в которых всякие судовые припасы хранятся». Острог составлял как бы «малый город», а вне его находился «большой», обведенный деревянным палисадом. Именно здесь размещались обывательские дома и находились наиболее важные постройки: каменный Богоявленский собор, четыре приходских церкви, гостиный двор и таможня, городовая ратуша, мясной и мелочный ряды.

Таким образом, к 1730-м годам Иркутск превратился в хорошо укрепленный город, имеющий развитую хозяйственную и общественную структуру. Постепенно городская застройка перешла за палисад. К середине века он уже в значительной мере сгнил, местами развалился, ров осыпался и был завален мусором. Последние остатки укрепления уничтожил пожар 1775 г. От палисада осталась только прямая и широкая улица, пересекавшая весь город. Острог же просуществовал до 1790-х гг., несмотря на постоянные разливы Ангары, подмывавшие берег с острожными стенами и башнями. С середины XVIII в. проводились работы по укреплению берега Ангары «обрубами». В воду вбивались деревянные сваи, а промежуток между ними и берегом засыпался битым камнем. Летом 1790 г. во время сильного наводнения береговую стену и башни сильно подмыло, и они были разобраны. По словам иркутского военного губернатора Б. Б. Леццано, острог в это время представлял собою «ветхое деревянное крепостное строение, которое было подвержено совершенной гнилости и время от времени разваливалось, и безобразило собою все окружающее место». Ввиду этого он распорядился расчистить место острога и разбить публичный сад.

Сам палисад стал заметным градоформирующим фактором, определяя направление части улиц на основные выходы из города. Другим фактором стала береговая планировка, заставлявшая улицы искать выход к воде. Острог или крепость достаточно долго оставались заметным элементом городского пространства, организуя его вокруг себя. Среди городских строений этого времени несколько выделялись по размерам и архитектурному оформлению таможенные и приказные избы, гостиные дворы, воеводские дома. Застройка же посадской части города носила более естественный, хаотичный характер и исходила, в основном, из рельефа местности. На начальном этапе формирования городского посада застраивалось пространство между крепостью и рекой. Отдельные усадьбы, смыкаясь

П. Пежемский. Вид Иркутска

друг с другом, образовывали более или менее компактные линии застройки с подобием улиц между ними. Обычно квартал застраивался по периметру с таким расчетом, чтобы жилые дома выходили на улицу фасадом. Интервалы между ними застраивались глухими высокими заборами. Разрывы между домами выполняли противопожарную функцию. Документами предписывалось оставлять между строениями разрыв в 8,5 метров, но обычно было заметно меньше. В середине XVIII в. застройка переходит за палисад и начинает подходить к нагорной части города. По традиции город еще долго делился на две части: Ангарскую и Идинскую. Границей между ними была Заморская улица, шедшая от острога к Заморским воротам. Эти две части делили город почти наполовину. В Ангарской насчитывалось 4 квартала, в Идинской – 5. Расширение территории города сопровождалось ростом обывательской застройки. Уже в 1735 г. в городе насчитывалось 939 домов. К 1769 г. количество домов выросло до 1 153. Всего за XVIII в. застройка города увеличилась почти вдвое. Городские дома были сплошь деревянные, усадебного типа, включавшие в себя огороды, сады, хозяйственные постройки. В административные и жилые здания постепенно проникали элементы классицизма, внося некоторое оживление в патриархальные постройки старомосковского типа. Так, при перестройке в 1725 г. дома губернатора в нем были сделаны большие окна на «петербургский или итальянский манер».

С ростом населения начинает развиваться храмовая застройка. Первые церкви также в основном были деревянные и страдали от пожаров. 24 декабря 1679 г. Вознесенский монастырь сгорел весь «без остатку и колокола пригорели». Требовавшиеся на восстановление построек деньги монастырь получил от частного лица, одного из первых благотворителей Иркутска, селенгинского казака и промышленника Вавилы Григорьева, который завещал на восстановление монастыря, изготовление икон и всего иконостаса 50 рублей, 15 алтын и 2 деньги, соболью шапку с красным верхом, 654 шкурки горностая и целый дощаник с товарами. Построенная на его средства деревянная церковь Вознесения простояла до 1766 г. Со временем Иркутский Вознесенский монастырь становится самым богатым в Прибайкалье. В 1755 г. к нему было приписано 52 двора и 464 лица мужского пола, ему принадлежали деревни по Ангаре, Иркуту, Китою и Белой. Монастырь имел рыбные промыслы на Байкале, снабжал Иркутск строительным материалом, владел соляным заводом. В 1725 г.

Вид Иркутска. Вознесенский монастырь

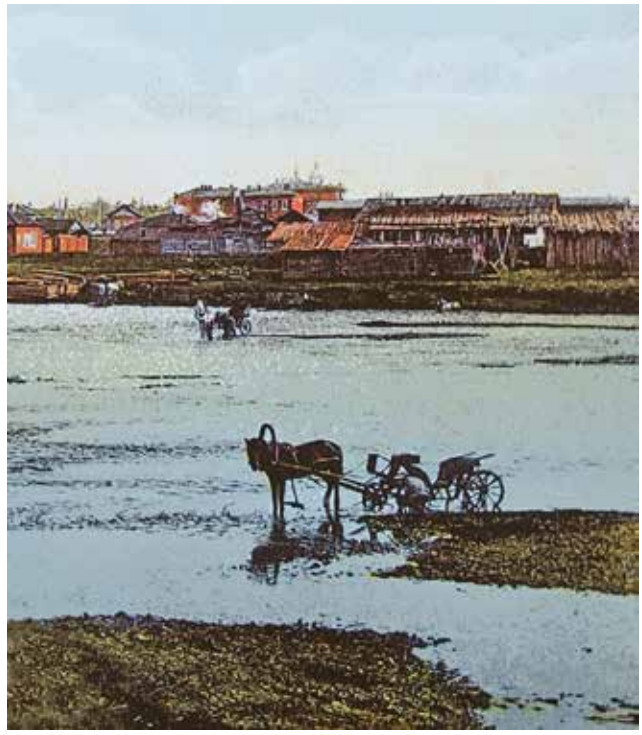

Знаменский женский монастырь

в Вознесенском монастыре была открыта первая в Восточной Сибири школа «мунгальского языка», затем славяно-русская школа, в которой изучали русский, церковно-славянский и латинский языки. Среди учеников было много инородцев. Небольшие деревянные приходские храмы возводились в Иркутске на средства некоторых состоятельных людей и подвижников. Деревянная Троицкая церковь, освященная в 1718 г., была построена «усердием и капиталом» дворянина Петра Медведева. По инициативе почитаемого в городе блаженного Данилушки в 1718 г. были собраны средства на строительство Владимирской церкви. В 1746 г. был освящен деревянный храм во имя Михаила Архангела, построенный на средства мореплавателя Емельяна Югова. На средства иркутского разночинца И. Амосова строилась Крестовоздвиженская церковь. «Усердием» купца М. Глазунова в 1748 г. была выстроена Чудотворская церковь.

В XVIII в. городская застройка Сибири была представлена замкнутыми усадебными комплексами, включавшими в себя небольшой жилой дом на подклете и хозяйственные постройки. По мнению историка П. Словцова, в этот период «домы были скромные жилища, без украшений, без мебелей». О постройках Иркутска середины XVIII в. вспоминала Екатерина Авдеева-Полевая: «Лет сорок назад все дома строились самым старинным манером. Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют заплот; большие ворота были заперты засовом и отпирались только для проезда экипажей; для пешеходов была сделана калитка… Передний двор вымощен бывал досками. Дома были высокие и строились в два жилья: вверху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там подклет, и кладовая, по-тамошнему, подвал. В иных домах были мезонины, которые называют в Иркутске чердаком; они были по большей части холод-

Берег Ангары в Иркутске

Детский сад

А. Н. Пономарев. Парадная площадь в Иркутске

ные». Она же отмечала, что раньше плотность заселения дома была значительно большей: «Трудно поверить, сколько помещалось людей в двух, трех комнатах. Можно сказать, что где нынче тесно четырем человекам, там в старину жили десять и были здоровы и веселы». В целом в Иркутске преобладали небольшие жилые дома, занимаемые чаще всего одной семьей.

Массовость деревянной застройки объяснялась близостью хорошего строевого леса в окрестностях города, облегчавшей его заготовку и доставку, и сравнительной дешевизной этого материала. В середине XVIII в. на Кае была построена казенная пильная мельница для приготовления из бревен теса. Но, несмотря на это, по-прежнему широко использовался «топорный» лес, «ибо здесь в лесе никогда впредь и никакому недостатку… быть не уповательно». Город долго оставался деревянным, несмотря на то, что с конца XVII в. неоднократно поступали указы, предписывающие возводить церковные и казенные здания – приказные избы, таможни, «каменные анбары» для «всяких нужд и клади» из камня или кирпича в целях борьбы с частыми пожарами. Для возведения каменных зданий и обучения сибиряков «каменному строению» практиковалась отправка из Москвы опытных мастеров и каменщиков. Правительство и в дальнейшем поощряло каменное строительство в российских городах, в том числе и в Сибири. Так, указ Сената от 12 декабря 1765 г. предписывал «во всех городах канцелярии, архивы, губернские и воеводские дома и прочие публичные строения для лучшей безопасности и крепости делать каменные». В первой половине XVIII в. в Иркутске было всего пять каменных строений: воеводская канцелярия, пороховой погреб, казенная пивоварня и два храма – Спасская церковь и Собор Богоявления. Первый частный каменный дом был построен в 1745 г. купцом М. И. Глазуновым, но более массовое строительство православных храмов и купеческих особняков началось во второй половине века.

Каменное строительство оказало заметное влияние на изменение привычного представления о городе. Прежде всего, это серьезно повлияло на развитие городской экономики, так как почти в каждом городе появились кирпичные заводы, и профессия каменщиков вскоре стала весьма престижной. Во-вторых, это серьезно изменило ритмичность восприятия города. Если деревянный город воспринимался только в одноэтажной плоскости, за исключением церквей, то сейчас появилась уже двух- трехэтажная вертикаль и горизонталь. При этом у горожанина возникло ощущение праздничности, ибо все эти здания строились в привычном стиле барокко – весьма нарядном и праздничном.

3. Взаимоотношение провинциальной власти и городского самоуправления

На протяжении XVIII века в управлении Сибири происходили существенные изменения. Затронули они и Иркутск, чей административный статус неуклонно повышался. С конца 1724 г. иркутское воеводство было переименовано в провинцию во главе с вице-губернатором. Соответственно были увеличены штаты. В Иркутской провинции они составили 91 человек, в самом Иркутске – 30 человек. 30 января 1736 г. обширная Сибирская губерния была разделена на два управления. Иркутская провинция была сделана самостоятельной и вверена особому вице-губернатору, подчиненному непосредственно Сибирскому приказу.

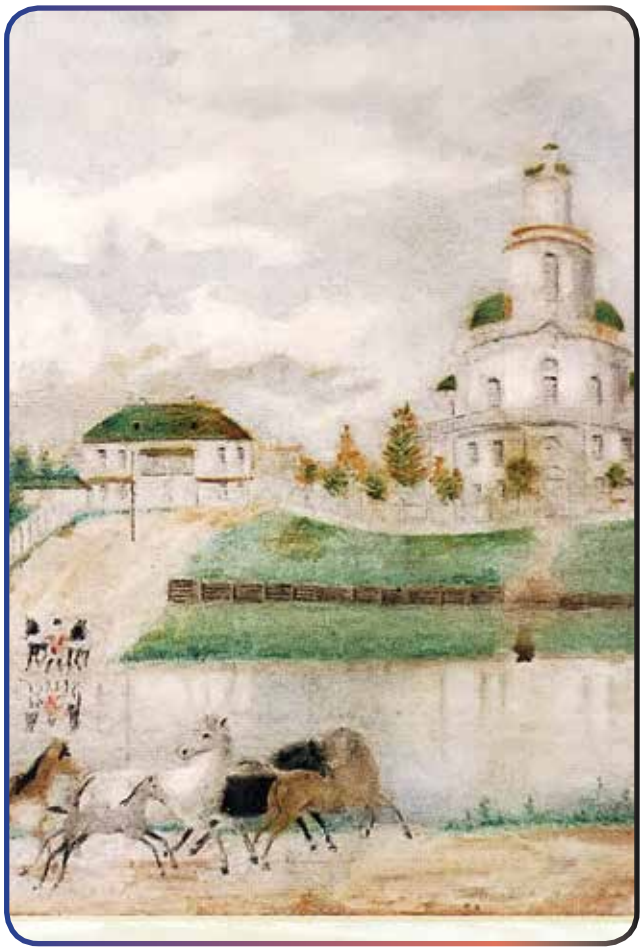
Первоначально интересы посадской части города представлял земский староста, ведавший сбором податей и следивший за выполнением распоряжений приказной избы. С введением указом Петра I в 1720 г. Главного магистрата на правах коллегии в России была создана система городского управления во главе с выборными структурами в виде магистратов в крупных городах и ратуш в небольших поселениях. В Иркутске городовая ратуша была открыта в 1722 г. Первыми бургомистрами были избраны купцы М. Сухой и И. Гранин, ратманами П. Верховцев, И. Толмачев и С. Котов. Иркутская ратуша на первых порах была подведомственна Тобольскому магистрату, но уже через год в Иркутске учреждается свой магистрат, а ратуша упраздняется. После ликвидации в 1728 г. Главного магистрата были закрыты и подчиненные ему городские магистраты. В Иркутске вновь открыли ратушу во главе с бургомистром купцом Трифоном Бречаловым. Бесправное положение ратуш, их полная зависимость от воеводской власти тормозили развитие городского общества, вызы-

Карта Иркутской губернии

вали социальные конфликты. В 1745 г. вновь был открыт губернский магистрат в Иркутске. Бургомистрами были избраны крупнейшие купцы города М. Глазунов и Н. Бречалов. На магистраты была возложена обязанность следить за правильностью раскладки и сбором всякого рода государственных податей.

Основным сбором с городского населения был подушный оклад, который составлял 1 рубль 20 коп. с души мужского пола. Если сбор задерживался или поступал не в полном объеме, губернатор или воевода могли держать бургомистра под караулом или даже взыскивать недоимки с членов магистрата. Среди городских служб преобладали повинности, связанные с изготовлением и продажей вина и соли, а также питейные сборы. Для этого из числа посадских ежегодно избирали выборных голов, целовальников, счетчиков, надсмот-

Ст. Катерля. Тельминская фабрика

Матвей Петрович Гагарин

рщиков. Они обеспечивали казенные интересы не только в Иркутске, но и по всей территории региона. Не меньшее внимание уделялось полицейскому надзору над населением. Магистратам предписывалась строгая регистрация прибывающих и отъезжающих, запрещалось принимать на ночлег беглых и беспаспортных. С целью охраны города от воров на улицах ставились рогатки, и горожане по очереди несли караульную службу. Городским властям поручалось размещение войск в городах. Для этого выбирались квартирмистры, которые по очереди отводили обывательские дома под постой. В их обязанности входили и противопожарные мероприятия. Устанавливался строгий порядок действий на случай пожара, которые были частыми явлениями в Иркутске. На каждую улицу определялся староста, на 10 дворов – десятский, на 50 – пятидесятник, на сто – сотский. Магистраты также наблюдали за санитарным состоянием города, следили за чистотой на улицах около дворов и в торговых рядах, а также за исправностью мостов.

Еще одной важной сферой деятельности городских органов власти были судебные дела. На протяжении всего периода существования магистратов посадское население особенно упорно отстаивало свое право судиться в них. Регламентом Главного магистрата было определено городовым магистратам ведать «судом и расправою» купцов и ремесленников. В их компетенции были гражданские и уголовные дела, за исключением государственных преступлений. Но, как и воеводский, городской суд был неповоротливым, страдал от судебной волокиты. Кроме гражданского и уголовного суда с 1754 г. магистратам был передан словесный суд. Это был чисто торговый суд для

разбора и решения споров и исков по обязательствам и договорам о торговых сделках. В обязанности городских властей входила забота об экономическом развитии города, умножении его товаров и ярмарок, ограждение купечества от иногородней конкуренции и от лиц других сословий. Магистрат был и своеобразным статистическим органом. Ему предписывалось собирать сведения о числе городского населения, о состоянии торговли и ремесла, о размерах капиталов, о состоянии цен на городском рынке и т. п.

С появлением городского самоуправления происходит, хотя и в очень ограниченном виде, формирование бюджетных средств на его содержание. Полученные сверх установленного оклада суммы, так называемые приборные деньги, оставались в ведении магистрата или ратуши. Они могли быть потрачены на делопроизводство и управленческий аппарат, градостроительство и благоустройство, а также другие городские нужды. Но пользоваться ими можно было только по согласованию с Главным магистратом. Кроме «приборных денег» с посадских собиралась специальная сумма на магистратские расходы, раскладка которых производилась с общего согласия горожан. В целом деятельность городских магистратов была своеобразной уступкой усиливающейся роли городов. С одной стороны, они не обладали необходимой самостоятельностью и зависели от центральных и местных

Приказная изба

«Печать сибирского приказа его имп. вел.»

государственных органов. С другой, создание структуры городского управления выделяло торгово-промышленное население городов из общего звена местной власти и ограждало в какой-то мере от их произвола и притеснений.

Очень сложными были взаимоотношения государственных органов власти и населения городов. Отдаленность от столиц, отсутствие элементарных прав не только у горожан, но и у наиболее зажиточной их части – купечества, открывало большие возможности для произвола и незаконных поборов с населения. Среди иркутских воевод и губернаторов редко можно было найти человека честного, радеющего о процветании общества и края. Чаще встречались такие, как Л. Ракитин или А. Жолобов. Оба закончили свою жизнь на плахе, настолько вопиющими были их преступления. Воевода Лаврентий Ракитин, по словам летописца, с самого начала правления проявлял чрезмерную жесткость, наказывая кнутом за самые малые преступления. В 1717 г. он встретил за Байкалом идущий из Китая караван купца Гусятникова и отобрал у него золото, серебро и различные китайские товары. В следующем году воеводу вызвали в Петербург и осудили на смертную казнь.

Монеты сибирской чеканки

Не менее колоритной фигурой был статский советник Алексей Жолобов. За свое трехлетнее пребывание в должности вице-губернатора Иркутской провинции (1731–1733) он смог правдами и неправдами нажить почти 35 тыс. рублей. Своих противников, а среди них были чиновники и торговые люди, он «пытал безвинно и при пытках жег огнем». В 1736 г. после продолжительного следствия он был казнен в Петербурге. Сменивший его полковник Андрей Плещеев также оставил о себе в Иркутске недобрую память: был «вспыльчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драл плетьми и кнутом и притеснял приказных служителей; приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна». Плещеев не ужился с местным епископом Иннокентием (Неруновичем), который также отличался вспыльчивостью и тяжелым нравом. Однажды они схватились на обеде у президента магистрата купца Глазунова, да так, что епископ вынужден был спасаться бегством. Среди иркутян долго жило предание об артиллерийской дуэли, устроенной ими.

У чиновника

Наиболее позитивной следует признать деятельность статского советника Лоренца Ланга, управлявшего Иркутской провинцией в 1739–1752 гг. Обрусевший швед начал свою службу в России на дипломатическом поприще. В 1712–1730-х гг. был членом нескольких посольств в Пекин, принимал участие в заключении Буринского и Кяхтинского договоров, организации и развитии караванной торговли России с Китаем. Два года провел в Пекине в качестве российского торгового агента. На посту вице-губернатора он активно помогал организации работ в Сибири участникам Второй Камчатской экспедиции, поддерживал иркутских купцов и даже предложил создать единую купеческую компанию по торговле «с пограничными около Сибири государствами».

Не только воеводы и губернаторы, но и заезжие чиновники из столицы порой терроризировали все население города, творя произвол и беззакония. Чего стоит один «крыловский погром», который со страхом вспоминало не одно поколение иркутян. Герой его – коллежский асессор П. Н. Крылов был направлен в Иркутск для следствия по делам винных откупов, находящихся в руках иркутского купечества. Настоящая причина была в стремлении генерал-прокурора Сената

А. И. Глебова захватить в свои руки столь доходное дело. Упорство иркутян, которых поддержал и вице-губернатор И. Вульф, лишь разожгло аппетиты. П. Н. Крылову было поручено любыми средствами доказать виновность иркутских купцов и сломить их сопротивление. Облеченный чрезвычайными полномочиями и высоким покровительством следователь с усердием принялся за дело. Окружив себя охраной из 77 казаков, он фактически отстранил от власти местную администрацию. В течение двух лет (1758–1760) он творил в городе все что хотел. Десятки иркутских купцов были арестованы и под пыткой были вынуждены оговаривать себя. П. Крылов захватывал их дома, расхищал имущество, насиловал жен и дочерей. Богатейший иркутский предприниматель И. Бечевин пытками и издевательствами был доведен до смерти, а почти весь его капитал следователь присвоил себе. Всего же с иркутских купцов им была выбита огромная сумма – более 155 тыс. рублей. Но это только официальные поборы. Депутат от Иркутска Алексей Сибиряков, рассказывая о преступлениях Крылова в Уложенной комиссии, отметил, что купечеству был нанесен ущерб в 300 тыс. рублей.

Зарвавшийся следователь, не считавшийся с местной администрацией и церковной властью, чувствовал себя настоящим властителем края. Его самодурству не было предела. Чтобы увековечить свое имя в Иркутске, он распорядился укрепить на груди орла, венчавшего Сергеевскую башню острога, вместо Георгия Победоносца жестяную доску с надписью: «Году 1760 месяца сентября бытности

Вид Иркутской площади

Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов

в Иркутску начальника коллежского асессора Крылова». Предел бесчинствам П. Крылова положил сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, распорядившийся арестовать следователя. Почти год тот просидел под арестом в Иркутске и только в ноябре 1761 г. был отправлен в Петербург и при Екатерине II был приговорен к каторжным работам.

Все должности в органах городского управления были выборными. Выборы членов ратуши и магистрата производились раз в три года. С 1773 г. они проходили тайным голосованием, особыми шарами. Как правило, бургомистрами и президентами магистрата избирались наиболее уважаемые и богатые жители города. Иркутский магистрат в рассматриваемый период возглавляли первостатейные купцы и заводчики М. Глазунов (1744–1755), И. Ворошилов (1759–1760), С. Самойлов (1764–1766). Доверие сограждан и определенная материальная независимость позволяли им выступать против неправедных действий губернских властей.

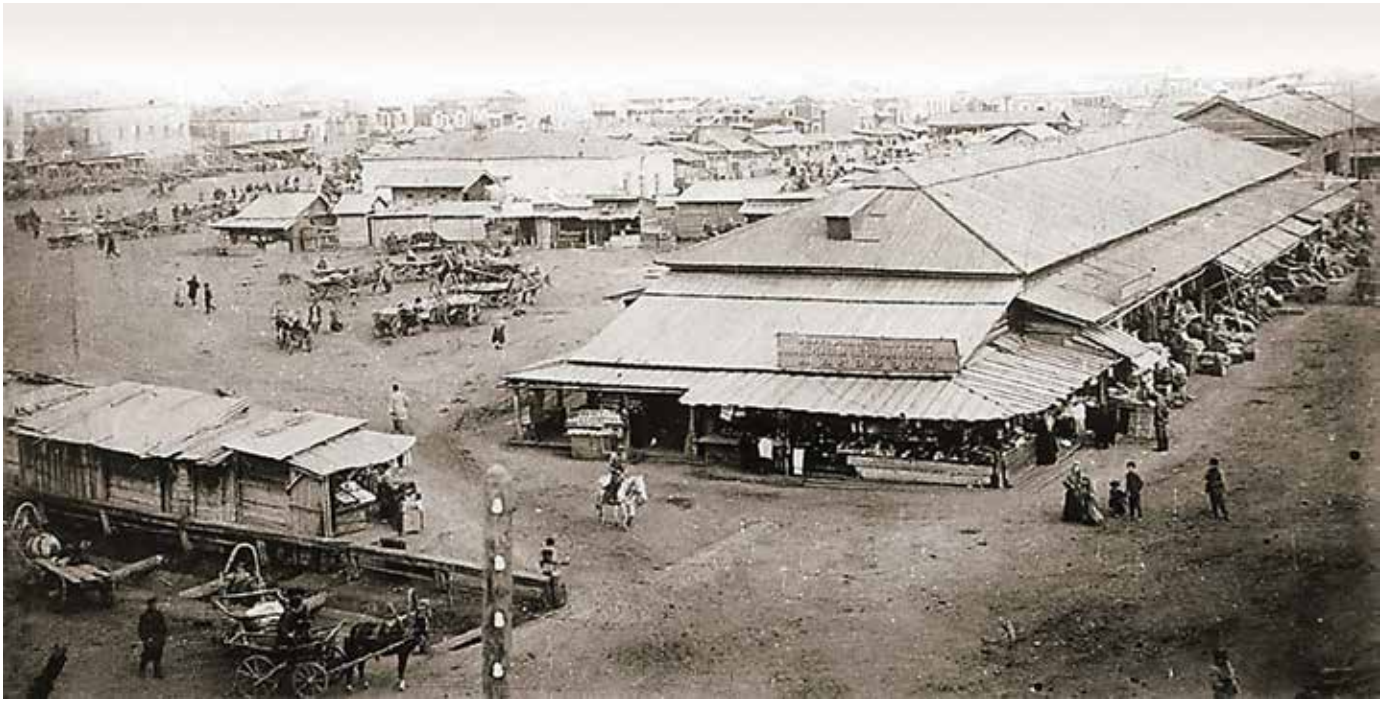
Иркутский купец Е. А. Кузнецов

Городское общество неоднократно ходатайствовало о сокращении числа казенных служб и платежей. Из-за отсутствия в Сибири дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Купцов привлекали к оценке казенных товаров, работе в таможнях и магистратах, приему и продаже вина и соли, сбору подушных денег и т. п. Особенно тяжелы были службы, связанные с разъездами по губернии. Они требовали материальных и временных затрат. В наказе в Комиссию по составлению Уложения иркутские купцы указывали, что от тех дальних служб они лишаются «всей своей купеческой коммерции и в путевых проездах приемлют себе убыток». И это были не пустые слова. В 1760-х гг. из иркутского купечества ежегодно к различным службам привлекалось до 250 человек. Причем все службы, кроме магистратских, они несли собственным «коштом».

4. Городские промыслы и ремесла

В начале XVIII в. в иркутском посаде появляются мелкие торговцы, производящие развозную торговлю в пределах уезда. Некоторые из них нанимались в приказчики и лавочные сидельцы к крупным российским и сибирским купцам. Другие курсировали с небольшими партиями товаров от Иркутска до Енисейска, Илимска, Якутска, Селенгинска, Нерчинска и обратно. Размеры их оборотного капитала, как правило, были невелики, примерно от 100 до 300 руб. Тем не менее они участвовали в формировании хозяйственных связей региона.

Торговая жизнь в населенных пунктах оживлялась с приходом купеческих транспортов. Съезды торговых людей происходили почти каждый месяц, но наиболее крупных размеров они достигали осенью, когда через Иркутск транзитом шли купеческие обозы в Кяхту. Отвечая на анкету «Комиссии о коммерции», руководство иркутской земской избы отмечало: «Ярмарки в г. Иркутске во весь год от приезжающих разных городов и в разныя числа бывают с начала октября месяца, а зачинаются от приезду как водяным, так и сухим путем летом и зимою обыкновенно; а товары приходят на дощаниках разного продукту: воск, медь, холст, сукна сыромяжные, шубы овчинныя, юфть и прочия разных родов пышныя товары, а именно белки разных родов, лисицы, соболи, выдры, россомахи, рыси, горностаи, ушканы, песцы, недопески и прочие: потом же и разные шелковые и полотняные, також и прочие всякие мелочные всякие товары». С появлением ярмарок разъездная торговля становится уделом мелкого купечества и приказчиков. Закупив партии товаров, они отправляли их в отдаленные районы «для распродаж в розницу с работниками, которые туда посланы и, ходя по домам, распродавывают». Разъездной торг в основном выполнял функции обмена промышленных товаров на продукцию сельских промыслов. Привезен-

Рынок в Иркутске

ные товары обменивались на пушнину, хлеб, рыбу, кожи. При огромных сибирских расстояниях весь внутренний торг представлял собой постоянное движение товаров от более крупных рынков и ярмарок к мелким торжкам и базарам. К этому необходимо добавить транзитный характер российско-китайской торговли, при котором шло постоянное встречное движение из России к югу Байкальской Сибири и обратно.

Русско-китайская торговля играла значительную роль в становлении крупного сибирского предпринимательства. На эту сторону русско-китайского торга обращали внимание сами его участники, видевшие в нем «единственный двигатель огромных капиталов на всем протяжении от Кяхты до Тюмени». До 1762 г. существовала казенная монополия на торговлю с Китаем. После ее отмены русско-китайская торговля перешла в руки российских купцов, объединенных по территориальному признаку в несколько компаний. Стремясь быть ближе к месту торговли, некоторые иркутские купцы переезжали в Кяхту.

С ростом посадского населения заметно растет число ремесленников. Если в 1744 г. иркутские цеховые насчитывали 271 ревизскую душу, то в 1779 г. их уже было 742, а в 1785 г. в цехах состояло 1 275 человек. По количеству цеховых Иркутск уступал только Кяхте, где работали ремесленники, обслуживавшие приграничную торговлю с Китаем. На первых порах численность и специализация ремесленников в целом удовлетворяла запросы горожан и ближайшей округи. Характерен следующий эпизод. В 1739 г. иркутский вице-губернатор Л. Ланг содействовал переезду из столицы в Иркутск нескольких немецких мастеров. Среди них были сапожники, столяр, серебряник, портной, перчаточник и седельник. Все они получили ссуды от 60 до 150 руб. на переезд и обзаведение на новом месте.

В середине XVIII в. численность цеховых ремесленников в Иркутске заметно увеличилась, но по-прежнему не хватало опытных, квалифицированных мастеров. В 1769 г. в городе состояло 726 цеховых, однако Иркутская земская изба считала, что этого числа мало для удовлетворения местных нужд и рекомендовала увеличить их количество в три раза. Ремесленные цеха в Сибири появились в 1720-х гг. Введение цеховой системы в Рос-

сии было во многом явлением искусственным, преследовавшим, прежде всего, фискально-полицейские цели. Запись в цех была свободной для всех категорий трудового населения. Открытым был и выход из него. Для цеховой организации не была характерной жесткая регламентация количества и качества изделий, числа подмастерьев и учеников, свойственная западноевропейским цехам. Все цеховые составляли особое общество, во главе которого стоял староста, выбираемый на общем сходе. Цех же возглавлял свой алдерман.

Становление ремесла в крупных городах региона, в первую очередь Иркутска, привело к первым попыткам создания более крупных, чем ремесленная мастерская, заведений. Уже в начале XVIII в. Г. Ф. Миллер отмечал в Иркутске на реке Ушаковке три больших хлебных мельницы и «долчеты, где кожевенный дуб толкут». К крупным заведениям для того времени можно отнести частные винокуренные заводики, сосредоточенные за Ушаковкой в местности Каштак (с 1740-х гг. винные откупы по Иркутской провинции были переданы в руки иркутских купцов).

Кузница

Мельница

В середине XVIII в. в документах мануфактур-коллегии учитывалось всего три иркутских заведения. В 1747 г. «на выгоне Иркутска, по левую сторону Ангары» посадским Прокопьевым были основаны две небольшие мануфактуры: стеклоделательная и шелкоткацкая. На одной выделывалась посуда из зеленого стекла, на другой ткались из китайского шелка платья и кушаки. В документах земской избы за 1761 г. упоминается Степан Прокопьев, имевший в городе дом со всякими строениями для шелковой фабрики да «купленную деревню от иркуцкого дворянина Петра Петрова, на ней стеклянный собственно им заведенный завод на пахотной земле». В 1760-х гг. в Иркутске существовало небольшое стеклоделательное заведение аптекаря Бранта. В 1772 г. его приобрел московский купец И. Савельев. В производстве стекла было занято до 13 работников, а производительность фабрики составляла около 2 тыс. штук различной посуды на сумму в 1 720 рублей.

В 1755 г. богатейший иркутский купец М. Глазунов приобрел у московского предпринимателя Мамонтова шелковую фабрику. Заведению Глазунова предписывалось «делать платки и ленты самым добрым мастерством».

Иркутск с Иерусалимской горы

Еще несколько иркутских купцов имели промышленные предприятия за пределами города. В 1757 г. к иркутскому купцу И. Бестужеву отошла суконная фабрика на р. Тельме, основанная группой московских и великоустюжских купцов еще в 1731 г. На ней было занято 87 работников из числа приписных ссыльнопоселенцев. С 1773 г. она стала принадлежать Алексею и Михаилу Сибиряковым.

В основном частный капитал пытался использовать местные сырьевые ресурсы и ближайший рынок. Попытки внедриться в горнодобывающую промышленность были неудачными. Здесь безраздельно господствовало государство, а со второй половины XVIII в. – Кабинет, являющийся по своей сути органом вотчинного управления. Известны лишь отдельные попытки частного капитала в этот период вклиниться в добывающие отрасли промышленности. Однако железоделательные заводы иркутских купцов Ф. Ланина, П. Артенова, медеплавильные И. Савельева и Е. Сабинина на Лене действовали – правда всего по несколько лет. Хроническое отсутствие в крае свободных рабочих рук, недостаточные капиталы, противодействие казны, скудные по качеству и количеству месторождения – все это изначально обрекало подобные попытки на неудачу. Единственное крупное горнорудное производство в Нерчинском крае удалось создать иркутскому купцу М. А. Сибирякову. Ему принадлежали Воздвиженский сереброплавильный завод, 4 рудника, 19 приисков, а все его имущество, включая разведанные запасы руды, оценивалось почти в миллион рублей. Но даже такой богатейший предприниматель был не в силах противостоять жадной и завистливой администрации горнозаводского ведомства. Постепенно все его предприятия отошли к Кабинету, а сам он умер разоренным.

Базар

XI.

Становление города как губернского центра
(Вторая половина XVIII века).

1. Губернское управление и становление городского самоуправления
2. Население и формирование архитектурного образа города
3. Иркутская ярмарка
4. Иркутск и Русская Америка
5. Образование, культура и повседневная жизнь горожан

1. Губернское управление и становление городского самоуправления

Указом Сената от 19 октября 1764 г. Сибирь была переименована в Сибирское царство с разрешением чеканить монету со своим гербом, представлявшим собой двух стоящих соболей, держащих над головой корону. При этом было указано «учинить в оном вторую губернию» – Иркутскую. Так Иркутск превратился в губернский центр. Первым иркутским губернатором был определен генерал-майор К. Л. Фрауендорф, в отличие от предыдущей администрации получивший большую самостоятельность, возможность принимать решения и именем государыни проводить их в жизнь. По представлению губернатора Иркутская губерния в 1766 г. была разделена на три провинции – Иркутскую, Удинскую и Якутскую. Для более удобного сбора податей и контроля за населением было учреждено 12 комиссарств. В непосредственное подчинение губернскому Иркутску отнесли Иркутский уезд в составе Верхоленского, Кудинского и Тункинского комиссарств, вновь образован-

Печать сибирского наместничества. 1710 г.

Резиденция генерал-губернатора

ный Балаганский уезд и выделенный из старого Илимского Усть-Киренский уезд, состоящий из Илимского комиссарства и 9 слобод.

Новый этап в развитии местного управления был связан с губернской реформой 1775 г., по которой все губернии получили однообразное устройство. Губернией управлял губернатор, возглавлявший губернское правление. В каждой губернии были учреждены: казенная палата, казначейство, палаты гражданского и уголовного суда и Верхний земский суд, приказ общественного призрения, ведавший училищами, приютами, богадельнями и больницами. В 1783 г. Сибирь подверглась еще одной реорганизации. В ней были образованы Тобольское, Иркутское и Колыванское наместничества, которые делились на области. Возглавлявшие их наместники или генерал-губернаторы получили значительные полномочия, вплоть до военных и дипломатических. Кроме того, они являлись командующими всеми военными частями на вверенной им территории. Возглавить Иркутское и Колыванское наместничества было поручено генерал-поручику И. В. Якобию, хорошо знавшему край. Резиденцией объединенного управления стал Иркутск, куда вместе с наместником прибыло более сотни чиновников разного ранга.

При Павле I наместничества в Сибири были упразднены. Внутри Иркутской губернии, которую стал возглавлять «военный губернатор с гражданской властью», ликвидировали области-провинции, а все уезды непосредственно подчинили Иркутску. С 1803 г.,

Вид Иркутска

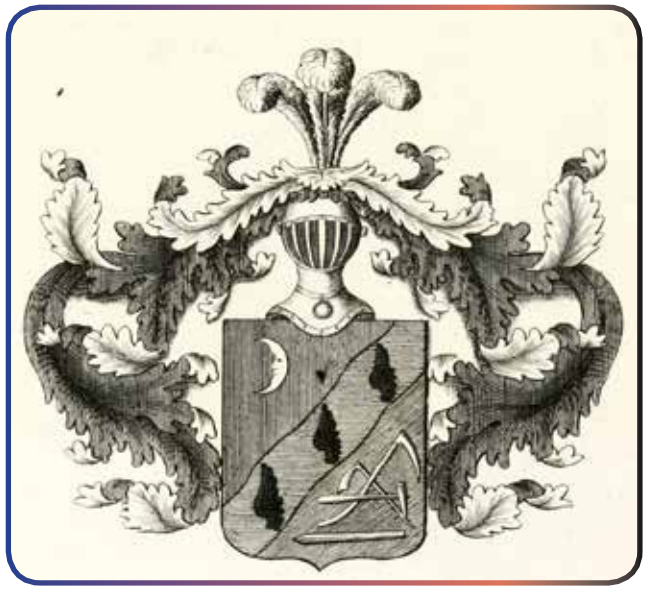
как и в петровские времена, вся Сибирь составила одно генерал-губернаторство. Его возглавил генерал-майор И. О. Селифонтов. По его предложению в Сибири было образовано три губернии: Тобольская, Томская и Иркутская, в которой было оставлено 6 уездов (Иркутский, Верхнеудинский, Нижнеудинский, Киренский, Нерчинский, Якутский). Для управления обширнейшими северо-восточными районами в 1803 г. вновь особо были введены Якутское и Камчатское областные правления, а также управление Охотского порта. Местом пребывания генерал-губернатора назначен Иркутск, ставший с этого времени столицей Сибири.

Значительные изменения произошли во второй половине XVIII в. в развитии городского самоуправления. В связи с подготовкой Комиссии об Уложении города, население которых составляло 50 и более дворов, получили право подготовить наказ в Комиссию и выбрать депутата, представляющего их интересы. Для подготовки наказа и выборов в городах создавалась новая должность – городской голова, избираемый всеми домовладельцами из своей среды. Кандидат должен быть не моложе 30 лет, иметь недвижимость и пользоваться доверием общества. В Иркутске первым городским головой был избран Михаил Афанасьевич Сибиряков (ок. 1726–1795), имевший несколько рудников и завод в Нерчинском горном округе, в 1767 г. за открытия месторождений серебро-свинцовых руд получивший личное дворянство. В дальнейшем должность городских голов неизменно исправляли богатейшие иркутские купцы. В 1781–1784 гг. городским головой служил И. Н. Саватеев, при открытии наместничества в должность городского головы был выбран Н. П. Мыльников, а ратманами при нем А. Калмынин, И. Зонов и И. Чеченев.

Еще в 1766 г. два представителя от Иркутска были приглашены в столицу для слушания Манифеста о создании нового Уложения. Затем наступила очередь составления наказа от жителей г. Иркутска. Утвержден он был на городском сходе 23 июня 1767 г. Сочинителями его были сын боярский В. Лапин и купцы А. Шалин и Ф. Власов, а общее руководство осуществлял городской голова М. А. Сибиряков. Наказ представлял интересы купечества и цеховых, разночинцев, сибирских дворян и детей боярских. Наиболее обширным и детально прописанным был раздел наказа, включивший пожелания и чаяния купечества и цеховых. Кроме чисто сословных требований в нем много места уделялось ограждению чести и достоинства купцов и содержалось требование «положить за бесчестие денежное взыскание». Представлять интересы иркутян в Комиссии об Уложении было доверено купцу Алексею Сибирякову Меньшому.

«Жалованная грамота городам» 1785 г. еще более усложнила сословное деление го-

Герб Сибиряковых

П. И. Пежемский. Вид Иркутска

родских жителей и систему городского самоуправления. Официально все домовладельцы получили статус горожан, в том числе и из неподатных сословий. Аппарат самоуправления усложнился за счет вновь созданных органов: «собрания общества градского», общей градской думы и шестигласной думы. При этом магистраты и ратуши не отменялись. Собрания или сходы созывались раз в три года для проведения выборов на основные должности общегородского управления. Право голоса на собрании, выбирать и быть избранным предоставлялось всем городским домовладельцам мужского пола, достигшим 25 лет, имевшим недвижимость и капитал не ниже 5 тыс. рублей. Всем этим требованиям удовлетворяло только купечество, да и то не ниже второй гильдии. Таким образом, в решении наиболее значительных вопросов и замещении высших должностей могла участвовать только купеческая верхушка.

Общая градская дума представляла собой совет представителей граждан, выбираемых от каждого разряда населения. Ей отводилась распорядительная функция в управлении городом. Эти же вопросы были возложены и на шестигласную думу, которая рассматривалась как исполнительный орган общей думы и избиралась из ее состава. На практике постоянно действовала только шестигласная дума в составе городского головы, двух ратманов и шести гласных (по одному от всех шести разрядов горожан). С разделением граждан на шесть частей в Сибири, и в Иркутске в частности, было не все просто. «Жалованная грамота» выделяла «настоящих городовых обывателей», то есть всех имевших в городах недвижимость, купечество всех трех гильдий, цеховых ремесленников, иногородних купцов и иностранцев. К пятой категории относились именитые граждане – крупные предприниматели с капиталом свыше 50 тыс. рублей и люди свободных профессий, получившие высшее образование (ученые, художники, писатели и т. п.). Шестую категорию образовывали посадские – «старожилы или поселившиеся, или родившиеся, как в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работой кормятся в том городе». В Иркутске из перечисленных выше разрядов отсутствовало дворянство и в очень ограниченном виде были представлены именитые граждане. Основные податные сословия – купечество, мещанское и цеховое общества сохранили корпоративную структуру и действовали через своих выборных представителей – старост. Такая структура отделяла податные слои от остальной части города, разделяла население на сравнительно замкнутые категории, предоставляя им разный объем прав.

П. И. Пежемский. Вид Иркутска

Судебные дела оставались в ведении городового магистрата, в состав которого выбирали бургомистра, двух ратманов и четырех заседателей. Помимо прежнего словесного суда был учрежден еще сиротский суд, который разрешал вопросы, связанные с опекой, наследованием имущества и усыновлением. Функции магистрата и думы не были четко разграничены, что приводило к дублированию административно-хозяйственных и фискальных задач. К тому же они полностью подчинялись государственным учреждениям. Вся система городского самоуправления была под постоянным контролем губернатора и местной администрации.

Торжественное открытие Иркутской городской думы состоялось 1 января 1787 г. Иркутским городским головой был избран купец первой гильдии Михаил Васильевич Сибиряков (1744–1814). За свою обширную торгово-промышленную и общественную деятельность он единственный из иркутян получил звание «именитый гражданин». В памяти горожан он остался и как хозяин первого в Иркутске трехэтажного каменного дворца, получившего название «Белый дом». На первом заседании общего присутствия думы гласные приняли из губернского магистрата большую серебряную печать городского общества. Для ведения делопроизводства за отсутствием другой кандидатуры был определен, по совместительству, писарь сиротского суда отставной солдат С. Беляев. Ему в помощь были наняты два писца.

С ростом городов и укреплением городского самоуправления заметно расширяется городское хозяйство. Крупнейшим городом не только региона, но и всей Сибири, был Иркутск. Город занимал не только территорию, застроенную обывательскими и казенными постройками. Ему была отведена также пашенная и выгонная земля, оброчные статьи, которые сдавались в аренду. Так, в 1790-х гг. не менее 602 десятин оброчных сенных угодий были в аренде у различных людей. Территория Иркутска и его окрестностей быстро росла. В конце 1780-х гг. городу было отмежевано 2,5 тыс. десятин удобной земли и еще почти 1,5 тыс. неудобной, занятой лесами и водами. К 1798 г. общая площадь городских земель выросла до 7,2 тыс. десятин. При новом межевании 1826 г. городу было отведено уже 10 855 десятин. Часть этих земель ежегодно сдавалась в аренду. Также в подряды сдавалось содержание городских весов при рынках, подводная гоньба, оброчные рыбные статьи, перевоз людей и грузов через Ангару. В Иркутске действовало два таких перевоза: у Чудотворской церкви при выезде на московский тракт и от Троицкой церкви на дорогу,

Ф. Ф. Матюшкин Вид Иркутска

ведущую к южному берегу Байкала и далее в Кяхту.

Важной доходной частью бюджета были сборы с торговых помещений. Иркутск отличала насыщенная инфраструктура. На городских рынках и площадях находились сотни лавок, шкафов, столов и балаганов. На Тихвинской площади сдавались места под устройство качелей и каруселей. В общий бюджет поступали сборы с доходов трактирных и питейных заведений, постоялых дворов, доходы от извозного промысла и т. п. Одной из заметных статей доходной части городов был повозочный сбор с каждого воза с кладью, проследовавшего через городские заставы, и речных судов. Повозочной сбор составлял до 35 коп. с воза. В 1817 г. дума подняла его до 1 руб., считая его «для торгующего купечества, получающего от кяхтинского торга большие выгоды, не только не отяготительным, но и весьма умеренным».

Не менее половины всех поступлений в общий бюджет составляли различные сборы и повинности с городских жителей. Обременительными для горожан были сборы на содержание полиции, пожарной охраны, благоустройство города, постойная повинность. До середины XVIII в. заботы о противопожарных мероприятиях и борьба с огнем были уделом самих горожан. С появлением полиции эта задача была возложена на городничих. По «Уставу благочиния» город делился на части и кварталы. В каждой части назначался частный пристав, при котором создавалась небольшая полицейская команда, в состав которой входил брандмейстер, или «огнегасительный» мастер. Также рекомендовалось заводить в городах пожарные заливные машины и другие инструменты, выносить за город ремесленные и промышленные заведения, использующие открытый огонь. По указу 1797 г. устройство пожарной части и вообще содержание полиции было отнесено к обязанностям городского самоуправления. Еще с 1780-х гг. в Иркутске появился свой пожарный обоз, представляющий собой большую бочку на телеге с заливными трубами. В целях предупреждения пожаров иркутские городские власти предписали вывести кожевенные, мыловаренные заводы, кузницы и другие опасные производства за черту города. Все они были сосредоточены на правом берегу Ушаковки.

Заметное улучшение пожарного дела произошло в начале XIX в. при гражданском губернаторе Н. И. Трескине. Он разработал специальную инструкцию по противопожарной

П. И. Пежемский. Вид Иркутска

безопасности, выписал несколько новых заливных машин. Во второй части города была построена новая пожарная часть с каланчой и теплым помещением для пожарных инструментов. В каждой части города находилось по одной пожарной машине. Кроме того, при городской думе состояло еще 4 заливных машины со всеми принадлежностями.

Необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. основные источники развития городского хозяйства не были еще в достаточной мере подкреплены ни законодательно, ни материально. Городское общественное управление и вся городская жизнь полностью зависели от местной администрации, которая по собственному разумению пеклась о нуждах города. Достаточно хорошо известна, например, забота о благоустройстве Иркутска гражданского губернатора Н. И. Трескина, вылившаяся в настоящий чиновничий произвол. Например, им была введена так называемая хрящевая повинность. Все въезжающие в город должны были доставить телегу битого камня (хряща) для засыпки топких улиц. Его предшественник Б. Б. Лецциано ввел специальные сборы на содержание городской полиции с лавок, чанов кожевенных и мыловаренных заводов, кузнечных горнов. Он же почти в два раза поднял повозочный сбор. Эти меры вызывали недовольство горожан, так как были отяготительны даже для купечества. Городские власти резко протестовали против подобных решений, ссылаясь на то, что они принимались без согласия местного общества.

Власти постоянно стремились увеличить податное обложение населения. С большим рвением занимался оптимизацией земских податей, в том числе и с городского населения, иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин. В 1812 г. им был образован специальный комитет, куда были выбраны депутаты от всех городов губернии, кроме Якутской области. Комитет составил новую раскладку смет по городам и уездам Иркутской губернии, которая должна была собрать податей на сумму в 537,2 тыс. в год.

Помимо постоянного роста числа служб и выборных должностей увеличивались издержки на содержание городского управления и хозяйства. В начале XIX века иркутское купечество обратилось с жалобой на отягощение их службами и повинностями к полномочному послу в Китай графу Ю. А. Головкину. В частности, жаловались на то, что городское общество должно содержать 59 лошадей для почтовой гоньбы. Из них 37 в Иркутске, 16

Н. И. Трескин

Н. П. Лебедев

на Лиственничной станции и 6 лошадей на Тулунской. В этом же документе приводится список платежей в пользу города. Содержание магистрата и городской думы обходится в 6 150 руб., городских часов – 128 руб., пробирного мастера – 72 руб., полиции и пожарной команды – 2 390 руб., 39 будочников – 1 404 рубля. Еще 1 808 руб. собиралось на ремонт пожарных инструментов и содержание лошадей. Заметную сумму в 3 436 руб. 50 коп. составляли расходы на отопление общественных зданий, полиции, военных казарм. Прочие расходы достигали еще 4 974 руб. Всего же только на городские нужды собиралось с податного населения Иркутска 20 362 руб. 66 коп.

Губернское руководство второй половины XVIII в. мало чем отличалось от своих предшественников, продолжая заниматься вымогательством, казнокрадством и насилием над народными массами. Непомерным корыстолюбием и взяточничеством отличался иркутский губернатор бригадир Ф. Г. Немцов, возглавлявший иркутскую губернию в 1776–1778 гг. Сменивший его Ф. Н. Кличка назвал Немцова «гонителем и разорителем» жителей губернии. Франц Николаевич Кличка – редкий пример деятельного и образованного администратора и честного человека. За свое короткое губернаторство (1779–1783) он оставил в Иркутске «славу доброго и справедливого начальника» и своим «благоразумием, добротою и благонамеренностью напечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание». Особенно велик его вклад в социально-культурное развитие города. При нем были впервые открыты в Иркутске городская школа, преобразованная затем в училище для детей всех сословий, публичная библиотека и музейный кабинет при ней. Губернатор смог объединить городское общество, направить его на решение задач развития просвещения и гражданственности. При нем был образован совет из лучших граждан города, который собирался раз в неделю, а в экстренных случаях и чаще. Среди прочих дел, по словам В. И. Штейнгейля, губернатор «совету поручал ссорившихся граждан примирять, по-

И. Б. Цейдлер

Н. Ф. Мясников

этому в городовом магистрате не было дел».

С самого начала городское общественное управление заняло твердую позицию по отношению к разветвленной и изощренной системе злоупотреблений со стороны чиновников. Эта борьба способствовала сплочению купечества, придавала динамизм общественной жизни, выдвигала лидеров. Доверие сограждан обязывало ко многому, и даже первостатейные купцы почитали службу обществу за великую честь. В этой связи вполне оправдан пафос и искренность Н. П. Мыльникова, который по поводу своего избрания городским головой писал: «Не без удовольствия я оное принял и при первоначальном бытии сие звание отменным счастием то поставил в честь себе и своему роду в потомственную память! И положил, чтоб посвятить все мое усердие на исправление сей должности, не жалея истощевать силы».

Не менее колоритной фигурой в иркутском обществе был М. В. Сибиряков. Богатейший купец, самодур, человек волевой и решительный, он был типичным представителем авторитарного стиля управления. Характерно замечание о нем одного из современников: «Тоже дикий был человек; как начнет чубуком махать – беда. А все-таки голова, защитник». Вот это последнее и привлекало к нему горожан. Несмотря на его необузданность и жесткость, противодействие администрации, формальные основания (неоднократно состоял под судом), иркутяне четырежды выбирали его городским головой. Это был человек, который последовательно отстаивал права и свободы общества, вступая при необходимости в конфликт с городской и губернской администрацией. Кстати, к судебной ответственности Сибиряков привлекался именно за «дерзости» и «неисполнения» предписаний правительственных органов.

Под стать ему были Н. Мыльников, С. Дудоровский и другие столпы иркутского общества. Борьба иркутского купечества с губернской администрацией в конце XVIII – начале XIX в. объективно содействовала активизации общественной жизни в столице Восточной Сибири, формированию идеалов и мнения го-

П. Н. Лаврентьев

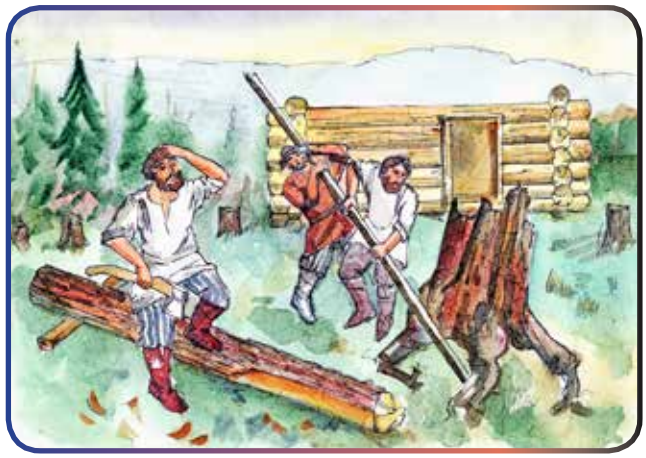

П. Д. Трапезников

родского общества. Это была уже сложившаяся купеческая олигархия, сознающая и отстаивающая свои корпоративные интересы. И что немаловажно, эти изменения в общественной жизни и быте сибирских купцов происходят почти на полвека раньше, чем в России: еще в середине XIX в. значительная часть московского купечества жила семейной, патриархальной жизнью.

Показателем изменений, произошедших в правосознании иркутян к началу XIX в., стала их известная борьба с сибирским губернатором И. Б. Пестелем и его ставленником в Иркутске Н. И. Трескиным. Стержнем ее было осознание необходимости равенства всех граждан перед законом, создающим равновесие между правами гражданина и государства. Трескин был весьма деятельным и умелым администратором. Ему удалось навести порядок во всех сферах управления, привести Иркутск в лучшее состояние, но методы, которыми достигались перемены, были чисто полицейские, полностью исключающие заботу о гражданах города. Н. И. Трескину удалось довольно быстро разгромить купеческую оппозицию в лице все тех же М. В. Сибирякова и Н. П. Мыльникова. Оба они были высланы в отдаленнейшие города губернии Баргузин и Нерчинск. Губернатор окружил себя доверенными лицами из числа чиновников и купцов, установив своеобразную чиновничью монополию. Поборы деньгами и натурой как с отдельных лиц, так и с целых обществ стали обыденным явлением. Несмотря на репрессии, полицейский режим, отсутствие гласности, в иркутском обществе росло негодование против многочисленных злоупотреблений чиновников. Самые разные социальные силы объединялись против деспотизма Трескина. Результатом многочисленных жалоб и прошений стал указ Александра I в 1819 г. о назначении генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанского с широкими полномочиями по ревизии действий местной администрации.

2. Население и формирование архитектурного образа города

Новый дом

В о второй половине XVIII в. произошло дальнейшее определение правового статуса купеческого сословия. Гильдейская реформа 1775 г., преследуя цель «очистить» его ряды от малоимущих, в десять раз подняла имущественный ценз. Все купцы, имевшие капитал менее 500 руб., образовали новое городское сословие мещан. Граница между ними определялась лишь наличием необходимого капитала, т. е. фактором несословного характера. В то же время, чтобы повысить авторитет предпринимателей, за ними закреплялись чисто сословные привилегии. Купечество исключалось из подушного обложения, с него были сняты рекрутская повинность, ряд обременительных казенных служб, а первые две гильдии освобождались от телесных наказаний. Разделение на гильдии осуществлялось согласно размеру объявленного капитала, минимум которого составлял для третьей гильдии 500 руб., для второй – 1 тыс., для первой – 10 тыс. руб. В дальнейшем правительство неоднократно повышало минимальные размеры капитала, доведя их к 1807 г. соответственно до 8, 20 и 50 тыс. руб.

«Чистка» купеческих рядов привела к резкому сокращению купечества. До реформы в Иркутске числилось более 2 тыс. купцов. По новому разделению в сословии осталось всего 77 капиталов. Наибольшие потери понесли первые две гильдии.

Введенные для купечества новые положения были закреплены в «Жалованной грамоте городам» 1785 г., укрепившей социальный статус купечества и его ведущую роль в городском самоуправлении, что способствовало росту его рядов. К 1807 г. численность иркутского купечества утроилась в основном за счет третьей гильдии. Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше среднесибирской, иногда значительно. Так, в 1816 г. на 100 мещан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень. Основная их масса была сосредоточена в Иркутске. Уже в XVIII в. Иркутск по количеству купечества превосходил все другие сибирские города.

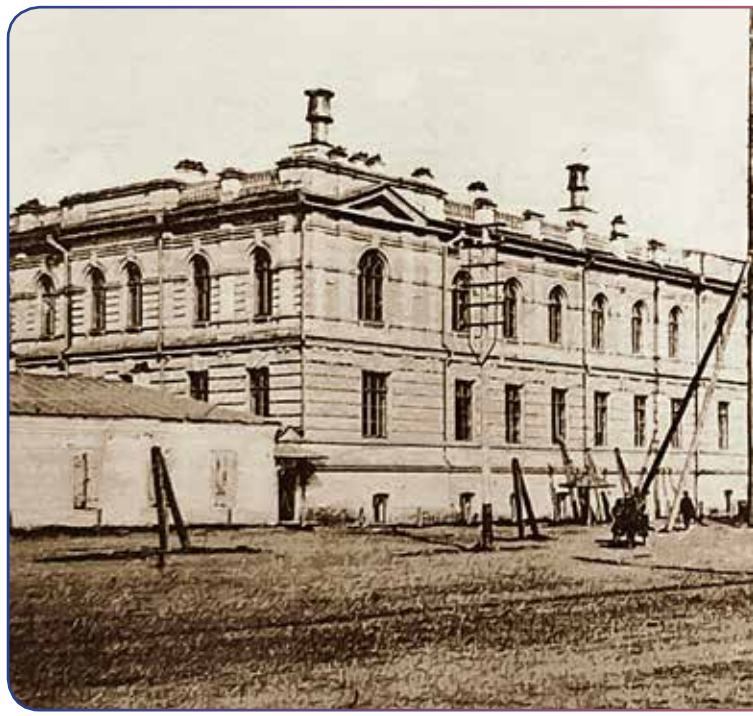
Иркутск второй половины XVIII в. постепенно приобретал приметы новой городской архитектурной среды, в которой заметное место уделяется планировочным решениям и благоустройству. Город вышел за пределы укреплений, и горожане перестали чувствовать себя в нем как в осажденной крепости. В городе уже четко выделяются торговый и административный центры, ремесленные кварталы и предместья. Первым опытом вмешательства губернской администрации в стихийный процесс городского строительства стала деятельность первого иркутского губернатора Карла фон Фрауендорфа. Из учеников навигационной школы он отобрал наиболее способных для участия в съемке местности в окрестностях города и составления нового плана Иркутска. В его доме расположилась чертежная мастерская, в которой изготавливались планы городов губернии. Молодые геодезисты проводили планировку улиц, разбивали город на кварталы. На всех улицах появились доски с названием улиц и указанием их направления. Итогом этой работы стал план Иркутска 1768 г., составленный опытным геодезистом и картографом М. Татариновым. На нем не

только были зафиксированы существующие постройки, но и перспективы дальнейшей застройки города. В результате его осуществления в 1760–1770-х гг. центр Иркутска подвергся существенной реконструкции: были выпрямлены и расширены улицы, намечены некоторые площади, начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укреплению набережной Ангары.

Преемники первого иркутского губернатора более отличались административным рвением, чем стремлением действительно благоустроить городское пространство. Так, иркутский губернатор Ф. Г. Немцов пытался достаточно жесткими методами воздействовать на горожан. По сведениям одной из иркутских летописей, он «приказал жителям строить около домов своих мостики (тротуары), а где их не было построено, вызывал хозяина и перед его же домом наказывал, чем попало». Военный губернатор Б. Б. Леццано нажил себе многих врагов среди иркутян, пытаясь приучить их к порядку и чистоте. Он запретил разводить в городских огородах табак и хмель, повелев вынести их посадки на окраины, ввел штрафные санкции за бродящий по улицам скот. А его распоряжение обсадить березами лучшие в городе улицы было воспринято жителями как «отяготительный налог» и вызвало многочисленные жалобы.

Территориальный рост города сопровождался появлением новых кварталов, сетью улиц и переулков. Так, на плане 1768 г. кроме

20 отмеченных улиц можно насчитать еще более 20 двухсторонних или односторонних рядов застройки, на планах 1784 г. и конца XVIII века поименована 31 улица города. До появления профессиональных архитекторов в Иркутске проектные работы выполняли геодезисты. Так, сержанты геодезии М. Сургуцких и Е. Цепельников построили ряд административных и общественных зданий. Именно Цепельникову было поручено подготовить проект каменного гостиного двора. Дорабатывал его проект первый иркутский губернский архитектор А. Я. Алексеев, но Екатерина II поручила подготовить проект для Иркутска только что приехавшему в Россию итальянцу Джакомо Кваренги. Сам архитектор впоследствии считал иркутский гостиный двор одной из своих крупных работ в России. Гостиный двор представлял собой значительное каменное двухэтажное сооружение в виде замкнутого квадрата 150х150 сажень с обширным внутренним двором и арочными галереями по всему внутреннему и наружному периметрам. В нем размещалось более двухсот торговых помещений. Кроме того, позднее на втором этаже был сооружен большой зал, служивший для

Московские ворота

Иркутянка

торжественных церемоний и балов. Монументальный объем гостиного двора явился в дальнейшем основой для формирования ансамбля центра Иркутска, состоявшего в основном из зданий казенного и торгового назначения. В 1790 г. рядом с ним было построено здание каменного двухэтажного мещанского торгового ряда на 80 лавок.

Заметно менее развито было промышленное строительство. Первоначально небольшие мыловаренные или кожевенные избы размещались в самой городской жилой застройке и в домах горожан. Так, у иркутского посадского В. Елизова мыловарня располагалась прямо под горницей в цокольном этаже. Подобные производства были сопряжены с загрязнением окружающей среды, неприятным запахом и повышенной пожароопасностью. В 1790-х гг. по распоряжению городских властей кожевенные и мыловаренные заводы были перенесены за Ушаковку в Знаменское предместье. Там же располагался комплекс построек Адмиралтейства и Рабочего дома, давшего начало новой промышленной слободе.

Необходимо отметить, что торговая специализация иркутских купцов отразилась и на принадлежавших им постройках. Хотя в городе и существовали два гостиных двора, были и торговые рынки, тем не менее некоторые купцы вели розничную торговлю в лавках под своими домами. Такое сочетание торгового и жилого помещений можно считать характерным для рассматриваемого периода.

К концу века города Сибири встали на путь перехода к регулярной планировке и рациональному освоению территории. «Живописный» город постепенно превращался в «регулярный». Создание перспективных планов способствовало формированию и закреплению в исторической перспективе городского ядра, административных, торговых, духовных центров, направлений главных магистралей. В 1792 г. был утвержден первый регулярный план Иркутска, выполненный архитектором Алексеевым. Он сохранял композиционную основу старой части города и намечал более четкую прямоугольную структуру в новых направлениях, за линией прежнего палисада. Иркутск к этому времени вытянулся вдоль основных торгово-почтовых трактов – Московского, Якутского, Байкальского, формируя новые предместья и слободы. В 1801 г. в

Иркутске была учреждена «Контора строений домов и разных ремесел», при которой действовал Рабочий ремесленный дом, среди его мастеровых были ремесленники 15 строительных специальностей. В марте 1809 г. в губернском центре начала действовать Строительная экспедиция, в ведение которой входил круг вопросов планировки и застройки в Иркутске и уездных городах Иркутской губернии. Именно через нее рассылались альбомы с образцами фасадов жилых домов.

Еще в годы правления Петра I вышло несколько указов, в которых предписывалось делать улицы широкими и прямыми, а дома строить каменные. Но в это время типовое каменное строительство в основном лишь рекомендовалось и даже в столицах еще не получило широкого развития. Также из столицы шли предписания по перепланировке старых городов, замене запутанных лабиринтов улиц квартальной «шахматной» системой или иными вариантами «регулярной» планировки. Реализация подобных планов на местах наталкивалась на сопротивление городского общества. В Иркутске уже к середине XVIII в. земельные участки в центре города, «особливо по близости к городовой крепости и к торговым местам», стоили довольно дорого, и в наказе в Уложенную комиссию местное купечество просило предоставить их за

Протока на Ангаре

владельцами «в вечное потомство», при этом «старых дворов и никакого строения для прямизны улиц не ломать, дабы жители от того не могли понести себе разорения».

Работы по планировке провинциальных городов велись под руководством Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы, основанной в самом начале царствования Екатерины II. Одной из задач ее было распространение принципов типового и повторного строительства на территории страны. Под руководством Комиссии были разработаны и рекомендованы для внедрения книги типовых проектов фасадов жилых домов, ставших основой массовой городской застройки в Иркутске, обеспечивая ей высокое качество и уникальное стилевое единство.

Ст. Катерля. Иркутский солеваренный завод

С середины XVIII в. в Иркутске пока еще в малом количестве начинается каменная гражданская, культовая и жилая застройка. Указ Павла I 1800 г. прямо предписывал: «Вместо погоревших или обветшавших деревянные церкви не строили бы, но строили бы везде каменные». В Иркутске уже к концу XVIII века все городские храмы были перестроены в каменные. Всего же в губернском центре к началу XIX в. действовали 13 каменных церквей: 10 приходских, Богоявленский собор, по одной домовой и кладбищенской. Кроме того, рядом с городом были расположены Вознесенский мужской и Знаменский женский монастыри. Столь значительный размах церковного строительства в Иркутске был связан не только с ролью крупнейшего административно-торгового центра Восточной Сибири, но, прежде всего, с его предпринимательскими кругами, частично или полностью взявшими на себя бремя финансовых расходов по строительству каменных церквей. В середине XVIII в. отмечается усиление светских начал в культовой архитектуре, что привело к построению более нарядных и живописных храмов. В каменной архитектуре этот перелом отражен более ярко. В этот период возведен ряд исключительных по своим художественным достоинствам церквей в Иркутске: Крестовоздвиженская (1747–1758 годы), Чудотворская (1740-е–1767 годы), Знаменская (1757–1794 гг.), Тихвинская (1754–1773 гг.), Троицкая (сер. XVIII–1778 г.), Владимирская (1775–1790 гг.). Их архитектура является местным вариантом барочного стиля, который принято называть «сибирское барокко». Это направление сложилось под влиянием различных стилей барокко, восточных приемов декоративного решения фасадов и традиционных мотивов прикладного искусства коренного населения края.

Но не только торговые помещения и храмы составляли архитектурное своеобразие города. С 1785 по 1790 гг. в Иркутске было построено 300 новых каменных и деревянных зданий. Местное купечество выступало основным заказчиком каменного строительства в городе, выработав свой стиль жилой и торговой архитектуры. В начале XIX в. в Иркутске было уже три десятка каменных особняков, среди которых выделялись дворцы Сибиряковых, Трапезниковых, Мыльниковых, Чупаловых, Басниных. Эти изменения в быту зажиточных горожан одним из первых отметил А. И. Лосев. «Первостатейные купцы, – писал он, – имеют огромные каменные хорошо устроенные дома с выгодным внутри расположением, на дворе службы, погреба и амбары, есть и садики в огородах. Мещане строят дома хотя менее, но порядочны, имеют зал, столовую, гостиную, спальню и кабинет». Социальное размеживание городских слоев особенно наглядно прослеживалось в их распределении по территории города. Уже к началу XIX в. центральные кварталы стали местом сосредоточения торговли и капитала. Купеческие особняки, как деревянные, так и, особенно, каменные, образовывали особую структуру, формирующую торговые зоны города, обычно входящие в состав делового центра. Роль купечества в формировании городской топонимики выражалась и в том, что многие улицы и переулки сибирских городов

Харлампиевская церковь

Улица в Иркутске

получили свое название по тем или иным купеческим фамилиям. В Иркутске, например, в честь крупных купеческих династий были названы улицы Мыльниковская, Трапезниковская, Баснинская, Медведниковская, Саломатовская, Ланинская и др. На окраинах города по-прежнему преобладала небольшая деревянная застройка, царили бедность и грязь.

Еще при К. Л. Фрауендорфе в Иркутске были начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укрепления берега Ангары. Уже первый высочайше утвержденный план Иркутска 1792 г. регламентировал необходимую ширину улиц. Для главных она определялась в 12 саженей, для второстепенных в 8. Планом рекомендовалась и площадь городских усадеб. По периметру она могла доходить до 578 м. В отношении самих жилых домов предлагалось использовать определенные типовые фасады, имевшие установленную окраску и стиль. Переход к перспективному планированию способствовал упорядочению работ по благоустройству, придавал им целенаправленность и системность. Этими вопросами занимались как городские власти, так и губернское начальство. На первом месте для городов региона стояли вопросы устройства мостовых, взвозов, мостов, перевозов, дренажные работы, устройство садов и мест отдыха, санитарно-технические мероприятия. В большей степени эти вопросы ставились и решались в крупных городских центрах, в первую очередь в Иркутске и ряде уездных городов. Малые города региона вообще не отличались каким-либо уровнем благоустройства.

3. Иркутская ярмарка

В Иркутске рано сложился слой предприимчивых людей, которые осваивали не только местный рынок, но и вели торгово-промысловые операции на значительной территории Сибири, активно участвовали во внешнеторговых операциях, выступая контрагентами российского капитала. Избыток торговых возможностей привлекал сюда из разных мест России и Сибири людей предприимчивых, неординарных, рассчитывающих только на себя и свою удачу. Уже в 1730-х гг. торгово-ремесленное население города составляло большинство горожан. Кроме того, в Иркутске почти постоянно находилась большая группа иногороднего купечества, ведущего здесь торговые операции.

До середины XVIII в. господствовала караванно-развозная торговля.

До поры до времени сложившаяся система внутреннего торга устраивала иркутское купечество. Однако с ростом численности и укреплением финансового положения оно начинает более решительно бороться за свое монопольное положение на местном рынке. Многочисленные случаи нарушения приезжими торговцами установленных правил, незаконная торговля вне стен гостиного двора заставили местных предпринимателей пойти на регламентацию сроков ярмарочной торговли. В учреждении ярмарок была заинтересована и администрация края. Иркутские губернаторы получали различные ходатайства об учреждении ярмарочных институтов. С одной стороны, «жаловались забайкальские служащие и военные чины, что они покупают там необходимые вещи дорогою ценою», с другой, от купечества поступали предложения об устройстве ярмарок в различных местах губернии, «чтобы иногороднее купечество привозило

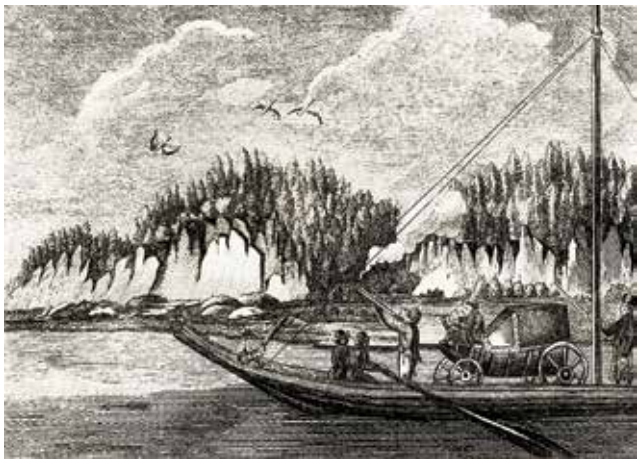

Иркутский вокзал

товары и продавало из первых рук». 19 августа 1768 г. последовал указ Сената об учреждении в крупнейших торговых центрах Восточной Сибири – Иркутске, Верхнеудинске и Якутске – торговых ярмарок, действующих по определенным правилам и в строго установленное время. В Иркутске предписывалось установить две ярмарки: осеннюю с 15 ноября по 1 января и весеннюю с 15 марта по 1 мая. В остальных городах учреждалось по одной ярмарке продолжительностью не менее двух месяцев.

Центром ярмарочной торговли становились гостиные дворы. Сюда свозились товары, производилась их оценка, реализовывались оптовые партии. До 1782 г. торговля вне стен гостиного двора вообще была запрещена. В Иркутске до 1775 г. действовали два деревянных гостиных двора – старый, находившийся на берегу Ангары, и новый на Тихвинской площади. Перечень товаров, поступавших на ярмарки Иркутска, позволяет представить себе потребности и вкусы горожан. На первом месте находились ткани и различные изделия из них. Особенно широк был выбор китайских шелковых и хлопчатобумажных тканей. На втором месте в структуре привоза находились металлы и изделия из них для домашнего пользования и в качестве орудий труда. Из продуктов в Иркутск больше всего привозили мед и хмель, сахар и, конечно, различные сорта китайского чая. Иркутяне могли приобрести и товары из Западной Европы – главным образом некоторые виды тканей, предметы роскоши и сладости. В привозимых товарах заметно преобладали предметы, предназначенные для массового употребления широкими слоями горожан.

Ценным и ходовым товаром на иркутской ярмарке была пушнина, поступавшая из различных мест Сибири: камчатские бобры, коты морские, соболя, лисицы (красные, бе-

Охота на Ангаре

лодушки, сиводушки островные, сиводушки охотские), бобры обские, белки ленские, илимские, нерчинские, чикойские, горностаи, песцы, рыси, росомахи и т. п. В числе товаров упоминается также мамонтовая и моржовая кость, китовый ус и нерпичий жир.

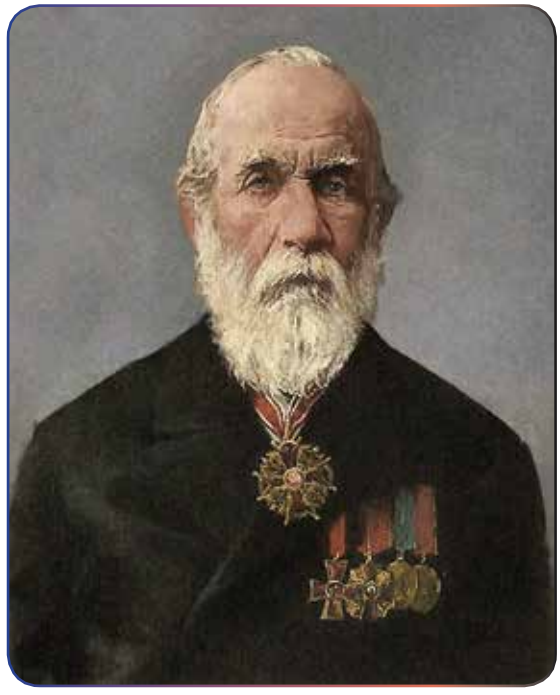
Многие горожане занимались свободным мелочным торгом, «перекупая выменом товары российские, разнашивали по улицам и по домам продавали». Среди мелочных торговцев было много женщин, торговавших со столов и полок предметами рукоделия, табаком, кондитерскими изделиями, овощами. По воскресеньям приезжали со своими товарами крестьяне и буряты из близлежащих селений. Кроме официальных ярмарок в Иркутске существовало простонародное торжище. Оно происходило в Прокопьев день (8 июля), и на него съезжались сельские жители из самых отдаленных мест иркутского уезда. К этому дню приплавляли значительное количество леса и изделий из древесины.

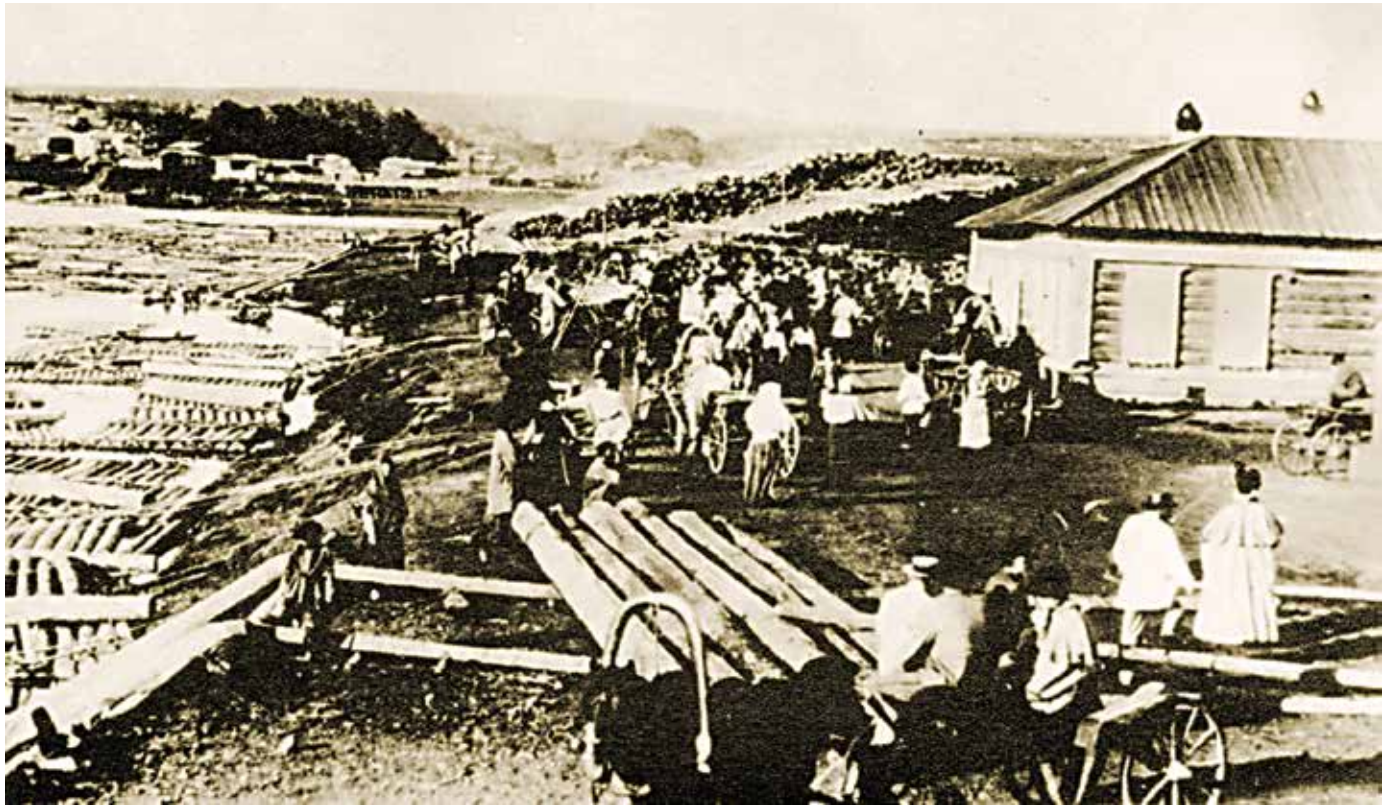
Характерной особенностью ярмарочной торговли было преобладание привоза по сравнению с количеством распродаваемых товаров. Нераспроданные товары частью оставались в городе для лавочной торговли, но в большинстве своем переходили на другие ярмарки. Как правило, купцы, получив партии товаров с Макарьевской или Ирбитской ярмарки, реализовывали их в декабре в Иркутске, а в январе переезжали на Верхнеудинскую ярмарку и далее в Кяхту. К марту они возвращались в Иркутск на вторую ярмарку, уже с китайскими товарами, а в мае выезжали на Ленские и Якутскую ярмарки. В сентябре торговцы вновь собирались в губернском центре с большими партиями пушнины и дожидались новых обозов с российскими и европейскими товарами.

Значительное количество лавок гостиных дворов говорило в основном о высокой степени развития оптовой торговли. Большинство из них действовали только в период ярмарок, а в остальное время пустовали или использовались под складские помещения. Розничная же торговля велась на торговых рынках и в рядах, в лавках под домами. С 1763 г., когда горожане получили право строить лавки при своих домах, их численность быстро растет.

Основным товаром, с которым выходило сибирское купечество на внешний рынок и на российские ярмарки, была пушнина. Скупщики и агенты купцов собирали ее в кочевьях инородцев, а затем перепродавали на ярмарках. В начале XIX в. торговлей пушниной в больших размерах занималось 13 иркутских

Иркутский купец И. Л. Медведников

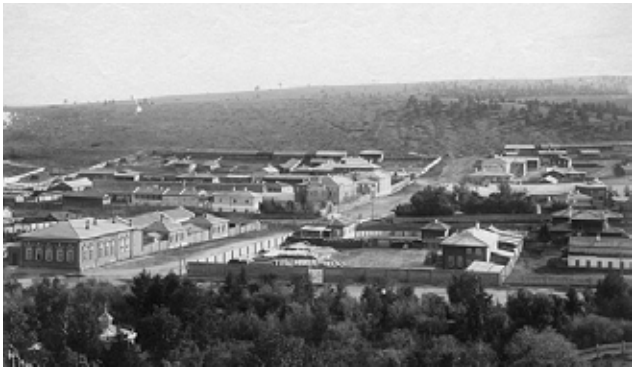
На ярмарку. Берег Ангары

купцов. Среди них были Ф. Медведников, закупавший до 250 тыс. белок, П. Трапезников – 128,6 тыс., В. Сухих – 130 тыс., П. Солдатов – 130 тыс., И. Малышев – 160 тыс. и др. Всего ими было закуплено более 1 млн беличьих шкурок, из которых более половины было променяно в Китай, остальные продавались на Иркутской и Ирбитской ярмарках. Иркутское купечество было основным поставщиком пушнины на китайский рынок.

Большие торговые прибыли привлекали в Кяхту купцов из различных мест России. Первоначально здесь полностью господствовал российский капитал, что отразилось на составе основных торговых компаний, из которых лишь одна – Тобольская – объединяла сибиряков. К концу XVIII в. ряд российских компаний распался, их место заняли сибирские – Тобольская, Иркутская, Заморская. Сибиряки, специализирующиеся на промене пушнины, вели торговлю лично и лучше знали состояние дел в Кяхте. Кроме того, им требовалось меньше времени для оборота капитала, так как основная часть выменянных товаров расходилась в пределах Сибири. Основные партии китайского чая реализовывались на крупнейших российских ярмарках в Нижнем Новгороде и Ирбите, а также в Москве. Контрагентами иркутских и кяхтинских торговцев выступали крупные российские чаеторговцы, через которых чай шел в розничную торговлю.

Близость кяхтинского рынка привлекала сюда не только крупные капиталы. А. Н. Радищев подчеркивал, что китайский торг питал многих «маломощних» купцов и мещан Иркутска. Делая в год до двух–четырех оборотов, они накапливали капиталы и переходили в более высокую гильдию. Обмен сибирской пушнины на китайские товары и реализация их на крупнейших ярмарках страны были одним из основных источников накопления капиталов. На подобных операциях один из богатейших иркутских купцов И. Медведников сколотил состояние в 7 млн рублей.

Мелочная торговля в Кяхте привлекала многих предпринимателей края, среди кото-

Кяхта

Упаковка чая в Кяхте

рых встречались торгующие крестьяне, разночинцы, даже ссыльные. Значительные размеры приобрела нелегальная торговля приказчиков, обозных служителей и ямщиков. Практически каждый из них привозил в Кяхту с купеческими караванами свои товары, обменивая их на чай. Ежегодно в Сибири расходилось до 4 тыс. так называемого совкового чая, похищенного обозными служителями. Проверяя специальными совками – железными штырями с желобом – количество и качество чая, они отсыпали фунт-другой из каждого цибика.

Важной статьей в обороте русско-китайской торговли была продукция кожевенного производства, в первую очередь, юфть. В развитие кожевенного производства вкладывали капитал такие крупные иркутские купцы, как Д. Ворошилов, Н. Мыльников, М. Сибиряков, С. Дудоровский и другие. На нужды внешнего рынка работали и многочисленные мелкие кожевенные заведения забайкальских крестьян и мещан, действовавшие по заказам верхнеудинских и кяхтинских купцов.

Развитие торговых отношений с Китаем сопровождалось увеличением грузопотока и способствовало развитию водного и гужевого транспорта.

Еще Г. И. Шелихов стремился установить морскую торговлю с Китаем через Кантон, а затем подобные попытки неоднократно предпринимала Российско-Американская компания. Наибольшую активность в реализации планов проникновения на рынки тихоокеанского региона проявляли иркутские предприниматели. Именно в их среде возникают планы переноса торговых операций на внутренние рынки Монголии и Китая. Интересен в этой связи проект создания компании на паях для организации и отправки в Пекин купеческих караванов, поданный в 1793 г. группой купцов. Считая, что кяхтинская торговля все более становится зависимой от китайской стороны, которая привозит в Кяхту товары «совсем избыточны и коих с рук в другие места не могут сбыть», компаньоны предлагали закупать в Пекине и вывозить в Россию такие необходимые стране предметы, как драгоценные металлы, сырье для промышленных предприятий (шелк-сырец, ревень, сахар и т. п.). Предполагалась даже промышленная переработка некоторых видов сырья. Планировалось в Иркутске или близь него строительство сахарного завода, для чего испрашивались государственные привилегии.

В 1798 г. на рассмотрение Государственного совета поступили прошение и ряд записок иркутского купца Ф. Щегорина, неоднократно бывавшего в Китае и хорошо знакомого с организацией китайской торговли. Анализируя состояние экономической политики России, он показывал, что ей не хватает стройности, четких правил и организации, выступал за развитие отечественной промышленности, мануфактур, ремесел, «за обилие в хлебе, металле и во всех продуктах, нужных к содержанию человечества». Несмотря на негативную в целом оценку бумаг Щегорина, некоторые мысли иркутянина нашли отражение в правилах Кяхтинской торговли 1800 г. и новом таможенном тарифе. А в постановлении Сената

Гостиный двор в Кяхте

от 1 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод, отличиях, преимуществ и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» было высказано пожелание, чтобы российское купечество впредь производило свой торг компаниями, особенно во внешней торговле.

Развитие тихоокеанских промыслов и торговля с Китаем требовали дополнительного кредитования, что было трудно сделать при отсутствии в стране банков. В качестве кредиторов выступали, прежде всего, сами купцы. Клиентура их складывалась из торговцев более низкого ранга, торгующих мещан и крестьян. Так, огромный для своего времени капитал иркутского купца первой гильдии Н. П. Мыльникова более чем наполовину состоял из долгов за разными людьми по векселям. Иногда в роли типичных ростовщиков выступали представители местной администрации и дворяне, превращая свои накопления в капитал и эксплуатируя его путем получения процентов. Давали деньги в кредит гражданский губернатор А. Толстых, надворная советница Штевенгова, губернский секретарь Бобров и др.

Первое кредитное учреждение в Сибири появляется во второй половине XVIII в.. Для внедрения ассигнаций и обмена их на монеты в стране стали открывать «променные конторы». Помимо размена денежной массы банковские конторы должны были изымать поддельные и ветхие ассигнации, обменивая их на медную монету.

В 1776 г. была учреждена банковская контора в Тобольске с капиталом в 1 млн руб. Спустя три года подобная контора была открыта в Иркутске. Ей было выделено 500 тыс. руб., но поступило только 355,5 тыс. руб. Учрежденная «банковская контора» была размещена в специально арендованном для этих целей каменном особняке крупнейшего иркутского купца М. А. Сибирякова. Первый банк в Иркутске возглавил известный ученый-натуралист А. М. Карамышев. Он был членом Вольного экономического общества и ряда европейских научных обществ, имел звание корреспондента Стокгольмской академии наук и

члена-корреспондента Российской императорской Академии Наук.

Появление первых банковских контор оказалось несколько преждевременным. Сибирское купечество не обладало еще достаточным капиталом и не могло осуществлять кредитные операции в больших размерах. В результате обменные операции были незначительны и убыточны для казны. В итоге, просуществовав всего десять лет, Иркутская банковская контора была ликвидирована вместе с Тобольской в 1786 г. «из-за малого обращения капиталов». Кроме контор занимались кредитованием приказы общественного призрения, учрежденные в 1775 г. При их учреждении было предписано отпускать им на нужды по 15 тыс. руб. из доходов соответствующих губерний, причем деньги эти можно было отдавать «за узаконенные проценты на верные заклады, но только на заложенные имения той губернии, где находился приказ». Кроме пассивных операций, приказы общественного призрения вели и активные: выдавали краткосрочные небольшие ссуды до 1 тыс. руб. под залог недвижимого имущества. В 1802 г., например, в течение года было предоставлено 13 кредитов иркутским купцам на общую сумму в 28,3 тыс. руб. Наиболее крупные ссуды получили Н. Мыльников и Н. Чупалов – по 5 тыс. руб., Н. Баснин и С. Киселев – по 4 тыс. руб. Иногда в качестве кредита использовались оставшиеся после смерти некоторых купцов капиталы при отсутствия прямых наследников. Такие бесхозные суммы

Суда у с. Лиственничное

В. Баснин

поступали в городскую думу, которая обращала их в ссудный капитал.

С ростом торговых операций и расширением товарных перевозок дополнительный толчок получило развитие городских промыслов и ремесла.

Во многих из них участвовало купечество. Уже в конце XVIII в. на Байкале сформировалось несколько рыбопромышленных артелей, состоящих из 20 и более пайщиков, держащих в своих руках весь промысел. Свои названия они получили по местам основного лова: Култукская, Каргинская, Березовская, Сухинская, Ольхонская. Каждая из них имела десятки неводов, суда для доставки работников к промыслам и вывоза улова. В Березовскую входили купцы Медведниковы, в Ольхонскую – Солдатов и Литвинцев, в Култукскую – братья Дудоровские, П. Трапезников, Т. Харинский. Кроме названных артелей рыбопромышленностью на озере занимались М. Сибиряков, П. Артенов, П. Иванов. Одной

Иркутский купец ?

М. Д. Баснина

из первых стала осваивать рыболовные ресурсы севера Байкала артель купца Киселева. Большинство из этих предприятий прекратили свое существование в первой четверти XIX в. Связано это было не только с упадком промыслов в юго-восточной части озера, но и с переходом крупных промышленников от артельного рыболовства к созданию самостоятельных предприятий по добыче, обработке и сбыту рыбы.

Развитие рыбопромышленности вызвало появление таких кустарных промыслов и ремесел, как строительство судов и лодок, вязание сетей и неводов, изготовление бочек. Причем специализировались на этих домашних работах в основном жители городов. В Иркутске весь период существовал цех рыбопромышленников, в состав которого входили не только промысловики, но и сетовщики, канатчики, прядильщики и даже рыбники – мелкие торговцы рыбой. Среди городских промыслов можно отметить заготовку леса и дров, ломку камня, разведение табака. Надо сказать, что практически все городские обыватели держали скот, имели сады и огороды, некоторые занимались земледелием. Но не следует преувеличивать земледельческие занятия горожан, так как они в основном носили подсобный характер и «по своей экономической сущности приближались к таким типичным городским занятиями, как торговля и промышленность».

В 1767 г. в документах называются алдерманы («начальник» цеха) по шести специальностям (цехам): кирпичному – Василий Чупров, плотницкому – Алексей Рысев, чарошному (вид мягкой кожаной обуви) – Григорий Сафронов, слесарному – Семен Ефимов, шерстобитному – Иван Белых и по «серебренному мастерству» – Андрей Обухов. В конце века в Иркутске отмечено уже 14 цехов. Ремесленных специальностей было, конечно, значительно больше. Как правило, в цех входило несколько родственных производств. Так, иркутский алдерман А. Рысев возглавлял

Выделка шкур

плотницкое, кадочное и ушатное мастерство.

Наглядное представление о состоянии ремесленного производства в Иркутске дает «Ведомость цеховых и мастеровых» за 1785 год. По ее данным, в городе насчитывалось в 14 цехах 1 275 ремесленников, представляющих 54 специальности. За вычетом малолетних и умерших реальное количество занимающихся различным ремеслом составляло 1 189 чел. Абсолютное большинство (ок. 80%) занималось переработкой сельскохозяйственного и минерального сырья. Остальные специализировались в добывающих промыслах. Первостепенное значение получила обработка животного сырья, где ведущей специальностью было кожевенное производство. В обработке кожи и изделий из нее было занято более 300 цеховых. К числу ведущих ремесел можно отнести также деревообрабатывающие, портновские, приготовление металлических изделий и кирпича. В самостоятельный цех выделялись мастера иконописи и малярных работ. Занятия ремеслом не являлись сословной привилегией

Пиление бревен на доски

цеховых. В разной форме и объемах ремеслом занимались мещане, разночинцы, крестьяне и даже ссыльные. Для более действенного использования ссыльных была создана система ремесленных или рабочих домов. В Иркутске такой дом был устроен в 1799 г. Первоначально он назывался «конторой строения домов и разных ремесел» и объединял до 100 ссыльных. Спустя два десятилетия в нем и в слободе, возникшей вокруг ремесленного дома, проживало уже до 1 000 чел.

Иркутск практически не знал примеров перерастания ремесленных мастерских в мануфактурное производство. Более характерным было внедрение купеческого капитала в те или иные отрасли, но оно не имело массового характера и почти всегда было подчинено торговой деятельности. Развитие сибирской промышленности тормозили также узость рынка рабочей силы, медленное накопление капиталов, дороговизна оборудования и сырья. Малочисленные и маломощные сибирские предприятия не могли серьезно конкурировать с продукцией российских фабрик и заводов. Они возникали и развивались лишь в тех отраслях обрабатывающей промышленности, которые были тесно связаны с местной сырьевой базой и обслуживали ближайший рынок. Лучше всего этим условиям отвечали винно-водочное производство, кожевенные, мыловаренные и свечные заведения.

Изготовление тележных колес

Пошив ичигов

Кяхтинская торговля способствовала развитию кожевенного дела в Иркутске. Характерной особенностью стало появление купеческих предприятий, которые по своим размерам и объему производства превосходили небольшие заведения мещан и цеховых. К началу XIX в. в городе действовало 42 предприятия, в числе которых было 16 кожевенных и один козловый заводы, 11 мыловаренных, 3 салотопных свечных, шляпная и полотняная фабрики, по два пивоваренных, солодовых и пильных заведения, водочный, котельный и колокольный заводики. А кроме этого были еще кирпичные заводики, кузнечные ряды, небольшое фарфоро-фаянсовое предприятие в окрестностях Иркутска. Среди промышленников были такие крупнейшие капиталисты, как купцы первой гильдии Н. П. Мыльников, М. В. Сибиряков, второй – С. Дудоровский, С. Киселев, В. Ситников. Так, Мыльникову принадлежали кожевенный и козловый заводы, шляпная фабрика, на которых было занято в 1801 г. 44 постоянных работника и до 10–15 чел. временных.

Внедрение купеческого капитала в производство во многом определялось торговыми интересами. Неслучайно купечеству принадлежала ведущая роль в развитии кожевенного дела, специализирующегося на изготовлении черной юфти для китайского рынка. За Знаменским женским монастырем располагались как купеческие мануфактурные предприятия Дудоровского, Лычагова, Мыльникова, Брянского, на которых было занято от 10 до 25 работников, так и небольшие мастерские, где работал сам хозяин и до 5 наемных работников. Некоторое развитие получило в Иркутске мыловарение и свечное производство, но они оставались на уровне мелкотоварного. Дешевизна сырья и примитивная технология привлекали сюда, как правило, цеховых и мещан.

Широкое распространение в Сибири дешевых китайских тканей и российского полотна обусловило замедленное развитие собственного сибирского текстильного производства. Официальные документы отмечали, что «полотно в здешнем крае вообще мало употребляется, почти во всеобщем употреблении… китайская материя, которая по дешевизне своей более доступна для жителей всех состояний». Единственной крупной текстильной мануфактурой была Тельминская суконная мануфактура, принадлежавшая казне. Ее

Вышивальщицы

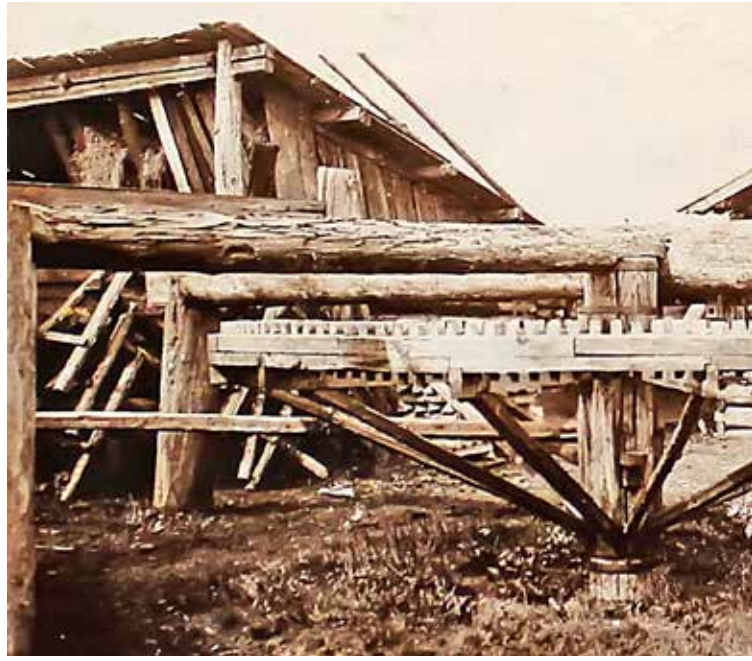
Бочарня

продукция в основном поступала в военное ведомство и не могла удовлетворить потребности населения в сукне. Губернские власти не раз пытались привлечь частный капитал в производство сукна, но желающих не находилось. В результате в 1808 г. в Иркутске появилась еще одна казенная суконная фабрика, действующая на капитал приказа общественного призрения. Она располагалась при ремесленном доме. На семи суконных и каразейных станах было задействовано около 112 ссыльных, а общий объем производства составлял до 6,7 тыс. аршин в год. Можно упомянуть еще о неудачной попытке завести полотняное производство известным иркутским купцом М. Сибиряковым. В 1798 г. он обратился в Мануфактур-коллегию с просьбой разрешить ему в Иркутске производство ревендука, тика, холста и других полотен для промена в Кяхте. Фабрика просуществовала всего несколько лет. В 1802 г. из-за дороговизны сырья и продуктов производство было приостановлено. А вскоре фабрику уничтожил пожар.

Деревообработка в Иркутске имела значительные размеры и отличалась широкой специализацией. Десятки людей были заняты в строительстве домов и речных судов, в производстве мебели. В Иркутске всегда были искусные резчики, талантом которых создавались резные иконостасы в церквях и плелись деревянные кружева фасадов и окон городских домов. Размах городского строительства вызвал к жизни лесопильное производство. В 1746 г. на Кае была устроена казенная лесопильная мельница. В 1760 г. она была перестроена и расширена.

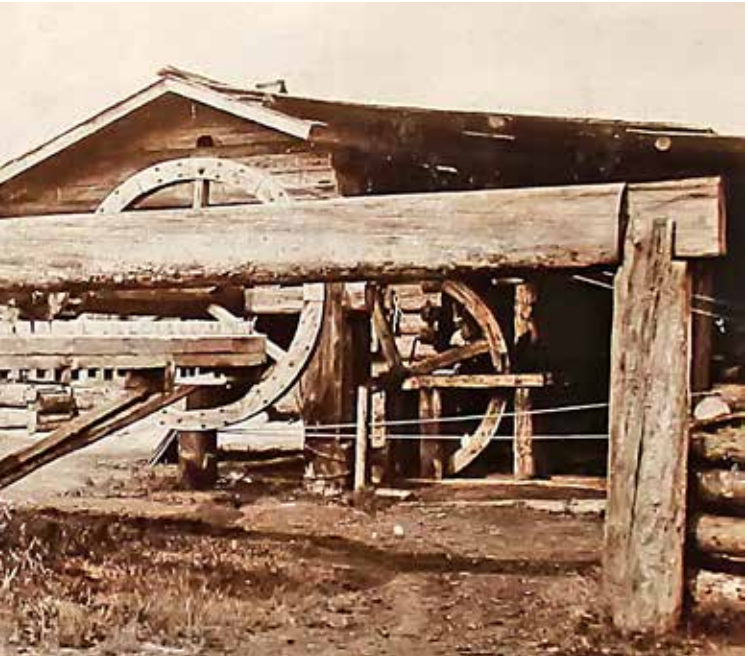
Металлообработка почти не выходила за рамки ремесленного производства. Неотъемлемой частью хозяйственной жизни края были кузницы. Они представляли собой мельчайшие заведения, основанные на семейной кооперации. Кузнечное производство в городах носило более специализированный характер. В Иркутске уже с конца XVII в. были кузнечные ряды. Со временем они были сосредоточены на окраине города у левого берега Ушаковки. В начале XIX в. насчитывалась 21 кузница. Медное производство ограничивалось двумя небольшими предприятиями: медным заводиком цехового П. Унжакова и колокольным – А. Унжакова. На обоих применялся наемный труд, правда, в небольшом размере. В 1811 г. на колокольном заводе работало всего 3 человека. Производительность его достигала 60 колоколов в год, в основном небольшого размера. Кроме того, производилось небольшое количество медной посуды.

Рост каменного строительства в городе повысил спрос на продукцию кирпичного производства. Но оно, представленное в основном

небольшими цеховыми мастерскими, не всегда могло удовлетворить потребности города. В 1794 г. Иркутская городская дума обращалась в губернское правление с просьбой устроить около города кирпичный завод «по причине недостатка кирпича и весьма дорогой оному цены». В качестве рабочих она намеревалась привлечь до 150 ссыльных из острога. Попытка устроить в губернском центре крупное кирпичное производство не увенчалась успехом, и на протяжении рассматриваемого периода оно сохраняло черты цехового ремесла. Новую страницу в истории местной стекольной промышленности открывает Тальцинская фабрика, устроенная в 1784 г. известным ученым Э. Г. Лаксманом и каргапольским купцом А. А. Барановым. Их предприятие применяло новую технологию изготовления стекла, основанную на использовании глауберовой соли вместо поташа. Тальцинская фабрика представляла собой посессионную мануфактуру, работающую на подневольном труде. Для обслуживания производства было выделено 20 ссыльных, в 1789 г. – еще 8 человек, в 1794 г. – 4. После смерти Лаксмана фабрика пришла в запустение и действовала не более 3–4 месяцев в году.

Колесное производство

4. Иркутск и Русская Америка

Экспедиция В. Беринга – А.Чирикова 1741 г. проторила дорогу к неведомым берегам северо-западной части Северной Аляски и многочисленным островам, богатым ценной пушниной. Результаты Второй камчатской экспедиции трудно переоценить. Было не только установлено наличие пролива между материками и рассеяны заблуждения о мнимых землях в Тихом океане к югу и юго-востоку от Камчатки, но и значительно уточнены представления о камчатском побережье, Охотском море и Курильской гряде, открыты Алеутские острова и Аляска. Не менее важными были сведения об огромных пушных ресурсах новых территорий.

С особым вниманием к результатам экспедиции Беринга присматривались иркутяне. Почти все участники Второй камчатской экспедиции неоднократно бывали в Иркутске, сюда же стекались донесения и отчеты. Местные власти занимались организацией снабжения огромной экспедиции и переброской людей, провианта и необходимого имущества. С середины XVIII в. Иркутск становится основной базой организации промыслового освоения островов Тихого океана и Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, набираются команды промышленников и мореходов. Сотни наших земляков участвовали в заморских вояжах на судах различных промысловых компаний. По данным иркутской городской думы, во второй половине XVIII в. среди работников тихоокеанских промыслов было более 200 иркутян.

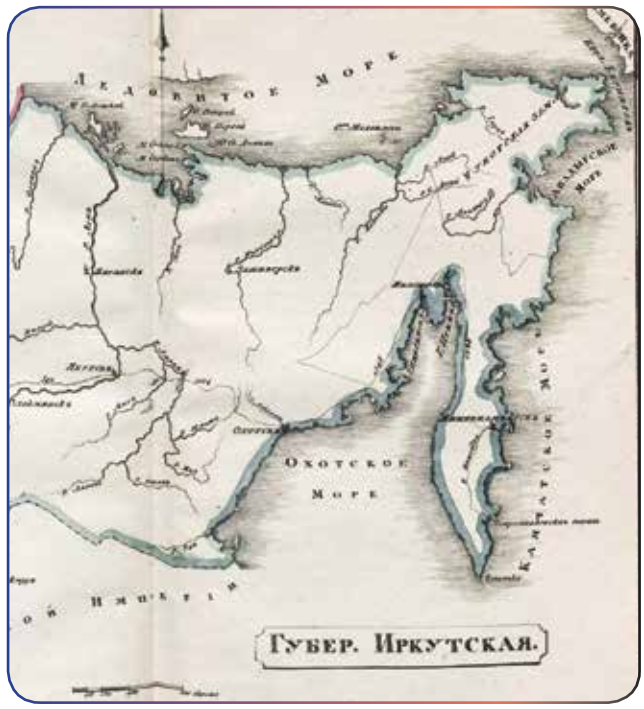
Иркутское купечество охотно вкладывало капитал в создание промысловых компаний на Тихом океане и реализацию привезенных из Америки мехов на российском и китайском рынках. На всю Сибирь гремели имена купцов-промышленников И. Бечевина, Н. Трапезникова, позднее М. В. Сибирякова, Н. П. Мыльни-

С пушниной

кова, Ф. Я. Дудоровского, братьев Киселевых и др. Вместе с купцами из других сибирских городов они открыли и освоили острова Командорские, Алеутские, Прибылова, а также побережье и острова залива Аляска. В течение XVIII в. промысловые компании сибирских и российских предпринимателей осуществили 110 плаваний по Тихому океану, добыв при этом различной пушнины почти на 8 млн рублей. Начало промысловому освоению островов, лежащих к востоку от Камчатки, положил сержант команды Охотского порта Емельян Басов, промышлявший зимой 1743–1744 гг. на острове Беринга, а затем открывший остров Медный. Компанию ему составил богатый иркутский купец Никифор Трапезников. Спустя несколько лет Трапезников организовал собственную компанию. В 1740–1760-х гг. иркутский промышленник принял участие в организации 22 экспедиций. Его суда плавали на Алеутские острова и впервые достигли острова Атха. В 1762 г. пришли ценные сведения об открытых ими островах Умнак и Уналашка. Несмотря на значительный риск, связанный с условиями плавания, тихоокеанские промыслы приносили значительный доход. Только одно судно Н. Трапезникова «Андреян и Наталья» в 1759 г. привезло мехов на сумму более чем 300 тыс. руб.

Организация промысловых экспедиций требовала больших затрат. Подготовка судна, снабжение его всем необходимым, наем

Карта Иркутской губернии

работных людей обходились в сумму до 10 тыс. руб. Часто это было не под силу одному предпринимателю, и тогда возникали купеческие компании на паях. Объединяться купцов заставлял и риск, связанный с морскими вояжами. Крушение судов, нападения туземцев могли привести к потере всего капитала. Крушение в 1768 г. принадлежащего Н. Трапезникову судна «Св. Петр и Павел» и банкротство некоторых его должников и компаньонов разорили промышленника, и он закончил свои дни в Иркутске в полной нищете.

Не менее печальной была судьба другого богатейшего иркутского купца – Ивана Бечевина. В середине 1750-х гг. им был разработан проект исследований морского пути из Камчатки в северную часть Сибири и поисков новых островов в Тихом океане. С этой целью он собирался отправить два судна: одно «вокруг Чукотских мысов до рек, впадающих в Ледовитый океан»; второе – к Алеутским островам. Планы осуществились лишь наполовину. В 1760 г. судно «Гавриил» под командою штурмана Г. Пушкарева побывало на Аляске и Алеутских островах. На обратном пути в сентябре 1762 г. бурей оно было занесено в небольшую

И. А. Кусков

Алекс. Баранов

гавань на камчатском берегу, которая с тех пор стала называться Бечевинской. Результатов плаваний иркутский купец не дождался. Во время «крыловского погрома» в Иркутске, когда столичный следователь П. Н. Крылов развязал настоящий террор против иркутского купечества, Бечевин был подвергнут пыткам и скончался в начале 1759 г.

В середине XVIII в. была предпринята первая попытка получить от правительства монопольные права на эксплуатацию пушных богатств островов, лежащих к востоку от Камчатки. Связана она с именем еще одного иркутского промышленника – Емельяна Югова. В 1746 г. он обратился в Сенат с челобитной, в которой просил предоставить ему с компаньонами исключительное право промышлять на Командорских островах. 3 августа 1750 г. на боте «Иоанн» Е. Югов отправился на промысел. Через четыре года судно вернулось в Охотск, доставив мехов на сумму более 65 тыс. руб. Однако самому Югову не удалось воспользоваться плодами успеха: он умер во время зимовки на острове Беринга.

Следует отметить, что усилению конкуренции в меховом тихоокеанском промысле содействовала политика правительства. В апреле 1764 г. Екатерина II направила специальный указ в Иркутск, в котором поощрялись купеческие промыслы на Тихом океане. Императрица освобождала купцов от казенных служб и повинностей, прощала их долги царскому двору. Следствием этой политики стал заметный рост купеческих компаний на Тихом океане. С середины XVIII в. в организации промысловых объединений отчетливо проявляются два основных направления. Первое было связано с деятельностью купцов, которые организовывали промысел самостоятельно, в одиночку, основываясь чисто на семейном капитале. Наиболее яркими представителями семейного бизнеса являлись компании иркутян Федора и Михаила Киселевых, Якова Протасова, якутского купца Павла Лебедева-Ласточкина, тотемских купцов братьев Пановых. Представители второго направления, наоборот, залогом успешной и стабильной деятельности считали различные формы совместной деятельности. Как правило, они не ограничивались только тихоокеанскими промыслами, а вкладывали капитал в развитие торговых операций на сибирском рынке, участвовали в кяхтинской

торговле, брали казенные подряды и откупы, открывали небольшие заводы и фабрики. Стремясь сохранить капитал, участвовали не в одной, а сразу в нескольких промысловых компаниях. Именно так действовали иркутяне М. Сибиряков, Н. Мыльников, Ф. Дудоровский, И. Сизых, тесно сотрудничавшие с Г. И. Шелиховым и другими промышленниками.

Положение изменилось в 1780-х гг. Возникла необходимость ведения регулярных промыслов, создания на островах постоянных факторий, быстрого оборота денежных средств, а значит надежного и стабильного сбыта «мягкой рухляди». В новых условиях продолжать предпринимательскую деятельность могли лишь те купцы, которые обладали значительными финансовыми ресурсами. В связи с расширением русских владений, возросшей конкуренцией с европейскими и американскими предпринимателями в северной части Тихого океана пайщики промысловых компаний все больше нуждались в непосредственной поддержке своих начинаний со стороны государства. Нужны были предприниматели иного масштаба, сметливые и удачливые,

Освоение Дальнего Востока

Г. И. Шелихов

умеющие зажечь и повести за собой, широтой своих взглядов и планов охватывающие не отдельные промысловые районы, а всю тихоокеанскую меховую торговлю. Таким человеком проявил себя Г. И. Шелихов. Рыльский купец, связавший с 25-летнего возраста свою жизнь с Иркутском и пушными промыслами на востоке, достаточно быстро становится заметной фигурой среди мореходов и промышленников. В августе 1781 г. он учреждает Северо-Восточную компанию. В отличие от традиционной практики, эта компания создавалась не на один конкретный вояж, а на срок не менее десяти лет.

В результате экспедиций Г. И. Шелихова 1783–1786 гг. было основано поселение в гавани Трех Святителей на острове Кадьяк, а также две крепости – на острове Агофнак и у входа в Кенайский залив на Аляске. В ходе этих плаваний неутомимый мореход подготовил обширнейший проект преобразований тихоокеанского пушного промысла. Удачное путешествие придало Шелихову решимости добиваться монополии на промыслы и торговлю на всех Алеутских островах и Аляске. Несмотря на поддержку Шелихова со стороны иркутских губернских властей и некоторых министров при дворе, императрица очень

Авачинская губа на Камчатке

Охотский порт

осторожно и сдержанно отнеслась к монополистическим устремлениям промышленников. В итоге планы Шелихова и Голикова были отклонены, а монаршая милость – их усердие было отмечено серебряными шпагами, золотыми медалями и похвальными грамотами – лишь подсластила пилюлю. Неудача не обескуражила Шелихова. Более того, вернувшись в Иркутск, он развил кипучую деятельность по реализации своих замыслов. Современники оставили различные, подчас противоречивые, характеристики «колумба росского».

Чтобы избежать обвинения в стремлении к монополии и одновременно расширить свою деятельность, Г. И. Шелихов стал создавать новые, «самостоятельные» компании. В 1790 году была образована Предтеченская, несколько позднее Курильская и Уналашкинская компании. С 1790 г. новым управляющим всех заокеанских территорий Шелихова стал каргопольский купец А. А. Баранов, с чьим именем связана вся последующая история Русской Америки. Он 28 лет состоял главным правителем российских колоний в Америке. Стремясь к укреплению и расширению российских владений, Шелихов мечтал объединить их вокруг единого центра – Славороссии. Особенно поражали своим размахом его планы открытия новых рынков для отечественной торговли. Он ходатайствовал за расширение торговли с Японией, Китаем, Батавией, Филиппинскими островами для сбыта добываемых в колониях мехов. В этой связи его внимание вновь привлекают Курильские острова и устье Амура как будущая база для развития торговых отношений с Японией.

В развитии торговых связей с Японией особую заинтересованность проявляли иркутские купцы. Еще с середины XVIII в. в городе было введено преподавание японского языка в местной навигационной школе. В начале 1790-х гг. в группе иркутских купцов и чиновников возник проект установления торговли с Японией. В сентябре 1791 г. появился именной указ «Об установлении торговых отношений с Японией». Поводом послужило желание Екатерины II вернуть на родину группу японских моряков, потерпевших кораблекрушение у российских берегов. Экспедиция отправлялась от имени иркутского генерал-губернатора. Возглавил посольство Адам Лаксман, сын известного ученого и одного из вдохновителей установления связей с Японией Эрика Лаксмана. Несмотря на то, что Япония уклонилась от подписания дипломатических и торговых договоров, российским купцам было позволено приходить в порт Нагасаки и производить торговлю.

Г. И. Шелихову не удалось дожить до реализации своих грандиозных замыслов. Его неожиданная смерть 20 июля 1795 г. в Иркутске заметно изменила расстановку сил на тихоокеанских промыслах. Последующие годы характеризовались, с одной стороны, резким обострением конкуренции среди промысловых компаний, доходившим нередко до во-

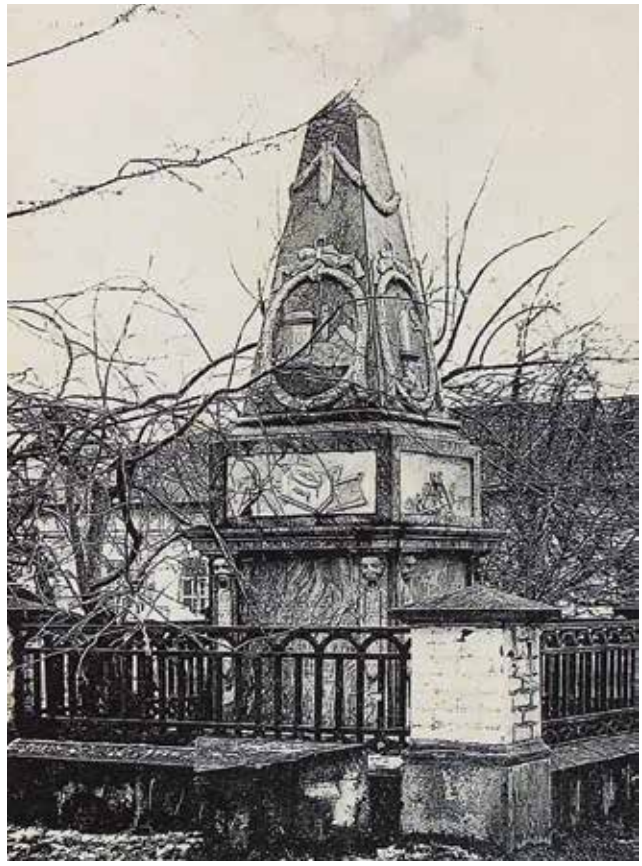
Флаг Российско-Американской компании

оруженных столкновений, а с другой стороны, именно в это время наиболее четко выявились тенденции к их объединению и стремление заручиться защитой и покровительством правительства. В ходе конкурентной борьбы основным противником клана Шелиховых стали купцы Мыльниковы, принадлежавшие к наиболее состоятельным купеческим родам Иркутска. Как самостоятельная, компания Мыльниковых начала действовать с июля 1792 г. В 1796 г Мыльниковы с группой иркутских купцов разработали проект дальнейшего развития торговых отношений с Японией. Их проект предполагал создание единой торгово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной Иркутской коммерческой компании. Кроме Мыльниковых в нее вошли купцы Мичурины, Дудоровские, М. В. Сибиряков, Е. Ларионов, бывший ранее приказчиком Шелихова. Присоединился к ним и московский купец Е. Деларов, возглавлявший до этого американские колонии. Для управления делами в Иркутске учреждалась Главная контора с филиалами в Охотске, на Камчатке и иных местах, где компания собиралась осуществлять свою деятельность. Первыми директорами были избраны Д. Н. Мыльников и С. А. Старцев. Иркутская коммерческая компания стала первой организацией со столь значительным числом участников. Это было уже не семейное предприятие, а компания, в которой проводились выборы ее правления.

В течение года в компанию вошли иркутские купцы А. Литвинцев, Е. Сухих, А. Останин, Л. Зубов, П. Иванов. В июле 1797 г. с ними стал сотрудничать главный компаньон Шелихова И. Л. Голиков, рассчитывающий с помощью иркутян справиться с семейством Шелиховых. В этой ситуации для наследников рыльского купца единственным выходом было последовать его примеру. Так произошло рождение Американской Соединенной компании, а вместе с тем было положено начало реализации планов Г. И. Шелихова.

Несмотря на серьезные противоречия между основными компаньонами, в течение всего 1798 г. утрясались правовые вопросы

Могила Г. И. Шелихова в Знаменском монастыре

объединения. Под руководством зятя Шелихова Н. П. Резанова был подготовлен Устав компании, и 3 августа 1798 г. в Иркутске был подписан официальный Акт. Из 20 человек, подписавших его, 14 принадлежали к богатым и влиятельным в Иркутске купеческим фамилиям. Компаньоны выразили желание, чтобы Главная контора неизменно находилась только в Иркутске. В ее подчинении находились конторы в Охотске, на Кадьяке, Уналашке и Курильских островах. Для лучшего ведения дел были учреждены конторы в Якутске, Кяхте и Москве. В состав Совета директоров компании, состоящего из четырех человек, вошли три иркутянина.

Клан Шелиховых не мог допустить утраты ведущих позиций в компании и готовился к решительной борьбе за восстановление своих монопольных прав. Решающую роль на завершающем этапе сыграл Н. П. Резанов. В 1799 г. он стал своего рода организационным и координирующим центром между Иркутском и столицей. Ему удалось выйти на ближайшее окружение Павла I и склонить его на свою сторону. 8 июля 1799 г. он подписал указ о создании Российско-Американской компании. Новой компании даровалось право «в течение 20 лет монопольно пользоваться промыслами и заведениями от 55 градуса северной широты на Алеутских, Курильских и других островах, делать новые открытия, пользоваться всем, что находится в недрах и на земле, основывать поселения, нанимать всякого состояния свободных людей».

27 декабря 1799 г. права и привилегии компании были подтверждены и закреплены жалованной грамотой императора. Н. П. Резанову удалось добиться перевода Главной конторы в Петербург, поближе к высочайшим покровителям. «Первенствующим» директором был выбран зять Шелихова М. М. Булдаков. Другой зять (Н. П. Резанов), по существу, получил функции протектора и «ходатая» по делам компании в столице. После перевода Главной конторы в столицу иркутяне были оттеснены на второстепенные роли.

Сам же Иркутск еще долго занимал заметное место в структуре Российско-Американской компании. Здесь находилась одна из контор, были построены «американские казармы», а многие из иркутян по-прежнему участвовали в морских промыслах. Российско-Американской компании в Иркутске принадлежало несколько заводов: смолокуренный, прядильный, кузнечный и скорняжный. Кроме того, губернский центр играл ведущую роль в снабжении заокеанских колоний. Не только купцы, но и многие мещане приобретали акции компании. Только у М. В. Сибирякова их было более чем на 20 тыс. руб. А всего в 1813 г. у 16 иркутян было на руках 712 акций, т. е. более 9% всех акций компании .

5. Образование, культура и повседневная жизнь горожан

Превращение Иркутска из острожного поселения в центр обширнейшей губернии сказалось на всех сторонах его жизни. Меняется внешний вид города, постепенно приобретая более развитую торговую инфраструктуру. Не менее серьезные изменения происходят в социальной и культурно-бытовой жизни иркутян.

Развитию интереса к окружающей среде, собственной истории, пограничным странам способствовали научные экспедиции, участники которых неоднократно бывали в Иркутске. Иркутяне с интересом встречались с Д. Г. Мессершмидтом, И. Г. Гмелиным, участниками Второй Камчатской экспедиции В. Беринга, а позднее с П. С. Палласом, И. Г. Георги и другими исследователями. Особое внимание, прежде всего у купечества, вызывали сведения о новых землях на восточных окраинах Сибири и островах Тихого океана. В городе уже с конца XVII в. оказывались посланники и торговые люди из различных мест Монголии, Средней Азии, Китая. Разными путями в город попадали представители таких отдаленных государств как Япония или Индия. Япон-

И. Г. Георги

И. Г. Гмелин

цы были в основном представлены потерпевшими кораблекрушение моряками.

Грамотность проникает в Сибирь вместе с русскими служилыми людьми и казаками. Об этом свидетельствуют их «отписки» и «скаски», челобитные и другие документы. В XVIII в. число грамотных людей в Иркутске растет. За отсутствием школ детей учили у писцов, подьячих, священников, отставных военных. Обучение было самым примитивным и имело целью научить лишь письму и чтению.

Петровские преобразования потребовали большего числа образованных людей, более углубленных знаний и опытных специалистов. Особенно остро эта проблема стояла в Сибири в связи с широкомасштабным изучением ее природных ресурсов, становлением горного дела, описанием и освоением восточных окраин и Тихоокеанского региона. Первая школа в Иркутске была открыта в 1725 году при Вознесенском мужском монастыре под именем «мунгальской». Первоначально в ней обучалось 25 учеников, но через десять лет их число выросло до 70. Принимали в школу сирот и детей священнослужителей и обучали русской грамоте и монгольскому языку.

В 1727 году с открытием русского отделения школу переименовали в русско-монгольскую, но после 1737 года преподавание монгольского языка прекратилось и школа превратилась в славяно-русскую. В 1740 году ее возглавил Павел Малиновский (архимандрит Платон) – бывший префект славяно-латинской школы в Киеве. При нем стала преподаваться латынь, а школа стала именоваться семинарией. В 1746 г. школа была закрыта, но при архиерейском доме продолжали обучение.

Духовные школы занимали заметное место в культурной жизни Сибири, но охватывали очень ограниченную группу населения. Обучались в них почти исключительно дети духовенства, продолжавшие стезю своих родителей. Эти учебные заведения уже не могли удовлетворить возросшие потребности государства и общества в светском образовании.

Первая публичная библиотека

Ремесленно-воспитательное заведение

В середине XVIII века в ряде городов Сибири стали открываться «гарнизонные цифирные школы», в которых солдатские дети обучались грамоте и началам арифметики.

В 1740-х гг. по инициативе иркутского вице-губернатора Л. Ланга была открыта школа для подготовки геодезистов и землемеров. В 1754 г. она была преобразована в школу «навигации и геодезии». Первоначально в ней обучалось всего 32 ученика. В программу подготовки учащихся входили арифметика, черчение, геометрия, геодезия, архитектура, судостроение и мореходство. С 1756 г. школу возглавил секунд-майор М. Татаринов, при котором было введено преподавание иностранных языков, а выпускники стали получать обер-офицерские чины. М. Татаринов одновременно возглавлял Иркутское адмиралтейство и ввел в школе подготовку штурманов. Среди иностранных языков в Иркутской навигационной школе изучались китайский и японский языки. Последний преподавали японские моряки, подобранные после кораблекрушения у Курильских островов. Они приняли христианство и получили русские имена – Григорий Свиньин, Василий Панов, Петр Черный.

И. Е. Кожевин. Вознесенский монастырь

С 1754 по 1765 гг. навигационную школу закончило 142 человека. Из них 27 выпускников были направлены в морскую службу, 51 – в горное ведомство, 6 – геодезистами на Дальний Восток, 1 – в медицинскую службу, 5 умерли. Остальные 51 человек, «непонятных и нерадивых», определили в солдаты и казаки. Выпускники Иркутской навигационной школы трудились по всей Сибири, участвовали во многих экспедициях, открывая, изучая и нанося на карты новые земли, реки, моря. Среди ее воспитанников были «пионеры» краеведческого изучения Восточной Сибири – архитектор и землемер, автор многих историко-географических работ А. И. Лосев, участник северо-восточной экспедиции И. И. Редовского геодезист и землемер И. Е. Кожевин и др.

Первые профессиональные училища в Иркутске охватывали незначительную часть населения. Основная масса жителей оставалась за гранью образовательного процесса. Купцы и зажиточные мещане довольствовалась домашним обучением, используя в качестве учителей представителей духовенства, чиновников, отставных солдат, ссыльных. Еще в 1760-х гг. городские власти сообщали,

Церковно-приходская школа Вознесенского монастыря

что школ в городе нет, «а обучают детей своих словесно, как оное есть обыкновенно грамоте у разных, а особливо духовных чинов». Домашнее образование давало самые простые знания, которые совершенствовались в ходе дальнейших практических занятий лавочными сидельцами, приказчиками и торговыми служащими.

В 1780 г. появился новый тип школы в Иркутской губернии – духовная семинария. Ее возникновение связано с именем епископа М. Миткевича. Это было сословно-профессиональное учебное заведение, курс обучения составлял 6 лет и делился на 5 классов. Учебный план включал в себя до 30 предметов. Будущие священники изучали алгебру и геометрию, риторику, филологию, богословие, философию, эстетику и другие предметы. В течение 25 лет семинария являлась единственным средним учебным заведением не только в губернии, но и на территории всей Восточной Сибири.

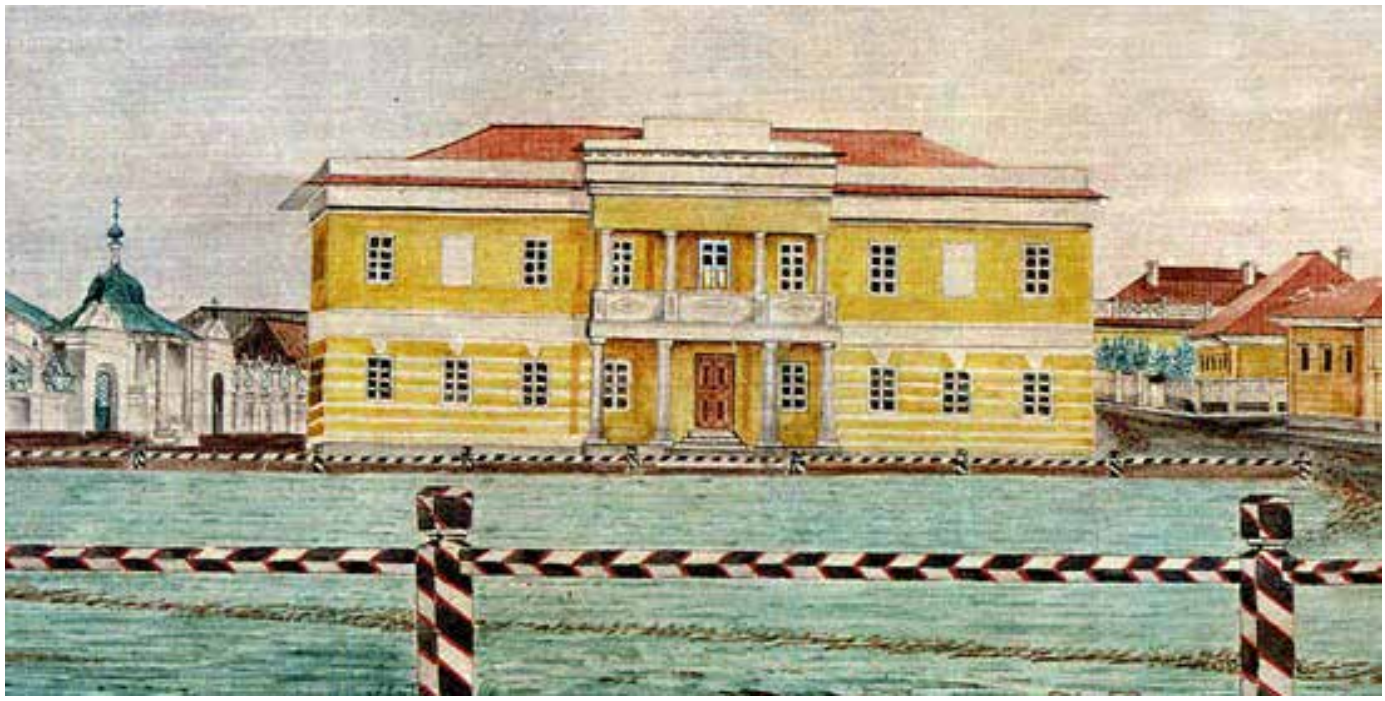
Первой светской общеобразовательной школой в Иркутской губернии считается Иркутская городская школа, открытая в 1781 г. Ее открытие стало возможным благодаря совместным усилиям местной администрации в лице губернатора Ф. Н. Клички и иркутских купцов. Это была элементарная школа, состоящая из трех классов: словесного, письменного и певческого. Для обучения в школе было набрано 135 учеников, которых разделили на 3 класса (два словесной грамоты и один арифметический). Иркутская городская школа была всесословна, в ней обучались дети чиновников и дворян, купечества, мещан и разночинцев. Несмотря на недостаток средств, низкий уровень обучения и консерватизм местного общества, школа способствовала расширению грамотности среди городского населения, приобщению его к печатному слову и культурным ценностям.

С открытием в 1789 г. главного народного училища градская школа с 43 учениками влилась в него, а само училище разместилось в ее помещении. Новое училище было рассчитано на четырехлетний срок обучения, к открытию его из Петербургской учительской семинарии были отправлены учителя. Кроме программы, предусмотренной Уставом, было введено обучение монгольскому, китайскому и маньчжурскому языкам, а с 1792 г. еще и японскому. С 1795 г. в училище стали преподавать также немецкий и французский языки.

Подавляющую часть учащихся составили купеческие и мещанские дети. Так, с 1789 по 1805 гг. в главном народном училище Иркутска прошло обучение 2 974 ученика. Из них более половины приходилось на долю купечества. Дети чиновников, дворян и разночинцев составляли около 45% учащихся. При училище была неплохая библиотека, пополнявшаяся пожертвованиями иркутян. Так, в 1802 г. иркутский купец Ф. Щегорин преподнес в дар китайских и маньчжурских книг более чем на 1 000 рублей. Собрание различных рукописей преподнес училищу купец Киселев, череп мамонта – гражданский губернатор А. И. Толстой, коллекцию минералов – маркшейдер Губанов. У вдовы ученого Э. Г. Лаксмана были приобретены библиотека и минералогическая коллекция.

Народное училище Иркутска первым в Сибири было преобразовано в 1805 году в мужскую гимназию. Тогда же были открыты в городе уездное и два приходских училища.

Многих горожан отличал интерес к прошлому своего города и края. Уникальным яв-

П. И. Пежемский. Тихвинская площадь в Иркутске

лением для Сибири были иркутские городские летописи. Во многих купеческих семьях велись или имелись списки этих погодных записей. Многие из купцов записывали рассказы и предания иркутских старожилов. Иркутские летописи с наибольшей полнотой выразили местную историческую традицию. На их страницах нашла отражение борьба купечества с произволом и злоупотреблениями местной администрации. Первую попытку обобщить городские летописи и составить своеобразный летописный свод предпринял в 1812 г. известный иркутский краевед, губернский землемер и архитектор А. И. Лосев. В отличие от других летописей труд Лосева не привязан к Иркутску. В нем представлен разнообразный и значительный материал о Восточной Сибири. Много сведений дается о научном изучении Забайкалья и северо-востока Сибири. Нужно иметь в виду, что в начале XIX в. историческое осмысление Сибири только начиналось, поэтому работа А. И. Лосева стала вообще первым опытом обобщения прошлого Иркутской губернии.

Продолжателями начатой А. И. Лосевым традиции стали П. И. Пежемский и В. А. Кротов, которые, используя различные источники, представили картину городской жизни за период с 1652 по 1856 гг. В XIX в. летописную традицию Иркутска с блеском продолжил библиограф и краевед Н. С. Романов, доведший ее до 1924 г. Удивительно, что эта традиция в Иркутске сохранилась до настоящего времени. Достойным продолжателем ее стал иркутский историк Ю. П. Колмаков, продливший летописный свод Иркутска до 1990 г.

Развитие интереса к книге привело к появлению в городе книжной торговли и домашних библиотек. Уже в 1770 г. небольшую торговлю книгами вели протоколисты Прозоров и Зеленский. В 1788 г. в лавке Гостиного двора торговал книгами поверенный вологодского купца В. Жукова иркутский мещанин М. Красноглазов. В конце XVIII – начале XIX века значительные книжные собрания были у купцов Дудоровских, Казанцевых, Сибиряковых, Трапезниковых, Саватеевых, Старцевых и др. Позднее славилась своей обширностью библиотека В. Н. Баснина, который предоставлял книги для чтения всем желающим. Николай Полевой отмечал, что еще мальчиком перечитал тысячи томов различных книг

от стихов Карамзина до подшивок «Вестника Европы» в домашней библиотеке своего отца. Повышенный интерес к книге в иркутском обществе подчеркивала и его сестра Е. А. Авдеева-Полевая. «В Иркутске издавна, – писала она, – были библиотеки почти у всех достаточных людей, и литературные новости получались там постоянно. Чтение – лучший просветитель ума, и соединение его с бытом чисто русским издавна образовало в Иркутске общество чрезвычайно оригинальное и вместе с тем просвещенное».

По мере распространения грамотности потребность в книгах возрастала. Ее уже не могли удовлетворить домашние библиотеки, имевшие узкий круг читателей. Первая публичная библиотека была открыта в Иркутске 3 декабря 1782 г. Идея ее создания полностью принадлежит Иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке. Он смог убедить иркутян в необходимости публичной библиотеки. Его идею активно поддержали ученые-натуралисты Э. Г. Лаксман и А. М. Карамышев, полковник С. Бентам, Г. И. Шелихов и другие иркутские купцы. Для библиотеки в центре города было построено трехэтажное каменное здание, на фронтоне которого было высечено: «Матерью Отечества дарованных книг хранилище, сооруженное попечением начальства и иждивением граждан». Сам губернатор пожертвовал библиотеке более 200 книг, в том числе издание знаменитой французской энциклопедии. Его примеру последовали сотни жителей Иркутска и уезда. К началу 1783 г. в библиотеке насчитывалось 1 304 названия книг стоимостью более 5 тыс. рублей.

Скоморохи

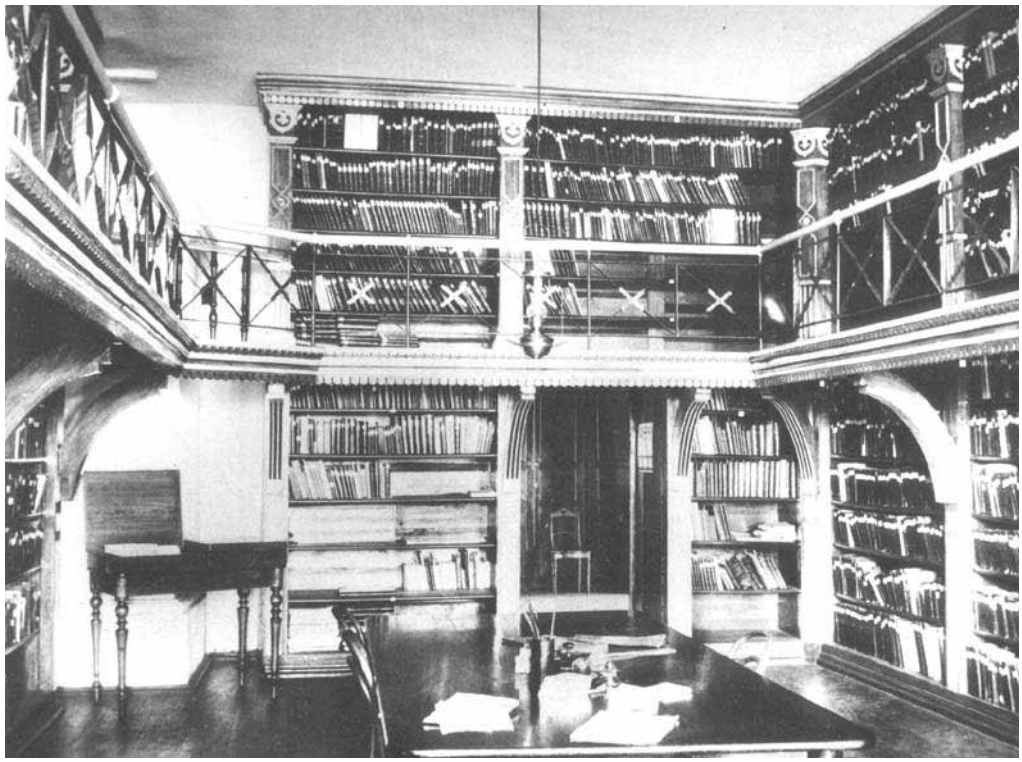

Э. Г. Лаксман

Иркутская библиотека была уникальным явлением для провинциальной России. Она была открыта для всех жителей Иркутской губернии, пользование ею было совершенно бесплатно. Читать книги можно было как в самой библиотеке, так и на дому, причем с особого разрешения их можно было увозить в другие города губернии. В 1789 г. библиотека была передана главному народному училищу, а в начале XIX в. вместе с ним вошла в состав Иркутской гимназии. К этому времени ее книжный фонд состоял из 1 108 названий в 2 407 томах на русском, китайском, греческом, немецком, французском языках.

При публичной библиотеке был организован стараниями Э. Г. Лаксмана небольшой музейный кабинет, он занимал одну из комнат библиотеки. В нем были представлены образцы и макеты различных современных «диковинок»: телескоп, электрическая машина, орудие приготовлять целительные воды, а также

Публичная библиотека

модели фабрик, водоходных судов, различные минералы и гербарии растений.

Таким образом, к концу XVIII в. школьное образование, библиотеки, коллекции музейных редкостей, частные книжные собрания становятся неотъемлемым элементом повседневной жизни иркутян.

Наряду с этим все большую роль в формировании культурного пространства города начинают играть живопись и различные проявления музыкально-театральной жизни. Именно они придавали завершенность городской культуре, так как исторически были присущи именно городу. В течение XVIII в. искусство в основном было представлено мастерами иркутской школы иконописи.

Картины и гравюры И. Люрсениуса, А. Е. Мартынова, Е. М. Корнеева, Бомануара, иркутян А. И. Лосева, В. Алексеева, В. Кожевникова донесли до нас городской пейзаж Иркутска и различные бытовые сценки. Самобытным мастером портретной живописи был учитель рисования иркутской гимназии М. Васильев.

История иркутского театра восходит к традициям скоморошества и народного кукольного театра (вертепа). Вертепные представления устраивались на святках, а также между рождеством и масленицей. Вертепы были очень популярны у простых обывателей города, поэтому делались попытки создания стационарных кукольных театров. «Какой-нибудь мещанин, – писал Н. С. Щукин, – нанимал в большом доме, среди города, квартиру, сооружал вертеп, набирал певчих и пускал зрителей по пяти и десяти копеек за вход; над воротами дома горел фонарь».

Широко были распространены различные музыкальные инструменты. Китайские посланники в 1714 г. заметили в Иркутске «колокола, барабаны, деревянные флейты, сиповки, с медными струнами гусли и скрипки». Скрипки были очень популярны среди иркутян. В XVIII в. в домах зажиточных горожан появились ручные органы, а с конца века в домашний быт входят и такие сложные музыкальные инструменты, как фортепиано. На них музицировали в домах некоторых чи-

новников и купеческих особняках. Важным моментом в формировании музыкальных и зрелищных вкусов стало появление военных духовых оркестров, а также хоровых коллективов. Без оркестров не обходилось ни одно официальное торжество, а также балы и маскарады, которые давались губернаторами и городскими властями. На рубеже XIX в. в Иркутске действовало пять крупных хоров: архиерейский, казачий, солдатский, полицейский и хор молодых чиновников. Особо выделялся казачий хор, который «пел весьма искусно и прекрасно исполнял концерты Бортнянского».

Во второй половине XVIII в. в России получает развитие театральное искусство. Театральные пьесы с большим интересом читались в Иркутске, а ссыльные и приезжие чиновники рассказывали о театральных постановках в Петербурге и Москве. В 1787 г. любительский театр возник и в Иркутске. Его активным поборником стала жена чиновника В. А. Троепольского, которая была в своем театре и режиссером, и актрисой. Любительская труппа ставила разнообразные спектакли – от классических пьес А. П. Сумарокова до комедий А. О. Аблесимова и Д. И. Фонвизина. Театр Троепольской предназначался для избранного «благородного» общества. Любительские спектакли для узкого круга ставились в помещении «благородного собрания», мужской гимназии, в губернаторском доме. В 1803 г. купеческий сын Е. П. Солдатов открыл театр уже «для всей публики».

Таким образом, к концу XVIII в. в Иркутске сложилась достаточно насыщенная культурная жизнь. Здесь, как ни в каком другом городе Сибири, сформировалась благоприятная атмосфера для творчества, возникла общественная потребность в приобщении к высокому искусству, образовалось довольно многочисленное ядро творческой интеллигенции, представленной различными социальными слоями общества. Здесь жили и творили известные ученые и деятели культуры: Э. Г. Лаксман, А. М. Карамышев, Ф. И. Ланганс, В. И. Лосев, В. Алексеев, П. А. Словцов и многие другие. Особенностью культурной

М. А. Васильев. Портрет Н. Т. Баснина

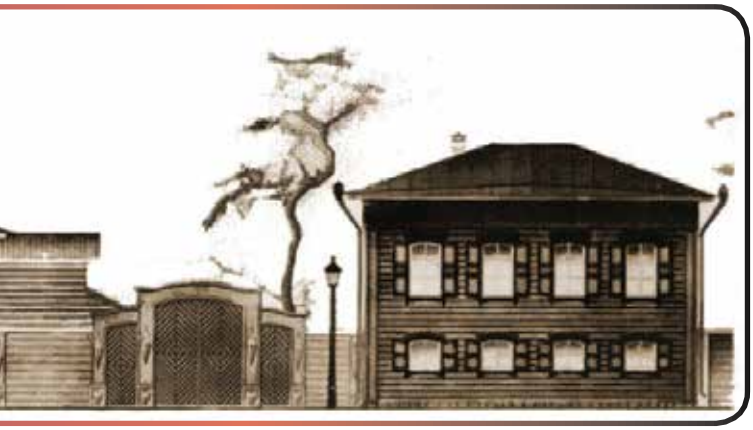
Панорама улицы Иркутска. Реконструкция

Вид Иркутска из Глазкова

жизни города было то, что все эти новации не замыкались в каком-то одном слое населения, а захватывали основную массу чиновничества, купечества и мещанства.

За одно-два поколения произошли разительные перемены. Если купечество середины XVIII в. далеко не все могло подписаться за себя, то их дети и внуки получали образование, ездили в столицу и даже за границу, обладали более широким кругозором и уже по-иному расценивали свое значение в экономической и общественной жизни страны. Все это способствует не только совершенствованию приемов и правил предпринимательской деятельности, но и появлению новых морально-этических норм и ценностей, среди которых приоритет получают просвещение, собирание культурных ценностей, любовь к книге, благотворительная деятельность. И что самое интересное: среди этих любителей книг, картин, театра, щедро дающих деньги на культурное и социальное развитие общества, все те же имена Сибиряковых, Басниных, Дудоровских, Медведниковых, Кузнецовых, Трапезниковых. Один из первых иркутских краеведов Н. С. Щукин имел все основания гордиться высоким уровнем культуры своего родного города. «Представь себе, – писал он, – здешние купцы имеют богатые библиотеки, выписывают все журналы, все вновь выходящие книги. Дочери их и жены занимаются чтением, играют на фортепиано. В Сибири, любезный друг, в Сибири, о которой все имеют такое низкое мнение, – в этой дикой и холодной стране удивляются стихам Пушкина и читают Гомера».

Новый облик города, значительные изменения, произошедшие за столетие в социальной и культурной жизни Иркутска, оказали заметное влияние на бытовую культуру горожан.

Еще в середине века город ничем не напоминал столицу Сибири. Дома были скромные, без украшений и обстановки, жители ходили в простых русских одеждах, хотя и сшитых из-за дешевизны из китайского материала. Нравы и быт были патриархальными. В конце же XVIII в. путешественники и бытописатели отмечают изменения в укладе жизни горожан, связанные с новой планировкой города и жилых зданий, одеждой и украшениями, временем препровождения, тягой к культуре.

Уже в начале XVIII в. в домах иркутян явственно был заметен «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских бытовых вещей и утвари. И. Г. Георги писал, что в городских домах «комнаты украшены китайскими картинами, куклами, вазами, разными поделками, отличным фарфором, эмалированными и лакированными вещами и всякими приборами, стены оклеены обоями. В трактирах подают некоторые китайские фрукты и варенья, что говорит о близости Китая и хорошей торговле». Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы

Ст. Катерля. На Тихвинской площади

и овощи. У многих горожан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Большинство жителей городов и сельских поселений «носили рубашки из фанзы и дабы». Интересно, что наряду с предметами быта и продуктами, другой немецкий исследователь, Г. В. Стеллер, нашел в иркутянах еще и «китайскую заносчивость».

В Иркутске не редкостью было услышать речь на китайском, монгольском и даже

Народные танцы

японском языках, а среди горожан было немало людей, побывавших по торговым делам в Монголии и Китае. Разными путями в город попадали представители далеких азиатских стран. В 1720-х гг., например, в Иркутске некоторое время проживал индийский купец из Дели с диковинным именем Парессотемагир. Он очень заинтересовал немецкого исследователя Д. Г. Мессершмидта, который брал у него уроки индийского языка и записал с его слов различные сведения о выращивании и сборе различных сортов чая. В городе ученый встретил еще двух нищих индийцев, а также тангутского (тибетского) слугу индийского купца, который побывал в Индии и Китае, мог говорить на 7 языках, но писать не умел.

Интерес к восточной экзотике проявлялся даже в сфере досуга. На балах-маскарадах, которые проводились в городе с конца XVIII века, многие участники наряжались в одежды народов Сибири и сопредельных стран – «китайцев, японцев, курильцев, алеутов и других дикарей». Причем, как отмечал генерал-губернатор С. Б. Броневский, они были не только оригинальными, но «и совершенно точными». В бытовой среде получили распространение китайские обычаи, связанные с застольным этикетом и культурой чайной церемонии. Пожалуй, наиболее укоренилось в повседневной жизни сибиряков чаепитие, ставшее не менее массовым и почитаемым, чем в Китае.

Причудливые образы Востока проникали даже в застройку городов. В декоре некоторых церквей и жилых домов зажиточных горожан явственно проступал восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей. В самом Иркутске практически не знали образцов классического стиля, поэтому даже беседки и другие строения для отдыха строились по восточным канонам, перенесенным «с чертежей и китайских картин». У многих чиновников и купцов имелись собрания китайских картинок и предметов прикладного искусства. Участники академических экспедиций, встречаясь с купцами, торговавшими в Китае, покупали у них редкости, ткани и

Открытка с персонажами романа Жюль Верна

бытовые предметы. Так, Д. Г. Мессершмидт у одного иркутского купца пытался выторговать несколько китайских изображений, но их цена оказалась ученому не по карману. Тогда он купил у него за 3 руб. китайского идола. Одно из первых собраний китайских произведений сложилось у иркутского вице-губернатора шведа Лоренца Ланга, не раз бывавшего с дипломатическими поручениями в Пекине. В его составе были две большие китайские картины на бумаге, 11 шпалер кожаных, разрисованных золотом, один органчик черный лаковый, 11 картин на бумаге. После смерти Ланга коллекция была выкуплена у наследников и передана в собрание Кунсткамеры.

С конца XVIII в. жители городов Байкальской Сибири, прежде всего Иркутска, получили возможность знакомиться с элементами жизни и быта коренного населения Аляски и островов Тихого океана. Активное освоение сибирским купечеством Русской Америки приводило к тому, что в домах руководителей и участников морских вояжей начали появляться экзотические предметы, образцы

Костюм эвенкийской девушки

минералов и растений заокеанских территорий. Некоторую информацию об этих местах могли предоставлять те немногочисленные представители далекого мира, которые попадали в Иркутск. Известно, что Г. И. Шелиховым было привезено 12 алеутских мальчиков для «обучения их российской словесности и наукам». Они жили в доме Шелихова и даже приглашались на различные праздничные мероприятия в городе. Так, на балу, который давал иркутский губернатор М. М. Арсеньев, «оне делали собранию удовольствие по своим обычаям производить при вокальной музыке свой танец».

Одним из первых обратил внимание на природные и культурные артефакты тихоокеанских территорий ученый-натуралист и коллекционер Э. Г. Лаксман. Вероятно, от своего компаньона по Тальцинскому стекольному заводу А. А. Баранова, возглавившего с 1790 г. русские колонии на Аляске, он мог получать образцы растений и животных, горной по-

Костюм молочницы

роды и предметы быта коренного населения. Отправляя своему коллеге И.-А. Эйлеру в декабре 1785 г. пять видов полотна, изготовленных жителями островов Тихого океана, он отмечал, что «эти дикари обнаруживают весьма хороший вкус в своих рисунках. И краски довольно приятны, не говоря уже об искусстве изготовления…» В другом письме сообщал о посылке предметов, полученных «из самых отдаленных Алеутских островов». Большая коллекция раковин и зоофитов, насекомых и рыб, а также гербарий были переданы им в Академию Наук после экспедиции его сына в Японию.

Таким образом, раннее знакомство Иркутска с восточной культурой привело к формированию самобытного и разнообразного городского быта, к развитию гражданского и культурного кругозора жителей.

XII.

Иркутская епархия

и ее роль в укреплении православия и духовного потенциала

1. Учреждение самостоятельной Иркутской епархии
2. Монастыри Иркутска
3. Церковное строительство
4. Духовенство

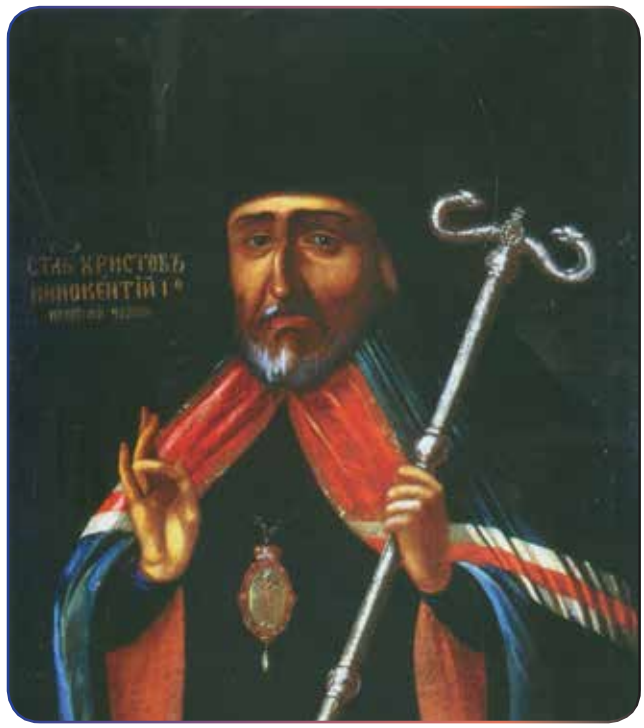

1. Учреждение самостоятельной Иркутской епархии

В декабре 1706 г. тобольский митрополит Филофей (Лещинский) решил учредить Иркутское викариатство, главой которого стал наместник киевского Пустынно-Николаевского монастыря Варлаам Коссовски. Он стал именоваться епископом Иркутским и Нерчинским. Под его управление передавалась Даурская десятина, за исключением Селенгинского Троицкого монастыря и приграничных с Китаем территорий, что составляло 42 церкви и 4 монастыря. Епископ Варлаам прибыл в Иркутск в 1707 г. и управлял викариатством 2,5 года. В 1709 г. из-за конфликта с тобольскими властями о юрисдикции Киренской десятины и недостаточного содержания он покинул Иркутск и направился в столицу. Там он до 1714 г. представлял Сибирь в Синоде, а после получил новое назначение.

Озабоченный судьбой церкви на востоке митрополии, тобольский архиерей Филофей (к этому времени схимонах Феодор) совершил в 1719 г. пастырский визит в эту часть своих владений. К тому времени ему уже шел 70-й год. Он стал единственным тобольским митрополитом, посетившим Иркутск. Викариатством управляли местоблюстители: архимандрит Вознесенского монастыря Антоний Платковский (1719–1720, 1721–1725), иеромонах Вознесенского монастыря Корнилий (1720–1721), протоиерей Спасской церкви Иркутска П. Г. Шульгин (1725–1727).

21 января 1727 г. правительство приняло решение об учреждении самостоятельной Иркутской епархии. Первым самостоятельным епископом Иркутским и Нерчинским стал Иннокентий (Кульчицкий). С 1727 по 1731 г. юрисдикция иркутского епископа распространялась лишь на территорию бывшего викариатства. В 1731 г. правительство передало в состав Иркутской епархии территорию Киренского, Якутского духовных правлений, оставшуюся часть Забайкалья и Дальний Восток. В 1796 г. в состав епархии включили часть приходов Приенисейского края, а позднее территорию Русской Америки. В результате Иркутская епархия превратилась в самую большую церковную область Российской империи.

Иннокентий (Кульчицкий)

Первым церковно-административным органом Иркутской епархии стал архиерейский приказ, сформированный в 1727 г. Он размещался в Вознесенском монастыре. В марте 1746 г. вместо него были созданы два органа: архиерейский дом и духовная консистория. Архиерейский дом занимался управлением земельными владениями епископа и его обслуживанием (подготовка выезда, столовые припасы, облачение и др.). Духовная консистория ведала делами церковного управления, она состояла из присутствия и канцелярии. Возглавлял консисторию наместник, он же председатель присутствия. Эту должность в XVIII в. занимал настоятель Вознесенского монастыря. Консистория также размещалась в Вознесенском монастыре и лишь в 1755 г. была переведена в Иркутск.

Интерьер Вознесенского собора

В течение XVIII столетия во главе Иркутской епархии сменилось 5 архиереев. Четыре из них являлись выходцами из Малороссии. Все иркутские епископы были людьми образованными, преданными делу церковного служения и оставались во главе епархии до самой кончины. Они внесли огромный вклад в историю православия в Сибири, обустраивали епархию, но каждый из них запомнился верующим по-своему.

Епископ Иннокентий (в миру Иван Кульчицкий) родился ок. 1680 г. Образование получил в Киевской духовной академии. В 1706 г. принял монашество и начал служение в Киево-Печерской лавре, затем преподавал в Славяно-греко-латинской академии, некоторое время служил в сане обер-иеромонаха на флоте. В 1720 г. был назначен главой духовной миссии в Китай и посвящен в сан епископа. В 1722 г. епископ прибыл в Иркутск, но китайские власти отказались принять его. В течение нескольких лет он был вынужден проживать в монастырях Иркутска и Забайкалья. Только в 1727 г., когда была образована Иркутская епархия, Иннокентий вернулся в Иркутск и стал главой новой епархии. За короткий срок пребывания на кафедре он сумел заслужить уважение со стороны прихожан. Был одним из образованнейших людей своего времени и много внимания уделял просвещению населения и исправлению нравов духовенства. Сохранившиеся до наших дней послания и грамоты святителя говорят нам о тех высоких требованиях, которые он предъявлял к себе и окружавшим его людям, принявшим на себя обязанности духовного служения. Он сумел сохранить школу при Вознесенском монастыре, иногда проводил там занятия. В свободное время писал иконы. Умер святитель в 1731 г. Еще до официальной канонизации жители Прибайкалья имели в домах иконы с его изображением.

Более сложной и противоречивой была личность второго епископа – Иннокентия (Неруновича). Иннокентий (Иван Нерунович) родился в 1690-е гг. в Киеве, окончил Киевскую духовную академию, с 1727 г. преподавал пиитику в сане иеромонаха. В 1728 г. был переведен в Москву в Славяно-греко-латинскую академию, а с 1730 г. стал ее префектом. Назначение Иннокентия на иркутскую кафедру состоялось 5 июня 1732 г., а в Иркутск святитель прибыл в октябре 1733 г. Иннокентий (Нерунович) добился решения вопроса о размежевании двух сибирских епархий, составил проект христианизации коренного населения, поддерживал церковное строительство. При нем было построено около 30 церквей. На период его управления приходится расцвет школы при Иркутском Вознесенском монастыре, была открыта школа при Якутском Спасском монастыре. Епископ совершил пастырские поездки в Якутию и Забайкалье, активно занимался миссионерской деятельностью, крестив лично более 500 якутов и бурят.

В то же время он отличался жестким нравом, неуступчивостью и подозрительностью. Иннокентию (Неруновичу) не удалось установить отношения с гражданскими властями, а с вице-губернаторами Алексеем Жолобовым и его преемником Андреем Плещеевым он

Иннокентий (Нерунович)

вступил в конфликт. Епископ гневно обличал «заводителей кабаков», что сказалось на отношениях с купечеством. Сложно складывались отношения епископа с духовенством. За каждый из проступков следовало справедливое наказание, особенно для «уличенных в пьянственном грехе». В то же время епископ защищал каждого священника или причетника во время «разборов». В 1737 г. он приказал произвести насильственное пострижение всех вдовых священников в монахи, вопреки запрету правительства. В начале 1740-х гг. он повторил подобную практику. Решение епископа вызвало ропот и недовольство среди духовенства.

В мае 1744 г., почувствовав отчужденность, он удалился от дел и уединенно проживал в Жилкинском ските Вознесенского монастыря. Удаление епископа сказалось на делах в епархии. Ревизия 1744 г. выявила в монастырях множество «бесхозного люда». Епархии был предъявлен штраф в размере 2 415 руб. 23 января 1746 г. Синод потребовал приезда епископа для отчета. 13 августа 1746 года епископ покинул Иркутск и выехал в столицу. Для епархии он оставил последний дар – 3 810 руб. из сэкономленных личных сумм. Из-за болезни святитель остановился в Братске. Умер он в Братской Спасской пустыни 26 июля 1747 г. В 1840 г. купцы П. Саламатов и М. Булдаков построили над могилой владыки часовню с надгробным камнем. В 1960 г. останки были перезахоронены в Иркутске, а с 2001 г. покоятся в Знаменском монастыре.

Уважением среди верующих Восточной Сибири пользовался третий иркутский епископ – Софроний (Кристалевский). Софроний (Стефан Кристалевский) родился в декабре 1703 г. в Полтавской губернии в семье сельского священника, образование получил в Переяславской семинарии, в 1730 г. принял монашество, а позднее стал игуменом Красногорского Покровского монастыря. В 1745 г. он был переведен наместником в Александро-Невскую лавру и стал духовником императрицы Елизаветы Петровны. В 1753 г. Софроний получил назначение на иркутскую кафедру. В Иркутск архиерей прибыл 20 марта 1754 г. После шестилетнего отсутствия главы епархии иркутяне встретили архиерея с ликованием.

Уважение к Софронию среди сибиряков заметно возросло после того, как он резко выступил против бесчинств следователя Крылова, что послужило началом разбирательства в отношении самого следователя. Софроний открыл школу при архиерейском доме. Осо-

П. Пежемский. Церковь в Качуге

Спасская церковь в Иркутске

Софроний (Кристалевский)

бое внимание уделял обустройству действовавших церквей: ряд храмов были перестроены в каменные, запрещалось топить печи «по-черному», был организован сбор средств на приобретение колоколов и др. Серьезным испытанием для епископа стала секуляризационная реформа 1764 г. Благодаря его стараниям и деятельности большинство монастырей Иркутской епархии удалось сохранить. Умер епископ 30 марта 1771 г. и похоронен в Богоявленском соборе. В 1918 г. он был канонизирован Собором Русской Православной церкви.

В 1772 г. Синод назначил на иркутскую кафедру Михаила (Миткевича). Михаил (Матвей Миткевич) родился в 1720 г. в Черниговской губернии. Образование получил в Киевской духовной академии. В 60-е гг. XVIII в. был переведен в Сибирь и определен архимандритом Тобольского Знаменского монастыря. До назначения на иркутскую кафедру был ректором Тобольской семинарии, затем Казанской духовной академии. 5 декабря 1772 г. в Казани был посвящен в сан епископа. Михаил прибыл в Иркутск 15 марта 1773 г. При нем активизировалось церковное строительство, было построено 29 новых храмов. В Иркутске и других городах завершилась перестройка деревянных церквей в каменные, начатая при Софронии. Епископ сумел организовать поставку в Иркутск икон. Было принято решение о строительстве за Крестовоздвиженской церковью колокольного завода.

Наибольшее внимание Михаил (Миткевич) уделял подготовке лиц для церковного служения. При нем были усилены требования к кандидатам на священнические места и ужесточен отбор. Понимая, что епархии необходимо свое учебное заведение, епископ добился в октябре 1779 г. решения Синода об открытии в Иркутске духовной семинарии и стал ее первым ректором. Умер архиерей 1 августа 1789 г. и был похоронен в Богоявленском соборе Иркутска.

В декабре 1789 г. главой Иркутской епархии стал Вениамин (Багрянский). Его правление было самым продолжительным в истории епархии. Оно ознаменовало завершение XVIII столетия и начало нового этапа в истории епархии.

2. Монастыри Иркутска

Огромное значение для укрепления православия в городе и крае имели монастыри. В восемнадцатом столетии активно развивался Вознесенский монастырь. В 1724 г. к нему были приписаны Посольский Преображенский монастырь и Братская Спасская пустынь со всеми вотчинами. Сюда же свезли монастырскую казну и перевели братию. В результате Вознесенский монастырь стал крупнейшим в Восточной Сибири. В 1728 г. численность братии увеличилась до 28 человек.

С 1727 по 1755 г. он имел статус кафедрального. Здесь находилась резиденция иркутских епископов, размещался архиерейский приказ (1727–1746 гг.), а позднее (1746–1755 гг.) духовная консистория. С 1725 по 1746 г. при Вознесенском монастыре действовала школа для детей духовенства. Архимандрит монастыря, возглавлявший архиерейский приказ и духовную консисторию, являлся вторым лицом в Иркутской епархии.

Настоятели монастыря огромное значение придавали хозяйственной деятельности. В разные годы к монастырю были приписаны Введенское, Бадайское, Усольское, Тайтурское, Узколугское, Еланское, Баклашинское, Мальтинское и др. селения. Вокруг монастыря сформировалась подгородно-Жилкинская слобода. Особое значение имело Усольское селение, в котором осуществлялась добыча соли. Вотчины монастыря активно заселялись. Записываясь «за монастырь», поселянин получал помощь, нередко жену, при этом обязывался отдавать часть урожая обители и обрабатывать монастырские земли. В 1728 г. в монастырских кладовых и на заимках имелось 17 тыс. пудов хлеба, монастырское стадо составляло 483 головы крупного рогатого скота, 110 баранов и овец, 222 лошади. За ним числилось 52 двора (195 ревизских душ). К 1764 г. только пашенных земель значилось 600 дес., которые обрабатывало 614 монастырских

крестьян. С 1747 г. Вознесенский монастырь являлся единоличным владельцем Ангаро-Усольского солепромысла.

Указ Екатерины II 1764 г. о секуляризации церковных земель нанес монастырю серьезный удар. Он утратил земли и промыслы, был зачислен в 3-й класс. Численность братии сократилась до 12 человек. Монастырю удалось выстоять благодаря деятельности архимандрита Синесия (1754–1787 гг.). При нем в 1767 г. завершилось строительство Собора Вознесения Господня, а в 1783 г. – каменной Успенской церкви. Испытанием для обители стал пожар 11 июня 1783 г., в ходе которого пострадали все церкви, были уничтожены кельи, деревянные постройки, «колокола истопились, великий страх был». В огне уцелела только деревянная Тихвинская церковь, в которой находились мощи «божьего угодника»

Вознесенский монастырь

епископа Иннокентия (Кульчицкого). На поклонение святителю стали стекаться паломники из разных мест Сибири. Это сделало обитель известной далеко за пределами епархии. Началось ее возрождение. К концу XVIII в. численность братии увеличилась до 40 человек. В монастыре имелось 3 церкви – Вознесенская, Успенская и Тихвинская, 12 жилых келий, часовни, хозяйственные и др. постройки. В 1797 г. Синод перевел Иркутский Вознесенский мужской монастырь во 2-ой класс, что существенно изменило его положение во всероссийской церковной иерархии.

История Иркутского Знаменского женского монастыря начинается в 1689 г. С 1704 по 1744 год Знаменский монастырь возглавляла монахиня Акилина. Она же стала первой игуменьей монастыря. В 1728 г. в монастыре проживало 12 сестер. Спустя 10 лет число монахинь увеличилось в 3 раза. В 1708 г. в монастырь поступило Евангелие с дарственной надписью царя Петра I. Царский подарок свидетельствовал о признании монастыря за пределами Сибири. До 1764 г. монастырю принадлежало Китойское селение и 8 заимок, имелись сенные покосы на р. Ушаковке. Конный табун насчитывал 75 голов, стадо крупного рогатого скота – 90 голов и 35 овец. За монастырем числилось 355 крестьян.

После реформы 1764 г. монастырь лишился своих вотчин и оказался на содержании епархии. Его положение ухудшилось, община сократилась. В монастыре остались настоятельница, казначея и монахиня. Нависла реальная угроза закрытия. После обращения епископа Софрония в Синод монастырю определили содержание по штату 3-го класса и направили в Иркутск новую игуменью, казначею и 14 монахинь, прибывших в 1770 г. Посильную помощь монастырю оказали городские жители. Значительные вклады внесли купеческие жены Н. Шелихова и Т. Сизых. Однако на этом тяжелые времена для монастыря не закончились. В 1781 и 1787 гг. произошли пожары, уничтожившие многие постройки.

Несмотря на все трудности, монастырь застраивался. В 1727 г. началось возведение более вместительной второй Знаменской церкви. К середине XVIII в. церкви обветшали, поэтому в 1757 г. решили строить каменную церковь. Главный храм был освящен в 1762 г., а окончательно работы завершились в 1794 г. В

Знаменский монастырь

Знаменский женский монастырь

1792 г. началось возведение каменной ограды, куда встраивались настоятельские кельи и постройки. Работы завершились в 1802 г. Таким образом, Знаменский монастырь в начале XIX в. приобрел обустроенный вид.

3. Церковное строительство

Строительство культовых сооружений в крае началось с часовен.

В Прибайкалье к 1725 г. имелось 45 церквей, к 1750 г. их число увеличилось до 59, к 1775 г. – до 73, а к 1800 г. – до 93, из них 79 являлись приходскими.

Активнее всего храмостроительство шло в Иркутске. Если в конце XVII в. в городе имелось 3 церкви, то к концу XVIII в. их стало 13. Успешно шло церковное строительство в Иркутском духовном правлении. Если в 1700 г. приходских церквей было 8, то в 1800 г. – 32. При общем увеличении количества церквей постоянно происходил рост числа прихожан. В конце XVII в. на 1 приходскую церковь приходилось чуть более 600 верующих, а в конце XVIII в. – уже 900. Темпы строительства зависели от размеров храма и состоятельности прихода. Строительство шло быстрее, если церковь строилась на месте часовни или к часовне прирубался алтарь. Иногда строительство останавливал недостаток средств, тогда архиерей разрешал сбор пожертвований, строго оговаривая место сбора: по епархии, в рамках города, в пределах уезда.

Вознесенский собор

В XVIII в. правительство все настойчивее требовало перейти от деревянного строительства церквей к каменному. В указе Павла I от 24 декабря 1800 г. говорилось: «Вместо погоревших или обветшавших деревянные церкви не строили бы, но строили бы везде каменные». Но Сибирь не могла строить только каменные церкви. Генерал-губернатор Сибири И. О. Селифонтов обратился к обер-прокурору Синода с просьбой разрешить в Сибири строительство деревянных церквей, передав его «на рассмотрение епархиальных архиереев по сношению с гражданским начальством». Власти согласились с доводами генерал-губернатора.

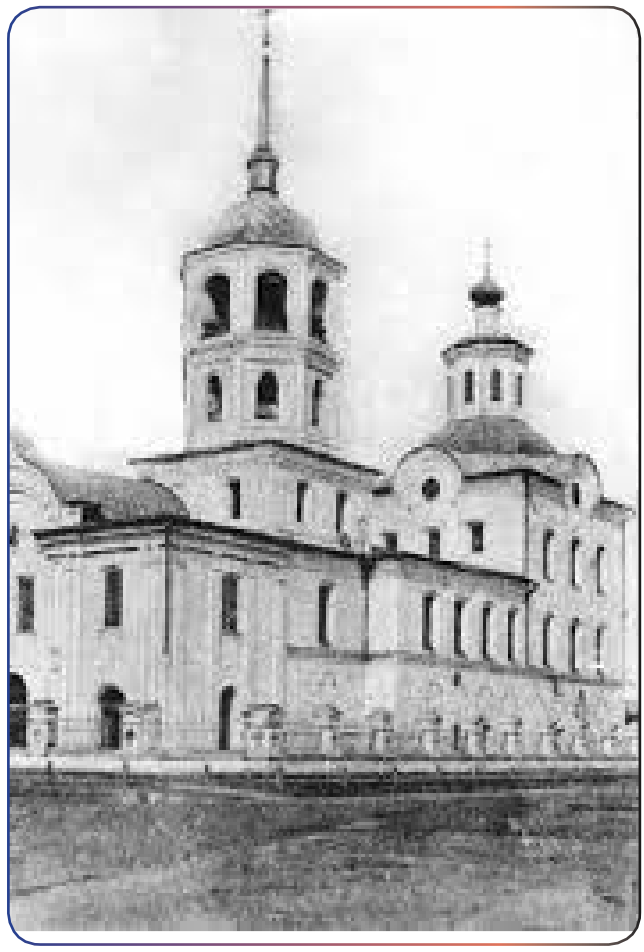
К концу XVIII в. в Прибайкалье из 93 церквей каменным являлся 21 храм (в Иркутске – 13, в Иркутском духовном правлении – 6, в Балаганском – 2). Расцвет церковного строительства в Иркутске относится к 1747–1780 гг. За 33 года в городе было построено 7 камен-

ных храмов, обладавших высокими художественными достоинствами, все они созданы по канонам сибирского барокко. Ни в одном из сибирских городов не было такого всплеска церковного строительства. По числу церквей Иркутск уступал только Тобольску. Остальные города Сибири выглядели значительно скромнее.

Небольшие деревянные приходские храмы уже в 1 половине XVIII в. возводились на средства отдельных богатых людей. Деревянная Троицкая церковь, освященная в 1718 г., была построена «усердием и капиталом» дворянина Петра Медведева. В 1746 г. был освящен деревянный храм во имя архистратига Михаила, построенный на средства Емельяна Югова. На средства иркутского разночинца И. Ф. Амосова строилась Крестовоздвиженская церковь Иркутска. Начиная с середины XVIII в. приходские иркутские храмы строятся в основном на деньги купечества. В 1748 г. Чудотворская церковь была выстроена «усердием» купцов И. И. Глазунова и Саламатова, в 1799 г. – Архангельская церковь – на средства В. Балашкина, 15 000 руб., в 1798 г. – Владимирская каменная церковь возводится на средства купца Я. Я. Протасова,

Богоявленский кафедральный собор

Харлампиевская церковь

Покровская – «тщанием» купца С. Я. Лычагова, в 1798 г. – Преображенская церковь на средства С. Игнатьева. Купечеством же финансировался ремонт церковных зданий, закупался инвентарь для храмов. Так, в 1799 г. купцом Холодиловым в Богоявленский собор было пожертвовано паникадило, сделанное в Москве, стоимостью 6 000 руб. Часть денег направлялась в Вознесенский и Знаменский монастыри, раздавалась по праздничным дням.

Добрую память среди иркутян оставил купец И. С. Бечевин. По его инициативе и при активном участии в Иркутске были построены три крупных каменных храма. Первый из них в честь Тихвинской Пресвятой Богоматери был начат 5 июня 1754 г. по соседству с домом купца. Для середины века это была одна из самых величественных двухэтажных каменных церквей города, давшая название

Казанская церковь

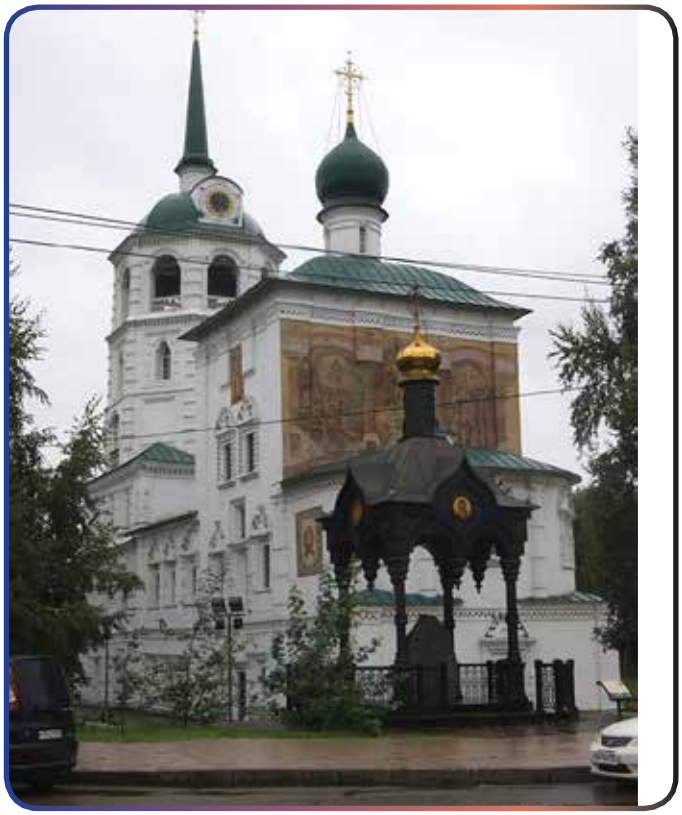

Благовещенский собор

прилегавшей к ней главной площади Иркутска. Нижний главный престол был освящен в честь явления в г. Тихвине иконы Божией Матери, боковой – во имя пророка Ильи. На втором этаже располагались храм в честь Воскресения Христова и придельный во имя Иоанна Богослова. Еще при жизни Бечевина, в 1756–1758 гг., для нее было отлито три колокола и произведена роспись наружных стен. Богатый прихожанин не пожалел средств на ее украшение. По богатству икон, большинство которых было украшено серебряными и позолоченными ризами, а также богослужебной утвари и ризницы она стала одной из самых богатых в городе Иркутске. Второй церковью, которая начала строиться на средства И. Бечевина по данному ему из Иркутской духовной консистории указу 1757 года, была одноэтажная каменная с колокольней во имя Знаменья в одноименном женском монастыре. Достроена она была уже после его смерти на монастырские деньги. Первоначально она была задумана двухпрестольной: к главному Знаменскому храму с северной стороны примыкал придел во имя Николая-чудотворца, освященный в мае 1761 г. Еще один престол во имя Казанской Божией Матери начали строить в мае 1770 года.

Любопытна история строительства каменной Благовещенской церкви. Ее здание строилось и благоустраивалось довольно продолжительное время. Считалось, что заложена она была еще в 1758 г. Главный холодный придел в честь Благовещения Пресвятой Богородицы был освящен 29 октября 1804 г. Два теплых придела, располагавшиеся с западной стороны, были освящены в 1785 и 1789 гг. соответственно. Третий придельный храм под колокольнею в честь святых Сергия Радонежского, Макария Унженского и Макария Калязинского был достроен только в августе 1821 года.

Иркутские церкви отличались своими архитектурными достоинствами. Каменное здание Спасской церкви было заложено в 1706 г. «усердием иркуцкаго воеводы Алексея Сидорыча Синявина с участием горожан и приходских людей». Работами руководил мастер

Спасская церковь

каменных дел Моисей Долгих. Освящение церкви совершил 1 августа 1710 г. епископ Варлаам (Коссовский). Окончательно завершили строительство к 1713 г. Спасская церковь стала первой каменной церковью в Иркутской епархии. В 1758 г. к ней пристроили каменную колокольню с «боевыми часами», а в 1770–1780-х гг. – дополнительные приделы. В церковных подвалах размещались кладовые, которые сдавались купцам для «помещения товаров», а также «государева казна».

Главным храмом епархии являлся Богоявленский собор. Деревянная церковь сгорела в 1716 г. Каменный собор возвели на пожертвования иркутян. Работами руководил подмастерье каменных дел В. Гаряев. Постройка храма продолжалась долго, поэтому освящение проводилось по мере завершения отдельных частей: в 1724 г. – Петропавловский придел, в 1726 г. – основной престол, в 1729 г. закончили колокольню. Работы завершились в 1731 г., а отделка продолжалась до 1746 г. 25 сентября 1746 г. иркутский Богоявленский собор освятил архимандрит Вознесенского монастыря Нафанаил «с духовенством». Храм вплоть до второй половины XIX в. имел статус кафедрального собора Иркутской епархии и вмещал до 2 тыс. верующих. Здесь же находилась усыпальница иркутских архиереев.

Наиболее знаменита Крестовоздвиженская церковь, расположенная на высоком холме и хорошо видимая с разных концов города. Она привлекает внимание своими необычными очертаниями. Завершения храмов и колокольни с устремленным ввысь силуэтом удачно дополнены такими же небольшими главками над притвором и алтарями приделов. Но более всего удивляет эта церковь богатством и разнообразием декора, особенно на южном фасаде. Вся плоскость стены покрыта орнаментом сложнейших геометрических фигур с многочисленными выступами и углублениями, в которых ощущается влияние Востока. Эта церковь упоминается в учебниках по русской архитектуре.

4. Духовенство

В начале XVIII в. правительство запретило допуск в состав духовенства представителей иных сословий. В царском указе 1705 г. предписывалось: «Посторонним, которые не церковного причта… крестьянским и бобыльским и боярским и служилым… в попы и в дьяконы и в церковные причетники… отписей не давать». Иркутские архиереи вынуждены были просить Синод сделать для Сибири исключение. В апреле 1735 г. епископ Иннокентий (Нерунович) писал: «Епархия Иркутская есть весьма малая и скудная, в которой к настоящим церквям в священники выбирать не из кого, тако ж и в причетники, аще бы не было приезжих людей из иных епархий. А которые священнические и причетнические дети малое число при мне в школе и обучаются, но еще весьма малые и в такие достоинства производить их невозможно, а в епархии моей великое

в священниках оскудение и в причетниках».

В 1739 г. Синод вышел с ходатайством в Сенат «о дозволении посвящать в духовные чины Иркутской епархии податных людей». Сенат не только согласился, но и освободил их «от всех служб и податей, которые они несли в гражданской команде». Иркутская епархия оказалась единственной в империи, для которой власти сделали исключение. В течение XVIII в. иркутские архиереи сумели заполнить большинство священнических мест. Если в 1724 г. в Прибайкалье не хватало 10 священников, в 1754 г. – 13, то в 1799 г. – всего 1, при этом количество священнических мест за столетие увеличилось в 4 раза. В 1799 г. в приходских церквях Прибайкалья вели службы 112 священников.

Духовное сословие было довольно замкнутым сообществом. Места при церквях занимали дети и родственники духовенства. Так, в 1798–1799 г. в Иркутском духовном правлении в составе 19 причтов из 29 числились родственники, в Иркутске в 3 из 9 соответственно.

Продолжительность церковного служения возрастным цензом не ограничивалась. Многие священники пребывали на службе до самой кончины. В среднем в Иркутской епархии продолжительность церковного служения составляла 30–35 лет. В XVIII в. состав причетников пополнялся за счет детей духовенства, податного населения и ссыльных. На причетнические должности также переводились престарелые священники или бывшие священники, вступившие во второй брак. Начиная с 30-х гг. XVIII в. в причетники «ставили» и «новокрещеных инородцев». Первым представителем аборигенного православного духовенства в Иркутской епархии стал крещеный бурят Иван Федоров, назначенный в 1732 г. дьячком Шамановской Архангельской церкви.

В целом формирование приходского духовенства в регионе завершилось к концу XVIII в. К этому времени в Прибайкалье в приходских церквях вели службы 320 священнослужителей и причетников. Общая же численность духовенства Иркутской епархии в 1792 г. составляла 2 948 чел. (включая монашествующих, отставных и домашних), что составляло 0,8% от числа жителей.

Архиереи неоднократно напоминали приходскому духовенству, что церковное служение – их основная обязанность. Иркутский епископ Михаил призывал священников взять за правило: «Если заболишь – не можешь идти, приползи в церковь, соверши через силу Божественную литургию, причастись и будешь здоров». С деятельностью духовенства связана попытка учреждения в регионе системы социального призрения. Она создавалась на основе богаделен, открывавшихся при приходских церквях. Их строительство началось в Иркутске, затем распространилось по епархии. К началу XIX в. только в Прибайкалье действовало 26 богаделен.

В целом XVIII век стал периодом укрепления православной церкви в регионе. Была учреждена Иркутская епархия, успешно осуществлялось церковное строительство, формировалось приходское духовенство. Большинство монастырей сумело адаптироваться к новым экономическим условиям. Православная церковь по-прежнему играла важную роль в жизни сибиряков. Она способствовала нравственному воспитанию, развитию и сохранению традиционной культуры, благотворительности и хозяйственному освоению края.

XIII.

Иркутск

как региональный центр Российской империи в XIX – начале XX в.

1. Иркутск в первые десятилетия XIX в.
2. М. М. Сперанский в Иркутске
3. Реформы М. М. Сперанского в Сибири
4. Общественно-культурная жизнь при М. М. Сперанском
5. А. Н. Радищев
6. Декабристы в Иркутске
7. Польские ссыльные. Петрашевцы. М. А. Бакунин
8. Муравьевское время в Иркутске
9. Городское управление и хозяйство
10. Формирование архитектурного ансамбля и благоустройство города

1. Иркутск в первые десятилетия XIX в.

Став центром огромной сибирской губернии, Иркутск начинает заметно расти. Если в 1798 г. в городе проживало около 11 тыс. жителей обоего пола, то в 1811 г. насчитывалась уже 21,8 тыс. чел., в том числе 12,1 тыс. мужчин и 9,7 тыс. женщин. Заметное преобладание мужского населения связано с тем, что в Иркутске были расквартированы военные и морские команды. Неподатные сословия составляли 6,6 тыс., в составе которых кроме администрации и церковнослужителей были большая военная команда (3,9 тыс.), казаки (1 тыс.) и морские служители (81 чел.). Кроме того, в городе проживало еще 685 отставных военных. Любопытно, что среди жителей 12 человек отнесено к ученым. Две трети горожан были представлены податным населением. Большинство относилось к мещанскому сословию (9,9 тыс.) и купцам (789 чел.), однако в городе проживало почти 3,5 тыс. дворовых и работных людей, не имевших собственного жилища и занятых главным образом в подсобных работах и мелких торговых операциях.

Б. Смирнов. Чиновник суда

В течение XIX в. наблюдался медленный рост городского населения Иркутска. Если в 1833 г. в нем насчитывалось чуть более 16 тыс. жителей, то к 1864 г. их количество выросло до 26,5 тыс. человек. Также неуклонно увеличивалась городская застройка. В 1833 г. в городе насчитывалось 42 больших и 58 малых улиц, а всех домов было 1 889, в том числе 56 каменных. К середине XIX в. осваивается почти вся равнинная территория вдоль Ангары и Ушаковки, и город вплотную подходит к нагорной части. В 1851 г. в городе было 2 400 домов. В 1877 г. в Иркутске была произведена полная инвентаризация всех городских строений. К тому времени в нем считалось более 3 тыс. усадеб с 4,5 тыс. жилых домов. Распределялись они следующим образом. Основная масса – 2 401 двора и 3,8 тыс. домов – находилась в центральной части города. Почти равномерно обывательские строения распределялись по Знаменскому предместью (соответственно 253 и 287) и Ремесленной слободе (285 и 323). Меньше всего было застроено Глазковское предместье, в котором считалось всего 83 двора с 121 жилым домом.

Набережная р. Ангары

В Иркутске как центре обширного генерал-губернаторства одновременно присутствовал административный аппарат генерал-губернаторства, Иркутской губернии и уезда. Численность чиновников разного уровня выросла к 1820 г. почти в четыре раза и составила с отставными 653 чел. В Иркутске была постоянная казачья команда, небольшие адмиралтейская и артиллерийские части, гарнизонный полк, а также военные кантонисты и служащие военно-сиротского отделения. В 1823 г. в Иркутске всех военнослужащих с членами их семей и отставными насчитывалось 5 412 человек.

Даже в середине XIX в. военно-чиновничий элемент в Иркутске все еще сохранял заметное влияние. В 1833 г. на его долю приходилось 43,5%, в 1864 г. – 40,5% всего населения города. Кроме значительного штата чиновников здесь размещались также штабы морского и сухопутного военного ведомства, других военных учреждений Восточной Сибири. Если в 1830-х гг. город обеспечивал проживание, не считая нижних чинов, 10-ти штаб- и 94-х обер-офицеров, то в 1859 г. – уже 5 генералов, 50-ти штаб- и 125-ти обер-офицеров. В дальнейшем удельный вес неподатных слоев города заметно сократился. Причем речь идет не о сокращении присутствия военных и чиновников в городе, а о более быстрых темпах роста податного населения и постоянно увеличивающегося контингента поселенцев, крестьян и ссыльных.

Решающая роль в развитии городской экономики и общественной жизни принадлежала податным сословиям (купцы, мещане, цеховые) и отдельным межсословным группировкам, которые составляли отставные нижние чины, крестьяне и ссыльные, разночинцы.

Сословное размежевание городского населения особенно наглядно прослеживалось

Канцелярия генерал-губернатора и золотосплавная контора

Интерьер дома и утварь горожанина среднего сословия

в его распределении по территории города. Уже к началу XIX в. центральные кварталы губернского центра стали местом сосредоточия торговли и капитала. Здесь размещались гостиные дворы и другие торговые заведения, административные учреждения, особняки зажиточных иркутян. В 1816 г. в Иркутске числилось 1 794 обывательских строения, а сам город был поделен на 4 части. В первой и второй частях города, которые и составляли его центральные кварталы, проживало две трети всех чиновников и духовенства, а также почти 80% иркутского купечества. Более равномерно по территории было представлено мещанство, а окраины города заселялись цеховыми, казаками, солдатами и разночинцами.

За вторую половину XIX в. удельный вес податного населения Иркутска увеличился с 34% до 48,6%. Более чем в два раза возросла численность купечества, в три – цеховых. Но наибольший прирост произошел в мещанском обществе. Оно увеличилось в 6 раз и составляло в начале XX в. 36% всех городских жителей. Увеличение доли мещан было напрямую связано с возрастанием значения Иркутска как торгово-промышленного центра, так как именно они давали основную массу мелких производителей, занятых в различных сферах торговли и промышленности. В середине XIX в. произошли некоторые изменения в системе внутрисословного управления иркутских мещан и цеховых. До 1854 г. они имели отдельные управления и своих выборных представителей. Городская дума посчитала, что «мещане все полагаются в одной степени, не зависимо от того, производят ли они предоставленный им торг или занимаются другим промыслом, следовательно сословия здешних мещан и цеховых должны соединиться в одно общество под названием мещанским и иметь одно управление». В 1855 г. на общем собрании оба общества подтвердили свое стремление к образованию одного управления. Из числа цеховых были выведены все лица, не занимающиеся ремеслом. Они пополнили мещанское общество. Цеховое общество было упразднено, а в ведении ремесленной управы остались только те, кто реально производил ремесленную продукцию.

К концу первой четверти XIX в. явственно выявилась тенденция к постепенному сокращению купеческих капиталов на фоне заметного роста числа предпринимателей из других социальных групп – мещан, разночинцев, отставных военных, крестьян и даже ссыльных. Они активно включались в хозяйственную жизнь городов, конкурируя не только с мещанами и цеховыми, но даже с мелким купечеством. Документы отмечают многих людей, занимающихся розничной торговлей и ремеслом, но не принадлежащих к городским сословиям. В 1857 г. в Иркутске, например, только разносчиков мелочных товаров было до 40 человек. Заметную группу составляли ломовые извозчики и развозчики речной воды. Их насчитывалось более 30 человек на 70 лошадях. В среднем их заработок на каждую лошадь составлял до 300 руб. в год. Еще около 70 человек на 150 лошадях занимались булыжным извозом.

Активное участие в предпринимательской сфере самых разных социальных групп размывало сословный монополизм купеческого капитала и заставляло правительства искать компромиссные решения. Так, в 1812 г. была учреждена сословно-податная группа торгующих крестьян, получившая торговые права,

Купец – церковный староста. Рис. Б. Смирнова

Золотопромышленник.. Рис. Б. Смирнова

сравнимые с купеческими. Утвержденные в 1824 г. дополнительные постановления «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» расширили круг лиц, которым разрешалась предпринимательская деятельность, введя категории мещан и крестьян, торгующих по свидетельствам различного рода. Мещане стали разделяться на торгующих мещан и посадских. Торгующим мещанам было дозволено производить торговлю розничную в означенных границах по особым свидетельствам, с уплатой за них установленной пошлины. Торгующие мещане, получившие свидетельство, не имели право заводить заводы и фабрики, но могли активно участвовать в торговой жизни города и уезда: иметь лавки, содержать гостиницы, постоялые дворы, рестораций, кофейные дома, трактиры и торговые бани, речные суда для перевозки различных грузов.

В отличие от России для сибирских городов приток сельского населения не был сколько-нибудь заметен. Лишь небольшая часть зажиточных крестьян переселялась в города и записывалась в купечество. Большинство же пребывало в городах временно, участвуя в мелочной торговле или работах по найму. В 1833 г. в Иркутске проживало всего 144 души обоего пола, да еще 266 числилось за монастырскими хозяйствами. Но уже в 1860-х гг. крестьяне составляли до 11% жителей города, а к началу XX в. их доля возросла в три раза. Медленно, но неуклонно росла среди иркутского населения группа инородцев, представленная в основном бурятами. Еще в начале XIX в. десятки бурят проживали в городе, особенно в зимнее время, выполняя различную черную работу. В 1864 г. их насчитывалось уже около 600 чел. В основном они нанимались в домашние работы, занимались плотницким ремеслом, обработкой кожи.

Существенное влияние на сословную структуру сибирского города оказывала ссылка. Среди основных занятий ссыльных были батрачество, промысловые работы, обслуживание водного и гужевого транспорта, ремесло. Хозяйственная деятельность их сдерживалась рядом правительственных постановлений. Выступая как один из отрядов наемной рабочей силы, ссыльные в то же время продолжали оставаться поднадзорными со

Каторжанки

Семья горожанина

значительными ограничениями свободы передвижения. Несмотря на противодействие властей, часть ссыльных оседала в городах. Со временем некоторые из них закрепляли свое положение переходом в городские сословия. В конце 1780-х гг. в обывательской книге Иркутска было зафиксировано 50 домохозяев из ссыльных. Из них в мещанство было записано 10 человек, в цех – 32. Активно участвовали ссыльные в товарообмене с сельским населением. Иркутская городская дума неоднократно обращала внимание администрации на то, что ссыльные и разночинцы фактически захватили в свои руки развозной торг по уезду, превратившись в скупщиков крестьянского хлеба. Значительная часть ссыльных была задействована в мелочной торговле, объемы которой были невелики, но давали возможность прокормиться.

Роль Иркутска как центра инициатив важнейших административных преобразований на востоке Российской империи особенно сильно проявилась в XIX столетии. В истории России начало века ознаменовалось вступлением на трон императора Александра I, а в Сибири назначением нового генерал-губернатора И. И. Селифонтова. Его основной задачей стала разработка проекта административного преобразования Азиатской России. В итоге в 1803 г. было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В руках генерал-губернатора была сосредоточена огромная власть. Именно с этого времени генерал-губернатор стал именоваться «хозяином» вверенных его управлению губерний. Огромные полномочия и личностные качества Селифонтова привели к грубому вмешательству генерал-губернатора в дела городского и губернского управления. Жесткому бюрократическому надзору подверглись вопросы снабжения населения продовольствием, деятельность казенных палат и горного управления. Увольнения и преследования неугодных чиновников и купечества приобрели масштабный характер. На практике эта борьба свелась к замене одних чиновников другими, лично известными и преданными Селифонтову. Особенно «злостных» деятелей общества губернатор старался сослать в отдаленные места губернии. Так, в 1804 г. он потребовал удалить из края иркутского прокурора С. А. Горновского, осмелившегося подать на генерал-губернатора жалобу в столицу. Затянувшийся характер приобрела борьба Селифонтова с иркутским гражданским губернатором Б. Б. Леццано, закончившаяся отставкой последнего.

Злоупотребления генерал-губернатора и его окружения породили мощный поток анонимных жалоб иркутского купечества в столицу. В то время это был, пожалуй, единственный способ борьбы с административным произволом. Богатое и влиятельное иркутское купечество как могло пыталось противостоять этой политике. Независимо от интересов иркутского купечества, эта борьба была объективно направлена на расширение местного

Б. Б. Леццано

Дом генерал-губернатора

городского самоуправления и имела социальный характер. Купцам удалось привлечь на свою сторону посланника в Китай графа Ю. А. Головкина, который считал необходимым провести в Сибири административные реформы, чтобы сделать ее «отдельною и особливою частию в общем государственном управлении». Используя его конфликт с генерал-губернатором, иркутяне смогли добиться отстранения Селифонтова. Новым сибирским генерал-губернатором по личному выбору Александра I был назначен И. Б. Пестель.

Новая административная команда, по сути, продолжила политику своего предшественника, но, учитывая его ошибки, приняла еще более действенные меры по укреплению личной власти генерал-губернатора в крае. Его правой рукой стал лично ему преданный Н. И. Трескин, который был назначен иркутским гражданским губернатором, а после отъезда патрона из Сибири сосредоточил в своих руках все управление краем. Сам генерал-губернатор провел в крае лишь 10 месяцев. 18 августа 1807 г. он выехал из Иркутска и больше туда не возвращался. Все остальные годы он управлял Сибирью, проживая в столице и пользуясь покровительством всесильного временщика А. А. Аракчеева. Созданная Пестелем и Трескиным система управления Сибирью удивительно напоминала аракчеевские военные поселения. Главным стержнем ее стали строжайшая регламентация всех сторон жизни и жестокие наказания. В первую очередь была разгромлена иркутская купеческая оппозиция. Получив право высылать всех инакомыслящих по собственному «благоусмотрению», генерал-губернатор без суда и следствия выслал из Иркутска наиболее авторитетных купцов М. В. Сибирякова в Нерчинск, а Н. П. Мыльникова в Баргузин. Также были высланы брат Сибирякова и купец Дудоровский. Был отрешен от должности и отдан под суд прокурор С. А. Горновский, который, по мнению И. Б. Пестеля, есть «тайный предводитель иркутской беспокойной и недовольной новым партии». Ходатайствовал генерал-губернатор и об удалении из Сибири начальника X округа путей сообщения Ф. Ф. Риддера, обвиняя того в присвоении «не принадлежащей ему власти».

Важными фигурами в системе местной администрации стали так называемые земские чиновники (исправники и земские заседатели), в руках которых концентрировалась вся полнота полицейской, судебной и хозяйственной власти в уезде. Будучи талантливым администратором, Н. И. Трескин вникал во

Светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов

все мелочи, жестко регламентируя все и вся. За каждым самым незначительным нарушением следовало наказание. Губернатор окружил себя доверенными лицами из числа чиновников и купцов, установив своеобразную чиновничью монополию. Все жалобы и прошения в корне пресекались, дошедшие до Петербурга попадали в руки сибирского губернатора и возвращались обратно к Трескину. Поборы деньгами и натурой, как с отдельных лиц, так и с целых обществ, стали обыденным явлением. Все стороны жизни были пронизаны коррупцией.

Правление Н. И. Трескина в Иркутске совпало с тяжким испытанием в истории России – Отечественной войной 1812 г., вызвавшей небывалый патриотический подъем в стране. Одним из проявлений его стали добровольные пожертвования на нужды армии и ополчения, поддержку пострадавших от войны городов и сельских жителей. Манифесты Александра I и обер-прокурора Синода А. Н. Голицина ориентировали власти и церковь на расширение патриотического движения населения страны, взывали к опыту и героям российского сопротивления польско-шведским интервентам в начале XVII в. Уже в первые недели войны в Иркутске было набрано 566 рекрутов, которых снаряжали и провожали горожане. Наряду с этим в городе проводились общественные сходы, на которых принимались решения о пожертвованиях «для отражения врагов Отечества».

О формировании ополчения и сборе пожертвований Иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин выпустил указ для «повседневного обвещения всех состояний и всякого звания людей, находящихся в городах и уездах». Значительную активность проявляли церковные власти. Епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин обратился к иркутскому городскому голове М. И. Савateеву, предлагая ему призвать городское общество провести сбор средств на борьбу с врагом. Даже будучи в других городах, иркутяне живо реагировали на патриотический порыв страны. Так, иркутский купец первой гильдии П. Т. Баснин узнал о войне 1812 г. на Макарьевской ярмарке. На собрании местного купечества он выступил с инициативой о сборе пожертвований на снаряжение ополчения и первым выделил сумму в 1 тыс. руб.

В Иркутске при получении известий о сборе пожертвований сразу же началась подписка среди мещан и цеховых. В списке жертвователей значилось 70 человек, собравших 782 руб. Каждый жертвовал от 5 до 60 руб., в том числе 560 руб. внесли гласные Иркутской

Офицер Сибирского драгунского полка

городской думы. Только за август и сентябрь 1812 г. жители края внесли более 50 тыс. руб. Всего в 1812 г. в Иркутской губернии было собрано 186 тыс. руб. По сумме взноса Иркутская губерния была первой в Сибири и девятнадцатой в России. На следующий год по Иркутской губернии было собрано 101,9 тыс. руб. пожертвований, в том числе 45,9 тыс. на ополчение и 39,2 тыс. руб. «для потерпевших по случаю настоящей войны от свирепости неприятеля».

В годы войны ярко проявилось единение сибирского общества, всеобщий патриотический настрой всех социальных групп горожан. Писатель И. Т. Калашников приводит трогательную картину прощания горожан с уходящим в действующую армию иркутским батальоном: «Слезы благословения и молитвы сопровождали защитников отечества. Весь город сошелся на берег Ангары, чрез которую переправлялись воины». Колокольным звоном и пушечной стрельбой приветствовал Иркутск известие об освобождении Москвы, а затем и России от французов. В небывалый народный праздник вылилось получение манифеста о взятии Парижа в июне 1814 г. Торжество началось общим молебном и колокольным звоном. Затем состоялся военный парад, завершившийся стрельбой из ружей и пушек. После парада высшее общество города было приглашено на обед и бал в загородный губернаторский дом. А для простых граждан в саду резиденции было организовано массовое гуляние.

В сражениях Отечественной войны 1812 г. принимали участие сведенные в одну бригаду Иркутский и Сибирский драгунские полки. Иркутским полком командовал подполковник Южаков, получивший за участие в Бородинском сражении орден Святого Владимира IV степени. Среди участников этого сражения были уроженцы Иркутска и губернии – Федор Башкевич, Михаил Харитонов, Иван Таюрский, Алексей Высокий и др. После окончания кампании 1812 г. драгунский полк был направлен на переформирование. В заграничных походах русской армии 1812–1814 гг. принимал участие уже Иркутский гусарский полк.

Гостиный двор

И. Б. Пестель

О самом Н. И. Трескине сохранились крайне противоречивые отзывы современников. Наряду с резкой критикой некоторые из них содержали весьма хвалебные оценки его деятельности. Особую заслугу Трескина современники видели в том, что он приучил к хлебопашеству и сенокошению кочевых бурят, привел в порядок городскую полицию и архив, значительно улучшил местные дороги. Особой заботой гражданского губернатора стало придание Иркутску вид столичного центра Сибири. Много времени было уделено благоустройству, чистоте улиц и упорядочению городской застройки. Несомненной заслугой стало приведение в порядок казенных и публичных зданий губернского центра, в частности, постройка городских запасных магазинов для хранения запасов хлеба, здания городской полиции, пожарной команды и др. Ему действительно удалось навести порядок во всех сферах управления, привести Иркутск в лучшее состояние, но методы, которыми достигались перемены, были чисто полицейские, полностью исключающие заботу о гражданах города.

Между тем сложившаяся в Сибири система власти вызывала недовольство не только в народных массах, но и среди различных государственных структур. Сложно складывались отношения сибирского генерал-губернатора с местными представителями Военного и Морского министерств. Попытки поставить их чиновников под генерал-губернаторский контроль вызвали недовольство со стороны столичного начальства. В открытый конфликт с И. Б. Пестелем вступили командующий войсками, расквартированными в Сибири, генерал-лейтенант Г. И. Глазенап и военный министр М. Б. Барклай де Толли. Положение сибирской власти серьезно осложнило туруханское дело 1817 г. По вине чиновников были допущены срывы поставок продовольствия, что привело к голоду и смерти эвенков в Туруханском крае. И. Б. Пестелю и здесь удалось оправдаться, но в правительстве настоятельно потребовали его возвращения в Сибирь, чтобы лично наблюдать за управлением вверенного края. Даже духовные власти жаловались в Синод на притеснения от Н. И. Трескина и его подчиненных. Особенно возмутил иркутского епископа Михаила поступок нижнеудинского исправника Ф. Б. Лоскутова, подвергшего телесному наказанию протоиерея Орлова.

Непрекращающиеся конфликты различных сибирских властей, жалобы на произвол чиновников, несмотря на все препятствия, доходили до столичного начальства. В октябре 1813 г. «для рассмотрения поступивших от Сибирского генерал-губернатора представлений по делам тамошнего края» Александр I повелел учредить особый комитет по делам Сибирского края. Собирался Комитет нерегулярно, по мере поступления дел, и просуществовал до 4 февраля 1819 г. На его заседаниях рассматривались, помимо представлений сибирского генерал-губернатора, различного рода жалобы на действия местной администрации.

Несмотря на преследования инакомыслящих, полицейский режим, отсутствие гласности, в иркутском обществе росло негодование

ПанорамаИркутска

против многочисленных злоупотреблений. С гневными обличительными речами выступал приказчик И. Рогачев, по рукам ходили письма, составленные чиновником С. Горновским, вокруг монголиста и китаеведа А. В. Игумнова группировалась местная интеллигенция. Активными участниками этой оппозиции были иркутские купцы и мещане. Во главе противников трескинской власти стояли иркутские купцы Константин Трапезников и Петр Баснин, под руководством которых составлялись многочисленные жалобы, челобитные и прошения в Петербург. Одну из них тайно доставил в столицу мещанин М. Саламатов и сумел лично передать императору. В ноябре 1818 г. Комитет министров внял многочисленным жалобам и просил императора назначить в Сибирь нового генерал-губернатора. Безнаказанность местных властей подрывала авторитет самодержавной власти, что было чревато опасными социальными конфликтами. Итогом стало отрешение от должности Пестеля и назначение в марте 1819 г. генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанского с широкими полномочиями по ревизии действий местной администрации.

2. М. М. Сперанский в Иркутске

22 марта 1819 г. указом Александра I сибирским генерал-губернатором был назначен М. М. Сперанский. Он должен был провести ревизию отдаленных от России территорий и наказать всех «предающихся злоупотреблениям». В то же время император предписал Сперанскому «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края». В конце мая новый губернатор с сопровождающими его молодыми единомышленниками Г. К. Репнинским, Г. К. Вильде, Ф. И. Цейером прибыл в Тюмень и вступил в управление краем. Спустя три месяца Сперанский и сопровождающие его лица прибыли к Иркутской губернии. На границе Нижнеудинского уезда его встречал один из наиболее жестоких исполнителей указов иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина исправник Лоскутов, чье имя приводило в трепет всех жителей волости. Накануне он приказал по всей округе отобрать бумагу

и перья, дабы население не могло подать жалобу новому генерал-губернатору. Однако на Нижнеудинском тракте, когда Лоскутов уже сопровождал Сперанского, с челобитными обратились два пожилых крестьянина. Прочитав их, Сперанский громко отчитал исправника и приказал его арестовать. Рассказывают, что местные крестьяне на коленях умоляли губернатора не делать этого, говоря: «Что ты делаешь, батюшка, ведь это же сам Лоскутов... Как бы тебе за нас худо не было». После этого Сперанский немедленно назначил ревизию в уезде, которая показала, что поборы исправника своей изощренностью и дерзостью сравнимы только с его репрессивными мерами. В ходе следствия у исправника было описано мехов, серебра и других ценностей на громадную по тем временам сумму в 132 тыс. рублей. Имущество Лоскутова было отправлено в Иркутское казначейство.

Иркутск также готовился к приезду нового генерал-губернатора. На всех заставах по указанию Н. И. Трескина были расставлены казачьи разъезды, обязанные незамедлительно извещать обо всех передвижениях Сперанского и принимаемых им в пути решениях. По замыслу местного начальства въезд нового генерал-губернатора в город был обставлен торжественно как никогда. Он сопровождался невиданными ранее иркутскими жителями световыми эффектами и громом оркестров. Иркутянам надолго запомнилась встреча.

Горожане два дня дежурили на набережной в ожидании приезда избавителя. Наконец, 29 августа 1819 г. в 9 вечера на другом берегу реки появились экипажи. Переправившись на катере в город, Сперанский снял шляпу и долго кланялся народу. Основные сооружения города – Кафедральный собор, Триумфальные ворота и главные улицы – Большая (К. Маркса) и Заморская (Ленина) – были буквально залиты огнями. На переправе через Ангару гремел оркестр, а среди огромного стечения народа выделялись гражданский губернатор Трескин с чиновниками в парадных мундирах и орденах. В городе не оказалось достойного

Генерал-губернатор М. М. Сперанский

для генерал-губернатора здания. Предыдущий своей резиденцией не озаботился, т. к. пробыл в Иркутске недолго и, управляя Сибирью из Петербурга, постоянно жил в столице. Нового правителя Сибири было решено разместить в доме золотопромышленника Е. А. Кузнецова, расположенном на окраине города, недалеко от р. Ушаковки. Единственной его достопримечательностью был заброшенный сад, ставший любимым местом прогулок Сперанского и сопровождавших его молодых людей.

4 сентября 1819 г. Сперанский собрал общее присутствие губернского правления и палат и сообщил им о намерении приступить к ревизии Иркутской губернии на основании сенаторской инструкции. В первые дни пребывания Сперанского в Иркутске жители не спешили подавать жалобы на местные власти из опасения преследований со стороны Трескина. Однако когда этот страх прошел, жалобы стали поступать в большом количестве. Вскоре в Иркутском казначействе вся гербовая бумага, на которой писались жалобы, была распродана. Уже через несколько дней, едва бегло ознакомившись с состоянием дел, новый

Вид на Харлампиевскую церковь

генерал-губернатор написал, что «если бы в Тобольске я отдал всех под суд, то здесь оставалось бы всех повесить». Сперанским была создана следственная комиссия под председательством Ф. И. Цейера, которая трудилась почти год, завершив свою работу 20 июня 1820 г. – перед отъездом Сперанского из Иркутска. Комиссия занималась раскрытием злоупотреблений, также ею была подготовлена историческая записка о земских повинностях, записка о хлебе казенных запасных магазинов и ведомость о перевозке хлеба по провиантским магазинам.

Масштабы коррупции поражали М. М. Сперанского, который писал, что «чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нетерпимого. …Слухи ничего не увеличивали, и дела хуже еще слухов. Есть способы к исправлению, но они предполагают совсем другой образ управления, совсем другой и полный набор чиновников». Но других чиновников в распоряжении генерал-губернатора не было, поэтому, за исключением «самых вопиющих и решительных случаев», он не отдавал всех обвиняемых под суд, а ограничивался отстранением их от должности. За различные формы «лихоимства» и взяточничество было заведено 74 следственных дела, а сумма взысканий составила 2 млн 874 тыс. руб. Злоупотребления были столь велики, что, по мнению генерал-губернатора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». По завершении ревизии 2 губернатора и 48 чиновников были отданы под суд, а всего «обвиняемых по всем следствиям» насчитывалось 680 человек.

В конце 1820 г. генерал-губернатор представил императору краткий отчет о ревизии, в котором обрисовал общий характер злоупотреблений, выявленных в ходе обозрения края. Основными из них были: злоупотребления в порядке заготовления хлеба для провиантских, винокуренных и запасных магазинов, в сборе налогов и т. д. Главная причина злоупотреблений, по мнению ревизора, состояла в недостатках управления краем, отсутствии четких законодательных актов, несовершенстве устройства волостного правления, отсутствии общественного мнения, выразителем которого, по его мнению, являлось дворянство.

План города Иркутска

Уже в ходе ревизии была определена программа будущих сибирских преобразований. Кроме самого Сперанского над реформами работала небольшая команда молодых чиновников, привезенная им из России. Особую роль сыграл Г. С. Батеньков, которого он заметил в Томске и привлек к сбору статистических сведений и предварительным наброскам проектов преобразований. Сибирская реформа 1822 г. М. М. Сперанского является одним из наиболее выдающихся событий сибирской истории XIX в. Это был первый российский опыт регионального законодательства, построенного на основе принципа разделения властей, самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в управлении, а также с учетом геополитических особенностей огромного края. Преобразования 1822 г. не только на целое столетие определили структуру сибирской администрации и местного управления, но и оказали влияние на многие важные вопросы жизни края, политики в отношении коренного населения, ссылки, свободы торговли и др. Во время пребывания в Иркутске командой Сперанского было разработано 10 законопроектов, составивших «Сибирское учреждение». Основными были «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Положение о земских повинностях», «Устав о свободе торговли» и др.

3. Реформы М. М. Сперанского в Сибири

По возвращении М. М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г был создан I Сибирский комитет, составленный из высших сановников империи. В соответствии с реформой 1822 г. произошло административное разделение Сибири на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, административными центрами которых стали соответственно Тобольск и Иркутск. Таким образом завершилось фактическое разделение Сибири на две части – Западную и Восточную, граница между которыми проходила по Енисею. В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства были включены Тобольская, Томская губернии и Омская область. К Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству отнесли Иркутскую и Енисейскую губернии, Якутскую область, Охотское и Камчатское приморские и Троицко-Савское пограничное управления. Во вновь образованную Енисейскую губернию с центром в Красноярске были включены уезды, выделенные из состава Томской и Иркутской губерний. В соответствии с «Учреждением» губернии и области делились на округа, а те, в свою очередь, на волости и инородные управы. В результате была создана четырехуровневая система сибирского управления: главное, губернское, городское, волостное и инородное.

В целях разделения властей и ограничения всевластия генерал-губернаторов при них учреждались Советы Главного управления. Состояли они из шести советников, трое из которых, «яко производители дел», назначались по рекомендации генерал-губернатора, а трое по «представлению» министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и утверждались императором. По мнению реформатора, именно эти «члены совета от министров

Карта губерний Восточной сибири

должны были быть противовесом генерал-губернаторской власти, т. е. не допускать ее до произвола». На практике, конечно, генерал-губернаторы продолжали оставаться главными начальниками края и всегда находили возможность проводить свои решения. По аналогичной схеме были организованы губернское и окружное управления.

Второй уровень управления, губернский, разделялся на общее и частное. Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и совет под его председательством. В состав совета входили председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор. Основной задачей общего губернского управления являлся надзор за местной администрацией. Гражданскому губернатору был также позволен пересмотр уголовных дел, что фактически означало легитимность вмешательства администрации в судопроизводство.

Третьей степенью управления являлось окружное. По административной реформе Иркутская губерния была разделена на пять округов: Иркутский, Ниждеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский и Киренский. Округа существенно различались по количеству проживающих в них людей. В зависимости от этого округа и города подразделялись на малолюдные, средние и многолюдные. Общее и частное управления полагались лишь в многолюдных округах (таковыми являлись Нижнеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский), в средних округах (Иркутский, Киренский) предусматривалось частное управление, а в малолюдных все управление сосредоточивалось в руках земского исправника.

Также в зависимости от количества проживающего населения сибирские города были разделены на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. В многолюдных городах, каковым был только Иркутск, городское управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда. Управление средних городов заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа – городничий и квартальные надзиратели, и медицинская часть. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи, двух заседателей и трех кандидатов «на случай их отсутствия». В малолюдных городах управление осуществляли только городничий, а также городские старосты и словесный суд (хозяйственное управление и суд).

Стремление Сперанского учитывать региональные особенности легко прослеживается и при анализе других законов, составляющих комплекс «сибирского учреждения». Примером тому является регламентация податей и сборов, ссылки и этапов, создания государственных запасов хлеба, заключения торговых сделок и др. Это логично вписывалось и дополняло доктрину окраиной политики самодержавия.

Одной из главных реформ Сперанского стал «Устав об управлении инородцев». Это был один из первых законодательных актов, определявших политику империи в отношении коренного населения Сибири, действовавший вплоть до начала XX столетия и регламентирующий все стороны его жизни: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую. В соответствии с

«Тайлган» - обряд жертвоприношения у бурят

«Уставом» все коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. «Оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. В отношении «бродячих жителей» сохранялись все действующие до реформы установления. Конечной целью этой системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодальные отношения, но не уничтожал их. Существовавший ранее натуральный сбор ясака пушниной заменялся на денежные повинности, что усиливало интерес к рыночным отношениям.

В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Отрицалась насильственная христианизация коренных народов. Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру». Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом.

Среди других «учреждений» реформ Сперанского можно отметить законы, регламентирующие сибирскую ссылку. Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки. Устав о ссыльных устанавливал достаточно стройную систему управления ссыльными. Ссылка четко определялась в двух видах: 1. «На каторгу» и 2. «На поселение». И то, и другое определялось ис-

Эвенкийский шаман

Оленная упряжка

ключительно «приговором суда». В Тобольске учреждался приказ о ссыльных, состоявший из управляющего, двух заседателей и канцелярии, а в каждой губернии создавалась экспедиция о ссыльных. В обязанности приказа входили прием и распределение ссыльных до их окончательного водворения. Устав также определял соотношение между каторгой и поселением, при этом на устройство поселенцев было обращено особое внимание. Впервые вводились нормы имущественного и семейного права для ссыльных, оговаривалось снабжение ссыльных как продовольствием, так и одеждой.

Определенную роль в улучшении передвижения ссыльных по огромным просторам Сибири сыграл Устав об этапах, коренным образом изменивший порядок отправления осужденных в Сибирь. В соответствии с ним определялся состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий. Ряд положений касался содержания этапов и самих этапных команд.

Сибирское законодательство 1822 г., основы которого были разработаны в Иркутске, стало первым опытом регионального законодательства в империи, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившего общероссийскую кодификацию законов на десять лет.

4. Общественно-культурная жизнь при М. М. Сперанском

В период управления Иркутском Н. И. Трескиным вся общественно-культурная жизнь практически остановилась. Было закрыто общественное собрание, приемы по случаю церковных и гражданских праздников отличались казенщиной и малолюдством. По воспоминаниям современника: «В Иркутске не было никаких публичных увеселений, существующих в столицах и лучших губернских городах, не было лиц и мест, которые могли бы служить точкою соединения граждан и чиновников; не было общего мнения. Каждый жил и действовал отдельно, и сближался с другими, сколько требовали личные выгоды». При М. М. Сперанском все снова оживилось, было восстановлено и благородное собрание. Короткое пребывание Сперанского в Иркутске заметно повлияло на вкусы и манеры горожан. «Его образ жизни, – вспоминала позднее Е. А. Авдеева-Полевая, – его манера обращаться, его мнение, все было наблюдаемо, пересказываемо и служило образцом для многих». На далекую сибирскую окраину Михаил Михайлович сумел привнести и «светский дух», и известную «открытость в мыслях», и «свободу» в повседневном поведении. Все это было не менее важно, чем ревизия края и подготовка новых реформ. «Мне нужны точки соединения, – писал он дочери, – нужно снять оковы прежнего сурового, угрюмого правительства. Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без спроса и дозволения собираться, танцевать или ничего не делать». Зимний сезон 1819/20 г. был один из самых веселых в Иркутске. Балы и маскарады следовали один за другим, отличаясь оригинальностью и многолюдством. Популярны у публики были еженедельные по воскресеньям собрания во вновь устроенной биржевой зале над каменным гостиным двором. Зала была большая – в

А. Е. Мартынов. Бал в Иркутске

длину более 20 саж. и 6 саж. в ширину, что позволяло собрать в ней единовременно до 500 человек. Большим спросом пользовались балы-маскарады, на которые приглашенные наряжались в одежды народов Азии – китайцев, японцев, алеутов, шаманов и т. д. Кроме увеселений биржевое помещение использовалось для собраний городского общества. Биржевая зала служила общественным делам еще долго. Как отмечал А. Мартос, «сия пространственная зала отделана с величайшим вкусом». Генерал-губернатор А. С. Лавинский подарил обществу для биржевой залы большой портрет императора, который был поставлен в главной части залы на некотором возвышении. К числу общественных развлечений принадлежали официальные обеды. Сперанским отмечено несколько таких обедов, данных купечеством в торжественные дни. Сам Сперанский на святой неделе дал три обеда для духовенства, чиновников и купечества.

Общественная жизнь Иркутска при Сперанском отметилась и учреждением разных общеполезных заведений. Были открыты благотворительное общество для бедных, на что было собрано по подписке до 8 тыс. рублей, ланкастерская школа и отделение Библейского общества, учрежденного в России еще в 1814 г. под покровительством Александра I. Иркутское отделение открылось в декабре 1819 г. при непосредственном участии М. М. Сперанского, его вице-президентами стали сам генерал-губернатор, епископ Иркутский и Нерчинский Михаил, директорами – гражданский губернатор И. Б. Цейдлер, ректор духовной семинарии архимандрит Антоний, игумен Посольского мужского монастыря Феодосий, иркутский благочинный протоиерей В. Шастин. В состав членов общества вошли купцы К. М. Сибиряков, Н. П. Трапезников, М. И. Саватеев, Г. С. Белоголовый, чиновник А. В. Игумнов и др. Иркутское отделение общества включало в себя 60 членов и 80 благотворителей. Всего было собрано более 3 тыс. рублей пожертвований. Во время путешествия М. М. Сперанского в Забайкалье были учреждены сотоварищества в Кяхте и Нерчинске. В первом было 47 членов и 59 благотворителей, собравших 4 тыс. рублей, во втором – всего 51 человек и около 3 тысяч рублей пожертвований, причем тысячу внесли купцы Кандинские. В том же 1820 году было создано отделение в Якутске. Целью общества было снабжение книгами священного писания духовных лиц, почтовых домов, устройство книгохранилищ в Иркутске, Кяхте, Якутске и других городах. Благодаря деятельности Библейского общества в крае были распространены тысячи экземпляров религиозных текстов на разных языках. Особенно важно было распространение «Евангелия от Матфея» на калмыцко-монгольском языке, а также «Евангелия от Матфея и Иоанна» и целиком «Нового Завета» на монголобурятском языке. Перевод был осуществлен хоринскими бурятами Б. Моршунаевым и

Н. Унгаевым вместе с иркутским переводчиком Т. М. Татауровым. Библейское общество неоднозначно воспринималось в духовных кругах. Вскоре интерес к нему угас и в правительстве. Уже в 1824 г., когда министерство возглавил А. С. Шишков, оно прекратило свое существование. Иркутское отделение формально просуществовало до 1828 г., но уже с 1824 г. его активность заметно снизилась.

В Иркутске Сперанский создал команду, состоящую из привезенных с собой помощников, местных честных чиновников и выпускников Иркутской гимназии, которым мог доверять. К нему стекалась информация от рассылаемых им по краю ревизоров. В начале февраля 1820 г. Сперанский выезжает из Иркутска, чтобы осмотреть «заморские» территории – забайкальские места, а также Кяхту и Нерчинск, «подлинно уже край света». Возвратившись в Иркутск, он приступает к завершению порученного дела. И, наконец, получает долго ожидаемую весть, посланную 11 июля 1820 г. из Царского Села: «Его Величество указать изволил вашему превосходительству прибыть в С.-Петербург к марту месяцу». 1 августа 1820 года, спустя одиннадцать месяцев после приезда, М. М. Сперанский покинул Иркутск. После обедни в соборе Богоявления он в сопровождении толпы иркутян отправился пешком до пристани, на катере перебрался на другой берег и отправился в столицу. Представители крупного купечества и члены губернии провожали его экипаж до первой почтовой станции, где состоялся прощальный обед, данный городским головой К. М. Сибиряковым.

Спустя много лет, вспоминая о времени, проведенном в Сибири, Сперанский скажет, что она ему «стала своей», и служба на далекой окраине не была напрасной. Если в Сибирь он ехал как в ссылку, то в его заметках о возвращении выражается удовлетворение выполненной трудной работой. Сибирь перестала быть для него «тюрьмою без решеток». Сперанский близко воспринимал ее проблемы и хотел сделать все от него зависящее для улучшения положения сибиряков.

5. А. Н. Радищев

История Иркутска, как и всей Сибири, неразрывно связана с развитием ссылки. Ссылка в зауральские земли выполняла не только функцию наказания, но и была мощным колонизирующим фактором. Еще с XVII в. многие противники расширения Русского государства и военнопленные направлялись в сибирскую ссылку и использовались на государственной службе. И в дальнейшем ссылка использовалась в формировании сибирского крестьянства, а те ссыльные, которые знали ремесло, пополняли городской посад. Заметную роль в развитии сибирского города сыграли ссыльные из привилегированных сословий, попадавшие в Сибирь за финансовые махинации, должностные преступления или за участие в придворных заговорах. Многие из них при этом не лишались дворянского звания и чинов, да и местное начальство относилось к ним с большей снисходительностью. При огромном дефиците в сибирском крае умных, образованных, культурных людей их зачастую использовали для решения неотложных задач и нужд Сибири. Так, сосланный за контрабанду на Ревельской таможне М. М. Геденштром в 1809–1810 гг. участвовал в исследовании побережья Ледовитого океана, а позднее занимал должность исправника в г. Верхнеудинске. Заметный след в культурной жизни края оставил сосланный в Иркутск по ложному обвинению П. А. Словцов. В 1815 году он был назначен директором иркутских училищ, и, по словам первого сибирского романиста Т. П. Калашникова, Иркутская губерния «в отношении образования много обязана просвещенным и неусыпным трудам Словцова». Двое других ссыльных – гвардейский офицер А. П. Шубин и князь В. Н. Горчаков – стали организаторами одного из первых в Иркутске «публичных театров». Необходимо отметить, что многие из ссыльных стремились принести хоть какую-то пользу местному на-

селению и употребляли все свои познания и таланты на благо края, ставшего для них местом изгнания. Это желание принести пользу окружающим со стороны отверженных и, казалось бы, замкнувшихся в своем горе людей еще в юности поразило будущего декабриста В. И. Штейнгейля и вызвало появление в 1811 году его первой небольшой журнальной публикации под очень символическим и пророческим названием «И в несчастии можно служить обществу». Героем ее стал некий ссыльный, организовавший в Кяхте домашнее обучение для бедных и неимущих сирот, а также хор певчих, который довел «до возможного в сем маленьком местечке совершенства».

Первым политическим ссыльным, которого увидели иркутяне, стал А. Н. Радищев, приговоренный к десятилетней ссылке в Илимский острог за издание своего «Путешествия из Петербурга в Москву», в котором резко обличал крепостничество и деспотизм управления Екатерины II. Он прибыл в Иркутск 8 октября 1791 г. и оставался там до 20 декабря, ожидая установления санного пути. Ссыльный был радушно принят в доме генерал-губернатора Иркутского и Колыванского наместничеств И. А. Пиля, который по ходатайству президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова постарался морально и материально поддержать ссыльного писателя. В Иркутске до Радищева дошли отправленные из Петербурга книги, инструменты и деньги. Благодаря расположению иркутского руководства ему удалось провести два с половиной месяца в Иркутске с пользой и не без приятных развлечений, изучив по мере возможности различные сферы жизни города и познакомившись с замечательными людьми. Иркутск уже в эти годы нередко называли «сибирским Петербургом». Здесь были учебные заведения, адмиралтейство, публичная библиотека с музеем, любительский театр. Сын писателя Павел вспоминал, что их семья неоднократно посещала иркутский театр. Среди постановок, которые посмотрели столичные гости,

А. Н. Радищев

были«Недоросль» Д. И. Фонвизина, комическая опера «Мельник – колдун, обманщик и сват» по пьесе А. О. Аблесимова и др., что позволяет говорить о том, что репертуар театра был современным и разнообразным. Не меньше занимало Радищева «воспитание иркутского юношества». Этому вопросу он посвятил целое письмо своему покровителю, где дал характеристику иркутских образовательных учреждений (народного училища, духовной семинарии, гарнизонной школы), отмечая отсутствие «хорошего распорядителя», слабую посещаемость и низкий уровень образованности выпускников.

В городе проживали ученые: ботаник Сиверс, натуралисты А. М. Карамышев и Э. Г. Лаксман. Отсюда отправлялись научные

и купеческие экспедиции на острова Тихого океана, что очень интересовало Радищева, и он не преминул лично познакомиться с «Колумбом Росским» Г. И. Шелиховым. Особенно интересовали А. Н. Радищева торговля России с Китаем и вопросы таможенного дела. В Иркутске Радищев встречался со своими знакомыми по столице – вице-губернатором А. С. Михайловым, надворным советником И. Л. Долгополовым, семейством Дитмаров, а также П. Д. Вонифатьевым, с которым служил в коммерц-коллегии. Будучи начальником Кяхтинской таможни, тот вместе с губернатором Л. Нагелем вел переговоры о возобновлении кяхтинской торговли. С Иркутском Радищев связывал большие надежды на будущее России. «Иркутск, – отмечал он, – будучи теперь истинным центром сибирской торговли, будет распространяться паче и паче и, если можно проницать слабыми нашими взорами в будущее, он по положению своему определен быть главою сильныя и обширныя области».

А. Н. Радищев стал первым краеведом и этнографом Приилимья, изучавшим быт и нравы эвенков, которые даже по его просьбе в стойбище около города исполнили полный шаманский обряд. В переписке с А. Р. Воронцовым он подробно описал историю, экономику, промыслы и занятия местных жителей. Но, пожалуй, основные его интересы были связаны с литературой и историческими опытами. Из наиболее известных работ этого периода можно выделить большой философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», заложившее демократическую концепцию освоения края, и «Письмо о китайском торге», ставшее первым серьезным описанием русско-китайской торговли. Ссылка Радищева закончилась после смерти Екатерины II в 1797 г. На обратном пути, стремясь как можно скорее попасть домой, писатель уже не задерживался в Иркутске, оставив здесь весь багаж, и за неделю добрался до границ Иркутской губернии.

6. Декабристы в Иркутске

Новую страницу в истории сибирской политической ссылки открыли декабристы. Они стали первыми «государственными преступниками», сосланными в Сибирь в массовом порядке. Всего, по всем декабристским процессам, сюда было сослано 124 человека, подавляющее большинство из которых оказались связаны с Иркутской губернией. Первые 8 декабристов (С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, В. А. Давыдов, А. З. Муравьев, А. И. Якубович, А. И. Борисов и П. И. Борисов) прибыли в Иркутск 27 и 29 августа 1826 г. Их тепло встретили у въезда в город местные жители. Ни генерал-губернатора, ни иркутского губернатора не было на месте. В их отсутствии председатель губернского правления Н. П. Горлов, не получивший предписания о месте содержания осужденных, направил их на ближайшие к Иркутску заводы. Но уже вскоре иркутские власти исправили ошибку, сопроводив их в распоряжение администрации Нерчинского горного округа. Местом каторжных работ для декабристов стал сначала Благодатский рудник, а затем Читинский острог. В августе 1830 г. первую партию декабристов пешим порядком отправили к месту нового заключения – в специальную тюрьму, построенную в Петровском заводе.

Большой поддержкой для некоторых декабристов стало решение их жен разделить с ними все тяготы сибирской ссылки. На момент вынесения приговора в браке состояло 20 декабристов. В Сибирь отправилось девять жен: Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, М. К. Юшневская, А. В. Ентальцева, Н. Д. Фонвизина, А. И. Давыдова, А. В. Розен, а также две француженки, невеста И. А. Анненкова П. Гебль и невеста В. П. Ивашева К. Ле-Дантю. Все они на пути в Забайкалье останавливались в Иркутске, где должны были подписывать документы, существенно ограничивающие права

Н. Добровольский. Переправа через Ангару в Иркутске

их и будущих детей. Значительную поддержку им оказали семьи иркутских купцов Кузнецовых, Трапезниковых, Наквасиных, в домах которых они останавливались.

Новые возможности открылись для декабристов после окончания сроков каторги и определения к местам поселения. Всех выходящих на поселение декабристов привозили в Иркутск и отправляли в назначенные места. Места поселения определялись в Петербурге и могли быть изменены только с разрешения императора по представлениям шефа жандармов на основании ходатайств самих декабристов, их родственников или местных властей. За поведением поселенцев устанавливался гласный надзор местной полиции. Вся их переписка проходила через канцелярии местных гражданских губернаторов и III Отделения. В письмах разрешалось лишь «извещать о здоровье и делах семейных». Если же авторы «дозволяли входить в рассуждения о предметах до них не касающихся», мог последовать выговор, а то и временный запрет на переписку.

Первоначально Иркутск не входил в число городов, где было разрешено селиться декабристам. После отбытия каторжных работ их определяли в сельскую местность на положение государственных крестьян и выделяли в надел 15 десятин. Стараниями родственников многие из декабристов были поселены в пригородных селах, что давало возможность часто приезжать губернский центр для решения административных и хозяйственных задач. Одной из многочисленных оказалось иркутская колония. В непосредственной близости от Иркутска было поселено 38 декабристов, особенно большое их количество было сосредоточено в с. Урик, за которым закрепилось название «столичка» декабристов.

Из декабристов первым иркутянином стал А. Н. Муравьев. Приговоренный к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства, он был назначен сначала городничим в Верхнеудинск, а в 1828 г. переведен на ту же должность в Иркутск. В июле 1831 г. стал председателем Иркутского губернского правления в чине статского советника. Много сделал для благоустройства города: создал парк для гуляний на берегу Ангары, впервые построил тротуары. Под его руководством центр города был благоустроен, положены тесовые тротуары, на набережной Ангары заведены «москов-

Усадьба дома Волконских в Иркутске

ские гулянья в экипажах вокруг качелей», привел в порядок городскую полицию, составил статистическое описание города с подробными сведениями о численности населения, его национальном и социальном составе, состоянии торговли и промышленности. Его дом на Спасской площади стал центром культурной жизни города. Здесь проводились музыкальные вечера, вечера поэзии и читались лекции.

В январе 1835 г. купил дом в Иркутске «первый декабрист» В. Ф. Раевский, живший на поселении в Олонках. Он часто бывал в городе по хозяйственным делам. В 1845 г. в связи с необходимостью дать достойное образование детям в Иркутск переехали семейства Волконских и Трубецких. С этого времени их дома стали центрами культурно-досуговой жизни образованной части иркутян. В их литературно-музыкальных салонах обсуждались последние новости из столиц, новинки литературы и музыки, спектакли местного театра и домашние постановки гимназистов, друзей Михаила Волконского.

Пребывание в Иркутске таких ярких представителей дворянской культуры не могло не отразиться на городской элите, в основном представленной купечеством и разночинцами. Купец Н. А. Белоголовый отводил декабристам роль своеобразного рубежа, за которым в иркутском обществе происходила переоценка ценностей. «Одновременное появление в небольшом и разнокалиберном обществе двадцатитысячного городка пятнадцати или двадцати высокообразованных личностей не могло не оставить глубокого следа, – писал он, – они скоро завоевали себе общую любовь и уважение в Иркутске, и благотворное влияние их на окружающую среду было глубоко… Каждый из них в отдельности и все вместе взятые – они были такими живыми и превосходными образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинства ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение». Совместные встречи, деловые отношения и интересы способствовали сближению декабристов с лучшими представителями иркутского купечества Кузнецовыми, Трапезниковыми, Баснинными, Белоголовыми, Медведниковыми, ставшими не только их деловыми партнерами, но и друзьями. Многие из них оказывали декабристам посильную помощь и старались облегчить их участь. В свою

Е. М. Корнеев. Секретный возок со ссыльными

Дом Волконских

очередь декабристы, стараясь лучше узнать и понять сибирскую действительность, активно содействовали выработке в местном обществе «сибирских вопросов», подготавливая тем самым почву для зарождения сибирского областничества. Вспоминая обучение у декабристов, Н. А. Белоголовый отмечал, что «они сделали меня человеком, своим влиянием разбудили во мне живую душу и приобщили ее к тем благам цивилизации, которые скрасили всю мою последующую жизнь».

Особую роль сыграли жены декабристов. Несмотря на высокое происхождение, они были просты в обращении в гостиных чиновников местной администрации и в избах односельчанок, куда приходили навестить больных или принять участие в семейном празднике. Длительное пребывание этих женщин в среде сибиряков, постоянство их образов и стиля поведения предоставляло тот культурный пример, которого Сибирь в определенном смысле была лишена и из-за отдаленности от центра, и из-за отсутствия дворянства, бывшего в то время носителем классической культуры. В Иркутске декабристки поддерживали образование, давали уроки, интересовались женскими учебными заведениями, сиропитательным домом Е. Медведниковой и Девичьим институтом.

Благодаря декабристам среди образованного общества города росла тяга к образованию и культуре. Иркутяне видели, что большинство приезжих, в том числе чиновников и военных, считали за честь встретиться с поселенцами, находя в них интересных и эрудированных собеседников. Особенный интерес вызывали дома Трубецких и Волконских, в гостях у которых бывали писатель И. А. Гончаров, шведский художник К. П. Мазер, виолончелистка Христиани и многие другие. Влияние декабристов на общественную и культурную жизнь города заметно выросло в период генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева, который снял с них многие запреты, принимал в своей резиденции и сам бывал с визитами в домах Волконских и Трубецких. Он содействовал поступлению на государственную службу в качестве чиновника по особым поручениям Михаилу Волконскому. В 1853 произвел его в коллежские секретари. В 1856 г именно Михаил доставил из Петербурга манифест об амнистии декабристов.

Как ни стремились власти ограничить деятельность декабристов только сферой хозяйственных забот, большинство из них находили время и возможность уделять внимание и другим занятиям, занимаясь обучением детей, оказанием населению медицинских услуг, помогали писать прошения и жалобы на действия местного начальства. Они выступали ходатаями и защитниками интересов крестьян, разъясняя им их права, разоблачая неправомерность действий чиновников. Само присутствие в селах образованных, умеющих постоять за себя и окружающих людей нередко сдерживало произвол местной власти.

Значительным был вклад декабристов в дело изучения края. Многие из них вели наблюдения за природными явлениями, режимом рек, собирали гербарии и минералогические коллекции. В своих письмах и статьях обсуждали проблемы развития Сибири, отмечая ее большой экономический потенциал и возможности. Краеведческая деятельность нашла отражение в статьях и очерках, написанных на поселении В. К. Кюхельбеккером, В. Ф. Раевским, братьями М. А. и Н. А. Бестужевыми, В. И. Штейнгейлем.

Еще находясь на каторге, декабристы оживленно обсуждали причины неудач готовившегося восстания, программные документы и возможности будущих преобразований. Многие из них не только сохранили верность своим убеждениям, но в данных условиях пытались продолжить борьбу с существующими порядками, находя для этого новые формы и методы. Наиболее последовательным и непримиримым борцом был М. С. Лунин. На поселении в Урике он серьезно пытался осмыслить уроки восстания, написал ряд записок «Взгляд на русское тайное общество» и «Разбор донесения следственной комиссии», которые отправлял в письмах своей сестре в Петербург. К распространению этих записок он привлек иркутских учителей А. К. Журавлева, А. Крюкова, Н. Яблонского, И. И. Голубева и чиновника Василевского. После доноса М. С. Лунин был арестован и отправлен в Акатуйский рудник, где 3 декабря 1845 г. скончался при загадочных обстоятельствах.

Мария Николаевна Волконская. Акв. Н. Бестужева

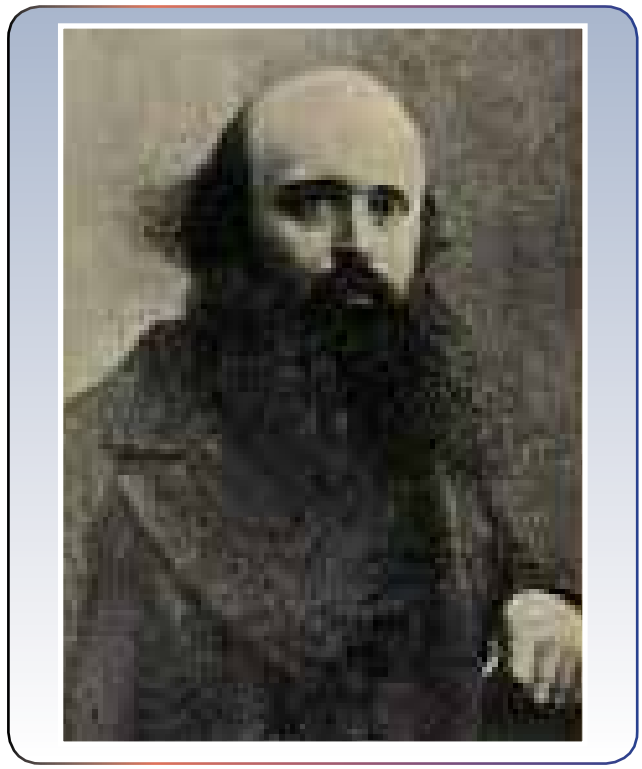

Г. С. Батеньков

Тридцать лет каторги и поселений для многих декабристов не прошли бесследно. Лишь немногие дожили до амнистии. На Иркутской земле остались лежать в губернском центре В. А. Бечаснов, В. П. Колесников, П. А. Муханов, И. В. Поджио, Н. А. Панов, П. Ф. Дунцов-Выгодовский, Е. И. Трубецкая с детьми Софьей, Владимиром, Никитой, А. З. Муравьев и А. П. Юшневский, в с. Оек похоронен Ф. Ф. Вадковский, в Усолье-Сибирском П. Ф. Громницкий, в с. Каменка И. И. Иванов, в Олонках В. Ф. Раевский с женой Евдокией Моисеевной и сыном Михаилом, в Верхоленске Н. П. Репин и А. Н. Андреев, в с. Коркино М. И. Рукевич, в с. Александровском Н. Поветкин, в Большой Разводной братья А. И. и П. И. Борисовы, в с. Урик Н. М. Муравьев с племянником Никитой.

7. Польские ссыльные. Петрашевцы. М. А. Бакунин

М. В. Петрашевский

Во второй четверти XIX в. в Сибири оказываются тысячи участников польского восстания 1830 г. На каторге и поселении они продолжают активно сопротивляться самодержавию. Известны попытки освобождения бывших повстанцев под Омском, в Красноярске, на Усольском солеваренном заводе и других местах. В 1849–1850-х гг. в Сибирь были сосланы члены кружка петрашевцев. Всего к каторжным работам был приговорен 21 человек. В феврале 1850 г. в Иркутский тюремный замок были доставлены М. В. Петрашевский, Н. А. Спешнев, Ф. Н. Львов, Н. А. Момбелли и Н. П. Григорьев. Здесь им помогли декабристы, передавшие продукты и необходимые в дороге вещи. Местом наказания для них были определены Шилкинский и Александровский заводы, и только в начале 1856 г. они были переведены в Большой Нерчинский завод. От каторжных работ все нерчинские петрашевцы были освобождены манифестом 1856 г., после чего Н. А. Момбелли был отправлен в Кавказскую действующую армию, Н. П. Григорьев «по причине психического расстройства» передан на поруки родственникам, а Петрашевский, Спешнев и Львов, с разрешения генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, поселились в Иркутске. Львову и Спешневу разрешено было вступить в службу канцеляристами 4-го разряда, а Петрашевский стал стряпчим и вел частные дела.

Деятельность иркутских поселенцев была активной и разнообразной, чему способствовало то, что в губернском городе, благодаря декабристам, сложилось уважительное отношение к ссыльным, а также особая позиция генерал-губернатора Муравьева, еще нуждавшегося в общественной поддержке. Петрашевцы приняли активное участие в общественной жизни города, которая заметно активизировалась в условиях обсуждения крестьянской реформы в стране и присоединения Амурского края. В Иркутске этому немало содействовала организация местной газеты «Иркутские губернские ведомости», редактором которой в мае 1857 г. был назначен Н. А. Спешнев. К сотрудничеству в «неофициальной» ее части были привлечены как представители местной интеллигенции (М. В. Загоскин, М. П. Шестунов, И. С. Сельский, С. С. Щукин и др.), так и политические ссыльные (В. Ф. Раевский, М. В. Петрашевский, Ф. Н. Львов). В статьях, заметках, комментариях к читательским письмам, публикуемым в «Ведомостях», а затем и в частной газете «Амур», основанной по инициативе М. В. Петрашевского, обсуждались самые злободневные вопросы, злоупотребления местных купцов и чиновников. Особенно активное участие петрашевцы приняли в осуждении действий администрации Н. Н. Муравьева-Амурского в связи с печально знаменитой «иркутской дуэлью». Недовольство губернских властей вызвала и позиция петрашевцев в «амурском вопросе». Призна-

М. А. Бакунин

вая необходимость для России урегулирования пограничных проблем с Китаем и скорейшего освоения новых территорий, они резко критиковали ошибки, допущенные местной администрацией и правительством при заселении Приамурья, предлагая заменить принудительную колонизацию вольной, предоставить новым жителям большую хозяйственную самостоятельность и освободить их от мелочной опеки. Непримиримость М. В. Петрашевского, его нежелание даже из тактических соображений идти на компромиссы привели в феврале 1860 г. к высылке его из Иркутска в Енисейскую губернию. Однако и новая ссылка его не остановила, он продолжал рассылать свои протесты, настраивал местных жителей против властей, из-за чего его постоянно переводили из одной деревни в другую. Умер он 7 декабря 1866 г. в с. Бельском.

Неоднозначный след оставило пребывание в Иркутске М. А. Бакунина. В 1859 г. с согласия дальнего родственника, генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, он был переведен в Восточную Сибирь из Томска, куда был выслан после 9-летнего заключения. В Иркутске он активно участвовал в местной печати, посылал письма и корреспонденции А. И. Герцену. Им был написан один из первых очерков о движении петрашевцев, основанный на рассказах самих участников движения. Однако в противостоянии власти и общества во время и после «иркутской дуэли» Бакунин встал на сторону муравьевской партии. Объяснялось это не только родственными чувствами, но и признанием заслуг Муравьева в амурском деле. Кроме того, поставив своей целью скорейшее возвращение к активной политической борьбе, для чего нужно было вырваться из Сибири, он должен был демонстрировать определенную лояльность к властям. В июне 1861 г., воспользовавшись служебной поездкой в Николаевск-на-Амуре, он бежал из России на американском корабле «Викерс» и в конце года добрался до Лондона.

Политическая ссылка в Сибирь стала своеобразным показателем развития оппозиционного общественного движения в России. Заложенные декабристами и петрашевцами традиции активного восприятия социальных проблем и включенности в жизнь местного общества были продолжены последующими поколениями политических ссыльных. Причем в новых исторических условиях это сближение с потребностями и интересами иркутского общества принимает уже не только нравственно-культурный, но в значительной степени политический характер.

8. Муравьевское время в Иркутске

Очередной всплеск общественно-культурной жизни в Иркутске произошел в середине XIX в. и был связан с именем генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского (1809–1881). Представитель старинного дворянского рода, давшего России многих видных государственных и военных деятелей, он пробыл 13 лет на должности генерал-губернатора Восточной Сибири. Это время стало самым значительным и плодотворным в его биографии. Деятельность Н. Н. Муравьева в Восточной Сибири была многогранной. С его именем связаны административные реформы в крае, создание забайкальского и амурского казачества, забота о положении и быте крестьянского населения и инородцев, развитие золотопромышленности в Восточной Сибири и на Амуре. Много сделал он для культурного и общественного развития Иркутска как столицы обширного региона. В период его управления в городе заметно активизировалась общественная и культурная жизнь, были открыты новые учебные заведения, библиотеки, Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества, появилась периодическая печать. Генерал-губернатора отличало особое отношение к политическим ссыльным – декабристам и петрашевцам, жившим в Иркутске. Он не только принимал их у себя и оказывал помощь, но и содействовал привлечению на службу ссыльных и их детей. Петрашевцам после амнистии 1856 г. было не только разрешено поселиться в Иркутске, но и даже Н. А. Спешнев, родственник Н. Н. Муравьева, был назначен редактором только что созданной первой газеты Восточной Сибири «Иркутские губернские ведомости».

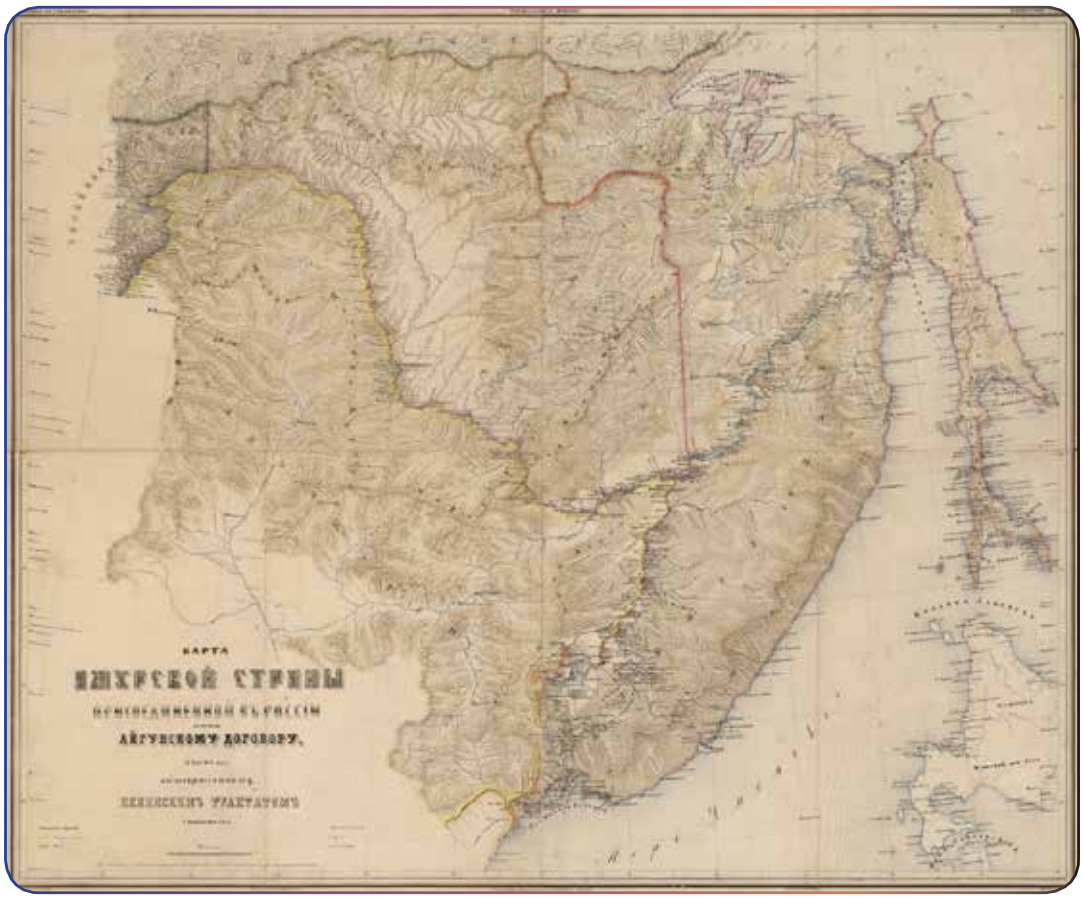
Пожалуй, наиболее плодотворной для края стала его деятельность по изучению, укреплению управления и присоединению

Н. Н. Муравьев

к России дальневосточных территорий. Н. Н. Муравьев лично контролировал и направлял процесс заселения и хозяйственного освоения новых территорий, урегулирования пограничных вопросов. В 1858 г., после заключения им Айгунского договора, определившего границу с Китаем по Амуру, он был возведен в графское достоинство с присоединением к фамилии почетного имени Амурский. Ему также было присвоено звание генерала от инфантерии.

К моменту назначения на должность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву шел всего 39-й год. Однако молодой генерал-губернатор весьма энергично принялся за дело. Прежде всего он тщательно изучил все материалы о Восточной Сибири, имеющиеся в столичных министерствах и в канцеляриях генерал-губернаторства. Итогом многомесячной работы стал всеподданнейший доклад от 8 января 1848 г. на имя Николая I, в котором

Карта Амурской страны, присоединённой к России

было выделено 12 «главных предметов» для внимания императора. К числу наиболее важных он отнес пересмотр существовавшего Учреждения 1822 г. и совершенствование кадровой политики. Он не исключал возможности изменения границ существующих округов и предоставления большей самостоятельности в управлении администрации Якутской области. Он также указывал, что Забайкальский край, Якутская область, побережье Охотского моря и Камчатки требовали особого внимания нового генерал-губернатора в связи с их обширностью и малозаселенностью, а от того и совершенной беззащитностью перед внешней опасностью. Уже достаточно скоро, в период Крымской войны, его опасения были подтверждены враждебными действиями на Тихом океане англо-французской эскадры. В целом же о Восточной Сибири у нового генерал-губернатора сложилось впечатление как о крае, который «в последние годы <...> получил совершенно новое значение в Империи, значение, которому мало соответствует состав, средства и, быть может, самый образ тамошнего управления».

Уже в начальный период деятельности Муравьева значительно увеличивается штабная часть и численность ближайших подчиненных генерал-губернатора. Поскольку Муравьев по должности являлся одновременно командующим войсками, расположенными в Восточной Сибири, при нем был создан настоящий штаб, который возглавил подполковник лейб-гвардии Семеновского полка К. Н. Шелашников, ставший в 1864–1880 гг. гражданским губернатором Иркутской губернии, появились офицеры для особых поручений. Среди последних в первую очередь необходимо отметить капитана первого ранга Г. И. Невельского и капитана второго ранга П. В. Казакевича, сыгравших важную роль в организации знаменитых Амурских сплавов и

М. С. Корсаков

исследовании Дальнего Востока. Тогда же при ГУВС было создано специальное казачье отделение во главе с М. С. Корсаковым, ставшим преемником Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири в 1861–1881 гг.

Наряду с кадровой политикой важным направлением деятельности Муравьева были административные преобразования, имевшие стратегическое значение прежде всего с точки зрения продвижения Росси на Восток и упрочения положения и влияние России на Тихом океане. Большое значение имело образование самостоятельной Забайкальской области на базе двух округов – Верхнеудинского и Нерчинского. Военный губернатор Забайкальской области являлся по статусу одновременно и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Все это определяло и статус, и круг обязанностей губернатора, и его отношения с командирами находившихся в губернии частей. В областях предполагался упрощенный порядок и сокращенный аппарат управления. Столицей новой области стала Чита. Забайкальское казачье войско было сформировано из горнозаводских работников Нерчинского горного округа. Все это стало подготовительными мероприятиями для осуществления планов Н .Н. Муравьева по возвращению Амура.

Следующим этапом стали сплавы по Амуру и полулегальные казачьи поселения по левому берегу реки. Несмотря на все сложности, из Иркутска на Амур снаряжались баржи и суда, на которых везли военные команды, скот, зерно. В 1854 г. первые 50 семей из Иркутска поселились на Амуре. В резиденции генерал-губернатора разрабатывались и редактировались основные положения будущих международных договоров с Китаем. Эти планы стали вполне реальными после экспедиции Г. И. Невельского к устью Амура, доказавшей, что его фарватер судоходен и доступен для морских кораблей. В результате этого плавания был поднят русский флаг над Петровским зимовьем и Николаевским постом. Несмотря на недовольство в Петербурге по поводу самочинных действий Невельского, генерал-губернатор сразу решительно поддержал действия капитана 1-го ранга. По его докладу Николай I назвал поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим» и наградил орденом Св. Владимира 4-й степени, а на докладе Особого Комитета наложил знаменитую резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен». Император поддержал все планы Муравьева, предоставив ему в 1854 г. право дипломатических сношений с Китаем. Именно в ходе Амурских сплавов 18 мая 1858 г. был подписан Айгунский договор, определивший границу двух государств по Амуру. В честь этого события были заложены Благовещенск и военный пост Хабаровка (будущий город Хабаровск). Спустя два года был заключен Пекинский договор, утвердивший границу между двумя странами по р. Уссури.

В августе 1858 г. специально для торжественной встречи генерал-губернатора после подписания Айгунского договора с Китаем в Иркутске были возведены городской Думой

Триумфальные Амурские ворота

деревянные триумфальные Амурские ворота. Ставились они временно и после торжеств должны были быть убраны, но это монументальное сооружение настолько органично вписывалось в городской ландшафт и облагораживало эту часть Иркутска, что городская Дума решила их сохранить в качестве памятного знака. В ходатайстве, отправленном в Петербург, говорилось о том, что Амурские ворота будут напоминать и современникам, и грядущим поколениям о славных для Отечества делах. Кроме ворот город отметил возвращение генерал-губернатора пышной иллюминацией, балом в генерал-губернаторском доме и фейерверком.

Решение амурской проблемы заметно укрепило позиции иркутского купечества и дало возможность выйти на новые рынки. В 1857 г. иркутский купец А. В. Белоголовый сообщал в одном из писем: «У нас в настоящее время открываются такие вопросы, край невольно начинает заинтересовывать: Амур, американцы, торговля с Японией, пароходство по Байкалу, пароходство по Амуру, посольство в Китай, бандероли на чай, поставка графиту в Европу и Америку, экспедиция к урянхам (тувинцам), железная дорога от Иркутска до Читы. Это такие события, за которыми начнется ряд новых и, может быть, гораздо замечательнейших». Из перечисленных проектов далеко не все осуществились, но само их разнообразие и широкое обсуждение в деловых кругах Сибири стимулировали активность местных капиталов на Востоке. Сибирские предприниматели хорошо понимали, что занятием Амура Н. Н. Муравьев «прорубил окно к Тихому океану и открыл нам водяное сообщение со всем остальным миром!»

Уже в первых сплавах по Амуру принимали участие иркутские и забайкальские купцы. По инициативе генерал-губернатора была предпринята попытка создания компании на основе частно-государственного партнерства специально для активизации торгового и промышленного развития новых территорий. Она задумывалась в духе Ост-Индской компании, но в итоге смогла вести только мелочную торговлю, а все ее более масштабные начинания окончились неудачами. В среде иркутских предпринимателей обсуждались планы организации торговли с Китаем и другими странами через Амур и Тихий океан. В 1859 году иркутские купцы И. С. Хаминов и К. Г. Марьин направили на Амур своего родственника П. И. Пахолкова с целью установления торговых отношений с Китаем и Японией для организации доставки чая морем на Амур и далее в Забайкалье.

Практически вся дальневосточная буржуазия сложилась из сибирских купцов, их приказчиков и доверенных лиц. Д. Есипов, николаевский купец первой гильдии, был приказчиком верхнеудинского купца А. Курбатова, А. Плюснин начинал как доверенное лицо другого верхнеудинца И. Фролова. На службе в Российско-Американской компании начинали свою деятельность такие известные в будущем хабаровские предприниматели, как М. Чардымов, Расторгуев, Рафаилов. Из иркутских купцов происходил основатель крупнейшего торгового дома на Дальнем Востоке И. Я. Чурин. Отделения фирмы «И. Я. Чурин и К» были открыты во всех городах региона, а после постройки КВЖД – и в городских поселениях Северного Китая: Харбине, Порт-

Иркутск деревянный

Артуре, Инькоу, Имяньпо. По мнению приамурского генерал-губернатора С. Духовского, компания Чурина являлась наиболее надежным и крупным представителем русского торгового дела на Амуре.

Произошедшие перемены усилили позиции иркутских предпринимателей в торговле на Амуре и на китайской границе. Уже в 1860-х гг. некоторые из них смогли перенести торговые операции на территорию сопредельных стран. С переносом таможни из Кяхты в Иркутск в 1861 г. сюда смещается и центр русско-китайской торговли. Прокладка железной дороги, особенно ее восточного участка (КВЖД), привела к появлению новых торговых центров уже на китайской территории (Харбин, Маньчжурия, Хайлар), что заметно изменило географическую направленность русско-китайской торговли. Крупные российские и сибирские предприниматели, освоившись на внутреннем китайском рынке, включились в промышленное освоение региона.

Создание беспошлинной таможенной зоны на Амуре и Дальнем Востоке содействовало экономическому подъему в этих регионах, росту товарооборота России с Монголией, Китаем, Кореей. Неуклонно росли и доходы иркутской таможни. В 1870–1880-х гг. она давала 2–3 млн руб. ежегодно, в 1890-х годах – до 9 млн руб., в 1900 г. – 13 млн руб. По таможенным доходам она занимала пятое место в стране, давая до 7,5–8% от общего поступления всех таможенных сборов. Расширение экономического пространства соответствовало геополитической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в какой-то мере компенсировало потерю экономического и политического влияния на Тихом океане после продажи Русской Америки. Так, в 1862 г. кяхтинский градоначальник А. И. Деспот-Зинович представил генерал-губернатору Восточной Сибири записку «О мерах для сближения с Монголией», в которой в качестве главной задачи региональной политики определялось «распространение влияния на Китай и в особенности Монголию, Маньчжурию и Тибет». В ней, в частности, говорилось о создании в Восточной Сибири самостоятельной хозяйственной базы, ориентированной на Китай.

Муравьевское время вызвало небывалый подъем культурной и общественной жизни в губернском центре. Не последнюю роль сыграла личность самого генерал-губернатора, покровительствовавшего всему передовому и прогрессивному. Появление в городе большого количества молодых чиновников и военных, представителей интеллигенции, просвещенного купечества заметно содействовало формированию общественного мнения, обсуждению вопросов развития производительных сил края, оценкам деятельности администрации Н. Н. Муравьева. Следствием изменений в социокультурной сфере стало появление местной печати, общественной би-

Н. Н. Муравьев-Амурский в центре с чиновниками

Барельеф на памятнике императору Александру III

блиотеки, литературно-музыкальных вечеров, любительских спектаклей, публичных лекций и других мероприятий.

В эти годы в городе действовали салон Е. Ротчевой при Сиропитательном доме Е. Медведниковой, молодежь собиралась в доме С. П. Трубецкого в Знаменском предместье, в котором поселились молодожены – дочь декабриста Зинаида и ее супруг, чиновник по дипломатической части при генерал-губернаторе Николай Свербеев. Более радикальным было «общество зеленых полей», организованное купцами, учениками декабристов, братьями Николаем и Андреем Белоголовыми. Заметный след в общественной жизни Иркутска оставила частная публичная библиотека М. П. Шестунова и С. Д. Протопопова. В ней собиралась читающая публика из числа разночинцев и образованной части купеческой молодежи, критически обсуждались различные общественные вопросы и действия местного начальства. В этом, как его называли, «якобинском» клубе неоднократно выступал М. П. Буташевич-Петрашевский. Один из современников, отмечая насыщенную общественную среду городской жизни, писал, что в «Иркутске есть кружки молодых людей, не светских и не обладающих лоском наружного образования, но, тем не менее, дельных и полезных, которые скромно, без излишних фраз, деятельно подвизаются на пользу общую каждый на своем поприще, прививая к себе благотворные проявления современности и вырабатывая все добрые жизненные начала». Следует отметить, что далеко не все окружение генерал-губернатора разделяло передовые идеи. Среди любимчиков начальника края были консерваторы, карьеристы, взяточники. Их поведение становилось все более вызывающим, а Муравьев всецело был на их стороне. Намечавшийся раскол в обществе Иркутска особенно проявился во время первой в Сибири дуэли 16 апреля 1859 г. между чиновниками Главного управления Восточной Сибири – лидером молодых аристократов Ф. А. Беклемишевым и М. С. Неклюдовым, представителем либеральной молодежи, – закончившейся гибелью последнего. Похороны М. С. Неклюдова вылились в грандиозную демонстрацию протеста, собравшую около 10 тыс. чел. На могиле выступил М. В. Петрашевский, гневно осудивший произвол муравьевцев и потребовавший суда над ними. Следом появились статьи в «Губернских ведомостях» В. Ф. Раевского и Ф. Н. Львова, но особенный резонанс вызвала статья, опубликованная Герценом в приложении к «Колоколу», листке «Под суд». Если первоначально все зачинщики дуэли были привлечены к суду и наказаны, то после возвращения из Забайкалья Муравьеву удалось не только оправдать своих любимчиков, но и наказать самих судей. Считая оппозиционные выступления направленными против его деятельности, Н. Н. Муравьев разорвал с либерально-демократическим сообществом Иркутска все связи. В 1860 г. М. В. Буташевич-Петрашевский был выслан в Минусинский округ, Н. А. Спешнев добровольно выехал на родину, Ф. Н. Львов, уволенный со службы, нашел приют у В. Ф. Раевского в Олонках, М. П. Шестунов тоже был выслан из города, над М. В. Загоскиным усилен надзор, а его журналистская деятельность взята под строгую цензуру. Начались гонения против газеты «Амур», частной библиотеки Вагина и Шесту-

Н. Н. Муравьев с супругой

нова, был установлен полицейский надзор за братьями Белоголовыми, Н. Н. Пестеревым и др. Таким образом, сотрудничество генерал-губернатора и либерально-демократической интеллигенции, во всяком случае, значительной ее части, прекратилось.

Все эти скандалы, прошения и петиции, поддержанные передовой общественностью многих сибирских городов и лондонским центром Герцена и Огарева, в условиях нарастающей политической активности в подготовке крестьянской реформы, не могли пройти бесследно для карьеры Н. Н. Муравьева-Амурского. Признавая все свои несомненные заслуги по развитию и расширению дальневосточных окраин России, он не смог вынести как интриг против себя в Петербурге, так и нападки либерального крыла, и в 1861 г. вышел в отставку в 52 года. Несмотря на все противоречия с обществом и сложные личные качества графа Амурского, провожал его почти весь Иркутск. Как вспоминал современник: «Тут были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из окрестных деревень, и инородцы, и казаки».

9. Городское управление и хозяйство

Городское самоуправление в Иркутске в XIX в. претерпело значительные изменения. Первым шагом в упрощении управления городами Сибири стала, как уже говорилось, реформа М. М. Сперанского. В состав городского управления входили: полицейское и хозяйственное управления, а также городской суд (вместо магистрата). Полицейское управление подразделялось на общую управу, куда входили городничий и частные приставы (по числу частей города). Ограниченная роль городской думы подчеркивалась ее новым названием – хозяйственное управление. Она состояла из городского головы и четырех гласных. В ведении городской думы были управление городскими доходами и расходами, раскладка и сбор налогов, рекрутский набор, содержание городовых и сиротских судов и опека, выдача гражданам паспортов для отлучек по торговле и промыслам, содержание и исправление общественных зданий, мостов, площадей и улиц, городское благоустройство и санитарное состояние, надзор за производством торговли, деятельностью мещанской и цеховой управ и т. п.

Первые выборы по новому «Учреждению» прошли 2 декабря 1822 г. Городским головой на трехлетний срок был избран К. М. Сибиряков. В помощь ему было выбрано пять гласных – по двое от купечества и мещан, один от цеховых. Следует отметить, что в документе речь шла только о городской шестигласной думе. «Общая градская дума» была официально отменена еще в 1819 г. Управление средних городов заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа – городничий и квартальные надзиратели, а также медицинская часть. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи и двух заседателей. В мало-

Площадь в Иркутске

Набережная Ангары в Иркутске

людных городах управление осуществляли только городничий и городские старосты.

Утвержденные в 1824 г. дополнительные постановления «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» не только подтвердили все полномочия городских дум в отношении хозяйственной деятельности, но и расширили их. Городские думы получили надзор за торговлей в домах, лавках, на биржах, рынках, гостиных дворах и вообще во всех публичных местах. Они должны были побуждать городских жителей в ноябре и декабре к взятию надлежащих свидетельств, а в январе каждого года производить генеральную проверку торговли. У городской полиции в отношении торговли сохранился только санитарный и противопожарный надзор за содержанием торговых помещений и прилегающих к ним улиц, а также борьба с контрабандой и тайным корчемством. Для контроля за соблюдением новых правил при думах были учреждены особые торговые депутации из 3–7 лиц в зависимости от размера городских поселений. В них избирались купцы, заслужившие особенное доверие общества. Первая торговая депутация в Иркутске приступила к работе уже в 1825 г.

Сформировавшаяся система органов самоуправления просуществовала вплоть до городской реформы 1870 г. Появившееся в ходе ее новое городовое «Положение» отменило сословный характер городской власти, заменив его буржуазным принципом имущественного ценза. Фактически новая городская дума осталась в руках крупного капитала. Наибольшую заинтересованность в выборах проявляли купцы и домовладельцы. В руках первостатейного купечества неизменно находилась должность городского головы, да и среди гласных почти половина принадлежала к третьему сословию. Большинство решений думы, прежде всего по финансовым вопросам, проводилось, как и прежде, в интересах торгово-промышленных кругов. Вместо существующих с 1785 г. сословных городских ратуш вводились бессословные городские думы – распорядительные органы и городские управы – исполнительные органы, избираемые через каждые 4 года. Лидирующее положение в иркутской городской думе неизменно занимали представители крупнейших купеческих династий. Исключения были крайне редки. Так, в 1873 г. на первый срок по новому «Положению» иркутяне избрали бывшего председателя губернского правления статского советника В. В. Петрова. С 1885 г. горожане трижды избирали потомственного дворянина В. П. Сукачева (1885–1897). Правда, он по женской линии был связан с родом купцов Трапезниковых.

Большинство иркутских градоначальников старалось оправдать доверие избирателей. Среди них встречались не только крупные предприниматели, но, прежде всего, ревнители просвещения и культуры, чья деятельность была социально ориентирована. В памяти иркутян надолго остались имена Е. А. Кузнецова, В. Н. Баснина, И. С. Хами-

М. Д. Бутин

Супруги Хаминовы

нова, Д. Д. Демидова и др., на личные средства которых строились учебные заведения, приюты, больницы, открывались библиотеки, научные общества, театр, менялся в лучшую сторону внешний облик города.

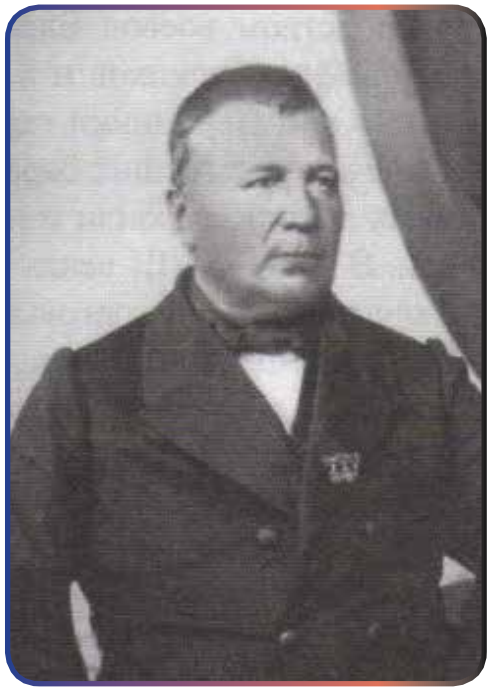
Становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и выработке общесословных ценностей и интересов. Наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество. Свое экономическое положение оно подкрепляло ведущей ролью в городском управлении. Наиболее активные и успешные представители купеческой элиты, выделяясь из основной массы, становились признанными лидерами посадского мира, приобретая авторитет и в глазах власти. Государство старалось найти формы дополнительного поощрения крупного купечества, проявившего себя в делах коммерции и на общественном поприще. Еще «Жалованная грамота городам» учреждала почетное звание «именитый гражданин». Первым в Сибири это звание получил М. В. Сибиряков. В своем прошении в наместническое правление в сентябре 1790 г. он подробно перечислил все свои общественные службы, включающие должности гражданского старосты (1766), словесного судьи (1771), президента магистрата (1777–1780), городского головы (1787–1789). За свою общественную службу Сибиряков получил от городского общества «похвальный аттестат» и благодарность. Кроме него в Иркутске звание «именитого гражданина» имел только Г. И. Шелихов, удостоенный его по ходатайству Рыльского городского общества. В 1807 г. указом Александра I категория «именитых граждан» упразднялась, а вместо нее было учреждено звание «первостатейное» купечество, которое вносилось в особую «бархатную» книгу. В апреле 1832 г. манифестом Николая I было введено звание «почетных граждан», составлявших привилегированную сословную группу, освобожденную от податного обложения. «Почетное гражданство» было как личное, так и потомственное, распространяющееся на наследников. Уже в 1830-х гг. получили звание потомственных почетных граждан иркутские купцы Баснины, Сибиряковы, Медведниковы, Трапезниковы и многие другие.

Члены городской думы

Для поощрения купцов, отличившихся в торговой деятельности, 27 марта 1800 г. было учреждено звание коммерции советника, приравненное к 8-му классу гражданской службы «Табели о рангах», а затем мануфактур советника с аналогичными правами. Среди иркутских купцов звание коммерции советника первыми получили купцы Мыльниковы, впоследствии братья Баснины, Н. П. Трапезников, П. Ф. Медведников и некоторые другие. За выборную общественную службу и благотворительную деятельность купцы награждались золотой медалью «За заслуги» и серебряной, на алой ленте для ношения на шее. Кроме того, нередко они получали и государственные знаки отличия. В частности, орденами Святого Владимира III степени были награждены купцы Е. А. Кузнецов (III и IV степени), П. Т. Баснин; святого Станислава III степени: Д. Ф. Игнатьев, И. Ф. Голдобин, М. Д. Бутин (III и II степени); святой Анны III степени: М. Д. Бутин, Н. А. Полевой, Ю. И. Базанова, Е. А. Кузнецов и др. На этом поприще всех превзошел иркутский купец и городской голова И. С. Хаминов, обладавший орденами Св. Станислава III, II, I степени, Св. Анны II и I степени, Св. Владимира IV и III степени, а также имевший высокий чин тайного советника.

Наиболее активными в развитии городского самоуправления были представители иркутской купеческой верхушки. Неслучайно Г. Н. Потанин выделял именно иркутских городских голов, которые могли говорить с достоинством даже с губернатором, в то время как в Томске, например, городские головы находились в полном его подчинении, «не смея» себе этого позволить. Многие из иркутских городских голов XIX в. действительно радели за свой город и пользовались доступными им механизмами для решения городских вопросов. Во второй половине XIX в. дума нередко реагировала на предложения городского общества и поднимала важнейшие вопросы общественно-политической жизни Сибири. Думцы обращались с запросами о прекращении ссылки в Сибирь по суду и в административном порядке, о введении в крае гласного судопроизводства и адвокатуры, свободы слова, об открытии университета и т. п. В дни празднования 300-летия Сибири в 1882 г. иркутская

Я. А. Немчинов

дума преподнесла адрес на высочайшее имя с просьбой о даровании «реформ, которыми уже так давно пользуется Европейская России».

В 1892 г. в России было принято городское «Положение», усилившее контроль за деятельностью местной власти, резко поднявшее имущественный ценз и сократившее предел самостоятельности городских дум. В Иркутске закон был введен в январе 1894 г. Право голоса по нему и возможность участия в выборах получили всего 1 819 чел. (ок. 4% городского населения). В то же время с развитием образования и культуры в состав городской думы стало проходить большее количество иркутской интеллигенции. На должности городских голов в это время мы встречаем не только купцов В. В. Жарникова, А. А. Юзефовича, И. Ф. Исцеленова, но и политического ссыльного поляка Б. П. Шостаковича, юриста Г. Я. Гаряева, санитарного врача из купцов К. М. Жбанова. По-прежнему в думе продолжали звучать подчас даже радикальные политические идеи. В 1901 г. она вместе с 8 органами городского самоуправления страны выступила с ходатайством о созыве съезда городских голов и представителей дум, в 1904 г. приняла постановление о необходимости созыва Всероссийского съезда представителей городского самоуправления.

Развитие городского самоуправления было тесно связано с формированием бюджетной политики. Город постоянно искал возможности пополнить доходную сторону бюджета и провести его оптимизацию. В 1816 г. из ведения Иркутской градской думы были убраны все военные здания, на строительство и ремонт которых тратились городские доходы. Если учесть, что среди них в губернском Иркутске в первой четверти XIX в. были орденансгауз, гауптвахта, полковой лазарет, военно-сиротское отделение, тюремный замок и другие, то это решение действительно способствовало облегчению городских повинностей. Губернские власти также были озабочены отысканием дополнительных средств для увеличения городских доходов. Определенный шаг в этом направлении сделала городская реформа М. М. Сперанского 1822 г., разделившая городские поселения Сибири на многолюдные, средние и малолюдные. В соответствии с этим делением строилось все общественное самоуправление, в том числе и бюджетная сфера, которая была передана вновь образованному хозяйственному управлению. Ежегодно в январе дума должна была представлять городскому обществу отчет о городских доходах и расходах за прошлый год. После утверждения отчет вместе со всеми книгами препровождался в казенную палату на ревизию.

Борясь с последствиями произвола предыдущей администрации, М. М. Сперанский установил «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли». В них, в частности, была сделана попытка упорядочить некоторые городские пошлины. Так, запрещалось производить сбор с извозчиков и с купеческих кладей, проходящих или временно останавливающихся в сибирских городах. Отменялся также существовавший в Иркутске на заставах сбор по 10 коп. со всех приезжающих в город. Запрещение взимать повозочный сбор значительно снижало доходную часть городских по-

Иркутск. открытка XIX в.

Московские ворота

селений, лежавших на главном торговом пути. Встретив негативную реакцию городских властей по этому поводу, М. М. Сперанский временно приостановил введение данного запрета, передав его на усмотрение и утверждение Сибирского комитета. Окончательное решение так и не было принято, и городские думы продолжали собирать пошлины со всех купеческих обозов. С развитием внутренней торговли и путей сообщения в XIX в. данный сбор обеспечивал поступление в доходную часть городов значительных сумм. Только в Иркутске его собирали на 37–38 тыс. руб.

На протяжении всего XIX в. наблюдался медленный, но стабильный рост городских бюджетов региона. Особенно быстро рос бюджет Иркутска. С 1816 по 1888 г. он увеличился почти в 24 раза, что, несомненно, отражало общую динамику народонаселения и капиталов. Иркутск вообще был самым богатым городом Сибири. В 1834 г. в Иркутске был создан комитет для уравнения городских доходов, призванный принимать меры для увеличения доходных статей города, вводя новые сборы и штрафы. В 1842 г., например, городская дума приняла решение о введении штрафа в 5 коп. за бродящий по улицам скот. Собранные суммы направлялись на благоустройство города. В то же время власти очень неохотно шли на увеличение расходных статей. В том же 1842 году специально образованный в думе комитет по благоустройству, рассматривая сенаторский указ об устройстве в губернских городах мостовых, посчитал излишним исполнять его в Иркутске, «ибо улицы здесь по твердому грунту земли состоят в хорошем положении». Доходы постепенно увеличивались, однако расходная часть оставалась более консервативной. По-прежнему большая часть расходов направлялась на административные нужды, в то время как затраты на социальное и культурное развитие городов были минимальны либо вообще отсутствовали. Не хватало средств на самые необходимые нужды образования и здравоохранения. На всю Восточную Сибирь приходилось всего 40 врачей, 5 частных и казенных аптек и 22 больницы. В городах Иркутской губернии было всего 12 больниц, которые могли принять в год до 1 847 человек.

Во второй половине XIX в. произошли значительные изменения в бюджетной политике сибирских городов. Городовое положение 1870 г. закрепило за местным самоуправлением права юридического лица, дав ему возможность приобретать и отчуждать имущество, оформлять займы, заключать договоры, выступать истцом и ответчиком в суде и т. д. Изменилась и структура доходной части. Прямые сборы с населения фактически прекратились, зато резко увеличилось количество «прочих

Дом по ул. Саломатовская (К. Либкнехта)

доходов». Сюда входили различные частные пожертвования, сборы с недвижимого имущества, извозного и перевозного промыслов, с документов на право торговли и промыслов, различные второстепенные сборы и штрафы с населения. В 1886 г. в Иркутском городском общественном управлении была учреждена ссудо-сберегательная касса с целью приема денежных вкладов и выдачи нуждающимся ссуд. Кроме того, город был одним из пайщиков Прибрежно-Витимской золотопромышленной компании и Ленско-Витимского пароходства. Для организации сбора доходов при Иркутской городской думе была организована в 1872 году «подготовительная комиссия» – финансовый орган, учитывающий поступление доходов и контролирующий правильность их использования. В следующем году была сформирована оценочная комиссия, в обязанности которой входили оценочный сбор, казенный налог, оценка и переоценка недвижимого имущества.

Следует отметить, что налог на недвижимость был одним из основных пунктов в структуре городских доходов Иркутска. Еще в 1831 г. натуральная постойная повинность городского населения была заменена денежными сборами. В конце 1850-х гг. этот сбор превысил все другие поборы. Ежегодно для содержания и размещения все увеличивающихся воинских команд и офицеров требовалось до 20 тыс. рублей. В 1839 г. губернская администрация предложила составить особый капитал, проценты с которого направить на погашения квартирной повинности. Сборы эти стали оплачивать в соответствии с оценкой недвижимости, в которую включали не только жилые дома, но и торговые и промышленные помещения, огороды и незастроенные участки. Переоценка городской недвижимости должна была производиться каждые три года. С недвижимости, оцениваемой ниже 50 руб., сбор не производился. После первой оценки стоимость всей городской недвижимости составила чуть более 2 млн рублей, что позволило внести в доход города 20 тыс. руб. К 1859 г. сумма на содержание военных возросла до 37,4 тыс. руб., составляя в среднем до 15 руб. на обывательский дом. В дальнейшем рост населения и города способствовал увеличению стоимости его недвижимости. В 1881 г. она оценивалась в 6,8 млн руб., а в 1904 г. составила уже 13,7 млн руб. Одновременно росли и сборы с оценки недвижимости. В 1884 г. Иркутская дума увеличила эти сборы до 10% с оценочной стоимости городского имущества.

Иркутск оставался наиболее крупным городом края, и доходная часть его продолжала расти, составив к концу XIX в. более 700 тыс. рублей. Однако дальнейшее развитие и модернизация коммунального хозяйства, усложнение системы управления и расширение социальной сферы города не могло не сказаться на объеме его расходов. Нередко они обгоняли доходы, и для погашения дефицита бюджета приходилось прибегать к займам и запасным капиталам. Важнейшими расходными статьями было содержание городского управления и

Плашкоут на Ангаре

полиции. На эти цели уходило более половины бюджета. На рубеже XX в. несколько возросли расходы на образование и медицинское обслуживание населения, составив около 23%. Этого, конечно, было недостаточно, но все же можно говорить об определенной тенденции к росту. В целом на одного жителя Иркутска приходилось до 10,7 руб. Это было значительно больше, чем в Красноярске (4,2 руб.), но уступало показателям столицы (14 руб.). Особенностью городского бюджета Иркутска была значительная доля в нем благотворительных капиталов. Только по мировой сделке между наследниками И. Н. Трапезникова и городом (1882 г.) иркутскому городскому обществу перешло более 2 млн руб., что позволило финансировать практически всю систему образования города вплоть до 1917 г. Официальная печать отмечала в 1914 г.: «Иркутск богат. Это едва ли не единственный город в России, не только не имеющий крупного долга, но еще владеющий большим капиталом и недвижимостью».

Вопросы коммунального хозяйства только во второй половине XIX в. стали предметом рассмотрения городских властей Сибири. С наступлением темноты вся жизнь в городах замирала. Уличное освещение появилось только в середине XIX в. В Иркутске в 1836 г. было установлено 10 первых фонарей, а вскоре еще 50, которые были размещены по Большой и Амурской улицам. В 1849 г. городской голова И. С. Хаминов за свой счет изготовил еще 76 фонарей. В качестве горючего в них использовалось специальное масло. Ненадежные, дающие сумеречное освещение масляные лампы тем не менее использовались более четверти века. В 1870-х гг. в Иркутске появилось 200 фонарей, действующих на спирто-скипидарной жидкости, а спустя десять лет их заменили на керосиновые фонари, которые были настолько лучше, что горожане их стали про-

Извозчики

Вид с Глазкова на понтонный мост

сто красть. В 1892 г. в Иркутске насчитывалось 423 керосиновых фонаря, но жители жаловались, что горят они «до появление луны на небе». Иркутянам было с чем сравнивать: в ряде домов и магазинах города в это время было уже установлено электрическое освещение. Вопросы об освещении города электроэнергией неоднократно поднимались на заседаниях думы, но только в 1901 г. было принято решение об использовании электричества для освещения улиц. В 1906 г. в городе было три частных электростанции, но город принял решение построить собственную. Она начала действовать с 1910 г. и уже в первый год имела более 1 тыс. абонентов. Более того, в эти годы серьезно рассматривался проект постройки электрического трамвая. С середины 1880-х гг. начинается телефонизация города. Первоначально телефоны были установлены в 16 местах, в том числе присутственных, в квартирах высшего губернского и городского чиновничества. В 1896 г. телефоны были уже у 206 абонентов.

Обеспечение городов водой решалось на протяжении рассматриваемого периода достаточно просто. Во дворах большинства горожан и по улицам было вырыто множество колодцев. Кроме того, прибрежное расположение большинства городов также способствовало обеспечению водой. В Иркутске основными поставщиками воды для питья, в противопожарных и технологических целях служили воды Ангары, Иркута, Ушаковки и других более мелких рек и ручьев. Доставка к потребителям осуществлялась водовозами. Только к концу XIX в. в Иркутске приступили к строительству паровых водокачек, а вопрос об устройстве водопроводов затянулся до начала следующего столетия. В апреле 1903 г. дума принимает решение о строительстве двух паровых водокачек в Знаменском предместье и по берегу Ангары в створе Амурской улицы. Через год с предложениями устроить новые водокачки обратились купец Шлезингер и инженер Кравец. Еще через несколько лет в городе организуется водопроводное товарищество, которое предложило выстроить водонапорную башню на Русиновской улице (ныне Байкальская) и от нее провести сеть водопровода.

Еще хуже обстояло дело с утилизацией и вывозом нечистот. Вплоть до начала XX в. основными сборниками нечистот были выгребные ямы во дворах горожан. Частично эти нечистоты через сточные канавы попадали в речные водоемы, но в основном вывозились ассенизационными обозами в специально отведенные местности. Вопрос о постройке городской канализации в дореволюционное время так и не был решен городскими властями. По центральным улицам устраивались водосточные канавы, но за состоянием их следили плохо, что приводило к разрушению полотна дорог, подтоплению подвальных помещений.

Нельзя сказать, что городская дума Иркутска не уделяла должного внимания проблеме чистоты улиц. Очистка улиц сдавалась подрядчику с торгов на год, отслеживался процесс вывоза и свалки снега, мусора и нечистот в строго определенные места. Домовладельцы обязывались ежедневно выметать улицы, тротуары и канавы, прилегающие к их домам. В зимнее время домовладельцам предписывалось расчищать перед домами сугробы, очищать тротуары от снега и во время гололеда посыпать их песком. Но все это касалось центральных улиц, а в стороне от них и на окраинах все оставалось по-прежнему.

10. Формирование архитектурного ансамбля и благоустройство города

В первой половине XIX в. городская застройка продолжала возводиться по типовым проектам, направляемым из столицы. Местные архитекторы использовали их для выбора фасадной части здания, а привязку его к территории и остальные части выстраивали по собственному усмотрению. Поэтому если внешний облик домов мог быть одинаковым, то все, что скрывалось за утвержденным фасадом, носило индивидуальный характер. Первые архитекторы Иркутска А. И. Лосев, А. Е. Разгильдеев, В. А. Кудельский, В. А. Рассушин и др., будучи людьми творческими, вносили в городскую застройку авторское начало и колорит. Конечно, большинство домов первых иркутских архитекторов были не так легки и изящны, как строения столичной классической архитектуры. Так, современники критически относились к пристрастию иркутского архитектора Я. А. Кругликова к высоким крышам, придававшим городу вычурный готический вид, но они были в то время популярны у жителей, так как лучше сохраняли тепло и были устойчивее к снежным заносам.

Учительская семинария

Ряд проектов рекомендовал для применения раскрашенные фасады. Цоколи окрашивались в серый цвет, стены домов в светло-желтый, светло-зеленый, светло-серый или светло-синий цвета. Такая окраска соответствовала изданному в 1817 г. указу, запрещавшему применение ярких красок и рекомендовавшему красить здания в бледные тона, образцы которых рассылались на специальных «дощечках». К этому же времени относится проникновение в городскую застройку новых стилистических приемов, связанных со стремлением придать деревянному дому сходство с каменным. Дом обшивался тесом и оштукатуривался для придания ему имитации каменной кладки, приобретая тем самым городской вид. Наиболее популярны подобные дома были среди чиновничества, купечества и зажиточных мещан. Расцвет деревянной декоративной резьбы в Иркутске в XIX в., до сих пор поражающей своими формами и сложным рисунком, свидетельствовал о благополучии города и зажиточности значительной части его жителей. В описаниях города первой половины XIX в. часто отмечалось, что деревянные дома на центральных улицах «все обиты тесом, снабжены архитектурными украшениями и раскрашены».

На рубеже XIX в. в окнах иркутских домов слюда была уже заменена стеклом, притом местного производства. Стекло хорошего качества и по ценам доступное для большин-

«Голландский дом»

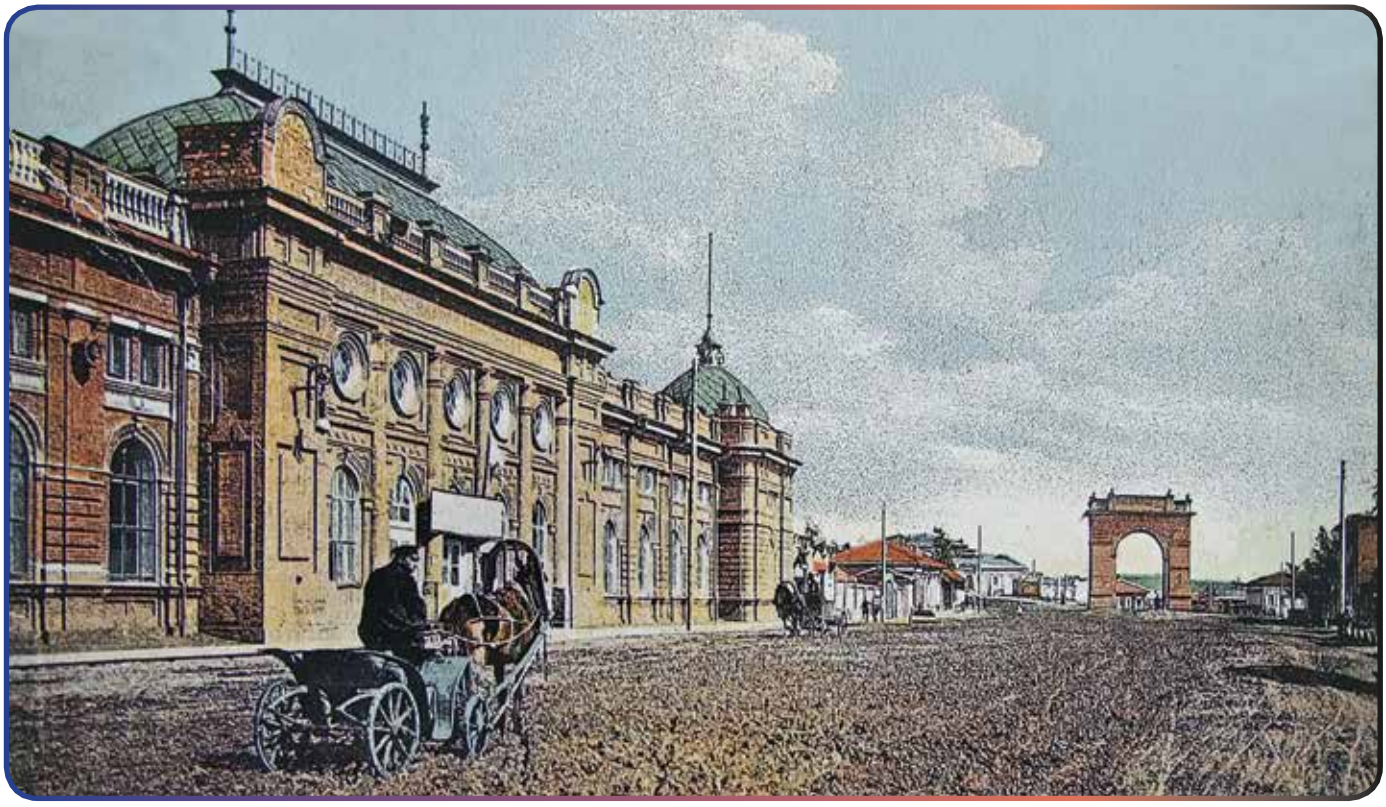

Детский сад

ства населения производилось на Тальцинском стекольном заводе и Тельминской казенной фабрике. Впрочем, иркутское купечество нередко выписывало стекло и зеркала из Европейской России. Признаком благополучия было также наличие у домов железных крыш. Обычно большинство купеческих особняков было покрыто железом, окрашенным в красный или зеленый цвет. В строительном деле существовала жесткая регламентация. Для строительства новых зданий и реконструкции уже существующих в городах губернии помимо разрешения местной полиции требовалась санкция Иркутской строительной комиссии. Только с 1853 г. указом Сената право разрешать новые постройки предоставили городничим. В целом административный контроль содействовал распространению типовых фасадов, унификации и согласованности городской застройки.

Социальное размежевание городского населения особенно наглядно прослеживалось в его распределении по территории города. Как правило, в центре города, в наиболее лучшей его части с выходом на реку, располагались административные здания, соборы и особняки светской и духовной знати, зажиточного купечества. Их застройка была ориентирована на высшие образцы и служила примером для остальных горожан. Центральные кварталы были также своеобразным деловым центром города. Здесь размещались гостиные дворы, здания таможни и другие торговые заведения. Ремесленники и прочий люд обычно концентрировались в слободах или предместьях, ставших частью городских окраин. Там же, у городской черты, имевшей выход к полям и пашням, селились крестьяне. В 1816 г. в Иркутске числилось 1 794 обывательских строения, а сам город был поделен на 4 части. В первой и второй частях города, которые и составляли его центральные кварталы, проживало две трети всех чиновников и духовенства, а также почти 80% иркутского купечества. Более равномерно по территории было представлено мещанство, а окраины города заселялись цеховыми, казаками, солдатами и разночинцами. К этому времени центральные части губернского центра были в основном застроены, поэтому быстрее заселяются его окраинные территории.

Даже к середине XIX в. Иркутск еще не производил впечатление крупнейшего административно-торгового центра Сибири. «Каменных домов было мало, – вспоминал об Иркутске 1840-х гг. В. Вагин. – Дома большею частью были деревянные, в один или два этажа, в три сажени и в три окна по фасаду, с

Ул. Амурская и здание Общественого собрания

высочайшими крышами. Большая улица почти вся была застроена такими домами; на ней только еще начинали появляться красивые, но тоже деревянные постройки. Лучше других были постройки на Заморской (ныне Амурской) улице, на Тихвинской и Ивановской площадях и по Ангарской набережной, между Большою и Харлампиевскою улицами. Город доходил только до Иерусалимской горы; но и тут местность, ближайшая к Ушаковке, была еще мало заселена».

В начале 1840-х гг. губернским архитектором П. В. Суторминым был составлен новый план города. В течение ряда лет он уточнялся и дополнялся. Городской архитектор А. Е. Разгильдеев закончил его только к 1848 году. Рост городской застройки и инфраструктуры потребовал дальнейшей работы над городским планом. В 1864 г. была проведена новая инструментальная съемка Иркутска, и в следующем году появился новый план, составленный губернским землемером П. В. Никитиным. Примечательно, что на этом плане впервые были введены горизонтали, передающие особенности местного рельефа. Кроме того, это был первый план города с названием почти всех улиц и переулков. Забота о расширении и спрямлении улиц, противопожарной безопасности города нашла отражение и в картографических документах. Так, в 1868 г. при проектировании очередного плана города в соответствии с циркуляром министерства внутренних дел от 8 июля 1867 г. губернский совет определил, «чтобы по обеим сторонам улиц Большой и Амурской не были разрешаемые к возведению постройки деревянные, а только каменные». При рассмотрении этого же плана в следующем году было решено расширить зону каменной застройки центра города.

Своеобразным рубежом в развитии города стал печально известный пожар 1879 г. До него город развивался без каких-либо скачков, степенно, осваивая центральную часть и лишь слегка обозначая свои окраины. Он в большей степени сохранял черты самобытной деревянной архитектуры. Немногочисленные ка-

Пожар в Иркутске 1879 г.

менные здания как бы растворялись в общем деревянном жилом массиве. В среднем на сто деревянных зданий приходилось три каменных. Во-первых, они были в несколько раз дороже деревянных, а во-вторых, считалось, что камень долго сохраняет сырость и поэтому вреден для здоровья. Если среди административных и церковных сооружений города каменные строения составляли почти половину (48%), то в частной застройке на долю каменных зданий приходилось всего 2%.

В 1830-х гг. город по-прежнему состоял из трех частей. В нем насчитывалось 42 больших и 58 малых улиц, а всех домов было 1 889, в том числе 56 каменных. К середине XIX в. осваивается почти вся наиболее удобная равнинная территория вдоль Ангары и Ушаковки, и город вплотную подходит к нагорной части. В 1851 году в городе было 2 400 домов, а в 1877 году – 4 500. В Иркутске в это время насчитывалось уже 127 улиц и переулков. Из них 91 находилась в центральной части города, 18 в Знаменском предместье. 17 в Ремесленной слободе. Глазковское предместье состояло из одной улицы, протянувшейся вдоль берега Ангары.

С 1864 г. в сибирских городах разрешено было строить деревянные дома в два этажа на каменном фундаменте, но увеличение этажности не внесло принципиальных изменений в сложившийся тип жилого дома. В допожарном Иркутске лишь центральные улицы соответствовали его статусу губернского центра. В 1877 г. в Иркутске была произведена полная инвентаризация всех городских строений. Всего в городе насчитывалось 3 022 двора и 4 504 жилых дома. Распределялись они следующим образом. Основная масса – 2 401 двор и 3 773 дома – в центральной части города. Почти равномерно обывательские строения распределялись по Знаменскому предместью (соответственно 253 и 287) и Ремесленной слободе (285 и 323). Меньше всего было застроено Глазковское предместье, в котором считалось всего 83 двора и 121 жилой дом.

Большая концентрация деревянной застройки, отсутствие элементарного благоустройства, удобных подъездов, слабая противопожарная служба способствовали частым пожарам. Большинство построек было усадебного типа, вмещающих различные флигели, хозяйственные строения, бани и т. п. В 1879 г. Иркутск постигло страшное несчастье, от которого он долго не мог оправиться. Пожарами 22–24 июня была уничтожена вся центральная часть города. Выгорело 75 кварталов, в которых находилось105 каменных и 3 418 деревянных строений. Сгорели все торговые и казенные постройки. Погибло в огне и умерло от ожогов 11 человек. Убытки соста-

Карта с отмеченными сгоревшими кварталами

Центр г. Иркутска. XIX в.

вили до 7,5 млн руб. только от уничтоженной недвижимости, а частного имущества и товаров погибло на сумму до 20 млн руб. После пожара в центральной части города развернулось массовое каменное строительство. В 1883 г. городская дума запретила строительство деревянных сооружений не только по линии центральных улиц, но и на расстоянии десяти сажень вглубь. Полностью запрещалось на всей территории города устройство жилых помещений и бань в пристрое с другими хозяйственными заведениями. В городе была проведена полная топографическая съемка, а в 1887 г. по заданию городской Управы составлен новый генеральный план губернского центра, определивший новые подходы к регулированию капитального строительства в центральных кварталах. Город быстро справился с последствиями пожара. Уже к концу 1880 г. была вновь отстроена четвертая часть города. В 1884 г. в нем насчитывалось 5,7 тыс. домов, а конце десятилетия следы пожара полностью исчезли.

Обновление города после пожара заметно изменило его внешность, придав ему европейский вид, но лишило уютности и старины.

Говоря об изменениях в городской застройке, следует понимать, что они затрагивали лишь центральные районы города, насыщенные торговой инфраструктурой, административными зданиями, конторами и купеческими особняками. Городская беднота теснилась в основном в небольших и ветхих деревянных домах на окраинах города, испытывая нужду и лишения. Известный этнограф П. Ровинский, обращая внимание на социальные контрасты Иркутска, писал: «Всего ужаснее, конечно, положение бедняков в отдаленных улицах – Нагорной, Матрешинской и др., где низкие, полусгнившие, влезшие в землю домики окнами касаются земли, и их жителям приходится целое лето вдыхать в себя эти зловонные испарения».

На протяжении всего XIX в. заметно меняется к лучшему не только застройка города, но и его внешний вид, приобретая черты столичного центра и богатого купеческого города.

Нельзя сказать, что губернские власти не проявляли заботу об улучшении внешнего вида Иркутска. Выполняя высочайшие циркуляры и указы из столицы, они как могли содействовали формированию первых городских

Здание городской Думы

планов, пытались проводить работы по благоустройству жилых кварталов и улиц, иногда даже вопреки желаниям самих жителей. Настоящая архитектурная революция была произведена при гражданском губернаторе Н. И. Трескине. Наибольшую активность он стал проявлять после высочайшего циркуляра от 8 марта 1811 г., который обращал внимание на необходимость работ по благоустройству губернских центров. На его основе Трескин издал собственный указ «О содержании в чистоте городов», в котором сформулировал правила приведения улиц и дворов в порядок, содержания скота и других домашних животных, прекращения бродяжничества. С домами, стоящими не по плану, власти не церемонились. Надолго запомнили иркутяне «гущинскую команду», собранную из каторжан, которая не останавливалась перед ломкой дома, если его фасад выступал на улицу и мешал движению. По распоряжению Н. И. Трескина были подняты и осушены топкие места в городе, улицы засыпались мелким камнем (хрящем), устраивались площади и бульвары. Причем все работы проводились за счет домовладельцев, а земляные работы и благоустройство осуществлялись руками ссыльных. Правда, это больше относилось к центру города. Чуть в стороне от главных улиц было много старых покосившихся деревянных домов, много грязи и мусора.

Общее руководство по благоустройству Иркутска возлагалось на инженерных чиновников и губернского архитектора. В первую очередь исправляли полотно главных площадей города и в районе казенных и общественных зданий. При этом только часть территории ремонтировалась за счет собранных средств. Владельцы домов и торговых заведений, а также настоятели храмов, расположенных в центре города, должны были производить ремонт на прилегающих к их строениям участкам улиц за свой счет. Все виды работ – рубка фашинника, отсыпка полотна землей и песком, выравнивание улиц, покрытие их битым камнем – производились силами ссыльных, еще не водворенных на места поселения. Количество их постоянно росло. Если в 1813 г. в работах было занято всего 10 человек, то уже в 1818 г. ежедневно в дорожных работах участвовало по 109 ссыльных.

Продолжались работы по благоустройству набережной Ангары. В 1812 г. было составлено два проекта новой набережной Ир-

Памятник Александру III на набережной Ангары

кутска в деревянном и каменном исполнении. В 1819 г. проектом укрепления берега Ангары и устройством набережной в Иркутске занимался будущий декабрист Г. С. Батеньков. Из-за недостатка средств работы начались только в 1823 г. Общее руководство работами осуществлял инженер-полковник А. А. Медведев. Общая стоимость работ составила 100 тыс. рублей. Вместо обруба было решено соорудить откосные укрепления. От Московских ворот до места бывшего острога в берег был вколочен тын из толстых лиственничных бревен, в глубину берега до трех саженей было сделано особое сооружение также из толстых бревен, свинченных в несколько рядов железными болтами. Затем все сооружение было засыпано землей, битым камнем, кирпичами и утрамбовано. Сверху весь береговой откос был облицован каменными плитами из местного серовика. Напротив духовной семинарии и Богоявленского собора к воде были проложены каменные лестницы. На месте бывшего острога около Спасской церкви был разбит городской сад в английском стиле, засаженный в четыре ряда тополями и кустарником. Здесь устраивались представления, гуляния и иллюминация. По выходным и праздничным дням играл духовой оркестр. В результате этих работ береговая часть городского центра стала более привлекательной и превратилась в любимое место отдыха горожан. В середине XIX в. были сооружены береговые укрепления у Знаменского женского монастыря и на участке от Дехтевской улицы до Базановского взвоза.

Работы по благоустройству города во второй половине XIX в. совершались уже не только под патронажем администрации края, но в большей степени усилиями органов городского управления и самих горожан. С ростом городских доходов и появлением заметной прослойки средних социальных групп в лице купечества и зажиточного мещанства формируются представления о городе не только как о месте проживания и работы, но и досуга. С развитием благотворительности значительные средства стали направляться на благоустройство городской среды и мест отдыха и увеселений граждан. В 1830–1840-х гг. кроме обычного исправления улиц в центральной части города были проведены работы по устройству деревянных тротуаров и канав для стока дождевой воды. Более серьезное внимание уделялось оформлению и названиям улиц. В

Сиропитательный дом Е. Медведниковой

1838 г. Городская управа представила на утверждение губернатору реестр названий всех улиц, переулков и площадей. Предлагалось установить в начале и конце каждой улицы деревянные столбы с дощечками, на которых были указаны их названия. Всего в это время в городе считалось 66 улиц и 9 переулков.

Пристальное внимание уделялось вопросам санитарно-гигиенического состояния города. Как уже говорилось, очистка улиц сдавалась с торгов подрядчикам, а городские власти контролировали места ввоза и свалки снега и мусора, домовладельцев обязывали ежедневно подметать участки улиц, прилегающие к их домам. Особенные меры принимались в дни праздников и приезда высоких особ. В июне 1891 г. к приезду наследника престола город спешно привели в порядок, выровняли дороги, покрасили и привели в порядок фасады по центральным улицам, высадили деревья и украсили город лентами, флагами и цветами. В мае 1899 г. в городе провели массовые посадки деревьев. Всего было посажано несколько сотен разных деревьев.

В окрестностях Иркутска располагались значительные лесные массивы, но озеленение самого города оставляло желать лучшего. Лишь при домах крупных чиновников и купцов были сады и оранжереи. Мест для народного гуляния и отдыха было крайне мало. Кроме набережной, которая мало посещалась иркутянами «по непривычке», в городе было всего два места для отдыха: сад, устроенный еще Ф. Кличкой около своего загородного дома на Ангаре (позднее в этом месте было построено каменное здание института благородных девиц), и «публичный Портновский сад» на Ушаковке, который купец Портнов пожертвовал городу. При Н. И. Трескине там был выстроен зал для танцев и фонтаны, вода для которых была проведена из реки. Там же на Ушаковке была огорожена забором бывшая комендантская березовая роща, в которой были устроены «кое-какие беседки», но из-за неудобного местоположения она не пользовалась вниманием посетителей. По-прежнему любимыми местами всех горожан оставались берега Ушаковки, в летнее время целыми семьями выезжали на Иркут и Каю.

В конце XIX в. одним из любимых мест отдыха стал Сукачевский сад, устроенный вокруг загородной усадьбы городского головы и мецената В. П. Сукачева. В 1860-х гг. по решению городской управы на месте старой березовой рощи в устье Ушаковки был устроен второй городской сад, получивший название Интендантский. В нем были разбиты аллеи, водные каналы и пруды с мостиками, построены беседки. Со временем он стал наиболее любимым местом организованного отдыха иркутян. В 1890-х гг. здесь был построен летний театр, работали цирк, библиотеки-читальни, буфеты. В зимнее время устраивались каток и ледяные горки.

Рядом указов 1760–1770-х гг. Екатерина II распорядилась организовать в российских городах особые места для захоронений, спе-

Особняк Бутина

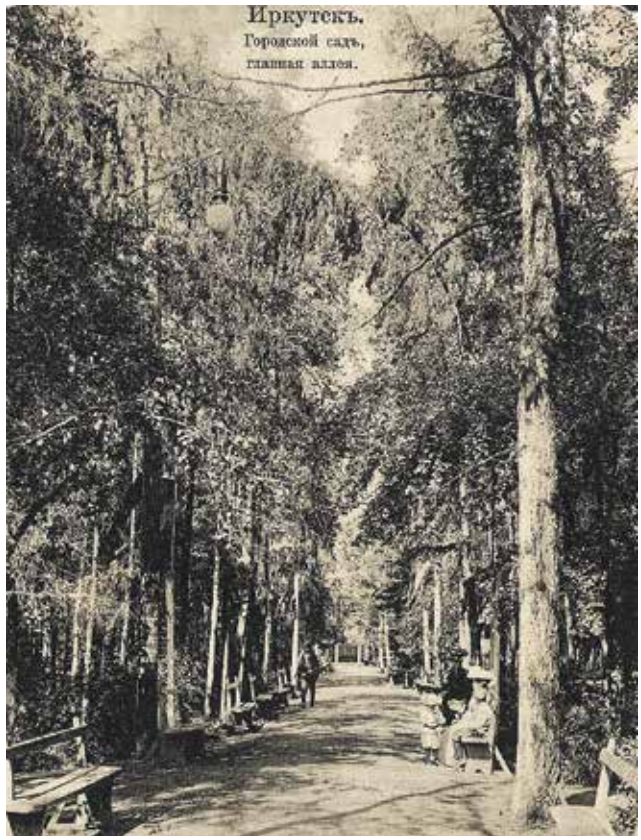

Медведниковская больница

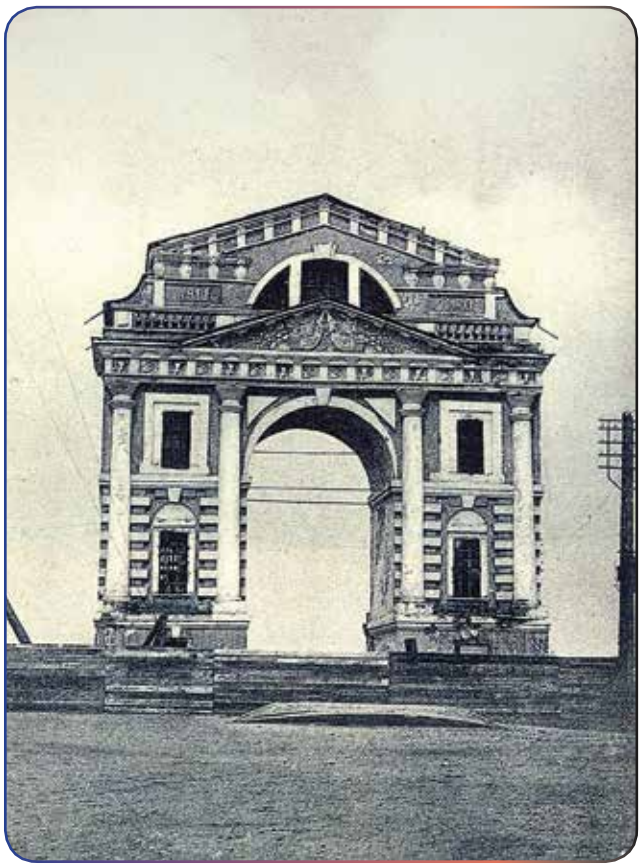
циально оговаривая, чтобы они располагались за городом и были окружены ограждением. В развитие этих предписаний иркутский губернатор А. Бриль еще в 1768 г. запретил хоронить усопших при Спасской церкви и в других храмах города, распорядившись вынести место погребения к находящейся на окраине Крестовоздвиженской церкви. Здесь на Иерусалимской горе и было учреждено городское кладбище, действовавшее до 1920-х гг. После открытия городского места захоронения при церквях остались лишь небольшие некрополи для захоронения священнослужителей и наиболее почетных прихожан. Со временем небольшие кладбища появились в предместьях города Знаменском и Глазковском.

К концу XVIII в. особое внимание в России стали обращать на насыщение городского пространства малыми архитектурными формами. Непременным атрибутом городских площадей и улиц были верстовые и указательные столбы, шлагбаумы, полицейские будки, почтовые станции, фонари и столбы у тротуаров, уличные мостовые, набережные, мосты и другие сооружения, которые также возводились по типовым проектам. Большое внимание уделялось оформлению въездов в города. Как правило, это были либо арки, либо обелиски, поставленные по обе стороны дороги. Впрочем, подобные архитектурные сооружения были крайне редки в сибирских городах. Впервые подобное сооружение было построено в Иркутске в 1789 г. для встречи

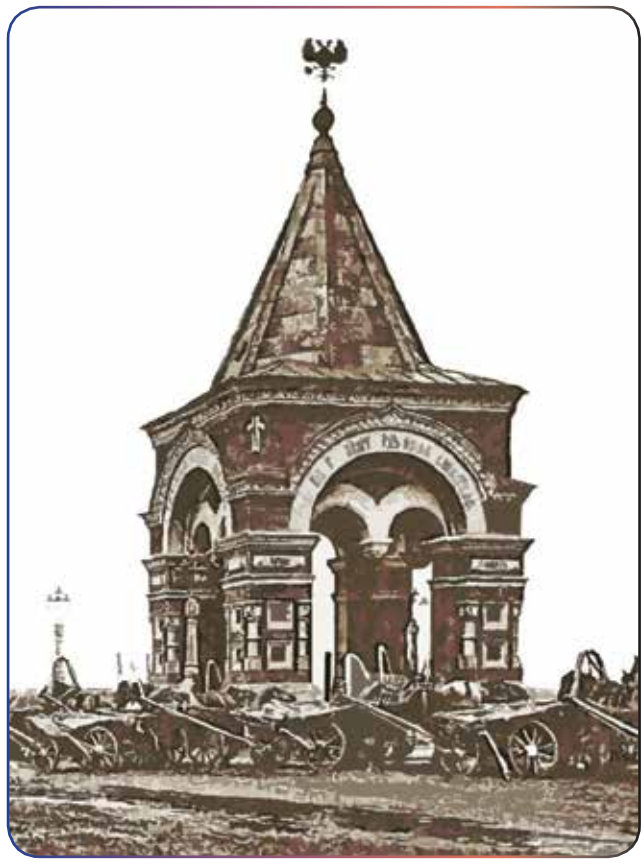

Городской сад

нового генерал-губернатора И. А. Пиля. Это была временная деревянная триумфальная арка, поставленная при въезде в город по Московскому тракту. Более монументальны и долговечны были Московские триумфальные ворота, построенные в 1811–1813 гг. в Иркутске архитектором Я. А. Кругликовым в честь десятилетия воцарения Александра I. Располагались они на берегу Ангары в районе Московской заставы и оформляли собой главный въезд в город. Это было массивное каменное сооружение в четыре этажа, выполненное в стиле ампир. Центральный фронтон арки ворот был украшен двумя симметрично расположенными рогами изобилия и другими лепными украшениями. Окрашены ворота были в светло-желтый цвет, а колонны и вся лепнина в белый. Хотя архитектура Московских ворот, по мнению специалистов, носила «сильный провинциальный оттенок», они в течение многих лет украшали Иркутск, придавая ему столичный вид.

Московские ворота

Арка цесаревича Николая

Еще одни триумфальные ворота, деревянные, окрашенные в темно-синий цвет, с надписью на северном фронтоне «Дорога к Великому океану», появились в Иркутске в августе 1858 г. Они были построены по проекту городского архитектора А. Е. Разгильдеева к торжественной встрече генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, подписавшего Айгунский договор с Китаем. Ворота стояли у Заморской заставы в створе улицы Заморской, к которой подходил тракт от Байкала.

Украшением города стала Царская триумфальная арка, спешно выстроенная к встрече наследника престола цесаревича Николая в июне 1891 г. Проект городского архитектора В. А. Рассушина был выдержан в характерном для древнерусского каменного зодчества стиле. Сложенная из красного неоштукатуренного кирпича Царская арка поднимала на своих фигурных столбах граненый островерхий шатер, завершающийся государственным гербом. С одной стороны от Арки шел деревянный помост к Кафедральному собору, с другой длинная и широкая лестница спускалась к берегу реки.

В XIX в. усилиями губернских и городских властей в Иркутске шел процесс формирования городской среды с элементами четкой регулярной застройки, включающей в себя организацию улиц, площадей и набережных. Кроме того, уделяется заметное внимание городскому благоустройству и санитарному состоянию, создаются зеленые зоны и места отдыха, появляются малые архитектурные формы в виде триумфальных ворот, арок, часовен в честь памятных событий и выдающихся деятелей. Таким образом, город приобретает не только полномочия крупнейшего административного и торгово-промышленного центра Сибири, но и столичный лоск.

XIV.

Экономическое развитие города в XIX в.

1. Развитие городской торговли и крупного капитала
2. Ремесло и промышленное производство
3. Иркутск и Великий Сибирский путь

1. Развитие городской торговли и крупного капитала

Определившаяся на рубеже XIX в. торгово-распределительная роль города оставалась неизменной вплоть до 1917 г. В торговых операциях самого разного рода и объемов от оптовой до мелочной торговли была занята большая часть городских жителей. После открытия иркутской ярмарки, объединившей все торговые потоки, в центре Иркутска сформировался деловой квартал, сердцевиной которого стала гостинодворская площадь, где располагались купеческий и мещанский гостиные дворы. Кроме них торговая деятельность кипела на хлебном, сенном и толкучем рынках, в мясном и рыбном рядах. Многие купцы и мещане имели небольшие лавки при своих домах. Только в лавках гостиных дворов ежегодный оборот достигал 550 тыс. рублей. К 1820-м годам он возрос почти в три раза. Ведомости привозных товаров включали в себя до 348 видов российских, европейских, китайских и сибирских товаров. По свидетельству современников, на Иркутской ярмарке было представлено «все почти, что только есть в Москве и Петербурге, только что не в равном качестве, количестве и цене».

Любопытные впечатления об иркутской торговой жизни сохранились в воспоминаниях М. А. Александрова, посетившего город летом 1827 г. «На площадь большого гостиного двора, – писал он, – каждодневно производилась перегрузка российских и китайских товаров и этою только деятельностью оживлялась прекрасная площадь, украшавшаяся в то время домом генерал-губернатора. На так называемом малом базаре более было движения и житейской суеты с утренней зари и до позднего вечера. Тут продавалось все, кроме птичьего молока, как говорит русская пословица.

Несмотря на общую тенденцию к росту численности ярмарок в Иркутской губернии, на многих из них к середине XIX в. падают обороты. В наиболее развитых торговых центрах, таких как Иркутск, купечество выступало за сокращение числа ярмарочных дней и самих ярмарок. К началу XIX в. иркутские торговцы окрепли, вышли на сибирский и даже общероссийский рынок, «начали уже сами на многотысячные суммы доставлять в Россию китайские товары и на обмен оных привозить оттуда российских». Количество привозимых ими товаров вполне удовлетворяло потребности не только города, но и всего уезда. В 1830 г. иркутскими купцами было доставлено товаров почти на 6 млн рублей, что в 8 раз превосходило общий привоз на Иркутскую ярмарку. Вся эта огромная масса товаров предназначалась для распродажи в лавочной сети. В этих условиях наличие двух продолжительных ярмарок в Иркутске уже не отве-

Гостиный двор

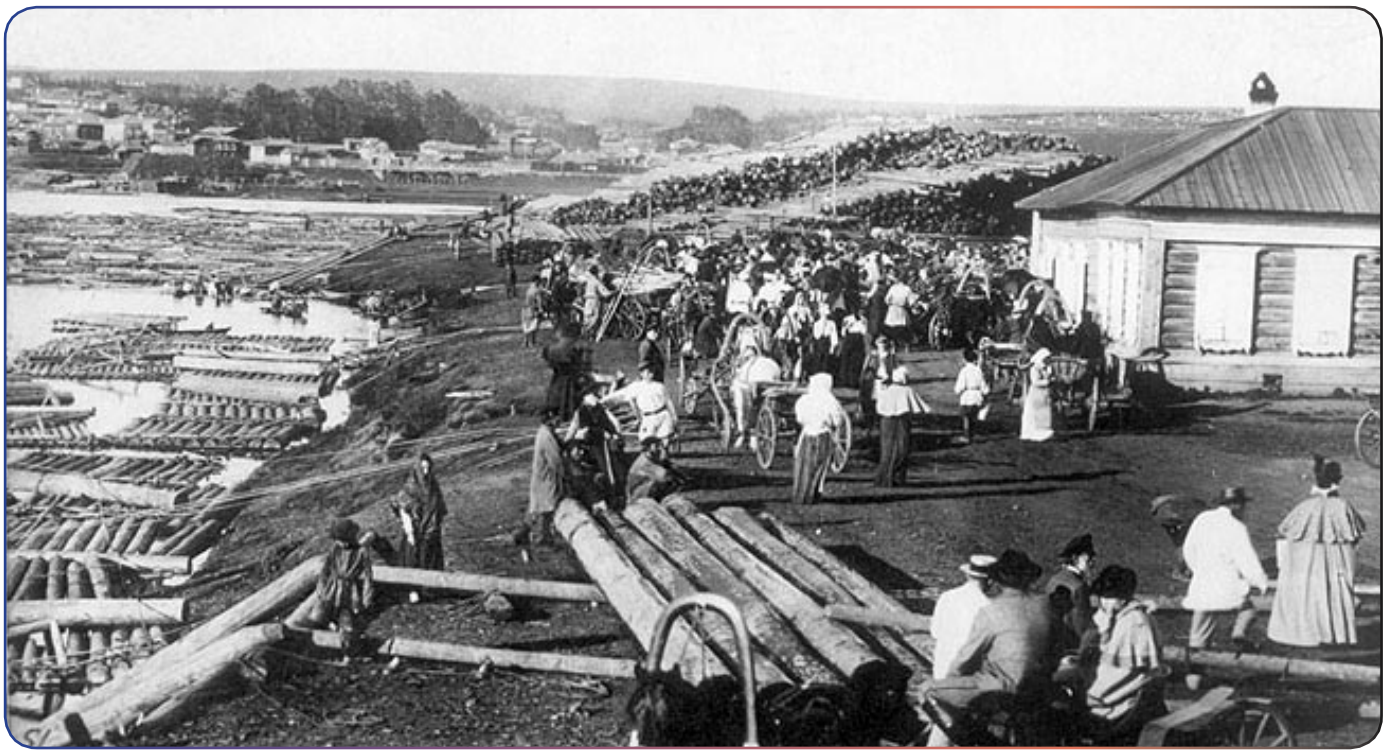

Рыночная площадь

чало интересам местных предпринимателей. По их требованиям ярмарочная торговля была ограничена одной месячной ярмаркой, проходящей в декабре.

Ярмарочная торговля носила сезонный характер, имела временные и пространственные рамки, являясь формой оптовой торговли. Она исключала широкие слои городского населения из непосредственных торговых операций. Основной торг происходил между крупными иногородними и местными предпринимателями. В этих условиях необходимым дополнением к ним становилась стационарная торговля, имевшая более продолжительные контакты между продавцом и покупателем. Значительное количество лавок гостиных дворов говорило в основном о высокой степени развития оптовой торговли. Большинство из них действовало только в период ярмарок, а в остальное время лавки пустовали или использовались под складские помещения. Розничная же торговая велась на торговых рынках и в рядах, в лавках под домами. В начале XIX в. в Иркутске насчитывалось до 30 каменных купеческих домов, первые этажи которых были предназначены для лавочной торговли. О распространении стационарной торговли в городе свидетельствовало большое количество лавок и других торговых точек. В 1823 г. помимо почти 300 лавок в гостиных дворах Иркутска торговля производилась еще в 199 лавках при домах и в 261 более мелкой торговой точке (балаганах, столах, шкафах, ларях). Современники называли Иркутск «средоточием всей многоразличной сибирской торговли».

Привоз товаров на Иркутскую ярмарку оставался достаточно высоким вплоть до 1860-х гг. Что касается соотношения привоза и продажи, то вследствие развития стационарной торговли на ярмарке продавалось уже до половины, а то и менее, всего привезенного товара. Не имея развитой фабричной промышленности, Иркутск все необходимое получал из Европейской России. Были годы, когда ярмарка не могла похвастаться живостью своей торговли, в другие же, как, например, в 1876 г., «привоз товаров на ярмарке очень велик, и товары относительно дешевы». Характер Иркутской ярмарки как товарораспределительного центра подтверждают данные об ее оборотах в 1880 г. Товаров было привезено на 7,3 млн руб., из которых в течение ярмарки реализовано на 1,9 млн руб., отправлено для продажи в Верхнеудинск на 2,6 млн руб., приготовлено

Прокопьевская ярмарка

к сплаву по Лене до Якутска на 1,1 млн руб. и осталось для реализации в магазинной системе города еще товаров на 1,7 млн руб.

После пожара 1879 г., уничтожившего оба гостиных двора, обороты иркутской ярмарки заметно упали. Большее значение для горожан приобрела крестьянская Прокопьевская ярмарка, проходившая ежегодно 7–8 июля. Торговля занимала все пространство устья Ушаковки и берег Ангары вплоть до Московских ворот. К этому времени в город стекались крестьянские возы, лодки и плоты из близлежащих деревень. Торговали сеном и дровами, лесом, овощами, рыбой, мясом и птицей, изделиями крестьянских домашних промыслов. Цены на все товары «были вдвое выше, чем в остальные дни». Вообще, о ценах на товары и продукты питания в Иркутске следует сказать особо. Из-за слабости местной промышленности город довольствовался привозными товарами, цены на которые включали в себя накладные расходы. Губернский статус города, монополизация торговой сферы крупным капиталом – все это заметно повышало стоимость товаров и услуг. По сравнению с другими сибирскими городами Иркутск всегда отличался более высокими ценами. В целом по дороговизне жизни его можно было сравнить только «с Петербургом и Николаевском – с двумя конечными точками России».

Число мест постоянной торговли в сибирских городах постоянно росло. В 1836 г. в губернском центре находилось 607 торговых точек. В середине XIX в. их количество возросло до 723, что превышало показатели Тобольска, Томска и Тюмени вместе взятых. В среднем приходилось по одной лавке на 20 горожан. Более высокой степени коммерческого сервиса не было ни в одном другом сибирском городе. Словом, как отмечал М. Александров, «торговля и нажива – вот два термина, которые ярко блистали на горизонте иркутском в то время и в центре которых, как в фокусе зажигательного стекла, сосредоточивались жизнь и жизненная деятельность».

Падение оборотов иркутской ярмарки во второй половине XIX в. было следствием развития стационарной торговли. В 1862 г. в городе насчитывалось 234 магазина и лавки, 308 кладовых, 200 балаганов, ларей и столов, 181

Коммерческое подворье

небольшая лавочка при домах. Кроме того, действовали три базара: «мелочный», где сосредоточивается торговля овощами, птицей, изделиями городских и сельских ремесел, а также старыми вещами; хлебный и сенной с дровяным, между которыми помещаются рыбные ряды и часть мясных. В 1870 –1880-х гг. росту капиталов и торговой инфраструктуры способствовало развитие крупной золотопромышленности в Лено-Витимском крае. Купцы-золотопромышленники строили в городе новые особняки, конторы, магазины, приобретали предметы роскоши, словом, жили на широкую ногу, шумно и разгульно: «крупная игра, новый театр, маскарады, балы, вечера, ели и пили много». По количеству и оборотам торговые заведения города более чем в 5 раз превосходили весь объем ремесленно-промышленных предприятий.

Естественно, основная часть торговой инфраструктуры была сосредоточена в центре города. «Пройдите и теперь по далеко протянувшейся Большой улице, – писал корреспондент «Сибирской газеты», – по Пестеревской, Арсенальской, Преображенской и некоторым другим – вас поразит масса магазинов, лавок, вытянувшихся в обширную линию, почти всегда посещаемых публикой, и – каких магазинов!.. Магазины Второва и Дмитриева, лавки Тельных, Кальмеера, Щелкунова, Переломова, фотографии Милевского, кондитерская Ходкевича и другие могли бы, без всякого ущерба для своей репутации, красоваться на Дерибасовской или даже на Невском…»

Заметных успехов достигла сфера услуг. Во второй половине XIX в. город стал часто посещаться приезжими из России и других стран. Количество временного населения города заметно возросло, особенно после того, как через Иркутск прошла железная дорога. Возрос спрос на различные услуги бытового обслуживания – гостиницы, рестораны и трактиры, бани, парикмахерские и т. п. Еще в середине XIX в. приезжие испытывали неудобства из-за малого числа гостиниц и постоялых дворов. К концу же века Иркутск располагал уже несколькими десятками неплохих гостиниц, меблированных комнат и постоялых дворов. Во всяком случае, А. П. Чехов, называя Иркутск «превосходным городом, совсем интеллигентным», отмечал среди прочего и его «хорошие гостиницы». На развитие сферы услуг в городе некоторое влияние оказало появление в Иркутске польских ссыльных, привнесших европейские традиции культуры бытового по-

Магазины на ул. Пестеревской (Урицкого)

требления. Они начали заводить в городе кофейни, кондитерские, колбасные, гостиницы с ресторанами, парикмахерские, модные швейные мастерские и т. п.

Проведение железной дороги усилило экономические связи Иркутска с Россией. Население города значительно выросло, что, в свою очередь, положительно сказалось на развитии торговой инфраструктуры. В 1912 г. торговые обороты Иркутска достигли 70 млн рублей. По-прежнему численно преобладали лавочки и небольшие магазины. Но более половины всего оборота приходилось в начале XX в. на крупные универсальные комплексы и пассажи с большими и светлыми торговыми залами, находившиеся на престижных центральных улицах. Помимо торговых целей они были местом досуга и общения горожан. Здесь же находились представительства многих российских компаний и торговых домов. Фирма «Зингер», например, имела оборот по продаже швейных машин до 1,2 млн рублей в год. А «Товарищество А. Ф. Второва с сыновьями» имело торговые обороты в 5 млн руб.

Значительные изменения произошли в XIX в. в сфере русско-китайской торговли, в которой активно участвовали иркутские предприниматели. Среди кяхтинских торговцев возрос удельный вес сибиряков за счет перехода в высшую гильдию ряда иркутских купцов,

Дорога с Кяхты на Мысовую

Русско-Азиатский банк

а также из числа разбогатевших приказчиков и комиссионеров.

Иркутск был основным поставщиком пушнины на китайский рынок. В 1822 г., например, из всей привезенной в Кяхту пушнины 80% принадлежало иркутским купцам. Важной статьей в обороте русско-китайской торговли была продукция кожевенного производства, в первую очередь юфть. В развитие кожевенного производства вкладывали капитал такие крупные купцы, как Д. Ворошилов, Н. Мыльников, М. Сибиряков, С. Дудоровский и др. На нужды внешнего рынка работали и многочисленные мелкие кожевенные заведения забайкальских крестьян и мещан.

Участие в китайском торге не только приводило к росту капиталов, но и способствовало проявлению коммерческих качеств, совершенствованию форм ведения торговли. Неслучайно в Иркутске, как свидетельствуют современники, уже в 1820-х годах появляются предприниматели, которые «занимаются торговлей не как ремеслом, но как наукою,

Китайские купцы

изучают ее по фактам и на практике». К ним можно было отнести представителей купеческого рода Басниных, ставших в первой половине XIX в. крупнейшими чаеторговцами. Через своих приказчиков и доверенных лиц в различных городах страны они были в курсе всех событий, цен, конъюнктуры. Среди их информаторов был даже директор кяхтинской таможни П. Ф. Галяховский. Анализируя информацию о ценах и продажах других купцов, Баснины тщательно планировали количество и состав привозимых в Кяхту чаев и других китайских товаров, заранее рассчитывая возможную прибыль и необходимые размеры кредита для расширения оборотов.

Иркутские предприниматели проявляли значительную активность в деле совершенствования китайского торга и переноса торговых операций на внутренние рынки Монголии и Китая. В середине XIX в. наступает новый этап в борьбе купечества за расширение китайского рынка. В этот период торговля с Китаем оказалась в состоянии застоя. В

Гостиный двор в Кяхте

условиях острой конкурентной борьбы с англичанами и голландцами за преобладание на китайском рынке Россия с ее отсталой меновой формой торговли, к тому же ограниченной лишь одним пунктом, испытывала серьезные затруднения. Вновь появляются проекты и записки о преобразовании кяхтинской торговли, раздаются голоса о необходимости возродить караванную торговлю. Характерен в этом отношении проект кяхтинского купца И. Носкова, предлагавшего организовать специальную «Кяхтинскую» компанию для переноса торговых операций на территорию соседнего государства. Согласно его планам в сфере деятельности компании оказывалась значительная территория, включающая Монголию, Даурию Маньчжурию и всю Северо-Восточную Азию.

Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспошлинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города «Поднебесной». Еще ранее была разрушена монополия крупного капитала на участие в кяхтинской торговле. В 1855 г. к ней были допущены купцы второй гильдии, а в 1861 г. – третьей гильдии и крестьяне. Все эти меры способствовали усилению позиций сибирских предпринимателей, которые стали играть ведущую роль в торговых операциях России и Китая. Во второй половине XIX в.

Улица Амурская

кяхтинская торговля постепенно теряет свои позиции, но Иркутск по-прежнему был одним из центров транзитной торговли с Китаем, а его чаеторговцы – крупнейшими поставщиками различных сортов чая на российский рынок. Более того, они все настойчивее стремились проникнуть на рынки Монголии и Северного Китая. Уже в 1860-х гг. некоторые из них смогли перенести торговые операции на территорию сопредельных стран. В 1863 г. возникла чайная фирма иркутян Н. Л. Родионова и И. С. Хаминова, которая владела чайными плантациями близь города Ханькоу. В 1876 г. это предприятие приобрел иркутский купец П.А. Пономарев.

Падение роли Кяхты привело к переносу таможни в Иркутск. Создание беспошлинной таможенной зоны на Амуре и Дальнем Востоке содействовало экономическому подъему этих регионов, росту товарооборота России с Монголией, Китаем, Кореей. Неуклонно росли и доходы иркутской таможни. По таможенным доходам она занимала пятое место по стране, давая до 7,5–8% от общего поступления всех таможенных сборов. Следствием беспошлинной торговли между двумя странами стало также быстрое расширение китайской диаспоры в Иркутске. В основном это были мелкие торговцы и ремесленники. В начале XX в. в городе действовало несколько десятков китайских лавочек и магазинов, а всех китайских торговцев было около 200 человек.

2. Ремесло и промышленное производство

На фоне значительных и постоянно растущих торговых оборотов Иркутска заметно скромнее выглядело его ремесленное и промышленное производство, хотя и здесь в XIX в. происходят радикальные перемены. Капитализация затронула даже такие промысловые отрасли, как судоходство и рыбопромышленность. Байкальские рыбные промыслы все более превращались в крупные промысловые предприятия по добыче, переработке и продаже рыбы. В 1870–1880-х гг. на Байкале действовало более 100 артелей, общее количество работников которых достигало 4 тыс. человек. Владельцами рыбных промыслов были иркутские рыбопромышленники. В их руках были невода и сети, рыболовные суда, в том числе пароходы и паровые катера, рыбоделы (специально оборудованные места для разделки рыбы), лучшие рыболовные участки. Они же контролировали цены на рыбную продукцию на рынках Восточной Сибири. В 1883 г. в Иркутске образовалось «Товарищество рыбодобычи на Байкале» с целью, как утверждали его участники, достичь «возможного удешевления обстановки промысловых работ». В состав его вошло 13 иркутских рыбопромышленников, среди которых были братья Могилевы, Шишеловы, Улишевы, П. Ф. Сверлов и др. С образованием «Товарищества» монополизация Байкальских рыбных промыслов была почти полностью завершена. Компаньоны арендовали все лучшие рыболовные угодья на озере, кроме Селенги. Имущество их было объединено, а для ведения дел и реализации продукции в Иркутске была открыта контора. В итоге в руках компаньонов оказалось 15 паровых и парусных судов, на которых работало более тысячи человек. Только на севере Байкала из выставлявшихся там 65 неводов 50 принадлежали «Товариществу». Вытесняемые с промыслов

Изготовление поплавков

мелкие рыбопромышленники, среди которых было много иркутских мещан и казаков, оказывались на грани разорения и неоднократно требовали воспретить деятельность монополистов, справедливо считая, что прекращение конкуренции в этом промысле приведет к монополии крупного капитала и росту цен.

Становление сибирского пароходства относится к 1840-м гг. В 1838 г. ростовский купец и золотопромышленник Н. Ф. Мясников обратился в министерство финансов с предложением завести пароходство по рекам Оби, Тоболу, Иртышу, Енисею, Лене и озеру Байкал. В результате он получил 10-летнюю привилегию на учреждение парового судоходства на сибирских водных путях. В 1844 г. в с. Грудинино близ Иркутска был построен и выведен на Байкал 32-сильный пароход «Император Николай I», а в следующем году еще один 50-сильный «Наследник Цесаревич». Появление пароходов на Байкале существенно облегчило связь с Забайкальем, увеличив объем грузоперевозок и пассажиров. Так, в 1855 г. было перевезено 2 829 пассажиров, 600 бочек спирта и более 71 тыс. пудов грузов, отбуксировано 8 купеческих судов. После закрытия в 1839 г. Иркутского адмиралтейства все грузоперевозки по Байкалу перешли в руки частных судовладельцев, лидирующие позиции среди которых занимали иркутяне. В 1830-х гг. только на Байкале перевозили купеческие клади и пассажиров до 70 парусных судов. С появлением на озере первых пароходов быстрыми темпами происходит монополизация отрасли.

В 1860-х гг. на Байкале действовала пароходная компания иркутских купцов И. С. Хаминова и И. Е. Русанова, владевшая пятью пароходами, в 1870–1880-х – «Байкальское пароходство» рыбопромышленников братьев Шишеловых, И. Могилева и А. Елезова. С конца 1880-х гг. серьезную конкуренцию им составляет пароходная компания кяхтинских купцов, со временем перешедшая в руки крупного предпринимателя и золотопромышленника А. Я. Немчинова.

Заметно медленнее шло промышленное развитие Иркутска. Вплоть до начала XX в. в городе преобладали мелкая промышленность и ремесло, лишь изредка достигая мануфактурной стадии. Избыток торговых возможностей, неэквивалентный обмен, ростовщичество – все это тормозило процесс перерастания торгового капитала в промышленный. Замедляли развитие сибирской промышленности также узость рынка рабочей силы, медленное накопление капиталов, дороговизна оборудования и сырья. Малочисленные и маломощные сибирские предприятия не могли серьезно конкурировать с продукцией российских фабрик и заводов. Они возникали и развивались лишь в тех отраслях обрабатывающей промышлен-

Пароход Николай I (макет)

Михайло-Архангельский золотой прииск

ности, которые были тесно связаны с местной сырьевой базой и обслуживали ближайший рынок. Лучше всего этим условиям отвечали производства, основанные на переработке животного сырья – кожевенные, мыловаренные, салотопенные.

В 1824 г. в связи с гильдейской реформой проводилось обследование промышленных заведений Иркутска. Купечеству третьей гильдии принадлежало 3 предприятия, мещанам – 13, цеховым – 4. В прошении, адресованном в городскую Думу, владельцы этих предприятий указывали: «Мы не настоящие имеем фабрики или заводы, которыми управляют содержатели оных с помощью от казны в рабочих людях и с получением указанных привилегий, но рукодельные токмо и то малозначительные заведения». Продукция иркутских промышленных заведений не удовлетворяла и половины городского спроса на мануфактурные изделия. В 1828 г. в Иркутске было потреблено различного привозного товара на 7,7 млн руб., в том числе только мануфактурных изделий на 142 тыс. руб., что в 1,5 раза превышало общую сумму производства местной промышленности.

Промышленные предприятия для большинства иркутских предпринимателей имели подсобное значение – занятия торговлей они считали более выгодным вложением капитала. Исключение составляла золотопромышленность. Уже в середине XIX в. в числе первых привилегии на поиски и добычу золота получили иркутские купцы Сибиряковы, Трапезниковы, Баснины, Е. А. Кузнецов. Им и принадлежала честь открытия новых месторождений в Саянах, на Лене и в Витимской тайге. Одним из первых появилось «Ленское золотопромышленное товарищество», основанное в 1853 г. иркутскими первой гильдии купцами П. П. Басниным, П. И. Катышевцевым и И. С. Кокориным. В 1865 г. иркутские купцы первой гильдии М. А. Сибиряков, И. И. Базанов, И. Н. Трапезников и Я. А. Немчинов подписали акт об образовании «Прибрежно-Витимской компании». В том же году компаньоны, кроме И. Н. Трапезникова, создали еще одно объединение – «Компанию промышленности в разных местах Восточной Сибири» для открытия и разработки новых золотых приисков. После смерти И. Трапезникова в декабре 1885 г. эти компании слились в «Компанию Промышленности в Восточной Сибири» (позднее просто «Компания Промышленности»). Ей принадлежали 177 участков, Ленское пароходство и Бодайбинская железная дорога. Компания в среднем добывала до 275 пуд. золота в год и получала колоссальные прибыли.

Кроме них на просторах Лено-Витимской тайги действовали еще несколько крупных и десятки мелких золотопромышленных объ-

Стеклянная фабрика сибирякова на Байкале

единений. С 1867 г. добывало золото Мало-Патомское товарищество, владевшее 16 приисками, на которых в среднем добывалось до 27 пуд. золота в год. В 1872 г. купцами Немчиновым, Осокиным, Котельниковым и купчихой Пахолковой была основана Бодайбинская компания. К началу XX в. семь крупнейших золотопромышленных компаний – «Ленское золотопромышленное товарищество», «Прибрежно-Витимская компания», «Дело Трапезниковых», «Мало-Патомское товарищество», «Дело Базилевского», «Бодайбинская компания», «Дело Ратькова-Рожнова» – сосредоточили в своих руках около 80% всей золотодобычи, а десятки мелких фирм давали лишь 20% металла. Таким образом, процесс концентрации промышленности и образования монополий, проходивший в России на рубеже XIX–XX веков, охватил и золотую промышленность. Среди крупных золотопромышленников выделялся А. М. Сибиряков. Он имел 4 пая в «Компании промышленности» и 3 в «Прибрежно-Витимской». На всех его приисках добывалось ок. 300 пуд. в год. В 1890-х гг. там числилось 2,8 тыс. рабочих и 206 служащих. На 1 января 1895 г., помимо паев в золотодобывающих компаниях, ему принадлежали Ангаро-Енисейское и Лено-Витимское пароходства, более полумиллиона руб., вложенных в Печерское дело, и более 1 430 акций на 715 тыс. руб., вложенных в Амурское общественное пароходство и торговлю.

Еще в одной отрасли промышленности – винокуренной – традиционно были сильны купеческие капиталы. С 1840-х гг. государство дозволяет частным лицам устраивать винокуренные заводы. Уже в 1860-х гг. в Иркутске действует четыре винокуренных завода, производящих продукции на 165 тыс. рублей. Но наиболее крупные производства спирта и водок организуются за пределами города ближе к сырьевой базе. В 1860-х гг. были образованы: Вознесенский завод в Балаганском округе, принадлежавший И. И. Базанову, наследникам Трапезникова, Я. С. Домбровскому, братьям Лейбовичам и М. О. Осокину; Елизаветинский в Манзурской волости, владельцем которого был купец 2 гильдии И. Голдобин; Яковлевский в селении Захал, принадлежавший Я. С. Домбровскому; Васильевский в с. Тельма иркутского купца первой гильдии В. А.

Тельминская фабрика

М. А. Сибиряков, Я. А. Немчинов, К. П. Базанов

Останина и Ново-Александровский, владельцами которого были потомственные почетные граждане Юдин и Медовиков. В 1880–1890-х гг. было открыто еще несколько винокуренных производств. Среди них особенно выделялся Троицкий завод купца первой гильдии Я. Г. Патушинского.

В самом Иркутске некоторое развитие получила лишь обрабатывающая промышленность, прежде всего по переработке животного и растительного сырья. Большинство предприятий были маломощные и не могли удовлетворить потребности даже местного рынка. В 1830-х гг. в Иркутске насчитывалось всего 60 промышленных заведений, на которых было занято 357 рабочих. К середине XIX в. число предприятий выросло до 81, но общая сумма их производства едва достигала 50 тыс. руб. Из новых производств можно отметить только небольшую суконную фабрику А. Векшина, открытую в 1834 г. в 7 верстах от города, и появление табачных и сахарных заведений. В 1851 г. в Иркутске действовало 17 ручных табачных мельниц, а само производство не выходило за пределы цехового ремесла. В 1842 г. кяхтинский купец И. Пиленков устроил в Иркутске сахарный завод для изготовления белого сахара-рафинада из китайского сахара-леденца.

В 1870 г. в Иркутске находилось 92 промышленных предприятия, которые производили продукции едва на 400 тыс. руб. Среди них было 35 табачных, 16 кирпичных, 10 свечных, 8 мыловаренных, 7 кожевенных, 4 маслобойных. Некоторых отраслей в городе не было вообще, их заменяли товары, привозимые из России. По словам М. В. Загоскина, «Иркутск только привозит товары и продает, а сам ничего не производит, даже для местного употребления, а не только для вывоза в другие места… Нет здесь такого ремесла, которое бы удовлетворяло хотя бы сам город. И обувь, и мебель, и деревянные ложки – все привозное, местных изделий для самого города недостаточно».

На всех промышленных предприятиях города применялся ручной труд. Первый опыт использования машин произвел в

Понтонный мост через Ангару

1865 г. П. Катышевцев. На своем кирпичном заводе он использовал два станка Клейтона, приводившихся в движение локомобилем в 16 сил. Для обслуживания двух станков кирпичной машины требовалось 22 работника. Введение машинного производства увеличило производство кирпича и сделало его стоимость более низкой. Остальные предприятия были невелики. Типичным являлось производство, где было занято в среднем 4–5 человек. Даже во второй половине XIX в. промышленность Иркутска не соответствовала его роли экономического центра Восточной Сибири. В 1882 году, например, в городе насчитывалось всего 65 небольших фабрик и заводов, на которых трудилось 525 человек, а сумма производства достигала 726 тыс. руб. Кроме того, действовало 90 небольших заведений и мастерских с числом работников в 339 человек. В год они производили продукции на 267 тыс. руб. Еще чуть более 70 тыс. вырабатывали цеховые ремесленники, которых считалось с учениками и работниками 292 человека. Таким образом, все промышленное производство Иркутска едва достигало 1 млн руб. К наиболее крупным можно было отнести табачно-сигаретную фабрику Мыльникова и Зазубрина, спичечную Киселева, мыловаренный завод Пономарева, лесопильное производство, несколько водочных заводов и пивоварен.

Проведение железной дороги усилило экономические связи Иркутска, способствовало ускорению и росту товарооборота, притоку в город населения, в том числе крестьян и рабочих. Сама дорога выступала в роли передового промышленного заведения, востребовав квалифицированные рабочие руки. Несмотря на то, что количество фабрично-заводских предприятий в Иркутске увеличивается к 1917 г. почти в 6,5 раз, абсолютное большинство из них носило ярко выраженный кустарный характер, имело незначительный денежный оборот и малую численность рабочих. Первая мировая война оказала определенное влияние на развитие иркутской промышленности. В связи с подорожанием сырья и нехваткой рабочих рук закрылся ряд мелких и средних заведений, сократилось производство на многих

Часовня Христа спасителя и банк Медведниковой

крупных предприятиях. Вместе с тем увеличение военных заказов стимулировало развитие ряда производств, укрепило их материально-техническую базу и привело в отдельных отраслях к появлению монополистических объединений. Во многом это объяснялось тем, что Иркутску в эти годы была отведена роль одного из центров организации военной экономики на территории Сибири. С учреждением в 1915 г. Заводского Совещания Сибирского района именно в Иркутске решались вопросы мобилизации сибирской промышленности, выполнение и размещение военных заказов. Неудивительно, что промышленное развитие города в годы войны приобретает более динамичный характер. По сравнению с 1910 г. к 1917 г. почти в 8 раз увеличивается количество предприятий и в 5 раз число занятых на них рабочих.

В предвоенные и военные годы в Иркутске начинают создаваться объединения синдикатного типа, стремящиеся к монополизации производства и рынка. С началом промышленного освоения Черемховского угольного бассейна было образовано несколько акционерных обществ и товариществ. В 1908 г. по инициативе нескольких иркутских и российских предпринимателей был организован синдикат «Уголь», позднее преобразованный в «Сибирское торговое товарищество». В 1910 г. в Иркутске было создано объединение мукомолов «Торговый дом С. И. Белицкова и К», преобразованное в 1915 г. в «Иркутское мукомольное товарищество на паях» с первоначальным капиталом в 300 тыс. рублей. Основателями его были владельцы крупных иркутских паровых мельниц купцы С. И. Белицкий, В. М. Посохин, З. И. Помус и Я. Д. Фризер. Товарищество сосредоточило в своих руках почти 90% помола зерна в Иркутской губернии. В 1915 г. возникло еще два крупных синдиката – «Акционерное общество Иркутского кирпичного завода» с капиталом в 500 тыс. рублей и «Сибирско-Монгольское торгово-промышленное акционерное общество», преобразованное вскоре в «Сибирмонгол». Общество занималось закупками в Монголии скота и сырья для кожевенной промышленности, а также имело в Иркутске кожевенный завод, оборудованный по последнему слову техники.

Таким образом, к 1917 г. Иркутск становится не только крупнейшим торговым центром на востоке страны, но и значительно увеличивает свой промышленный потенциал. В начале XX в. в Иркутске находилось более 1 200 различных торговых заведений (магазины, склады, лавки и др.) с годовым оборотом около 25 млн рублей, а к началу Первой ми-

Пассаж Второва на Ивановской

Улица Амурская

ровой войны эти обороты уже превысили 44 млн руб. Кроме того, здесь располагались не только все крупнейшие торговые фирмы, но и конторы золотопромышленных компаний, производивших крупные закупки для надобностей своих приисков.

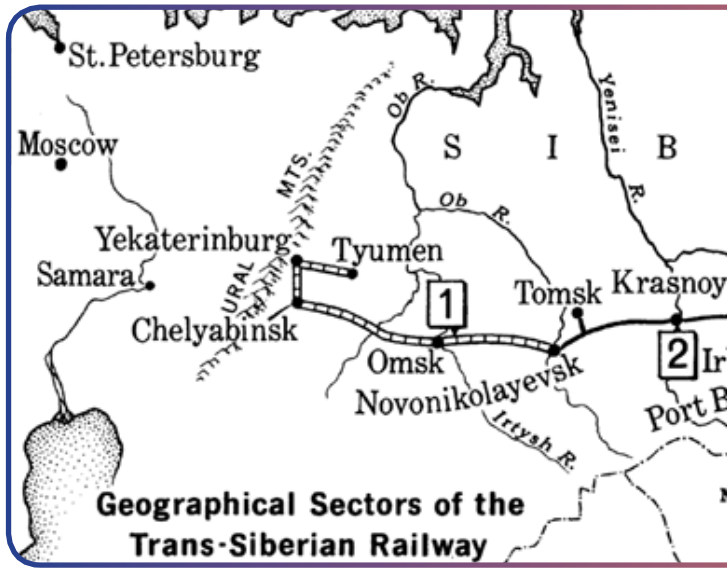
В начале века Иркутск становится крупным финансово-кредитным центром. Помимо отделения Государственного банка в нем действовало губернское казначейство, общество взаимного кредита, городской банк им. Е. Медведниковой, несколько государственных сберегательных касс, в разное время были открыты филиалы и агентства Сибирского торгового банка, Русско-Китайского (с 1910 г. Русско-Азиатского) банка, Волжско-Камского коммерческого банка, московского Народного банка. Широко были распространены страховые общества – как собственно иркутские («Иркутское общество взаимного страхования имуществ от огня»), так и отделения и филиалы всероссийских («Саламандра», «Россия», «Волга»).

Растущие число и влияние торгово-промышленного класса проявились в организации разного рода представительных объединений предпринимателей. К их числу относились съезды золото- и углепромышленников, биржевой комитет. Заметную роль сыграло открытие Иркутской биржи 24 августа 1911 г. благодаря усилиям Иркутской городской думы и Восточно-Сибирского отдела Русского общества для содействия торговле и промышленности. Вся ее деятельность была направлена на представление интересов местных предпринимателей перед различными государственными и общественными органами. На заседаниях биржевого комитета рассматривались проблемы коммерческого образования, введения земского управления, строительства региональных железных дорог, улучшения условий судоходства, кустарной промышленности края, кооперативных учреждений и совершенствования русско-монгольской торговли. В Биржевом комитете к 1914 г. состояло около 160 индивидуальных и коллективных членов, представлявших все более или менее крупные и известные банки, торговые фирмы и предприятия губернии. Председателями Иркутского биржевого комитета в разные годы были А. В. Витте и В. М. Посохин.

3. Иркутск и Великий Сибирский путь

До строительства Транссибирской магистрали Сибирь могла использовать только водные и сухопутные пути сообщения. Первое место среди них принадлежало проложенному еще в середине XVIII в. Московскому тракту, который шел через всю Сибирь до Иркутска, где своеобразным его завершением были Московские ворота. Для Сибири в силу ее огромных пространств дорожное строительство являлось заметным импульсом не только экономического и политического, но и социокультурного развития.

Мысли о прокладке железной дороги от Урала к Тихому океану высказывались еще в середине XIX в. Проекты поступали как от зарубежных предпринимателей, так и от русских промышленников и чиновников. В правительство обращались представители ряда крупнейших мировых железнодорожных фирм с предложениями содействия в строительстве Сибирской магистрали. Особую активность проявлял американский капитал, искавший сферы нового приложения и стремившийся поучаствовать в освоении русского Дальнего Востока. Однако все зарубежные проекты были отклонены. Покровительствуя отечественной экономике, правительство старалось поддержать интересы российских промышленников и привлечь к реализации столь важного для государства заказа собственные капиталы и ресурсы. Правительство поддержало мнение министра финансов С. Ю. Витте о том, что строительство дороги «как великого народного дела, должно осуществляться русскими людьми и из русских материалов». Известны лишь единичные случаи использования иностранных материалов и специалистов. Так, от Красноярска до Минино было уложено 17 верст английских рельсов, которые были доставлены из Англии в Красноярск северным

морским путем для подтверждения возможности использования арктических водных путей для транспортировки тяжелых грузов. Кроме того, небольшая часть техники и рабочих из европейских стран была привлечена для строительства Кругобайкальской дороги.

Железная дорога была крайне важна для укрепления обороноспособности недавно приобретенного Дальнего Востока, решения геополитических задач в условиях конкуренции с крупнейшими мировыми державами. Да и дальнейшее экономическое развитие Сибири и увеличение ее народонаселения было невозможно без радикального улучшения путей сообщения.

Выемка грунта на 516 версте

Схема Транссиба

В 1886–1887 гг. в Министерство путей сообщения обращались с ходатайствами о постройке железных дорог в Сибири генерал-губернаторы Восточной Сибири и Приамурского края граф А. П. Игнатьев и барон А. Н. Корфа, в которых особенный акцент делался на слабое экономическое развитие территорий и невозможность сохранить эти территории в случае военной опасности.

Для рассмотрения проектов создания Великого Сибирского пути была утверждена специальная комиссия Императорского технического общества.

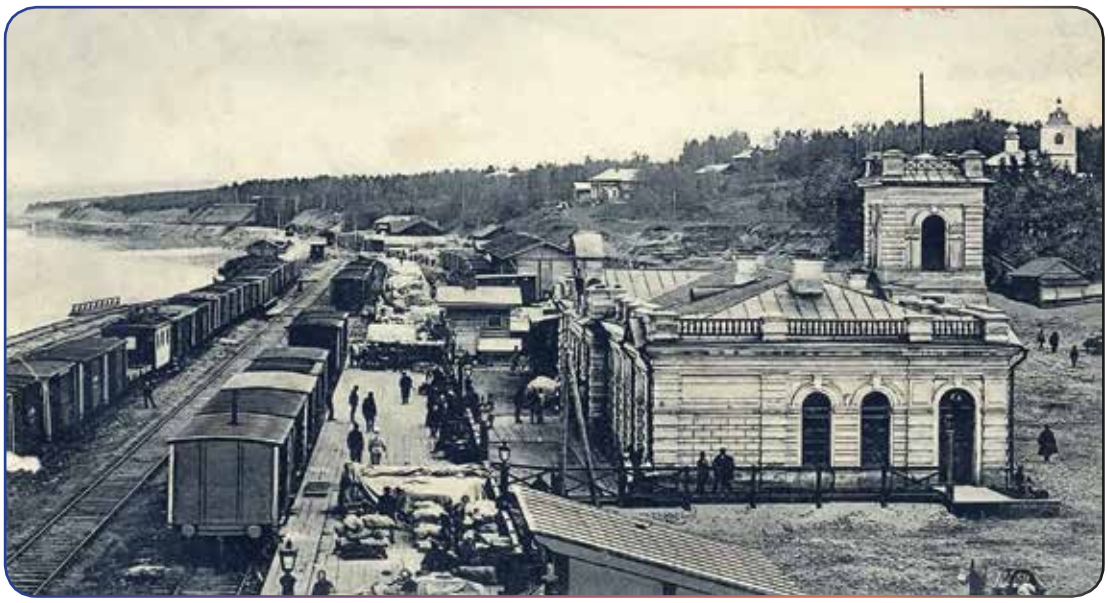
15 и 21 февраля 1891 г. императором было утверждено положение Кабинета министров об одновременной постройке сплошной железной дороги с запада от Челябинска и с востока от Владивостока. 17 марта указом Александра III, данным наследнику престола цесаревичу Николаю, поручалась закладка Великого Сибирского рельсового пути во Владивостоке. В том же году приступили к изысканиям от Челябинска до Томска, а в 1892 г. начата и сама постройка дороги. Всю магистраль от Урала до Владивостока называли вначале Сибирской железной дорогой, а после сдачи в эксплуатацию так стали называть дорогу от ст. Челябинск до ст. Иннокентьевской. Сама же магистраль получила название «Великий Сибирский путь». Сооружение крупнейшей в мире магистрали было начато одновременно с двух сторон и разделено на три этапа.

На первом этапе предполагалось построить Западно-Сибирский участок магистрали от Челябинска до р. Оби протяженностью 1 418 км и Средне-Сибирский участок, начинавшийся на правом берегу Оби и заканчивающийся на ст. Иннокентьевской (сейчас Иркутск-Сортировочный) длиной 1 848 км. На втором этапе планировалось завершить северную часть Уссурийского участка от Имана до Хабаровска длиной 352 км, а также проложить железнодорожный путь от ст. Мысовой, расположенной у Московского тракта на восточном побережье Байкала, до порта Сретенск на Шилке общей длиной 1 103 км. Завершающий этап предполагал сооружение Кругобайкальского железнодорожного пути, трасса которого еще выбиралась, а также Амурского участка магистрали от Сретенска до Хабаровска с ответвлением на Благовещенск. Протяженность Амурского участка со всеми ответвлениями должна была составить 2 176 км.

Для Иркутска важнейшим направлением было строительство Среднесибирского участка дороги, начатое в 1893 г. С целью экономии средств и сокращения длины этого участка дорога должна была пройти, минуя Иркутск, через хребты северного Байкала. По мнению инженера-изыскателя Н. П. Меженинова, «северный» вариант был более приемлем, поскольку был короче «южного» почти на 600 км. Слухи о том, что будущая дорога может пройти значительно севернее города, вызвала

Участок Кругобайкальской железной дороги

Иркутский железнодорожный вокзал

беспокойство среди жителей, особенно у иркутского купечества. 17 мая 1888 г. на заседании Иркутской городской думы было решено выбрать депутацию во главе с городским головой В. П. Сукачевым и обратиться за поддержкой к генерал-губернатору А. Д. Горемыкину. Начальник края, сам заинтересованный в том, чтобы железная дорога прошла через Иркутск, приложил немалые усилия, чтобы склонить комитет по строительству дороги и министерство путей сообщения спроектировать трассу по южным территориям края, обеспечив включение этих потенциально богатых районов, прилегающих к монгольским и китайским границам, в прямой сибирский товарооборот. Большую роль в выборе дороги через Иркутск сыграл министр путей сообщения князь М. И. Хилков. Он неоднократно бывал в Иркутске и с пониманием относился к просьбам местного купечества и властей. В августе 1897 г. городские власти присвоили ему звание Почетного гражданина г. Иркутска.

Не менее оживленными были споры в иркутском обществе относительно места железнодорожного вокзала. Часть представителей городской власти настаивала на том, чтобы рельсы прошли прямо в Иркутск. Железнодорожные инженеры, наоборот, предлагали вынести его на далекую окраину города в район Вознесенского монастыря. В результате был выбран вариант со строительством железнодорожного моста через Иркут и прокладкой рельс через Глазковское предместье.

Строительство Среднесибирского участка закончилось летом 1898 г. 27 июля этого дорога подошла к Иркутску. 16 августа, в воскресенье, иркутяне торжественно встречали первый поезд. Дней за десять до этого события было проведено испытание иркутного моста. По нему были пропущены два поезда с платформами, нагруженными рельсами. На первом находились генерал-губернатор и начальник постройки Забайкальской железной дороги инженер А. Н. Пушечкин, а по мосткам под полотном дороги шел начальник участка инженер Попов, наблюдая за просадкой конструкций моста. Испытания прошли успешно.

Встреча первого поезда вылилась в настоящее торжество. С раннего утра иркутяне собирались в Глазково у здания вокзала. Многие прилегающие дома были украшены лентами и цветами. Так же празднично выглядел понтонный мост через Ангару. Около вокзала над железнодорожным полотном была выстроена деревянная триумфальная арка, украшенная флагами, еловыми ветками, гербом города и надписью: «Привет от Иркутска!» и датой «16 августа 1898 года». Небольшой одноэтажный

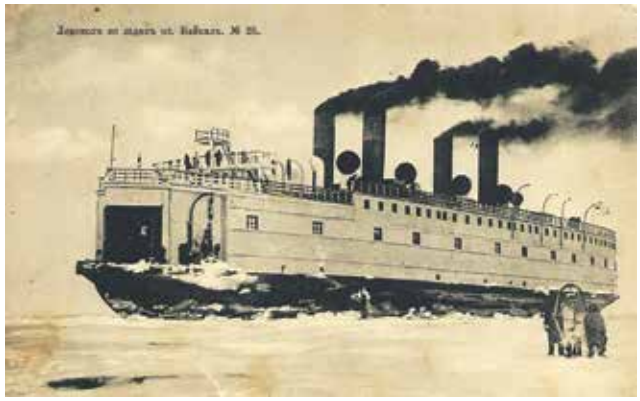

Станция Байкал

вокзал также был в праздничном убранстве. Поезд был встречен военным оркестром и криками «Ура!». Затем был совершен молебен и произведен салют, а в здании вокзала дан торжественный завтрак для самых важных городских персон. Позднее на ст. Иннокентьевской, куда состав вернулся уже со строителями, прошел праздничный обед для 700 инженеров и рабочих, принимавших участие в возведении дороги.

Вечером железнодорожный вокзал и многие здания Глазковского предместья и города были ярко иллюминированы, состоялся фейерверк. На следующий день городская общественность устроила по подписке обед, на который были приглашены руководители строительства П. Я. Соколов, Н. П. Меженинов и все, находящиеся в Иркутске, инженеры Среднесибирской и Забайкальской железных дорог. Надо сказать, что долгие годы спустя день

Ледокол «Байкал»

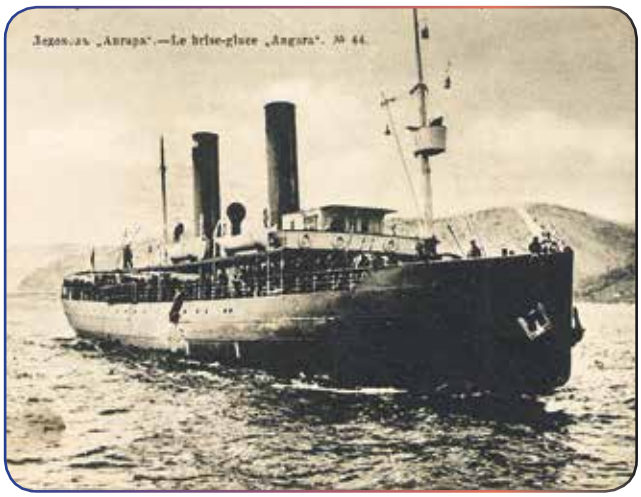

прибытия первого поезда в Иркутск считался одним из главных городских праздников.

Первоначальное здание вокзала было одноэтажное и не отличалось архитектурными достоинствами. Уже в начале 1902 г. были выделены средства для строительства нового иркутского вокзала. Проект его был разработан гражданским инженером В. И. Коляновским. Постройка вокзала была начата в апреле 1906 г., а через полтора года он был торжественно открыт. Старое здание также вошло в новый комплекс. В нем разместились дежурный по станции, телеграф, зал для пассажиров 4-го класса и переселенцев. В новом здании вокзала были устроены залы для пассажиров первых трех классов, буфеты, парикмахерская, туалетные комнаты. Здесь же разместились две билетные и багажные кассы, камера хранения ручной клади, кабинет начальника станции и парадные комнаты для особо почетных гостей.

В рамках третьего этапа строительства Транссиба в начале 1899 г. линия дороги подошла к Байкалу, начались работы по проектированию Кругобайкальского участка дороги, наиболее сложного по условиям местности и техническим решениям. В июне 1898 г. министр путей сообщения М. И. Хилков представил в Комитет Сибирской железной дороги результаты проведенного исследования южной части Байкала. Согласно ему Кругобайкальский участок железной дороги делился на две части: восточную (от станции Култук до станции Мысовая) и западную (от порта Байкал до станции Култук). На Кругобайкальском участке предполагалось построить 39 тоннелей, подпорные стенки, виадуки и акведуки, мосты и укрепления береговой линии.

С одной стороны дорога подошла к ст. Байкал в устье Ангары, с другой стороны озера она уже была построена от ст. Танхой и далее на восток. Для обеспечения бесперебойного поездного сообщения по всему Транссибу до Владивостока была организована паромная переправа через озеро Байкал. 18 декабря 1895 г. с английской фирмой «Армстронг и К°»,

Ледокол «Ангара»

предложившей на конкурсе более выгодные условия, был заключен контракт на изготовление ледокола. Летом 1896 г. части машин в разобранном виде и корпус ледокола были перевезены из Англии в Россию, затем по железной дороге до Красноярска, а оттуда в 1897–1898 годах частями по рекам Енисею и Ангаре на пароходах и гужевым способом до Байкала в село Листвянка, где и были собраны. 17 июля 1899 г. ледокол, получивший название «Байкал», был спущен на воду. На главной его палубе были проложены три рельсовых пути для 25 товарных вагонов. Кроме того, он мог брать на борт до 670 пассажиров. По своим размерам ледокол-паром «Байкал» считался вторым в мире: его длина 100 метров и ширина 16 метров. Команда состояла из 200 человек. Расстояние от станции Байкал до станции Мысовой в 73 км ледокол преодолевал за 4,5 часа и был в состоянии взламывать лед метровой толщины. Как вспомогательное судно для перевозки пассажиров был построен еще один ледокол – «Ангара», который начал регулярные рейсы в августе 1900 г. «Ангара» вмещала пассажиров I-го и II классов по 30 человек, III класса – 160 человек.

Байкальская ледокольная переправа была временным соединением Среднесибирской и Забайкальской линий. Тем не менее она сыграла большую роль, став третьей паромной переправой в мире и первой в Азии.

В начале 1903 г. был готов к эксплуатации участок дороги Танхой–Мысовая, в июне того же года он был передан Управлению Забайкальской железной дороги. К началу 1904 г. было закончено строительство участка до Слюдянки, в этом же году по нему уже перевозили войска. До 1 октября 1904 г. участок Танхой–Слюдянка был открыт для местного сообщения, а в январе 1905 г. – для товарного и пассажирского. Оставался самый трудный участок дороги – от Слюдянки до порта Байкал, где в основном преобладали скальные работы. Его намечали закончить к концу 1905 г., но в виду сложной обстановки на Дальнем Востоке было принято решение ускорить работы и закончить постройку участка в августе 1904 г.

Начало русско-японской войны застало Кругобайкальскую дорогу в разгар строительства. Для ускорения работ по ее вводу в эксплуатацию правительством были ассигнованы дополнительные средства. Пока шло завершение строительства последнего участка Кругобайкальской, было решено в зимний период проложить рельсовый путь по льду озера от станции Байкал до Танхоя. По льду было уложено 33 тыс. шпал и несколько тысяч рельсовых звеньев. На строительстве работало 500 рабочих. Работы были завершены раньше срока, но сам путь был уложен недостаточно правильно, поэтому наблюдались частые сходы с рельс. Перевозку обеспечивали 75 троек почтовых лошадей. Попытка перевезти паровоз в неразобранном виде окончилась неудачно. После этого было решено перевозить паровозы только разобранном виде. Вагоны перевозились по одному или по два, запряженные парою лошадей.

Строительство Кругобайкальской железной дороги было закончено на год раньше запланированного срока в августе 1904 г. Окончание строительства линии ст. Байкал – ст. Мысовая открыло сплошное движение по всей Транссибирской магистрали. В 1905 г. состоялась передача Кругобайкальской дороги в постоянную эксплуатацию. Построй-

Иркутный мост

ка Кругобайкальской дороги сыграла важную роль: она обеспечила сплошной рельсовый путь через всю Сибирь и соединила дальневосточные окраины России с ее центральными районами, что было особенно важно в период русско-японской войны. За 1904–1905 гг. через Сибирь транзитом на восток прошло 63 млн пудов важных грузов, перевезено 1 350 176 солдат и офицеров и 244 047 лошадей.

Несмотря на напряженную работу железной дороги, ее пропускная способность не удовлетворяла запросы ни военных, ни гражданских перевозок. В декабре 1906 г. на совещании под председательством иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова было принято решение о необходимости постройки второго пути. Основные работы по его строительству проводились в 1912–1915 гг. и велись несколько замедленными темпами по сравнению с прокладкой первого пути. Окончательная передача второго пути Кругобайкальской дороги в эксплуатацию состоялась в январе 1915 г.

После окончания строительства Великий Сибирский путь разделили на три самостоятельных дороги: Сибирскую – от Челябинска до ст. Иннокентьевской (Иркутск-Сортировочный) с управлением дороги в г. Томске; Забайкальскую – от Иннокентьевской до Сретенска с веткой на станцию Маньчжурия с управлением в г. Иркутске и Уссурийскую – от Хабаровска до Владивостока с управлением в последнем. С 1 января 1915 г. Сибирская дорога была разделена на две самостоятельные: Омскую и Томскую (от ст. Сокур до ст. Иннокентьевской).

Транссибирская магистраль, построенная за небывало короткий срок, не только связала восточную окраину с центральными районами страны, она способствовала развитию экономики, увеличению численности населения, появлению новых населенных пунктов, оживлению культурной и общественно-политической жизни Сибири, в том числе и Иркутской губернии. Ее возведение рассматривалось современниками как событие мирового значения.

Магистраль еще только подходила к Байкалу, а уже построенные ее части активно включались в экономическую жизнь Сибири. В 1896 г. было перевезено свыше 10 млн пудов грузов и 0,3 млн пассажиров. Через три года грузооборот возрос в 5 раз. Такой грузопоток превзошел самые смелые ожидания, к нему просто не были готовы. Станции оказались забиты мешками с зерном, бочками со сливочным маслом, тюками кож, коробками с мороженым осетром, другими товарами и продуктами. Толпы пассажиров брали с боем каждый вагон. Транссибирская магистраль оказала большое влияние на социально-экономическое развитие востока России. До появления железной дороги из Сибири вывозилось ничтожное количество топленого масла, мало хлеба, а экспорт сливочного масла был невозможен. Транссибирская магистраль открыла обширные рынки сбыта для этих продуктов, способствовала развитию сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности. Если в 1894 г. во всей Сибири действовало только несколько маслозаводов, то в 1913 г. их количество превысило 5 тыс. При этом доля сибирского масла в мировом экспорте составила 16%. Даже датчане и голландцы стали заниматься реэкспортом сибирского сливочного масла, «облагораживая» тем самым традиционный экспорт своего масла. Экспорт этого продукта давал доходов казне

Открытие памятника Александру III

больше, чем вся золотопромышленность.

Завершение строительства железной дороги заметно увеличило переселенческое движение. Благодаря ей стало возможным массовое переселение крестьян из западных и центральных районов России в годы Столыпинской реформы. Достаточно сказать, что за 1897–1914 гг. население Сибири увеличилось с 4,6 до 7,6 млн человек, а население Дальнего Востока – с 0,9 до 1,6 млн. На юге Сибири выросло много новых городов и поселков, возникновение которых было непосредственно связано с дорогой. Довольно назвать такие города, как Новониколаевск, Барабинск, Иланская, Тайшет, Сретенск, Уссурийск. Существенно активизировалась хозяйственная жизнь в старых сибирских городах, в том числе Иркутске.

Железная дорога заметно способствовала росту переселенческого движения в Сибирь и ее населенные пункты. По переписи 1897 г., в Иркутске насчитывалась 51 473 жителя обоего пола, а в 1919 г. их численность достигла 90 800 человек. Вырос и сам город. Только за десять лет, с 1904 по 1913 г., городской управой было выдано более 3,5 тыс. разрешений на постройку жилых домов. Около города – новые предместья. Из-за того, что в непосредственной близости от него не было удобных территорий, товарную станцию с ремонтными мастерскими, депо и складами были вынуждены построить в 1894 г. в семи верстах – около Иннокентьевского скита, где быстро вырос одноименный поселок. Уже к 1917 г. его население, в основном из железнодорожных рабочих и их семей, достигло 8 275 чел. Постройка железнодорожной станции и различных служб в Глазковском предместье также содействовала росту населения. В 1916 г. здесь находилось уже 1 220 жилых домов и проживало 9 336 жителей. Проведение дороги через Иркутск способствовало его экономическому развитию и росту товарооборота. В городе появились железнодорожная станция и депо, механические мастерские, складские и торговые заведения, значительно оживились лесная промышленность, производство строительных материалов, в Черемховском уезде возникла и быстро стала развиваться угледобыча. Возможности вывоза продукции сибирского сельского хозяйства внесли новый импульс в развитие традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, таких как мукомольное и кожевенное дело, маслоделание, пищевая промышленность и винокурение. Работники, занятие в обслуживании железной дороги, составили один из наиболее крупных и хорошо организованных отрядов рабочего класса. В 1917 г. их численность составляла около 4 тыс. человек.

В честь окончания великой стройки Комитет Сибирской железной дороги принял решение воздвигнуть памятники в Петербурге, Иркутске и во Владивостоке. В первых двух городах в итоге появилось два монументальных сооружения Александру III, в последнем был только заложен камень. Памятник в Иркутске был торжественно открыт 30 августа 1908 г. на деньги, собранные горожанами. В нем увековечена память о выдающемся подвиге русского народа, построившего трансконтинентальную магистраль, не имеющую себе равных в мире. В 1920 г. фигуру царя сбросили с пьедестала и отдали в переплавку. Долгие годы постамент венчал безликий бетонный шпиль. И только в 2003 г. вновь отлитая фигура Александра III была возвращена на свое законное место.

XV.

Иркутская епархия в XIX – начале XX в.

«Увеличение территории повлекло за собой повышение статуса Иркутской епархии: с 1826 г. ее перевели во 2 класс (вместо 3-го), и ее глава получил сан архиепископа».

На протяжении XIX в. неоднократно менялись границы и территория Иркутской епархии. В 1822 г. в ее состав были переданы Енисейские, Красноярские и Канские церкви. Увеличение территории повлекло за собой повышение статуса Иркутской епархии: с 1826 г. ее перевели во 2 класс (вместо 3-го), и ее глава получил сан архиепископа. В 1834 г. правительство учредило Томскую епархию, передав в ее состав Енисейскую губернию. В 1840 г. была учреждена Камчатская и Алеутская епархия, к которой в 1850 г. присоединили территорию Якутской области. Во второй половине XIX в. на территории Сибири были созданы новые епархии: Енисейская (1861 г.), Якутская (1868 г.), Омская (1895 г.), Забайкальская (1894 г.), Владивостокская (1898 г.). После учреждения Забайкальской епархии территориальные границы Иркутской губернии и епархии наконец совпали.

В XIX – начале XX в. в Иркутской епархии сменилось 13 архиереев. Это были образованные, бескорыстные люди, стремившиеся улучшить положение епархии. Епископ Вениамин (Багрянский) управлял епархией до 1814 г. По словам писателя-иркутянина И. Калашникова, он «…был человек высокого образования и необыкновенного ума, нрава строгого и вспыльчивого… Духовенство во многом при нем улучшилось, духовные его уважали и крайне боялись».

Архиепископ Ириней (Нестерович), помимо улучшения работы духовных училищ и реорганизации работы консистории, запомнился своим «бунтом». Он прибыл в Иркутск в октябре 1830 г. По замечанию Николая I, по характеру Ириней был решительным, «твер-

Епископ Вениамин (Багрянский)

Архиепископ Ириней (Нестерович)

дым и надежным». Архиепископ принимал непопулярные среди духовенства меры: изменил состав консистории; отстранил от служб и направил в архиерейский дом для обучения и воспитания ряд священников, некоторых «бессрочно»; реорганизовал делопроизводство. Против ряда действий архиепископа выступила настоятельница Знаменского монастыря Илария. Серьезный конфликт возник между Иринеем и генерал-губернатором А. С. Лавинским. Для генерал-губернатора и его дочери в Тихвинской церкви было устроено особое возвышение, перед началом службы священник делал им особый поклон, до прибытия «высоких лиц» богослужение не начиналось, что стало поводом для конфликта. В епархии нарастала напряженность, выплеснувшаяся в события сентября 1831 г. 4 сентября 1831 г. в консисторию поступил указ, отстранявший Иринея «по расстройству его умственных способностей». Архиепископ в ответ обвинил членов консистории в подлоге. 20 сентября он явился на гауптвахту, «встал среди фронта солдат и произносил речи к солдатам и народу, собравшемуся на площади прямо у гаупвахты, не совсем приличные и неуместные». Архиерея уговорили вернуться в свой дом, где взяли под домашний арест. 26 ноября 1831 г. Ириней под конвоем подполковника жандармов и фельдъегеря покинул Иркутск. До 1917 г. это был единственный случай, когда архиерей покидал город под арестом.

С апреля 1838 г. главой Иркутской епархии стал человек незаурядных способностей – епископ Нил (Исакович). Он родился в 1799 г. в семье могилевского священника. Окончил духовную семинарию и духовную академию. Находился на разных должностях: инспектора семинарии, инспектора академии, ректора семинарии. В 1835 г. был возведен в сан епископа Вятского, в 1838 г. стал главой Иркутской епархии, получив вскоре сан архиепископа. Нил «был всеми любим и уважаем, имел видную наружность и в священнослужении был величествен, в обращении – вежлив, умен, любознателен, благоразумен, исполнителен и сколько нужно строг». Много времени уделял научным опытам. В его кабинете находились минералогические коллекции, а на столах стояли гальваническая и электрическая машины, дагерротип и другие приборы. В 1850 г. на средства архиепископа в Тункинской долине возвели церковь в честь Нила, Столбенского чудотворца, а в 1851 г. архиепископ добился учреждения Синодом здесь не-

Епископ Нил (Исакович)

большого монастырского скита, получившего название Ниловой пустыни. Интересы этого человека затрагивали многие науки: географию, минералогию, языкознание, историю, религиоведение и др. Им написан солидный труд «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», книга «Путевые заметки по Сибири», ряд крупных статей. Нил выступил с инициативой создания нового кафедрального собора и епархиального печатного органа. При нем оживилась миссионерская деятельность, были обновлены и перестроены многие иркутские церкви, развивалось духовное образование. Однако его стремление приводить в лоно официальной церкви бурят и старообрядцев жесткими мерами вызвало недовольство генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, по настоянию которого Нил в 1853 г. был переведен в Ярославль. По просьбе Муравьева-Амурского был переведен в другую епархию и архиепископ Евсевий (Орлинский), за то, что он резко осудил поведение близкой к генерал-губернатору группы иркутских чиновников, замешанных в убийстве на дуэли чиновника Неклюдова.

О других епископах в летописях Иркутска сохранились более скромные высказывания. Например, архиепископ Тихон (Данебин-Троицкий) (1892–1911 гг.) зарекомендовал себя «человеком ограниченным, неразвитым, но добрым и слабым в управлении». В 1910 г., при правлении архиепископа Тихона, была открыта бесплатная детская столовая для бедноты, выдававшая более 12 тыс. обедов в год. Его преемник Серафим (Мещеряков) (1911–1915 гг.), наоборот, имел собственное суждение по многим вопросам, позволял критически высказываться против правительства, «был умный, образованный, хороший проповедник, но излишне строгий к провинившимся. Паства (духовенство) его увольнением осталась довольна».

Начало XIX в. для Иркутской епархии ознаменовалось подготовкой к канонизации епископа Иннокентия (Кульчицкого). 1 декабря 1804 г. Синод всенародно объявил о его причислении к лику святых. Путь к обретению Восточной Сибири своего первого святого был долгим. Епископ был похоронен в 1731 г. под алтарем Тихвинской церкви Вознесенского монастыря. При ремонте здания в 1764 г. захоронение вскрыли и обнаружили, что тело осталось нетленным. Нетленность мощей являлась одним из признаков святости. Слухи об этом быстро распространились по округе, и в монастырь потянулись первые паломники. Еще более усилили религиозные чувства иркутян события 1783 г., когда сгорели все постройки монастыря, кроме деревянной Тихвинской церкви. Это стало толчком для епархиальных властей, приступивших к сбору материалов для канонизации Иннокентия. Стали записываться все «чудесные случаи»: исцеления, видения, пророчества. В начале XIX в. «чудес» накопилось уже более 100, и епископ Вениамин направил в Синод прошение о канонизации. Для освидетельствования мощей в 1801 г. в Иркутск прибыл викарный

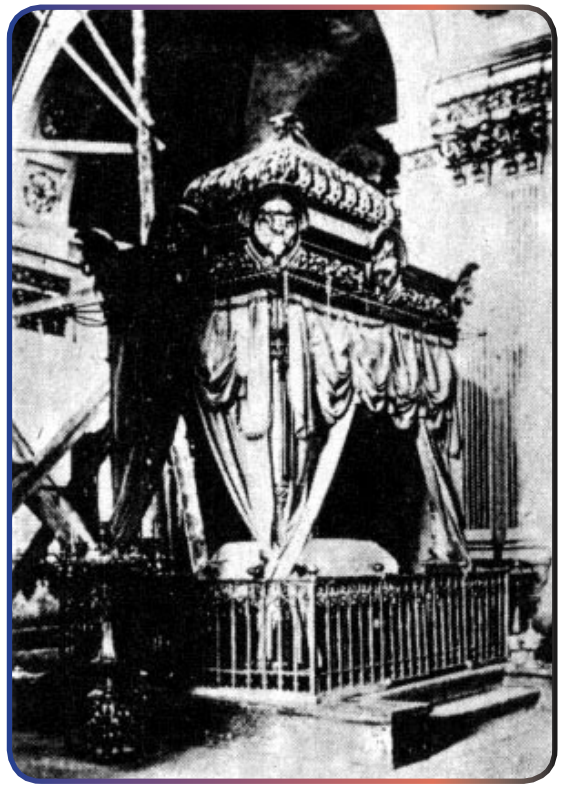
Епископ Иннокентий(Кульчицкий)

епископ Свияжский Юстин, подтвердивший нетленность мощей. После этого все материалы были направлены в Синод, который 1 декабря 1804 г. принял решение о канонизации епископа Иннокентия и установил 26 ноября днем его памяти.

Это известие иркутяне встретили с ликованием. Прошли торжественные богослужения, в феврале 1805 г. состоялось перенесение мощей в соборную церковь Вознесенского монастыря. В 1808 г. купец Н. П. Мыльников приобрел серебряную раку для гробницы, выполненную московскими мастерами и стоившую 14 тыс. руб.

Культ Иннокентия получил широкое распространение в Сибири. В Вознесенский монастырь стекались тысячи паломников. За один 1913 г. в нем побывало 8 544 чел. Имя Иннокентий было одним из самых распространенных в Сибири. На месте дома, в котором он проживал в Иркутске, горожане воздвигли часовню. Его именем назывались некоторые церкви и даже железнодорожная станция – Иннокентьевская (ныне Иркутск-Сортировочный).

Культ св. Иннокентия оказал огромное влияние на развитие иркутского Вознесенского монастыря. Укрепилось его экономическое положение. Земельный надел увеличился с 6 (1783 г.) до 150 дес. (1897 г.). Монастырю принадлежали маслобойный и кирпичный заводы, плотницкие и ремесленные мастерские, обустроенный скотный двор. К концу XIX в. его доходы составили 50 тыс. руб. в год. Активно велось культовое строительство. В начале XX в. в монастырский комплекс входили 5 церквей, 3 часовни, колокольня, дом настоятеля, два корпуса для братии, странноприимный дом, хозяйственные и служебные постройки. В 1836 г. обитель возвели в разряд первоклассных, а с 1869 г. она становится общежительной. С 1883 г. монастырь именовался Вознесенским святителя Иннокентия. Численность живущих при монастыре также увеличилась. Однако монашествующих было немного – всего 27 чел., еще 68 являлись послушниками, 32 – учениками, 16 – служащими и рабочими. При монастыре существовало несколько учебных заведений: 2-классное министерское училище, начальная школа грамоты, рисовальная школа для любителей церковной живописи. Число паломников в 1913 г. превысило 8 500 верующих.

Рака со святыми мощами в Вознесенском монастыре

В XIX – начале XX в. продолжался рост Знаменского женского монастыря. Его земельный надел к началу XX в. составлял 120 дес., имелись свечной завод, просфоропекарня, рукодельная и златошвейная мастерские, оранжерея, пчельник. Просфорами монастырь обеспечивал не только свои потребности, но и всего Иркутска и его округи. Ежегодный доход монастыря к концу XIX в. составлял 36 тыс. руб. Из построек здесь имелись 3 церкви, корпуса для сестер, хозяйственные и служебные постройки. В 1836 г. Знаменский монастырь перевели во 2 класс, а с 1872 г. он стал общежительным. Проживало в нем 120 чел. При монастыре существовали школа для девочек и церковно-приходская школа. На его территории размещался городской некрополь, где

были похоронены известные в Сибири люди: предприниматели Г. И. Шелихов, Котельниковы, Родионовы, Малых, декабристы Н. Панов, П. Муханов, В. Бечаснов, Е. И. Трубецкая с детьми, представители духовенства.

В 1903 г. в Иркутске был учрежден новый мужской Князе-Владимирский монастырь. Его строительство связано с именем иркутского купца В. А. Литвинцева. В планах Литвинцева было строительство церкви, основание при ней монастыря и открытие школы. Церковь св. князя Владимира заложили в 1888 г. в честь 900-летия крещения Руси, а освящение состоялось в 1895 г. Кончина Литвинцева приостановила создание монастыря, учреждение его состоялось через 8 лет – в 1903 г. Первое время он существовал за счет завещанного меценатом капитала. В нем проживало 7 монашествующих и 6 послушников. При монастыре находилась церковно-учительская семинария и богадельня.

Значительное количество православных культовых сооружений было сосредоточено в Иркутске. В 1873 г. здесь было 14 приход-

Князе-Владимирский монастырь

Иконостас Знаменской церкви

ских церквей и 2 часовни (не считая домовых и училищных) на 29,5 тыс. чел. Для неправославных имелись католическая и лютеранская церкви, 2 еврейских молитвенных дома. При пожаре 1879 г. 4 церкви и синагога сгорели, но уже в следующем году началось их восстановление. В 1907 г. был открыт старообрядческий Покровский храм. К 1917 г. в Иркутске имелось 2 собора, 22 городские церкви (без учета монастырских), 6 – при воинских формированиях, 22 – при больницах, тюрьмах и учебных заведениях и 9 часовен.

К концу XIX в. главным храмом Иркутской епархии стал собор Казанской иконы Божией Матери. Средства в размере 250 тыс. руб. для его возведения были завещаны иркутским золотопромышленником Е. А. Кузнецовым. В апреле 1875 г. епископом Вениамином была произведена торжественная закладка храма, спроектированного инженер-архитектором Г. В. Розеном. Сооружение Казанского собора и его внутреннее устройство были завершены в 1894 г. Кафедральный собор представлял собой крестово-купольный храм, вмещавший 5 000 верующих, а его высота достигала 60 м.

Большое значение в епархии придавалось духовному образованию. В иркутской духовной семинарии в 1819 г. обучался 51 воспитанник, в 1838 г. – 100, в 1911 г. – 150. В начале XX в. действовали церковно-учительская се-

минария, женское училище духовного ведомства, 4 второклассные учительские школы и 4 двухклассные церковно-приходские школы. Образовательный уровень семинарии был высоким. По данным за 1914 г., в мужской семинарии из 20 преподавателей 14 имели высшее образование, в церковно-учительской из 10 наставников – 7.

Почти при каждой церкви действовали церковно-приходские школы, дававшие первоначальные знания и положительно влиявшие на нравственность детей. Церковь стремилась укрепить патриотические чувства верующих и на службах отмечала крупные события российской истории и культуры. Были отслужены благодарственные молебны по случаю годовщины избавления России от нашествия галлов, отмены крепостного права, по случаю 300-летия дома Романовых и 300-летия присоединения Сибири к России и т. д.

В XIX в. церковные власти попытались организовать иные, внебогослужебные формы деятельности: беседы, духовные чтения, воскресные школы и т. п. Духовные чтения проводились по воскресеньям при семинарии и некоторых городских церквях. На них читались главы из Библии, жития святых. В 1898–1899 гг. при духовной семинарии состоялось 23 чтения. Они продолжались по 1,5–2,5 часа, сопровождались хором семинаристов и «световыми картинами». Кроме того, священникам поручалось произносить еженедельные проповеди и поучения, «применительно к современным случаям», вести борьбу с пьянством. Для этого распространялся журнал «Трезвость и бережливость», брошюры религиозно-нравственного содержания. В 1914 г. архиепископ Серафим потребовал от священников заняться организацией обществ трезвости.

Некоторые представители духовенства интересовались изучением края, его народов и географией. А. А. Ионин, И. Подгорбунский, Н. П. Протасов, И. Дроздов и др. принимали активное участие в деятельности ВСОРГО. В 1912 г. при духовной семинарии было открыто

Кафедральный собор

церковно-историческое археологическое общество, целью которого являлось обследование и сохранение памятников церковной древности и истории Иркутской губернии.

В 1863–1918 гг. в Иркутске издавалась первая церковная газета в Сибири «Иркутские епархиальные ведомости». Выходила она еженедельно и являлась официальным органом Иркутской епархии. Газета состояла из двух частей: официальной и прибавлений. В первой части публиковались правительственные указы и распоряжения, распоряжения епископа и консистории, официальные документы и материалы. На страницах прибавлений печатались статьи по церковной истории, краеведению, летописи, биографии церковных деятелей, обсуждались актуальные вопросы религиозной жизни в Сибири. Среди редакторов «Епархиальных ведомостей» были протоиереи П. Громов, А. Виноградов, И. Подгорбунский, И. Дроздов, оставившие и собственные сочинения по истории Иркутской епархии.

Широкую известность получила миссионерская деятельность иркутского священника, а позднее митрополита Московского и Коломенского Иннокентия Вениаминова (в миру

ИРКУТСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.
№ 1.
Адресъ редакціи: Успенская площадь, Духовная Семинарія.
ЦѢНА за годовое изданіе съ доставкою и пересылкою 5 р. 50 к., за ½ года—3 р., 3 мѣс. 1½ руб.; 1 мѣс. 55 к., отд. номеръ 30 коп.

Газета Епархиальные ведомости

Ивана Евсеевича Попова). Он родился 26 августа 1797г. в семье пономаря с. Анга. С 1806 по 1818 г. обучался в Иркутской духовной семинарии. С 1817 г. Вениаминов начал служение при Иркутской Благовещенской церкви, сначала дьяконом, а с 1821 г. священником. В 1823 г. Вениаминов уезжает в Русскую Америку в качестве миссионера. Под его руководством были построены новые церкви, развернулась христианизация коренного населения. В миссионерской деятельности он никогда не прибегал к подаркам, льготам или административному нажиму, действуя силой убеждения и веры. Миссионер овладел шестью наречиями алеутов и мог напрямую общаться с ними. В период с 1824 по 1839 г. Вениаминов создал ряд научных трудов, важнейшим из которых стали трехтомные «Записки об островах Уналашкинского отдела». В 1839 г. он овдовел и принял монашество. В декабре 1849 г. возглавил только что учрежденную Камчатскую, Курильскую и Алеутскую епархию, продолжая свою деятельность с той же энергией и целеустремленностью. В 1868 г. был назначен митрополитом Московским и Коломенским. Умер Иннокентий Вениаминов в 1879 г., а спустя почти сто лет – в 1977 г. – был причислен к лику святых.

В начале XX в. церковь была вынуждена искать новые формы взаимоотношений с верующими. Значительный рост переселенцев и ссыльных не способствовал росту прихожан и их сближению с приходскими обществами. При храмах начали создаваться попечительства. Их организация в городе началось в 60-е годы XIX в. Попечительское общество формировалось из наиболее состоятельных прихожан и всех желающих принять участие в его работе. Ему поручалось наблюдение за состоянием финансовых дел, забота о церковном здании, состоянии богаделен, обеспечении самого храма, помощь нуждающемуся духовенству. Попечители вносили личные вклады, занимались сбором средств, выступали ходатаями перед должностными лицами. В Иркутске опыт создания попечительских обществ дал положительные результаты, в то время как на селе они не получили широкого распространения.

В начале XX в. в Иркутске началось создание новых религиозных объединений – братств и обществ. Наиболее известным было «Братство св. Иннокентия», занимавшееся просветительской деятельностью: организовывало народные чтения, распространяло религиозную литературу, имело собственную

Знаменский женский монастырь

Дом в с. Анга, где родился Иннокентий Вениаминов

библиотеку. В 1913 г. было учреждено «Общество хоругвеносцев Иркутска во имя св. Иннокентия» для ношения хоругвей во время крестных ходов и обеспечения порядка во время шествий. В него принимались наиболее «благонадежные» мужчины. В 1912 г. сформировалось «Церковно-историческое и археологическое общество», целью которого являлось обследование и сохранение памятников церковной древности и истории Иркутской губернии.

События конца XIX – начала XX в. заставили иркутское духовенство активнее принимать участие в общественно-политической жизни. В 1881 г., после убийства Александра II, по городам России прокатилась волна еврейских погромов. Чтобы не допустить подобного в епархии, архиепископ Вениамин (Благонравов) распорядился «по всем церквям разъяснять прихожанам всю нелепость, греховность, все бесчеловечие происходящих в Европейской России погромов». Благодаря этому в Иркутске все обошлось благополучно.

В годы первой русской революции при формировании многопартийной системы иркутское духовенство сделало ставку на политические партии правой и центристской ориентации. Священник М. Смирнов являлся одним из руководителей иркутского отдела партии кадетов. Архиепископ Тихон активно поддерживал «Союз русского народа». В 1907 году он баллотировался по списку этой партии в состав иркутских выборщиков, но набрал всего 632 голоса, что в 2 с лишним раза меньше, чем у социал-демократов и кадетов. Поражение на выборах заставило православные власти несколько дистанцироваться от прямой поддержки какой-либо партии. В период выборов в Учредительное собрание в 1917 г. было решено поддерживать политиков, которые «ближе к христианству».

Февральскую революцию 1917 г. духовенство встретило в основном одобрительно. На состоявшемся в мае 1917 г. епархиальном съезде было заявлено: «Монархическая абсолютная власть подорвала всякое доверие

Иннокентий Вениаминов

Спасская церковь и кафедральный собор

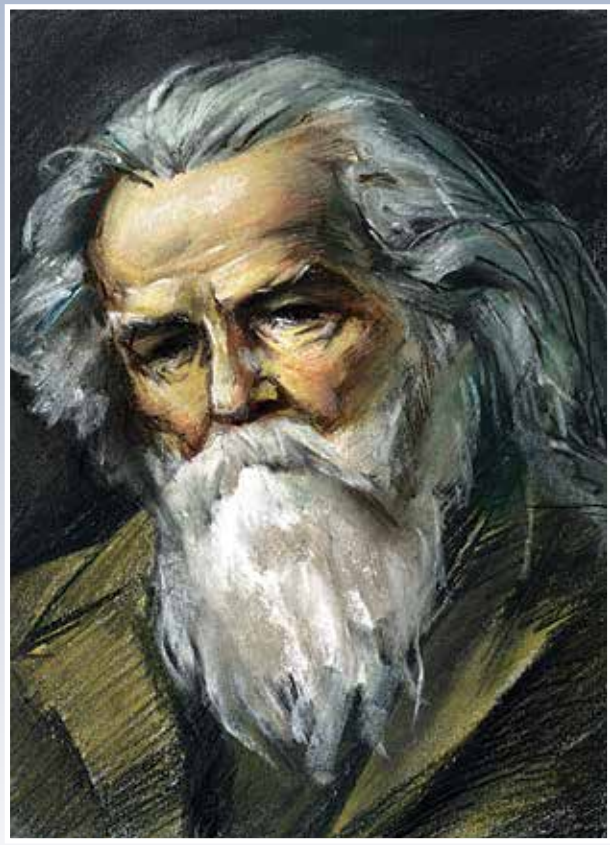
Спасская церковь

к себе и довела Россию до полной разрухи». Депутаты поддержали создание демократической республики. Съезд также принял резолюцию о продолжении работы по канонизации епископа Софрония, скончавшегося в 1771 г. и похороненного в Богоявленском соборе Иркутска. В 70-х гг. XIX в. захоронение вскрыли. По свидетельству очевидцев, «рука, держащая крест и разрешительную молитву, была бела как снег, а мантия святителя осталась столь же крепкой». В начале XX в. епархиальные власти приняли решение о сборе материалов для канонизации епископа. Они надеялись, что обретение Иркутском еще одного святого укрепит религиозные чувства населения и увеличит влияние духовенства. К 1916 г. было записано 65 «чудес». Сообщения о февральской революции и падении царизма заставили ускорить подготовку к канонизации. Однако в апреле 1917 г. в Богоявленском соборе случился пожар, во время которого гробница Софрония сгорела. Решение вопроса о канонизации иркутский архиепископ Иоанн (Смирнов) вынес на обсуждение епархиального съезда. Получив одобрение, он подготовил и направил материалы на Священный Собор Русской Православной церкви, который причислил епископа Софрония к лику святых. Таким образом, в 1918 г. Иркутск приобрел еще одного святого, однако сформировать его культ не удалось. Для Иркутской епархии наступали тяжелые времена, поставившие под вопрос ее существование.

XVI.

Развитие образования и культуры в XIX в.

1. Школы, училища, гимназии
2. Военное образование
3. Духовное образование
4. Начальная образовательная школа
5. Средние общеобразовательные учебные заведения
6. Средние специальные учебные заведения
7. Библиотечное дело. Общественные организации
8. Печать и литература
9. Театр. Музыкальная жизнь
10. Искусство. Фотография. Синематограф
11. ВСОРТО. Научная жизнь

Потанин

1. Школы, училища, гимназии

В 1804 г. была проведена новая школьная реформа. Впервые в России была создана четкая структура управления народным образованием. Министерство народного просвещения (МНП) решало вопросы, связанные с общей политикой государства в деле образования. Иркутская губерния вошла в состав Казанского учебного округа. Согласно реформе 1804 г. образование в России осуществлялось на базе приходских, уездных училищ, а также в гимназиях и университетах. Все эти ступени были взаимосвязаны. В Иркутске в первую очередь был поставлен вопрос о преобразовании главного училища в гимназию. 12 ноября 1805 г. состоялось ее торжественное открытие. Одновременно с ней в Иркутске открылись уездное и Воскресенское приходские училища. Иркутская гимназия в первой половине XIX века была одной из лучших во всей Российской империи относительно учебно-материальной базы.

По штату 1804 г. в Иркутской губернии должно было открыться 15 уездных училищ. Открылось только 6: Иркутское (1805), Верхнеудинское (1806), Нерчинское (1811), Троицкосавское (1812), Киренское (1814), Нижнеудинское (1817). Сословный состав учащихся в учебных заведениях Иркутска был весьма пестрым. В гимназии основную массу учащихся составляли дети дворян и чиновников, купцов и мещан. Доля остальных сословий была невелика. В уездных и приходских училищах более 50% учащихся принадлежало купечеству и мещанству. Большая часть детей городской бедноты училища не посещала, особенно девочки.

В гимназии обучение было четырехлетним, в уездных училищах – двухлетним, в приходских – одногодичным. Гимназическая учебная программа была очень обширной по своему содержанию. Учебный план включал около 20 предметов: математику, физику,

Сиропитательный дом Е. Медведниковой

статистику, философию, политическую экономию, языки и др. Лучше других предметов в Иркутской гимназии в первой половине XIX в. преподавались математика, естественная история. Гимназия имела богатую библиотеку и музей. Она являлась основным поставщиком педагогических кадров для учебных заведений Восточной Сибири в первой половине XIX в.

В курс обучения всех уездных училищ были введены: закон божий, российская грамматика, арифметика, начальные правила гео-

Учитель городского училища

Девичий институт Восточной Сибири

Ученицы сиропитательного дома

метрии и технологии и др. Таким образом, эта программа была также обширной для двух лет обучения. В приходских же училищах содержание обучения было элементарным. Здесь преподавали письмо и чтение, арифметику в пределах первых действий и краткий катехизис.

Во второй четверти XIX в. берет свое начало история школьного женского образования в Иркутске. Как известно, крайне медленно шло открытие приходских училищ, где могли обучаться лица обоего пола. В 1835 г. в них числилось только 23 девочки. Доступ в гимназии им был закрыт, не учились они и в уездных училищах. Девочки состоятельных родителей получали в основном домашнее образование. Первое женское учебно-воспитательное заведение – сиропитательный дом – в Иркутске было открыто в 1838 г. по инициативе вдовы купца Л. Ф. Медведникова Елизаветы Медведниковой. Это было одновременно учебное и воспитательное заведение для бедных и сирот всех сословий. Отличительной особенностью его было учреждение при нем банка, за счет прибыли которого он и содержался. При открытии поступило только 9 воспитанниц. С годами учреждение приобретало все большую популярность среди населения. В 1845 г. здесь обучалось уже 59 девушек, в 1861 – 128, в 1899 – 230. Воспитанницы состояли из лиц всех сословий, не исключая дворянского, но больше было дочерей мещан и лиц податного состояния. Обучение было самым элементарным, больше внимания уделялось практическим занятиям – рукоделию и домашнему хозяйству.

В 1845 г. в Иркутске открылся Девичий институт Восточной Сибири. Его созданию губернский центр обязан как администрации края в лице генерал-губернатора В. Я. Руперта, так и общественности – купцам и золотопромышленникам П. В. Голубкову, П. П. Сукачеву, Е. А. Кузнецову и многим другим. Как и сиропитательный дом, Девичий институт состоял в ведомстве учреждений императрицы Марии. Главное руководство было возложено на генерал-губернатора Восточной Сибири, непосредственное руководство осуществляли гражданский губернатор, Совет и начальница института. Состав воспитанниц вначале был определен в 70 девушек (40 бюджетных и 30 пансионерок, содержащихся на средства родителей и благотворителей). В приеме детей на казенное содержание преимущество отдавалось круглым сиротам и дочерям бедных чиновников. В институт, кроме детей дворянства и чиновничества, разрешалось допускать дочерей купцов и бурятской знати. В 1855 г. сословный состав выпускниц выглядел таким образом: из 26 девушек было 20 дочерей чиновников и обер-офицеров, 4 дочери купцов и 2 дочери лиц духовного звания. С этого же года пансионерками стали приниматься дочери всех свободных состояний.

В Девичьем институте больше, чем в сиропитательном доме, уделялось внимания изучению наук. Здесь преподавали закон божий, арифметику, грамматику и словесность, историю и географию всеобщую и российскую, немецкий и французский языки, естественную историю, физику, рисование, рукоделие, танцы, пение и музыку. Среди первых директрис института были воспитательница дочери декабриста Н. М. Муравьева К. К. Кузьмина, невеста П. А. Муханова М. А. Дорохова, сестра друзей А. С. Пушкина братьев Липранди Е. П. Липранди. В 40–50-х гг. XIX в. в институте работали лучшие преподаватели мужской гимназии, замечательные педагоги К.П.Бабановский,З.В.Коленко,Ф.Ф.Ольдекоп, Г. П. Сементовский, И. О. Катаев и др. Девичий институт в Иркутске – первое среднее учебное заведение для женщин – занимал значительное место в системе образовательных учреждений всей Восточной Сибири.

В какой-то мере пробел в народном образовании восполняли частные школы. Несмотря на разного рода ограничения и запреты со стороны правительства в отношении частных школ, они существовали на протяжении всего XIX – начала XX в. Обычно обучение в них велось по программе приходских школ, преподавание дополнительных предметов зависело от учителя. Обучение, как правило, было платным, а потому доступно лишь зажиточным людям. Имеющиеся данные о количестве об-

Воспитаницы сиропитательного дома дома

Училище Родионова

учающихся недостаточны и касаются только школ, подведомственных в учебном отношении МНП. Так, в пансионе Н. Ф. Скрябина в Иркутске в 1833 г. числилось 9 учащихся мужского и 16 женского пола. В частном пансионе для мальчиков со степенью гимназии, содержимом старшим учителем гимназии Гееком, в 1861 г. обучалось 36 чел. С 1847 г. по 1860 г. в Иркутске существовала частная женская школа русской подданной Юлии Ритье. В 1860 г. открыла такую же школу Конкордия Пикок.

Довольно широкую практику в Иркутской губернии получила частная педагогическая деятельность декабристов. Она носила негласный характер, т. к. правительство в своих инструкциях и распоряжениях запрещало декабристам, выходящим на поселение, обучать детей грамоте. В Иркутске и около него находилась большая группа декабристов. Здесь занимались обучением детей П. И. Борисов, А. П. Юшневский, П. А. Муханов, А. В. Поджио, В. Ф. Раевский и др. Декабристы учили по авторским учебным планам и программам. Их деятельность способствовала увеличению числа грамотных, благотворно влияла на учителей государственных школ, их общественные интересы.

Достаточно разнообразным было в городе профессиональное образование. Соглас-

но «Положению о канцелярских служителях гражданского ведомства», принятому в 1827 г., поступающие на службу чиновники обязаны были не только читать и писать, но и знать грамматику и арифметику и обладать специальными знаниями и умениями. С этой целью в 1828 г. во многих губерниях России открылись училища по подготовке квалифицированных чиновников. Указ об учреждении подобного училища в Иркутске вышел в 1832 г. В административном отношении училище находилось в ведении министерства внутренних дел, в учебном отношении подчинялось Иркутской дирекции училищ.

Одним из направлений в распространении специальных знаний в конце XVIII – первой половине XIX в. в виду недостатка профессиональных учебных заведений стало создание дополнительных курсов и классов при общеобразовательных учебных заведениях. Только при Иркутской гимназии было открыто в разное время несколько таких классов и курсов (классы языков, ветеринарный, судопроизводства, бухгалтерии и др.). Специальные дисциплины вводились и в уездных училищах. Особенно популярными в то время были классы языков – монгольского, маньчжурского, китайского, японского.

В решении вопроса о специальном образовании в Иркутске частная и общественная инициатива играла роль гораздо более значительную, нежели в области общеобразовательной школы. Как правило, правительство открывало специальные учебные заведения, дополнительные классы и курсы только в том случае, если городское общество или отдельные лица обязывались финансировать их. Открытие некоторых учебных заведений нередко затягивалось на длительный срок. Около 30 лет, с 1833 по 1860 г., шла переписка между местной администрацией и центральными властями об учреждении в Иркутске школы для крестьянских и инородческих детей по подготовке грамотных волостных писарей, а вопрос так и не был решен положительно. Те же самые обстоятельства (недостаток средств на открытие, волокита и медлительность со стороны местных властей) связаны с «неоткрытием» в губернии школы межевщиков и учебной сельскохозяйственной фермы.

2. Военное образование

Значительную роль в Иркутске играли учебные заведения военного ведомства. Еще в середине XVIII в. в Иркутске появилась гарнизонная школа для детей военнослужащих и отставных солдат, где обучали грамоте, арифметике и различным ремеслам. В конце столетия гарнизонная школа стала называться военно-сиротским отделением. Введенный в ней ланкастерский метод обучения был в то время прогрессивным явлением и позволял обучать большое количество детей. В 1829 г. только в Иркутских учебных заведениях военного ведомства обучалось 709 детей. В 1859 г. в Иркутске было открыто военное училище.

Военное образование в городе Иркутске было представлено несколькими учебными заведениями.

С 1874 г. в Иркутске действовало юнкерское училище, с 1880 г. – военно-фельдшерская школа. В приготовительном классе кадетского корпуса и юнкерском училище учились исключительно дети дворян и чиновников, служащих по военному ведомству, а в военно-фельдшерской школе преобладали выходцы из солдат, казаков, мещан, крестьян.

Иркутское военное училище. Иркутское военное училище было основано в 1874 году для вольноопределяющихся из казаков. С 1878 по 1901 г. при училище существовал приготовительный класс. В 1901 г. училище было преобразовано в пехотное трехклассное на 100 юнкеров, а юнкера-казаки были переведены в Оренбургское казачье училище. В 1909 г. училище вновь переименовано в Иркутское военное училище.

С началом Первой мировой войны в 1914 году переменный состав был увеличен до 250,

Юнкерское училище

в 1915 г. был доведен до 320 юнкеров. Юнкера выпускались в Сибирские стрелковые полки (в боях 1914–1915 гг. потери полков составили до 85% личного состава). В 1917 г. училище приняло участие в борьбе против Советской власти. В 1918 г. было расформировано.

Школы прапорщиков Иркутского военного округа. В декабре 1914 г. были открыты школы прапорщиков в Иркутске. Такие школы в России создавались в период военного времени для восполнения убыли офицерского состава. Именно прапорщики составляли костяк командиров, командующих взводами или пулеметными расчетами. В этот период среди прапорщиков были выпускники высших учебных заведений и средних технических училищ, представители рядового и унтер-офицерского состава, проявившие руководящие качества и удостоенные Георгиевских наград, которые в ускоренном порядке подготавливались по программе младшего офицерского состава. После обучения выпускники сразу же направлялись на передовую. С 1916 г. курсантов школ прапорщиков в Российской империи официально стали называть юнкерами

1-я Иркутская школа прапорщиков находилась в двухэтажном здании на Казарминской улице (ныне ул. Красного Восстания). В 1-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты на 10 июля 1917 г. по списку состояли: 1 начальник школы (полковник); 2 ротных командира (капитаны); 8 курсовых офицеров (4 штабс-капитана и 4 поручика); 18 помощников курсовых офицеров (прапорщики); 1 заведующий хозяйством (прапорщик); 1 адъютант школы (прапорщик); 1 врач (не имел чина); 1 казначей и делопроизводитель; 374 юнкера; 88 солдат команды (3 нестроевых старшего разряда, 10 писарей, 51 нестроевых, 1 старший унтер-офицер, 4 младших унтер-офицера, 4 ефрейтора, 12 рядовых, 3 фельдшера); 7 лошадей.

2-я Иркутская школа прапорщиков размещалась в помещении губернской мужской гимназии на пересечении ул. Амурской и Баснинской (ул. Ленина и угол ул. Свердлова). На 1 октября 1917 г. во 2-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты численность по списку составляла: 3 штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 2 врача, 2 военных чиновника, 3 солдат и 495 юнкеров.

3-я Иркутская школа прапорщиков находилась на железнодорожной станции Иннокентьевская (район Иркутска-2). На 1 августа 1917 г. в 3-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты по списку состояли: 1 начальник школы (подполковник); 2 ротных командира (подполковники); 13 курсовых офицеров и 15 помощников курсовых офицеров; 1 адъютант; 1 заведующий хозяйством (обер-офицер); 1 врач; 421 юнкер; 106 солдат команды; 9 лошадей.

Наградной знак

Иркутское военное училище

Все Иркутские военные учебные заведения официально прекратили свое существование в декабре 1917 г., однако процесс ликвидации продолжался вплоть до мая 1918 г.

Иркутский кадетский корпус. В начале XX века Главное Управление военных учебных заведений (ГУВУЗ) несколько раз обращалось в Иркутскую городскую Думу с просьбой отвести землю под постройку Иркутского кадетского корпуса. После неоднократных рассмотрений этих прошений 27 июня 1910 г. земля была отведена.

Строительство и окончательное формирование корпуса планировалось на 1920 г., тогда учебное заведение и должно было получить свой военный городок и свое знамя.

1 сентября 1913 г. состоялось торжественное открытие Иркутского кадетского корпуса. Было открыто 4 класса на 106 кадетов, из них 102 православных, 3 лютеранина и 1 мусульманин. 54 человека казачьего сословия.

27 марта 1914 г. в Чите на Казачьем круге представителями Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Сибирского и Семиреченского казачьих войск рассматривался вопрос об Иркутском и Хабаровском кадетских корпусах. Принимая во внимание удобное расположение и общий культурный уровень г. Иркутска, послано ходатайство в ГУВУЗ о присвоении Иркутскому кадетскому корпусу наименования «казачий» и о введении специальной дополнительной программы. Рассмотрению ходатайства помешала Первая мировая война.

В начале 1916 г. 70 кадетов старшего возраста, не окончив учебную программу, перевелись в сформированные в Иркутске в военное время 1-ю, 2-ю и 3-ю школы прапорщиков и после 4-месячного обучения отправились на фронт.

После февральской революции 1917 г. кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии, отменено изучение Закона Божьего и сокращена до минимума военная подготовка. Пользуясь всеобщей неразберихой и удаленностью от центра, директор Иркутского кадетского корпуса генерал-майор

П. Н. Скалон запретил изменение учебных программ и переименование вверенного ему корпуса.

19 декабря (1 января) 1918 г. открылись заседания Комиссии по расформированию школ прапорщиков, военного училища и кадетского корпуса. Корпус был переименован в гимназию, упразднена должность директора и назначен комиссар.

После декабрьских событий 1917 г. в корпусе оставалось до 90 кадетов (главным образом младших возрастов и иногородних) и 14 офицеров и унтер-офицеров. Занятия проводились нерегулярно и лишь по общеобразовательным предметам. Снабжение корпуса прекратилось, кадеты работали в городе по найму. Помощь оказывала Иркутская епархия и частные лица.

3. Духовное образование

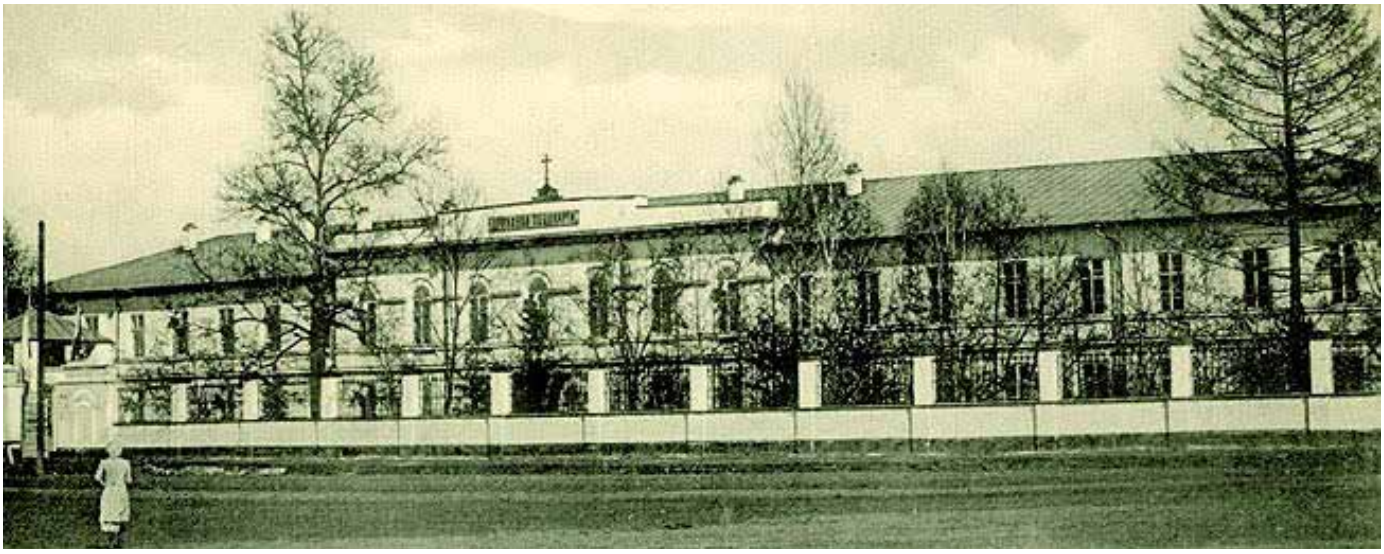
В деле народного образования в губернии нужно признать большую заслугу духовенства. Иркутская духовная семинария, по замечанию протоиерея П. Громова, «стояла в ряд со столичными». Контингент учащихся постоянно увеличивался. В 1861 г. он состоял из 319 юношей. Выпускники использовались в основном на церковной службе, а также в различных областях гражданской службы, в первую очередь в учреждениях народного образования.

Мужское духовное училище

Своеобразное место в системе образования занимали духовные училища – мужское и женское. Мужское духовное училище продолжало выпускать в основном низших церковнослужителей – псаломщиков, дьяконов. Порой они становились и приходскими священниками, поскольку выпускников духовной семинарии было недостаточно. Некоторые после училища продолжали свое образование в духовной семинарии. Большинство учащихся составляли дети духовенства, но с 70-х гг. XIX в. стали принимать представителей и других сословий, в частности крестьянства. Женское духовное училище (позднее называвшееся епархиальным) открылось в 1854 г.

Духовная семинария

и носило имя своего благотворителя Е. Кузнецова. Главной целью училища для дочерей священников было «образование и воспитание достойных жен служителей алтаря и попечительных матерей». Число воспитанниц определялось уставом – 24 воспитанницы и 24 пансионерки. С 1868 г. выпускницы могли держать экзамен на звание домашней учительницы и, получив документы на право преподавания, становились учительницами церковно-приходских школ.

Заметную часть начальных школ в Иркутске составляли училища, созданные при храмах неправославных конфессий и на их средства – евангелическое и римско-католическое, мужское и женское еврейские училища, русская татарская школа. Создаются школы при обществе взаимного вспоможения приказчиков, воскресная школа Общества распространения народного образования и народных развлечений, общества «Просвещение». Особое место занимала школа «Детский сад», основанная в 1869 г. и совмещавшая функции дошкольного воспитания и начального обучения.

4. Начальная образовательная школа

Во второй половине XIX – начале XX в. народное образование развивалось значительно интенсивнее, чем в предшествующий период. В 1861 г. начальных общеобразовательных школ в городе было немного – уездное и 4 приходских училища, а также сиропитательный дом Е. Медведниковой для девочек. При этом большинство детей школьного возраста в городе школы не посещали. В то же время домашнее образование в Иркутске было мало распространено, гувернантки были редкостью. Чаще встречались частные учителя музыки, рисования, иностранных языков.

Сеть начальных школ быстро росла, и к 1915 г. в Иркутске было уже 58 одноклассных и двухклассных училищ (в том числе 10 церковно-приходских) – мужских, женских и смешанных. Значительную роль в развитии начальной школы играли частная инициатива и благотворительность. Наиболее известны пожертвования П. А. Пономарева, иркутского купца первой гильдии, завещавшего свой капитал на устройство учебных заведений. На эти деньги было открыто 9 училищ – 3 в Иркутске и 6 в селениях Иркутского округа. На средства семьи Сибиряковых было открыто несколько начальных училищ, носивших имя А. М. Кладищевой. Жертвовали на церковно-приходские школы Н. Л. Родионов и воскресные В. Т. Зимин. На пожертвование И. С. Хаминова были открыты училища для слепых детей, частично финансировалось четырехклассное мужское училище. На капиталы К. П. Трапезникова в 1868 г. была открыта сиропитательно-ремесленная школа, а на средства Н. П. Трапезникова – ремесленно-воспитательное заведение (1873).

Ученица начальной школы

5. Средние общеобразовательные учебные заведения

Средние общеобразовательные учебные заведения – гимназии, прогимназии, реальные училища – финансировались казной, городской думой, частными лицами и были платными. Продолжала действовать мужская классическая гимназия, в которой обучались одновременно по 200–300, а в начале XX в. до 700 учеников. Около половины учащихся составляли дети дворян и чиновников, по 20% приходилось на детей купцов и мещан, доля остальных сословий была незначительна. В 1866 г. на частные пожертвования была открыта реальная прогимназия. В ней больше внимания уделяли преподаванию физики, химии, минералогии и другим естественным наукам. В 1873 г. она была преобразована в техническое училище. Следующее реальное училище возникло в Иркутске только в 1912 г. Иркутяне предпочитали классические гимназии, дававшие право поступления в университет. В 1907 г. были открыты частная гимназия Е. Горцейт и русская национальная мужская гимназия при Иркутском отделе русского собрания, куда не принимали евреев. Особое место в системе мужского среднего образования занимало коммерческое училище, открытое в 1907 г. Оно относилось к общеобразовательным учебным заведениям с 8-летним курсом обучения, но включало ряд специальных предметов – бухгалтерию, счетоводство и т. д. Хотя

Губернская гимназия

Женская гимназия

принимали в коммерческое училище детей всех сословий, плата за обучение была высока – 200–250 руб., позднее 75–120 руб. в год (в гимназии – 65 руб.), что делало его недоступным для большинства населения.

Более интенсивно, чем мужское, развивалось женское среднее образование. Видную роль продолжал играть Девичий институт Восточной Сибири, в 1896 г. переименованный в Иркутский институт императора Николая I. Во второй половине XIX в. здесь по-прежнему обучались преимущественно дочери чиновников, штаб- и обер-офицеров (более 50%) и купцов (около 30%). В начале 1890-х гг. завершилось преобразование института в семиклассное учебное заведение, благодаря пожертвованиям Ю. И. Базановой и П. А. Сиверса. В 1860 г. в Иркутске было создано женское училище II разряда – первое учебное заведение такого рода в Восточной Сибири. В 1870 г. оно было преобразовано в прогимназию, а затем в гимназию. В 1873 г. в ней обучалось 180 девочек, а в 1917 г. – 706. В 1879 г. была учреждена женская прогимназия, позднее преобразованная во вторую женскую гимназию, где в 1917 г. обучалось 576 девочек. После крупного пожертвования И. С. Хаминова оба учебных заведения стали носить его имя.

С 1894 г. в городе появляются частные средние учебные заведения для девочек – прогимназия О. Г. Беляевой, гимназии В. С. Некрасовой, А. М. Григорьевой, М. И. Смирновой, М. А. Смориго, С. Е. Детышевой и

С. К. Протасовой. Не все они оказалась жизнеспособными – к 1917 г. частных гимназий осталось всего 3. В 1909 г. была открыта женская гимназия Союза русского народа. Принцип раздельного обучения в средней школе соблюдался более строго, чем в начальных училищах, но основанная в 1909 г. частная прогимназия М. В. Гайдук была предназначена для детей обоего пола. Программа женских гимназий была по объему меньше, чем мужских, но в них мог быть открыт восьмой (педагогический) класс, который давал специальную подготовку и право преподавания в народных школах.

6. Средние специальные учебные заведения

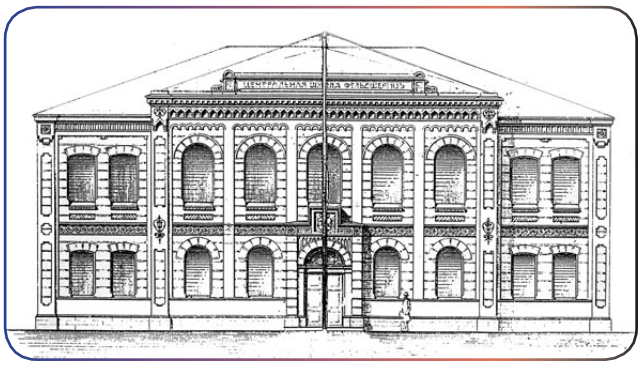

Учительская семинария

Во второй половине XIX – начале XX в. в Иркутске было образовано несколько средних специальных учебных заведений для подготовки учителей. В 1872 г. была открыта учительская семинария для подготовки сельских учителей, в первую очередь из среды самого сельского населения, хотя принимали сюда молодых людей всех сословий с 16 лет. Семинария была рассчитана на 78 воспитанников, но в первые годы страдала от недобора – мало было выпускников начальных училищ, желавших стать учителями, да и подготовка их была слаба, и многие не выдерживали вступительные испытания. Лишь в начале XX в. набор увеличился до 100 человек. Программа обучения будущих учителей включала в себя закон божий, русский и церковно-славянский языки, арифметику, геометрию, физику, историю, а также специальные дисциплины – основы педагогики, гигиену. Выпускников семинарии было недостаточно для нужд края, поэтому в 1900 г. на средства купца В. А. Литвинцева была открыта церковно-учительская семинария, которая должна была готовить учителей для церковно-приходских школ и школ грамоты. В 1909 г. был открыт учительский институт для подготовки учителей для 4-хклассных городских училищ. Несмотря на название, это было 3-годичное среднее, а не высшее учебное заведение. Институт быстро стал пользоваться популярностью, среди поступающих был конкурс. Часть их уже успела закончить учительскую семинарию или педагогические курсы и поработать в начальных школах. В 1917 г. в институте было 68 учащихся. В предреволюционные годы институт успел выпустить несколько десятков учителей.

Промышленное училище

Акушерско-фельдшерская школа. Чертеж фасада

Иркутская губерния в условиях промышленного переворота и развития производства все больше нуждалась в технических специалистах. В 1873 г. на базе реальной прогимназии было учреждено техническое училище, где готовили специалистов для горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. В 1890 г. училище было преобразовано в промышленное механико-техническое с 9-летним сроком обучения, где учащиеся получали как общие, так и специальные знания в области механики, горного дела, золотопромышленности, бухгалтерии и т. д. Директором его в течение 25 лет был В. И. Тышко. Это училище было самым крупным специальным учебным заведением Иркутска и единственным в своем роде во всей Сибири. Ежегодный выпуск промышленного училища составлял 10–20 человек, причем значительная часть выпускников поступала в высшие учебные заведения Петербурга, Москвы, Томска. Остальные работали на золотых приисках, на железной дороге, лесопильных заводах и других промышленных предприятиях. Потребности горнодобывающей отрасли обусловили создание в Иркутске горного училища. Оно было открыто в 1893 г. и готовило горных мастеров и техников для работ на приисках и рудниках. О заинтересованности золотопромышленников в этих специалистах свидетельствует тот факт, что они в 1899 г. учредили 6 частных стипендий, хотя училище содержалось исключительно за казенный счет.

Первое профессиональное учебное заведение для женщин – акушерско-фельдшерская школа появилась в Иркутске в 1893 г. Принимали в нее девушек и замужних женщин в возрасте от 16 до 30 лет, а иногда и старше. Число учениц в ней было небольшим – 30–50 человек, при 4-хлетнем сроке обучения. Таким образом, в губернском городе Иркутске во второй половине XIX – начале XX в. действовали многочисленные и разнообразные начальные, средние и среднеспециальные учебные заведения – государственные, общественные, частные. В течение многих лет велась борьба иркутской общественности за основание в городе университета. Собирались пожертвования, к октябрю 1916 г. было собрано более одного миллиона рублей, «считая и недвижимое имущество». В 1916 г. министр народного просвещения граф Игнатьев поддержал ходатайство иркутян, но до революции университет так и не был открыт.

Книга М. Загоскина «Иркутск и иркутская губерния»

Проблемы развития народного образования всегда волновали как самих учителей, так и городскую интеллигенцию. В 1867 г. на первом учительском съезде в Иркутске обсуждались вопросы содержания обучения, обеспечения школ учебниками и литературой. Интересно, что уже тогда прозвучали предложения об изучении местной истории. В качестве учебника была рекомендована книга М. В. Загоскина «Иркутск и Иркутская губерния».

7. Библиотечное дело. Общественные организации

Заметную роль в популяризации и поддержке образования в городе сыграли общественные организации. В 1875 г. было создано «Общество для оказания пособий учащимся Восточной Сибири», действовавшее до 1917 г. Ежегодно 70–80 учащихся получали материальную помощь или пособие для поездки в столицу для продолжения образования. Аналогичным по задачам было «Общество вспомоществования учащимся бурятам», основанное в 1908 г. Для сбора средств оно устраивало этнографические вечера в зале общественного собрания, на которых читали доклады по истории и этнографии бурят, ставили пьесы и инсценировки обрядов на бурятском языке, устраивали концерты национальных песен и плясок. В 1900–1906 гг. в Иркутске действовало «Общество распространения народного образования и народных развлечений», при котором были открыты первая в городе рисовальная школа, детская площадка для общественных игр, а также воскресная школа и библиотека. Преемником его стало общество «Просвещение», которое начало свою деятельность в 1907 г. В школе общества «Просвещение» был опробован так называемый лабораторный метод преподавания, при котором применяли рисование, черчение, лепку и другие виды ручного труда при изучении всех предметов. Учеников водили на фабрики, в мастерские, в музей. Кроме детской библиотеки при обществе имелись воскресная школа для взрослых, столярная и переплетная мастерская, класс рукоделия для девочек. В 1912 г. был открыт музей учебных пособий на основе коллекций и таблиц. Музей имел 16 отделов и химическую лабораторию. Пользовались им иркутские гимназии, духовная семинария, духовные училища и некоторые пригородные сельские школы. Особенно активно действовали просветительные общества в предвоенные и военные годы, когда в Иркутске работали общество «Знание», «Общество народных чтений», Иркутский отдел «Общества распространения просвещения между евреями» и другие.

Развитие домашнего и школьного образование заметно расширило культурную среду Иркутска, во многом заложенную традициями предыдущего периода. Книжные собрания имелись у многих иркутских купцов, чиновников, духовенства, интеллигенции. Недостаток литературы компенсировался рукописными

Городская библиотека

Гимназисты

сочинениями. Многие иркутяне имели рукописные сборники, в которых переписывались понравившиеся произведения. Помимо них существовали рукописные газеты и журналы, ходившие по рукам. По мере распространения грамотности потребность в книгах возрастала. Ее уже не могли удовлетворить домашние библиотеки, имевшие узкий круг читателей. Библиотеки появляются при учебных заведениях. Книжные собрания первой публичной библиотеки стали основой книжного фонда иркутской мужской гимназии. Крупнейшей библиотекой располагала духовная семинария. Она постоянно пополнялась книгами из собраний иркутских иерархов, а также частных лиц – декабриста М. С. Лунина, купца В. Н. Баснина. Библиотека располагала фондом старопечатных книг, латинских рукописей, монгольскими и тибетскими ксилографами. Она считалась фундаментальной и была доступна лишь исследователям. Учащиеся семинарии пользовались ученической библиотекой, которая пополнялась книгами по направлению Синода.

Одним из способов расширения книжных собраний стало пополнение частных библиотек подпиской на книги и периодические издания. Особую популярность приобрела коллективная подписка. В Иркутске в 1818–1833 гг. существовала «Компания для выписки периодических изданий и книг», ставшая фактически общественной библиотекой. В середине XIX в. в городе появились первые частные библиотеки. Первая из них была открыта в 1840 г. купцом М. А. Болдаковым и насчитывала 4,5 тыс. книг на русском языке и 256 на иностранных. За счет платы подписчиков и средств самого владельца из Москвы и Петербурга выписывались периодические издания, романы, исторические сочинения, описания путешествий. Библиотека не окупала затраты владельца и была продана купцу С. С. Попову. Новый владелец также не смог расширить круг подписчиков и через год был вынужден библиотеку закрыть, подарив часть книг только что открытой библиотеке Сибирского отдела РГО, а остальные продал.

Книгоноша

В. Тропинин. Портрет Н. А. Полевого

М. А. Гаевская

В феврале 1858 г. открылась частная публичная библиотека С. Д. Протопопова – М. П. Шестунова, получившая позднее название «Иркутская публичная библиотека Н. В. Пестерева». Роль ее в общественной жизни Иркутска трудно переоценить. По сути, она стала одним из первых общественных центров, где собирались неравнодушные люди, обсуждали политические и литературные новости, действия местных властей. Часто здесь выступали ссыльные петрашевцы Ф. Н. Львов, М. В. Буташевич-Петрашевский. В конце 1859 г. библиотека была закрыта как центр антимуравьевской оппозиции, а М. П. Шестунов выслан в Забайкалье. Часть книг была продана В. И. Вагину, который возглавил новую частную публичную библиотеку.

Иркутская публичная библиотека, возникшая в 1780-х гг., почти на полвека опередила потребность в развитии библиотечного дела в стране. Только в 1830 г. появились первые указы МВД, предписывающие открывать публичные библиотеки в губернских центрах. В результате в 1835 г. в Иркутске вновь появилась городская публичная библиотека. Заведовал ею бывший директор гимназии С. С. Щукин. Книжный фонд был составлен из пожертвований, в том числе В. Н. Баснина. Но круг читающей публики был весьма невелик. Наибольшим спросом пользовалась свежая периодика, а получать ее в достаточном количестве библиотека не могла из-за отсутствия средств. В 1856 г. библиотека почти полностью прекратила свою деятельность. Более счастливой оказалась судьба новой городской публичной библиотеки, открытой в марте 1861 г. по инициативе группы чиновников и общественных деятелей. Она развивалась благодаря книжным и денежным пожертвованиям иркутян. С 1864 г. библиотека находилась в ведении городской думы и получала от нее субсидию, размер которой постепенно увеличивался. Большая заслуга в организации работы этой библиотеки принадлежала ее первым заведующим – М. А. Гаевской (1867–1907) и Н. С. Романову (1908–1926). За полвека число ее абонентов возросло со 105 в 1861 г. до 2,5 тыс. в 1915 г. А число посетителей читального зала за эти годы составило около 20 тыс. человек.

Интерес к книге, рукописным летописям и журналам способствовал появлению в Иркутске первых ростков ранней сибирской публицистики и литературы. Творчество

Иркутское Городское Общественное Управленіе.

МОСТЪ
ЧРЕЗЪ РѢКУ АНГАРУ
ВЪ Г. ИРКУТСКѢ
ПОСТОЯННЫЙ ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Матеріалы по вопросу объ устройствѣ моста.

ИРКУТСКЪ

«Мост через реку Ангару» И. Ф. Исцеленова

Н. А. Полевого и его сестры, братьев Щукиных, И. Т. Калашникова, А. И. Лосева, П. А. Словцова отличало новое восприятие Сибири и Иркутска как своей «малой родины». Авторы стремились не только воспеть красоту природы края, но и поднять острые социальные вопросы взаимоотношений местного общества и администрации. Первая сибирская повесть «Сохатый» (1830) Н. А. Полевого послужила, по меткому выражению Н. Щукина, «знаменем литературного восстания сибиряков». Произведения первых сибирских литераторов, как и их публицистика, были связаны с краеведческим изучением недавнего прошлого, осмыслением взаимоотношений власти и общества. Сибирские литераторы с сочувствием относились к ссыльным, наделяя их благородными чертами, бесстрашием и волей. Многие произведения иркутских литераторов были основаны на местных историях и преданиях. Так, в романе «Дочь купца Жолобова» (1831) И. Т. Калашникова много места было отведено описанию ревизии П. Н. Крылова, от которой пострадали многие иркутские купцы. Писатель считал, что воскресить прошлое – значит оживить человеческие страсти, увидеть людей с «тайными их думами, с сокровенными порывами души, с неразгаданными муками и наслаждениями и утаенными злодействами и добродетелями».

8. Печать и литература

В середине XIX в. русская литература с гораздо большей активностью, чем прежде, вторгалась в общественную жизнь, это отразилось в утверждении реалистических тенденций в творчестве писателей, журналистике. Рукописные журналы и альманахи подготовили почву для появления периодической печати. В 1856 г. появляется официальная газета «Иркутские губернские ведомости», а затем наступила пора частной периодической печати. Первой ласточкой стала либеральная еженедельная газета «Амур» (1860), издаваемая на средства купцов А. А. Белоголового, И. И. Пиленкова и С. С. Попова. Признание среди сибиряков получили издаваемые в Иркутске газеты «Сибирский вестник» Б. А. Милютина (1864–1868), «Сибирь», редактором и издателем которой стал историк и публицист Всеволод Вагин. Но особенную популярность у либерально настроенной общественности приобрела газета

«Сибирский сборник»

СИБИРСКІЙ
СБОРНИКЪ
1888
Выпускъ II.

25-го Ноября № 35. 1882.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на газету
„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"
НА 1883 ГОДЪ.
ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.
Цѣна за годъ 8 рублей.

ИДУТЪ ЛИ КРЕСТЬЯНСКІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ СИБИРИ.

Страница газеты «Восточное обозрение»

«Восточное обозрение» (1882–1906), которую издавали в разные годы известный общественный деятель, областник Н. М. Ядринцев и ссыльный народник И. И. Попов.

Общественные интересы чутко улавливали представители иркутской литературы. Наиболее рельефно это проявилось в творчестве иркутянина И. В. Федорова-Омулевского. Его роман «Шаг за шагом» (1870) стал одним из заметных явлений пореформенного времени. За издание этого произведения писатель был в 1874 г. арестован. С интересом иркутская публика встретила роман М. В. Загоскина «Магистр» (1876). Роман пронизан юмором и иронией по отношению к представителям сельского духовенства, провинциальной бурсы, принципам бурсацкой «педагогики».

В конце XIX в. активно развивается сибирская тема в творчестве российских писателей. В большинстве своем их художественное обобщение основывалось на материале Западной Сибири, но проблемы, поднимаемые в произведениях, отражали жизнь и в Сибири Восточной. В произведениях Г. Успенского, В. Г. Короленко, К. М. Станюковича, С. Я. Елпатьевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Я. Шишкова, очерках А. П. Чехова раскрывались характеры сибирских жителей, освещались судьбы русской интеллигенции в сибирской неволе, тема каторги и ссылки, жизнь крестьянства и коренных народов. В эти годы раскрылся талант уроженца г. Иркутска В. М. Михеева, издавшего в 1884 г. сборник стихов «Песни о Сибири» и несколько прозаических произведений, в том числе роман «Золотые россыпи» (1892). В начале XX в. на волне общественного и революционного подъема в сибирскую литературу вошла целая группа молодых талантливых писателей: И. Гольдберг, Г. Гребенщиков, А. Новоселов, Г. Вяткин.

В конце XIX в. книга распространяется среди широких масс городского населения. Одним из проявлений этого процесса стало появление бесплатных народных библиотек-читален. В ноябре 1896 г. такая библиотека была открыта в Иркутске на пожертвования купцов А. М. Сибирякова, Ю. И. Базановой и др. В 1901 г. библиотеке-читальне было присвоено имя А. В. Потаниной. К этому времени читальня имела уже два филиала – в Ремесленной слободе и предместье Глазково. За 20 лет ее существования книжный фонд увеличился с 567 томов до 8 тыс. Среди посетителей библиотеки большинство составляли учащиеся и ремесленники. В эти же годы в Иркутске возникают многочисленные общественные библиотеки при «Обществе взаимного вспоможения приказчиков» (1884), обществе

Публичная библиотека Потаниной

«Просвещение» (1907), Иркутских общедоступных курсах (1913), «Обществе народных развлечений» (1913), «Обществе содействия семейному воспитанию детей» (1915) и др. Существовали книжные собрания при национальных обществах и неправославных религиозных центрах.

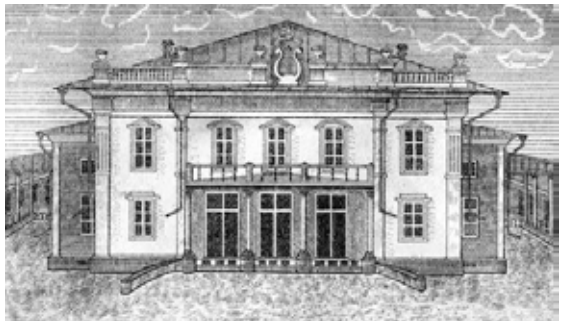
9. Театр. Музыкальная жизнь

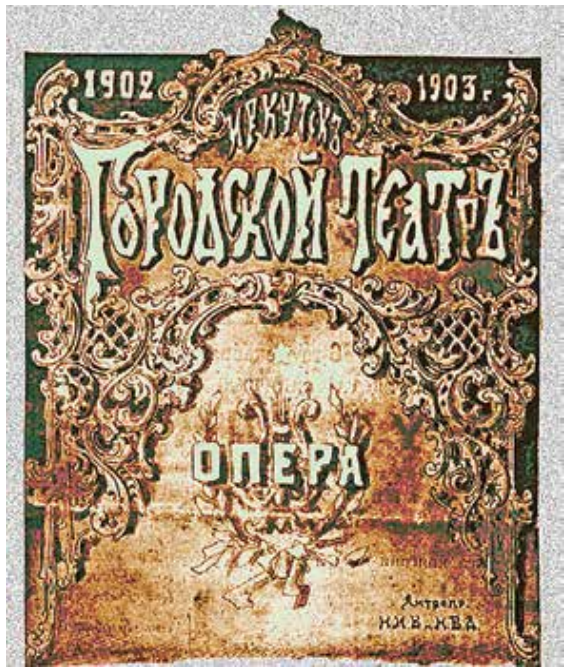
В начале XIX в. иркутский театр был представлен в основном любительскими труппами. До середины XIX века общедоступный театр в Иркутске не возобновлялся, но организовывались время от времени любительские спектакли в гимназии, семинарии, в домах некоторых чиновников. В 1851 г. в Иркутске при содействии генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского был открыт первый профессиональный театр. Хозяйственной и репертуарной частью заведовала дирекция во главе с чиновником А. Н. Похвистневым. Среди актеров были А. А. Рассказов, А. Х. Ярославцев, выступавшие ранее на московской сцене. Вообще, труппа была немногочисленна, но славилась среди провинциальных театров хорошими актерами. Ставились пьесы Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, В. Шекспира. В мае 1852 г. впервые в Сибири было поставлено «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Много места в репертуаре занимали водевили и мелодрамы.

В январе 1861 г. здание театра сгорело. Некоторое время спектакли проходили в зале благородного собрания и в других неприспособленных помещениях. В 1864 г. было построено новое здание театра, которое взял в аренду купец второй гильдии И. О. Краузе. Зал вмещал до 500 зрителей, спектакли шли 3 раза в неделю. Актеров Краузе набирал в Москве и Петербурге. В январе 1873 г. был открыт новый театр, здание которого было построено на средства иркутских купцов И. И. Базанова, Д. А. Немчинова и М. А. Сибирякова. Театр был красив – «ложи в 3 яруса, на потолке написаны фамилии известных драматургов, занавес изображает бег колесниц в римском цирке». По желанию жертвователей театр управлялся комитетом, попечителем был генерал-губернатор П. А. Фредерикс. Контракты заключались с актерами на два года, труппа в разное время насчитывала от 10 до 30 чел., не считая хора и оркестра. В репертуаре, кроме русской и зарубежной классики, водевилей, бытовых драм, постоянной гостьей стала оперетта. В пожаре 1879 г. здание не пострадало, но из-за финансовых трудностей его спонсоров театр был передан в ведение городского благотворительного общества. В октябре 1890 г. из-за небрежности служащих театральное здание все-таки сгорело.

В течение семи лет спектакли играли в различных помещениях – доме Плетюхина,

Городской театр. Чертеж фасада

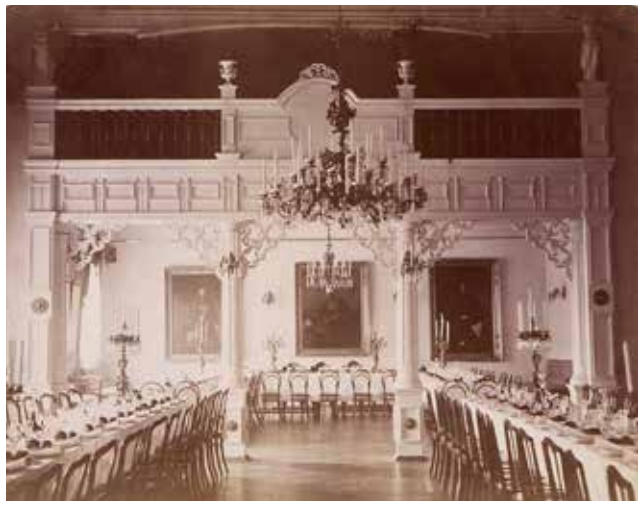

Афиша театра

Новое здание театра

Вид залы благородного собрания

зале благородного собрания, цирке, маленьком деревянном театре. По инициативе генерал-губернатора А. Д. Горемыкина была создана комиссия для строительства нового театра и собраны денежные средства. В 1894–1897 гг. по проекту академика архитектуры В. А. Шретера было возведено каменное здание, ставшее одним из лучших провинциальных театров. 30 августа 1897 г. театр был открыт. Все важнейшие вопросы находились в ведении городской думы, которая избирала дирекцию во главе с председателем. Дирекция составляла условия контракта с антрепренерами и следила за его выполнением как в материальном, так и в художественном отношении.

В 1897–1917 гг. в городском театре работали известные актеры Е. Н. Горева, Е. А. Демидова, П. А. Мартынов, Д. Я. Карамазов (Афанасьев), К. З. Пузинский и др. Среди оперных певцов были будущие знаменитости – баритон Н. А. Шевелев, сопрано С. И. Друзякина.

Музыкальные вкусы публики во многом формировались музыкальными традициями Иркутска и системой музыкального образования. Еще до появления специальных школ музыке и пению уделялось много внимания в духовной и учительской семинариях, девичьем институте, других учебных заведениях, где существовали свои хоры, оркестры, ансамбли. В 1899 г. открылась музыкальная школа выпускника Петербургской консерватории А. Ю. Гиниты-Пилсудского, а на смену ей пришли музыкальные классы при Иркутском отделении Императорского Русского музыкального общества, созданные в 1901 г. Здесь обучали пению, игре на фортепьяно, скрипке, виолончели, флейте. В 1905–1920 гг. работала частная музыкальная школа Е. Г. Городецкой, Р. А. Иванова, М. М. Синицына, при которой были хор и оркестр из учащихся, проводились лекции-концерты, посвященные различным композиторам, лекции по истории музыки для всех желающих. В городе в разное время работали выдающиеся музыканты: скрипач В. Беляев, пианист А. Л. Ферштер, певцы В. И. Лосев и В. М. Иванова-Дункель.

В начале XX в. театральная жизнь в Иркутске активизировалась. В 1902 г. было построено новое здание общественного собрания с вместительным театральным залом, а в 1907 г. открылся театр, построенный читинским купцом Гиллером при своей гостинице. В том и другом театрах практически каждый сезон работали или гастролировали опереточные (изредка оперные) труппы, конкурируя с городским театром. Среди них были труппы под руководством Э. Ф. Энгеля, Ф. В. Валентетти, негритянская оперетта из Сан-Франциско, виленская и варшавская еврейские опереточные труппы и т. д. С проведением железной дороги

Афиша театра

увеличилась численность гастролирующих театральных трупп и отдельных исполнителей. В Иркутск приезжали труппа Малого театра с А. А. Яблочкиной и Е. Д. Турчаниновой, театр В. Ф. Комиссаржевской, В. Н. Давыдов, М. Дальский, П. Орленев и др. Среди оперных знаменитостей – Е. К. Мравина, Л. Собинов, И. и Р. Фигнер. Выступали в Иркутске и эстрадные звезды того времени – А. Д. Вяльцева и Н. В. Плевицкая.

В 1881 г. было организовано «Общество любителей музыки и литературы», которое в течение 30 лет устраивало концерты и музыкальные вечера, имело хор и оркестр. С 1898 г. в зале Общественного собрания устраивались «субботы», где давали спектакли, концерты, проходило чтение литературных произведений. В 1896–1909 гг. действовал драматический кружок при клубе общества приказчиков. При клубе были также хор, камерный ансамбль, с 1902 г. – первый в городе оркестр балалаечников, в 1905 г. преобразованный в оркестр народных инструментов. Общедоступные благотворительные концерты и литературно-музыкальные утренники устраивались с 1900 г. «Обществом народных чтений». В 1912 г. в доме Посохина был открыт театр этого Общества. В спектаклях принимали участие профессионалы и любители. Аналогично действовало «Общество распространения народного образования и народных развлечений». Своеобразием отличались этнографические вечера «Общества вспомоществования учащимся бурятам», основанного в 1908 г. В их программу входили инсценировки старинных обрядов (свадьба, посвящение белого шамана, женский праздник «Тургэ»), национальные песни, музыка, танцы. В целом театральная и концертная жизнь на протяжении XIX в. становилась все более интенсивной и разнообразной – во многом благодаря общественной инициативе и благотворительной деятельности.

10. Искусство. Фотография. Синематограф

В начале XX в. в Иркутск пришли новые технические виды искусства – фотография и синематограф. Первый киносеанс состоялся 12 марта 1897 г. в здании общественного собрания. Накануне Первой Мировой войны в городе работало уже 13 синематографов как в центре, так и на окраинах. Среди них были «Художественный декаданс» К. С. Ягджоглу, Большой и Малый иллюзионы А. М. Дон-Отелло, «Олимп», «Вулкан», «Мираж» и др.

Электро театр Ягджоглу

Рост административного значения Иркутска вызвало к жизни моду на официальные парадные портреты членов императорской семьи, которые украшали казенные заведения. Война 1812 г. пробудила патриотическое сознание сибиряков и обострила интерес к исторической и портретной живописи. Портреты военачальников и героев, изображения батальных сцен выписывались из столиц и становились привычным элементом интерьеров присутственных мест и домашних гостиных иркутских чиновников и купцов.

В среде образованной публики были популярны различные акварели и гравюры исторической тематики, проявлялся интерес к ландшафтной живописи. Среди первых художников было немало ссыльных. Наибольшую известность своими портретами друзей по несчастью и сибиряков получил Н. А. Бестужев. В начале XIX в. собрания картин были у многих богатейших купцов Иркутска. Известными собирателями книг, редкостных предметов и произведений искусства были в Иркутске купцы Дудоровские, Сибиряковы, Баснины. В их собрания входили изделия декоративно-прикладного искусства, скульптура, живописные и графические произведения. В доме М. В. Сибирякова гостей поражала прекрасная шпалера с оригинала Ван Дейка и огромный портрет Г. Державина кисти итальянца С. Тончи. Здесь были коллекции гравюр с видами городов России, уникальные гобелены русской работы, различные скульптуры. Собрание В. Н. Баснина содержало до 7 тысяч гравюр русских и иностранных мастеров, живописные полотна, множество старинных карт.

В первой половине XIX в. в Иркутской губернии получает развитие обучение рисованию. Ученики и учителя геодезической и навигацкой школ рисовали сибирские пейзажи. Например, на публичном экзамене в Иркутской губернской чертежной в 1812 г. были представлены рисунки, изображавшие «вид горы Хамар-Дабан» и вид города Охотска. Серьезное значение придавалось рисованию в Иркутской мужской гимназии. Художественными экспонатами пополняются коллекции гимназического музея. Рисование начинает преподаваться и в учреждаемых с 1805 г. уездных училищах. В середине столетия в Девичьем институте Восточной Сибири и сиропитательном доме Е. Медведниковой рисованию стали обучаться девушки.

Шпалера с оригинала кисти Ван Дейка

В первой половине и середине XIX в. Восточную Сибирь посетило немало профессиональных художников, как иностранных (швед К. П. Мазер, англичанин Т. У. Аткинсон), так и русских, получивших образование в Академии художеств (Е. М. Корнеев, И. П. Александров, Т. А. Васильев, А. Б. Мартынов, К. И. Корсалин, К. Я. Рейхель и др.). Работы этих мастеров оказали известное влияние на творчество местных художников, работавших в светской манере. Во второй половине XIX в. необходимость в труде художников появляется в разных сферах общественной деятельности, значительное их количество было задействовано в учебных заведениях города. Из наиболее заметных педагогов-художников, окончивших Академию художеств и другие художественные заведения России, в Иркутске

работали И. Ф. Фокин, Н. В. Гребцов (первый учитель В. И. Сурикова), Г. Б. Некрасов, В. И. Эндерлейт, М. И. Зязин, В. М. Скиндер, С. Т. Власенко, Б. А. Болотов, А. Х. Клименко, В. А. Александров, Н. В. Денисов и др. Из иркутян-художников второй половины XIX в. следует назвать талантливого, но рано ушедшего из жизни М. И. Пескова (1834–1864), П. И. Старцева, Н. А. Климова, Н. И. Туголукова, архитектора-живописца В. А. Кудельского и др. За свою недолгую жизнь М. И. Песков, окончивший Академию художеств в 1855 г., написал несколько портретов иркутских чиновников и купцов, но наиболее проявил себя в жанре исторической живописи. Был одним из участников бунта против консерватизма Академии и стал участником артели передвижников. В год выхода из Академии художеств экспонировал на осенней академической выставке картину «Ссыльнопоселенец», высоко оцененную критиком В. В. Стасовым.

Среди иркутских художников особое место занимает творчество ссыльных поляков. В середине и второй половине XIX в. в Восточной Сибири работали талантливый скульптор

П. И. Старцев. Автопортрет

Выставка в большом зале ВСОИРГО

И. Цейзик, живописцы и графики Л. Немировский, П. Кшижановский, А. Якубовский, Ю. Беркман, С. Вронский. Последний особенно прославился своими многочисленными сибирскими пейзажами. Не менее интересны рисунки, литографии и акварели Леопольда Немировского (1810–1883), сохранившего для нас многочисленные виды сибирских поселений и зарисовки сибирских жителей.

С ростом числа художников стало возможно говорить о зарождении публичной художественной жизни в Иркутске, проявлением которой стали регулярные выставки картин и гравюр местных мастеров, устраивавшиеся в рамках промышленных и ремесленных выставок. В 1874 г. в Иркутске была устроена первая чисто художественная выставка. В эти же годы были организованы персональные выставки поляка А. Якубовского (1876), Н. Ф. Добровольского (1886), М. И. Зязина (1886). Продолжалось коллекционирование произведений искусства состоятельными горожанами. Интересные коллекции картин были у художника-портретиста Д. И. Яковлева, золотопромышленников С. Ф. Соловьева, А. М. Сибирякова, А. К. Трапезникова. Однако самым известным коллекционером был иркутский городской голова и меценат В. П. Сукачев. Его частная картинная галерея включала в себя работы крупнейших российских и западноевропейских мастеров и была доступна для городской публики. Даже после

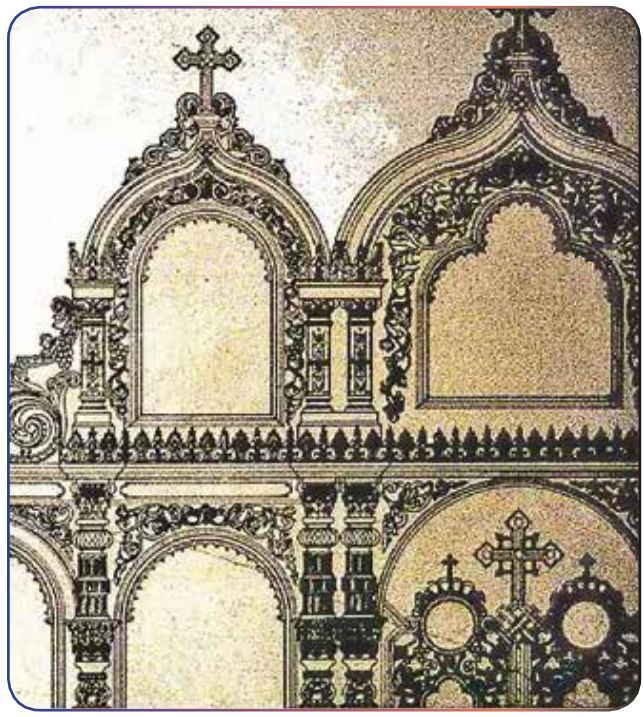
С. Е. Вронский. Тунка

его отъезда из Иркутска галерея продолжала работать для иркутян. Часть картин выставлялась в музее ВСОРГО, на его загородной даче и в других помещениях. Желанием мецената было передать свое собрание Иркутску, однако городские власти, не имея денег на постройку специального здания для музея и его обустройство, отказались от дара. В 1920 г. коллекция В. П. Сукачева была национализирована и послужила основой для Иркутского художественного музея.

Известным коллекционером был промышленник, основатель Хайтинской фар-

Н. А. Бестужев. Портрет П. П. Сукачева

Иконостас из часовни дома Е. Медведниковой

форо-фаянсовой фабрики И. Д. Перевалов, устроивший в 1880 г. при своем заведении музей фарфора, в основу которого легла семейная коллекция фарфоровых и фаянсовых изделий лучших отечественных фабрик. Для развиваемого им фарфорового производства Перевалов широко привлекал живописцев, скульпторов и других мастеров с предприятий России и Китая. В результате в конце XIX в. переваловский фарфор получил известность и неоднократно завоевывал медали на различных промышленных выставках в России и за границей.

На рубеже веков происходит заметное оживление художественной жизни в Иркутской губернии. Начало XX в. было насыщено значительными событиями. В это время зарождается специальное художественное образование, происходят консолидирующие процессы среди художников и любителей искусств, развивается выставочная деятельность. Заметные изменения происходят в сфере подготовки молодых художников. Впервые идея об открытии в Иркутске художественного учебного заведения зародилась еще в середине XIX в. Однако

Д. С. Романов. Автопортрет

Н. А. Бестужев. Портрет А. И. Трапезниковой

только спустя несколько десятилетий появилась первая рисовальная школа, открытая по инициативе художников Н. И. Верхотурова и М. А. Рутченко-Короткоручко. В 1905–1907 гг. в городе работали классы рисования и живописи А. Ф. Лытнева, выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Некоторое время действовали в Иркутске рисовальная школа М. Н. Бабановской и рисовальные классы госпожи Е. Л. фон Мооль. Но наиболее жизнеспособной оказалась открытая в 1910 г. школа рисования и живописи И. Л. Копылова, вернувшегося в Иркутск после учебы в парижской Академии Жюльена. От этой школы берет начало нынешнее Иркутское художественное училище.

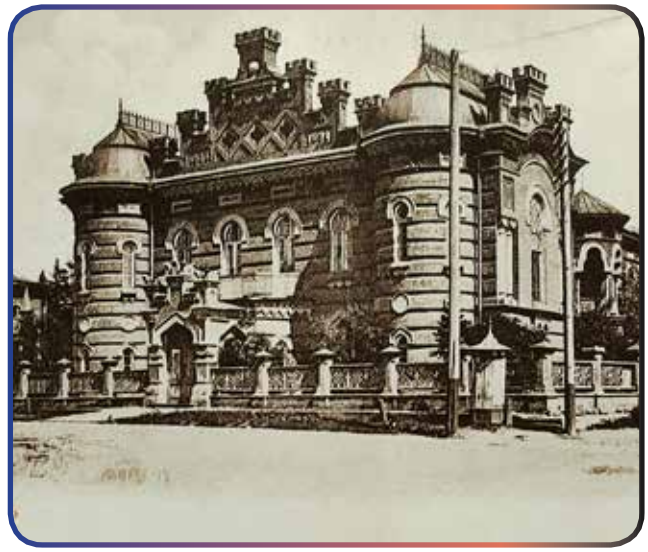
Уроки рисования активно внедрялись в системе народного образования. В начале XX в. в Иркутске работали опытные педагоги-художники, получившие образование в известных художественных заведениях России и заграницы: В. А. Болотов, С. Т. Власенко, С. Г. Зарубин, В. И. Камкин, А. Х. Клименко, Н. И. Лыткин, Е. Л. фон Мооль, В. Я. Рапацкий, А. К. Рудаев, С. С. Скорняков, П. И. Шабалин. Их деятельность активно способствовала появлению местных художников-любителей. В эти же годы происходит первая попытка объединения художников. В конце 1899 г. при «Обществе любителей музыки и литературы» по инициативе А. П. Богословского образовался кружок любителей живописи. Одним из заметных дел этого кружка стала организованная им в 1900 г. выставка работ его членов. В 1903 г. в Иркутске прошли сразу две большие выставки – петербургских художников и французской живописи из Парижа. Однако большая часть выставок носила либо передвижной характер и доставлялась в Иркутск из столицы или заграницы, либо устраивалась приезжими художниками.

Положение изменилось с 1909 г.ода когда в музее ВСОРГО стали устраиваться ежегодные выставки работ местных художников и

Р. К. Маак

любителей. Бессменным устроителем их, продолжавшихся по 1917 года, был Р. С. Пророков, сыгравший значительную роль в художественной жизни города. Вокруг него объединялись местные художественные силы: А. П. Артюшков, А. И. Вологдин, М. И. Дубинский, П. И. Кашкаров, И. Г. Козлов, Н. В. Лодейщиков, Н. И. Лыткин, А. В. Овчинников, К.И.Померанцев,А.А.Сахаров,С.С.Скорняков, Л. И. Тимофеев, Н. М. Чистяков, П. И. Шабалин и др. Логическим завершением творческой активности иркутских художников стало создание в 1914 г. общества художников во главе с К. И. Померанцевым. В 1915–1917 гг. общество устроило выставки картин, на которые, помимо иркутян, приглашались художники из других городов Сибири и России. В свою очередь, члены общества принимали участие в художественных выставках Томска, Красноярска и Нижнеудинска.

Здание ВСОРГО

1. ВСОРГО. Научная жизнь

Значительным событием в культурной и научной жизни края стало появление в 1851 г. при содействии генерал-губернатора Н. Н. Муравьева Сибирского отдела Русского географического общества. ВСОРГО организовало во второй половине XIX в. ряд крупных экспедиций для изучения Восточной Сибири, которые решали как научные, так и практические задачи. Под руководством Р. К. Маака были проведены Вилюйская (1854–1855), Амурская (1855) и Уссурийская (1859) экспедиции. В 1866 г. были организованы Олекминско-Витимская и Туруханская экспедиции. Первой руководил П. А. Кропоткин, служивший в это время чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Туруханская экспедиция внесла значительный вклад в накопление материалов по геологии (И. А. Лопатин), антропологии и этнографии (А. П. Щапов).

В 70-е гг. XIX в., наиболее значительные научные результаты принесли исследования политических ссыльных – участников восстания 1863 г. А. Л. Чекановский составил первую географическую карту Иркутской губернии, которая была удостоена золотой медали на Парижском географическом конгрессе

1875 г. И. Д. Черский после детального изучения составил карту геологического строения Прибайкалья. Б. И. Дыбовский и В. Годлевский были удостоены золотых медалей РГО за работы по зоологии Восточной Сибири, главным образом Байкала.

Огромное научное значение имели экспедиции Н. М. Ядринцева в Монголию для определения точного местонахождения развалин Каракорума, Г. Н. Потанина в Китай и Тибет, Якутская (Сибиряковская) экспедиция 1894–1896 гг. Д. А. Клеменца, организованная при финансовой поддержке иркутского купца И. М. Сибирякова. В ней участвовали политические ссыльные Э. К. Пекарский, С. Ф. Ковалик, В. Г. Богораз-Тан, Н. А. Виташевский и др.

В 1902 г. в составе ВСОРГО была создана особая архивная комиссия под председательством преподавателя Иркутской духовной семинарии И. Н. Дроздова. В ее состав входили известные сибирские историки Н. Н. Бакай, Н. Н. Козьмин, А. М. Станиловский, М. П. Овчинников, Я. А. Корейша. На заседаниях комиссии обсуждались доклады и сообщения, рассматривались вопросы охраны памятников местной старины.

Наряду с исследовательской работой ВСОРГО занимался и просветительской деятельностью, главным образом через музей. В 1854 г. музей при Главном управлении Восточной Сибири был передан отделу РГО и постоянно пополнялся экспонатами, собранными в результате экспедиций. Пожар 1879 г. почти полностью истребил коллекции музея, но благодаря пожертвованиям и новым экспедициям фонды быстро пополнились. Коллекции музея участвовали во многих выставках – сельскохозяйственной в Иркутске (1868), конгресса ориенталистов (1876), археологической в Казани (1877), Московской антропологической (1879), Нижегородской всероссийской (1896), всемирной выставке в Париже в 1898 г. Краеведческий характер имели действовавшие в начале XX в. «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта» и «Иркутская ученая архивная комиссия».

В 1868 г. по инициативе чиновника Б. А. Милютина и иркутских промышленников и техников был образован Восточно-Сибирский отдел Русского технического общества. Главными целями его были: поднять уровень технического дела в крае, соединить техников и производителей, служить для них центром, проводить постепенно научные знания в практическую деятельность, чтобы направить ее к поднятию материального благосостояния в крае. Отдел РТО стал инициатором проведения в Иркутске выставок, на которых экспонировались не только местные технические достижения и сельскохозяйственная продукция, но и произведения художественного и прикладного искусства, работы иркутских фотографов.

XVII

Иркутск на рубеже веков

1. В новый век на волне модернизации
2. «Иркутск – «золотая» столица Российской империи»
3. Благоустроительные работы
4. Иркутский транспорт

1. В новый век на волне модернизации

Начавшаяся модернизация кардинально изменила облик Иркутска. Недаром А. П. Чехов, посетивший наш город, так описал его: «Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы. Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться. Есть трактир «Таганрог». Сахар 24 коп., кедровые орехи 6 коп. за фунт... В Иркутске рессорные пролетки. Он лучше Екатеринбурга и Томска. Совсем Европа».

На начало XX века в Иркутске при населении около 50 тыс. человек было 12 477 строений, из них 1 458 каменных. В городе насчитывалось 124 улицы, 15 переулков, 6 площадей и 2 сада, 2 собора (Казанский и Богоявленский), 29 православных церквей, католический костел, лютеранская кирха, две синагоги, и мусульманская мечеть.

В городе работало 45 учебных заведений, в том числе девичий институт им. Николая I, духовная семинария и мужское духовное училище, горное училище…

Медицина была представлена Кузнецовской, Мещанской Солдатовской, детской Иано-Матренинской, Михеевской больницами и военным госпиталем.

Украшением города были дворец Сибиряковых (Белый дом), городской театр и музей Восточно-Сибирского отделения ВСОРГО – старейший провинциальный музей России.

Крупных промышленных предприятий в городе не было. Промышленность представляли 88 заводов и фабрик полукустарного типа (кожевенных, шубных, мыловаренных, водочных и пивоваренных, столярных, стекольных и т. д.).

Иркутск был торговым и промышленным центром Восточной Сибири. Годовой оборот всех торговых заведений составлял почти 20

Улица Большая (Карла Маркса)

млн руб. В городе работали отделения Государственного банка, Сибирского торгового, Русско-Китайского (потом Русско-Азиатского), банка Медведниковой, агентства земельных Нижегородско-Самарского и Ярославско-Костромского банков.

2. «Иркутск – «золотая столица» Российской империи»

Иркутск в середине XIX столетия становится «золотой столицей» Российской Империи. Через город проходит более 70% всего добываемого драгоценного металла, здесь находятся конторы самых богатых золотопромышленников.

Несмотря на то, что Иркутская губерния являлась центром золотодобычи, ближайшие золотосплавочные лаборатории находились за тысячи километров – в Томске, Барнауле и Екатеринбурге. Более двадцати лет золотопромышленники ходатайствовали через генерал-губернатора Восточной Сибири перед царским правительством о разрешении на открытие в Иркутске золотосплавочной лаборатории, а в 1869 г. даже приобрели на собственные средства двухэтажный каменный дом купца Шугаева на берегу Ангары, который обязались передать Горному управлению Восточной Сибири и снабдить всеми необходимыми лабораторными принадлежностями.

В августе 1869 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Михаил Корсаков образовал особый комитет по устройству золотосплавочной лаборатории. Возглавил его управляющий горным отделением Управления Восточной Сибири горный инженер, коллежский советник А. А. Савицкий. В докладной записке на имя генерал-губернатора, датированной 5 января 1870 г., иркутские купцы-золотопромышленники И. М. Сибиряков, П. О.Катышевцев, Д. Д. Демидов сообщили, что заложено новое здание и фундаменты под плавильные печи, «лаборатория начата постройкой и в лето

1870 г. будет готова ко времени привоза золота с приисков». Впоследствии купцы не раз помогали золотосплавочной лаборатории: в ноябре 1871 г. иркутский купец П. П. Баснин пожертвовал купленную им в Лондоне химическую лабораторию стоимостью 1 810 руб., в декабре гражданин М. А. Ломоносов – химические лабораторные принадлежности.

В декабре 1870 г. Госсовет империи принял решение о представлении на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение проекты штата Иркутской лаборатории и дополнительного штата Горного отделения Главного управления Восточной Сибири и постановил «сдачу, сплав, опробование и доставку золота, добытого в Восточной Сибири, за исключением Енисейской губернии, а равно составление расчетов и выдачу ассигновок на это золото производить… в Иркутской лаборатории и Горном отделении Главного Управления Восточной Сибири» с 1 января 1871 г. На проекте штатов лаборатории численностью 11 чел. с фондом зарплаты 6 316 руб. в год царь Александр II написал: «Быть по сему».

Штат золотосплавочной лаборатории состоял из управляющего, пробирера (он же помощник управляющего), лаборанта, трех помощников пробирера и письмоводителя.

Иркутская золотосплавочная лаборатория с 1871 г. стала первым научно-техническим учреждением Сибири и первой исследова-

тельской организацией в системе цветной металлургии России, сохранившей свой профиль до наших дней. В первый же год ее существования через лабораторию прошло 1 173 пуда 6 фунтов 43 золотника (19,2 тонн) шлихового золота, доставленного с частных приисков, после переплавки из которого получено 18,7 тонн лигатурного золота. В последующие годы, вплоть до 1903 г., через лабораторию проходило 15–25 тонн золота ежегодно.

Кроме сплавления и опробования золота лаборатория выполняла химические анализы – как по предписанию начальства, так и по просьбам частных лиц и обществ. Выполнялись анализы горючих материалов, железных и марганцевых руд, чугуна, свинцовых, серебряных, золотых руд, поваренной соли, соляных и маточных рассолов, минеральных вод. Лаборатория выполняла многочисленные анализы золота, серебра, платины, каменного угля, кварца, графита, соли и многих других видов минерального сырья. Многие ее работы носили творческий исследовательский характер, исследовалось все, вплоть до почечных камней.

В 1895–1897 гг. царское правительство провело реформу денежного обращения, идеологом которой считается талантливый государственный деятель, министр финансов Сергей Витте. Суть реформы заключалась в установлении системы золотого монометаллизма, или золотого стандарта рубля. Кредитные билеты свободно разменивались на золотую монету по неизменному курсу, при этом 10-рублевая золотая монета (империал) приравнивалась к 15 кредитным рублям.

Реформа укрепила внешний и внутренний курс рубля, золотой стандарт позволил гарантировать равноправный доступ на международный рынок капиталов и стимулировать рост иностранных инвестиций в российскую промышленность. Вместе с тем свободный размен привел к безвозвратному вывозу капитала за пределы страны. Золотой рубль выдержал, хотя и с определенным напряжением, испытание революцией 1905–1907 годов и

Инспекция золотосплавочной лаборатории

даже предвоенной экономической ситуацией 1910–1913 годов. Размен на золото был отменен только с началом Первой мировой войны в 1914 г.

В 1901 году в России принят закон «О свободном обращении шлихового золота». По этому закону с 1 марта 1902 г. частным золотопромышленникам и физическим лицам было разрешено свободно осуществлять операции по купле-продаже и переработке драгоценных металлов, отменялось обязательное представление в казенные лаборатории добытого частными лицами шлихового золота и разрешалось устройство лабораторий и «всякого рода заведений для сплава и очистки золота, серебра и платины» частным лицам. Вместе с отменой горной подати, которая заменялась налогами на используемую землю и на прибыль, закон создал предпосылки для мощного роста отечественной золотодобычи и активно-

го освоения самых отдаленных золотоносных регионов.

В 1910 г. добыча золота в России составила за год 63,6 т и достигла максимума, который в дореволюционной России не был превзойден. Из общего количества добытого золота рудное составляло лишь 20%, а 80% приходилось на россыпное, при этом лишь 5% россыпного золота было добыто механизированным способом. В период с 1901 по 1917 г. в России было добыто 777,8 тонн золота, а золотой запас к 1914 г. составлял небывалую сумму – около 1,7 млрд руб., что превышало фонды английского, французского и германского банков.

Для Иркутской золотосплавочной лаборатории это было временем депрессии: Министерство финансов и частные банки – Торгово-промышленный, Сибирский, Русско-Китайский – организовали многочисленные полукустарные золотосплавочные лаборатории на Урале, в Западной и Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке. Теперь ежегодно через лабораторию проходило не более 400 пудов (6–6,5 т) переплавки золота.

В июне 1891 года, во время пребывания в Иркутске, золотосплавочную лабораторию изволил осмотреть цесаревич Николай Александрович, наследник престола Российской империи, будущий государь Николай II. Представители местных золотопромышленников поднесли ему хлеб-соль на золотом блюде с выгравированной на нем царской геральдикой и видом иркутской золотосплавочной лаборатории. В лаборатории цесаревичу был продемонстрирован процесс выплавки золота.

Переработать золотой песок в слитки – полдела, нужно как-то доставить груз в столицу. До 1898 года золото доставлялось в Петербург на конных подводах. В Иркутске оно паковалось в укрепленные емкости и отправлялось под охраной. На каждой второй подводе длинного каравана был вооруженный конвоир, ведь до золота было много охотников.

Пассаж на Пестеревской улице

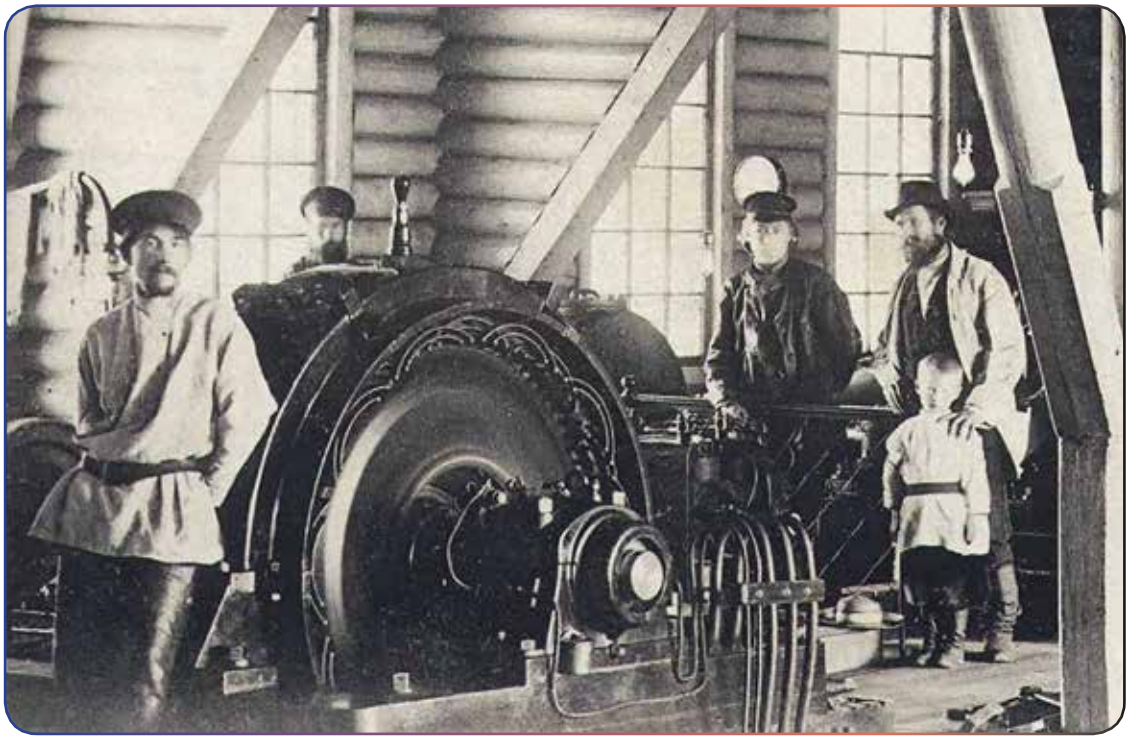
3. Благоустроительные работы

В 1902 году Иркутску был разрешен облигационный займ на 2,5 миллиона рублей на решение коммунальных проблем, в числе которых было и электрическое освещение.

В 1908 году началось сооружение Иркутской городской электростанции на перекрестке улиц Амурской и Спасо-Лютеранской (Ленина и Сурикова). 31 мая 1908 года состоялись окончательные торги на устройство и оборудование станции. Все заявленные компании на торгах были с громкими именами. Это Русское общество Шуккерт и К, Всеобщая компания электричества, Симонс и Гальке, Вестингауз, Густав Лист. После длительных процедур оказалось, что победителем торгов стало Русское общество Шуккерт и К. Оно оценило свою работу в 412 373 рубля.

20 мая 1910 года в 8 часов вечера город был освещен электричеством. Это было пробное освещение, которое проводили строители, испытывая сеть и фонари станции. А сама станция была пущена 29 мая 1910 года. 11 июня 1910 года в 21 час городской глава, член управы, заведующий станцией и представитель фирмы составили «Акт об открытии действия городской электрической станции». Мощности станции не хватало, и в 1914 г. на ней установили четвертый агрегат – турбину «Целли» Герлицкого завода (Германия) мощностью 1 200 лошадиных сил с генератором фирмы «Сименс-Шуккерт» мощностью 1 000 кВт, напряжением 2 000 вольт однофазного тока.

В городе действовали и другие, частные станции. Самой крупной электростанцией считалась станция Н. Полякова. От нее энергию получали 6 500 лампочек. Всего к 1910 году в Иркутске существовало более 10 электростанций. Мощность их составляла примерно 735 киловатт. Кстати говоря, чтобы получать электроэнергию, нужно было стать абонентом одной из станций, к примеру, той, что размещалась на улице Амурской или Ивановской, или на городской набережной. В 1911 году насчитывалось уже 505 абонентов, в 1913 – 2 573. Однако почти все они находились в центре города. В 1914 году заведующий станцией

В машинном зале электростанции

Водоразборная колонка

Водонасоснаястанция на берегу Ангары

инженер Озолин представил управе проект на устройство сетей в Знаменском предместье, в нагорной части города и в Глазково. Он исходил из того, что сеть была построена только для центральной части города в границах правобережья Ангары, левого берега Ушаковки и до Петрушиной горы. Теперь, доказывал он, нужно дать свет на окраины. Это увеличит полезную работу станции и повысит ее доходы. Финансово-бюджетная комиссия городской управы решила, что нельзя слишком спешить с расширением сети, и согласилась лишь с тем, чтобы осветить железнодорожный вокзал и небольшую часть улиц, прилегающих к нему.

Значительно хуже было с канализацией и водоотведением. К началу 1905 г. проект по канализованию сточных и фекальных вод был составлен, но Городская дума в течение всего этого года даже не приступила к его рассмотрению. Газета «Иркутские губернские ведомости» 6 сентября 1905 г. об этом проекте сообщала следующее*: «Главная особенность этого проекта – это химически очистная станция, в которой грязные воды совершенно очищаются до спуска их в Ангару. Составитель проекта инженер Р. Г. Кравец для ознакомления с устройством и деятельностью указанного типа станций для очистки грязных вод специально ездил за границу в города Гаале, Потсдам и Нейштадт, славящиеся именно такими станциями».*

Однако решения так и не были приняты. Вновь в этой теме вернулись в 1911 г., но в бюджете города на это денег не нашлось. Только в следующем 1912 г. Дума учредила Городскую исполнительную Комиссию по организации подготовительных работ по канализации Иркутска. И летом 1912 г. были выполнены геологические исследования почвы в разных местах для получения исходных данных по проектированию системы канализации. Однако до 1917 г. так ничего практически не было сделано, централизованной системы канализации и водоотведения в Иркутске не появилось…

Да и внешний вид улиц Иркутска не вдохновлял, хотя на рубеже веков иркутскими властями решено приступить к благоустройству и реконструкции улиц города. На заседании 4 мая 1900 г. Городская дума решила выйти в вышестоящие органы с ходатайством о разрешении оставить в распоряжении думы полпроцента от сбора с имуществ, получен-

Католический костел

ную же сумму целевым направлением потратить на устройство мостовых – не прежде чем поступят эти средства. Дума постановила устройство улиц Большой, Ивановской, Пестеревской и Тихвинской начать с 1900 г. за счет средств домовладельцев, при этом она гарантировала, что расходы по устройству мостовых по названным улицам будут этим домовладельцам возмещены из поступлений вышепомянутого сбора.

С 1901 г. владельцы больших домов и магазинов начали на собранные ими средства мостить Большую улицу. Постановлением Городской думы от 28 марта 1908 г. начато мощение улиц Троицкой от берега до Дегтевской, по Дегтевской улице, Трапезниковской до Грамматинской, Амурской от Дегтевской до Крестовоздвиженской церкви, Тихвинской, Котельниковской, 6-й Солдатской и Малой Блиновской. С 10 мая начали укладывать новое полотно мостовой по Якутской улице.

Если мощение камнем улиц города началось с 1900 г., то первое применение в качестве покрытия асфальта началось почти на год раньше. В августе 1899 г. тротуар у аптеки Василия Васильевича Жарникова был покрыт асфальтом. А в 1900-м при ремонте тротуаров по Большой улице асфальт применялся повсеместно.

Не менее сложно обстояли дела и с уборкой улиц.

Пригородные луга и поля начинают захламляться городскими отходами. И более того, начинают загрязняться реки, на которых располагался Иркутск. По этому поводу 2 февраля 1905 г. газета «Иркутские губернские ведомости» писала: «На берег реки Ушаковки за сенными балаганами и далее к Ангаре производится свалка дворовых нечистот всякого мусора, чего не следует допускать тем более, что и без этого сама Сенная площадь дает массу грязи, сплываемой по весне в Ушаковку».

И если на улицы в центральной части города обращалось больше внимания, их лучше благоустраивали, то улицы городских окраин находились в безобразном состоянии. По центральным улицам устраивались водосточные канавы, но за состоянием их следили плохо, что приводило к разрушению полотна дорог, подтоплению подвальных помещений. Неоднократно принимались постановления о порядке сбора и вывоза с городских улиц отходов. В соответствии с ними домовладельцы обязывались ежедневно выметать улицы, тротуары и канавы, прилегающие к их домам, до 7 часов утра. Весь мусор надлежало складировать в специальные контейнеры. По мере наполнения домохозяевам следовало вывозить их в специальные места. В зимнее время домовладельцам предписывалось расчищать перед домами сугробы, очищать тротуары от снега и во время гололеда посыпать их песком.

4. Иркутский транспорт

Лошадь и гужевой транспорт все еще оставались основными средствами передвижения на рубеже веков. В 1882 году в городе появились первые велосипеды, а первый автомобиль был привезен иркутским купцом Яковлевым 14 июля 1899 года. «В настоящее время на улицах города можно видеть автомобиль, привезенный г. Яковлевым из Франции… Отапливается бензином. Лошади относятся к автомобилю совсем равнодушно. Автомобиль будет на днях на циклодроме, где желающие за небольшую плату с благотворительной целью могут на нем покататься». Автомобиль мог развивать безумную скорость до 15 км в час. А весной 1906 года Яковлев начал продавать автомобили горожанам. В 1910 году в Иркутске официально было зарегистрировано десять авто. В 1915 году купец И. Н. Алексеев, владелец автомобиля Berliet, открыл первую автошколу «Практические курсы шоферофф при первом автомобильном гараже».

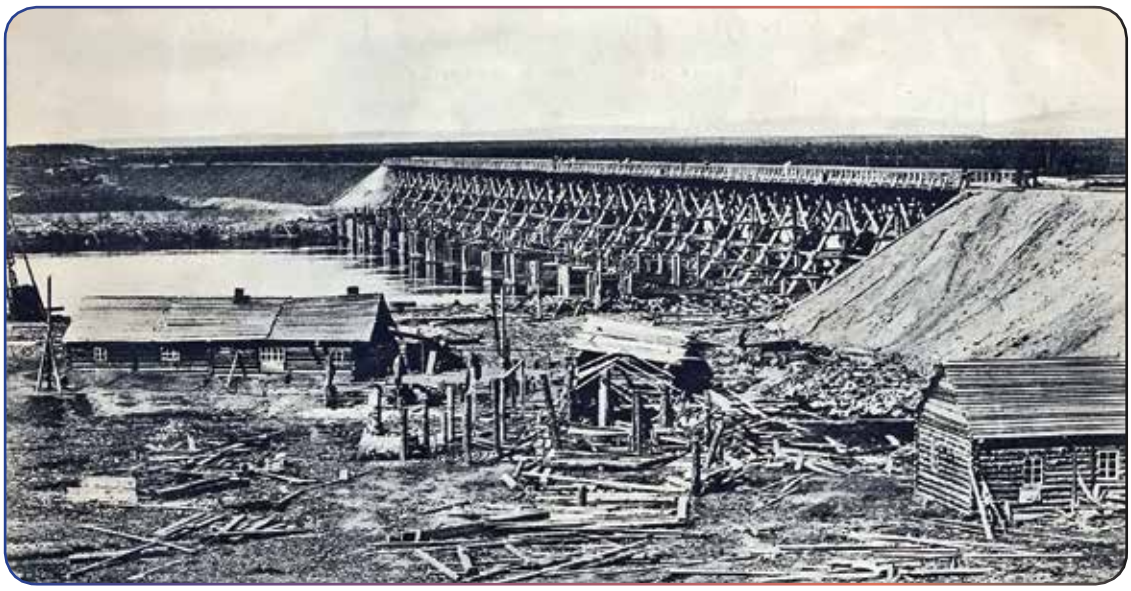
Начинает появляться и пассажирский общественный транспорт. Иркутские омнибусы отправлялись от Тихвинской площади (ныне сквер им. Кирова) по Дегтевской (Российской) и Троицкой (5-й Армии) улицам через понтонный мост до Вознесенского монастыря, в них брали плату 40 копеек с пассажира. Второй маршрут шел через Дегтевскую и понтонный мост до железнодорожного вокзала – за 25 копеек. Дешевле всего можно было проехать от Учительской семинарии в Знаменском предместье по улице Якутской (Рабочего Штаба) через Ланинскую и Арсенальскую до Хлебного базара: за проезд брали 15 копеек.

6 января 1908 года в Иркутске открылся новый маршрут: 4 омнибуса ходили от улицы Мяснорядной до железнодорожного вокзала с тремя остановками. Спустя два года появилось еще 10 омнибусов, связавших Знаменское предместье с центром города и вокзалом, а на остановках установили щиты с расписанием движения.

Но чаще всего пассажиры перемещались по городу на извозчиках – проезд по городу обходился от 20 до 40 коп., на окраину города просили 60 коп. Отдельно оплачивался проезд по понтонному мосту: днем – 50 коп., вечером – 60 коп.

Омнибус на понтонном мосту в Иркутске

Строительство железнодорожногомоста через р. Иркут

Главным фактором бурного роста Иркутска на рубеже веков стало строительство железной дороги.

Строительство Среднесибирского участка закончилось летом 1898 г. 18 июля было открыто товарно-пассажирское движение до Красноярска. 27 июля рельсы подошли к Иркутному мосту, 5 августа произошло его испытание – по нему прошел первый поезд, нагруженный рельсами. 16 августа, в воскресенье, в Иркутск пришел первый поезд. Его встречали губернатор И. П. Моллериус, архиепископ Тихон, представители губернского и городского управления во главе с городским головой В. В. Жарниковым.

Предполагалось несколько различных вариантов выбора места для строительства Иркутской железнодорожной станции: за с. Жилкино, на левом берегу р. Иркут, с тем, чтобы впоследствии проложить железнодорожный путь по правому берегу р. Ушаковки, затем с выходом на Ангару по специальному понтонному мосту довести его по правому берегу реки до пос. Листвянка. Был выбран иной вариант: проложить левобережный путь от Иркутска до Байкала и построить железнодорожный вокзал на левом берегу р. Ангары и товарную станцию возле Вознесенского монастыря, которые и были построены в 1897 г.

Проект вокзала был разработан служащим Управления Забайкальской железной дороги гражданским инженером В. И. Коляновским. В апреле 1906 г. постройка вокзала была начата, а 11.11.1907 состоялось его торжественное открытие. Одновременно шло переоборудование старого здания вокзала, где разместились дежурный по станции, телеграф, зал для пассажиров 4-го класса и переселенцев. В новом здании вокзала разместились залы для пассажиров первых трех классов, буфеты, парикмахерская, туалетные комнаты, две билетные и багажные кассы, камера хранения ручной клади, кабинет начальника станции и парадные комнаты для особо почетных гостей.

Так возникает новый район Иркутска, на левом берегу на месте деревушки Глазково появляется вокзал. Вокруг него идет активное строительство и маленький район стремительно превращается во второй центр города.

Еще до прихода железной дороги был построен мост, связавший берега Ангары. В 1891 году городская дума приняла решение о строительстве постоянного понтонного моста через реку. Проект составил городской архитектор В. А. Рассушин. Мост размещался на 16 понтонах, перекрытых деревянным настилом. 24 июня 1891 года на торжественной церемонии мост открыл цесаревич Николай Александро-

Иркутский вокзал

Управление Забайкальской жел. дор.

вич, возвращавшийся из кругосветного путешествия, отчего мост прозвали Николаевским. Проезд по переправе был платным и мог производиться одновременно только в одном направлении. Мост был разводным, чтобы обеспечить проход судов по Ангаре. Однако в силу своей конструкции и перерывов в работе на время ледостава понтонный мост не мог удовлетворить нужды растущего города, поэтому городские власти стали всерьез задумываться о необходимости капитального моста через Ангару. Впервые этот вопрос обсуждался на заседании Иркутской думы в 1906 году. Тогда подсчитали, что строительство моста обойдется городской казне в 1,8 миллиона рублей. Но, когда через несколько лет был готов проект, оказалось, что этих денег не хватит – на строительство арочно-консольного моста требовалось 2,3 миллиона рублей. Начавшаяся Первая мировая война, а за тем и Гражданская не дали возможности осуществить этот проект.

Понтонный мост

Иркутск стал центром создаваемой Забайкальской железной дороги. В 1900 году появилось Управление по эксплуатации Забайкальской железной дороги, которое расположилось в Иркутске. Оно занималось вопросами перевозки коммерческих и военных грузов, постройкой и ремонтом железнодорожных путей и станционных строений, вопросами найма и увольнения рабочих и служащих. Для размещения управления был арендован доходный дом у иркутского купца Кузнеца. В Доме Кузнеца размещались канцелярия управления дороги, бухгалтерия, школьный комитет, Служба движения, мобилизационный отдел, Управление по постройке 2-го пути Забайкальской железной дороги и лаборатория.

Часть служащих дороги квартировала на станции Иркутск. Приказом № 64 начальника Забайкальской железной дороги от 4 сентября 1900 года в Иркутске было организовано локомотивное депо – спустя два года от значимого для сибирского города события – прихода сюда первого поезда. Ремонтники, проводники вагонов, багажные раздатчики входили составной частью в коллектив паровозного предприятия. Возле главных электромеханических мастерских в Иркутске было построено деревянное здание паровозного депо. Рядом с ним – также деревянное здание для ремонта вагонов, которое называлось «вагонным сараем». В этом строении помещалось всего два двухосных пассажирских вагона, а грузовые ремонтировались на улице. Трудилось в нем

Жел. станция Иннокентьевская

Вознесенский монастырь

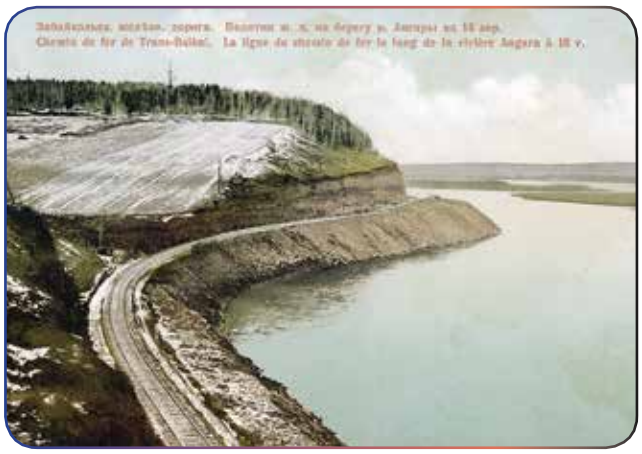
около 80 человек. В декабре 1905 года деревянное здание сгорело, вместо него на следующий год было возведено каменное. Новострой был предназначен для производства текущего безотцепочного ремонта вагонов и экипировки пассажирских поездов. Техническое освещение депо было слабое, а отопление в цехе печное. Воду для мытья вагонов и кипяток для пассажиров грели на улице на кострах в громадных клепаных баках.

Дорога развивалась, увеличился график движения как грузовых, так и пассажирских поездов. С 5 января 1908 года был введен Петербургский экспресс, который следовал до Иркутска. К концу 1913-го был пущен второй скорый поезд Петербург–Иркутск. К этому времени численный состав рабочих и служащих уже был около 200 человек.

Бурно развивалась и ст. Иннокентьевская, ставшая пограничной между Сибирской и Забайкальской дорогами. В 1902 году Сибирской железной дорогой около поселка Иннокентьевского было занято 22 десятины 1 150 кв. саженей земли для сооружения воинского остановочного пункта. Его основной задачей изначально являлось снабжение проезжающих воинских эшелонов продуктами питания и предоставление отдыха военнослужащим и лошадям на несколько суток. Воинский остановочный пункт протянулся почти на километр и включал в себя около 60 зданий. С 1902 года здесь был создан настоящий военный городок. К 1908 году он мог принять одновременно 4 тыс. солдат.

После русско-японской войны в этот же район предполагалось переместить армейские склады – в 1913 году Иркутский артиллерийский склад был передислоцирован сюда из Знаменского предместья Иркутска. Перемещение было начато 4 июля, и к 12 сентября 1913 г. перевозка основного имущества была закончена. За это время было перевезено более 163 386 пудов военных грузов, большая часть из которых были боеприпасы (порох, пироксилин, снаряды и патроны). Общий вес имущества отдела огнеприпасов составлял 101 188 пудов 28 фунтов. Склад разместили на подготовленных площадях с выстроенными на тот момент современными хранилищами (в документах именуемыми сараями) – 45 деревянных и 25 каменных, двухэтажной казармой на 250 нижних чинов, ледником, конюшней, мастерскими с кузницей, административным зданием для управления склада и караульными помещениями. В административном здании на первом этаже был размещен медицинский околоток. Для семей офицеров и военных чиновников были построены восемь деревянных флигелей. Склад планировался как отдельный военный городок с развитой инфраструктурой, своей баней, хлебопекарней.

Рос и сам Иннокентьевский поселок. К 1903 г. он включал в себя более 200 домов с населением до 5 тысяч человек. На станции

Забайкальская железная дорога

Иннокентьевской находилась железнодорожная больница – одна из крупнейших железнодорожных больниц в то время. В 1905 г. в Иннокентьевском поселке было 474 двора, из которых в 222 сами домохозяева не проживали, а сдавали их внаем. Владельцы остальных 252 домохозяйств занимались: 25 – торговлей, 32 – извозом, 22 – различными ремеслами, удовлетворявшими местное население, прочие 173 принадлежали железнодорожному ведомству, в том числе 12 – конторским служащим, 69 – кондукторам, 11 – машинистам, 5 – кочегарам, 51 – слесарям, 13 – плотникам и 6 – стрелочникам.

С правой стороны железной дороги по направлению к Иркутску в 1905 г. возник выселок, получивший название Порт-Артур с населением до 300 человек. Первоначальными застройщиками выселка были чернорабочие со строительства железной дороги, переселенцы, позднее – железнодорожники с Китайско-Восточной железной дороги. Жители, исходя из своего достатка, строили здесь дома, землянки, халупы, бараки. Всего к 1908 г. было возведено 1 031 строение.

5 декабря 1907 г. сход жителей выселка Порт-Артур подал прошение с ходатайством об объединении их с Иннокентьевским поселком. В 1908 г. выселок Порт-Артур под новым названием «выселок Ново-Иннокентьевский» и Иннокентьевский поселок составили единое поселковое общественное объединение – Иннокентьевское. К 1917 г. количество жителей железнодорожного поселка при станции достигло 5 793 человек, из них работало в депо и мастерских 2 150 человек. И в этом же году поселок формально вошел в состав города Иркутска, став его частью. Так было положено начало современному Ленинскому району Иркутска.

Дальнейшая постройка Забайкальской железной дороги столкнулась с серьезными

Ледовая переправа через Байкал

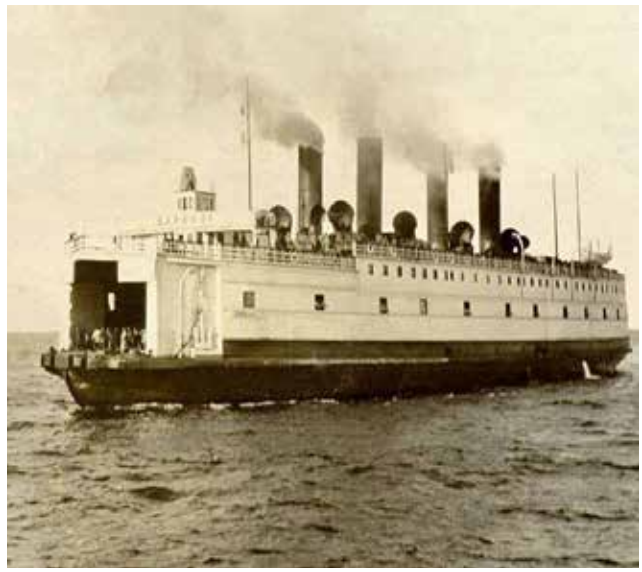

трудностями. Кругобайкальская железная дорога проходила в горной местности, опыта строительства таких сооружений в России не было. В связи со сложностями проектирования, а за тем и строительства дороги, было принято решение запустить временную схему движения. Через Байкал было решено переправлять поезда на ледокольном пароме. Паром «Байкал» и ледокол «Ангара» были заказаны в Великобритании.

17 июля 1899 ледокол «Байкал» был спущен на воду. На главной его палубе были проложены три рельсовых пути для 25 товарных вагонов. Кроме того, он мог брать на борт до 670 пассажиров (I класс – 40 чел., II класс – 30 чел., III класс – 100 чел., на палубе – 500 чел.) и 750 т груза, в том числе 250 т топлива. Передняя часть ледокола была вооружена вертикальным ножом. Независимо от него стальной винт своим быстрым вращением раздроблял

Спаск на воду ледокола «Байкал»

Ледокол «Байкал»

лед, а вертикальный нож резал его и отбрасывал в сторону. По своим размерам ледоколпаром «Байкал» считался вторым в мире: его длина 100 м и ширина 16 м, команда состояла из 200 чел. Расстояние от ст. Байкал до ст. Мысовая в 73 км он преодолевал за 4,5 часа и был в состоянии взламывать лед метровой толщины. Ледокол совершал два рейса в сутки в летнее время и один зимой. Только с апреля 1904 по ноябрь 1905 ледокол «Байкал» перевез 566 паровозов, 21 151 вагон и платформу.

Как вспомогательное судно для перевозки пассажиров той же фирмой «Армстронг» был построен еще один ледокол – «Ангара», который начал регулярные рейсы в августе 1900 г. «Ангара» вмещала по 30 пассажиров I и II классов и 160 чел. III класса. В организации переправы через оз. Байкал принимали участие и ряд других казенных и частных судов: колесный пароход «Лейтенант Малыгин», катера «Волна», «Стрелка», пароходы «Кругобайкалец», «Бард» и 5 барж. Данная переправа была временным соединением Среднесибирской и Забайкальской линий и заменить постоянную железнодорожную магистраль в обход Байкала не могла. Тем не менее паромная переправа через Байкал имела огромное значение, она была 3-й паромной переправой в мире и 1-й в Азии.

XVIII

Иркутск
и иркутяне в годы русско-японской войны

1. Иркутяне на фронте
2. Иркутские казаки
3. Боевые действия на море
4. Война и железные дороги
5. Иркутск в годы войны

1. Иркутяне на фронте

Началом войны без официального объявления стало нападение японского флота на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года . Началась 329-дневная (с начала войны) оборона Порт-Артура.

В рядах защитников крепости Порт-Артур находилась 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, командовал которой генерал-майор Р. И. Кондратенко. После окончания войны дивизия была выведена в Иркутск, где стала основой иркутского гарнизона. Именно в казармах 28 Сибирского стрелкового полка офицерами был создан первый в России музей истории обороны Порт-Артура.

Иркутское военное училище, созданное в 80-х гг. XIX в., стало основным поставщиком офицерских кадров для войск, расположенных на Дальнем Востоке страны. Сотни его выпускников приняли участие в составе пехотных, артиллерийских и кавалерийских частей в этом конфликте.

Во время войны юнкера обучали ратников государственного ополчения в различных гарнизонах Восточной Сибири, а выпуск 1905 года целиком был направлен в 4 Сибирский корпус, действовавший на территории Маньчжурии. Более двух десятков выпускников училища погибли на полях брани. Четверо выпускников Иркутского юнкерского были удостоены высшей воинской награды – ордена св. Георгия IV степени – за подвиги, совершенные в годы русско-японской войны. Подъесаул 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска Владимир Казачихин получил орден «за выдающийся подвиг самоотвержения в мае 1904 года, когда, вызвавшись на чрезвычайно опасную разведку, он проник глубоко в тыл японской армии и, наблюдая движения противника, доставил главнокомандующему два весьма ценных донесения, выяснивших направление движения главных японских сил».

«За отличия в делах против японцев» получил высшую офицерскую награду капитан 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка Павел Качин. «В воздаяние мужества и храбрости, оказанных при 4-дневном штурме японцами крепости Порт-Артур, с 6-го по 10-е сентября 1904 года» награжден штабс-капитан 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Иван Михайлович Сычев. Еще один бывший иркутский юнкер, штабс-капитан 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Белозеров отличился

Курсанты юнкерского училища

Отправка на фронт. Ст. Байкал

во время октябрьских боев за Порт-Артур. Он был комендантом печально знаменитой горы Высокой, главной стратегической высоты крепости. Погиб во время отражения одного из штурмов. Георгиевская дума постановила наградить его орденом св. Георгия IV степени посмертно «в пример грядущим поколениям».

Подполковник Ярослав Горский, получивший орден св. Георгия за «китайский поход», во время Русско-японской войны командовал батальоном, в феврале 1905 года в одном из боев Горский получил тяжелое ранение. С позиции он был спешно эвакуирован в Иркутск, где и скончался. Тело героя было предано земле на Иерусалимском кладбище.

В боевых действиях в Маньчжурии участвовали 5-й Иркутский и 6-й Енисейский пехотные полки. До войны Иркутский и Енисейский батальоны в составе 2-й Сибирской резервной пехотной бригады были расквартированы в Иркутске. В 1904 г. бригада была развернута во 2-ю Сибирскую пехотную дивизию двухбригадного состава, а батальоны – в полки, по 2 в каждой бригаде.

В соответствии с мобилизационным расписанием в Иркутской и Енисейской губерниях в 1904 году были развернуты: 5-й Иркутский резервный батальон – 23 февраля; 6-й Енисейский резервный батальон – 24 февраля; 7-й Красноярский резервный батальон – 21 февраля; 5-й Иркутский запасной батальон – 18 апреля; 6-й Енисейский запасной батальон – 28 апреля; 7-й Красноярский запасной батальон – 26 февраля. Запасные батальоны округа готовили пополнения для пехотных полков IV Сибирского армейского корпуса. Каждый из них включал 140 воинских чинов действительной службы и 1 000 призванных из запаса. Основное время личный состав резервных батальонов занимался охраной Сибирской железной дороги, кроме этого привлекался к конвоированию арестантов.

23 марта 1904 г. на Тихвинской площади генерал-майор Левестам произвел смотр только что развернутому из Иркутского резервного батальона полку 2-й Сибирской пехотной дивизии, а на следующий день состоялся смотр енисейцев.

18 апреля 1904 г. на Тихвинской площади иркутским архиепископом Тихоном было отслужено напутственное молебствие по случаю отправления в Маньчжурию Иркутского полка. Полк был построен в четыре каре, получил благословение иконами от архиепископа, Вознесенского монастыря, братства св. Иннокентия. От Иркутска полку были поднесены хлеб-соль. После молебна полк в полном составе отбыл на фронт.

Чуть позже на фронт ушли и енисейцы. Иркутский летописец Н. Романов писал: «25 апреля на Тихвинской площади состоялось молебствие и освящение знамени, которое вручено Енисейскому полку от государя императора». Следом шли и запасные части – 7 августа 1904 г. ушел на театр военных действий Енисейский запасной батальон, выделенный из состава 2-го Сибирского батальона.

К 1 декабря 1904 г. дивизия находилась в районе боевых действий в Маньчжурии. Иркутский полк получил Георгиевское знамя, а знамя Енисейского полка украсила надпись «За отличие в сражениях 28, 29 и 30 сентября 1904 г. у Цуньо и Хамытань и в боях на Гаутулинском перевале с 15 по 22 февраля 1905 г.». За проявленную храбрость в сражениях русско-японской войны 351 нижний чин из этих полков был награжден Знаками Отличия Военного Ордена. Полным кавалером стал зауряд-прапорщик князь Давид Шелия. Орденом

Св. Георгия 4-й степени были награждены офицеры-иркутяне подполковники Шереметев А. В. и Лихачев Г. А. Золотое оружие «За храбрость» получил командир енисейцев полковник Редько.

2. Иркутские казаки

Согласно Высочайше утвержденному 9 апреля 1904 г. положению Военного совета на время войны с Японией Иркутская и Красноярская казачьи сотни переформировываются в трехсотенные дивизионы. Частными сборными пунктами для призываемых со льгот казаков определены города Иркутск, Красноярск, Минусинск и селение Тунка. Местами формирования дивизионов назначены города Иркутск и Красноярск. 10 августа 1904 г. согласно приказу начальника Иркутской местной бригады от 5 августа 1904 г. 3-я сотня выступила на охрану железной дороги от ст. Иннокентьевской до ст. Култук. Гарнизонную службу в Иркутске несла 1-я сотня, а 2-я сотня находилась в распоряжении командира Иркутского казачьего дивизиона. Казачьи дивизионы были укомплектованы по штатному расписанию и насчитывали в своих рядах по 11 офицеров и 481 казаку (439 строевых и 42 нестроевых) каждый.

Казачьи дивизионы в войне участия не принимали, а выполняли полицейские и охранные функции в тылу: один, позже два полувзвода казаков казачьих дивизионов для охраны штабов 1-го армейского (иркутяне) и 4-го Сибирского (енисейцы) корпусов. За боевые заслуги четверо иркутских и трое енисейских казаков были награждены знаками отличия Военного ордена 4-й степени.

3. Боевые действия на море

Достоверно установлено, что как минимум один иркутянин – квартирмейстер 13-го флотского экипажа Иннокентий Рыжков – служил на «Варяге». Был тяжело ранен в бою с японской эскадрой, и за этот бой, как и все в нем участвовавшие, Рыжков получил знак отличия военного ордена четвертой степени (впоследствии эту награду стали называть Георгиевским крестом). В числе уроженцев Иркутской губернии, которые приняли участие в составе канонерской лодки «Кореец», – сигнальщик «Корейца» Алексей Андреевич Охлопков и квартирмейстер Прокопий Данилович Симбирцев. Всего там было более 20 уроженцев Иркутской области. Непосредственно с Иркутском связана судьба матроса Белоусова с

Сибирский казачий полк

Казачий разъезд

«Корейца». Он работал подручным тральщиков барж в Жигалове, ходил по Лене кочегаром и масленщиком на теплоходе «Верхоленец». В 1901 году был призван на службу в машинную команду Сибирского флотского экипажа во Владивостоке, после обучения попал на службу на «Кореец» в качестве матроса 1 статьи. Так же, как и товарищи, за легендарное сражение получил Георгиевский крест и медаль в память о бое при Чемульпо. После возвращения на родину оказался в Кронштадте, служил машинистом на «Храбром» и «Абреке». Во время первой русской революции принял участие в волнениях 5 флотского экипажа Балтийского флота, 4 сентября 1907 года был уволен в запас машинистом 1 статьи, направился в Иркутск, где работал водопроводчиком, принимал участие в революционных кружках. В 1918 году, после захвата Иркутска белогвардейцами, вернулся в Верхоленский уезд, ушел в партизаны в отряд Николая Бурлова, воевал на Ангаре и Лене, в Верхнеудинске, в 1919 освобождал станцию Тулун, в 1920 году принимал участие в знаменитом Бирюльском бою против войск белогвардейского генерала Сукина. После гражданской войны работал на иркутской ТЭЦ. В 1954 году Василия Белоусова не стало, похоронен он был на Лисихинском кладбище.

В сражении против японской эскадры участвовал иркутянин, матрос 1 статьи Степан Большешапов. Фамилия эта – братская, причем изначально писалась не Большешапов, как сейчас, а раздельно – Больших Шапок.

4. Война и железные дороги

Начавшиеся боевые действия потребовали резкого усиления пропускной способности Трансиба. «Бутылочным горлышком» – местом, где застревали грузы, стала переправа через Байкал.

В начале 1903 был готов к эксплуатации участок дороги Танхой–Мысовая, в июне того же года он был передан Управлению Забайкальской железной дороги. К началу 1904 было закончено строительство участка до Слюдянки. В этом же году по нему уже перевозили войска. До 01.10.1904 участок Танхой–Слюдянка был открыт для местного сообщения, а в январе 1905 – для товарного и пассажирского.

Работы на оставшемся участке от Слюдянки до порта Байкал были крайне затруднены из-за большого количества тоннелей, галерей, виадуков. На расстоянии от ст. Байкал до Култука было построено более 30 тоннелей и 200 искусственных сооружений. Полотно дороги располагалось на высоте 4,5 сажень над уровнем моря, а откосы выемок достигали 80 сажень высоты. Линию пришлось прокладывать на вырубленных в скалах полках, порой с укреплением каменной облицовкой нагорных откосов на большую высоту. Наряду с ручными работами на строительстве Кругобайкаль-

Станция Байкал

Кругобайкальская железная дорога

«Эх, дороги!»

ской железной дороги применялись и машины, приводимые в движение электричеством. В апреле 1903 г. на Кругобайкальской дороге вступили в действие электроперфораторы, с помощью которых прокладывались тоннели. Электроэнергией питались водяные насосы и вентиляторы. Она служила и для освещения работ. На участке имелось 25–30 перфораторов, 8 дуговых фонарей и 200 ламп накаливания, 6 центробежных насосов, 6 больших вентиляторов. Все тоннели были построены с электрической колокольной сигнализацией и телефонами у порталов и в нишах. Впервые в истории железнодорожного строительства в России здесь электрифицировали буровзрывные работы, водоотлив из котлованов, подъем материалов на высоту. В тоннелях, на открытых работах, в служебных помещениях, домах администрации было устроено электрическое освещение.

Пока шло завершение строительства последнего участка Кругобайкальской дороги, необходимо было компенсировать отсутствие сплошного рельсового пути. Решено было в зимний период проложить рельсовый путь по льду озера от ст. Байкал до Танхоя. Насколько серьезно власти относились к этой проблеме, можно судить по тому, что министр путей сообщения М. И. Хилков непосредственно руководил устройством переправы. Укладка рельсов по льду была сдана в подряд ремонтной артели и рабочим подрядчика Кузнеца. Согласно условиям подряда по рельсовому пути через Байкал конной тягой должно было быть переправлено 3 600 вагонов и 160 паровозов для следования на восток. Перевозку обеспечивали 75 троек почтовых лошадей.

Рельсовый путь по льду озера был открыт 17 февраля 1904 года.

Уже 12 января 1904 г. начала работу гужевая переправа через Байкал. Непрерывным потоком отправлялись воинские части и вооружение для армии и флота. За световой день подразделения совершали многокилометровый марш через озеро. Воинские эшелоны передвигались по ледовой трассе, как правило, пешком, а снаряжение и личные вещи везли в санях. За период с 12 января по 1 марта 1904 г. походным порядком от станции Байкал до станции Танхой проследовало 12 297 человек запасных нижних чинов, 10 401 пехотинец, 3 200 артиллеристов.

Погрузка на ледоколы у ледовой переправы

Через каждые 6 верст на льду озера были построены теплые бараки. На полпути была устроена станция Середина с хорошо оборудованным буфетом. На этой станции пассажиры и западного, и восточного направлений останавливались на 1–2 часа для отдыха лошадей и получали горячую пищу. Вдоль всего пути был подвешен телефонный провод, аппараты находились на станциях Байкал, Середина и Танхой, а также во всех бараках, и о происшествиях на дороге и появлении трещин или заносов можно было немедленно сообщить по всей линии. Движение на ледовой гужевой дороге осуществлялось днем и ночью. Весь путь в ночное время освещался фонарями, расположенными на верстовых столбах. Станции Байкал и Танхой имели электрическое освещение, на станции Середина горели керосино-калильные фонари. В начале поездки по озеру пассажирам выдавались тулупы и валенки, которые возвращались по прибытии на противоположный берег. Нижние воинские чины обеспечивались теплой одеждой военным ведомством.

По ледовой трассе только за период с 12 января по 1 марта было перевезено на лошадях 7 899 пассажиров от станции Байкал до станции Танхой и 6 023 в обратном направлении, грузов в разгрузку — 1 702 вагона и 311 вагонов обратно.

За все время работы ледовой переправы было перевезено по льду более 350 000 пудов интендантских грузов, 2 300 единиц подвижного состава, в том числе 65 паровозов. Это было сделано с 16.02 по 15.03.1904 г., после этого рельсовый путь был разобран. Ледовая переправа обеспечила возможность на несколько месяцев раньше начать передачу Забайкальской и Кругобайкальской дорогам подвижного состава для усиления железнодорожного движения за Байкалом.

Строительство Кругобайкальской железной дороги было закончено на год раньше запланированного срока. Рабочее движение поездов началось 18.09.1904 г., а 16.10.1905 года дорога была принята в постоянную эксплуатацию. Длина магистрали от ст. Байкал до Мысовой составила 244 версты. Окончание строительства линии ст. Байкал – ст. Мысовая открыло сплошное движение по всей Транссибирской магистрали.

Постройка Кругобайкальской железной дороги сыграла важную роль. Она обеспечила

сплошной рельсовый путь через всю Сибирь и соединила дальневосточные окраины России с ее центральными районами, что было особенно важно в период Русско-японской войны. За 1904–1905 гг. через Сибирь транзитом на восток прошло 63 млн пудов важных грузов, перевезено 1 350 176 солдат и офицеров и 244 047 лошадей. Весь грузооборот на дорогах Сибири возрос за это время примерно на 75% по сравнению с предвоенными годами. Только по Кругобайкальской железной дороге с 18 сентября 1904 года по 1 октября 1905 года в обе стороны прошло 6 342 поезда, из них 533 пассажирских, 663 воинских, 668 санитарных и 4 478 грузовых. Перевезено 5 623 офицера, 354 035 солдат, 2 979 больных и раненых офицеров и 131 554 солдата, 62 560 лошадей.

5. Иркутск в годы войны

Начало войны вызвало взрыв патриотизма в иркутском обществе. После обнародования Высочайшего манифеста о войне с Японией 29 января состоялось богослужение в кафедральном соборе. Собравшиеся иркутские патриоты от общественного собрания с оркестром пожарной дружины двинулась к театру, где театральный оркестр сыграл гимн, приветствуемый криками «ура». В ночь на 30 января по городу были расклеены объявления, которыми запасные приглашались явиться на сборный пункт для получения призывных карт. В этот же день послана от городского общества телеграмма государю императору с выражением верноподданнических чувств.

2 февраля по инициативе учителей городских народных школ в соборе был отслужен молебен о даровании русским войскам победы. Директор народных училищ М. А. Заостровский сказал учащимся речь. Из собора школьники, предшествуемые военным оркестром, подошли к управе, где пред портретом государя исполнен гимн, покрытый криками «ура». Отсюда юные манифестанты

Сборщики пожертвований для сирот и раненых

двинулись к казармам Енисейского батальона, где также был исполнен гимн и сказана речь учителем Х. И. Петелиным. Затем толпа двинулась к театру, где театральным оркестром исполнен народный гимн.

Сразу после объявления войны иркутяне стали собирать деньги на помощь раненым защитникам отечества. 10 февраля состоялось первое заседание дамского комитета Красного Креста, имеющего целью заботы о раненых и больных воинах. Председательницей комитета стала А. П. Моллериус (супруга Иркутского губернатора), товарищем председательницы – доктор медицины Н. Е. Маковецкий, членом-казначеем А. А. Второв, членом-секретарем А. И. Звонников. В состав комитета в общей сложности было приглашено 82 дамы из иркутского общества. На первом своем заседании комитет, руководствуясь указаниями, полученными по телеграфу от главного управления Красного Креста, постановил:

1) Открыть сбор денежных пожертвований, для чего выдавались всем членам комитета и некоторым другим лицам подписные листы, а также инициировались просьбы для начальников различных учреждений предложить служащим делать пожертвования путем отчисления определенного процента с получаемого содержания, кроме того, обращаться с отдельными просьбами о пожертвованиях к некоторым наиболее состоятельным лицам и торгово-промышленным фирмам.

2) Открыть прием пожертвований вещами и материалами, для чего необходимо публиковать перечень возложенных на комитет заготовок. При обсуждении вопроса о материалах белья для раненых было постановлено заготовлять белье бумажных материй для нижних чинов и холщевое для офицерских комплектов. Первоначальная, в день открытия комитета, подписка по листу председательницы дала сбора 2 225 рублей., частью уже поступивших к члену-казначею. Кроме того, А. А. Второвым изъявлено желание пожертвовать 100 полушубков.

Дамский комитет преследовал такие задачи:

1) Заготовить лазаретное снаряжение на 225 человек согласно указанию главного управления красного креста (белье постельное, носильное, одежда и обувь для раненых, медикаменты и врачебные принадлежности, перевязочные материалы и хирургические инструменты, посудохозяйственные и больничные, материалы освещения, письменные принадлежности, пищевые, не подлежащие скорой порче вещества и т. п.)

Госпиталь в Иркутске

Главный врач Кауфманского госпиталя Р. Х. Ванах

2) Организовать лазарет Красного креста для заразных воинских чинов в Глазковском предместье г. Иркутска.

3) Оказать помощь нуждающимся в призрении семействам нижних чинов и чинов запаса по г. Иркутску.

4) Оказание, на ассигнование Московским Городским Управлением средства, помощи беднейшим лицам, возвращающимся через Иркутск в более отдаленные западные губернии из местностей, расположенных в районах военных действий на Дальнем Востоке.

По подписному листу председательницы г-жи Моллериус было собрано в пользу раненых защитников Отечества 4 665 р.

Посильную помощь оказывала и православная церковь. Под ее эгидой в феврале 1904 г. был учрежден епархиальный временный Комитет помощи больным и раненым воинам и семьям жертв войны под председа-

Генерал Куропаткин на ст. Танхой

тельством Архиепископа Иркутского и Верхоленского Тихона. Ряд церквей и монастырей губернии сделали крупные пожертвования и постановили 1% отчислять с кружечных и кошельковых доходов церкви. Комитет Андреевского Красного Креста изначально хотел организовать свой лазарет для больных и раненых воинов в одном из зданий г. Иркутска, принадлежащих духовному ведомству.

9 марта с особым экстренным поездом прибыл генерал Куропаткин, назначенный командующим русской армией на Дальнем Востоке. Делегация иркутян вручила генералу 12 000 руб., собранных на больных и раненых, и передала в дар икону. Ехали через Иркутск и офицеры армии и флота, и корреспонденты, отправляющиеся на фронт, следовали отряды Красного Креста и даже представители императорской фамилии в лице Великого князя Кирилла Владимировича. А в обратную сторону пошли эшелоны с ранеными. Иркутск становится важным госпитальным центром. Уже в апреле были развернуты дополнительные койки в Иркутском военном госпитале, был открыт временный лазарет на ст. Иннокентьевской. Как сообщал в свой летописи Н. Романов: «К 1 июля в иркутских шести военных госпиталях 880 кроватей, к 1 ноября откроется еще 1 155, к 1 января 1905 г. еще будет 2 785 коек».

Всего на декабрь 1904 г. в лазаретах Иркутска получали медицинскую помощь 1 545 раненых. Для помощи раненым требовались сестры милосердия, иркутяне охотно откликались на эти просьбы – 16 ноября 1904 г. при мужской гимназии были открыты шестинедельные курсы Красного Креста для подготовки сестер милосердия в иркутские госпитали, на которые записалось 140 человек.

К концу войны в Иркутске насчитывалось чуть менее 20 госпиталей и лазаретов. Часть из открытых лазаретов располагалась в духовной, учительской семинариях, Иркутской гимназии, в Знаменском монастыре. Были общественные заведения, например, иркутский

Врач Геселевич у больного

Раненые бойцы в иркутском госпитале

городской театр, которые не были задействованы в качестве санитарно-эвакуационных пунктов.

В конце 1904 года за счет средств Красного Креста в Иркутске появилось несколько специализированных госпиталей, например, 5 венерологических, «глазной» и инфекционные госпитали. С началом военных действий на Востоке наряду с открытием в городе госпиталей начинают действовать и лазареты. Таковым был открытый 4 апреля 1904 года лазарет на станции Иннокентьевской. В этом же году – 31 мая – на базе больницы Духовного училища начал действовать лазарет на 20 коек, открытый местной епархией. Лазареты также создавались и на частные пожертвования, например, открытый 1 августа 1904 году лазарет на дачах Брызгалова в Рабочей слободе. Он носил имя Бетель, которая не только давала на содержание его ежемесячно 500 рублей, но и сама выполняла работу старшей медицинской сестры милосердия.

Самыми крупными (не считая военного ведомства) стали кауфманские лазареты. Так,

Ведут пленного

из Петербурга в Иркутск осенью 1904 г. был направлен первый отряд Красного Креста, развернувший 3-й Кауфманский лазарет имени Государыни императрицы Марии Федоровны. Он располагал 210 местами. Чуть меньше – около 200 мест – имел лазарет 5-го Кауфманского отряда Имени Государыни императрицы Александры Федоровны.

15 апреля 1905 года в здании Городской думы собралось 89 представителей правительственных и общественных иркутских учреждений на совещание под председательством исполняющего должность губернатора В. А. Мишина. Рассматривался вопрос о размещении в городе до 20 тысяч раненых. На совещании решили, что до постройки госпиталей раненых будут размещать, в период школьных каникул, в зданиях учебных заведений при условии освобождения этих помещений к началу занятий. При этом все помещения должны быть отремонтированы.

3 июля 1905 года было совершено освящение закладки зданий для 22 военных сводных госпиталей у ст. Иннокентьевской, способных принять девять тысяч больных и раненых воинских нижних чинов. Однако в связи с окончанием войны проект не был полностью осуществлен.

Сила Васильевич Белоголовый

Большинство раненых шли через Иркутск транзитом. 29 октября по КБЖД прошел первый сибирский военно-санитарный великой княжны Анастасии Николаевны поезд в составе 35 вагонов с ранеными (420 нижних чинов и 24 офицера). Но большая часть раненых перевозилась через Байкал: так, пароходом «Феодосия» с 25.06 по 28.10 сделано 30 рейсов и перевезено 6 779 нижних чинов, 266 офицеров и 5 генералов, получивших ранения на фронте.

С интересом смотрели местные жители на первых пленных японцев, которые 30 марта были провезены через Иркутск в европейскую Россию.

Тысячи наших земляков были призваны в действующую армию и сражались на суше и на море. На поля сражений ехали и добровольцы: так, санитарами отряда Красного Креста на фронт отправились отец и сын Белоголовые. Младший Белоголовый – Сила Васильевич – уже в годы Первой мировой стал первым сибиряком – полным георгиевским кавалером, а его отец, гласный Иркутской думы Василий Белоголовый, будучи фельдшером 10 СПБ летучего отряда Красного Креста, «За самоотверженную работу на перевязочном пункте в бою 20–26 августа 1904 г. под Ляояном» был удостоен знака отличия Военного ордена 4 ст. за № 109045.

Наши земляки в годы войны проявили мужество и героизм, не было ни одной части и подразделения, где бы не служили иркутяне. Золотыми буквами в историю русского флота вписан бой «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой. Наши земляки обороняли Порт-Артур и сражались под Ляояном и Мукденом.

Сам город стал основной транспортной, интендантской и госпитальной базой Маньчжурской армии. Иркутские госпитали и отряды Красного Креста спасли и вернули в строй тысячи раненых бойцов. Тысячи наших земляков стали георгиевскими кавалерами, а четверо выпускников училища стали кавалерами ордена Св. Георгия.

В декабре 1906 г. на совещании под председательством Иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова было решено, что для улучшения железнодорожного сообщения в Сибири необходимо построить второй путь Транссибирской магистрали. Главные работы по строительству второго пути велись в основном в 1912–1915 гг. Первые участки стали сдаваться в эксплуатацию в начале 1914 г. Во время строительства второго пути движение на дороге велось ночью. Чтобы обеспечить непрерывность перевозок, пришлось возобновить ледокольную переправу.

Отправка на фронт со ст. Иркутск

А. Н. Селиванов

Необходимость организации в Сибири производства и ремонта армейских повозок выявилась в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов. Главные базы снабжения русской армии находились в европейской части страны, далеко от театра военных действий, а потребность в пополнении и восстановлении гужевого транспорта – в то время основного средства перевозки воинских грузов – была чрезвычайно велика.

После войны Главное интендантское управление приняло решение сформировать в Сибири подвижную обозную мастерскую в Иркутске. Иркутская обозная мастерская была в то время крупным промышленным предприятием. С 1907 года она производила ремонт военного транспорта всех сибирских и дальневосточных военных округов. В обозных мастерских работало тогда 300 человек.

В годы первой мировой войны мастерская поглотила небольшой механический чугуно-меднолитейный завод. Хозяином завода был уральский мастер Евгений Ханов. Вместе с братом Федором он приехал в Иркутск в начале 1890-х. Здесь, на улице Луговой (ныне Марата), Евгений Ханов организовал мастерскую по слесарному и водопроводному делу.

После окончания русско-японской войны было принято решение о создании Иркутского военного округа, включавшего в свой состав Иркутскую и Енисейскую губернии и две области – Забайкальскую и Якутскую. Центром вновь образуемого округа стал Иркутск. В сам же город были перемещены части 7 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии с приданной ей артиллерийской бригадой.

Для размещения штаба округа был арендован дом купца И. М. Файнберга. Здесь располагались управление генерал-квартирмейстера, управление дежурного генерала, управление начальника военных сообщений и заведующий передвижением войск по железным дорогам и водным путям Иркутского района. Сам же командующий округом квартировал в доме, арендованном у другого купца – М. Д. Бутина.

Город не имел возможности разместить в своих казармах столь многочисленное соединение. В этой ситуации было решено присту-

Дом Файнберга

Церковь 28 Сибирского стрелкового полка

пить к возведению новых казарм. Строительство началось в 1908 году, и через два года возле восточных и южных границ Иркутска появился целый военный городок («Красные казармы», как их называли иркутяне). Его главным центром стали четыре трехэтажные каменные казармы, западнее расположились церковь Святителя Николая Чудотворца и несколько строений, предназначенных для проживания семейных офицеров. Кроме того, на территории городка были построены складские помещения, а за его пределами имелись обширные территории – на них устроили полигоны для учений и стрельбищ. Военный городок был спланирован по типу всех военных поселений того времени.

В Иркутском госпитале. 1905 г.

Здания казарм выстроили по проекту иркутского инженера Федора Коштяла. Строения представляли собой прямоугольники с двумя пристройками на флангах. Вместо капитальных продольных стен инженеры использовали металлические каркасы. Фасады казарм состояли из цоколя, стены и венчания. Цоколь был выполнен из песчаника, наружные стены обложены кирпичом, оконные проемы обрамлены наличниками.

XIX.

Иркутск
в начале XX в.

1. Модернизационные процессы нового века в Иркутске
2. Влияние войны на повседневную жизнь Иркутска
3. «Кровавое воскресенье» и иркутское общество
4. Активизация общественно-политической жизни в конце 1905 г. – начале 1906 г.

1. Модернизационные процессы нового века в Иркутске

На рубеже веков российское общество вступило в полосу модернизации, сопровождавшуюся бурным ростом промышленности, торговли и банковской сферы. Россия демонстрировала высочайшие темпы развития – росли новые заводы и фабрики, строились новые железные дороги…

И Иркутск, шагая в ногу со всей страной, развивался на рубеже столетий так же динамично. Жизнь Иркутска стремительно менялась. Город с 50-тысячным населением быстро превращался в культурный, торговый и административный центр огромного региона. Здесь складывались новые отрасли производства, развивалась городская инфраструктура, росло число жителей.

Изменялась и социальная сфера – на смену крестьянину-отходнику приходил профессиональный пролетарий.

Не столь явно, но коснулись модернизационные процессы и русской деревни. Россия была типичной страной «второго эшелона» развития капитализма, где бурный рост порождал и громадные деформации – между передовой промышленностью и отсталым сельским хозяйством, между передовым центром и отсталыми окраинами.

Сформировавшиеся социальные группы населения и классы отстаивали свои интересы, однако в Российской империи делать это в правовом поле было крайне сложно: абсолютная монархия была несовместима с парламентаризмом (законодательной ветвью власти) и наличием сильных политических партий, отражающих коренные классовые запросы (формально действовал запрет на деятельность политических партий и организаций).

Модернизационные процессы болезненно воспринимались значительной частью политической элиты, в которой происходит

Железнодорожные рабочие

раскол – часть, понимая и принимая модернизационные изменения, настаивала на проведении не только экономических, но и социально-политических реформ (ее лидером был автор «русского экономического чуда» С. Ю. Витте), консерваторы же, осознавая кризис, были настроены перенести негативные процессы в иное русло. Один из лидеров консерваторов – министр внутренних дел В. К. Плеве, полемизируя с военным министром А. Н. Куропаткиным, сказал фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Однако война стала не «маленькой и победоносной». Русско-японская война показала всю несостоятельность императорской власти и ее неспособность отвечать на вызовы времени. Именно поражение в русско-японской войне стало своего рода катализатором первой русской революции.

Сибирь, как часть империи, переживала схожие процессы. Однако имелась и собственная специфика. Здесь не столь остро стоял крестьянский вопрос: не знавший крепостного права сибирский крестьянин не испытывал гнета выкупных платежей, его менее затраги-

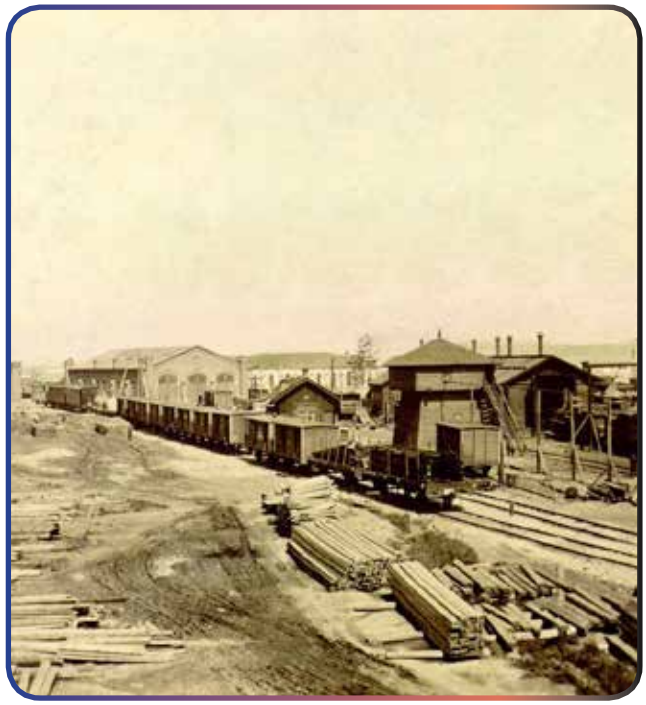
вало малоземелье. Тем не менее и у него были свои проблемы – дороговизна промышленных изделий, узкий рынок сбыта собственной продукции, земельные конфликты с коренным населением и многое другое.

Рабочий класс в Восточной Сибири только начал формироваться и был невелик по численности. В Иркутске настоящими рабочими можно было считать разве что железнодорожников, а рабочие небольших заводиков и фабрик еще не вполне осознавали свое классовое положение. Но сибирское общество тоже ждало кардинальных изменений – основных прав и свобод, создания парламента и земств. Иркутское общество с подозрением и недоверием смотрело на власть – еще с середины XIX в.

Сибирь мечтала о широком самоуправлении и учете мнения коренных сибиряков, жаждала создания университетов для «просвещения Сибири».

2. Влияние войны на повседневную жизнь Иркутска

Несмотря на отдаленность Иркутска от фронтов Русско-японской войны, она давала знать о себе в Сибири с большой силой. Это не только призыв значительной части мужского населения, ранения и гибель молодых прибайкальцев. Только в 1904 г. в Сибирском военном округе призвали в армию около 160 тыс. чел. Кроме того, в июне того же года начался призыв ратников ополчения, давший 39 тыс. чел. В сибирских губерниях было мобилизовано от 7 до 8,5% трудоспособных мужчин. «Особенно тяжело война уже отразилась в Сибири, – резюмировал П. М. Головачев, – где на военную службу призваны и запасные, часто отцы семейства, самостоятельные хозяева. Крестьянское благосостояние, подорванное в Сибири целым рядом неурожаев и трудными моментами окончательного перехода на-

Депо станции Иркутск-пассажирский

турального хозяйства в денежное, должно теперь окончательно пошатнуться».

Иркутск, став интендантским и госпитальным центром русской Маньчжурской армии, сполна увидел и резкое подорожание продуктов питания, и даже перебои в их поставке, ибо для железной дороги в приоритете были военные грузы. Так, иркутский летописец Н. Романов отмечал: «22 [декабря 1904 г.]. Керосина в продаже нет, сахару тоже. Цены на рынке: овес пуд 1 р., ржаная мука – 1-30, яйца сотня 3-50», а в газетах того периода можно встретить было объявления подобного типа: «Рубль премии сверх стоимости, кто доставит куль крупчатки».

Оживилась в годы войны деятельность леворадикальных политических партий в Сибири. Весной 1901 г. был создан Сибирский социал-демократический союз, с помощью которого оформляются комитеты РСДРП в Томске (осень 1901 г.), Красноярске (ноябрь 1901 г.), Чите (март 1902 г.), Иркутске (весна 1902 г.), Омске (март–апрель 1903 г.). В июле 1903 г. в Иркутске состоялась первая конференция Сибирского социал-демократического союза. После II съезда РСДРП (июль–август

1903 г.) объединение в соответствии с принятым на нем уставом стало региональным и получило откорректированное название – Сибирский союз РСДРП. Иркутский Комитет развернул широкую агитационную деятельность, масштабы которой поражают своим размахом даже в наше время! Так, в течение 1901–1904 гг. комитетом было выпущено более 60 наименований различных листовок и прокламаций, их совокупный тираж только за 1903 г. составил 32 430 экземпляров.

Большое воздействие на развитие общественно-политической активности сибиряков оказали периодическая печать (15 газет и 16 журналов в 1904 г.), органы городского самоуправления, общественные неполитические формирования (благотворительные, культурно-просветительные, досуговые, научные, религиозные, профессиональные и т. д.).

Исключительно региональным фактором активизации общественно-политической жизни являлась политическая ссылка: по подсчетам ряда историков, до половины состава сибирских леворадикальных партий составляли политические ссыльные, а в руководящем составе процент ссыльных был еще выше.

В конце 1904 г. положение власти резко осложнилось, по стране прокатилась «банкетная кампания», формально приуроченная к юбилею великих реформ 1864 г. Неудачи на фронте подталкивали оппозицию к активным действиям.

«Предательская» сдача 23 декабря 1904 г. Порт-Артура стала для общества настоящим шоком. Происходит кардинальная смена общественного настроения, война из «героической» быстро превращается в позорную и «ненужную». В обществе начинают преобладать антивоенные настроения, а иркутские социал-демократы и эсеры, ощутив эти перемены, совершенно открыто предлагают солдатам не повиноваться присяге и воинскому долгу.

1905 г.

ВѢДОМОСТИ СПБ. ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

№ 221 LXVII-й годъ изданія. № 221

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

НИКОЛАЙ.

Манифест Николая II

3. «Кровавое воскресенье» и иркутское общество

В начале года до Иркутска дошла весть о расстреле рабочих в Петербурге 9 января. Цензура запретила публикацию в газетах известий об этих событиях. Однако Иркутский комитет РСДРП выпустил специальную листовку «К петербургским событиям. Январские дни в Петербурге». В ней были опубликованы текст петиции, с которой рабочие шли к Зимнему дворцу, и письмо петербургских литераторов «К офицерам русского войска, не принимавшим участия в бойне 9 января», а также призыв поддержать массовое забастовочное движение. Листовки по поводу событий 9 января выпустили и эсеры. Первым же о событиях в Санкт-Петербурге сообщил редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов.

П. И. Кутайсов

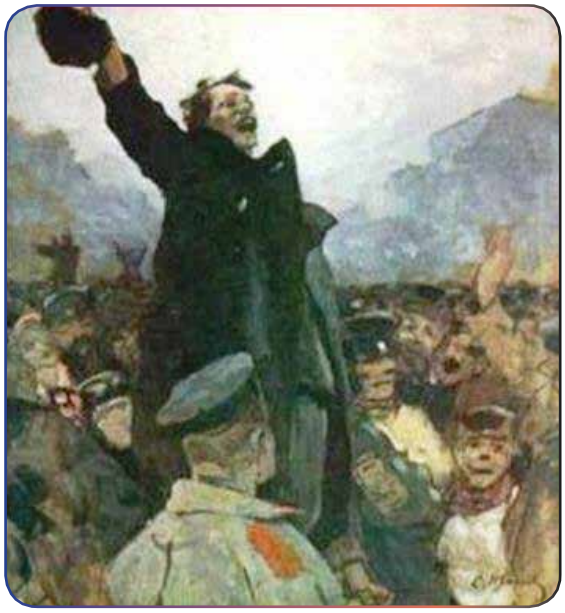
И. И. Попов

Хотя можно сказать, что реакция иркутян на «кровавое воскресенье» была достаточно сдержанной и запоздалой.

Толчком к оживлению общественной жизни и политического движения послужил Манифест Николая II от 18.02.1905, обещавший ряд жизненно важных реформ, в том числе учреждение в России законосовещательного народного представительства – Государственной думы. Указ императора, изданный в этот же день, предоставлял право всем высказываться по вопросам совершенствования государственного порядка, а Сенату принимать и изучать все проекты реформ, от кого бы они ни исходили. В политические события в первую очередь включились общественно активные силы иркутского общества: местная интеллигенция, чиновничество, политические ссыльные и рабочие. В конце февраля – начале марта забастовали рабочие типографий Посохина и Макушина, винных складов, приказчики крупных магазинов. Требования, выдвигаемые ими, носили исключительно экономический характер: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, улучшение условий труда. 7-дневная забастовка типографских рабочих закончилась тем, что они добились 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, недельного отпуска в летнее время с сохранением денежного содержания.

Первая политическая акция состоялась в Иркутске в начале апреля по поводу апелляционного суда над так называемыми романовцами – группой политических ссыльных, устроивших в 1904 г. в Якутске вооруженный протест против ужесточения режима ссылки.

Революция застала врасплох местную администрацию. Иркутский военный генерал-губернатор с 1903 г. граф П. И. Кутайсов так характеризовался одним из лидеров иркутской оппозиции, редактором газеты «Восточное обозрение» И. И. Поповым: «Цусима и Мукден окончательно смутили Кутайсова, и он стал открыто либеральничать. Положим, в октябре он опять сбрендил – свихнулся направо

С. Иванов. Стачка

Б. П. Шостакович

и арестовал стачечный комитет, опасаясь, что последний арестует его самого. Но до этого, летом, а потом и в октябре еще до манифеста, П. И. Кутайсов возбуждал вопрос об амнистии для политических, как административных, так и сосланных по суду на поселение и каторгу».

Власти в растерянности метались от запретительных мер к разрешительным, а иногда прибегали к весьма неординарным решениям. Например, во время одного из совещаний полицмейстер Никольский ввел в здание Общественного собрания роту солдат, которые барабанным боем заглушили выступавших и сорвали обсуждение мер по переустройству государственного порядка.

Первые же серьезные выступления в города начались весной. Летопись Н. Романова зафиксировала их: «5–9 мар[та] все типографии бастовали, предъявив требования о материальном улучшении. С 5 на 6 марта телеграфисты управ[ления] Заб[айкальской] жел[езной] дороги прекратили работу».

Революционная волна захватила образованные слои. Интеллигенция левела буквально на глазах. Наибольшей популярностью в 1905–1907 гг. среди горожан Сибири пользовались социалистические идеи. В регионе действовало тогда 32 организации РСДРП, 24 – Партии социалистов-революционеров (эсеров), 17 кадетских, 12 октябристских, 15 монархических. Местные левоцентристы по своим взглядам являлись либеральными народниками, а многие из них за принадлежность к народничеству отбывали ссылку в Сибири (В.А. Караулов, И. И. Попов, П. И. Кусков и др.). С весны 1905 г. общественные формирования начинают выдвигать требование созыва Учредительного собрания. Так, 6 мая на форуме Союза инженеров в Иркутске принимается следующая резолюция: «Собрание признало необходимым созыв Учредительного Собрания на началах всеобщей, равной и тайной подачи голосов, сбережения свободы совести, слова, союзов, собраний, неприкосновенности личности и жилища, отмены всех ограничительных мер и чрезвычайных ограничений».

Именно летом начинается оформление либеральных политических сил в своего рода «прото-партии». Левая интеллигенция, стоявшая за революционную смену существующего государственного строя и примыкавшая к социал-демократам и эсерам, по-прежнему группировалась вокруг «Восточного обозрения», руководимого И. И. Поповым, центром

Служащие железной дороги

же оппозиционной либеральной интеллигенции Иркутска была городская дума. Обязанности гласных здесь по-прежнему выполняли трое бывших политических ссыльных – И. И. Концевич, И. И. Попов и Б. П. Шостакович.

С особым воодушевлением иркутские «думцы» восприняли рескрипт Николая II, данный 3 апреля 1905 г. на имя генерал-губернатора графа Кутайсова, в котором самодержец «повелел приступить к разработке вопроса о введении в Сибири земских учреждений». Разработка проекта была поручена И. И. Попову, который планировал вовлечь в «местное самоуправление» самый широкий круг «граждан», предлагал создать две областные законодательные думы: одну – для Западной, другую – для Восточной Сибири.

Весной 1905 г. либеральная интеллигенция Иркутска под влиянием общероссийского освободженческого «Союза союзов» начинает создавать свои профессиональные объединения. К августу в городе уже действовало восемь союзов, которые активно включились в обсуждение манифеста от 6 августа 1905 г. о создании в России представительного законосовещательного органа и «Положения о выборах в Государственную Думу». Большая часть собраний были многочисленными и проходили бурно.

4. Активизация общественно-политической жизни в конце 1905 г. – начале 1906 г.

До осени 1905 в губернии сохранялось относительное спокойствие и единство оппозиционных сил. Оживление общественной жизни и революционного движения произошло в связи со всероссийской октябрьской политической стачкой. В Восточной Сибири стачка началась почти одновременно в крупных центрах края и быстро распространилась по всей линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. В Иркутске 13 октября состоялось общее собрание рабочих и служащих управления Забайкальской железной дороги, которое постановило начать забастовку и избрало стачечный комитет. Собрание сформулировало требования стачечников: освобождение от наказаний всех пострадавших за так называемые политические и религиозные преступления, объявление свободы совести, печати, стачек, союзов, собраний и прочих свобод. В этот же день иркутский комитет РСДРП выпустил листовку с призывом присоединиться к стачке. В первую очередь на него откликнулись железнодорожники. 14 октября прекратили работу все службы Забайкальской железной дороги, станций Иркутск, Иннокентьевская. К всеобщей политической стачке примкнули рабочие Нижнеудинска, Черемхово, станций Зима, Слюдянка. По губернии прокатилась волна многолюдных митингов и демонстраций. В последующие дни к стачке примкнули рабочие и служащие угольных копей, типографий, кожевенных заводов, большинства торговых заведений, складов, городского и губернского управлений, банков, почты, телеграфа. Бастующих поддержали учащиеся, учителя, врачи, адвокаты, актеры иркутского городского театра, приказчики и извозчики. Полностью было парализовано железнодорожное сообщение,

отсутствовала связь, не выходили газеты. В городе был создан объединенный стачечный комитет. В его состав постепенно включались представители самых разных слоев и профессий, социал-демократы, эсеры и либералы, а численность колебалась от 20 до 40 человек. Здесь, к примеру, по данным Иркутского губернского жандармского управления, были слесарь А. Г. Гольдберг, рабочий М. А. Казаков, ремесленник Х. И. Кононов, сын священника В. В. Максаков, служащий в управлении железной дороги М. Г. Соболь, присяжный поверенный И. С. Фатеев, управляющий делами «купчихи Громовой» С. А. Лянды, инженер, князь Г. Х. Андроников, возглавивший комитет, и т. д. Это было действительно всесословное представительство иркутского общества

16 октября стачком провел в здании Общественного собрания грандиозный митинг, на котором присутствовало 5 тыс. чел. Комитет установил полный контроль над жизнью города: работой железнодорожных служб, телеграфа, почты, торговых заведений, над порядком на улицах города. В первый же день забастовки городская дума, несмотря на запрет губернатора, создала добровольную милицию. Однако многочисленность, социальная и политическая разнородность, радикализм социал-демократов и эсеров стали причинами раскола и создания самостоятельного рабочего стачечного комитета.

Вместе с тем активизировались и праворадикальные, монархические силы. Так, в Иркутске в марте 1905 г. оформилось монар-

Иркутский железнодорожный вокзал

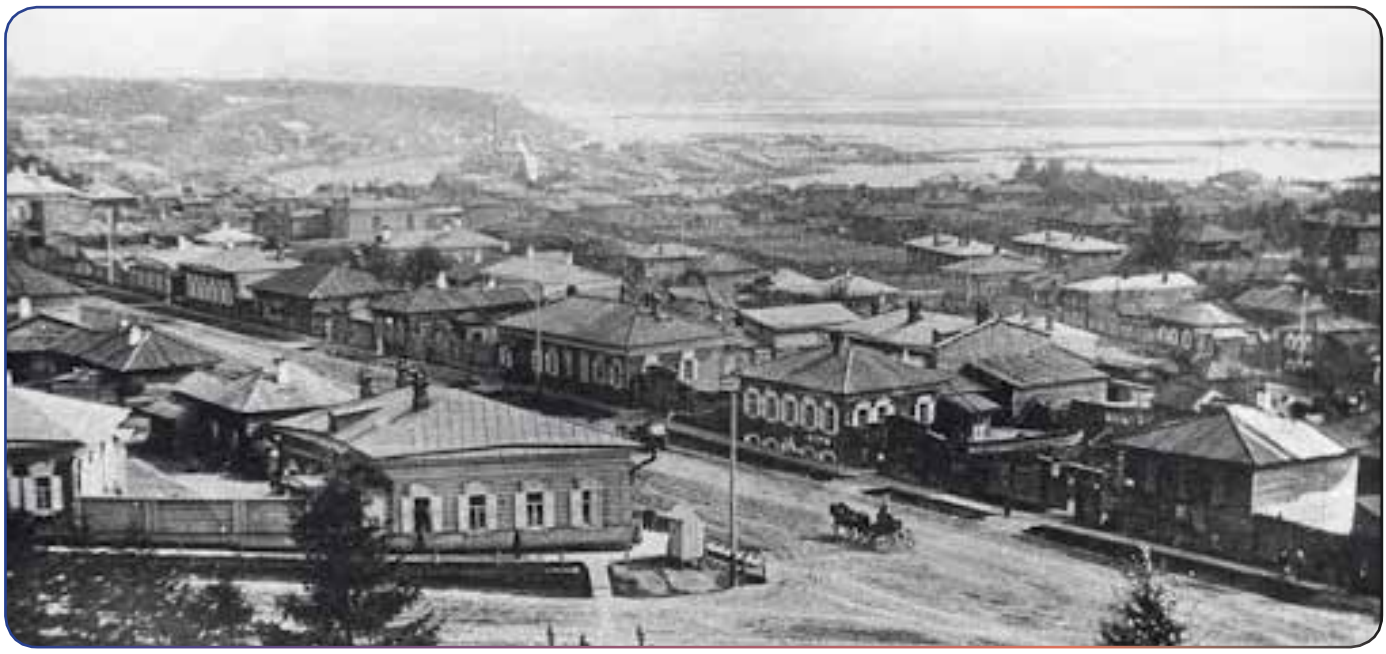

Солдаты возле Крестовоздвиженский церкви

хическое «Русское собрание», возглавляемое протоиереем Ф. Верномудровым и председателем судебной палаты Х. В. Колоколовым. Убедившись в неспособности власти дать отпор революционерам, они решили это сделать сами. Уже 16 октября произошли первые столкновения, были слышны револьверные выстрелы, оказалось несколько раненых. Горожане ждали еврейских погромов, были напуганы и спешили запастись оружием. Власти же выжидали, полиция бездействовала, что послужило падению авторитета губернской и городской администрации.

Утром 17 октября черносотенцы собрались у дома Кузнеца и в 10 часов по команде стали забрасывать здание камнями. Они хватали и избивали всех, кто был в форме железнодорожника или телеграфиста. За одного из избиваемых вступились студенты, братья И. и Я. Виннеры, за что тотчас же были смяты и зверски убиты. Имелись жертвы с той и другой стороны. Толпа, бросившаяся громить оружейный магазин, была встречена револьверными залпами – и здесь оказалось немало раненых. Побоище в центре города прекратилось только с приходом туда солдат.

Губернские и городские власти, опасаясь напрасных жертв и осознавая, что ситуация с мирной забастовкой выходит из-под контроля, приняли решительные контрмеры: весь вечер этого дня, ночь, а также утро следующего в городе производились повальные обыски и аресты активистов рабочего движения.

Иркутск

Всего в эти дни жандармами было арестовано не менее 60 руководителей и активных участников забастовки. Уцелевшие члены стачечных комитетов под угрозой дальнейших арестов, с одной стороны, и черносотенных погромов, с другой, вечером 19 октября поспешили объявить стачку оконченной. На следующий день, 20 октября, в городе заработали извозчики, магазины, банки, типографии, мастерские железной дороги – жизнь входила в обычный порядок.

21 октября стали распространяться слухи о существовании некоего важного документа, подписанного царем, а 22-го около 12 часов Кутайсову был доставлен из Черемхово, где работал телеграф, циркуляр с текстом Манифеста 17 октября. Всего через час манифест был перепечатан и раздавался всем желающим. Город вновь забурлил и вышел на улицы. Настроение иркутян было восторженным. Повсюду раздавались крики: «Да здравствует конституция!», «Да здравствует свобода!» В 15 часов в общественном собрании под председательством эсдека меньшевика В. Е. Мандельберга начался «первый свободный митинг». Митинг носил характер грандиозного народного празднества: под аккомпанемент духового оркестра были пропеты присутствовавшими революционные песни, под бурные крики и возгласы встречены освобожденные из тюрьмы члены стачечных комитетов.

«Манифест» расколол иркутских революционеров: либералы заявили, что все цели достигнуты – Россия получила конституцию и парламент, а граждане – основные права и свободы; а леворадикальные партии восприняли этот документ как показатель слабости власти и взяли курс на вооруженное восстание с целью свержения существующего режима.

Радикалы, игнорируя официальную власть, создают советы, вооружают своих сторонников, ведут активную агитацию и пропаганду, готовясь взять власть в свои руки. Та же в полной растерянности.

5 ноября 1905 г. генерал-губернатор граф П. И. Кутайсов телеграфирует управляющему МВД В. Д. Дурново: «Запрещение митингов идет вразрез с манифестом и вашими же инструкциями, а кроме того запрещать на бумаге легче, чем не допускать на деле. Аресты при настоящем положении дела невозможны и могут кончиться бесполезным кровопролитием и освобождением арестованных. Брожение между войсками громадное... Вообще поло-

Ст. Иннокентьевская

Неизв. художник. Стачка на железной дороге

жение отчаянное, а от Петербургского правительства... я кроме советов ничего не получаю». Власть охватил полный паралич.

В Иркутске 15 ноября 1905 г. началась стачка почтово-телеграфных служащих, выдвинувшая и политические требования. Отказавшийся арестовать стачечный комитет генерал-губернатор П. И. Кутайсов в тот же день освобождается от должности. Волнения охватили и армию, ранее являвшуюся опорой режима. Заколебались даже иркутские казаки.

28 ноября забастовали военнослужащие местного гарнизона, избравшие на митинге его начальником поручика Осберга, комендантом города прапорщика Золотарева, командиром казачьего дивизиона вахмистра Сизых.

30 ноября 1905 г. в Иркутске на общем собрании рабочих и служащих Забайкальской железной дороги было принято решение создать центральный комитет по управлению дорогой. 1 декабря такой орган был создан в составе 53 чел. и назван «Совет депутатов служащих и рабочих Управления, депо и станции Иркутск Забайкальской железной дороги». Состоявшийся 2 декабря пленум Совета избрал исполнительное бюро из 11 чел. под председательством служащего дороги, члена организации РСДРП Я. М. Ляховского. Бюро получило указания: немедленно провести в жизнь решительные мероприятия по усилению перевозки войск и продовольственных грузов, установить строгий контроль над действиями администрации, не допускать никаких мер против революционного народа, принимать в случае необходимости экстренные меры до полного захвата дороги включительно, установить тесную связь с соседними дорогами.

19–20 декабря в Иркутске прошел съезд рабочих и служащих Забайкальской железной дороги, который под влиянием меньшевиков принял постановление: «Решительно отвергнуть захват Забайкальской железной дороги и согласиться на эту меру лишь в том случае, если железнодорожная администрация сама сложит с себя управление дорогой». Рабочие комитеты взяли в свои руки железнодорожный телеграф, установили контроль над работой железнодорожных мастерских и депо, явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день.

Столкнувшись с хаосом в городе и параличом власти, активизировала свою работу Иркутская городская дума. С 17 ноября она обсуждала вопрос о городской самообороне, замене «правительственной полиции городской милицией», 15 декабря по этому поводу принимается положительное решение, а 23 декабря дума выделила 5 тыс. руб. на организацию вооруженного формирования. 1 января 1906 г. председатель комиссии муниципалитета по его созданию Г. Б. Патушинский препроводил начальнику губернии список лиц,

состоящих в конном отряде караульных г. Иркутска (в числе 52 чел.). Им выдали жалование, именные удостоверения, произвели покупку оружия, лошадей, фуража.

Фактическое безвластие привело к огромному (по меркам Иркутска) погрому в Глазковском предместье около железнодорожного вокзала.

16 декабря в предместье был найден убитым ефрейтор 4-го Заамурского железнодорожного батальона Николай Кузьменко. У места предполагаемого убийства собралась толпа, состоявшая главным образом (но не исключительно) из железнодорожных рабочих, кондукторов, смазчиков и т. п. Полиция, и появившиеся чуть позже войска с трудом остановили разъяренную двухтысячную толпу. Подавлению беспорядков препятствовал и разведенный из-за ледостава мост. Согласно отчету полицмейстера, 16 декабря было «разбито» 12 заведений – два трактира, две кухмистерские, две чаевые и шесть мелочных лавок. На следующий день был разграблен и сожжен ресторан «Южный Кавказ».

В конце года началось организационное оформление центристских партий, нацеливавшихся на участии в выборах в Государственную Думу. В конце декабря 1905 г. было объявлено об организации иркутского отдела Партии народной свободы (кадетской), но только в мае 1906 был избран губернский комитет в составе 7 чел. В него вошли, в том числе, представители интеллигенции и деловых кругов: А. В. Витте, З. И. Помус, врач П. И. Федоров. В своей деятельности кадеты опирались на буржуазные слои Иркутска, профессиональные корпоративные объединения и просветительские организации. К кадетам присоединился «Торгово-промышленный союз», объединяющий крупное иркутское купечество. В распоряжении иркутского отдела конституционных демократов были две газеты: «Восточный край» и «Сибирская речь».

В январе 1906 г. в иркутских газетах появилось сообщение о создании Иркутского отдела праволиберального «Союза 17 октября».

Шествие по ул. Большой в Иркутске

Программа октябристов полностью была напечатана в «Губернских ведомостях» и распространялась отдельными оттисками среди населения, большее количество экземпляров было разослано по магазинам и вручалось покупателям вместе с товаром. Однако заметного следа деятельность этой организации в регионе не оставила. В 1906-м же году из партии октябристов выделилось левое крыло, и образовалась Партия мирного обновления. Именно отделение этой организации, зарегистрированное в феврале 1907 г., представляло в Иркутске праволиберальное движение.

Власть просто «посыпалась», высшие чиновники один за другим либо уходили в отставку, либо объявляли себя больными. Ряд левых радикалов перешел к индивидуальному террору, запугивая местную администрацию. Особенно отличилась иркутская боевая организация эсеров – 23 декабря эсеровский боевик ранил управляющего губернией вице-губернатора В. А. Мишина, а 26 декабря 1905 г. на улице застрелили исполняющего дела полицмейстера А. П. Драгомирова.

В распространенной затем по городу прокламации Иркутского комитета эсеров излагались причины покушения на жизнь вице-губернатора, объяснялась необходимость применения террористических средств борьбы. «Мы, социалисты-революционеры, – отмечали авторы листовки, – не хотим крови; мы

стремимся к тому, чтобы иметь возможность свободно нести идеи социализма в темные массы народа. Но, живя в полицейском государстве, поддерживающем свое господство исключительно насилием, мы по необходимости должны от насилия защищать себя силой и пользоваться в этом направлении всеми имеющимися в наших руках средствами, не исключая и террора».

Неразбериха сопровождалась полным параличом Транссиба, прекращением телеграфного сообщения со столицей. Одновременно шла демобилизация солдат в Маньчжурии. В Сибири воцарился полный хаос.

В этих условиях центральная власть решилась на жесткие меры. 23 декабря в Иркутске и 31 декабря во всех уездах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали вводится военное положение. Иркутским генерал-губернатором назначается К. М. Алексеев, и уже в ночь на 31 декабря была арестована большая группа участников нелегального собрания радикалов (в большинстве большевиков).

С целью восстановления порядка в Сибири были организованы две карательные экспедиции: с запада (Москва) – А. Н. Меллер-Закомельского, с востока (Харбин) – генерала П. К. Ренненкампфа. Оба генерала получили самые широкие полномочия и неограниченные права. По линии железной дороги были ликвидированы все Советы и другие рабочие организации. В январе 1906 г. на ст. Слюдянка карателями был захвачен, а затем на ст. Мысовой расстрелян большевик И. В. Бабушкин, пытавшийся доставить из Читы оружие для иркутских рабочих. Из-за массовых арестов прекратил деятельность комитет РСДРП, начались судебные процессы. Тюрьмы переполнились политическими заключенными.

Последней «ласточкой» политических свобод стали выборы в Государственную Думу. На территории губернии выборы начались только в апреле 1906. Из-за отдаленности края, введения военного положения, революционных событий избирательная кампания затянулась. По городской курии были выдвинуты врач, меньшевик В. Е. Мандельберг и главный редактор газеты «Восточное обозрение», известный журналист И. И. Попов. Но выбрать депутата так и не удалось, так как в июне 1906 г. 1-я Государственная дума была распущена. По сельской курии к этому времени удалось провести выборы только представителей на волостные и уездные избирательные собрания. Выборы во 2-ю Думу проходили в тех же условиях военного положения, но во многом отличались. Партия большевиков решила принять участие в избирательной кампании и проявила максимум энергии. В Иркутской губернии кампания по выборам была начата в феврале 1907 г. По городской курии борьбу вели в основном представители политических партий. Большевики и меньшевики выдвинули единого кандидата, это по-прежнему был В. Е. Мандельберг. Кадеты на сей раз вступили в блок с эсерами, однако договориться не смогли и выдвинули двух кандидатов: адвоката П. А. Титкова и священника отца М. Смирнова. В борьбе за депутатский мандат выиграл представитель социал-демократов В. Е. Мандельберг.

«Обескровленные» эсеры перешли к испытанному методу – индивидуальному террору. Созданный областной Летучий боевой отряд совершил покушение 30 октября 1906 г. на жизнь командира 3-го Сибирского Армейского корпуса генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампфа. Оно окончилось неудачей, схваченный боевик отказался назвать свое имя. На следующий день, 31 октября 1906 г., состоялось экстренное заседание Иркутского военно-полевого суда, признавшего подсудимого виновным в принадлежности к партии эсеров и «в покушении на убийство при увеличивающих вину обстоятельствах» и постановившего по совокупности преступлений лишить его всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. Приговор немедленно был приведен в исполнение.

Революция отступила, но не сдалась, ибо «есть у революции начало – нет у революции конца…», что и показали последующие события.

XX.

Иркутск
и иркутяне на фронте и в тылу в годы Первой мировой войны

1. Иркутские соединения в боевых действиях (1914-1918 гг.)

2. Иркутяне в боевых действиях 1916-1918 гг.

3. Иркутские казаки на фронте и в тылу

4. Влияние войны на экономическую и общественную жизнь Иркутской губернии

1. Иркутские соединения в боевых действиях (1914–1918 гг.)

19 июля (1 августа) 1914 г. Российская империя вступила в войну, которая впоследствии получила название Первой мировой.

С первых же дней войны в нее было вовлечено, в той или иной степени, все население страны. Даже удаленные на тысячи километров от «театра военных действий» районы, в число которых входила и Иркутская губерния, ощутили на себе ее смертоносное «дыхание».

Война вызвала подъем патриотических чувств в обществе. Одновременно зарождались и нарастали антивоенные, нередко смешанные с антиправительственными, настроения. И в то же время основная часть общества продолжала прилагать усилия к тому, чтобы страна вышла из войны победительницей.

К началу Первой мировой войны в Иркутском военном округе дислоцировались 2-й и 3-й Сибирские армейские корпуса, включавшие 4-ю, 5-ю, 7-ю и 8-ю Сибирские стрелковые дивизии. С началом войны в округе был развернут 6-й Сибирский корпус, состоявший из 12-й и 13-й Сибирских второочередных дивизий. Полки этих дивизий формировались на базе скрытых кадров 7-й и 8-й Сибирских стрелковых дивизий. Каждый полк первой очереди выделял второочередному 19 офицеров, одного военного чиновника и 262 солдата.

В июле 1915 г. был образован 7-й Сибирский корпус. 12-я и 13-я Сибирские стрелковые дивизии вошли в его состав.

К 1 мая 1914 г. располагавшиеся в Иркутском военном округе корпуса включали в себя 67 батальонов, 1 роту искрового телеграфа, 20 сотен казаков, 278 орудий.

Из воспоминаний Павла Васильевича Шапошникова, служившего в 26-м Сибирском стрелковом полку в Иркутске (во время Первой мировой войны он был командиром роты,

Алексей Ермолаевич Эверт

а затем батальона в этом полку): «7-я Сибирская стрелковая дивизия мирно стояла лагерем в таежной глуши, верстах в десяти от станции Михалево, между Иркутском и озером Байкал. Полки – 25-й Сибирский стрелковый генерала Кондратенко, 26-й, 27-й и 28-й Сибирские стрелковые, 7-я Сибирская артиллерийская бригада, 5-й Сибирский саперный батальон – по очереди стреляли на обширном стрельбище, прямо в тайге. Где-то в стороне училась стрелять артиллерия, потрясая мирные дали лесов своими очередями по мишеням. Трещал перекатами частый ружейный огонь стрелковых батальонов…

Вечером господа офицеры 26-го Сибирского стрелкового полка собирались на чашку чая, на рюмку водки – по желанию. Лениво прочитывали газеты и журналы, набросанные в изобилии на столе читальни офицерского собрания.

Только что был убит наследник австрийского престола сербом Принципом в Сараево, куда эрцгерцог приехал на маневры. Газеты были полны описания событий, предположе-

Войска Иркутского гарнизона перед отправкой на фронт

ний, комментариев. Иногда проскальзывала в них мысль о возможной войне. Но мы были далеки от таковой…

Кто-то кому-то что-то уступит, поступится национальным самолюбием, и опять будет тихо – такова была общая мысль.

Но наши прогнозы не сбылись! 14 июля полк выступил в Иркутск, а 19 июля была объявлена мобилизация. Началась Первая мировая война, перевернувшая весь мир».

21 июля в кафедральном соборе епископом Евгением было совершено молебствие о даровании победы в войне и объявлен высочайший Манифест. По окончании молебствия состоялась манифестация. А 6 августа торжественное богослужение о ниспослании победы прошло в костеле, после чего в первом общественном собрании состоялось собрание местной польской колонии. Государю Николаю II была послана верноподданническая телеграмма.

В 1914 г. командующим войсками Иркутского военного округа был генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт. С августа 1914 г. он командовал 4-й армией Юго-Западного фронта, участвовавшей в Галицийской битве.

Резиденция командующего войсками Иркутского военного округа и наказного атамана Забайкальского казачьего войска находилась в бывшем особняке купца М. Д. Бутина (в настоящее время – Дом актера). Штаб округа, управление дежурного генерала размещались в доме Файнберга (ныне ул. Халтурина, 1).

Начальником военных сообщений Иркутского военного округа в 1914 г. был генерал-майор Александр Александрович Таубе. В ноябре 1914 г. он вступил в командование 5-й Сибирской стрелковой дивизией. 15 февраля 1915 г. за боевое отличие он был произведен в генерал-лейтенанты. Генерал лично повел под ураганным огнем один из полков своей дивизии в атаку на г. Прасныш. Впоследствии, в 1918 г., он был в Иркутске начальником Главного штаба Сибирского военного комиссариата при ЦИК Советов Сибири.

Иркутский военный округ испытывал недостаток в запасных. Так, в 1913 г. в нем на-

Войска на учениях

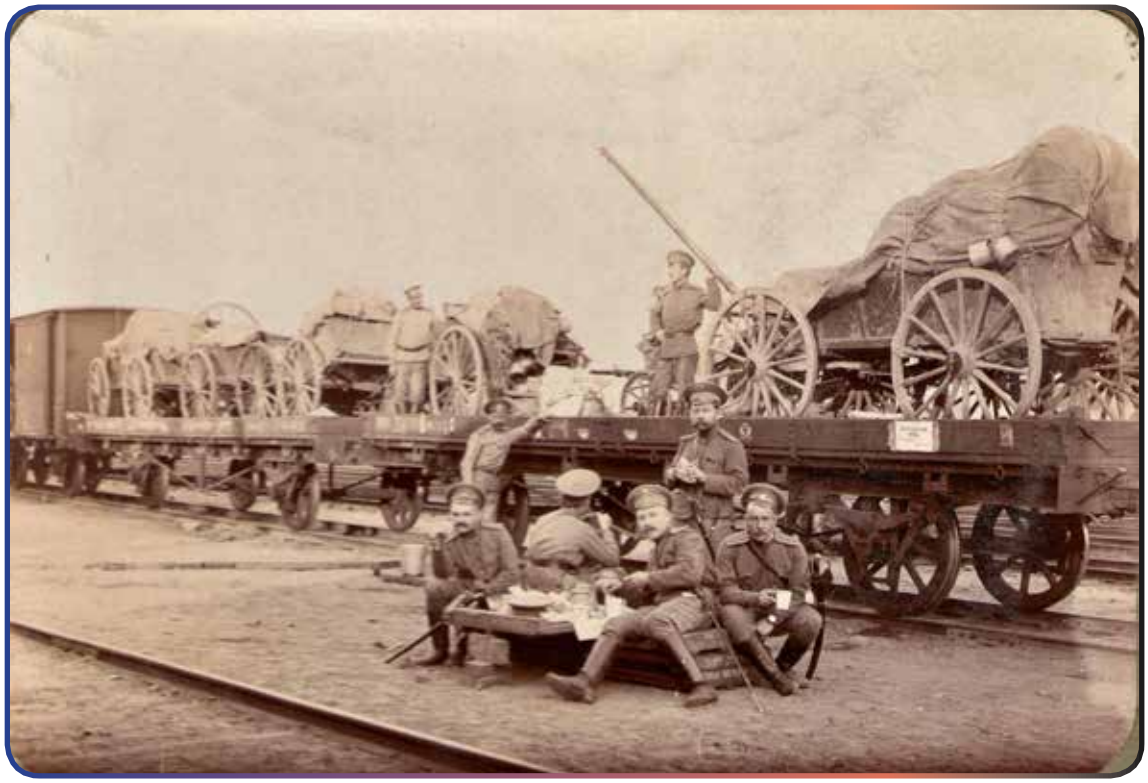
считывалась 41 тыс. нижних чинов запаса, в то время как потребность при мобилизации составляла 150 тыс.

«Огромные расстояния и плохие пути сообщения округа, замедляющие прибытие запасных на сборные пункты, препятствуют назначению определенных территориальных районов для войсковых единиц. Введено в принцип посылать первые укомплектования, ранее прибывшие на сборные пункты, в войска 2-го Сибирского армейского корпуса: ближайших уездов к Чите – в 4-ю Сибирскую дивизию, более западных – в 5-ю Сибирскую». Недостаток людей в Иркутском военном округе восполнялся за счет Омского (70 159 человек) и Казанского (40 669 человек) округов. По мобилизационному расписанию (с 1912 г. носившему наименование «№ 18 измененное») в Иркутском округе в начале войны была призвана 41 689 запасных. В «Кратком расписании сухопутных войск по сведениям к 1 марта 1914 г.» П. В. Шапошников писал: «Я попал в качестве коменданта на станцию Зима, где и пробыл до отправления полка на фронт 29 июля, когда полк уже погружался в вагоны для отправки на фронт. На какой фронт – мы не знали…

На сборы на войну мне оставалось несколько часов, в течение которых я со своим денщиком Петром Яроминым (Петька, как звала его почему-то моя 11 рота, веселый уфимец!) собирался, заколотивши в ящик все мои скромные обер-офицерские вещи. Я их никогда не получил потом: все пропало в Военном Городке, в цейхгаузе полка.

Даже не попрощался ни с кем в городе. Стал в строй своей роты и зашагал на станцию. А там уже стоял поезд из теплушек на батальон, с классным вагоном для офицеров. Ни пышных проводов, ни речей, ни цветов уходящим на смерть от граждан Иркутска не было. Некогда было…

26-й Сибирский стрелковый полк, как и остальные полки дивизии, выделил из своего состава второочередные полки: 45-й, 46-й, 47-й и 48-й – Сибирские же. Состав офицеров уменьшился вдвое. Солдатский же состав был пополнен мобилизованными до штатного числа – 4 600 человек. Офицеры – прапорщики за-

На Фронт!

паса и произведенные из училищ – постепенно прибывали в полки уже в пути, на железной дороге. По пути следования к театру военных действий 2-й Сибирский корпус пополнялся запасными Вятской и Пермской губерний...»

Обучение личного состава производилось в пути, прямо в вагонах. «Кроме общих обязанностей солдата, офицера, конечно, и больше всего говорили о поведении его в бою».

«Только в Самаре, на десятый день пути, – продолжает П. В. Шапошников, – мы узнали, что едем на австрийский фронт. На Люблин ломилась армия Ауфенберга. Наших чуть теснили. В Пензе – остановка. Вышел из вагона, вошел в зал первого класса и… остановился в изумлении. Передо мной за большим столом сидит группа немецких пленных офицеров, человек пять. Два из них в серебряных касках, в плащах-накидках светло-серого цвета, с синими воротниками, в лакированных сапогах с кирасирскими козырьками. Прямо с Курфюрстендамм, из Берлина! Рядом часовой с берданкой – из ополченцев. Взяты в плен где-то в Восточной Пруссии или под Млавой.

У нас, окружающих и проходящих по залу, не было чувства озлобления к пленным врагам. Было только любопытство…»

Оказавшись на фронте к концу сентября 1914 г., сибирские стрелки стали «последним резервом Российской империи, брошенным на чашу весов начального периода войны».

Сибирские стрелки особенно отличились в боях за Варшаву, Лодзь, в Августовских Лесах. А. В. Туркул писал: «Сибиряки, чалдоны, – крепкий народ… Из окопов другой норовит бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко… Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают многие военные писатели».

Немцы надолго запомнили сибирских стрелков. Немецкий генерал Второй мировой войны Г. Блюментрит писал: «Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник. Мы уже испытали это на себе во время

Пулеметчик Сибирской стрелковой дивизии

Первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с Сибирским армейским корпусом». Э. Людендорф, в 1914 г. начальник штаба германского Восточного фронта, заявлял: «Сибирские корпуса были особенно сильны и доставили нам много хлопот». Маршал Р. Я. Малиновский приводит свои впечатления как рядового 1914 г. в боях под Сувалками: «Левее, у сибиряков, шли упорные штыковые схватки. Там германская пехота, окрыленная недавней победой над гренадерами, не сдавалась. Но, разобравшись, с кем имеет дело, потеряла устойчивость и отступила».

С 18 июля по 31 августа 1914 г. в Иркутске из «скрытых кадров» 7-й Сибирской стрелковой дивизии была сформирована 12-я Сибирская стрелковая дивизия. В ее состав вошли 45-й, 46-й, 47-й и 48-й Сибирские стрелковые полки, 12-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада. Начальником дивизии был назначен генерал-лейтенант Николай Ильич Сулимов.

Штаб Иркутского Военного Округа

11 сентября дивизия отбыла на театр военных действий, 11 октября прибыла на Юго-Западный фронт в 8-ю армию в верховья рек Сан и Днестр, а 19 октября приняла первый бой при «старом месте» г. Самбор.

Осенью 1914 г. в Иркутском военном округе сформирован 7-й корпус государственного ополчения из 7 пеших дружин. 631-я Иркутская дружина дислоцировалась в Иркутске, 632-я Иркутская – в Нижнеудинске. В начале 1915 г. корпус был расформирован, а его дружины перемещены в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги.

В июле 1915 г. из 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий был образован 7-й Сибирский армейский корпус, в составе которого они действовали до конца войны.

18 июня 1915 г. в Иркутской городской думе состоялась передача городским самоуправлением знамени Иркутской пешей дружине, после чего на Тихвинской площади было совершено молебствие.

По приказу Верховного Главнокомандующего № 36 от 2 сентября 1914 г. были сформированы Штаб и управления 6-го Сибирского корпуса. По окончании формирования они выступили на театр военных действий в г. Седлец.

Воевали наши земляки и на других фронтах. Так, в Иркутске летом 1915 г. для отправки во Францию был сформирован отдельный маршевый батальон из 8 рот, насчитывавший 22 офицера, 3 чиновника, 1 640 нижних чинов .

2. Иркутяне в боевых действиях 1916–1918 гг.

По опыту 1914–1915 гг., на сибирские корпуса и в дальнейшем возлагали наиболее ответственные задачи.

До конца войны 7-я Сибирская дивизия занимала позиции в Западной Белоруссии. Трижды она предпринимала попытки наступления, 2–4 октября 1915 г. провела безуспешные атаки, неся большие потери.

Зимой 1915–1916 гг. 7-й Сибирский корпус продолжал участвовать в военных действиях. 8 марта 1916 г. 12-я Сибирская стрелковая дивизия действиями разведчиков и артиллерии поддержала наступавшую у усадьбы Франц и с. Югге 13-ю Сибирскую дивизию. В конце мая – июне 7-й Сибирский корпус был переведен в резерв Северного фронта. 12-я Сибирская дивизия атаковала в районе река Кеккау–Баусское шоссе–Серуль, в нескольких местах захватила первую линию германских окопов.

15–26 августа 1916 г. 7-й Сибирский корпус был переброшен с Северного на Юго-Западный фронт в район Вишнивец–Зарудье–Лановцы. Здесь воины 12-й Сибирской стрелковой дивизии во главе с новым начальником генерал-майором Николаем Георгиевичем Архиповичем в течение многих месяцев вели упорные бои за высоты у деревни Свистельники. 7-й Сибирский корпус находился на боевых позициях до декабря 1917 г.

Пулеметчики

В 1916–1917 гг. управлению 45-й бригады государственного ополчения в Иркутске подчинялось 6 дружин. В них, помимо других частей, входили 5 рот, дислоцировавшихся в Иркутске, 3 роты, дислоцировавшиеся на станции Иннокентьевская, 4 роты, охранявшие железную дорогу от Иркутска до станции Боготол.

Вот выписка из военного билета Иннокентия Константиновича Курбатова, проживавшего в д. Змеиновка Киренского района Иркутской области, во время Первой мировой войны служившего в Иркутске: «Киренским воинским начальником в 1915 г. признан годным и зачислен в кадровый состав. Служил в царской армии в 718 пехотной дружине с мая 1915 г. по сентябрь 1917 г. рядовым».

2 июля 1917 г. в действующую армию убыл 1-й Иркутский ударный батальон, сформированный из юнкеров военного училища и школ прапорщиков, 28 июля – ударный батальон 2-й Сибирской запасной стрелковой бригады, 9 августа 1917 г. на фронт отправился женский батальон смерти. За 1917 г. Иркутский военный округ выслал в действующую армию 7 запасных полков общей численностью 15 400 человек.

К 1917 г. в Иркутске и его окрестностях дислоцировались 9-й, 10-й, 11-й и 12-й Сибирские стрелковые запасные полки (в каждом от 700 до 1 100 человек), роты 715-й Забайкальской, 716-й Иркутской и 718-й Астраханской (500 человек) пеших дружин государственного ополчения, Иркутский казачий дивизион (336 человек), Сибирский запасной артдивизион, военное училище (264 человека), три школы прапорщиков (652 человека). Здесь находился штаб военного округа, насчитывавшего 11 запасных полков, 12 дружин ополчения и другие части.

3. Иркутские казаки на фронте и в тылу

Сразу после начала войны еще не отмобилизованный Иркутский казачий дивизион был передан в распоряжение МВД (это относилось только к Иркутскому и Красноярскому казачьим дивизионам), а служба составлявших его казаков, согласно циркуляру Главного управления генерального штаба, «ничем не должна отличаться от мирного времени».

На Иркутский (как и на Красноярский) казачий дивизион командованием Иркутского военного округа было возложено выполнение ряда функций: несение внутренних нарядов и гарнизонной службы, охрана военнопленных и доставка их в специальные лагеря, а также сопровождение маршевых рот, следующих для пополнения действующей армии.

Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы входили в состав войск 2-й Сибирской запасной стрелковой бригады генерал-майора Н. А. Лашкевича. Иркутский казачий дивизион под командованием войскового старшины князя Ф. Н. Бековича-Черкасского имел три сотни, которые несли гарнизонную и охранную службу в Иркутске, охраняли Кругобайкальскую железную дорогу и сопровождали маршевые роты от ст. Березовка (близ Верхнеудинска Забайкальской области) до города Ачинска Енисейской губернии.

Комплектовались сотни не по территориальному принципу (по станицам), а по возрастному, общепринятому у казачества, критерию. Первая сотня была кадровой, 2-я и 3-я комплектовались, соответственно, казаками 2-й и 3-й очередями льготного разряда.

Несколько десятков иркутских казаков, «бежавших» на фронт, проходили службу в различных полках. «Бегство» казаков на фронт началось уже в первые месяцы войны. Но если поначалу такие случаи были единичны, то в 1915 г. это явление приобретает массовый характер. Бежали иной раз группами, а то и целыми подразделениями, вместе с лошадьми и снаряжением.

В этот период выступил с инициативой командующий 2-м кавалерийским корпусом, в подчинении которого находился Кабардинский конный полк Бековича-Черкасского. Он предложил всех иркутских казаков-добровольцев причислить к Кабардинскому полку Кавказской туземной дивизии («Дикая дивизия»). Получив отказ от командования Иркутским военным округом, командующий корпусом генерал-лейтенант хан Нахичеваньский стал ходатайствовать перед своим же подчиненным, дивизионным начальником, младшим братом императора Великим князем Михаилом Александровичем. Однако Генеральный штаб ответил отказом.

К началу 1916 г. в Иркутском казачьем дивизионе был некомплект – 8 офицеров вместо 11; 406 казаков вместо 482, 459 лошадей

Германское знамя, взятое в плен войсками Сибирских полков. Из журнала «Родина» 1915 г.

Генерал Эверт в Виленской операции

вместо 543 по штатному расписанию. Только к апрелю 1916 г., когда на фронт отправились сводные сотни в явочном порядке и более полусотни казаков «сбежало» на фронт по личной инициативе, командование добилось права отмобилизовать всех казаков до 38 лет включительно для доукомплектования дивизиона.

Выплата пособий, увеличенного жалования и других доходных статей, предоставление казакам длительных отпусков для посевной и уборки урожая позволили не только компенсировать ушедших на фронт казаками старших возрастов, но и снова увеличить сверхкомплект людского состава в дивизионе.

К 1916 г. Иркутский казачий дивизион лишился 93 казаков (вместо 499 по списку налицо оказалось 406), большую часть которых составляли бежавшие на фронт. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что «дезертиров» охотно принимали в забайкальских казачьих полках, командиры которых категорически отказывались отправлять их обратно. Бежали казаки и в партизанские отряды, которые стали повсеместно создаваться при армиях и фронтах.

Тяжелое положение на фронте, «великое отступление» русской армии в 1915 г. ускорили рассмотрение вопроса об отправке на фронт восточносибирских казаков. По случаю отбытия иркутских и енисейских казаков на фронт Николай II отправил 16 февраля 1916 г. телеграмму в Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы, в которой говорилось: «Искренне благодарю казаков и желаю им полного успеха». Это было ответом царя на благодарственную ему телеграмму казаков в связи с их отбытием на фронт. Активное участие в боевых действиях иркутские казаки приняли в 1917 г., в межреволюционный период. Несмотря на их небольшое количество, два иркутских казака стали полными георгиевскими кавалерами – Иннокентий Петров и Иван Скуратов.

Боевые награды

Также казачьи части активнейшим образом использовались в тылу для выполнения полицейских функций: так, в 1916 г. Иркутский казачий дивизион участвовал в подавлении волнений солдат Красноярского гарнизона, а в сентябре 1917 г. в Иркутске дивизион принял участие в разоружении солдат 9-го и 10-го запасных полков.

Иркутяне – Кавалеры ордена св. Георгия и георгиевского оружия. В настоящий момент мы можем говорить об одиннадцати иркутянах, удостоенных высокой награды за Первую мировую войну.

В числе награжденных: Несытов Ксенофонт Михайлович, Белоголовый Сила Васильевич, Белоголовый Андрей Васильевич, Белоголовый Александр Андреевич, Афанасьев Лукьян Васильевич, Оглоблин Прокопий Петрович, Шастин Иван Михайлович, Попов Виктор Лукич, Козлов Иосиф Андреевич, Шангин Игорь Анатольевич, Компанейцев Николай Федорович.

4. Влияние войны на экономическую и общественную жизнь Иркутской губернии

Начавшаяся в августе 1914 г. первая мировая война, несмотря на то, что театр военных действий находился за тысячу верст, оказала заметное влияние на жизнь Иркутской губернии. Накануне войны в городах губернии проживало 169 212 человек, а в 5 уездах – 345 138 старожилов, 81 782 переселенца и 11 601 инородец. Всего население губернии насчитывало 707 733 чел.

Мобилизация началась в сентябре. За годы войны (до сентября 1917 г.) в губернии было мобилизовано 11,5% всего населения, что составляло почти половину мужского трудоспособного контингента. В 1916 г. большинство рабочих на заводах, копях и приисках были лишены отсрочек и брони. Восполнялось же население частично за счет беженцев (к концу 1915 г. их было зарегистрировано 6 025 чел., более половины из них были нетрудоспособными), ссыльных, которых в 1915 г. было водворено в губернию 3 158 человек (всего ссыльных здесь к этому времени было 64 847 чел.), более чем 35 тыс. военнопленных в 30 лагерях и переселенцев. Поток последних в Сибирь заметно сократился. Так, если в 1914 г. в губернию переселилось из центральных районов страны 2 444 семьи, то в 1915–1917 гг. – 879, причем 1/3 пожелала вернуться обратно. В значительной мере это объяснялось недостатком подготовленных, удобных для сельского хозяйства наделов, поэтому в 1917 г. в колонизационный фонд помимо свободных залежных земель были включены излишки 15-ти десятинной нормы бурятского и старожильческого землепользования.

Иркутяне принимали активное участие в благотворительной деятельности. Уже в первые дни войны начали поступать первые пожертвования. Впоследствии в городе проходили различные мероприятия, на которых собирались средства как для помощи фронту, так и для беженцев и семей военнослужащих. Так, уже в июле 1914 г. товарищество Второва пожертвовало 100 тыс. рублей в Московский биржевой комитет в пользу больных и раненых воинов. 1 августа Н. Т. Зверев пожертвовал на нужды, вызванные войной, 10 000 рублей. 9 августа братья Замятины пожертвовали также 10 000 руб. комитету по обеспечению семей призванных на войну из запаса и ополчения.

20 сентября 1914 г. в Иркутске прошел День флажков союзных армий – сбор в пользу семей запасных и ополченцев, а также больных и раненых воинов. Было собрано 12 107 руб. 78 коп.

В Иркутске открывались различные заведения для семей воинов. 24 августа Знаменское попечительство о бедных на Якутской улице открыло бесплатную столовую для детей семей запасных. 29 августа на углу улиц 2-й Солдатской и Кутайсова состоялось открытие приюта-яслей для детей запасных,

Тихвинская площадь в Иркутске. Нач. XX в.

призванных в ряды армии. 25 сентября по Ямской улице И. Ф. Люблинской был открыт приют-ясли для детей запасных, тут же предоставлено помещение под бесплатные квартиры для жен запасных и ополченцев.

С 1 января по 4 февраля 1915 г. Иркутский комитет помощи семьям запасных оказал поддержку 771 семье на сумму 3 175 рублей.

8–14 ноября 1914 г. производился сбор теплых вещей и других предметов для воинов действующей армии. В эти же дни собирались средства на табак воинам. Было собрано 2 548 руб. 77 коп.

Патриотические чувства в первые месяцы войны поддерживались проведением различных манифестаций. Например, 22 октября 1914 г. состоялась манифестация для встречи на вокзале японского отряда Красного Креста. А 28 октября, после молебствия в кафедральном соборе, состоялась патриотическая манифестация учащихся всех училищ.

Проводились и мероприятия иного характера. Так, 19 октября в зале музея Иркутского географического общества прошла лекция И. И. Серебренникова «Война 1914 г. и ее размеры». С 25 января по 9 февраля 1915 г. в музее Географического общества состоялась выставка «Война и печать», организованная И. И. Серебренниковым. Выставку посетило 2 500 человек, валовой сбор составил 340 рублей.

20 августа при Иркутском архиепископстве воссоздан комитет Андреевского Красного Креста по обеспечению больных и раненых воинов и семейств призванных на войну чинов запаса.

Медицинская помощь в Иркутске опиралась на добровольный труд медиков, которые бесплатно помогали людям в карантине, но усилившийся осенний приток переселенцев такую работу сделал невозможной. Перегруженные больницы и «заразные бараки» при нехватке персонала не справлялись с работой. «В декабре на учете числилось 1 277 больных, в том числе 678 заразных. Свыше 50 процентов инфицированных людей были заражены оспой и тифом, остальные – корью и ангиной. До 40 случаев в месяц выявлялось больных скарлатиной, до 20 – дифтерией».

Уже с первых дней войны иркутяне приняли участие в организации медицинской помощи воинам. 1 августа 1914 г. в Мариинской общине сестер милосердия открылись бесплатные курсы ухода за больными и ранеными, а на следующий день (2 августа) в Москву выехали 30 сестер милосердия.

11 сентября в общественном собрании состоялось заседание местного комитета Красного Креста, на котором обсуждался вопрос об устройстве на театре военных действий Иркутского лазарета для раненых и больных воинов. Предполагалось оборудовать лазарет на 50 коек, что обойдется в 14 000 рублей, а стоимость содержания одной койки в месяц должна была составить 100 руб. «Пока обеспечено содержание 17 коек лазарета, – писал вскоре иркутский летописец Н. С. Романов. – С. Н. Родионов пожертвовал 4 500 р. на содержание пяти коек в течение 6 месяцев и т. д.».

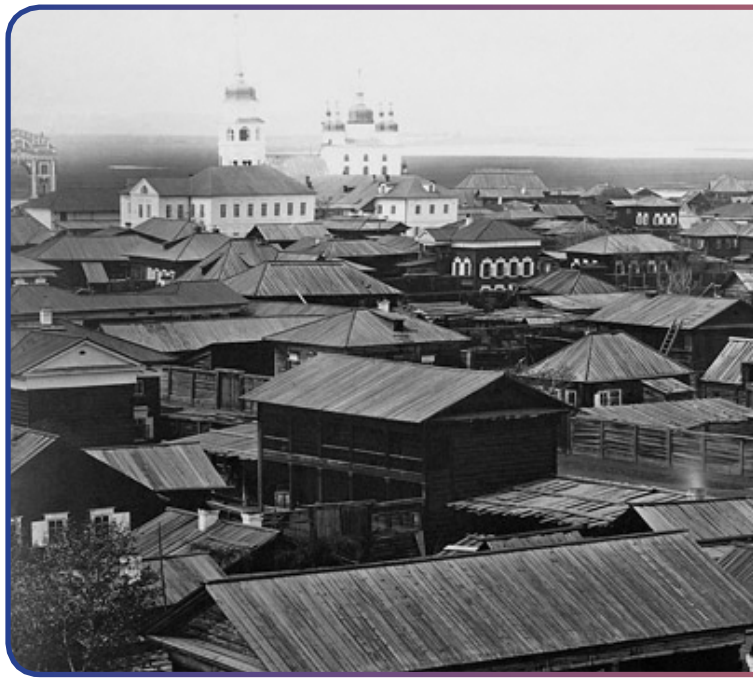
26 сентября Иркутский лазарет благодаря щедрому притоку пожертвований (на 24 сентября поступило 18 969 руб. 85 коп.) получил возможность оборудовать 100 коек для солдат и 10 для офицеров (к 30 сентября в лазарет поступила 41 339 руб. 47 коп.).

5 октября в городской управе епископом Зосимой отслужено молебствие по случаю отъезда Иркутского лазарета во главе со старшим врачом П. Н. Шастиным на театр военных действий.

На войне было очень много раненых, нуждающихся в помощи, сестры милосердия оказывали медицинскую помощь, поддерживали в трудную минуту добрым словом. Тяжелораненых оперировали, кто был слаб здоровьем, отправляли на курорты. Особо отличившиеся сестры милосердия были награждены медалями в главном управлении Российского Красного креста.

Сибиряки писали письма поддержки на фронт, отсылали посылки с подарками военным. А с фронта шли письма со словами благодарности и просьб.

«Здравствуйте, вы наши братья, друзья и приятели! Первым долгом мы спешим вас поблагодарить за ваши непрестанные заботы о нас и за ваши для нас нужные вещи, а также и все остальное. Затем шлем вам большую благодарность мы – защитники вас от лютого и коварного врага немца. То есть отличные стрелки 28 сибирского стрелкового полка 10-й роты 1-го взвода. То есть те, которые от начала самого начала войны в этом полку все время находились в активности. И не раз уже мы получали от вас к рождественскому празднику всякие вещи и всякие съестные припасы. Получили мы и в нынешнем Новом году опять от вас посланные вещи и съестные припасы, орешки, пряники, чай, мыльце и табачок с бумаги, трубки и нитки, карандаши и конверты и почтовую бумагу, полотенца и портянки, носовые платки и т. д. Чему были мы очень рады, благодарные вам. Еще раз благодарим вас, наши друзья и благожелатели. Благодарим мы вас, стрелки 10-й роты 1-го взвода.

Первым долгом подписываемся мы, Взводный командир старший унтер-офицер Андрей Данилович Шумаков.

И еще раз идет до вас наша огромная благодарность, а с этим же мы просим вас, дорогие наши братья, будьте настолько любезны, не откажите нам. Вот, например, вам самим давно известно, как мы здесь живем и как страдаем. Да вот очень мы исстрадались и мучительно без гармошки. Вот еще чего у нас не хватало, чтобы еще развести свою скуку, не хватает нам тальянки, то в храбрости и настроении духа мы смогли бы встретить этот праздник. Так вот, дорогие наши братья, будьте настолько любезны, пришлите нам одноразовую гармошку, на которую вы получите от нас не раз великую благодарность. Желаем всех благ, дорогие наши братья, желаем вам всего хорошего на свете. От сего письма остаемся живы и здоровы, лихие стрелки-сибиряки! За Вас, братья! Ура! Ура! Ура!»

В первые месяцы войны в Иркутске появляются беженцы из западных районов России. Они пополняют состав горожан. Вот одна из записей Н. С. Романова за 1915 г.: «24 августа прибыла вторая партия беженцев 80 человек – латыши, евреи».

Панорама Иркутска

22 октября 1915 г. состоялось открытие приюта-убежища для беженцев по Троицкой улице, № 30, оборудованного на средства Троицкого приходского попечительства. 28 октября – 5 ноября прошел фургонный сбор теплых вещей, белья и других предметов для беженцев. Многие училища, иллюзионы Дон Отелло и Ягджоглу были отведены под постой беженцев. 12 декабря Детская столовая архиепископа Тихона открыла приют для девочек-беженок (на 17 человек).

Только в 1915 г. в Иркутске осело до 6,5 тыс. беженцев, в большинстве своем женщин, детей, стариков. Еще 3,8 тыс. беженцев пополнили город в следующем году. Всех их надо было устроить на жительство, накормить, одеть. Среди них были русские, поляки, латыши. Иркутский комитет союза городов с августа по декабрь 1915 г. израсходовал на расквартирование беженцев 29 669 руб. 57 коп.

К январю 1916 г. для детей беженцев были открыты школы: в поселке Иннокентьевском при Знаменском женском монастыре, при Князе-Владимирском монастыре, при отделении общества общедоступных курсов и при самом обществе курсов, при духовной семинарии и на детской площадке. Кроме этого, решено было открыть двухкомплектные школы в Знаменском предместье, Рабочей слободе, Глазково и на Троицкой улице в общей сложности на 500 детей.

Иркутский комитет союза городов для обеспечения беженцев открыл вещевой склад. Он представлял собой магазин собранного готового платья.

По сведениям Н. С. Романова, к 15 января 1916 г. в Иркутске было беженцев 2 905 мужчин, 3 482 женщины, всего 6 387 человек.

«10 февраля открыт второй очаг для детей-сирот беженцев, помещение на 2-й Иерусалимской, № 29 (1-й на Кругобайкальской, № 19). В обоих очагах помещается до 40 детей круглых сирот или полу-сирот». К июню 1916 г. в Иркутске было открыто 10 школ для беженцев, количество учащихся в которых составило 397 человек.

«8 сентября. Приюты для сирот беженцев, бывшие в Глазково и по 2-й Иерусалимской улице, соединены в один и переведены на Якутскую ул., № 8. Призреваемые 55 детей от 3 до 14 лет обучаются делать игрушки из прессованной бумаги и почтовые конверты. Приют основан и существует благодаря инициативе полковника Н. А. Шестоперова».

Трудовой отдел (бюро труда) Иркутского комитета союза городов занимался трудоустройством безработных, семей лиц, призванных на войну, беженцев, имел мастерские (столярную, бондарную).

Заметнее всего мобилизация сказалась на сельском хозяйстве. К 1917 г. 40,8% крестьянских дворов не имели мужчин-работников. Все больше основную работу выполняли женщины и подростки. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев даже обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о разрешении использовать на полевых работах труд военнопленных, и такое разрешение было дано.

Вместе с тем в 1915–1916 гг. в аграрном секторе сложилась благоприятная конъюнктура. Хотя из губернии хлеб практически не вывозился, здесь были такие стабильные

рынки сбыта, как Черемховские копи и Ленские прииски, также увеличилось население в городах за счет беженцев и военных гарнизонов, выросли цены на сельскохозяйственную продукцию. Это привело к увеличению посевных площадей с 350 тыс. десятин в 1913 году до 410 тыс. десятин в 1916 году. Кроме того, 334 134 десятины находились под паром и залежью. При том, что губерния никогда не значилась в числе хлебородных и в сельскохозяйственном пользовании находилось менее 1% всей ее территории, недостаток хлебных продуктов в 1913 г. составлял всего полмиллиона пудов (в основном мука 1 сорта), однако в начале 1917 г. дефицит вырос до 6 млн пудов. Частично он покрывался путем привоза крупчатки из Харбина и Акмолинской губернии. В 1916 г. удалось получить неплохой урожай за счет увеличения запашки, однако выгодно сбыть продукцию большая часть крестьянских хозяйств не смогла из-за отдаленности губернии. Хлеб здесь для армии не закупался, самостоятельно же вывозить его не только за пределы губернии, но даже уезда и волости крестьяне не могли. Кроме того, в 1914 г. был издан закон о запрете на винокурение, для которого зерно являлось основным сырьем. Некоторые сельские общества ходатайствовали перед губернскими властями об оказании государственной помощи в организации перерабатывающих заведений на артельных началах, но поддержки не получили.

Недостаток рабочих рук, изъятие лошадей для военных нужд, уменьшение ввоза сельскохозяйственных машин и орудий труда привели к снижению урожайности. В 1914 г. с одной казенной десятины было собрано 68 пудов ржи, 76 пудов пшеницы, 71 пуд овса, 75 пудов ячменя, в 1917 г. соответственно – 37, 34, 45 и 44 пуда с десятины.

Первый год войны в иркутской деревне прошел спокойно, но к 1916 г. наметились тревожные признаки кризисной ситуации. Проявилось это не только в снижении урожайности, но и в недостатке рабочих рук и рабочего скота, отсутствии налаженной системы

Семья иркутян Решетниковых

сбыта продукции и нормального обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости, элементах социального противостояния внутри самой деревни.

Первый год войны был благоприятен для губернской торговли, так как у торговцев был еще значительный запас товаров, а сельское население еще обладало покупательской способностью. Торговцы учли будущий недостаток товаров и имеющуюся покупательскую способность людей, поэтому распродавали свой товар по высоким ценам. Однако в 1916 г. стал ощущаться острый недостаток продовольственной и промышленной продукции, сократился объем привозных товаров. В итоге к июню 1916 г. цены на основные виды товаров в среднем возросли на 84%. Это явилось благодатной почвой для спекулятивной торговли. Газета «Сибирь» писала, что «развернулась во всей своей неприглядности продовольственная разруха. Обильная и богатая Сибирь почувствовала острый недостаток в продуктах первой необходимости. Объявились и здесь «прелести» так называемого «расстройства транспорта»... Обыватель пытается увеличить число получаемых рублей.., хватается за лишнюю службу, за подсобные заработки, за сверхурочную работу. Но всего этого мало. Цены растут. Жить становится все труднее». Генерал-губернатор Л. М. Князев

Иркутск от железнодорожной станции

издал в мае 1915 г. специальное постановление о запрещении стачек предпринимателей, то есть соглашений о повышении цен, в том числе на продовольствие. Однако ни губернская администрация, ни Особое совещание по продовольствию и его региональные органы оказались не в состоянии справиться с этой проблемой. Именно эти факторы дали толчок к развитию массового кооперативного движения. Перед войной в губернии было всего 9 кооперативов, а в 1915–1916 гг. их организовалось 149 (41 – в Балаганском уезде, 43 – в Иркутском, 27 – в Нижнеудинском, 20 – в Верхоленском и 18 – в Киренском). Одновременно идет процесс их концентрации, создаются уездные и губернские потребительские союзы. Самым крупным было Иркутское товарищество кооперативов. Кооперация носила преимущественно крестьянский характер, только четыре кооператива находились в городах и один в железнодорожном поселке. Свою деятельность они сосредоточили на обеспечении населения продовольствием и промышленными товарами первой необходимости и регулировании цен на них. Со своей задачей кооперативы справились: удалось не допустить в губернии голода и развала сельскохозяйственного производства, сдержать рост цен. К 1917 г. потребительская кооперация практически вытеснила из деревни частную торговлю. При этом современники отмечали, что в годы войны у сельского населения появились деньги. Таким образом, несмотря на многие негативные явления, война привела к развитию рыночных отношений в сельскохозяйственном секторе губернии, крестьянское хозяйство все в большей мере становилось товарным.

Как известно, ведущими отраслями промышленности в крае были угледобыча, золотодобыча и обработка сельскохозяйственной продукции. Основным угледобывающим районом оставался Черемховский угольный бассейн, обеспечивающий углем губернский город, Забайкальскую и Томскую железные дороги. В 1914–1917 гг. добыча здесь возросла более чем в два раза – с 35 290 тыс. до 76 809 тыс. пудов в год, при этом максимальный прирост наблюдался в 1917 г., что было вызвано

Военнопленные

возросшим спросом на уголь железными дорогами и некоторыми предприятиями Урала. Железные дороги потребляли 78% добываемого угля, предприятия и население губернии – 10,5%, уральские предприятия – 9,5%, пароходства –2%. Увеличение добычи угля достигалось, в первую очередь, за счет разработки новых углесодержащих площадей и увеличения контингента рабочих. Но многие квалифицированные рабочие были призваны в армию, поэтому в 1915 г. было разрешено продлевать рабочий день, широко использовать труд женщин и подростков, а также с 1916 г. принудительно привлекать коренное население и, несмотря на противодействие военного ведомства, военнопленных, контрактованных китайцев и корейцев. Всего к началу 1917 г. на черемховских копях работали 5 592 чел., из них 296 «инородцев», 870 китайцев и 530 военнопленных.

Если первоначально привлечение к труду было сугубо добровольным и военнопленные, стараясь скрасить свой досуг, сами активно просились на работы, то позднее это стало обязанностью, а за отказ от работы предусматривался «арест на срок до 1 месяца, либо строгий арест до 20 дней, либо усиленный до 8 суток».

Достаточно широко труд военнопленных использовался в сельском хозяйстве. Согласно утвержденным 28 февраля (14 марта) 1915 г. правилам на эти работы направлялись военнопленные низших чинов «преимущественно не немецкого и не мадьярского происхождения». Однако столкнувшись с острым недостатком рабочей силы, особенно в европейской части России, было принято решение о привлечение к работам всех трудоспособных военнопленных, без различия их национальности.

В отличие от нижних чинов, офицеров к обязательному труду не привлекали, зато часть пленных офицеров могла подыскать себе в городах хорошо оплачиваемую работу. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т. д. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев.

Наиболее востребован был труд квалифицированных рабочих и ремесленников, так, в Заиркутном городке были найдены 3 колбасника (которые оказались в мастерской по произ-

Механические мастерские П. К.Щелкунова

водству колбасы и сосисок), требовались слесари, токари, сантехники и электрики. Такие специалисты были просто на вес золота и часто жили не в лагере, а у своего работодателя.

Использование труда военнопленных на территории округа широко практиковалось: в Забайкалье и Иркутской и Енисейской губерниях они работали на строительстве Амурской железной дороги, исправляли шоссейные дороги, добывали уголь, активно использовались в сельском хозяйстве, трудились на городском благоустройстве. За свою работу они получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие их труд, перечисляли часть денег в лагерь. Если раньше военнопленные содержались только в лагерях, то с течением времени режим содержания смягчился, и пленных переместили в своего рода «лагерные пункты», где они проживали вблизи предприятия.

Годы войны дали толчок развитию в губернии металлообработки, тем более что Иркутск выступал крупным центром в Восточно-Сибирском регионе, распределяющим военные заказы, которые, в свою очередь, стимулировали производство на местных заводах. За пять месяцев Иркутским военно-промышленным комитетом было получено шесть крупных военных заказов на изготовление снарядов, подков, гранат стоимостью 620 тыс. рублей. Они были размещены на казенных мастерских Байкальской переправы, на чугунно-литейном заводе наследников Ф. Ф. Кузнецова в Иркутске, в Черемхово. Также заказы получили объединенные механические мастерские Ф. И. Сапожникова и И. П. Яковлева. Заказчиком иркутских металлообрабатывающих предприятий, кроме самого государства, выступила и местная кожевенная промышленность, которой для успешного выполнения своих заказов нужны были новое оборудование и станки. Так, литейно-механические мастерские Иркутского промышленного училища стали специализироваться на выполнении данных работ. Крупным заказчиком металлических изделий была и железная дорога. Металлообработка в губернии производилась также на таких небольших предприятиях, как механические заводы П. К. Щелкунова и Московского акционерного общества, железнодо-

рожные мастерские. Однако производство на них было небольшим и носило вспомогательный характер.

В годы войны усилился процесс монополизации, особенно в горнодобывающей отрасли. В Черемховском районе действовал угольный синдикат, через контору которого осуществлялось более половины поставок угля казенным железным дорогам Восточной Сибири. Самым крупным монополистом было «Лензото», которое все больше втягивало в сферу своих интересов такие инфраструктурные отрасли, как железнодорожный и речной транспорт, торговля.

Процессом акционирования и монополизации была затронута и обрабатывающая промышленность, базирующаяся в основном на переработке сельскохозяйственного сырья. Так, в 1915 г. для успешной конкуренции с западносибирскими мукомолами в Иркутске было создано «Иркутское мукомольное товарищество на паях», а в сфере кожевенного производства – «Сибирско-монгольское торгово-промышленное акционерное общество».

В годы войны экономические позиции буржуазии значительно укрепились, возросла ее роль в хозяйственной жизни страны, и это позволило ей более настойчиво и целенаправленно заявлять о своих требованиях и отстаивать их. Иркутские предприниматели активно поддерживали сибирскую группу депутатов в IV Государственной думе в требованиях введения в Сибири земства, суда выборных присяжных, расширения прав местного самоуправления. Их политические симпатии, как правило, были на стороне кадетов.

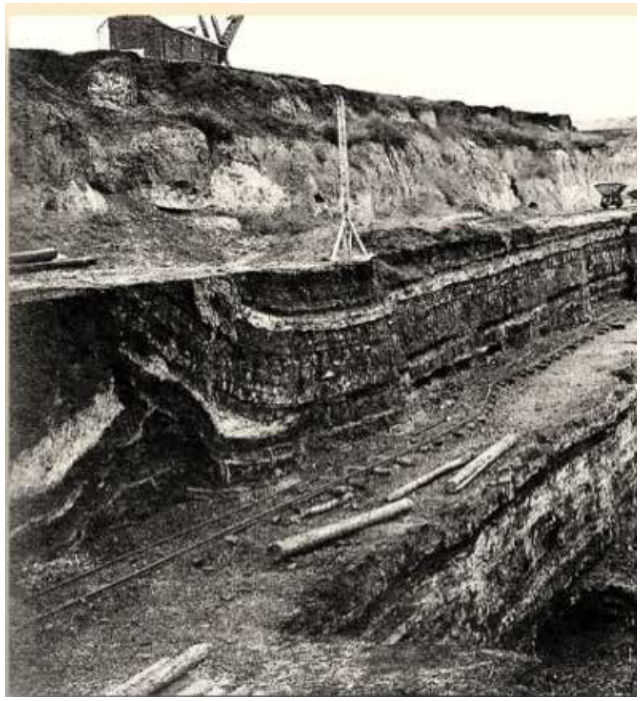
В Иркутске продолжал активно действовать восточносибирский отдел Общества для содействия русской промышленности и торговли. Общество добивалось льгот для акционерных компаний, явочного характера их учреждения, более широкого привлечения и использования иностранного капитала в Сибири, беспошлинного ввоза товаров в Иркутскую губернию северным путем, как из центральных районов России, так и из-за границы.

П. К. Щелкунов

Резкое повышение цен на все необходимые товары привело к значительному росту торговцев, выезжавших за товарами в Северный Китай. В 1915–1916 гг. «масса любителей легкой наживы, совершенно не занимавшихся раньше торговлей и не знакомых с таможенными формальностями, бросилась в Маньчжурию, откуда везла всевозможные товары… от пуговиц и гребенок до вязаных изделий, мануфактуры и прочее». А с 1917 г. через таможню пошли в основном обувь и продукты питания.

В мае 1915 г. в Петрограде состоялся IX съезд представителей промышленности и торговли, объявивший главной задачей мобилизацию всей промышленности для удовлетворения нужд обороны и с этой целью создавший военно-промышленные комитеты (ВПК). 27 августа император утвердил Положение о ВПК. Эти полуправительственные организации создавались на время войны на территории всей страны. В Положении об иркутском ВПК было записано, что его задачей является создание сильного экономического тыла, для чего комитет устраивает собственные склады, торговые, промышленные заведения. Основной заботой Иркутского ВПК было привлечение наиболь-

Экскаваторы на угольных разрезах

Магазин Щелкунова и Метелева

шего числа предприятий, в первую очередь кожевенных, овчинно-шубных, железоделательных, к выполнению заказов для армии. Именно по его инициативе было создано «Сибирско-монгольское акционерное общество», попытавшееся монополизировать скупку кож в Забайкалье и Монголии и обеспечить сырьем кожевенные заводы Иркутска, работающие на оборону. Причем многие кожезаводчики, в ожидании казенных заказов, решились даже на немалые расходы по техническому переоснащению своих предприятий и расширению производства. Такие изменения произошли на кожевенных предприятиях Торгового дома «Фукс и Ко», Товарищества «И. И. Гутман и сын», на новом заводе «Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества», что позволило в 2-3 раза увеличить объемы выпускаемой продукции. В целом, при всех положительных моментах, иркутский ВПК, как и другие сибирские комитеты, выполнить в полной мере свои задачи не смог. Наиболее крупные и выгодные заказы военных ведомств распределялись в центральных районах страны. Кроме того, в губернии не было своей металлургической базы, достаточного количества квалифицированных рабочих для создания, как это планировалось, собственных промышленных и торговых заведений. Осложняло дело и то, что губернская администрация с самого начала прохладно отнеслась к идее военно-промышленных комитетов, считая, что предприятия должны получать заказы непосредственно от военного ведомства.

Несмотря на то, что количество фабрично-заводских предприятий в Иркутске к 1917 г. увеличилось, абсолютное большинство из них носило ярко выраженный кустарный характер, имело незначительный денежный оборот и малую численность рабочих (в среднем по 5–10 человек). Большая часть населения города не была связана с промышленностью, а занималась торговлей, огородничеством и ремеслом. Тем не менее к 1917 г. Иркутск значительно увеличивает свой промышленный потенциал.

В первый год войны сократилось число забастовок в промышленных районах губернии. Однако к концу 1915 г. при снижении уровня реальной заработной платы резко возросли цены на товары первой необходимости, обострился кризис с топливом, продовольствием,

Иркутск 1917 г.

к этому добавились неутешительные вести с фронта. Все это сказывалось на настроении общества и с наибольшей остротой проявилось в рабочей среде.

В 1914 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 27 стачек с участием 2 946 рабочих и служащих, в 1915 г. – 22 стачки (5 641 чел.), в 1917 г. – 41 стачка, в которых приняли участие 11 186 человек, что составляло более половины всех учтенных рабочих выступлений в Сибири на этот период. Стачки носили, как правило, экономический характер, и в ряде случаев бастовавшим удалось частично добиться от администраций предприятий удовлетворения своих требований.

На рабочее движение оказывали влияние эсеры, анархисты, меньшевики и большевики. К концу 1916 г. в Иркутской губернии по примеру центра оформилась оппозиция официальным властям, представленная в партийном отношении кадетами, эсерами и социал-демократами. Еще в конце 1915 г. начальник иркутского губернского жандармского управления писал в своем отчете, что «отношение к высшим правительственным властям (центральным) повсюду неблагоприятное». При всей несхожести своих программ оппозиционные силы объединились в требованиях реорганизации власти, представлении местному управлению широких полномочий и допуска представителей общественности к решению первоочередных проблем.

В апреле 1916 г. в Иркутске состоялся первый областной съезд городов Восточной Сибири, который выдвинул следующие требования: введение земства «на основе широкого избирательного права, соответствующего демократическому составу Сибири»; реформа городового положения и расширение сферы компетенций городских управлений; устранение всех условий, тормозящих развитие и проявление общественной инициативы; сосредоточение всего продовольственного дела в руках общественных организаций, состоящих из представителей городских и земских союзов; предоставление таможенных льгот для провозимых через устья сибирских рек товаров.

В конце декабря 1916 г. иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц выехал в Петроград с докладом Совету Министров, в котором предлагались к немедленному разрешению четыре основных проблемы: транспортная – за счет проведения северной железнодорожной ветки Иркутск–Жигалово–Бодайбо; продовольственная – путем беспошлинного ввоза в губернию 1 млн пудов пшеницы для потребления населением; местного управления – введение земства, приравненного по своим правам, компетенции и обязанностям к уездному земству Европейской России, но с более широким избирательным правом, и, наконец, открытие в Иркутске университета.

Буквально накануне Февральской революции было принято решение об открытии в Иркутске университета с включением в него не только классических факультетов, но и факультетов технических (в том числе сельскохозяйственного). Открытие вуза было запланировано на 1919 г. и приурочивалось к юбилею восшествия на престол императора Николая.

Первая мировая война на первых порах оживила экономику края, вызвав взрыв патриотических чувств, но в дальнейшем породила и ряд новых проблем, которые к началу

Митинг на Тихвинской площади. 1917 г.

1917 г. приняли характер кризисных явлений. Это в свою очередь привело к активизации общественных сил и оформлению оппозиции, которая становилась все более влиятельной в противостоянии с официальной властью. Этот процесс происходил как под воздействием ситуации в стране в целом, так и местных обстоятельств.

К событиям декабря 1917 года в Иркутске и его окрестностях дислоцировались 9-й (в предместье Глазково, по некоторым данным – район дач за рощей «Звездочка»), 10-й, 11-й и 12-й (место дислокации – Петрушина гора) Сибирские стрелковые запасные полки (в каждом от 700 до 1 100 человек), роты 715-й Забайкальской, 716-й Иркутской и 718-й Астраханской (500 человек) пеших дружин государственного ополчения (дружины несли охранную службу), казачий дивизион (336 человек), Сибирский запасной артдивизион (2-я батарея дислоцировалась в предместье Лисиха), военное училище (264 человека), три школы прапорщиков (652 человека), другие части, учреждения и управления. В городе находился штаб военного округа (размещался на углу Медведниковской и Толкучей улиц), который охватывал Енисейскую и Иркутскую губернию, Забайкальскую и Якутскую области. Округ насчитывал 11 запасных полков, 12 дружин ополчения и ряд других частей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С Иркутском связанные судьбы

АВДЕЕВА Екатерина Алексеевна (урожд. Полевая; ноябрь 1789, Курск – 21 июня (или июля) 1865, г. Дерпт), первая сиб. писательница-мемуаристка, прозаик-очеркист, издатель рус. народных сказок, автор книг по домоводству. Из купеческой семьи. Сестра Н. А. и К. А. Полевых. Более 30 лет прожила в Иркутске, где отец, Алексей Евсеевич Полевой, занимался торговыми делами, в т. ч. в Сев.-Амер. компании. Впечатления, полученные в Сибири, в многочисленных поездках, легли в основу ее очерков. Первый труд – «Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен» (М., 1837), выпущенный с предисл. К. Полевого, вызвал большой интерес в России, был переведен на чешск., нем., англ. яз. Большой популярностью пользовались изданные ею «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьею Степановною Черепьевой» и первые в России поваренные книги, особенно «Ручная книга русской опытной хозяйки...» (СПб., 1842), многократно переизданная. Произведения Авдеевой, посвященные Сибири, отмеченные наблюдательностью, знанием патриарх. народного и купеческого быта, нравов, развлечений горожан, круга их интересов, сохранили значение для краеведения, этнографии, фольклора.

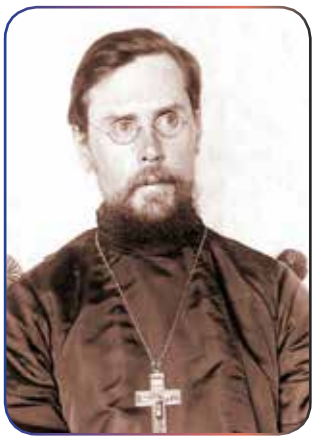
АГАФАНГЕЛ (Преображенский Александр Лаврентьевич) (27 сент. 1854, с. Мочилы Венёвского уезда Тульской губ. – 16 окт. 1928, Ярославль). Род. в семье протоиерея. С 4 дек. 1886 – инспектор Томской дух. сем., с 20 янв. 1888 ректор Иркутской дух. сем. с возведением в сан архимандрита. Снискал доверие и благорасположение как сослуживцев, так и воспитанников семинарии. 10 сент. 1889 был хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии, с 13 авг. 1910 – архиепископ Виленский и Литовский, с 22 дек. 1913 архиепископ Ярославский и Ростовский, с апр. 1917 – митрополит. Член Поместного Собора РПЦ 1917–1918, с 6 марта 1918 – член Высшего церковного совета при свт. Тихоне, Патриархе Московском. 12 мая 1922 свт. Патриарх, будучи в заточении, категорически отверг требования группы обновленцев о передаче им полномочий на церковное управление, вручив митрополиту Агафангелу грамоту на право замещения: «Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе Церковного управления до созыва Собора». Агафангел 5 июня 1922 издал Послание о своем вступлении во времен-

ное управление РПЦ, где призвал верующих хранить в чистоте устои Церкви и остерегаться тех, кто пытается незаконно узурпировать церковную власть. За свое сопротивление обновленцам в их попытке захватить церковную власть святитель немедленно подвергся аресту. В конце 1922, после заключения в нескольких тюрьмах, отправлен в трехлетнюю ссылку в поселок Колпашев Нарымского края Томска. По окончании ссылки с осени 1925 по весну 1926 находился в заключении в тюрьме Перми. Скончался в Ярославле, погребен в храме святителя Леонтия Ростовского. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ в августе 2000 г. для общецерковного почитания.

АЗАДОВСКИЙ Марк Константинович (18 дек. 1888, Иркутск – 24 ноября 1954, Ленинград), проф., выдающийся фольклорист, этнограф, литературовед, историк Сибири. Образование получил в Ирк. гимназии и на ист.-филол. ф-те С.-Петерб. ун-та, по предложению акад. А. А. Шахматова был оставлен там же в аспирантуре. В эти годы Азадовский совершает две поездки на Амур (1913, 1914) и по поручению АН и РГО – в верховья Лены (1915) для сбора материалов по фольклору и этнографии. С 1918 г. работал в Томск. ун-те, затем в Читин. ин-те народного образования, а с 1923 возглавлял кафедру в Ирк. гос. ун-те и вместе с тем ВСОРГО.

Именно в Иркутске Азадовский проявил себя не только блестящим ученым, но и талантливым организатором, сумевшим объединить силы научной общественности и специалистов-филологов, писателей, учителей, студентов для изучения фольклора и этнографии Вост.-Сиб. региона. Совм. с Г. С. Виноградовым он основал журнал «Сибирская живая старина», предпринял экспедиции в Тункинскую долину (1925 и 1927), где открыл блестящих сказочников (Сороковиков-Магай, Асламов, Пятницкий и др.), вел издат. работу. Вышли в свет «Беседы собирателя» (Иркутск, 1924), «Сказки Верхнеленского края» (Иркутск, 1925), вступительная статья к которым в 1926 издана в Хельсинки. Результатом работы Азадовского явилось не только открытие выдающихся мастеров устно-поэтического слова, а Сибири как подлинно поэтического края, но и окончательное развенчание мифа об угрюмой, лишенной худож. мироощущения природе сибиряка и вместе с тем утверждение диалектического единства индивидуального и общенародного в природе фольклорного творчества. В 1929 со вступительной статьей и под ред. Азадовского выходит книга его учеников «Сказки из разных мест Сибири». Его научная, организаторская и издательская деятельность превратила Иркутск в крупный центр фольклорно-этногр. исследований Вост.-Сиб. региона. Азадовский становится членом Центр. бюро краеведения при АН в Ленинграде, входит в состав гл. редколлегии «Сибирской советской энциклопедии» (1929–1937). Ему принадлежит ряд трудов, посвященных сиб. лит-ре, несколько сборников сиб. библиографии (Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX в., 1924 г., премирована серебряной медалью РГО). С 1930 Азадовский жил и работал в Ленинграде, где вместе с исследованиями и статьями, посвященными декабристам и Сибири, им был создан двухтомный труд «История русской фольклористики». В годы войны, находясь в эвакуации, Азадовский вновь преподавал и вел науч. работу в Ирк. гос. ун-те. После войны вернулся в Ленинград. Создал сектор фольклористики АН СССР и руководил им.

АНАТОЛИЙ (Каменский Алексей Васильевич)

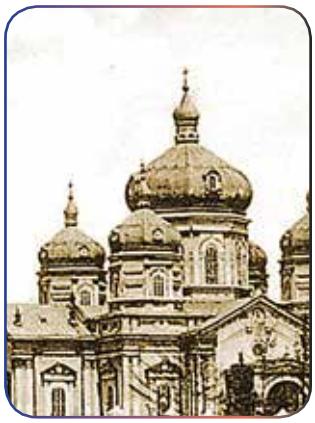
(3 окт. 1863, Самар. губ. – 20 сент. 1925), архиепископ. Род. в семье дьякона. Окончил Самарскую духовную семинарию (1888) и С.-Петербургскую Духовную академию (1895) со степенью кандидата богословия. После окончания духовной семинарии занимал при ней должность надзирателя, затем служил три года сельским священником. Овдовев, был пострижен в монахи и направлен миссионером в Северную Америку (Аляска, Миннеаполис). С 1903 – ректор Одесской духовной семинарии. В Одессе входил в руководящие органы всех монархических организаций. Член IV Государственной думы от Одессы. Почетный член Совета фракции правых (1912). Член правления Всероссийского Филаретовского общества народного образования (1913). Тов. председателя Главного совета Союза русского народа (1912–1914). Активный участник монархических съездов. В июле 1914 в связи с назначением на Томскую кафедру вышел из состава Главного совета Союза русского народа, а в ноябре того же года отказался от звания члена Гос. думы. Епископ Томский (1915–1920). В 1917–1918 активный участник Священного Собора РПЦ. В 1919 был одним из главных организаторов Дружин Святого Креста в белой армии адмирала А. В. Колчака. После разгрома колчаковской армии остался в России. Ирк. архиепископом назначен 12 июля 1920 г. В 1922 был арестован и приговорен к расстрелу, но приговор в исполнение приведен не был. После освобождения из заключения повторно назначен на управление епархией 24 июля 1924 (пробыл до августа того же года). Скончался в 1925 в алтаре храма во время церковной службы в Омске.

АНДРИЕВИЧ Владимир Константинович (Каллистратович)

(14 сент. 1838, Моздок – 1898, Очаков), ген.-майор, сиб. историк. Род. в семье городничего. В 1857 выпущен подпоручиком в 1-й гренадерский стрелковый батальон в Ярославле. Обучался в Академии Ген. штаба, затем служил в Финляндии, в Псковской, Витебской и Ковенской губ. В 1876 добровольцем уехал в Сербию, где участвовал в войне с турками в составе армии ген. Алимпиевича. В 1881 в чине ген.-майора был направлен в Читу начальником штаба войск Забайк. обл. В 1884 был назначен в Иркутск на должность губернского воинского начальника, в 1886 в этом же звании переведен в Красноярск. С авг. 1888 исполнял обязанности коменданта Очаковской крепости. В период службы в Забайкалье в связи с реорганизацией казачьих войск занялся их историей. Собранные материалы послужили основой для создания работ по истории Забайкалья. В Иркутске начал работу над самым крупным своим трудом – многотомным «Историческим очерком Сибири». Тома выходили в разных городах – Иркутске, Петербурге, Томске, Красноярске, Одессе. Сиб. историей Андриевич продолжал заниматься и в последние годы жизни. В Очакове им была завершена еще одна большая работа – «Сибирь в XIX в.».

Работы Андриевича основаны главным образом на материалах законодательных актов, их отличает компилятивность, отсутствие научной методики обработки источников. Это не исторические исследования, а, скорее, подборка официальных материалов по истории края. Тем не менее труды его заняли свое место в историографии Сибири как редкое собрание труднодоступных источников.

АНТОНИЙ (ПЛАТКОВСКИЙ Андрей Германович)

(1682, Киев – 15 июля 1746, г. Переславль-Залесский), архимандрит, настоятель Ирк. Вознесенского мужского монастыря, начальник второй духовной миссии в Пекине, один из первых рус. китаеведов. Род. в семье священнослужителя. В 1701–1710 обучался в киевской духовной школе. В 1712 г. пострижен в монахи и определен сначала в Богоявленский, затем в Законоспасский монастырь. С 1715 по 1720 был иеродиаконом в Тобольске, а затем в сане архимандрита назначен настоятелем Вознесенского мужского монастыря в Иркутске. В 1720 ездил в Монголию, затем в Пекин в составе посольства Л. В. Измайлова. На короткое время возвращается в Москву, а в 1724 вновь переводится в Ирк. Вознесенский монастырь. Здесь в 1725 он создает первое в Вост. Сибири учеб. заведение: школу монгольского языка, в которой готовились миссионерские кадры.

В 1728 назначается начальником второй духовной миссии в Китай. С 1729 по 1737 находился в Пекине, занимался делами миссии, переводческой деятельностью. Из-за конфликтов среди членов миссии и доносов, отправленных на него в Петербург, был в 1737 арестован и под стражей вывезен в столицу. После нескольких лет заключения в 1741 лишен сана и отослан простым монахом в Троицко-Сергиевскую лавру. Но уже через год становится казначеем монастыря. В 1744 г. Елизавета вернула ему сан архимандрита и назначила настоятелем Переславль-Залесского Данилова монастыря.

АНУЧИН Дмитрий Гарилович

(9 апр. 1833, с. Садовки Тамбовской губ. – 17 янв. 1900, С.-Петербург), сенатор, рус. гос. и воен. деятель, ген.-губернатор Вост. Сибири в 1879–1884гг. Воспитывался в Тамбовском и Павловском кадетских корпусах. В 1851 выпущен прапорщиком в лейб-гв. Егерский полк. После окончания воен. академии в 1855 состоял на службе по Ген. штабу, с 1895 выполнял обязанности правителя канцелярии. В 1862–1864 командовал войсковыми частями на Кавказе, с 1864 заведовал департаментом Управления ген.-полицеймейстера в Царстве Польском. В 1865–1879 выполнял обязанности рязанского губернатора. Одновременно в 1877 в чине ген.-лейт. был прикомандирован к действующей Дунайской армии, затем направлен на Берлинский конгресс в распоряжение ген. Горчакова.

6 дек. 1879 получил назначение на пост генерал-губернатора Вост. Сибири и командующего войсками Вост.-Сиб. воен. округа. В этой должности пробыл в Иркутске 5 лет. С 1 янв. 1885 получил назначение сенатором во 2-й департамент (по крестьянским делам) Сената. Получил известность как военный писатель и публицист. Его работы печатались как в спец. изданиях, так и в периодической печати. Несколько статей Анучина, посвященных истории восстания Пугачева, были опубликованы в журнале «Современник». Сотрудничал в «Военно-энциклопедическом лексиконе» и «Энциклопедическом словаре». При его участии и под его редакцией в Иркутске в 1884–1885 гг. было издано 8 т. «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири», посвященных главным образом переселенческому делу и освоению Приамурского края.

АФАНАСИЙ (Андрей Соколов) (1802 – 2 янв. 1868, Казань), архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский. Сын дьячка Костромской епархии, воспитанник 6-го класса С.-Петерб. духовной академии, ее бакалавр богословских наук, инспектор Псковской и с 1828 – ректор, последовательно, Харьковской, Черниговской, Тверской, С.-Петерб. семинарий. С 1825 – в монашестве, с 1826 – магистр. В сан епископа посвящен в 1840 (по другим данным, в епископа Томской епархии посвящен 25 июня 1841). Назначен в Иркутск 24 дек. 1853 с возведением в сан архиепископа. Прибыл 14 марта 1854. Управлял епархией по 3 нояб. 1856. Переведен в Казань. В 1866 уволен на покой в Казанский Кизичевский монастырь.

При нем освящена церковь во имя Евфимия Новгородского в кельях Знаменского монастыря и причислена к женскому духовному училищу, а также освящена Петропавловская церковь в с. Тугутуе.

АФАНАСЬЕВ Лукьян Васильевич (29.06.1869 – 1934). Генерал-майор, командир бригады Кавказской гренадерской дивизии. Православный. Уроженец с. Хогот Верхоленского уезда Иркутской губ. Образование: Иркутская военная прогимназия (1885), Иркутское пехотное юнкерское училище (1887), Восточный институт (1906). Служба: участник похода в Китай 1900–1901 и русско-японской войны.

В первую мировую войну – командир 27-го Сибирского стр. полка (16.01.1914–02.02.1916). Удостоен звания генерал-майора, командир бригады Кавказской гренад. дивизии (02.02.–29.11.1916). С 29.11.1916 – командующий 134-й пех. дивизией.

Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. (1901); Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1904); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904); Св. Станислава 2-й ст. (1905); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Анны 2-й ст. (1911); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1915).

Высочайшим приказом от 21 марта 1915 года удостоен Георгиевского оружия – «За то, что, прикрывая 23 сент. 1914 г. своим полком отход дивизии на позиции у д. Липовка 1-я линия, удержал указанные позиции в течение суток, несмотря на сильнейший артиллерийский огонь противника и отбил ряд ожесточенных атак превосходных сил противника. Когда из строя выбыли три командира батальона, полковник Афанасьев принял управление передовыми частями и собственным примером мужества и храбрости ободрял вверенных ему чинов».

Высочайшим приказом от 10 июня 1915 года награжден орденом св. Георгия 4-й степени – «За то, что в бою 5 ноября 1914 г. на перешейке между озерами Бувельно и Тиркло, лично управляя полком, атаковал укрепленную позицию немцев, имевшую важное тактическое значение, овладел ею, причем были захвачены 4 легких орудия, 1 мортира и 4 пулемета, а при дальнейшем наступлении полка еще 4 тяжелых орудия».

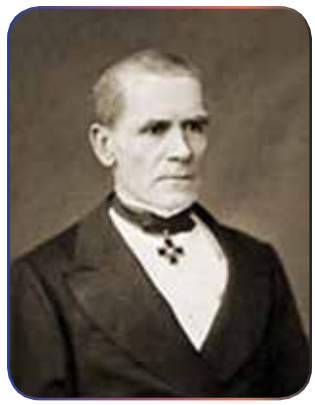

БАДМАЕВ Петр Александрович (Жамсаран) (? – 29 июля 1920, Петроград), бурят. Ученый, медик, теоретик и практик тибетской медицины. Род. в семье зажиточного бурята в Агинских степях. Его старший брат Сультим был

ламой-целителем, обучался тибетской медицине, неоднократно бывал в Иркутске, в 1853 избран в члены ВСОРГО. В 1857 приглашен в Петербург, где вскоре получил звание воен. медика. В том же году открыл аптеку тибетских лекарственных трав. Принял большое участие в судьбе брата Жамсарана (в православии – Петра Александровича, его крестным был император Александр III). Определил его в ирк. мужскую гимназию, которую тот окончил с золотой медалью. В 1871–1875 гг. Жамсаран обучался на вост. ф-те Петерб. университета, который также окончил с отличием по китайско-монголо-маньчжурскому разряду. Одновременно был вольнослушателем в Медико-хирург. академии. До 1893 служил в Азиатском департаменте Мин-ва иностр. дел, где получил чин действит. стат. советника. По служебным делам выезжал в Китай, Монголию, Тибет. Продолжал заниматься вост. медициной. После смерти брата к Бадмаеву перешла его аптека и мед. практика, он становится популярным и модным врачом, близко знакомится со многими представителями власти, науки, литературы и печати. В нач. XX в. входит в придворное окружение, лечит императорскую семью и двор.

Делом жизни его стала пропаганда тибетской врачебной науки в России. В 1898 г. вышел его перевод знаменитого трактата «Чжуд-ши». Бадмаев много делает для своего народа, выступает ходатаем перед правительством, создает в столице бурятскую школу с программой классической гимназии. Среди воспитанников ее был будущий хамба-лама Гобоев – глава буддийской общины в СССР и на всем буддийском Востоке. На вост. ф-те Бадмаевым были учреждены две стипендии для инородцев. Среди стипендиатов был талантливый бурят – ученый и путешественник Г. Цыбиков. При содействии Бадмаева были открыты две мед. школы для бурят и одна для калмыков.

После Февр. революции был арестован, вместе с другими царскими приближенными сидел в Свеаборгской крепости, неоднократно арестовывался и советской властью. В короткие промежутки между арестами продолжал заниматься восточной медициной.

БАЗАНОВ Иван Иванович (ок. 1813 – 30 июня 1883, Иркутск), золотопромышленник, действит. стат. коллежский советник, меценат.

Именно Иван Иванович Базанов-младший сумел высоко поднять славу своей фамилии, стать одним из крупнейших золотопромышленников Вост. Сибири, обладателем огромного состояния. Состоя в одном капитале сначала при матери, затем совместно с братьями, а впоследствии со старшим братом Фомой, он к 1850-м прошел путь от купеческого сына 3-й гильдии города Перми, купеческого брата 2-й гильдии (1837–1841) до купеческого брата 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина (1851). В конце 1850-х он значился уже самостоятельным ирк. купцом 2-й гильдии, хотя еще в середине 1830-х вел торговлю в Иркутске. Согласно данным Л. А. Солопий, в 1840–1860-х Иван Иванович и Фома Иванович Базановы активно действовали в Кяхте, занимаясь чайной торговлей. В 1861 Базанов значился купцом г. Тары.

Получив в 1857 право на разработку золотых приисков, он уже в начале 1860-х становится компаньоном Сибирякова, Трапезникова и Немчинова в рамках созданного ими Желтуктинского золотопромышленного товарищества. Ликвидировав в начале 1864 г. свои дела, товарищество возрождается, расширяясь, под названием Прибрежно-Витимского, а чуть позже (29 ноября 1865) – «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири». К концу XIX в. предприятие владело 177 отводами, добывая в среднем в год (за 1865–1899) 275 пудов золота и получая колос-

сальные прибыли. Принадлежала золотопромышленникам и Бодайбинская ж. д.

Определенная часть капиталов Базанова была вложена в пароходство. В 1864 им совместно с М. А. Сибиряковым, Я. А. Немчиновым и И. Н. Трапезниковым была организована крупнейшая в системе Лены «Компания Ленско-Витимского пароходства», владевшая в 1875 г. тремя пароходами общей мощностью 220 л. с. Спустя 15 лет товарищество имело пять пароходов общей мощностью 360 л. с. Под конец жизни Базанов являлся также членом Кяхтинского пароходного товарищества. Ведущее место в торговых операциях принадлежало торговле чаем и другим иностранным товарам, поставляемым из Китая. В Китай же отправлялись товары, закупленные на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. «За особые заслуги по коммерческим делам и значительные торговые обороты» в 1871 Базанов был всемилостивейше награжден званием коммерции советника.

Значительные доходы приносила ему торговля на Ленских приисках. Отсутствие конкурентов и отдаленность территории от торговых точек создавали благоприятные условия для неоправданного повышения цен. Спекуляция, нерациональная, неэкономично поставленная работа не раз приводили к массовым беспорядкам на его приисках (в 1882 г. в них приняло участие около 1 500 человек).

Вскоре к статьям дохода прибавилась еще одна. Взяв в 1876 г. в аренду Иркутский солеваренный завод, Базанов выгодно сбывал его продукцию через сеть городских лавок. В 1882 г. продажа соли в них была доведена до 70 000 руб. Не обойден был первогильдейским купцом и винный промысел: с 1881 он стал пайщиком Вознесенского винокуренного завода, принадлежавшего «Товариществу Осокина и К°». Заметную роль в увеличении капиталов предпринимателя играло занятие ростовщичеством. Беря высокие проценты (12–18), он добился разорения не одной мелкой фирмы, «способствовал» и окончательному падению фирмы братьев Бутиных, приняв в 1882 г. участие в администрации по ее делам. По данным газеты «Восточное обозрение», в начале 1880-х состояние Базанова оценивалось в 15 млн руб.

В 1870 – начале 1880-х фамилия именитого купца встречается в списках многих благотворительных обществ. В разные годы он значился совещательным членом комитета управления театром, членом общества подачи помощи при кораблекрушениях, директором Комитета попечительского общества о тюрьмах, старостой соборной церкви, членом благотворительного общества, почетным членом Иркутского пожарного общества, пожертвовав 3 000 руб. на его развитие (1881). Наиболее крупные пожертвования были им сделаны в 1870-е. Так, после очередного пожара, уничтожившего деревянное здание иркутского театра (1873), новые постройки были возведены на средства (85 000 руб.) золотопромышленников И. И. Базанова, Я. А. Немчинова и М. А. Сибирякова. В течение 1870–1871 Базановым было пожертвовано 20 000 руб. на строительство миссионерского храма во 2-м Идинском ведомстве, а также на устройство богадельни при Посольском монастыре; позже, в 1880-м, даны средства на строительство Никольской церкви в Благовещенске, в 1881 – на строительство трехъярусной колокольни над Святыми воротами Вознесенского мужского монастыря. В докладе министру внутренних дел ген.-губернатор Н. П. Синельников писал: «…Базанов во время моего управления краем пожертвовал на устройство Учительской семинарии, которая уже устроена, 25 000 руб.; Технического училища, Детского сада и Воспитательного дома – 60 000 руб.; на постройку театра – до 20 000 руб., и на вышеозначенные совершенно необходимые надобности…», также пожертвовал 10 000 руб. на устройство больницы и 10 000 руб. на исправление ветхих строений беднейших жителей города. Строго говоря, идея постройки этих важных для города учреждений принадлежала не Базанову. Судя по архивным документам, назначение 85 000 руб., пожертвованных купцом в распоря-

жение ген.-губернатора, администрация губернии определяла сама. Желая увековечить свое имя, Базанов просил лишь присвоить воспитательному дому наименование Базановского, на что и получил разрешение в январе 1873 г. Крупное пожертвование было сделано в 1879 г. – 50 000 руб. в помощь погорельцам города, в 1881-м вместе с компаньонами им открыто несколько школ на приисках.

За обширную благотворительную деятельность Базанов был награжден орденами Св. Анны III и II степеней (1870 и 1872), Св. Станислава I степени (1882), в 1873 он получил высочайшую благодарность, с 1880 являлся действит. статским советником. На поприще благотворительности была известна и его супруга – Матрена Михайловна (? – 2 (или 4) марта 1877). В 1876 за свою филантропическую деятельность она была удостоена благословения Св. Синода.

В 1872 г. 5-я Солдатская ул. была переименована в Базановскую (ныне – ул. Богдана Хмельницкого), правда название не прижилось.

БАЗАНОВА (урожд. Лявдонская) Юлия Ивановна (1852 – 1924, Москва), невестка богатейшего ирк. купца 1-й гильдии, золотопромышленника и пароходовладельца И. И. Базанова, состояние которого оценивалось в 15 млн руб., благотворительница, почетный гражданин Иркутска.

Юлия Ивановна родилась в Сибири в семье бедного офицера Лявдонского. Воспитывалась дедушкой, потому что родители рано умерли, а после окончания Девичьего института вышла замуж за Петра Ивановича Базанова, сына местного купца и золотопромышленника, действительного статского советника И. И. Базанова (1813–1883), славившегося своей благотворительностью. Муж Базановой умер рано, оставив большое наследство, и они с дочерью Варварой жили «под покровительством семьи мужа». В 1892 г. Базанова становится единственной обладательницей основной части капитала семьи Базановых, большая часть которой была потрачена ею на благотворительность. С именем Ю. И. Базановой связана история многих заведений и организаций Иркутска. Среди них приют для арестантских детей, детский сад, Базановский воспитательный дом, учительская семинария, детская Ивано-Матренинская больница, бактериологическая станция в Иркутске и др. Об Ивано-Матренинской больнице современники писали: «… таких больниц, как только что освященная Ивано-Матренинская больница, мало даже в Европе. Лица, видевшие берлинскую больницу и больницу св. Ольги в Москве, находят, что иркутская во многих отношениях имеет преимущества перед ними». Особой заботой с со стороны Юлии Ивановны пользовался Базановский приют. Он принимал самых маленьких: новорожденных и грудных детей. Подобного ему не было во всей Восточной Сибири. Только в 1877, через три года после открытия, в него было принято 115 мальчиков и 138 девочек, а с середины 1880-х – до тысячи подкидышей.

В начале 1890-х вместе с дочерью она переехала на постоянное место жительства в Москву. Но и после этого живо откликалась на нужды иркутян. Самым значительным благотворительным актом в Москве стало сооружение клиник болезней уха, носа и горла для Московского ун-та на Девичьем поле. Они были открыты в 1896 г. Моск. гор. дума приняла решение присвоить новой клинике имя Ю. И. Базановой. По инициативе Совета Моск. ун-та в аудитории клиники был установлен мраморный бюст ее основательницы, заказанный скульптору Р. Р. Баху. Император Николай II выразил ей Высочайшую благодарность и подарил портрет с собственноручной подписью. Помимо этого в 1897 она была удостоена золотой медали на Анненской ленте «За усер-

дие». Кроме постройки клиники Базанова оборудовала столовую для студентов и курсисток на Б. Царицынской улице в доме Кисляковой, участвовала в сооружении психиатрической больницы им. Н. А. Алексеева. По личной просьбе Л. Н. Толстого оказала содействие в переезде за океан кавказских духоборов.

О благотворительности Базановой вспоминал редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов: «Она раздала все свои миллионы, и у нее осталось всего 300 000 руб., из процентов с которых она и отдавала добрую половину на общественные дела. Всегда в темном платье, довольно высокая, стройная, затянутая и хорошо сохранившаяся, Юлия Ивановна, которой так многим была обязана Москва, Сибирь, университет и сибирское общество, держала себя скромно, даже застенчиво и не любила, когда у нее целовали руку». За значительные пожертвования в социальную и культурную жизнь города в 1909 г. Базановой было присвоено звание «Почетный гражданин Иркутска». Ее портрет украшал зал заседаний Ирк. гор. думы. Похоронена на Введенском кладбище.

БАНЗАРОВ Доржи

(ок. 1822, Кутетуев-Джидинский р-н Забайкальской обл., ныне Джидинский р-н Бурятии – 1855, Иркутск), изв. монголист XIX в., знаток истории и этнографии народов Центр. Азии. Род. в семье бурятского казака. Начальное образование получил в Троицкосавской войсковой русско-монг. школе. Монгольский язык и историю Монголии изучал в Казанском ун-те (1842–1846) на восточном факультете. Банзаров как ученый сформировался под влиянием востоковедов и монголоведов О. М. Ковалевского, А. А. Бобровникова, И. Н. Березина, Г. Гомбоева, В. В. Григорьева, П. С. Савельева, а также передовых представителей рус. обществ. мысли В. Г. Белинского, А. И. Герцена. После окончания ун-та в 1846г. подготовил канд. диссертацию «Черная вера, или Шаманство монголов», написанную на основе глубокого изучения монгольских рукописей, китайских источников и материалов русских и западноевропейских путешественников. Это основной труд ученого, в нем дан анализ шаманизма – идеолого-философской системы монгольского общества в период родового строя и феодализма. По мнению Банзарова, шаманизм – простейшая форма верования, появившаяся самостоятельно у монгольских народов, а не заимствованная у других народов Азии. В 1846 г. Банзаров опубликовал научно-популярную статью «Белый месяц. Празднование Нового года у монголов» («Казанские губ. ведомости»), в которой обосновывает мысль о народном происхождении и характере этого праздника. В 1847–1848 гг. Банзаров занимался научными исследованиями в Азиатском музее в Петербурге. В 1849 опубликовал статьи «О происхождении имени Монгол», «Об ойратах и уйгурах», «О происхождении имени Чингис», «О названии Эрдэнэ-хот». В 1850–1855 служил чиновником при ген.-губернаторе в Иркутске, занимался научными исследованиями. Короткая жизнь не позволила в полной мере раскрыться его таланту. Научное наследие его составляет 15 изданных работ и 3 рукописи.

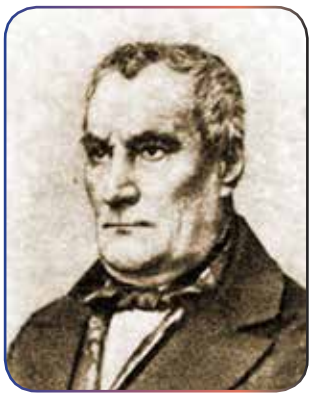
БАРАНОВ Александр Андреевич

(1746, г. Каргополь Олонецкой губ. – 16 апр. 1819, Зондский пролив), сподвижник Г. И. Шелихова, первый гл. правитель рус. поселений в Америке (1790–1818). Род. в посадской семье. В 15 лет покинул семью и попытался заняться своим делом в Москве. Со временем записался в купечество, производил торги в

Москве и Петербурге, специализировался на торговле сибирскими мехами. В 1780 г. появляется в Иркутске. Здесь он сначала управлял стекольным заводом и пивоварней купцов В. И. Ситникова и А. Е. Полевого, занимался казенными подрядами и поставками. В 1784 г. в компании с ученым-натуралистом Э. Г. Лаксманом устроил собственную стекольную фабрику на р. Тальцинке. Вскоре был открыт еще один завод, водочный. С 1787 состоял членом Вольного экономического общества К концу 1780-х его преследуют финансовые неудачи, и в 1790 он принимает предложение Шелихова возглавить русские поселения в Америке. Почти 30 лет он занимается основанием, заселением и развитием Русской Америки, осваивает и обустраивает Уналашку, Кадьяк, Ситху и др. острова, строит столицу Русской Америки – г. Ново-Архангельск. Под его руководством значительно возрастают объемы промысловой деятельности Росс.-Амер. компании, развивается тихоокеанская торговля. Деятельность Баранова на посту главного правителя получает высокую оценку правительства. Ему присваивают звание коммерции советника, награждают орденами. Много внимания Баранов уделяет развитию в колониях просвещения, строит церкви и школы, способствует изучению края. Неоднократно просил о замене, но только в январе 1818 г. прибыл новый правитель. Сдача дел заняла почти полгода, лишь в ноябре Баранов отправился на родину. В пути он заболел и скончался. Тело его было опущено в воды Индийского океана.

БАСНИН Василий Николаевич (1799, Иркутск – 29 янв. 1876, Москва), купец-меценат, собиратель книг и гравюр, много сделавший для развития культуры Иркутска. Принадлежал к старейшей купеческой династии. Систематического образования не получил. В юношеском возрасте был отдан на выучку своему дяде Д. Т. Баснину, торговавшему в Кяхте, с этого времени постепенно приобщался к коммерческим делам. С детства отличался стремлением к самообразованию, любовью к книге. В начале 1840-х возглавил торговую фирму Баснинных. Значительную часть капитала направлял на благотворительные дела, благоустройство города, пополнение своей библиотеки и картинной галереи. Другой его страстью было садоводство. При своем доме он устроил оранжерею, в которой выращивал цветы, экзотические фрукты и овощи, разбил виноградник. Библиотека Баснина была открыта для всех. Постепенно его дом становился заметным очагом культуры. Здесь собирались представители иркутского общества, устраивались музыкально-вокальные вечера. Неоднократно бывали в его доме декабристы, жившие на поселении в Иркутске и окрестных селах: С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, В. Ф. Раевский, А. П. Юшневский и др. Бснин оказывал им различную помощь. Он был не чужд литературной. Деятельности: его перу принадлежит ряд исторических очерков, опубликованных в периодической печати. Ревностно относился он к своим гражданским обязанностям: выполнял ряд общественных служб, а в 1850–1854 гг. избирался городским головой Иркутска. В 1854 переехал на жительство в Москву. Дом его со всеми постройками и оранжереей приобрел иркутский купец М. В. Михеев, позднее устроивший в нем бесплатную лечебницу для неимущих граждан. А богатейшая библиотека, насчитывавшая несколько тыс. томов, была подарена духовной семинарии. После революции она была передана в Научную библиотеку Ирк. ун-та, где стала основой ее редкого фонда. Уникальную коллекцию древних гравюр, изображавших города России и Сибири, Баснин передал Румянцевскому музею (ныне Росс. гос. б-ка).

БАТЕНЬКОВ Гавриил Степанович (25 марта 1793, Тобольск – 29 окт. 1863, Калуга), подполковник корпуса инженеров путей сообщения, декабрист. Из дворян Тобольской губ. Образование получил в Тобольской гимназии и втором кадетском корпусе. С 1812 на военной службе. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Награжден орденом Владимира IV ст. В 1816 уволен со службы и после соответствующего экзамена определен инженером 3-го класса по корпусу инженеров путей сообщения. С апреля 1817 занимался работами по устройству г. Томска.

В мае 1819 г. прибывший для ревизии Сибири М. М. Сперанский пригласил Батенькова в поездку для «обозрения вост. края», оставив его в дальнейшем при себе как человека умного и деятельного. Два года Батеньков провел в Иркутске. В январе 1820 г. он предложил проект устройства набережной р. Ангары, в 1824 проект был осуществлен. Но главное дело, которым занимался Батеньков при Сперанском, – участие в разработке законов и уставов по управлению краем. В 1821 он был переведен в Петербург в Особый Сибирский комитет. С 1823 – член совета воен. поселений при А. А. Аракчееве. Близкое знакомство с братьями Бестужевыми, К. Ф. Рылеевым привело Батенькова в ноябре 1825 г. в Северное общество, где он примкнул к демократическому крылу. Намечался кандидатом в члены Временного правительства. Арестован 28 дек. 1825. Осужден по III разряду на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Свартгольме и Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где провел более 18 лет. Здесь им были написаны «Записки». В 1846 отправлен на поселение в Томск, где занимался научной работой. Кроме того, он часто получал заказы на проектирование дач и особняков. После амнистии (1856) вернулся в Европейскую Россию и поселился в с. Петрищеве Тульской губ. Осенью 1857 переехал в Калугу, где и умер. Похоронен в с. Петрищеве.

БЕЙТОН Афанасий Иванович (? – 1701, Иркутск), дворянин Моск. списка, ирк. казачий голова (до 1701). В 1684 – на службе в Енисейске, возглавлял отряд казаков, направленный в Забайкалье. Летом 1685 под руководством воеводы Толбузина участвовал в походе для освобождения Албазинского острога. В 1685–1686 командовал самостоятельными отрядами, производил разведку на Амуре и прикрывал постройку нового Албазинского острога. С 1686 – участник обороны Албазина от 10-тысячного китайского отряда. После гибели в сентябре того же года воеводы Толбузина возглавлял осажденный гарнизон. Совершив ряд неудачных попыток взять город штурмом, китайцы пытались склонить русских к добровольной сдаче. Казаки и крестьяне, несмотря на голод и цингу, до апреля 1687г. удерживали острог. К моменту снятия осады из 700 человек гарнизона осталось 66, причем сам Бейтон, по летописному сообщению, из-за голода и болезней мог передвигаться только на костылях. По заключенному в августе 1689 г. Нерчинскому договору укрепления были срыты, а отряд выведен Бейтоном в Нерчинск (1690). На службе в Иркутске – не позднее, чем с мая 1696 г., когда Бейтон, судя по официальным документам, участвовал в подавлении бунта забайкальских казаков и стрельцов против иркутского воеводы А. Савелова.

БЕЛОГОЛОВЫЙ
Николай Андреевич

(17 окт. 1834, Иркутск – 18 сент. 1895, Москва), врач, публицист и литератор. Род. в старинной купеческой семье. Первыми учителями были ссыльные декабристы П. И. Борисов, П. А. Муханов, А. В. Поджио, А. П. Юшневский. Среднее образование завершил в моск. частном пансионе Эннеса, затем окончил мед. ф-т Моск. ун-та. В 1855 становится гор. врачом в Иркутске. Вместе с братом Андреем объединил передовую молодежь города в «Общество зеленых полей», поддерживавшее связь с оставшимися еще в Сибири декабристами и петрашевцами. В 1860-е ОЗП предприняло издание газеты «Амур», редактором которой стал активный участник общества М. В. Загоскин. Одновременно Белоголовый публикует статьи, разоблачающие произвол сиб. администрации на страницах герценовского «Колокола» и «Полярной Звезды». В 1862 защищает докторскую диссертацию и переезжает в Москву, где становится лечащим врачом и другом многих сотрудников журнала «Отечественные записки», в т. ч. Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, поддерживает дружеские отношения с И. С. Тургеневым, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Г. А. Лопатиным, близким ему со студенческих лет С. П. Боткиным.

С 1881 переселяется за границу и становится гл. редактором газеты «Общее дело» (Женева), ставившей задачу борьбы «с самодержавием посредством обнаружения во всей наготе его отживших форм и порядков». Находясь за рубежом, Белоголовый не теряет связи с кругом авторов «Отечественных записок». Салтыков-Щедрин признается, что любит его «больше, чем кого-либо из друзей». Современники считали Белоголового одним из лучших терапевтов своего времени. Лишь через полтора десятилетия вернулся он на родину. В литературном наследии его – воспоминания о декабристах, Н. А. Некрасове, М. Е. Салтыкове-Щедрине и А. И. Герцене, очерки и статьи об Иркутске и Сибири.

БЕЛОГОЛОВЫЙ
Сила Васильевич

(17.01.1885, Иркутск – 1946, Харбин), полный георгиевский кавалер, представитель знаменитой иркутской купеческой династии Белоголовых. У Василия Белоголового, третьего сына А. А. Белоголового, было пять дочерей и пять сыновей. Сила, Петр, Андрей, Павел, Дмитрий были офицерами царской, а затем колчаковской армии. Старший и самый известный Сила Васильевич Белоголовый окончил гимназию, поступил в горный институт, добровольцем отправился на Русско-японскую войну, где служил санитаром. В Первой мировой войне воевал в конно-охотничьей команде 7-й Сибирской дивизии, к февралю 1915 награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней, медалью «За храбрость» и произведен в прапорщики.

Вот что сообщала газета «Иркутская жизнь» 28 октября 1914 г.: «На днях в «Иркутской жизни» сообщалось об охотнике восточно-сибирского полка Силе Васильевиче Белоголовом, за боевые отличия получившем два Георгиевских креста и представленном к производству в прапорщики запаса. Теперь с театра военных действий одним из местных офицеров получено сообщение, что названный С. В. Б. получил уже все четыре степени ордена Св. Георгия. Последний орден г. Б-вый заслужил тем, что, когда в пылу сражения необходимо было передать из части войск в другую сообщение чрезвычайной важности и сделать это выпало на его долю, помчался на лошади по назначению, был атакован несколь-

кими неприятельскими солдатами, отбился от них, опрокинул их и блестяще выполнил поручение.

Письмо о подвигах г. Б. прочтено частям иркутских войск. В текущую войну г. Белоголовый является первым сибиряком, получившим все степени Св. Георгия и вторым – по всей России».

За Гражданскую войну дослужился до штабс-капитана, в 1922 эмигрировал в Китай, до 1932 работал на КВЖД, умер в 1946 в Харбине.

БЕЛОГОЛОВЫЙ Андрей Васильевич (1895 – 1977, Сан-Франциско). Уроженец Иркутска, из семьи известных иркутских купцов. Православный. Участник Первой мировой войны. Поручик, штабс-капитан 260 пехотного Брацлавского полка. Награжден георгиевским оружием: «28, 29 и 30 марта 1915 г. у села Козиово временно командуя 1 батальоном поручик Белоголовый занимал важный боевой участок у моста на шоссе при выходе в вышеозначенную деревню, находясь с батальоном в общей боевой линии, не смотря на настойчивые и повторные атаки превосходных сил противника, поддержанные сильным артиллерийским огнем, сумел благодаря своей храбрости и распорядительности удержать занимаемую им позицию. В случае отхода батальона с участка поручика Белоголового противник мог распространиться в тыл Брацлавского полка и частей 1 Финляндской стрелковой дивизии».

В августе–октябре 1919 в чине капитана командовал отрядом из 16 офицеров, 488 солдат и 61 казака, отправленных 21 августа на пароходе «Бурят» с баржой из Иркутска в район Братска против красных партизан. После Гражданской войны эмигрировал в Корею, затем в США. Умер 16 марта 1977 г. в Сан-Франциско.

Не менее интересна и судьба их ближайшего родственника – Андрея Андреевича Белоголового. Андрей Андреевич как старший сын унаследовал дело отца, в 1860–1861 заведовал иркутской конторой Амурской компании. Но большую известность приобрел на общественном поприще. Был попечителем Сиропитательного дома Е. Медведниковой, членом губернского статистического комитета. В 1857–1864 был одним из руководителей полулегального кружка либеральной молодежи – «Общества зеленых полей», одним из инициаторов и издателей первой частной газеты в Сибири – «Амур», автором статей в сибирских и центральных газетах. С 1867 жил в Китае, в Тяньцзине, управлял делами русских фирм. Его сын Александр выбрал для себя нетипичную карьеру и стал военным моряком.

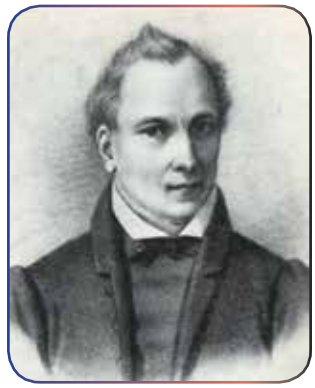

БЕЛОГОЛОВЫЙ Александр Андреевич (18.05.1862 – 1927, Лион). После окончания Морского корпуса и Офицерской минной школы старший офицер минного крейсера «Абрек» (1899–1901), командир транспорта «Самоед» (1902–1905), учебного судна «Днестр» (1905–1907), 31-го флотского экипажа (1907–1908) и линейного корабля «Евстафий» (1907–1909), линейного корабля «Георгий Победоносец» (1909–1910). Председатель Комиссии для приемных испытаний вновь построенных и ремонтирующихся судов (1913–1914), Комиссии для испытания судов военного флота (1914–1915).

Получил звание контр-адмирала. Сохранилось свидетельство об участии А. А. Белоголового в испытаниях новых судов российского флота: «На той же Лукулльской мерной миле в 1915 г. под председательством контр-

адмирала Белоголового работала комиссия по производству приемных испытаний шести миноносцев типа «Быстрый» (водоизмещение 1 350 т, машина в 30 000 л. с. н., ход 35 узлов). В числе контрактных испытаний было оговорено 10-часовое испытание при скорости в 30 узлов, что требовало мощности около 0,8 от полной. Не зная об испытаниях «Кагула» или не придавая им значения, контр-адмирал Белоголовый хотел добиться требуемого хода 30 узлов и на глубине около 20 м. Однако, хотя машина развила мощность не в 20 000, а в 30 000 сил и даже больше, ход оставался равным 29 узлам и дальше не возрастал. За кормой бежала громадная волна, и, если бы не протест представителя завода (с записью в акт испытаний и в вахтенный журнал), котлы были бы сожжены и произошел бы массовый разрыв котельных трубок, причем пострадали бы кочегары, подобно тому, как в 1888 г. от другой причины на броненосце «Синоп» были обварены насмерть 29 кочегаров и матросов».

В годы Первой мировой войны Белоголовый командует обороной Моонзунда: «Зимой 1915 года положение ухудшилось тем, что 1-й полк морской бригады ушел в Гаисаль для «развертывания», 2-й и 3-й полки еще не были полностью укомплектованы. В результате осложнилась охрана береговой линии острова Эзель, так как замерз Рижский залив. Начальник Моонзундской позиции контр-адмирал Белоголовый, видимо, находясь под впечатлением летних атак германского флота, считал, что немцы смогут по льду перейти с материка, минуя полуостров Сворбе, прямо к Аренсбургу. Белоголовый просил Герасимова направить в Ирбенский пролив ледоколы, но опасения начальника Моонзундской позиции были напрасны. Путь от мыса Домеснес до Аренсбурга длиной 58 км по льду могли совершить только русские солдаты». После конфликта, связанного со стратегией обороны Моонзунда, Александр Белоголовый был перемещен на должность командира С.-Петербургского порта. Не принял Октябрьскую революцию и участвовал в гражданской войне в Вооруженных силах Юга России. Был эвакуирован в Турцию, к лету 1921 оказался в Константинополе, на 1 января 1922 г. был членом правления Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции во Франции в 1926 г. – член парижской кают-компании. Умер в 1927 в Лионе

БЕСТУЖЕВ Николай Александрович

(13 апреля 1791, С.-Петербург – 15 мая 1855, с. Селенгинск Верхнеудинского уезда Ирк. губ.), капитан-лейтенант флота, историк, писатель, художник, декабрист. Некоторое время учился в Академии художеств, а в 1802 был определен в Морской кадетский корпус, который окончил в 1809 г. Совершил несколько плаваний по Балтийскому морю, в Голландию и во Францию. С 1822 прикомандирован к Адмиралтейскому депо для написания истории русского флота, в июле 1825 назначен директором Адмиралтейского музея. Награжден орденом Владимира IV ст. Одновременно сотрудничал в журналах «Сын отечества», «Полярная звезда» и др. В 1824 вступил в Северное общество, входил в его Верховную думу. В дни подготовки восстания в Петербурге был ближайшим помощником К. Ф. Рылеева. Вывел на Сенатскую площадь гвардейский экипаж. После восстания пытался скрыться. Арестован 16.12.1825 под Кронштадтом. По II разряду приговорен к вечной каторге, сокращенной по конфирмации до 20 лет.

Наказание отбывал в Шлиссельбурге, Чите и Петровском Заводе. Здесь Бестужев создал галерею портретов своих товарищей по заключению. В «каторжной академии» прочел курс истории русского флота. Организовал мастерскую и обучал декабристов ремеслам. В 1839 г. вместе с братом Михаилом и К. П. Торсоном обращен на поселение в с. Селен-

гинск Верхнеудинского уезда Ирк. губ. Сюда к братьям позже приехали три сестры. Занимались хлебопашеством и овцеводством, ремеслами, открыли школу для русских и бурятских детей. Большое внимание Бестужев уделял изучению быта и нравов местного населения, природных условий края (статьи «О бурятском хозяйстве», «Гусиное озеро»), экономического и политического положения страны («О свободе торговли и вообще промышленности»). Поскольку занятия не могли дать достаточных средств, Бестужев вынужден был надолго отлучаться из дома для написания портретов. Гражданская жена – бурятка Сабилаева. Имел двоих детей.

В конце 1841 г. по приглашению близкого друга, доктора И. С. Персина, Бестужев приехал в Иркутск и пробыл здесь почти год, написав 72 портрета, в т. ч. членов семей ген.-губернатора Руперта, купцов Трапезниковых, Сукачевых, Наквасиных, Басниных и др. В 1855 познакомил ген.-губернатора Муравьева с простейшей конструкцией ружейного замка, над которым трудился несколько лет. Здесь же был изготовлен опытный образец, отправленный в Петербург. В этот приезд им были написаны детские портреты – внука С. Г. Волконского и детей И. С. Персина, у которого он проживал в Иркутске. Похоронен Бестужев в Селенгинске.

БЕЧАСНОВ (БЕЧАСНЫЙ) Владимир Александрович

(1802 – 16 окт. 1859, Иркутск), прапорщик 8-й артиллерийской бригады, декабрист. Сын рязанского дворянина, майора А. Н. Бечаснова. Образование получил в Рязанской губ. гимназии и 2-м кадетском корпусе. С 1821 в действит. воен. службе. В 1823 вступил в Общество соединенных славян, вел активную пропаганду среди солдат. Осужден по I разряду на вечную каторгу. Наказание отбывал в Свартгольмской крепости, Чите и Петровском Заводе. В 1839 обращен на поселение в с. Смоленщина Жилкинской волости Ирк. губ. На отведенном ему 15-десятинном наделе Бечаснов вел хозяйство наравне с др. крестьянами. С помощью купца А. В. Белоголового устроил маслобойню для изготовления конопляного масла. В 1846 с разрешения ген.-губернатора В. Я. Руперта женился на дочери крестьянина с. Кузьмиха Анне Пахомовне Кичигиной. Имел семерых детей. После амнистии (1856) жил в Иркутске на Луговой ул. (ныне ул. Марата), сохраняя хозяйство в Смоленщине. Умер «от удара». Погребен в ограде Знаменского монастыря.

БИЧУРИН Никита Яковлевич (в монашестве – Иакинф)

(29 авг. 1777, с. Бичурино Казанской губ. – 11 мая 1853, С.-Петербург), выдающийся рус. ученый, востоковед, путешественник, писатель. Род. в семье дьякона. В 1786 (или 1787) поступил в Казанскую духовную семинарию, в 1799 окончил Казанскую духовную академию. В 1800–1802 был учителем грамматики в той же академии. В 1802 принял монашество и в сане архимандрита был назначен настоятелем Ирк. Вознесенского монастыря и первым ректором Ирк. духовной семинарии. В мае 1807 назначен начальником Пекинской духовной миссии и в июле 1807 выехал из Иркутска в Пекин.

В 1826 возвращен в Петербург в Александро-Невскую лавру с обязательством обслуживать переводами Азиатский департамент МИДа. В 1828 за исследования по истории Монголии и Китая избран чл.-корр. АН. В 1830 в составе экспедиции П. Л. Шиллинга был командирован в Забайкалье.

С марта по май 1830 находился в Иркутске – перед отъездом в Кяхту для научных занятий, где пробыл 18 месяцев и начал преподавание китайского языка. В февр. 1835 вновь был откомандирован в Кяхту на должность преподавателя китайского языка в училище. Специально для Кяхтинского училища написал «Китайскую грамматику» и учебное пособие по кит. яз. Вернулся в Петербург в 1837. Автор многочисленных научных трудов и переводов по истории Китая, Монголии, др. азиатских народов. По эрудиции, объему изученных им вопросов и масштабу использованных для исследования и переводов китайских источников далеко опередил западноевропейских современников. Сочувственно относился к простому народу Китая. Общался с Пушкиным, Одоевским, Крыловым, поддерживал знакомство, начатое в 1830, с братьями Бестужевыми, Торсоном и др. декабристами. Награжден тремя Демидовскими премиями, чл. Азиатского общества в Париже. Умер в Александро-Невской лавре. В Научной библиотеке Иркутского университета хранятся книги с его автографами.

БОБРОВНИКОВ Алексей Александрович

(1821 или 1822, Иркутск – 8 марта 1865, Оренбург), рус. ученый-востоковед. Род. в семье ирк. священника, занимавшегося миссионерской деятельностью и подготовившего «Грамматику монгольского языка». Обучался в Ирк. духовной семинарии, по окончании которой в 1842 был определен учителем уездного училища. В том же году поступил в Казанскую духовную академию. Обучаясь в ней, проявил склонность к изучению вост. языков, получил разрешение посещать лекции вост. ф-та Казанского ун-та, стал учеником известного монголоведа проф. О. М. Ковалевского. В 1846, еще обучаясь в духовной академии, составил грамматику калмыкского языка. По окончании курса был утвержден бакалавром монгольского языка и оставлен при академии читать курсы калмыкского языка и буддийского учения. В 1849 подготовил «Грамматику монгольско-калмыкского языка», которая в 1851 была удостоена Демидовской премии. Вместе с ламой Галсан-Гамбаевым работал над составлением калмыкского словаря и хрестоматии. В 1855 перешел на службу в Оренбургское пограничное ведомство, был попечителем киргизов в Орской крепости, затем советником счетного отдела в Оренбургской пограничной канцелярии. К наиболее известным его работам относятся «Курс буддийского обучения» (1856), «Памятники монгольского квадратного письма» (1871). Неоднократно бывал в Иркутске, занимался здесь историко-статистическими исследованиями. В 1859 в «Иркутских губернских ведомостях» (№ 49) была опубликована его работа «Материалы для статистики Иркутска».

БОРИСОВ Петр Иванович

(1800 – 30 сент. 1854, дер. М. Разводная Ирк. губ.), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, художник, декабрист. Воспитывался дома. С 1816 в воен. службе. Был одним из основателей Общества соединенных славян, его председателем. Автор «Правил» и «Клятвы» обществава. Вел пропаганду среди солдат и офицеров. Арестован 9 янв. 1826, приговорен по I разряду к вечной каторге. 29 авг. 1826 Борисов доставлен в Иркутск и вскоре отправлен на Александровский винокуренный завод.

В дальнейшем отбывал наказание в Благодатском руднике, Чите и Петровском Заводе. Здесь начались его естественнонаучные занятия. Через неизвестных лиц Борисов установил связи с Петербургским ботаническим

садом Академии наук и Московским обществом испытателей природы. В эти учреждения он отправлял различного рода коллекции и рисунки. Занятия эти продолжались и на поселении в с. Подлопатки (1839–1841) и дер. Малая Разводная (1841–1854). Им написаны труды «О муравьях», «Орнитологическая фауна Восточной Сибири». Кроме того, он делал альбомы рисунков сибирских цветов и птиц по заказам, что было главным источником существования его и брата. Среди заказчиков были не только товарищи-декабристы, но и ген.-губернатор В. Я. Рупперт, гражданский губернатор А. В. Пятницкий, известный врач И. С. Персин, купцы И. Л. Медведников, В. Н. Баснин и др. С некоторыми из них у Борисова установились дружеские отношения. Например, Баснин оказывал братьям материальную поддержку, в свою очередь Борисов давал его детям уроки математики и географии. В 1854 г. Борисов скоропостижно умер в дер. Малая Разводная. Похоронен был в деревне Большая Разводная, могила не сохранилась.

В 1986 г. акварели Борисова были опубликованы. Современные исследователи отмечают высокие художественные достоинства его рисунков и их ценность для изучения истории флоры и фауны Вост. Сибири.

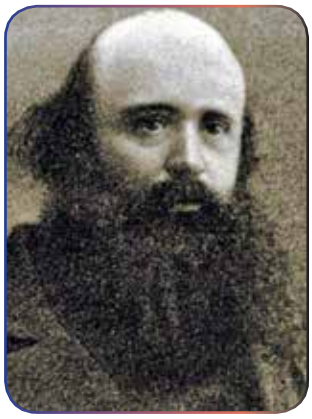

БРЕЧАЛОВЫ – ирк. купцы XVIII – нач. XIX в., выходцы из крестьян дер. Никифоровой Верховажской десятины г. Ваги. В иркутский посад были записаны с 1730. Из пяти братьев Николай (род. 1710) был одним из самых богатых ирк. купцов в сер. XVIII в. Состояние сколотил на контрабандной торговле с китайцами. Кроме пушной торговли занимался винокурением, брал казенные подряды на изготовление и продажу вина и водки. За предприимчивость и смекалку пользовался авторитетом у иркутян. Трижды избирался бургомистром в губ. магистрат (1748–1750, 1755–1757, 1759–1760). Пострадал от произвола следователя П. Н. Крылова. Был подвергнут пыткам. К кон. XVIII в. все представители рода Бречаловых либо умерли, либо отошли от дел. Последний представитель династии Алексей Григорьевич в 1807 г. перешел из купечества в мещанское сословие.

БУЛДАКОВ Михаил Матвеевич (1766, г. Великий Устюг – 28.05.1830, С.-Петербург), великоустюжский купец, один из инициаторов создания Росс.-Амер. компании, ее первенствующий директор в 1799–1827 гг. Систематического образования не получил. С детских лет занимался торговым делом, в конце 80-х XVIII в. обосновался в Иркутске, был тесно связан с Г. И. Шелиховым, женат на его дочери. После смерти Шелихова в 1795 г. представлял интересы его наследников, выступил одним из основных инициаторов объединения купеческих компаний в одну, получившую позднее название Российско-Американской. При образовании ее был избран в состав четырех директоров с наименованием первенствующего директора. На этом посту проявил себя как умелый организатор и предприниматель, способствовал расширению территории, подвластной компании, и увеличению ее доходов. С этой целью снарядил несколько кругосветных экспедиций, ставших заметной вехой в истории русского морского флота. Пользовался благосклонностью Александра I, был награжден несколькими орденами, введен в дворянское достоинство. В должности первого директора компании бессменно прослужил до 1827. Последние годы тяжело болел, часто отлучался в свое имение под Великим Устюгом. 1 марта 1827 вышел в отставку. Деятельность Булдакова по освоению новых территорий в

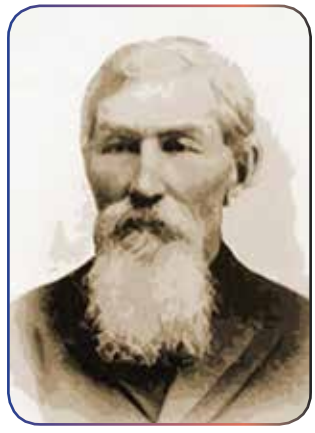
Америке, организации кругосветных экспедиций получила признание и в научных кругах – он был избран чл.-корр. императорской Академии наук.

БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ Михаил Васильевич

(1 ноября 1821, С.-Петербург – 7 дек. 1866, с. Бельское Енисейской губ.), рус. революционер. Род. в семье доктора медицины, петерб. штадт-физика В. М. Петрашевского. Образование получил в Царскосельском (Александровском) лицее (1839). Был вольнослушателем юрид. ф-та Петерб. ун-та, в 1844 получил степень кандидата права. С 1840 служил переводчиком в департаменте внутренних сношений Мин-ва иностр. дел. В 1844–1846 занимался составлением и редактированием «Карманного словаря иностранных слов». В 1845–1849 собирал у себя постоянные «пятницы», где организовал умелую пропаганду передовых идей. Он признавал себя социалистом, сторонником Ш. Фурье. Выступал за демократизацию России, уничтожение крепостного права и самодержавия, стоял за республиканский строй и наделение крестьян землей. В конце 1848 участвовал в совещаниях по созданию тайного общества. Арестован 23 апр. 1849. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, замененному бессрочной каторгой.

Наказание отбывал в Шилкинском Заводе и Акатуе Забайк. обл. По манифесту 26 авг. 1856 Петрашевский вышел на поселение в Иркутск, где сразу принял участие в общественном движении. Сотрудничал в газете «Иркутские губ. ведомости», а с 1860 – в газете «Амур». Свои взгляды высказывал и на собраниях кружка молодых демократов в библиотеке М. П. Шестунова и в салоне Е. П. Ротчевой. Но особое значение имели волнения в Иркутске, организованные Петрашевским в 1859 в связи с убийством на дуэли М. С. Неклюдова, происшедшим при попустительстве местной администрации. Похороны Неклюдова вылились в массовую демонстрацию почти всего населения города. Протест этот получил освещение на страницах издания А. И. Герцена «Под суд!» В февр. 1860 Петрашевского тайно вывезли в с. Шуша Минусинского округа, однако вскоре он добился разрешения жить в Красноярске. Но и здесь не прекращал борьбы с местной и центральной администрацией, добивался сначала пересмотра приговора по делу петрашевцев, затем восстановления своих прав. После прошения на имя Александра II в 1865, где Петрашевский обличал сибирскую администрацию, ему было запрещено обращаться с жалобами. После многочисленных столкновений с властями и высылок умер в с. Бельском.

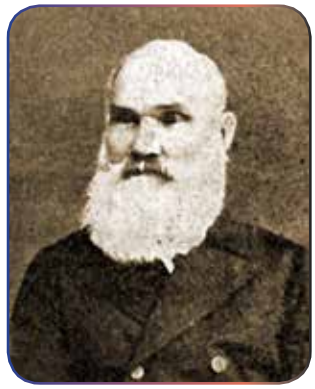

БУТИН Михаил Дмитриевич

(8 ноября 1835, г. Нерчинск – 7 апр. 1907, Иркутск), крупнейший забайк. купец 1-й гильдии, сын нерчинского купца 3-й гильдии Д. М. Бутина. Свою деятельность начинал вместе с братом Николаем в качестве приказчика в фирме забайк. купцов Кандинских. В 1866 братья основали «Торговый дом братьев Бутиных». Они вели широкие операции по торговле хлебом, вином, пушниной, мануфактурными товарами. Им принадлежали три винокуренных и один солеваренный заводы, около 50 золотых приисков в Забайк., Амурской и Приморской обл. Братья были владельцами Николаевского (с 1872 по 1896) и Лучихинского (с 1892 по 1896) металлургических заводов, выпускавших сельскохозяйственные орудия, «изделия для приисков», детали для пароходов. Они стали пионерами

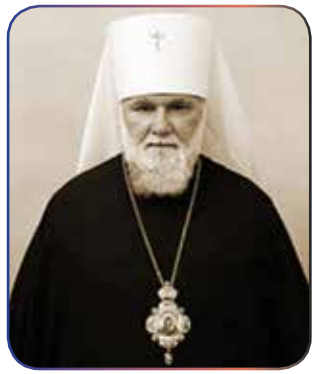
пароходства на Амуре, Ангаре, Селенге. На своих заводах построили 4 парохода и 7 барж. Ими был организован Нерчинский городской банк. Братья владели крупной недвижимостью во многих городах Сибири, в т. ч. Иркутске. В 1882 чистый капитал их превышал 2 млн руб. Фактически они монополизировали торгово-промышленный рынок в Забайкалье, Приамурье и Ирк. губ. Контора фирмы располагалась в Нерчинске. «Империя» Бутиных оказалась недолговечной. Основную часть их капиталов составлял кредит, полученный от иркутских, московских и нижегородских предпринимателей и банков. Разразившийся в 1880-х в Сибири торговый кризис основательно затронул дела Бутиных. Используя момент, конкуренты, в первую очередь ирк. купцы И. С. Хаминов, И. Базанов и др., действуя за спиной московских кредиторов, объявили о банкротстве Бутиных. В 1882 кредиторы учредили «Администрацию по делам фирмы братьев Бутиных», отстранив последних от руководства. Более десяти лет Михаилу Дмитриевичу пришлось доказывать в судах свою платежеспособность. В итоге он выиграл, но огромные судебные издержки и руководство «администраторов» подорвали состояние фирмы. После смерти брата Михаил Дмитриевич ликвидировал дела. Еще раньше, в 1884, он переехал из Нерчинска в Иркутск. Продав свои металлургические заводы за 1,3 млн руб., он отошел от дел.

Бутин известен своей благотворительной и общественной деятельностью. Был в числе тех, кто пожертвовал средства на строительство иркутского городского театра, выделял деньги на развитие ВСОИРГО, поддерживал деятельность детского сада, был директором Иркутского комитета о тюрьмах, постоянным членом благотворительного общества, с 1898 – членом Ирк. общества земледельческих колоний и обществ. приютов. В 1893–1902 избирался гласным в гордуму Иркутска. Бутин – автор ряда серьезных книг по экономическим проблемам, в т. ч. «Писем из Америки» (1872), «Сибирь, ее дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги» (1898) и др. После смерти его основной капитал по завещанию был передан Нерчинскому обществ. управлению на устройство и содержание 10 сельских школ в Забайкалье, реального училища и детского приюта в Нерчинске.

ВАГИН Всеволод Иванович

(10 февр. 1823, Иркутск – 25 нояб. 1900, Иркутск), публицист, историк, обществ. деятель. Род. в семье чиновника. Образование получил в Омском войсковом казачьем училище и уездном училище г. Троицкосавска. Был учителем, адвокатом, служил в Гл. управлении Вост. Сибири, в канцелярии Томской губ., работал во ВСОИРГО, в Ирк. гор. библиотеке. Лит. работу начал в 1847. Сотрудничал в «Голове», «Веке», «Северной пчеле», «СПб. ведомостях». Его перу принадлежит более 200 работ по истории, золотопромышленности, образованию, переселению и пр.

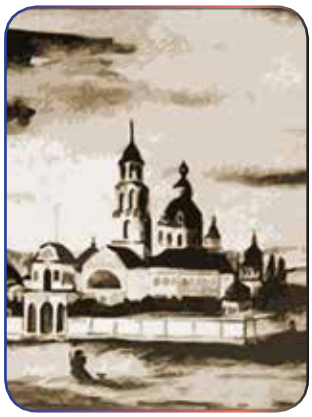

ВАДИМ (Лазебный Владимир Анатольевич)

(род. 14 окт. 1954, г. Губкин Белгородской обл.), архиепископ Иркутский и Ангарский, почетный гражданин города Иркутска (2001). Род. в семье рабочего. В 1977 окончил Одесскую духовную семинарию. Служил в армии. В 1981 окончил Моск. духовную академию со ст. канд. богословия. В 1979 пострижен в монахи с именем Вадим. В 1980 рукоположен во иеромонаха. В 1987 возведен в сан игумена, в 1988 – в сан архимандрита. В течение ряда лет проходил послушание в Отделе внешних

церк. сношений Моск. Патриархии, был клириком и настоятелем ряда крупных храмов (в Старом Осколе, Владивостоке, Иркутске). 4 февр. 1990 хиротонисан в епископа Иркутского и Читинского.

Решением Священного Синода Русской православной церкви от 21 апр. 1994 в связи с образованием Читинской и Забайкальской епархии Вадиму определено носить титул «Иркутский и Ангарский». 25 февр. 2000 возведен в сан архиепископа. Благодаря его усилиям 2 сент. 1990 в Иркутск из Ярославля были возвращены нетленные мощи Ирк. епископа св. Иннокентия (Кульчицкого). В епархии восстанавливаются старые храмы и возводятся новые. В 1995 по инициативе Вадима учреждена ежегодная премия во имя святителя Иннокентия (Кульчицкого), с того же года регулярно проводятся декабрьские «Иннокентьевские вечера». За свою деятельность он награжден орденом святого благословенного князя Даниила Московского II ст. и государственным орденом Дружбы. В 2001 решением гордумы Вадиму было присвоено звание «Почетный гражданин города Иркутска» за духовное возрождение русского народа, восстановлении старых храмов в городе.

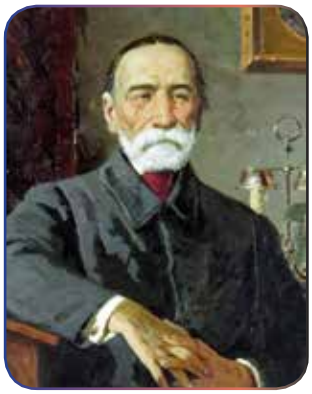

ВАСИЛЬЕВ Андрей Васильевич (1798 – ?), ирк. губ. архитектор, автор рисунков с архит. видами. Выполнил проект иконостаса Ирк. Входо-Иерусалимской церкви, освященной 25 июля 1835. Автор проектов Ирк. Успенской церкви, заложенной 24 апр. 1835 («расколотку места для церкви» архитектор выполнил сам), здания Сиропитательного дома Е. Медведниковой, строительство которого началось в 1837 г., здания Духовной семинарии, расположенной около Успенской церкви (заложено в 1839), а также Байцетуевской Троицкой и Улятуевской Троицкой в Забайкалье. В 1837 Васильев снял план и фасад Смоленской церкви Ирк. Вознесенского монастыря, которые хранились в монастырском архиве. В Иркутском областном художественном музее находится гравюра «Вид Иркутского Вознесенского монастыря с северо-восточной стороны от реки Ангары» (1841). В 1843–1846 под его руководством перестроено здание Гл. народного училища, построенного в 1797–1801 по проекту А. И. Лосева (ныне здание авиац. техникума). В 1845 по проекту Васильева иконостасных дел мастером Е. Б. Соколовым выполнен новый иконостас в Никольский придел (на 1-м этаже) Ирк. Спасской церкви.

ВАСИЛЬЕВ Михаил Андреевич (1784, Иркутск – предположительно после 1839), художник-портретист. Род. в семье обер-офицера. Образование получил в Ирк. гл. народном училище. С 1805 по 1819 был учителем рисования и чистописания в Ирк. губ. гимназии. При определении учителем представил свою картину «Изображение одного из древних философов». В 1811 подарил гимназии портрет императора Александра I. В 1819 подал прошение об увольнении его со службы «по слабости зрения и недостаточности жалованья». После ухода в отставку Васильевым было исполнено много портретов. Пять из них хранится в Государственном историческом музее в Москве: трехлетнего Васи Баснина (1804); В. Н. Баснина (1821); его жены Е. О. Басниной, урожд. Портновой (1821); М. Д. Басниной, матери В. Н. Баснина (1821), сына В. Н. Баснина – Иннокентия (1826). Иркутский художественный музей обладает следующими работами Васильева: «Портрет иркутского епископа Вениамина» (1807), «Портрет губернатора Сибири М. М. Сперанского»

(1820), «Неизвестный с книгой» (1823), «Портрет епископа Михаила 2-го» (1824), два портрета епископа Вениамина (копии-повторения оригинала 1807 г. (один из них датирован 1838 г.), «Портрет Н. Т. Баснина» (1824) и парный к нему «Портрет М. Д. Басниной» (1824).

ВЕДЕНЯПИН Аполлон Васильевич

(1803 – 2 июля 1872, с. Тройня Тамбовской губ.), подпоручик 9-й артиллерийской бригады, декабрист. В мае 1825 вступил в Общество соединенных славян. Был сторонником привлечения к революционному перевороту солдатских и народных масс и потому выступал против объединения с Южным обществом, стоявшим за воен. революцию без участия народа. Арестован 2 февр. 1826 г. Осужден по VIII разряду к ссылке на вечное поселение в Сибирь, в г. Киренск Ирк. губ., куда и прибыл в ноябре 1826. В этом маленьком глухом городке, не имея помощи от родных, он не мог заработать на жизнь, так как доступные ему занятия (напр., «услужение у частных лиц») были декабристам запрещены, а слабое здоровье не позволяло наладить крестьянское хозяйство. Некоторое время работал писцом в земском суде. На просьбы Веденяпина об изменении его положения в 1840 г. последовало высочайшее распоряжение определить его на службу в госпиталь. В 1841 зачислен младшим писарем в Ирк. воен. госпиталь, через 3 года перешел смотрителем Ирк. гражд. больницы. В 1844 получил чин коллежского регистратора. С 1850 по 1855 служил заседателем Ирк. окружного суда. С декабристами, жившими в это время в городе и его окрестностях, отношений не поддерживал. По-видимому, в 1840-х женился на местной жительнице (фамилия неизвестна), имел четырех детей. В 1856 после амнистии возвратился в Тамбовскую губ., проживал в с. Тройне. Похоронен в с. Селищи недалеко от Тройни.

ВЕНИАМИН (Багрянский)

(1742 (?) – 8 июля 1814, Иркутск), епископ Иркутский и Нерчинский. Выпускник Моск. духовной академии и университетов Лейдена, Геттингена, Оксфорда, знаток многих иностранных языков, преподаватель философии и богословия в Новгородской духовной семинарии, ректор Петерб. духовной семинарии. Будучи архимандритом Свияжского Богородицкого монастыря, посвящен во епископа 9 дек. 1789 г. Прибыл в Иркутск 10 марта 1790 г. При нем в Иркутскую епархию добавились Аляска и Алеутские острова. Вениамин принял на себя обязанности ректора семинарии и сам преподавал в ней. В июне 1800 при участии архиерея открывается школа при Якут. монастыре, в 1805 – Нерчинское духовное училище. В Иркутске при нем возведены храмы: Входо-Иерусалимский (Кладбищенский), Преображенский и Борисоглебский. Похоронен в соборе, в приделе Казанской Божьей Матери.

ВЕНИАМИН II (Василий Антонович Благонравов)

(25 янв. 1825, с. Тарадеи Тамбов. губ. – 2 февр. 1892), архиепископ Иркутский и Нерчинский. Сын сельского священника. Окончил Тамбов. духовную семинарию, Казанскую академию в 1850 со степенью магистра, оставлен в ней профессором церковной истории. 20 мая 1862 на-

значен викарным епископом Селенгинским, начальником духовной миссии. 17 марта 1868 назначен в Благовещенск главой Камчатской епархии, а 8 марта 1873 – на Иркутскую кафедру. С 1878 – архиепископ. В 1883 открыл второе викариатство Ирк. епархии. Одним из важных событий, имевших место при Вениамине, было Собрание Преосвященных сиб. епархий в июле–августе 1885 на совещании о церк. нуждах, в частности, о распространении христианства среди коренных народов Вост. Сибири. 17 апр. 1875 был заложен Казанский кафедральный собор в Иркутске. Умер от паралича, похоронен под алтарем строившегося тогда Казанского собора, в усыпальнице.

ВЕНИАМИНОВ Иннокентий (Иван Евсеевич Попов)

(27 авг. 1797, с. Анга Верхоленского округа Ирк. губ. – 31 марта 1879, Москва), выдающийся миссионер, обществ. деятель, ученый. Отец его, церк. пономарь, умер рано, и Попов был отправлен в Иркутск, в духовную семинарию. Здесь ему присвоили фамилию Вениаминов, в честь умершего в 1814 г. иркутского епископа Вениамина .

Уже в семинарские годы Вениаминов отличался огромным трудолюбием, ответственно относился к любой работе, очень много читал. Учась в семинарии, попутно овладел ремеслами механика, часового мастера. В 1817 посвящен в дьяконы Благовещенской церкви, женился на дочери священника Е. И. Шавриной. С 1821 – священник той же церкви. По воскресеньям собирал в церкви детей и вел с ними «христианские уроки».

В 1823 добровольно отправился священником на о. Уналашка, во владения Росс.-Амер. компании, где обучал группу алеутов плотницкому мастерству и вместе с ними строил церковь. Ревностно выполнял обязанности священника, проповедуя не только на Уналашке, но на близлежащих Лисьих островах. В 1833–1838 гг. – священник в Ново-Архангельске (о. Ситха). Быстро овладел местными языками, много раз помогал алеутам в конкретных бытовых вопросах, обучал их грамоте, ремеслам, огородничеству. Организовал перевод важнейших богослужебных книг на язык аборигенов. Много внимания уделял изучению островов и этнографии. В 1840-х изданы многочисленные книги Вениаминова.

В 1839 г. умирает его жена. По настоянию Синода Вениаминов, находившийся в это время в Петербурге, постригается в монахи, получив имя Иннокентия. В дек. 1840 он назначается главой новой епархии – Камчатской, Курильской и Алеутской. Его деятельность в обширной епархии была столь же активной, как и прежде. С 1850 – архиепископ. В 1852 к епархии присоединена Якут. обл., центром епархии стал Якутск. Вениаминов организует перевод и печатание богослужебных книг на якутский язык. В 1857 кафедра епархии перенесена в Благовещенск, Вениаминов переезжает в Приамурье и принимает активное участие в освоении нового края.

В 1868 назначен митрополитом Московским и Коломенским. Много времени отдает Троице-Сергиевой лавре, священноархимандритом которой был, открывает богадельни, основывает миссионерское общество, обращает особое внимание на нужды сирот, духовенства, посещает семинарии, нередко служит в церквях сам.

Вениаминов отличался искренностью, стремлением помочь нуждающимся, был простым и доступным в обращении человеком, пользовался любовью населения и духовенства. Похоронен в Троице-Сергиевой лавре. Канонизирован Синодом в 1977.

ВЕНЦЕЛЬ Карл Карлович (Бургартович)

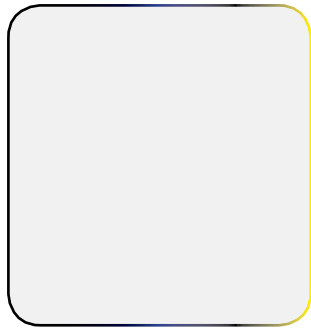
(1797–1874), первый военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор в 1851–1859 гг. Дворянин, лютеранин, окончил Корпус колонновожатых. В службе с 1814 по квартирмейстерской части, в 1825 находился на топографических съемках и участвовал в сопровождении тела Александра I в Петербург, в 1830–1831 отличился в польской кампании, с 1832 – дивизионный квартирмейстер 1-й легкой гвард. кавалерийской дивизии, с 1839 г. инспектор межевания казенных земель, в 1844 – ген.-майор, с 1855 ген.-лейтенант. С 1859 – сенатор, с 1864 – в Ген. штабе., ирк. губернатор. Прибыл в Иркутск 8 нояб. 1851 с супругой. Проявил себя как правитель довольно добродушный, но не очень способный. Был одновременно военным и гражданским губернатором.

ВЕНЮКОВ Михаил Иванович

(23 июня 1832, с. Никитское Рязанской губ. – 4 июля 1901, Париж), рус. географ, путешественник и этнограф, ген.-майор. В 1850 окончил в Петербурге кадетский корпус, служил прапорщиком артиллерийской батареи в Серпухове. В 1856 окончил Академию Генштаба. По выпуску получил назначение в штаб ген.-губернатора Вост. Сибири Н. Н. Муравьева, жил в Иркутске, принял участие в экспедиции Муравьева на Амур. Вел топографическую съемку селений, расположенных по берегам реки, был начальником штаба экспедиции. В 1858 – руководитель экспедиции на р. Уссури. Обстоятельно обследовал бассейн реки, первым из русских перешел через Сихотэ-Алинский хребет к Японскому морю и составил подробное научное описание малоизвестного тогда Приуссурийского края, положив начало дальнейшему изучению этой части России.

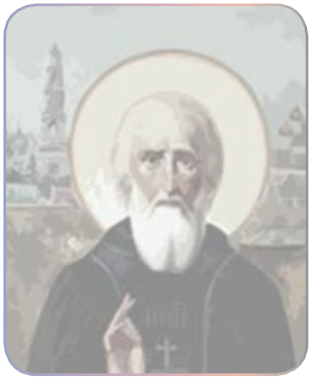
Путешествовал по Тянь-Шаню, Памиру, Семиречью (1859–1860), Кавказу (1861–1863). В 1868 совершил путешествие вокруг света. Изучал также Японию и Китай (1869–1871), Турцию (1874). По инициативе Венюкова в 1873 г. было начато составление этнографической карты Европейской России, которая была самым крупным картографическим предприятием Геогр. общества. Публицистическая деятельность Венюкова, его критика правительства по вопросам внутр. и внешней политики, высказываемая и в печатных работах, и на лекциях, вызвали ненависть к нему со стороны руководства Гл. штаба и Воен. ведомства. В 1877 Венюков эмигрировал из России. В 1880–1900 совершил поездки с научными целями в Индокитай, Сев. Африку, Юж. и Центр. Америку и др. Автор учебника по физ. географии. Его именем назван перевал в горах Сихотэ-Алиня и мыс на Курильских островах.

ВЕРБОВ Адриан Феодосьевич

(1859, Киев – 1936, Одесса), художник и музыкант, виолончелист. Благодаря хорошему голосу был привезен в Петербург и определен в Придворную певческую капеллу. Окончил курс в рисовальной школе Общества поощрения художников. Игре на виолончели обучался у К. Марк-Маркуса, в 1882–1885 в Петерб. консерватории в классах К. Ю. Давыдова и И. И. Зейферта. Был приглашен солистом в симф. оркестр, игравший в Павловске. В августе 1885 впервые приехал в Иркутск, отдал ему в общей сложности 16 лет

жизни и творческого труда: 1885–1887 – солист Общества любителей музыки и литературы; 1908–1914 – преподаватель в муз. классах Ирк. отделения ИРМО, 1915–1916 – в частной муз. школе. В последний приезд оставался в Иркутске с 1922 до 1929, с 1930 жил на пенсии в Одессе. Педагогическую деятельность сочетал с необычайно интенсивной исполнительской, давая сольные концерты и участвуя в камерных и симфонических. Блестящий талант Вербова был высоко оценен во многих городах России, а также за рубежом во время его гастролей во Франции, Бельгии, Австрии, Германии. Играл на виолончели работы Гваданини, приобретенной на средства, собранные в 1887 сибиряками по подписке (по инициативе иркутян). Считал Сибирь, особенно Иркутск, своей второй родиной. Профсоюзом работников искусств (РАБИС) Вербову было присвоено звание Героя Труда.

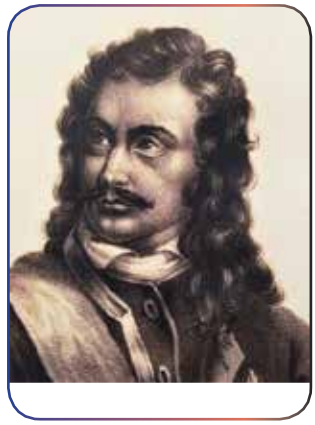
ВИНОГРАДОВ Афанасий Александрович

(4 янв. 1832 – ?), кафедральный протоиерей, чл. Ирк. духовной консистории, редактор «Иркутских епархиальных ведомостей», один из биографов святителя Иннокентия (Вениаминова), исследователь этнографии алеутов, чукчей, колош и якутов. Сын дьячка Ундинской слободы Нерчинского округа. Обучался в Нерчинском духовном училище (1840–1846), в Иркутской духовной семинарии (1846–1852) и в Казанской духовной академии (1852–1856). По окончании курса со степенью кандидата состоял учителем церковной истории в Казанской духовной семинарии. 10 фев. 1857 назначен инспектором в Ново-Архангельскую семинарию на острове Ситхе. В 1858 переведен вместе с семинарией в Якутск, где прожил 12 лет (с 10 сентября 1858 по 9 сент. 1870). 9 февр. 1859 Иннокентием архиепископом Камчатским рукоположен во священники к Якутскому Спасскому монастырю. В 1861 переведен в Якутскую Преображенскую церковь, а в 1863 в Якутский собор. В 1870 по закрытии в Якутске семинарии назначен в Ирк. духовную семинарию учителем церк. истории. Состоял учителем во многих училищах города. С 1 января 1888 г. редактор «Иркутских епархиальных ведомостей».

ВИТКОВСКИЙ Николай Иванович

(1844, Витебская губ. – 24 сент. 1892, Иркутск), археолог-самоучка. За участие в польском восстании 1863 г. был сослан на каторгу в Сибирь (Карийские золотые прииски). Жил на поселении в Балаганском округе, с 1873 – в Иркутске. Занимался самообразованием. С 1873 начал свою деятельность во ВСОИРГО, консерватор музея (1874), член распорядительного комитета ВСОИРГО. Предпринял ряд самостоятельных археологических экспедиций. В 1880 при раскопках в устье р. Китой Витковским найдены захоронения каменного века (Китойский могильник). Возрождение музея ВСОИРГО после пожара 1879 в большой степени обязано его трудам. Покончил жизнь самоубийством.

ВЛАДИСЛАВИЧ-РАГУЗИНСКИЙ Савва Лукич

(16 янв. 1669, г. Рагузы, Югославия – 18 июня 1738, С.-Петербург), рус. дипломат, возглавлял посольство в Китае в 1725–1728 гг. По национальности серб, потомок боснийских

князей Владиславичей. Успешно занимался коммерцией, чему в немалой степени содействовала поддержка Петра I. За различные услуги царю получил вотчины и чин надворного советника. Владиславич-Рагузинский – один из главных вдохновителей Прусского похода Петра (1711), вызвавшего значительное антитурецкое движение в Балканских государствах. Вершиной дипломатической и гос. деятельности Владиславича-Рагузинского было руководство посольством в Китай в 1725–1728 гг., в ходе которого было подписано два очень важных договора – Буринский (20 авг. 1727), определявший границу между Россией и Китаем, и Кяхтинский (ратифицирован 14 июня 1728), положивший начало русско-китайской торговле через Кяхту. Кроме того, он много сделал для совершенствования управления Забайкальем, укрепления его в воен. отношении, заложив ряд крепостей и караулов вдоль пограничной линии. В период трехлетнего пребывания в Сибири Владиславич-Рагузинский неоднократно бывал в Иркутске, где по его распоряжениям были возведены укрепления, а сам город окружен палисадами. После возвращения в Россию оказался не у дел и вынужден был уйти в отставку.

ВЛАСОВ Иван Евстафьевич

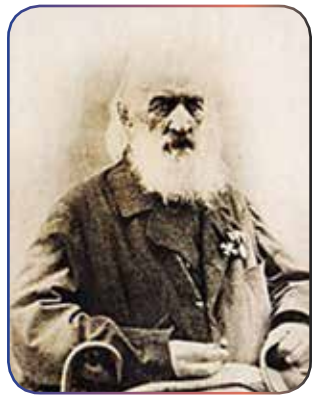
(1628–1710), полит. и гос. деятель XVII в., рудознатец и организатор горного дела, ирк. воевода в 1681–1684 гг. Происходил из семьи обрусевшего грека, приехавшего в Москву в нач. 20-х гг. XVII в. и записанного в моск. дворяне, впоследствии бывшего воеводой в Арзамасе. Иван Евстафьевич получил домашнее образование. Деятельность начал на дипломатическом поприще – в 1656 включен в состав посольства в Венецию. В дальнейшем неоднократно выполнял дипломатические поручения. В 1671 переведен в Пушкарский приказ на должность пушкарского головы. В 1673 определен в Малоросс. приказ, ведавший постройкой крепостей и гарнизонами на Украине. В 1674 получил должность воеводы в Арзамасском уезде, занимался организацией здесь поташного производства. В 1677 в чине стряпчего направлен в Путивль в полк князя Голицына. За эту службу в 1680 был возведен в чин стольника и получил земельные пожалования.

В февр. 1680 назначен воеводой в Иркутск, где пробыл до 1683. Много времени уделял поискам полезных ископаемых. При нем начаты разработки слюды на Байкале, найдены месторождения разных руд, красок. С февр. 1684 по 1690 занимал должность нерчинского воеводы. Здесь также занимался организацией горного дела. Под руководством Власова были найдены запасы серебросодержащих руд и начаты работы по строительству первого в стране сереброплавильного завода. Кроме хоз. деятельности занимался военной и дипломатической. Оказывал содействие казакам, осажденным в Албазинском остроге. В 1686 вместе с окольничим Ф. А. Головиным назначен послом для переговоров с китайским правительством. Принимал активное участие в подготовке и подписании нерчинского договора 1689 г. В 1691 переведен в Москву, получил чин думского дворянина и введен в состав Боярской думы. Впоследствии был одним из сподвижников Петра I, участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 г., занимаясь организацией их мед. обеспечения. До выхода в отставку в 1706 занимался организацией поташного дела в России.

ВОЛКОНСКАЯ (урожд. Раевская) Мария Николаевна

(25 дек. 1805 – 10 авг. 1863, с. Воронки Черниговской губ.), княгиня, жена С. Г. Волконского, мемуаристка. Род. в семье героя Отеч. войны 1812 генерала Н. Н. Раевского. По матери приходилась правнучкой М. В. Ломоносову. Получила хорошее домашнее образование. 11 янв. 1825 вышла замуж за С. Г. Волконского. После приговора добилась разрешения на отъезд в Сибирь и выехала, несмотря на сопротивление семьи и запрет взять с собой сына. Прибыв в январе 1827 в Иркутск, остановилась в доме городского головы, купца Е. А. Кузнецова. В Благодатском руднике, Чите и Петровском Заводе Волконская как могла старалась облегчить участь мужа и его товарищей: писала письма от имени каторжников, вносила крупные суммы в декабристскую артель, выписывала книги и периодические издания, участвовала в концертах, устраиваемых в каземате. В 1836 семья (у Волконских было двое детей) поселилась в с. Урик, в 18 верстах от Иркутска. В 1845 в связи с необходимостью обучения сына в иркутской гимназии Волконской разрешили переехать в город, а позже туда перебралась вся семья. Из Урика был перевезен двухэтажный дом (сейчас в нем музей декабристов). Дом Волконских стал настоящим культурным центром Иркутска. Здесь впервые в городе ставились домашние спектакли (напр., «Недоросль» Фонвизина), устраивались концерты, лит. чтения. По окончании гимназии сын, Михаил Волконский, стал чиновником особых поручений при ген.-губернаторе Н. Н. Муравьеве. В 1850 Волконская против воли мужа выдала дочь Елену за иркутского чиновника Молчанова (замужество это оказалось неудачным). Таким образом Волконская обеспечила им возможность возвращения в Россию. В 1855 последовало разрешение выехать из Сибири, и 6 августа 1855 г. она покинула Иркутск. Вернувшись на родину, написала воспоминания о пережитом. Ее «Записки» послужили исходным материалом для поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины». Похоронена Волконская в с. Воронки Черниговской губ., принадлежавшем второму мужу дочери. Могила сохранена.

ВОЛКОНСКИЙ Сергей Григорьевич

(8 дек. 1788, Москва – 28 ноября 1865, с. Воронки Черниговской губ.), князь, ген.-майор, бригадный командир 19-й пехотной дивизии, декабрист, мемуарист. Род. в семье ген. от кавалерии, чл. Гос. совета Г. С. Волконского. По матери – внук фельдмаршала Н. В. Репнина. Образование получил в пансионе аббата Николя в Петербурге. В действит. службе с 1805. Участвовал в воен. действиях 1805–1814 гг. С 1813 – ген.-майор. Награжден орденами Владимира III, Георгия IV, Анны II и I ст. В 1819 вступил в Союз Благоденствия, два года спустя вошел в Южное общество, где вместе с В. Л. Давыдовым руководил Каменской управой. Арестован 5 янв. 1826 г. По I разряду приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации 20-летней каторгой. В ночь на 29 авг. 1826 Волконский был доставлен в Иркутск и помещен в здание управы гор. полиции, где с него и его товарищей по распоряжению председателя губ. правления Горлова были сняты оковы. Затем был отправлен в Николаевский винокуренный завод. В октябре 1826 вместе с семью товарищами был снова привезен в Иркутск и через два дня отправлен за Байкал. Дальнейшее наказание отбывал в Благодатском руднике, Чите и Петровском Заводе. В 1836 переведен на поселение в с. Урик Ирк. губ. Благодаря помощи родных он смог

построить хороший дом и завести обширное х-во, сам занимался хлебопашеством и торговыми операциями с урожаем. Перебравшись с семьей в Иркутск (1845), Волконский не оставил хозяйственных занятий, но охотно встречался с товарищами, живо интересовался полит. и социальными проблемами, высказывая довольно радикальные взгляды. 23 сент. 1856, после объявления амнистии, выехал в Россию. Местом жительства была определена дер. Зыково Моск. уезда, но почти постоянно он жил в Москве. Трижды выезжал за границу. Волконский сохранил свои радикальные взгляды, резко критиковал реформы 1860-х за их умеренность и незаконченность. В последние годы жизни работал над «Записками», которые использовал Л. Н. Толстой, собираясь писать роман о декабристах.

ВОЛЬФ Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович

(1796 или 1797, Москва. – 24 дек. 1854, Тобольск) – коллежский асессор, штаб-лекарь, декабрист. Род. в семье титулярного советника, аптекаря Б. Х. Вольфа. Лютеранин. Образование получил в частном пансионе при новой лютеранской церкви в Москве, затем в Моск. отделении Медико-хирург. академии, которую окончил в 1814 с серебряной медалью. Во время Отеч. войны 1812, прервав обучение, работал в воен. госпитале. С 1814 в воен. службе. Награжден орденом Владимира IV ст. В 1820 г. вступил в Союз благоденствия, позднее – в Южное общество. Арестован 6 янв. 1826. Осужден по II разряду на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Чите и Петровском Заводе. В 1836 был водворен на поселение в с. Урик под Иркутском. По представлению ген.-губератора Вост. Сибири С. Б. Броневского ввиду недостатка в крае медиков Вольфу было разрешено заниматься врачебной практикой. Очень скоро среди его пациентов оказались не только окрестные крестьяне, но и многие чиновники и купцы из Иркутска. В 1845 г. Вольф был переведен в Тобольск, где также занимался мед. деятельностью. С 1852 исполнял должность врача при больнице тюремного замка. Похоронен на тобольском Завальном кладбище с А. М. Муравьевым.

ВТОРОВ Александр Федорович

(1841 - 1911), иркутский, затем московский предприниматель, основатель торговой фирмы «А. Ф. Второв с сыновьями», потомственный почетный гражданин. Происходил из мещан Костромской губ. Переехав в Иркутск в 1862, сумел открыть здесь крупную оптовую и розничную торговлю. В его иркутских магазинах продавались не только ткани, но и готовые платья, обувь, галантерейные товары и прочее. Со временем «Товарищество Второва» организовало торговлю в 11 городах Сибири, в столицах и других крупных торговых центрах России. Его недвижимость оценивалась в три миллиона рублей, а основной капитал товарищества достигал почти 30 млн рублей. Кроме того, он был фабрикантом, пайщиком ряда московских текстильных фабрик. В начале XX в. семейная фирма Второвых стала монополистом на сибирском текстильном рынке. Кроме того, предприниматель вкладывал деньги в золотопромышленность, состоял пайщиком нескольких золотопромышленных компаний.

В Иркутске у семьи Второвых было несколько зданий, все они находились в самом центре города. В одном из них на набережной была открыта Товарная гор. станция ж. д., где можно было получать билеты, сдавать грузы и т. д. На углу ул. Кутайсовской (Дзержинского) и Пестеревской (Урицкого) был магазин Вто-

ровых, сейчас известный всем иркутянам магазин «1000 мелочей». Он был двухэтажным, с большими витринами, красивым и богатым, одним из самых посещаемых в городе. В доме № 21 на ул. Кутайсовской также находился магазин «Товарищества Второва». Еще одно торговое здание Второвы купили у иркутского предпринимателя Д. В. Плетюхина (в наст. вр. его занимает магазин «Эльдорадо»). Вскоре рядом с ним Второвы построили один из самых шикарных магазинов Иркутска – «Пассаж Второвых». Это был внушительный двухэтажный магазин с огромными зеркальными витринами с возможностью для покупателя в одном месте, под одной крышей прибрести все что угодно. К сожалению, «Пассаж» сгорел в 1917 году. Для личного пользования Второвым был построен в 1897 г. роскошный особняк, выполненный в псевдорусском стиле. Здание поражало своими размерами и декором. В советское время в нем находился Дворец пионеров.

А. Ф. Второв активно участвовал в общественной жизни города. С 1888 неоднократно избирался в гласные гордумы. Заботился он не только о развитии своего купеческого дела, но и о духовном развитии горожан. В своем роскошном доме-дворце он нередко устраивал балы для горожан. За время пребывания в Иркутске на различные благотворительные цели им было пожертвовано 200 тыс. руб. Он состоял членом Ирк. губернского попечительства детских приютов, членом благотворительного общества, почетным попечителем учительской семинарии. В 1899 за благотворит. деятельность был удостоен золотой медали на Станиславской ленте.

В 1897 г., когда сыновья могли самостоятельно вести дела, Второв переехал в Москву, разделив свое имущество между Николаем и Александром. Николая он отправил в Томск – завоевывать рынок Западной Сибири, а Александра оставил в Иркутске – продолжать его дело в Приангарье и Забайкалье. В 1911 г. Александр Федорович скончался в Москве, оставив состояние в 18 млн рублей. Сыновья Николай, Александр и внук Борис продолжили его дело. В 1917 году Второвы выделили на развитие просвещения Сибири 1 млн руб., из которых 200 тыс. – на университет, а 800 тыс. – на учреждение в Иркутске промышленно-технического училища с учебным заводом и мастерскими.

ВТОРОВ Николай Александрович

(15 апр. 1866, Иркутск – 5 мая 1918, Москва), крупнейший промышленник, банкир и коммерсант России. Сын ирк. торговца А. Ф. Второва, основавшего в 1870 г. в Сибири товарищество «А. Ф. Второв с сыновьями», которое имело 15 отделений в разных городах Сибири и Урала, вело крупную мануфактурную торговлю. Во время промышленного подъема 1909–1913 гг. Второв учредил «Акционерное общество внутренней и внешней торговли». В годы войны с помощью гос. финансирования активно участвовал в строительстве трех заводов боеприпасов, завода «Электросталь», завода «АМО» (Автомобильное московское общество) и ряда химических предприятий в Москве. В 1916 Второв создал Московский промышленный банк с капиталом в 30 млн руб. К 1917 образовал один из крупнейших концернов России. Его состояние на 1914 превышало 60 млн золотых руб., годовые доходы в 1916–1917 составляли от 100 до 150 млн. руб. В 1918 г. Второв Николай Александрович был застрелен в своем доме в Москве.

ГАГЕМЕЙСТЕР Леонтий (Людвиг) Андреянович

(16 июня 1780, г. Дростенгоф, Лифляндия – 23 дек. 1833, С.-Петербург), рус. мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания, гл. правитель Рус. Америки. Образование получил в г. Ревеле. С 1795 поступил волонтером в Балтийский флот. В 1796–1801 совершал плавания в Балтийском и Белом морях. В 1802 отправлен в Англию на стажировку. В 1803–1804 плавал на англ. судах в Средиземном море и у берегов Вест-Индии. В 1806–1809, командуя шлюпом «Нева», совершил кругосветное плавание на Камчатку и в Рус. Америку. Возвращаясь в Петербург через Сибирь, в начале 1811 посетил Иркутск. За кругосветное плавание был награжден орденом Св. Владимира IV ст. и чином капитан-лейтенанта. С 1812 по 1815 находился в Иркутске, где, заведуя Иркутским адмиралтейством, организовывал работы по совершенствованию судоходства на Байкале и снабжению провиантом и припасами Охотского порта. В 1816–1819 гг. на корабле Российско-американской компании «Кутузов» совершил второе кругосветное плавание. В январе 1818 назначен гл. правителем российских колоний в Америке, сменив на этом посту А. А. Баранова. В 1828–1829 на шлюпе «Кроткий» совершил еще одно кругосветное плавание с заходом в Рус. Америку. В 1830 получил чин капитана 1-го ранга, а вскоре стал полк. корпуса флотских штурманов и был назначен директором училища торгового мореплавания.

ГАЕВСКАЯ Мария Афанасьевна (27 янв. 1838, Иркутск – 24 июля 1910, Иркутск), первая женщина в городе, работавшая на общественном поприще, зав. гор. публичной библиотекой (с 1 янв. 1867 по 6 июля 1907). Дочь ирк. купца А. Ф. Трапезникова. Окончила Девичий институт. После двух неудачных замужеств и смерти ребенка пришла работать в гор. публичную бибилотеку и в 1867–1892 была единственным библиотекарем. В выписке книг ей помогали В. И. Вагин, М. П. Шестунов, М. В. Загоскин. С 1892 руководила двумя помощниками. Вся жизнь ее была связана с книгами, о чем сохранились краткие воспоминания, записанные Н. С. Романовым. После ухода из бибилотеки в 1907 г. пожертвовала ей ряд книг, в т. ч. собр. соч. Д. В. Григоровича, П. Д. Боборыкина, Ф. М. Достоевского.

ГЕОРГИ Иоанн Готлиб (Johann Gottlieb Georgi)

(31 дек. 1729, Вахгольцхаген, Померания – 27 окт. 1802, г. Санкт-Петербург), этнограф и путешественник, профессор минералогии Императорской академии наук, д-р медицины, исследователь Сибири. В 1770 предложил свои услуги росс. академии наук и уже в июне 1770 был назначен в помощь профессору Фальку в экспедиции по изучению Оренбургской губ. Вместе с Фальком занимался изучением Барнаульских и Алтайских рудников и предгорий Алтая. В конце ноября они отправились в Томск. В 1771 Георги был назначен в экспедицию к академику Палласу для изучения Вост. Сибири. В марте они прибыли в Иркутск. Здесь, по поручению Палласа, Георги предпринял самостоятельное путешествие вокруг Байкала. Экспедиция его по Байкалу и в Забайкалье продолжалась два года. Ученый начертил карту озера, ознакомился с климатом, местностью и забайкальскими бурятами и эвенками. Первым высказал предположение о тектоническом происхождении озера. Изучая природу Прибайкалья, составил детальное описание флоры и фауны (в том числе дал первое описание байкальского омуля), собрал гербарий редких растений, сведения о рыбном промысле на Байкале и вообще

массу ценного материала.

Собранная им коллекция минералов была приобретена Главным управлением училищ и легла в основу будущего музея кафедры минералогии С.-Петерб. ун-та. Итогом этнографических исследований Георги стало подробное иллюстрированное описание народностей, населяющих Россию. Этот труд вышел в С.-Петербурге в 1776–1780 на немецком языке. Частично он был переведен на русский и вышел под заглавием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Эта работа была первым сводным этнографическим описанием России. Екатерина II, высоко ценившая труды Георги, подарила ему золотую табакерку, что считалось весьма почетным, и велела напечатать описания «за счет кабинета, но в пользу автора».

В 1781 Георги было поручено заведовать академической хим. лабораторией. Он занимался медицинской практикой и считался одним из лучших медиков в С.-Петербурге. С 1785 по 1787 г. занимался изданием книги, посвященной путешествию Фалька. В 1788 приводил в порядок минералогический кабинет Академии. 13 февр. 1783 г. Георги был избран академиком по кафедре химии, в 1799 произведен в чин коллежского советника. Состоял членом различных научных обществ: Прусской академии наук, Императорского общества испытателей природы, Нимского лицея наук и искусств, Обществ испытателей природы в Берлине, Йене и Эрлангене. За свои статьи Георги неоднократно получал награды, в том числе и от Академии наук. Награжден орденом св. Анны II ст. В честь него цветы, вывезенные из Мексики, названы георгинами.

ГЛАЗУНОВ
Михаил Иванович

(1721 – 18 апр. 1761), крупнейший ирк. предприниматель, родом из великоустюжских посадских, купец первой гильдии, общественный деятель и меценат. Ему принадлежал первый частный каменный дом в Иркутске, построенный в 1745 г., который позднее был куплен под размещение гор. думы. Глазунов занимался торговлей пушниной, вывозя ее на российские рынки, участвовал в винных откупах и продаже хлебного вина на территории Ирк. губ. Уже в 1740-х его капитал составлял 15 тыс. руб. Был одним из первых иркутских предпринимателей, активно участвующих в кяхтинской торговле. Кроме торговли китайскими товарами организовал в 1755 г. в Иркутске шелковую фабрику для изготовления из китайского сырья лент и платков. Фабрика просуществовала до смерти владельца. Ему принадлежала также мукомольная мельница на р. Ушаковке. Глазунов пользовался доверием и влиянием среди посадского населения Иркутска. В 1743 был избран бургомистром, а в 1744–1745, 1748–1750, 1755–1756 выполнял обязанности президента иркутского магистрата. В 1744 в составе небольшой группы самых влиятельных ирк. купцов ездил в Петербург к императрице Елизавете с подношением ей от прибылей питейных сборов 40 тыс. руб. Глазунов проявил себя как щедрый благотворитель на общественные и богоугодные дела. На его средства была построена каменная двухэтажная Чудотворская церковь с колокольней, в ограде которой он и был похоронен. Как и многие иркутские купцы, он пострадал во время следствия по делу о винных откупах, которое проводил следователь П. Н. Крылов (1758–1761): у Глазунова было изъято более 15 тыс. руб., а сам он не выдержал издевательств и побоев и вскоре умер. После его смерти наследников мужского пола не осталось, и купеческий род Глазуновых пресекся.

ГМЕЛИН Иоганн Георг

(12 авг. 1709, г. Тюбинген, Германия – 20 мая 1755. г. Тюбинген), выдающийся нем. натуралист и ботаник, исследователь Сибири. Род. в семье известного аптекаря и химика И. Г. Гмелина. Уже в 13 лет поступил в Тюбингенский университет и с блеском его окончил. Неоднократно посещал Иркутск (1735, 1737), а в 1738 прожил в нем 5 месяцев (с 12 марта по 2 авг.). Им проделана была большая работа по сбору ботанических, зоологических и метеорологических материалов, основное же внимание Гмелин уделял изучению сибирской флоры и фауны. Накопленный материал стал основой его многотомной работы «Флора Сибири» (в 1747–1769 были опубликованы четыре тома, пятый так и остался в Академии наук). В 1748 освободилась кафедра ботаники в Тюбингенском ун-те, и Гмелин вернулся на родину. В последние годы продолжал работу над «Флорой Сибири», отсылая готовые тома в Россию. Одновременно закончил и издал в Германии (в 1751–1752 гг.) обширный дневник путешествия по Сибири, поражающий обилием фактического материала и тщательностью описаний. Среди прочего дневник содержал ценные и любопытные зарисовки хозяйства, быта и культуры Иркутска 30-х гг. XVIII в.. В честь заслуг Гмелина перед Сибирью имя его выбито на фронтоне Иркутского краеведческого музея в ряду других выдающихся исследователей края.

ГОЛИКОВ Иван Илларионович

(22 нояб. 1735 – 17 нояб. 1805), курский купец 1-й гильдии, ирк. иногородний купец, курский именитый гражданин, компаньон Г. И. Шелихова, один из участников создания Росс.-Америк. компании. С лета 1775 был держателем винного откупа в Тобольске. В 1779–1783 вместе со своим племянником М. С. Голиковым имели винные откупы в обеих столицах. В 1784 получил права на винный откуп в Иркутской губернии. С 1770-х принимал участие в организации морских промыслов на Тихом океане. Совместно с М. С. Голиковым и Г. И. Шелиховым открыл в 1781 г. Северо-Вост. торгово-промысловую компанию не только для промысла пушнины на американском континенте, но и для основания там постоянных русских поселений. Вместе с Г. И. Шелиховым в феврале 1788 ходатайствовал перед императрицей о предоставлении их компании монопольных прав на торговлю и промысел в Америке, но получил отказ. За свою деятельность по организации промысловых компаний был награжден золотой медалью с бриллиантами и серебряной шпагой. Проявил активность на общественном поприще в г. Курске. В разное время был публичным нотариусом, ратманом городского магистрата и городским головой. Принимал участие в торжественной встрече императрицы Екатерины II, когда она в июне 1787 посетила Курск, возвращаясь из своего путешествия в Крым.

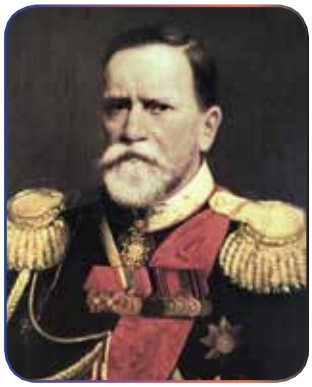
После смерти Г. И. Шелихова конфликтовал с его наследниками из-за передела капиталов компании. В июле 1797 присоединился к компании ирк. купцов Мыльниковых, которая позднее была объединена с компанией клана Шелиховых. После образования Росс.-Америк. компании стал ее крупнейшим акционером, владея пакетом из более 170 акций. Владел недвижимостью в Курске и Иркутске. Похоронен в Петербурге на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

ГОРЕВА Елизавета Николаевна

(1859 – 1917), рус. актриса и антрепренер. Сценическую деятельность начала в 1874. Выступала во многтх городах России, гастролиро-

вала в Германии. Обладала классической красотой, голосом приятного тембра, большим сценическим темпераментом. В Иркутске работала в 1882–1884 гг. С успехом играла роли Катерины в «Грозе» Островского, Лизаветы в «Горькой судьбине» Писемского. В репертуаре Горевой были Мария Стюарт и Жанна д'Арк в драмах Шиллера, Маргарита Готье в «Даме с камелиями» Дюма-сына, Медея в одноименной трагедии Еврипида. Вместе с тем актрисе нередко приходилось выступать во второсортных трескучих пьесах, рассчитанных на невзыскательный вкус. После отъезда из Иркутска Горева с успехом дебютировала в императорском Александринском театре С.-Петербурга.

ГОРЕМЫКИН Александр Дмитриевич

(16 янв. 1832 – 8 июня 1904, С.-Петербург), рус. гос. деятель, чл. Гос. совета, ирк. ген.-губернатор в 1889–1900 гг. Происходил из старинного дворянского рода. Образование получил в Аракчеевском и первом кадетском корпусах. Службу начал в Кексгольмском гренадерском полку, но вскоре перевелся в лейб-гвардии Егерский полк. Принимал участие в Крымской кампании. После окончания Николаевской академии Ген. штаба занимал различные штабные должности. В 1864 командирован в Польшу, участвовал в подавлении польск. восстания, занимался административной деятельностью, возглавляя комиссии по крестьянским делам. В 1866 определен подольским губернатором. В 1870–1880-х находился на различных командных должностях в южной группе росс. войск, участвовал в рус.-турец. войне 1877–1878. С 1889 назначен на пост ген.-губернатора Вост. Сибири, который занимал 11 лет. В течение этого времени содействовал развитию края в административном и хозяйственном отношениях. Много сделал для организации переселения на вост.-сиб. земли, занимался вопросами землеустройства, просвещения, охраны природы. Им был поднят вопрос о введении земских учреждений в Сибири. Много сделал для благоустройства Иркутска, в его бытность был построен новый городской театр, развивались образование, культура. За значительный вклад в развитие города был удостоен почетного гражданства. В 1900 в связи с ухудшением здоровья вышел в отставку и уехал в Петербург. В этом же году стал членом Гос. совета.

ГОФМАН Август Карлович,

купец 2 гильдии, один из первых иркутских фотографов, автор фотопанорам допожарного города. В Иркутске появился не ранее 1858, приехав из Риги, где состоял купцом 2 гильдии. Открыл в городе один из первых фотосалонов, просуществовавший с перерывами почти 50 лет. В начале 1860-х он на несколько лет уехал в Европу с целью совершенствования в фотографическом ремесле. Вновь возвращается в Иркутск в 1864 и открывает фотографическое заведение в доме Либгардта по Харлампиевской улице. Через год фотография Гофмана переезжает на Большую улицу в дом Лапчинской близ Благовещенской церкви. С середины 1860-х А. К. Гофман сотрудничает с ВСОИРГО, имеет диплом за добросовестно выполненные заказы. В своей фотографии выполняет самые разнообразные заказы: от миниатюрных визит-портретов, небольших кабинет-портретов до больших салонных фотографий, где портретируемые изображались в натуральную величину. Одним из первых фотографов Гофман вышел со своей громадной камерой на улицы Иркутска. Он снимает улицы города, здания, общественные мero-

приятия, виды окрестностей. С 1968 участвует в публичных выставках. За участие в первой был удостоен малой серебряной медали: «За трудолюбие и искусство. Иркутск 1868 года». И в последующем неоднократно получал медали за свои фотографии. На этих выставках представлялись наиболее масштабные работы фотографа, отснятые в 1865–1866 гг.: панорамы Тихвинской площади (из двух снимков), центральной части города из Глазковского предместья, ул. Большой, снятой с колокольни Благовещенской церкви (одна панорама – из двух, другая – из трех снимков).

В 1878 Гофман на 13 лет уехал из Иркутска. Вернулся и в третий раз открыл свое заведение на Большой ул. в доме Иодловского в 1891. Известность получили его снимки Иркутска, выполненные в дни пребывания в городе наследника – цесаревича Николая. В эти годы фотографом выполнено много снимков на улицах Иркутска, церквей и часовен, административных зданий, училищ, частных доходных домов и магазинов на центральных улицах, общих видов города. Как фотограф Гофман проработал в Иркутске до 1906. По крайней мере, последняя его фотография датирована 5 мая 1906.

ГРОМОВА
Анна Ивановна

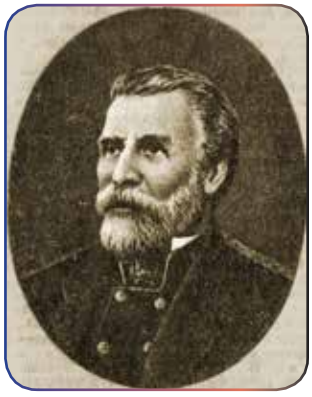
(1842, Архангельск – 4 апр. 1912, с. Красково около Москвы), ирк. купчиха 1-й гильдии, потомственная почетная гражданка. Жена купца 1-й гильдии Ивана Гавриловича Громова. При жизни мужа занималась домашним хозяйством и воспитанием шестерых детей. После смерти И. Громова в 1896 все движимое и недвижимое имущество на сумму более 1 млн руб., а также руководство делами фирмы перешло к Громовой, сумевшей не только возглавить дело мужа, но и расширить его. Для этой цели был создан торговый дом «А. И. Громова и сыновья», который имел отделения, конторы и магазины во многих городах и селениях Якутии. Главная контора находилась в Иркутске в каменном двухэтажном особняке на ул. Тихвинской (ныне ул. Сухэ-Батора, 15). С 1897 г. фирма Громовой организовала пароходство на Лене, в 1911 она располагала 4 пароходами и 5 баржами. Пушнина торгового дома считалась одной из лучших. В 1896 продукция фирмы получила золотую медаль на моск. выставке. Значительное количество пушнины поступало в Германию к Лейпцигским меховщикам. Представителем фирмы в Лейпциге был зять Громовой М. В. Пихтин. Владела фирма также золотыми приисками в Олекминском округе Якутии и в Забайкалье.

В начале XX гл. контора торгового дома была перенесена в Москву. Дом Громовой в Москве стал центром сибирской колонии в столице. Благотворительность ее намного превзошла пожертвования мужа. Она помогала многим сибирским ученым и общественным деятелям. Была дружна с ред. газеты «Восточное обозрение» И. И. Поповым и Д. А. Клеменцем. Была лично знакома с Л. Н. Толстым. По его просьбе взяла на себя все издержки по переезду в Усть-Майский улус Якутской области крестьян-молокан. Громова была известна и как меценат. На ее средства издавалось немало трудов политических ссыльных, в том числе «Якуты» В. Л. Серошевского. Ряд школ, учебных заведений Якутска и других городов открыты при содействии Громовой. В 1905 она учредила в селениях по всей Лене библиотеки и этим во многом содействовала просвещению якутов. Нельзя обойти вниманием и то, что она отправляла продовольствие голодающим на Нелькане, Алдане и в других местах. Хлеб привозился бесплатно десятками тысяч пудов на ее же пароходах. Благотворительную деятельность она проявляла и в Москве, особенно среди учащейся молодежи. Оказывала услуги и невольным изгнанникам, предоставляя работу политическим ссыльным. Не раз ей приходилось иметь объяснения с властями по

поводу того, что в ее конторах служат политические ссыльные.

Громова помогала организациям Красного Креста, участвовала в сборе средств на строительство нового театра в Иркутске, оказывала финансовую помощь северным и полярным научным экспедициям барона Э. Толя, Нордшельда, Ф. Матиссена, А. Колчака и др.

После смерти Громовой газета «Русские ведомости» от 7 апр. 1912 г. напечатала некролог, посвященный ее жизни и деятельности, где говорилось: «Кажется, нет ни одной научной экспедиции за последние 25 лет, которые проходили бы без содействия этой женщины, стоявшей во главе большой торговой фирмы». Ее тело было перевезено в Иркутск, где 24 апр. 1912 в ограде Тихвинской церкви, прихожанкой которой она была, состоялось погребение.

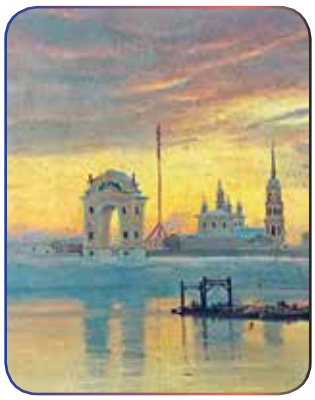

ДАВЫДОВ
Дмитрий Павлович

(1811, г. Ачинск Енисейской губернии – 1 июня 1888, г. Тобольск), поэт, литератор, этнограф. С 15 лет служил канцеляристом в окружном суде родного города. В 1829 был принят в Ирк. губерн. гимназию «кандидатом учительского звания», а через год, выдержав экзамен, назначен учителем I класса Троицкосавского уездного училища. Восемь лет учительствовал в Кяхте. Он был членом лит. кружка местной интеллигенции, которая издавала рукописный журнал «Кяхтинский литературный цветник» и газ. «Кяхтинская стрекоза». В этих изданиях Давыдов публиковал свои первые поэтические опыты. Дальнейшая его судьба была связана с просвещением: он был смотрителем училищ Якутской обл., Верхнеудинского округа. На севере пишет и издает первый выпуск «Якутско-русского словаря». Отважный путешественник исходил таежными тропами сотни верст, побывал во многих неизвестных местах, принимал участие в работе Сев.-Вост. сиб. экспедиции А. Ф. Миддендорфа, проводил геотермические и метеорологические исследования, получившие высокую оценку в акад. кругах, был членом Сиб. отдела Русского географического общества, который находился в Иркутске. В «Записках» общества им опубликованы интереснейшие исследования по этнографии и археологии (О начале и развитии хлебопашества в Якутской области. 1858. Кн. 5; О древних памятниках аборигенов Забайкальской области. 1856. Кн. 2; и др.)

Первый поэтический сборник Давыдова, который стал известен далеко за пределами России, вышел в Петербурге в 1858 г. В нем было опубликовано стихотворение «Думы беглеца на Байкале». О байкальской одиссее каторжника просвещенная Европа впервые узнала в переводе Дюпре де Сен Мора «Славное море...» В книге «Образцы русской поэзии», переведенной на английский Джоном Бауингом, имя Давыдова стоит рядом с Жуковским, Крыловым и Пушкиным.

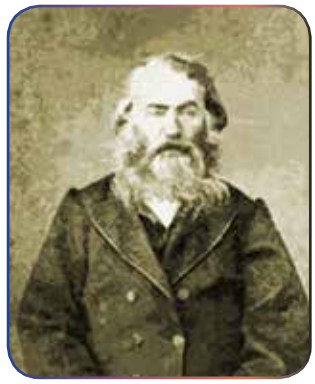
После 30 лет службы в Министерстве народного просвещения Давыдов ушел в отставку и поселился в Иркутске на ул. Баснинской. Когда он неожиданно ослеп, поехал в Тобольск для лечения. Под его диктовку была завершена поэма «Поэтические картины», изданная в Иркутске в 1871. Стихотворения и поэмы «Якутские силуэты», «Тунгус», «Жиганская Аграфена», «Думы о покорении Сибири», «Ширэ Гуйлуху, или Волшебная скамеечка», автобиографическая поэма «Поэтические картины» составили содержание книг, переданных его правнучкой Иркутскому краеведческому музею.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Николай Флорианович (1837, Тамбовская губ. – 1900), художник-живописец. В 1855 окончил курс в 1-м Моск. кадетском корпусе. Увлекшись живописью, в 1874 поступил в Петерб. академию художеств, которую окончил в 1877. За картину «Большая дорога» получил звание классного художника 2-й степени. Картина эта в 1878 экспонировалась в Париже, одна из картин Добровольского была приобретена П. М. Третьяковым для своей галереи. Судя по датированным работам, имеющимся в Иркутске, Добровольский прожил здесь весь 1886 г. Две картины – «Ангара ночью» (ночной вид на дом ген.-губернатора) и «Иркут близ Шимков» – были приобретены у автора В. П. Сукачевым. «Набережная Ангары в Иркутске» приобретена музеем в 1968, а «Переправа через Ангару в Иркутске» куплена в Ленинграде в 1969. Еще одна картина Добровольского «Байкал ночью» находится в библиотеке Минусинского музея, в углу полотна имеется авторская подпись и дата – 1866.

ДОЛГИХ Моисей Иванович, первый профессиональный зодчий Иркутска кон. XVII – нач. XVIII в., строитель приказной избы и Спасской церкви, первых каменных строений города. Годы жизни неизвестны. В 80-х XVII в. числился каменных дел мастером в Москве. В 1683 был включен в бригаду каменщиков, направленных в Тобольск для возведения Софийского двора – резиденции сиб. митрополита. В течение десяти лет трудился на объектах Тобольска. В 1692 вернулся в Москву. В 1698 вновь входит в группу моск. специалистов, направленную для работы в другой сиб. город – Верхотурье. В 1701 царское правительство издает указ о возведении каменных зданий во всех крупных городах Сибири и предписывает отрядить для организации каменных работ опытных мастеров из числа моск. зодчих, занятых на стройках Тобольска и Верхотурья. В Иркутск был отправлен Долгих. В ирк. летописях отмечено начало в 1701 работ по возведению каменной приказной избы. На плечи мастера легли все работы – от разведки месторождений извести, белого камня, сооружения печей для обжига кирпича до кладки стен и вытесывания фигурных кирпичей. Последний раз имя Долгих встречается в документах за 1711 г. В это время он по-прежнему трудится в Иркутске и получает за свою работу от казны кормовые деньги. При его непосредственном участии была возведена приказная изба (1701–1704), завершены основные работы на Спасской церкви (1706–1710, окончательно отделана в 1716). О дальнейшей судьбе мастера сведений не сохранилось.

ДОМБРОВСКИЙ (Домбровер) Яков Савельевич (1794, г. Юрбург Ковенской губ. – 30 марта 1884, Иркутск), предприниматель. До 1831 жил в Германии и Англии. В 1833 был сослан в Сибирь. Ссылку отбывал в с. Оек. Здесь впервые занялся предпринимательской деятельностью: поставками хлеба и спирта. В 1859 перебрался на жительство в Иркутск. В 1867 – ирк. купец 2-й гильдии, а затем 1-й. Активно занимался производством и сбытом вина, являлся пайщиком Вознесенского винокуренного завода. В 1869 построил Яковлевский винокуренный и Яковлевский крупчатомельничный заводы около с. Захал

Оекской волости. Занимался доставкой продовольствия на золотые прииски Вост. Сибири. Ему принадлежали многочисленные прииски в Забайк. обл. В течение 20 лет возглавлял еврейскую общину. Домбровский был известен как крупный жертвователь и меценат. Он помогал ирк. образовательным и научным учреждениям, в частности ВСОИРГО. Являлся постоянным членом благотворительного комитета. В 1879 создал торговый дом «Я. С. Домбровский с сыновьями».

ДОН-ОТЕЛЛО Антон Михайлович (Донателло Антонио Микеле, род. Сан-Бьяджо Сарачинески, провинция Фрозиноне, Италия – ?), владелец кинематографов, создатель первой частной киностудии в Иркутске. Его киномастерская (киностудия) находилась при его квартире в доме П. Р. Кравца (Большая ул., 20/2). Дон-Отелло, вероятно, был первым в городе оператором, съемки кинолент проводил тяжелой камерой на штативе-треножнике при дневном свете в солнечную погоду. С 1908 по 1919 его киностудия сняла десятки кинолент различного плана (хроникальные, событийные, видовые). Известны названия некоторых фильмов: «Маневры иркутских пожарных частей около 3-й пожарной части в присутствии губернатора» (1908), «День памяти событий Отечественной войны 1812 года в Иркутске 26 авг. 1913 года», «Заключительные маневры войск Иркутского военного округа», «Торжества по случаю открытия и освящения памятника Государю Императору Александру III 30 августа 1908 года», «Пребывание Е. И. В. Великого князя Константина Константиновича в Иркутске 21–23 мая 1909 года», «Первый полет авиатора Я. И. Седова в Иркутске», «Похороны П. Р. Кравца», «Тайлаган. Общественное жертвоприношение иркутских бурят-шаманов», «Иркутск и иркутяне», «Похороны известного общественного деятеля Д. М. Кузнеца в Иркутске 12 января 1912 года», «Кругобайкальская железная дорога», «Весь Иркутск на экране», «Приезд в Иркутск монгольского посольства», «Грандпарад на Тихвинской площади в день 300-летия Дома Романовых 26 февраля 1913 года», «Пребывание Е. И. В. Великого князя Георгия Михайловича в городе Иркутске 30–31 января 1916 года», «О последних памятных событиях в Иркутске и на Байкале» (1918), «Осмотр новостроящихся тоннелей на Кругобайкальской железной дороге», «Выставка Иркутского общества конезаводства». Уехал из Иркутска в начале 1920-х.

ДРИЖЕНКО Федор Кириллович (22 апр. 1858, г. Екатеринослав – 16 апр. 1922, г. Красноярск), воен. моряк, гидрограф. Окончил Морской корпус в Петербурге, принимал участие в кругосветном плавании под рук. Н. А. Римского-Корсакова, в экспедициях на Балтийском и Белом морях, Онежском оз. После окончания гидрогр. отделения Николаевской морской академии защитил в 1886 диссертацию по теории гироскопов, принесшую ему известность. В 1889 отправляется в заграничную командировку в Англию, Францию, Италию, Австрию и Германию для углубления знаний в гидрографии и геодезии. В 1890-х продолжал работы на Балтийском море и в Скандинавии, по материалам которых издал несколько статей и книг. В 1895 вместе с подполк. Ю. М. Шокальским составил проект гидрологического и гидрографического исследования оз. Байкал. В июне следующего года начались многолетние исследования на Байкале, базой которых стал Иркутск. В течение шести лет была составлена первая карта промера глубин озера, проведены

астрономические, магнитные, метео- и гидронаблюдения, составлена съемка байкальского побережья, построено 10 маяков. Экспедиция Дриженко оказалась самой длительной в истории исследования Байкала. Результаты ее использовались при составлении генеральной карты, атласа и лоции озера, являющихся до настоящего дня основным пособием для мореплавания по Байкалу. Затем Дриженко руководил работами по изучению Сев. морского пути, возглавлял Каспийскую экспедицию. В 1908 стал помощником начальника Гл. гидрогр. управления, был представителем России на международных морских конгрессах, конференциях и совещаниях. С 1912 – ген.-лейт. корпуса гидрографов, начальник отдельной съемки мурманского берега. В 1915 вошел в состав комиссии по изучению оз. Байкал при Академии наук. В мае 1917 в чине полного ген. Корпуса гидрографов вышел в отставку и поселился в Красноярске. Принял советскую власть и до самой смерти служил начальником базы отдельного Обь-Енисейского гидрографического отряда.

ДУДАРОВСКИЙ Семен Федорович (1754 – 1809), представитель влиятельной и могущественной купеческой фамилии Иркутска кон. XVIII – нач. XIX в. В 1794 совместно с братьями Иваном, Федором и Иваном мл. объявил семейный капитал по 2-й гильдии. В 1795 произошел раздел капитала, в 1796–1809 Семен вел дела совместно с братом Иваном-младшим, объявив капитал (1796) по 2-й гильдии. Был пайщиком коммерческой компании Н. П. Мыльникова, его подпись присутствовала на «соединительном» акте, положившем начало созданию Росс.-Америк. компании. Занимался торговлей с Китаем, казенными подрядами и откупами, имел несколько судов на Байкале и Ангаре. С сер. 1780-х занялся перевозкой купеческих кладей из Кяхты по сибирским рекам. В компании с енисейскими купцами Кувакиными впоследствии создал компанию судовых поставщиков, с 1800 действовал самостоятельно, фактически захватив в свои руки всю перевозку до Енисейска. Владел в городе кожевенным заводом. Совместно с братом Иваном имел в Гостином дворе 5 лавок. Пользовался большим авторитетом в городе. В 1790–1792 – заседатель в губернском магистрате. С 29 июня 1806 дослуживал срок городского головы вместо не дослужившего своего трехлетия купца Д. Н. Мыльникова, с которым находился в дружеских отношениях.

Ему принадлежала одна из лучших в городе личных библиотек. Совместно с купцом Ф. Щегориным финансировал строительство северного придела Крестовоздвиженской церкви.

Дударовский был просвещенным иркутским купцом, владевшим не только европейскими, но и восточными языками (китайским и монгольским), имел собственную оранжерею с редчайшими растениями, обладал собранием ценных книг на русском и иностранных языках, рукописями по вопросам Сибири, а также хранил скульптуры из мрамора, бронзы, изделия из серебра, фарфора, картины. В его доме была старинная мебель с отделкой цветными минералами, серебром и бронзой, мраморные угловые столики, яшмовые тумбы, гравюры, иконы с киотами, стояли огромные шкафы с альбомами и бумажными трубками и резные кабинетные табуретки. Часть худож. произведений, предназначенных в подарок китайскому богдыхану от русского императора, в 1805 он приобрел у посла Ю. А. Головкина.

ЕВСЕВИЙ (Евфимий Поликарпович Орлинский) (1808 – 23 февр. 1883, Могилев), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский (1856–1860). Род. в семье священника, магистр 7-го курса Моск. духовной академии. В 1832 пострижен в монашество и назначен инспек-

тором Вифанской семинарии, с 1838 – архимандрит, инспектор и бакалавр богословских наук в Моск. академии, с 1841 – ее ректор. С 1842 – настоятель Моск. Богоявленского и с 1845 – Высокопетровского монастырей. С 1847 – ректор Петерб. академии и настоятель Шаргородского монастыря, хиротонисан в епископа Винницкого. В 1850 переведен на кафедру в Самару, оттуда 3 ноября 1856 назначен в Иркутск. В марте 1858 получил сан архиепископа. Событием в правлении Евсевия стало крещение в кафедральном соборе 25 мая 1857 главного тайши Тункинской степной думы Хамакова с сыном и 13 шуленгами, 50 бурятами и 14 бурятками. Евсевий неоднократно выезжал в Забайкалье для обозрения епархии (май – авг. 1857, май, июль 1858). Известен как автор большого количества духовных сочинений, катехизических поучений, проповедей, бесед, выходивших несколькими изданиями. Отбыл на кафедру в Могилев 22 ноября 1860 для управления паствой могилевской и мстиславской. Умер в Могилевском Богоявленском монастыре.

ЕВСЕВЬЕВ Александр Николаевич

(1773 – после 1838), действительный статский советник, ирк. гражданский губернатор в 1835–1838 гг. Дворянин. Участник Отечественной войны 1812 г., за что был награжден серебряной и бронзовой медалями. В 1818 в чине надворного советника был председателем комиссии строений в одном из провинциальных управлений. В 1830-х – архангельский вице-губернатор, действит. стат. советник. 29 июня 1835 назначен иркутским гражданским губернатором. В Иркутск приехал 25 сент. 1835 вместе с семьей. При Евсевьеве в 1837 в Иркутске был открыт заемный банк для обеспечения сиропитательного дома Е. Медведниковой, был одним из трех председателей этого банка. 6 мая 1838 в Иркутске было получено известие, что Евсевьев, находившийся в это время в Европейской России, уволен от должности «по расстроенному здоровью». Награжден орденом Св. Анны II ст., золотой медалью за участие в формировании ополчения в 1807 г.

ЖАРНИКОВ Василий Васильевич

(1859 – 20 июня 1919, Иркутск), купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, городской голова. В 1878 окончил Моск. практическую академию коммерческих наук. Участник торгового дома «Жарников и Первунинский», который торговал чугунными и приисковыми товарами, имел бондарные мастерские и постоялые дворы. Владел домами на Большой и Харлампиевской ул. и в предместье Глазково. Одна из улиц Глазково называлась Жарниковской. С 1886 по 1917 постоянно избирался гласным думы. С 1898 по 1902 – иркутский городской голова. По оценке И. И. Попова, редактора газеты «Восточное обозрение», Жарников – купец «независимый и либеральный». После 1901 был председателем водопроводной комиссии, председателем правления Ирк. добровольного пожарного общества, выполнял другие общественные поручения. В феврале 1905 был в составе 30 гласных, которые подали в гор. думу заявление о необходимости организации комиссии для составления и подачи в Совет Министров «Адреса» и «Записки» о преобразовании гос. строя России. В этих документах критиковалось самодержавие, выдвигались требования свобод и созыва народного представительства. Жарников лично внес предложение, чтобы царь никогда не носил военной формы. За организацию городской милиции в 1905 и ассигновании на нее денег Жарников в

числе ряда гласных Постановлением думы от 2 нояб. 1906 был временно устранен от деятельности гласного.

ЖБАНОВ Марк Алексеевич

(ум. 1894), ирк. купец 1-й гильдии. Получил хорошее образование. Имел несколько магазинов в Иркутске, торговал мануфактурой, ювелирными изделиями, обувью, мехами, галантереей. Активно участвовал в общественной и культурной жизни города. В 1873–1894 несколько сроков был гласным Ирк. гор. думы, а в 1873–1876 исправлял обязанности гор. головы. С 1880 – член общества для оказания пособия учащимся в Восточной Сибири. Один из инициаторов создания в Иркутске в 1883 общества взаимного вспоможения приказчиков. С 1892 – старший попечитель совета банка Е. Медведниковой. С 1885 состоял членом ряда комиссий гор. думы: по вопросу подготовки проекта землеустройства; об устройстве гор. водопровода; для изыскания мер к ограждению гор. лесов от истребления палами и порубками; для рассмотрения и оценки проектов зданий ремесленно-воспитательного заведения Н. П. Трапезникова. Был членом комитета для сбора пожертвований в пользу населения, пострадавшего от неурожая 1891. После пожара 1879 пожертвовал Иркутску 500 книг по сибиреведению, положив начало новой гор. библиотеке. Писал статьи в сибирские газеты, в частности был корреспондентом «Восточного обозрения».

ЖБАНОВ Константин Маркович

(21 марта 1867 – ?), сын ирк. купца 1-й гильдии М. А. Жбанова, надворный советник. Наследник недвижимости отца, имел собственный дом на Большой улице. Окончил мед. факультет Моск. университета. После окончания вернулся в Иркутск, где в 1893–1903 состоял городским санитарным врачом. Как и отец, активно участвовал в общественной жизни города. Состоял гласным Ирк. гор. думы в 1898–1906, был членом гор. санитарного совета. В 1910–1914 был выбран на должность гор. головы. Принимал участие в различных комиссиях думы: ревизионной; о пользах и нуждах общественных; по рассмотрению обязательных постановлений думы; по размещению и содержанию больных и раненых; железнодорожной; по вопросу о ремонте Моск. триумфальных ворот и др. С 1906 – член комиссии по благоустройству Иркутного предместья, с 1910 – председатель комиссий по постройке постоянного через Ангару моста. Был участником многих общественных организаций города: председатель общества сибирских охотников, почетный попечитель Кладищевского и Троицкого городских начальных училищ, член комитета Ирк. общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних и малолетних преступников. В мае 1912 присутствовал в Москве на торжествах по случаю открытия памятника Александру III и возложил венок от Иркутска. С 1914 – концессионер Иркутско-Ленской ж. д. За свою общественную деятельность был награжден серебряной медалью на ленте «За отлично усердную службу».

ЗАГОСКИН Михаил Васильевич

(6 сент. 1830, с. Узколугское Ирк. губ. – 11 сент. 1904, Иркутск), писатель, журналист, ученый. Сыграл важную роль в журналистике, просвещении, изучении Вост. Сибири. Род. в семье священника. Окончил Ирк. духовную семинарию, затем Казанскую духовную академию. Преподавал историю и лат. яз. в Ирк. семинарии, работал инспектором классов воен. училища, препода-

вателем словесности в Ирк. техн. училище. В 1870 издана его книга «Иркутск и Иркутская губерния». С 1879 целиком отдается журналистике и литературе. Редактировал «Иркутские губернские ведомости», первую частную сиб. газету «Амур», газету «Сибирь», сотрудничал в «Восточном обозрении». Будучи членом Географического общества, редактировал его «Записки» и «Известия», около 5 лет был правителем дел. Загоскину принадлежит ряд важных исследовательских работ: «Заметки о быте поселян Иркутского уезда», «Десять лет в сибирской деревне» («Сиб. сб.», 1890), «Одна из сибирских общин» (Иркутск, 1891), «Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев» (Иркутск, 1891), а также рассказы и роман «Магистр», переизданные в серии «Литературные памятники Сибири» в 1981 г. За свою публицистическую, редакторскую деятельность и прогрессивные убеждения Загоскин преследовался властями: отбывал наказание в тюрьме, высылался на жительство в с. Грановщина. Похоронен на иркутском Иерусалимском кладбище. Могила и надгробный памятник (уст. в 1911 г.) сохранились.

ЗАЙЧНЕВСКИЙ Петр Григорьевич

(18 сент. 1842, Мценский уезд Орловской губ. – 19 марта 1896, Смоленск), революционер, полит. ссыльный, журналист, зав. иностр. отделом газеты «Восточное обозрение». Был одним из организаторов студенческого кружка, где занимался распространением запрещенной литературы. За революционную деятельность в 1861 был арестован. После следствия и суда сослан в Сибирь. Каторжные работы отбывал в г. Усолье, здесь же произошла его встреча с Чернышевским. Для поселения Зайчневскому был назначен Витим Киренского уезда. Он пробыл там с 1864 по 1868 и получил разрешение вернуться в Европ. Россию. После ссылки продолжал активную обществ. деятельность. В марте 1889 вновь арестован и отправлен в пятилетнюю ссылку в Вост. Сибирь. Он занимал видное место среди полит. ссыльных, осевших в городе. Работал в редакции газеты «Восточное обозрение». В конце 1895 истек срок приговора и Зайчневский поселился в Смоленске.

ИВАНОВ Рафаил Александрович

(10 ноября 1869, Кронштадт – 22 янв. 1915, Иркутск), музыковед, композитор, педагог, один из основателей частной муз. школы. Музыкой занялся, переехав в Петербург. В Петерб. консерваторию был принят без экзамена в класс композиции Н. А. Римского-Корсакова. В 1900, окончив консерваторию со званием свободного художника, принял приглашение на службу в Иркутск, где оставался до конца жизни. В Девичьем институте в 1900–1915 преподавал игру на фортепиано, будучи одновременно педагогом в муз. школе А. Ю. Генита-Пилсудского, затем в Муз. классах Ирк. отделения ИРМО. В частной муз. школе (1905–1915) вел класс фортепиано, историю музыки и все музыкально-теоретические дисциплины. Иванов – первый в Иркутске организатор публичных лекций-концертов. Из сочинений в Иркутске исполнялись: «Кантата памяти Н. В. Гоголя», «Сибирская увертюра», трио для фортепиано, скрипки и виолончели. В течение 15 лет заведовал муз. отделом в газетах «Восточное обозрение» и «Сибирь», оперативно освещая все события музыкально-театральной и концертной жизни города. Его высокопрофессиональные рецензии и статьи воспитывали и развивали публику, способствовали росту исполнительского мастерства артистов. Занимался изучением

бурятской народной и религиозной музыки. Увлекался фотографией, в последние годы жизни был председателем Иркутского фотографического общества.

ИГУМНОВ Александр Васильевич

(1761, Кударинская крепость – 1834, Иркутск), известный знаток монгольского. языка, один из первых в России составителей монголо-русского словаря, переводчик и преподаватель монгольского языка в Вост. Сибири (в Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте). Род. на границе с Китаем в семье переводчика монг. и маньчжурского языков. В 1771 поступил в только что учрежденную школу монг. языка в Селенгинске, которую окончил в 1777. Затем служил толмачом в Кяхтинской приграничной канцелярии, в 1781–1782 в качестве переводчика сопровождал в Китай Российскую духовную миссию. Непродолжительное время изучал литературу о Монголии в Москве и Петербурге, затем служил в казенных учреждениях в Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте, Нерчинске. В Иркутске был переводчиком монг. языка при Общем губ. управлении. Занимался переводческой и преподавательской деятельностью. По своим общественно-полит. взглядам являлся просветителем, был знаком с декабристами, принадлежал к прогрессивным кругам сиб. общества. Подвергался преследованиям: находился под полицейским надзором, неоднократно высылался из Иркутска, вынужден был менять место работы и жительства. Игумнов в совершенстве владел монг. и бурят. языками, пользовался доверием этих народов. В течение многих лет работал над составлением монголо-русского словаря (основой его составления были корни монг. слов); было составлено 4 тома. Позднее начал составлять словарь в алфавитном порядке, но успел закончить только первый том. В 1813 Игумнов учредил частную русско-монг. школу, а также преподавал монг. язык в Ирк. духовной семинарии с 1822 г. Его перу принадлежит статистико-этнографическое «Обозрение Монголии». Он собирал старинные монг. рукописи, материалы по этнографии, истории, праву и религии монг. народов, а также их эпос.

ИННОКЕНТИЙ (Иоанн Кульчицкий)

(не ранее 1680, Украина – 27 ноября 1731, Иркутск), первый ирк. епископ. Род. в именитой семье, члены которой играли заметную роль в истории Галиции, Литвы, Волыни, Заднепровской Украины. Детство провел в Черниговской губ., учился в Киевском духовном училище, которое во время пребывания в нем Иоанна было преобразовано в академию (сент. 1700), и где он провел годы с 1695 по 1706. В Киево-Печерской лавре Кульчицкий пробыл до 1710, после чего был вызван в Москву и назначен преподавателем словесности в Моск. славяно-греко-латинской академии. До 1719, кроме того, читал и курс богословия. Затем вызван в С.-Петербург, где в Александро-Невском монастыре служил в звании иеромонаха, затем обер-иеромонаха, после чего назначен главным священником рус. флота. Петр I определил его главой духовной миссии в Китай (1720). В начале марта 1722 прибыл в Иркутск, затем в Селенгинск, но встретил сопротивление китайской стороны. Ее представители заявили, что Иннокентий назван в официальных бумагах «великим господином», а у них так называют кутухту (правителя), поэтому «Богдыхану не угодна» такая фигура. Три года тянулись переговоры, три года жил Кульчицкий в Селенгинске, после чего вернулся в Иркутск, жил в Вознесенском монастыре. 26 авг. 1727 стал первым ирк. епископом, главой самостоятельной епархии (до того ирк. церковь была подчинена тобольскому митрополиту). Будучи человеком глубоко верующим, высокообразованным, деятельным, Иннокентий много сделал для укре-

пления православия в Вост. Сибири, для религиозно-нравственного просвещения паствы. В день его вступления в должность на огромном пространстве было всего 43 церкви и 4 монастыря. За короткий срок возникли храмы в Нерчинском Заводе, Балаганском остроге, Селенгинске, Иркутске (Владимирская), Чите, Троицкосавске, многие церкви возобновлены и отремонтированы. Автор опубликованных проповедей. Умер Иннокентий в результате тяжелой болезни, канонизирован церковью в 1804, объявлен первым сибирским святым. Мощи святителя были перенесены с торжественным церемониалом в Вознесенский монастырь, где и находились до 1920, когда были вскрыты и вывезены. Возвращены в Иркутск в 1990, рака установлена в Знаменской церкви.

ИННОКЕНТИЙ II (Иоанн Нерунович или Неронович)

(?, г. Киев – 26 июля 1747, Братская Пустынь), епископ Иркутский и Нерчинский. Окончил Киевскую духовную академию, с 1728 – преподаватель Моск. славяно-греко-латинской академии, с 1730 – префект академии, иеромонах Моск. Спасского монастыря. Рукоположен во епископа 25 ноября 1732. Прибыл в Иркутск 19 октября 1733. Управлял епархией с 1732 по 1747. Один из самых деятельных архиереев на Ирк. кафедре, распространял христианство среди язычников. Обратил особое внимание на Якутский край и Камчатку. При нем построена в Иркутске церковь Архангела Михаила и храм в Жилкино, в мае 1747 начато строительство каменной Крестовоздвиженской церкви. Поддерживал русско-монг. школу Вознесенского монастыря, преобразовав ее в 1738 в славяно-русскую с преподаванием латинского языка, расширил курс обучения до риторики. Умер в Братской Пустыни на пути в Петербург, похоронен там же. Останки перенесены из зоны затопления Братской ГЭС 1 октября 1960 на Радищевское кладбище Иркутска. С 14 окт. 2001 останки Иннокентия покоятся в Иркутске, на территории Знаменского монастыря.

ИРИНЕЙ (Иван Гаврилович Нестерович)

(25 янв. 1783, с. Старые Дмитруки Уманского уезда – 18 мая 1864), архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский. Сын священника. В 1805 окончил курс в Киевской духовной академии. Оставлен учителем математики, латыни и немецкого языка. В 1810 откомандирован в Яссы учителем рус. словесности и греч. языка в гл. Молдовахийское училище. В 1812 переведен в Кишинев, где принял участие в устройстве семинарии и пансиона при ней. В 1813 постригся в монашество с именем Ириней и рукоположен в иеромонахи, а в 1815 – в игумена Городищенского монастыря в Бессарабии. 25 мая 1817 произведен в архимандрита Курсковского Рождественско-Богородицкого монастыря Кишиневской епархии и назначен ректором Кишиневской духовной семинарии. В 1824 занял место законоучителя в 1-м Кадетском корпусе. 31 янв. 1827 хиротонисан в епископа Пензенского и Саратовского. В 1830 возведен в сан архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского. Заявил себя горячим защитником церковной независимости от государства. Резко критиковал ген.-губернатора А. С. Лавинского . По ложному доносу Лавинского в 1831 Ириней был снят с должности из-за «расстройства умственных способностей». Спустя многие годы Синод убедился в душевном здоровье Иринея, и в 1848 он был назначен настоятелем Толчского Ярославского монастыря. Писатель Н. С. Лесков сделал Иринея главным героем рассказа «Кадетский монастырь».

КАЛАШНИКОВ Иван Тимофеевич

(22 окт. 1797, Иркутск – 8 сент. 1863, Петербург), писатель, первый сиб. прозаик. Род. в семье чиновника, окончил Ирк. гимназию, где показал недюжинные способности, для него одного директор гимназии, первый сиб. историк П. А. Словцов прочитал курс философии. Дружба с этим выдающимся деятелем Сибири сохранилась на всю жизнь. Словцов сыграл большую роль в формировании взглядов и дарования писателя. Совсем юным, сразу же после окончания гимназии в 1808, в 11 лет, Калашников поступил на службу в Ирк. казенную экспедицию, на первых порах писцом. Он медленно поднимался по служебной лестнице, но молодого чиновника заметил М. М. Сперанский, назначенный в 1819 ген.-губернатором Сибири. Началом творчества Калашникова были публикации в Казани его краеведческих очерков: «Описание Тельминской суконной фабрики» (1817), «Краткое описание Киренского уезда» (1817), «Мысли во время грома, бывшего в Иркутске 27 июня 1816 г.» и др. Через некоторое время после переезда Словцова в Тобольск по предложению Сперанского Калашников в 1822 назначен советником Тобольского губ. правления, а уже через год он в Петербурге, в должности начальника 1-го отдела в департаменте уездов. Здесь, начиная с 1830, появляются его романы и повести, вызывавшие интерес у широкого круга читателей: «Дочь купца Жолобова» (1832), «Камчадалка» (1833), «Изгнанники» (1834), «Автомат» (1841). Калашников называл себя «сибирским Вальтером Скоттом», критика величала его «сибирским Купером», что ближе к действительности. Произведения его были положительно оценены И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, В. К. Кюхельбекером, Н. А. Полевым, Н. А. Некрасовым. Роман «Дочь купца Жолобова» был переведен на немецкий язык, о нем с похвалой отозвался В. Гюго. В. Г. Белинский, однако, выступил в целом ряде статей с резкой критикой, не всегда справедливой, это заставило Калашникова надолго замолчать. Одно из самых замечательных произведений писателя – «Записки иркутского жителя» – долгие годы пролежало под запретом цензуры в редакции журнала «Русская старина» и было опубликовано лишь в 1905 г.

Калашников был одним из самых читаемых писателей первой половины XIX в. Затем сочинения его не издавались до наших дней. Впервые все его художественные произведения опубликованы в серии «Литературные памятники Сибири» Восточно-Сибирского книжного издательства.

КАРАМЫШЕВ Александр Матвеевич

(1744 – 22 ноября 1791, С.-Петербург), выдающийся рус. естествоиспытатель, чл.-корр. Академии наук (с 1779), один из организаторов и зав. первой публичной библиотекой в Иркутске. Из семьи сибирских дворян. Учился в Екатеринбургском горном училище, Моск. университете, изучал естественные науки и химию у К. Линнея и Валериуса в Упсальском университете под рук. К. Линнея, в 1766 защитил диссертацию о сиб. растениях. После возвращения в Россию с 1773 преподавал химию и металлургию в горном училище, одновременно исполняя обязанности маркшейдера при Берг-коллегии. С 1779 по 1789 – директор Ирк. банковской ассигнационной конторы, с перерывом в 1780-1781, когда временно исполнял обязанности начальника Нерчинских заводов. В Иркутске вокруг Карамышева группировались местные представители умственных и лит. интересов. Он внес крупные денежные пожертвования на

строительство первой публичной библиотеки, открывшейся в Иркутске 3 дек. 1782 г. В течение нескольких лет заведовал библиотекой, занимался ее комплектованием. В 1790 ассигнац. контора была закрыта, и Карамышев в чине коллежского советника был определен в горную по Колывано-Воскресенским заводам экспедицию, где и состоял до дня смерти. Был членом Вольного экономического общества и Берлинского общества любителей естествознания, корреспондентом Стокгольмской академии наук. Статьи публиковались в «Трудах ВЭО», «Новых ежемесячных сочинениях».

КАСТРЕН Матвей Александрович

(20 ноября 1813, Финляндия – 25 апр. 1852, Гельсингфорс), известный лингвист и этнограф, исследователь народов Севера и Сибири. В 1814 вышел перевод Кастрена на шведский язык «Калевалы». За исследование языков зырян и остяков в 1843 был удостоен Демидовской премии. Имя его стало известно в научных кругах, и в 1845 Петерб. академия наук поручила ему возглавить многоплановую и длительную экспедицию в Сибирь. Экспедиция продолжалась более 3 лет, исследователем был собран огромный этнографический, лингвистический и фольклорный материал. Всего было обследовано около 30 народов и народностей сиб. края. В конце 1847 – начале 1848 ученый жил в Иркутске, совершал поездки на север губернии, в Тункинский кр., Забайкалье. Интересовался бурят. и монг. языками, исследовал язык и быт сойотов. В январе 1849 Кастрен вернулся в Петербург, по возвращении получил место адъюнкта академии наук с дозволением жить на родине. Последние годы его были заняты обработкой собранных материалов, подготовкой научных работ. В 1851 был избран профессором Гельсингфорского университета и возглавил кафедру финского языка и словесности. Болезнь прервала его научную деятельность – на 38-м году жизни Кастрен скончался.

КАШИН Николай Иванович

(1825, Рязан. губ. – 6 апр. 1872, Иркутск). Род. в семье фельдшера. В 1851 окончил Моск. университет и служил в Сибири врачом воен. ведомства. 4 года возглавлял Нерчинский воен. госпиталь, в 1856 утвержден в звании уездного врача. С января 1857 – младший ординатор Ирк. воен. госпиталя. В Иркутске преподавал франц. язык и медицину в духовной семинарии. В 1859 впервые в Иркутске прочел цикл из 10 лекций о медицине, причем на одной из них производил публичное рассечение трупа. Был близок к передовым общественным кругам, принимал активное участие в деятельности ВСОРГО, был избран членом его распорядительного комитета. В 1862 защитил в Моск. университете диссертацию, получил степень доктора медицины и звание инспектора врачебной управы.

Кашин составил ряд медико-топографических описаний местностей Вост. Сибири. Дал первое научное описание уровской болезни (эпидемическое заболевание суставов по р. Уров в Забайкалье), позже получившей название болезни Кашина-Бека. Всего им написано 20 научных работ, в т. ч. «Описание эндемических и других господствующих болезней по р. Урову» (1857) и «Сведения о распространении зоба и кретинизма в пределах Российской Империи» (1861). Большое значение придавал вопросам народной гигиены. Похоронен на Иерусалимском кладбище.

КЕЛЬХ Варвара Петровна

(1872 – 1959), потомственная почетная гражданка, благотворительница, почетный гражданин Иркутска. Внучка крупнейшего иркутского купца и мецената И. И. Базанова. После смерти деда в 1883 получила равную вместе с матерью Ю. И. Базановой и дядей П. А. Сиверсом долю наследственного капитала. После смерти дяди стала наследницей огромной империи Басниных, включающей в себя золотые прииски, винокуренные и солеваренные заводы, пароходства. В начале 1890-х вместе с матерью переехала в Москву. В 1892 вышла замуж за дворянина Н. Ф. Кельха, но муж вскоре умер. В 1894 вторично вышла замуж за младшего брата мужа А. Ф. Кельха. Супруги переехали в Петербург, где купили трехэтажный особняк стоимостью почти в 600 тыс. руб. Ее муж активно участвовал в семейном бизнесе, был членом правлений Прибрежно-Витимской компании. В 1904 В. П. Кельх уехала в Париж. Она прожила долгую жизнь, скончалась в Париже. Похоронена на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Вместе с матерью Кельх отличалась широкой благотворительной деятельностью. Участвовала практически во всех пожертвованиях, была членом многочисленных благотворительных организаций в Иркутске, Москве, Петербурге. На деньги Кельх учреждались стипендии, строились приюты и больницы. Как попечительница Ирк. сиропитательного дома им. Е. Медведниковой была удостоена золотой медали на Анненской ленте «за усердие», являлась почетной попечительницей Базановского воспитательного дома и Иваново-Матренинской детской больницы. В 1909 за значительные пожертвования ей было присвоено звание «Почетный гражданин Иркутска».

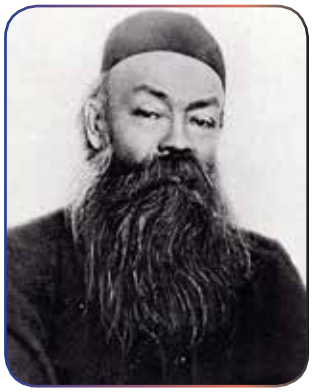
КИСЛЯНСКИЙ Леонтий Константинович

(1641 – не ранее 1697), рус. живописец и рудознатец, ирк. письменный голова (1683–1684) и воевода (1689–1692). С 1671 по 1677 был живописцем при Посольском приказе и оружейной палате в Москве. В 1678 «живописного дела мастер Леонтий Константинов сын Кислянский за многую работу написан по Московскому списку», т. е. в моск. дворяне. В 1680 был письменным головою в Ирк. остроге. Проявил себя как исполнительный и энергичный администратор, знаток горного дела. В числе прочих поручений имел наказ «проведывать у иноземцев и у рус. людей всякими мерами накрепко» о месторождениях руд, красок, слюды, нефти. В донесениях сообщал о находках слюды по р. Уре, Ангаре и около Байкала, о голубой краске на Витиме, графите, желтой и черной краске из Селенгинска. Около Иркутска им была обследована гора, из которой выходил пар, по запаху сходный с нефтью. Найденные в Иркутске образцы руд и красок отправлялись в Москву для заключения об их пригодности. С 1689 по 1692 Кислянский вторично был в Иркутске уже в качестве воеводы и стольника. Будучи искусным живописцем, содействовал появлению иконописного мастерства в Ирк. остроге. После возвращения в Москву «служил с корму», т. е. получал жалованье, участвуя в воен. походах в чине стольника. В 1697 по болезни уволен с воен. службы и жил в небольшом поместье под Москвой.

КЛАДИЩЕВА Антонина Михайловна

(1857 – 1879), сестра А. М. Сибирякова. После ее смерти А. М. Сибиряков по дарственной записке на имя Ирк. гор. думы 17 окт. 1879 пожертвовал городу на учреждение начальной школы ее имени часть золотых приисков. Он

внес 150 тыс. руб. Всего было учреждено 4 школы им. Кладищевой – 2 мужские и 2 женские.

КЛЕМЕНЦ Дмитрий Александрович

(15 дек. 1848, с. Горяиново Николаевского уезда Самарской губ. – 8 янв. 1914, Москва), революционер-народник, прозаик, публицист, археолог, этнограф, путешественник. Учился в Самарской и Казанской гимназиях, Казанском и Петерб. университетах. Член кружка «чайковцев», стоял у истоков героического «хождения в народ». С 1872 скитался по России, ведя пропаганду. В 1875 – волонтер в Сербии и Черногории, участвовал в Герцеговинском восстании. Предпринимал попытку освобождения Чернышевского. Один из редакторов журналов «Община», «Земля и воля». Сотрудничал в легальных изданиях «Дело», «Современное обозрение», «Отечественные записки». Автор популярных песен «Свободушка», «Доля», «Барка», «Когда я был царем российским». Член общества «Земля и воля». В 1879 арестован и сослан в Сибирь. Ссылку отбывал в Минусинске. С конца 1880-х жил в Томске, с 1892 – в Иркутске. Был хранителем Ирк. краеведческого музея, правителем дел ВСОИРГО, редактировал «Восточное обозрение». Много путешествовал по Сибири и Монголии. С 1898 – в Петербурге. Один из создателей этнографического отдела Рус. музея Александра III.

КЛИЧКА Франц Николаевич (Франтишек Миколаш Ксавериус)

(ок. 1730, близ г. Клатовы, Южная Чехия – 28 окт. 1786, г. Орел), рус. воен. и гос. деятель, ирк. губернатор в 1778–1783. По национальности чех, из крестьянской семьи. Учился в иезуитской гимназии. Пытался поступить в Пражский университет, но из-за отсутствия средств не смог этого сделать. Занимался репетиторством. В конце 40-х XVIII в. приглашен воспитателем в одну из дворянских семей в Россию. В 1750 поступил на воен. службу, закончил артиллерийский корпус. Участвовал в Семилетней и рус.-турецкой войнах. В 1769 отличился в сражениях под Хотином и при Ларге, был в числе первых георгиевских кавалеров в России. В 1777 в чине ген.-майора назначается управителем Новгородской губернии, а по указу от 24 сент. 1778 – губернатором в Ирк. губернию. В Иркутск прибыл 1 февр. 1779 и управлял губернией до лета 1783, когда был переведен на должность орловского и курского ген.-губернатора. Похоронен в Курске.

Кличка был незаурядным для своего времени человеком, отличавшимся деловитостью, образованностью, честностью. Его деятельность в Иркутске заслужила признание жителей. Он уделял большое внимание торговле, содействовал развитию сельского хозяйства, внедрял посадку картофеля и табака. Содействовал развитию горнорудного производства – при нем был открыт ряд рудников. По инициативе Клички были исследованы и приспособлены для лечения горячие Туркинские воды на Байкале. Особенно много сделал он для развития просвещения и культуры Иркутска. По его инициативе в 1781 была открыта первая градская школа, а год спустя – народное училище. В 1782 открылась го-

родская библиотека – вторая в России после Тулы публичная провинциальная библиотека. Сам губернатор пожертвовал в ее пользу 204 сочинения из личного книжного собрания. Одновременно был открыт музей. За плодотворную деятельность в Иркутске Кличка был награжден орденом Св. Анны I ст. и получил чин ген.-поручика. За боевые заслуги имел ордена Св. Георгия 4-й и 3-й ст. В его честь назван рудник в Забайкалье.

КНОРРИНГ
Федор Иванович

(9 мая 1854, Санкт-Петербург – ?) инженер. Окончил физико-математический факультет С.-Петерб. университета в 1876, в 1878 – институт инженеров путей сообщения в звании гражд. инженера. Работал на ряде ж. д. дорог империи. С 1 июня 1907 приказом по МПС назначен начальником Забайкальской железной дороги. В Иркутск он прибыл 24 авг. 1908. Революционные события 1905–1907 гг. негативным образом отразились на работе дороги: снизилась дисциплина, увеличилось число хищений и порчи оборудования и подвижного состава. Кнорринг, отстаивая незыблемость государственного строя, повел жесткую политику экономии государственных средств и начал увольнение неугодных работников. Принимал активное участие в заседаниях Ирк. гор. думы. Участвовал в обсуждении выбора места для товарной конторы станции Иркутск и высказывал свое мнение по поводу устройства гор. моста через Ангару. Как начальник дороги Кнорринг выполнял обязанности председателя Комитета образовательных учреждений Заб. ж. д. Редактировал газету «Вестник Забайкальской железной дороги». По его инициативе в Иркутске был открыт приют для сирот бывших служащих, который содержался главным образом за счет добровольных отчислений из жалования ж.-д. служащих и при поддержке Общества потребителей служащих и рабочих Заб. ж. д. Приказом по МПС от 18 апр. 1911 Кнорринг был назначен начальником работ по постройке второго пути на участке Байкал – Култук – Танхой с 1 апреля 1911 с оставлением в других занимаемых должностях.

22 апр. 1911 императрица Мария Федоровна по докладу председателя Гл. управления Росс. общества Красного Креста назначила Кнорринга уполномоченным Гл. управления по строительству иркутского склада Красного Креста на станции Иннокентьевской (Иркутск-Сортировочный).

Кнорринг принимал участие в гор. культурных мероприятиях, по его инициативе в 1912 была организована группа так называемых потешных, т. е. участников художественной самодеятельности. После выступления на «Циклодроме» группа была отправлена в С.-Петербург.

Как начальник дороги он принимал участие в обсуждении проекта так называемой Ленской ж. д. В янв. 1912 председательствовал на совещании ирк. предпринимателей и банкиров по вопросу о проведении ж. д. Иркутск – Жигалово. Был уволен со службы 13 февр. 1914.

Кнорринг написал несколько книг: «Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги: Забайкальская железная дорога» (Иркутск, 1912), «Сеть железнодорожных элеваторов как дополнение портовых (СПб., 1892)», «Румынские портовые элеваторы» (Киев, 1892), «Через Америку в Японию: Путевые очерки» (СПб., 1904).

Кнорринг – кавалер многих российских орденов: Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й ст., Св. Анны III ст., а так же иностранных – Сиамский орден Короны I степени и Китайский орден Нового дракона – 2-й класс 3-й ступени.

КОЗЛОВ
Иосиф Андреевич

(01.09.1878 — 04.02.1963, Свердловск). Участник первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием. Из мещан г. Илимска Иркутской губ. Образование: Иркутское городское училище, Ташкентское военное училище.

Служба:15.08.1900 г. зачислен в 21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк молодым солдатом. Участник русско-японской и русско-китайской войн.

С 1906 г. зачислен на сверхсрочную службу в 5-й пехотный Сибирский резервный Иркутский полк. Подпрапорщик 42 Сибирского стрелкового полка. Удостоен: 06.09.1911 г. – звания отличного стрелка и награжден знаком 3-й ст. за отличную стрельбу, 07.09.1911 г. – отличного стрелка, 24.09.1911 г. – отличного стрелка из револьвера, 31.07.1912 г. – отличного глазомерщика, 03.08.1913 г. – отличного стрелка из винтовки и награжден знаком 1-й ст. за отличную стрельбу и отличного стрелка из револьвера. 23.10.1913 г. получил приз 10 руб. за отличную стрельбу из винтовки. Участник Первой мировой войны, с 20.08.1914 г. в походах и делах против Германии. 12.02.1915 г. был контужен в бою у деревни Красни, а 05.08.1915 г. ранен в бою у деревни Августов – сквозное пулевое ранение правого плечевого пояса – и эвакуирован в госпиталь. 02.09.1915 г. командирован в пехотное училище. 10.11.1915 г. утверждено его производство в прапорщики со старшинством с 13.03.1915 г. 13.12.1915 г. переведен в 82-й обозный батальон, назначен командиром 2-го взвода 410-го транспорта. 07.01.1916 г. выступил с транспортом на театр военных действий и прибыл на Юго-Западный фронт. 13.06.1916 г. за отличия в делах против неприятеля произведен в подпоручики со старшинством с 06.08.1915 г. 25.07.1916 г. окончил Ташкентское военное училище. 09.01.1917 г. отчислен от должности Командира взвода 410-го транспорта с откомандированием в распоряжение Начальника Штаба II-го армейского корпуса для назначения в строевую часть. Назначен на службу в 657-й пехотный Прутский полк, куда прибыл 26.01.1917 г. и назначен начальником учебной команды. Капитан. Участник Белого движения на Востоке России.

Награжден Георгиевскими крестами: 4-й ст. № 58566, 3-й ст. № 27457 и 2-й ст. № 4747; орденом Св. Георгия 4-й ст. «за то, что в бою у с. Августова, в ночь с 5-го на 6-е августа 1915 года, лично довел командуемую им роту до штыкового удара и взял действующий германский пулемет, причем сам был ранен» (Высочайший приказ от 27.09.1916 г.). Приказом 165-й пехотной дивизии № 215 от 13.09.1917 г. утверждено постановление полковой Георгиевской Думы о награждении Козлова Георгиевским крестом 4-й ст. № 1051258 с лавровой веточкой, Георгиевским оружием «за то, что в бою 16 июля 1917 г. у деревни Зулучье, командуя учебной командой, занимал позицию по островам реки Черемош. Когда соседние части 660-го Черновицкого полка под натиском противника отошли и фронту 165-й пехотной дивизии угрожал прорыв, подпоручик Козлов, быстро оценив положение, бросился во главе команды в контратаку, выбил противника из занятых им окопов, захватив при этом 2 пулемета и до ста пленных. До восстановления боевой линии отбил 6 атак противника».

КОРСАКОВ
Михаил Семенович

(1 янв. 1826, Москва – 16 марта 1871, С.-Петербург), ген.-лейт., член Гос. совета, ген.-губернатор Вост. Сибири в 1861–1871. Из старинной дворянской семьи. Образование получил в школе гвардейских

прапорщиков, по окончании которой в 1845 был зачислен в штат Семеновского полка. В 1848 по ходатайству близкого родственника ген.-губернатора Вост. Сибири Н. Н. Муравьева получил назначение в Иркутск на должность чиновника особых поручений. Выполняя различные поручения ген.-губернатора, объездил почти всю Вост. Сибирь. Принял деятельнейшее участие в делах по заселению и освоению вновь приобретенного Амурского края. В 1853–1855 возглавлял всю организационную работу по снаряжению первых экспедиций на Амур, был участником первых амурских сплавов. В мае 1855 назначен командующим войсками, сосредоточенными в устье Ангары, а в конце этого же года занял должность воен. губернатора Забайкальской обл. и наказного атамана Забайк. казачьего войска. Много сделал для укрепления Забайкальского и Амурского казачества, занимался организацией Амурского края, заботился о развитии просвещения. В 1860 вновь переведен в Иркутск, где возглавил совет при ген.-губернаторе, а после отставки Н. Н. Муравьева-Амурского в 1861 был назначен на его место. Внес значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие края. Многолетняя беспокойная служба в Сибири, постоянные разъезды подорвали его здоровье 21 янв. 1871 Корсаков уволен от должности ген.-губернатора и командующего войсками и назначен членом Государственного совета. На его похоронах присутствовал Александр II. В честь Корсакова назван порт на острове Сахалин.

КОМПАНЕЙЦЕВ Николай Федорович

(1885, Иркутск – 1942 г.). Участник первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием. Из иркутских мещан. Образование: Иркутское горное училище, Иркутское юнкерское пехотное училище, Авиационный отдел офицерской воздухоплавательной школы.

Награды: Георгиевское оружие ВП от 21.06.1915 «За то, что 12 февраля 1915 г. под крепостью Гродно произвел разведку расположения противника, выяснив нахождения его батарей у дд. Бартники и Рыгаловка, наносивших большие потери полкам нашей пехотной дивизии. Благодаря этой разведке огнем батарей крепости был ослаблен огонь неприятельских батарей».

КРАНЦ Егор Федорович

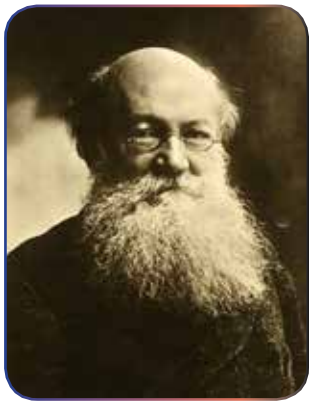
(1746, Рига – 26 марта 1807, Иркутск), первый директор Ирк. гимназии. Род. в немецкой протестантской семье, обучался в местном училище при Соборной церкви, затем в пансионате доктора Линтера. В 1764 поступил на воен. службу в Преображенский полк. Принимал участие во многих воен. кампаниях. С 1783 перешел на гражд. службу, получив чин надворного советника. В дек. 1783 получил назначение на пост городничего в Нерчинск, где прослужил 15 лет. В 1798 был переведен в Иркутск и назначен на должность директора училищ Ирк. губернии. Иркутское гл. народное училище было преобразовано в мужскую гимназию, ее директором Кранц оставался до самой смерти.

КРАШЕНИННИКОВ Степан Петрович

(31 окт. 1711, Москва – 25 февр. 1755, С.-Петербург), крупный ученый, один из первых академиков, исследователь Сибири и Камчатки. Род. в семье солдата лейб-гв. Преображенского полка. С 1724 по 1732 обучался в славяно-греко-латинской академии в Москве. Не закончил курс обучения в классе философии, так как был вызван в Петербург и включен в состав акад. отряда Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. 8 авг. 1733 в составе отряда отправился в Сибирь. В начале марта 1735 прибыл в Иркутск, где пробыл до 21 янв. 1736. В Иркутске приобрел первые навыки самостоятельной научной работы, выезжал в не-

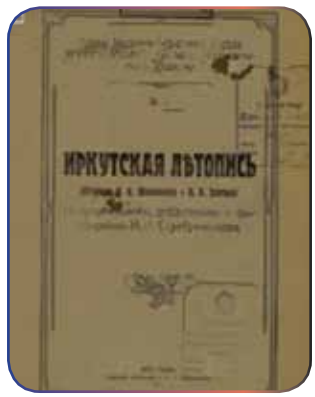
большие экспедиции для изучения побережья Байкала и Баргузинской долины (янв. – март 1736), в Забайкалье (март – сент. 1735), в верховья Лены (март – май 1736). По их результатам было подготовлено несколько научных работ и отчетов. В 1737 отправился на Камчатку, где провел в общей сложности 4 года. Здесь во всей полноте раскрылся его талант исследователя. Крашенинникова интересовали природа, животный и растительный мир, история края, быт и хозяйство коренных обитателей. За годы, проведенные в Сибири и на Камчатке, он прошел и проехал более 25 тыс. верст. Вернувшись в Петербург в февр. 1743, Крашенинников в течение 10 лет приводил в порядок и разбирал собранные в экспедиции материалы. В 1745 ему было присвоено звание адъюнкта Академии наук, в 1750 – академика. В 1753–1754 заканчивал фундаментальную работу, не потерявшую своего научного значения до наших дней: «Описание земли Камчатки». Книга была издана в акад. типографии в 1755.

КРОПОТКИН Петр Алексеевич

(27 ноября 1842, Москва – 8 февр. 1921, г. Димитров, похоронен в Москве), революционер, писатель, ученый и путешественник. Виднейший теоретик русского анархизма, участник революционного движения 70-х XIX в., народник. Род. в княжеской семье, ведущей свою родословную от Рюрика и смоленских князей. Образование получил в Пажеском корпусе. Окончил корпус первым учеником и личным пажом Александра II. По собств. желанию был отправлен на службу в Сибирь. Пять лет провел в путешествиях по северному краю, в том числе по Амуру, золотым промыслам Лены, Китаю. Исследовал Западные Саяны. Часто бывал в Иркутске, посещал библиотеки, общественное собрание. Известны его письма, в которых высоко оценивается общественная жизнь Сибири, Иркутска.

После возвращения из Сибири поступил на физ.-мат. факультет Петерб. университета. Член Рус. геогр. общества, куда принят в Иркутске в 1865. Первый визит в Иркутск относится к сент. 1862. В февр. 1865 во время очередного приезда Кропоткин знакомится с американским геологом Рафаелом Пумпелли и немецким антропологом Адольфом Бастианом. «Пять лет, проведенных в Сибири, – писал он позднее в своих воспоминаниях, – были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера...» Среди его рукописей много работ, посвященных краю: «Флора и фауна Сибири», «Орография Восточной Сибири», «Путешествие в Сибирь». Состоял секретарем Рус. геогр. общества по отделу географии. Арестован в 1874 за революционную работу в кружке чайковцев. В 1876 совершил побег из тюремной больницы и перебрался за границу, где жил до 1917, занимаясь революционной деятельностью. Именем Кропоткина названы хребет в Патомском нагорье, хребет и вулкан в Вост. Саяне, гора в Олекминском Становике, город в Краснодарском крае, поселок гор. типа в Ирк. обл.

КРОТОВ Василий Алексеевич

(1800 – 21 дек. 1863, Иркутск), ирк. купец, летописец, автор рукописи «Летопись города Иркутска…», которая. отражает события из истории Иркутска более чем за 200 лет (1652–1856). По содержанию она полнее летописи П. И. Пежемского и значительно дополняет ее и все другие известные иркутские летописи. Она включает в себя самые полные гидрологические сведения и обширный материал по истории иркутских церквей.

КУДЕЛЬСКИЙ Владислав Андреевич

(17 дек. 1838 – 19 авг. 1893, Иркутск), архитектор. Сын поручика гвардии. Окончил Императорскую академию художеств со званием неклассного художника. В этом звании был общим собранием Академии художеств 6 апр. 1858 наделен «… правом производить строения и пользоваться преимуществами Всемилостивейшее дарованною Академиею привилегиею художникам». С марта 1860 служил в Иркутске по строительному отделению при Гл. упр. Вост. Сибири сначала «архитекторским помощником», а затем архитектором, ст. архитектором.

Исполнял обязанности городского архитектора в 1880–1881. Был гласным гор. думы в кон. 1880-х – нач. 1890-х. Много проектировал, особое внимание уделял церковному зодчеству. Автор крупнейшего в губернии сооружения того времени – Вознесенского собора в одноименном мужском монастыре. Им были построены церкви в Кимильтее, Зиме, Князе-Владимирская церковь и Иверская часовня в Иркутске. Похоронен на Иерусалимском кладбище.

КУЗНЕЦОВ Алексей Иванович

(1865, Тверская губ. – 4 апр. 1904), архитектор. Род. в семье крупного землевладельца. После окончания Тверского реального училища поступил в Петерб. академию художеств. Будучи студентом, участвовал в конкурсных программах, за что в 1888 и 1890 ему были присуждены серебряные медали 1-го и 2-го достоинства. В 1892 был направлен на службу в Иркутск в качестве архитектора в технически-строительном комитете, а затем в управлении строит. и дорожной части при Ирк. ген.-губернаторе. С марта 1895 – городской архитектор Иркутска. Как архитектор Кузнецов был одарен и плодотворен. Многие из его проектов и сооружений до сих пор украшают город. Ценился как специалист и неоднократно давал заключения о состоянии общественных и культовых сооружений Иркутска. Службу оставил в 1902. Был удостоен орденов Св. Анны III ст., Св. Станислава III ст. и серебряной медали в память царствования Александра III. Выйдя в отставку, продолжал работать.

Некоторые сооружения Кузнецова: двухэтажное каменное здание больницы для хроников в Глазковском предместье (теперь – корпус санатория «Ангара»); трехэтажное каменное здание инженера Никитина (ул. Литвинова, 1); одноэтажное каменное здание аптеки Писаревского (ул. Дзержинского, 34); дом купца И. Файнберга (ул. Халтурина, 1) и др.

ЛАБЗИНА Анна Евдокимовна

(28 ноября 1758 – 3 окт. 1828, Москва), рус. писательница и обществ. деятель. Детство провела в деревне под Екатеринбургом. Получила домашнее воспитание. В 1772 выдана замуж за ученого-натуралиста, акад. А. М. Карамышева. В 1779 вместе с мужем переехала в Иркутск, где муж занял должность директора банковской конторы. Пребывание в Иркутске, а затем в Забайкалье отражено Лабзиной в «Воспоминаниях», изданных Б. Л. Модзалевским в «Русской старине» в 1903. Позднее вышли отдельным изданием. Написанные откровенно и беспристрастно, они сообщают интересные сведения об Иркутске и о его жителях конца XVIII в. После смерти мужа в 1791 вторично вышла

замуж в окт. 1794 за А. Ф. Лабзина, известного писателя, вице-президента императорской Академии наук. Помогала ему в литературных трудах, в издании «Сионского вестника», принимала участие в основанной им в 1800 масонской ложе «Умирающий Сфинкс».

ЛАКСМАН Эрик Густавович

(27 июля 1737, г. Нейшлет, Финляндия – 5 янв. 1796, ст. Дресвянская Тобольской губ.), выдающийся путешественник и натуралист XVIII в., член Петерб. академии наук. Род. в семье мелкого финского торговца. Образование получил в училище в Рантасальми, затем в гимназии в г. Ворго. Из-за тяжелых материальных условий вынужден был уйти из университета г. Або и до 1762 занимал место помощника пастора в одном из селений. Желание продолжить образование и получить место привело его в Петербург. Лаксман принимает участие в экспедициях в окрестностях Петербурга. В 1764 получает место пастора Колывано-Вознесенских заводов. В июне 1766 впервые посетил Иркутск. Вернувшись в 1769 в Москву, опубликовал несколько статей. Материалы, собранные в Сибири, принесли ему известность в научных кругах. В 1770 Лаксмана избирают академиком по кафедре экономики и химии Петерб. академии наук. Годом ранее он был избран членом Стокгольмской академии. В 1870-х успешно занимается химией и геологией. Конфликт с руководством Академии наук заставляет его вторично уехать в Сибирь. В 1780 в чине надворного советника он назначается на должность помощника гл. командира Нерчинских горных заводов. Однако служба не ладилась, и Лаксман вынужден был занять пост нерчинского исправника. В 1784 переехал в Иркутск, где окончательно обосновался. В Иркутске он вел исследовательскую работу, занимался изучением минералов, ботаникой, метеорологией, хим. экспериментами, совершал поездки в различные уголки Вост. Сибири. Лаксман много сделал для развития и просвещения иркутского общества. При его активном участии в Иркутске был создан один из первых в России провинциальных естественных музеев. В 1784 в компании с купцом А. А. Барановым, будущим правителем Рус. Америки, открыл стекольный завод на речке Тальцинке, основанный на совершенно новой технологии – использовани глауберовой соли вместо поташа. Одним из последних начинаний была организация первой рус. экспедиции в Японию. Руководил ею его сын А. Э. Лаксман. За организацию этого плавания Лаксман получил чин коллежского советника и орден Св. Владимира.

ЛАНГ Лоренц

(1684, г. Стокгольм – 26 дек. 1752, Иркутск), шведский инженер, рус. дипломат, путешественник, вице-губернатор Ирк. провинции с июня 1740 по 1752. В Россию попал молодым человеком через Финляндию, где жила его замужняя сестра (по др. сведениям, был взят в плен под Полтавой и в 1712 вступил в рус. службу). В том же году был отправлен в Пекин в качестве спутника англ. хирурга Томаса Гарвина с поручением выяснить состояние русско-китайской торговли. В 1719 вновь совершил поездку в Китай уже в качестве секретаря при посольстве Л. Измайлова. После отъезда посла в Россию был оставлен в Пекине в должности русского консула для защиты торговых интересов. В 1722 вернулся в Селенгинск. В 1725 назначен секретарем нового посольства в Китай, которое возглавил С. Л. Владиславич-Рагузинский. Принимал активное участие в установлении новой русско-китайской торговли, подал ряд проектов по

ее совершенствованию. Дорожный дневник путешествия в Китай Ланга (1715–1718) является ценным источником по истории Сибири первой четв. XVIII в. 25 июня 1739 Ланг был назначен правителем (вице-губернатором) Ирк. провинции, продолжал заниматься караванной торговлей, проявил себя как умный и деятельный администратор. Подготовил ряд проектов по улучшению управления краем, ясачного сбора, пытался бороться со злоупотреблениями и казнокрадством. В его ведении находились пограничные вопросы и торговля. В последние годы жизни стал мало заниматься делами, передоверив решение многих вопросов подчиненным, что привело к крупным злоупотреблениям чиновников.

ЛАНГАНС
Франц Иванович

(1746 – 2 апр. 1814, Иркутск), ирк. чиновник, автор историко-этногр. исследования о народах Ирк. губернии. На службе с 1761. В 1789 был назначен первым директором гл. народного училища Иркутска, затем служил председателем гражд. палаты Ирк. наместничества. В 1801 гражд. палата была переименована в палату суда и расправы, и Ланганс стал председателем ее второго департамента. Проявил себя как знаток законов, пытливый и наблюдательный исследователь края. В 1786 составил первый в стране юридический словарь – «Словарь юридический, или Своды Российских узаконений, по азбучному порядку, для употребления имп. Московского университета в класс практической юриспруденции». Опубликованный в 1788, он выдержал до начала XIX в. несколько изданий и стал настольной книгой для присутственных мест страны, особенно в провинции. Еще большую известность получила его рукопись «Собрание известий о начале и происхождении различных племен иноверцев, в Иркутской губернии проживающих». Это описание было сделано по поручению ирк. ген.-губернатора И. В. Якоби в ответ на указ Екатерины II (1784) о сборе подробных сведений, касающихся народов Сибири. В составлении рукописи Лангансу помогали переводчик с монг. языка И. Иеруг и зав. архив. работами С. Лабусевич. В результате получилось капитальное, самостоятельное исследование, которое было хорошо известно современникам и до настоящего времени не потеряло источниковедческого и историографического значения. В начале 90-х XVIII в. Ланганс участвовал в составлении «Топографического описания Иркутского наместничества» (1794).

ЛЕБЕДЕВ
Николай Петрович

(1750 – 6 янв. 1813, Калуга), ген.-лейт., ирк. воен. губернатор и командир ирк. гарнизона в 1802–1807. Происходил из дворян Смоленской губ. На воен. службу поступил в 1763. Участвовал в польской кампании, в первой и второй русско-турец. войнах. В 1796 в звании полковника участвовал в Персидском походе, затем произведен в ген.-майоры и определен командующим войсками в Оренбургской губ. В 1799 переведен в Тобольск на должность воен. губернатора и командующего местным гарнизоном. Пользовался благосклонностью Павла I. В 1800 получил очередной чин ген.-лейт. и Мальтийский крест. В 1802–1803 выполнял обязанности воен. губернатора, затем до 1807 – командира Ирк. гарнизона. Проявил себя как энергичный и заботливый военачальник. В бытность его в Иркутске была устроена воен. гарнизонная школа, построено новое здание воен. госпиталя. В конце 1806, получив известие о наборе в России ополчения, сформировал в Иркутске батальон из добровольцев в 600 чел., который был направлен на Кавказ для борьбы с иранской армией. Кроме того,

собрал на нужды армии 26 тыс. руб. добровольных пожертвований. В авг. 1807 по болезни вышел в отставку и удалился в свое имение в Смоленской губ. С первых дней нашествия Наполеона Лебедев принял деятельное участие в организации и обучении смоленского ополчения, будучи единодушно выбранным в его начальники. Смоленское ополчение сыграло значительную роль в обороне Смоленска, принимало участие в Бородинском сражении. Вскоре после оставления русской армией Москвы Лебедев тяжело заболел и скончался.

ЛИНЬКОВ Александр Иванович

(17 окт. 1877 – ?), историк, преподаватель Ирк. учительского института, Девичьего института. Сын крестьянина Вологодской губ. Учился в Моск. духовной академии, окончил обучение со степенью кандидата богословия. Преподаватель Архангельской духовной семинарии по кафедре церк. и библейской истории, помощник инспектора семинарии, учитель истории и географии в Архангельской и Мариинской женской гимназиях. С 1908 на службе в Томске, с 1909 по 1913 – преподаватель истории и географии в Ирк. учительском институте. С 1911 по 1913 – редактор первого сиб. исторического журнала «Сибирский архив». В 1913 Линькова переводят директором Минусинской учительской семинарии, и журнал выходит в Минусинске. В 1916–1917 – директор Ирк. учительского института. Журнал вновь издается в Иркутске, но с расширенной тематикой и под названием «Сибирская летопись». В 1917 уехал в Забайкалье. Два месяца был директором Сретенской учительской семинарии в 1918.

ЛИТВИНЦЕВ Василий Андреевич

(15 июля 1821, Иркутск – 24 авг. 1895, Иркутск), иркутский 1-й гильдии купец, староста Кафедрального собора (1883–1894), один из деятельных членов строительного комитета по постройке Казанского собора. Учился в Ирк. гимназии, но курса не окончил. Торговал пушниной. На его средства в Иркутске построена Князе-Владимирская церковь (1895), на завещанные им капиталы при церкви образован мужской монастырь (1903) и открыта церковно-учительская семинария (1900). Похоронен Литвинцев в подвальном этаже Князе-Владимирской церкви.

ЛОСЕВ Антон Иванович

(1765, Иркутск – 4 дек. 1829, Иркутск), ирк. губ. архитектор и землемер, статистик и картограф, выдающийся краевед. Происходил из «навигацких» детей. В 1773–1779 обучался в Ирк. навигацкой школе. С 1781 числился ст. геодезистом и архитекторским помощником, в 1786 занял должность уездного, затем губ. землемера. На гос. службе дослужился до чина коллежского советника. Внес большой вклад в развитие картографии Вост. Сибири. В 1785–1786 проводил съемку и описание всего течения р. Лены, в 1787 – р. Селенги, в 1790–1792 – р. Ангары. Его съемка Байкала 1787–1788 была наиболее точной для того времени. Автор нескольких карт Байкала, всех уездов и ряда ген. карт Ирк. губернии. Участвовал в работах по разделению Сибири на Западную и Восточную.

Как архитектор являлся автором многих построек в Иркутске. По его проектам были возведены купеческие особняки Киселева, Баснина, Медведникова, Чупалова и др. Можно отметить здание Гл. народного училища, казармы Росс.-Амер. компании, тюремный замок, церковь Григория Неокесарийского в ограде Троицкой церкви. В Верхнеудинске по его проекту был построен Гостиный двор. Почти все постройки Лосева в Иркутске были уничтожены во время пожара 1879. Лосев отличался большой работоспособностью, широкими познаниями. Его перу принадлежит большое количество статей, обширных хозяйственных, исторических и географических описаний. 15 статей были опубликованы в газете «Казанские известия». Из рукописей наибольший интерес представляют: «Описание Иркутской губернии» (1805), «Хозяйственное описание Иркутской губернии» (1805), «Хозяйственное описание Иркутской губернии» (1811), «Географическо-статистическое описание Иркутской губернии» (1819). Ни одна из крупных работ Лосева не была опубликована в XIX в., но их содержание в той или иной степени было известно современникам и оказало заметное влияние на характер представлений о природе и истории Вост. Сибири в кон. XVIII – 1-й пол. XIX в. Награжден бронзовой медалью в честь 1812 г., орденом Св. Владимира IV ст. Похоронен на Иерусалимском кладбище в Иркутске.

ЛЬВОВ Федор Николаевич

(11 авг. 1823 – 23 мая 1885, С.-Петербург), рус. революционер, петрашевец. По делу петрашевцев в 1849 сослан на каторгу – через Тобольск в Шилкинский, а затем Александровский сереброплавильный завод. В 1856 вышел на поселение, прибыл в Иркутск, служил в Гл. управлении Вост. Сибири. Занимался геологией, химией, исследовал солеварение на Ирк. сользаводе, минеральные источники, читал лекции по химии. Сотрудничал в газетах «Иркутские губернские ведомости» и «Амур», где опубликовал 20 статей по вопросам геолого-хим. изучения края и общественным вопросам. Критиковал всевластие ген.-губернатора Вост. Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, принял активное участие в «Неклюдовской истории» (апр. 1859), за что в янв. 1860 был уволен от службы. С марта 1860 по июль 1861 жил в с. Олонки у декабриста В. Ф. Раевского.

В конце 1860 его письмо об ирк. дуэли («Неклюдовское дело») было опубликовано в «Колоколе» А. И. Герцена. Тогда же Герцену было направлено еще одно письмо, опровергающее трактовку событий ирк. дуэли М. А. Бакуниным, но оно не было обнародовано. В 1861–1862 опубликовал в журнале «Современник» корреспонденции из Иркутска – «Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного». В 1863 вернулся в Петербург, был восстановлен в правах. С 1866 – член рус. технического общества, с 1870 – его секретарь, затем ответственный редактор записок этого общества.

ЛЮРСЕНИУС Иоганн Вильгельм (Lursenius Johann Wilhelm)

(1704 – 1771), художник-рисовальщик. В 1728 Росс. академией наук выписан из Пруссии в качестве рисовальщика. С 1733 по 1743 путешествовал по Сибири и Камчатке с экспедицией Георга Миллера. На всем длительном пути Люрсениус делал зарисовки городов и местности. По этим рисункам, хотя они и несколько условны, сейчас можно судить об облике сиб. городов того времени (в том числе о Енисейске, Красноярске, Иркутске, Илимске и Якутске). Поз-

же, находясь в академии, значился мастером живописных дел. Гравюры с сиб. зарисовок Люрсениуса были выполнены В. Бугреевым, А. Колпашниковым, А. Рудаковым, С. Федоровым, Н. Челноковым. «Вид Иркутска» работы Люрсениуса был гравирован А. Г. Рудаковым. В Ирк. художественном музее хранятся 9 видов-панорам сиб. городов, изготовленных мастерами гравюры для серии «Собрание российских и сибирских городов».

МААК Ричард Карлович

(23 авг. 1825, г. Аренсбург, Эстония – 13 ноября 1886, г. С.-Петербург), рус. ученый и путешественник, деятель народного просвещения. Воспитывался в Ларинской гимназии в Петербурге, обучался в Дерптском университете. С 1852 служил по Министерству народного просвещения. С 1854 работал учителем в Ирк. мужской гимназии, в 1866–1868 занимал должность директора гимназии, с 1868 – гл. инспектор училищ Вост. Сибири. Научные интересы Маака были связаны с изучением географии и геологии Вост. Сибири. В 1853–1854 руководил первой крупной экспедицией Сиб. отдела Рус. геогр. общества в долину р. Вилюй. Были впервые получены подробные сведения о растительности, климате, этнографии малоизученной территории, составлена карта обширного края. Маак исследовал также горные хребты Прибайкалья. В 1855–1856 совершил путешествие на р. Амур, в 1859–1860 – в долину р. Уссури. Автор ряда серьезных монографий и многих статей в научных и массовых изданиях. С 1879 исполнял обязанности члена Совета при министре народного образования.

МАНАССЕИН Владимир Сергеевич

(20 июля 1878, Казань – 27 авг. 1938, Иркутск), историк, краевед, крупный специалист библиотечного дела. Род. в семье мирового судьи. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Николаевское военно-инженерное училище в Петербурге и Казанский университет, юр. факультет (1911). Служил в 4-м саперном батальоне в Гродненской губ. Уволился из армии в 1907 в чине штабс-капитана. В 1914, как бывший офицер, был мобилизован и назначен в штаб инспектора инженерной части Казанского военного округа, где и прослужил всю войну, там же оставался (в должности начальника штаба) и после Февр. революции, а также после Октябрьской вплоть до расформирования штаба в апреле 1918. Освободившись в 1918 от военной службы, Манассеин поступил в Казанский комиссариат гос. обеспечения. В авг. 1918, после взятия Казани армией Комитета учредительного собрания, он вновь был мобилизован и отправлен сначала в Самару, а потом в Омск, где и застал его колчаковский переворот. В Омске служил в Инженерном управлении. В армии А. В. Колчака Манассеин получил чин подполковника. В 1919 Управление было эвакуировано в Иркутск, здесь после захвата власти полит. центром оно перешло в состав 5-й армии, и Манассеин 25 января 1920 был назначен начальником административного отдела этого управления. В этой должности он оставался до июля 1920, когда, «вследствие мобилизации вузов Сибири, был откомандирован как бывший профессорский стипендиат в Ирк. ун-т». С 24 апреля 1920 по 1922 – профессорский стипендиат. В 1922 сдал магистерский экзамен и был избран преподавателем Ирк. университета, а затем зав. кафедрой учения о развитии права. Манассеин проработал

преподавателем до 1925. С 1925 по 1930 возглавлял университетскую библиотеку, очень много сделал для ее становления.

Манассеин включился в научную и общественную жизнь города. В это же время он становится председателем библиографического бюро при библиотеке Ирк. университета, членом историч. секции ВСОРГО, избирается делегатом от секции в бюро I Вост.-Сиб. краевого съезда (1925).

Активно занимается краеведческой тематикой, публикует труды, посвященные образованию университета в Сибири, землетрясениям в Вост. Сибири в XVII и нач. XVIII в. Манассеин участвовал в раскопках иркутского острога (26 сент. – 10 окт. 1928) под руководством проф. С. Н. Лаптева, проводя фотофиксацию работ. В 1931, когда решался вопрос о сломе Иерусалимского кладбища, Манассеин составил список могил и памятников, которые следовало бы сохранить. Долгое время занимался изучением деятельности купеческой семьи Басниных.

1 янв. 1930 был снят с должности директора библиотеки Гос. университета, а позднее, в этом же году, стал директором технической библиотеки вновь созданного Вост.-Сиб. горного института (ныне технический университет). Именно Манассеину библиотека обязана своим формированием.

Арестован 22 авг. 1937. Год провел в тюрьме. Обвинен по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговорен Комиссией НКВД СССР и Прокуратурой СССР 28 августа 1938 к расстрелу. Постановление не было приведено в исполнение, т. к. Манассеин умер в больнице Ирк. тюрьмы накануне расстрела. Реабилитирован 9 мая 1958.

Очень точно оценил Манассеина известный ученый М. К. Азадовский: «…в лице В. С. Манассеина мы имеем не только выдающегося библиотечного деятеля, но и исследователя-краеведа, автора ряда работ по местной истории и местной экономике». Манассеин награжден орденом Св. Станислава III-й ст. (1906).

МАНДЕЛЬБЕРГ Вигдор Овшиевич (Виктор Евсеевич) (1869–1870), г. Бердичев, Киевской губ. – 16 марта 1944, Хайфа, Палестина)), доктор медицины, политический деятель. После окончания мед. факультета Киевского университета (1893) занимался мед. практикой в Петербурге, активно работал в социал-демократических рабочих кружках, за что в 1899 выслан на 4 года под гласный надзор полиции в Вост. Сибирь. Ссылку отбывал в Иркутске, Нижнеудинске, играл активную роль в организации и деятельности социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Это определило избрание его делегатом 2-го съезда РСДРП от Сибири. На съезде примкнул к фракции меньшевиков. В начале 1904 в Санкт-Петербурге защитил докт. диссертацию и в марте того же года уехал в Иркутск, где принял активное участие в революционных событиях – всеобщей забастовке в окт. 1905. Последующие гонения со стороны властей вынуждают его снова уехать за границу. Зимой 1907 возвращается в Иркутск и избирается членом гор. думы, а 24 марта того же года – членом II Гос. думы от Иркутска. В Думе входил в социал-демократическую фракцию. Участвовал в работе временной думской комиссии об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях, был ее секретарем.

После разгона думы и ареста депутатов от социал-демократической партии эмигрировал. Жил в Италии, после Февр. революции 1917 вернулся в Россию, в Петроград, где возглавил мед. службу города. В том же году был избран членом президиума от социал-демократов Всеросс. демократического совета, стал кандидатом в члены Временного совета Росс. республики (Предпарламент), кандидатом в члены ЦК РСДРП(б). После Окт. революции Мандельберг был направлен в Сибирь

уполномоченным по организации снабжения столицы продовольствием. Будучи противником советской власти и большевистских методов ее упрочения, Мандельберг тем не менее не выступил активно против нее. 4 янв. 1918 на заседании Временного Сиб. обл. совета он заявил о необходимости поддержки Учредительного собрания.

В мае 1918 Мандельберг принял участие в работе Ирк. губернского съезда рабочих, крестьянских, бурятских, казачьих и красноармейских депутатов от социал-демократической партии. После поражения сов. власти летом 1918 активно работал в Ирк. комитете социал-демократической партии, поддерживал земское движение. В период диктатуры А. В. Колчака продолжал заниматься публицистикой. 17 июля 1918 за публикацию статьи «Долой смертную казнь» в газете «Иркутские дни» был арестован. В 1919 Мандельберг выехал в Читу. В 1921 эмигрировал в Палестину, где занимался мед. практикой и был одним из основателей Лиги борьбы с туберкулезом. В 1941 основал Общество дружбы с Сов. Союзом, был членом его центрального комитета.

МЕДВЕДНИКОВА Александра Ксенофонтовна (1815-1899), купчиха первой гильдии, известная благотворительница и меценатка, почетный гражданин Иркутска. Принадлежала к двум знаменитым ирк. купеческим династиям: Медведниковых (по мужу) и Сибиряковых (по отцу Ксенофонту Михайловичу). В детстве получила хорошее воспитание. Вышла замуж за известного ирк. купца, коммерции советника И. Л. Медведникова, одного из учредителей сиропитательного дома для девочек. Для финансирования учебного заведения им был основан первый иркутский городской банк.

В середине XIX в. Медведниковы переехали в Москву, но продолжали щедро жертвовать различные суммы на нужды иркутян. После смерти мужа в 1889 «жила в полном одиночестве» в собственном имении Поречье Звенигородского уезда Моск. губ. Не имея наследников, завещала все движимое и недвижимое имущество, оцениваемое в 5,2 млн руб., на благотворительные цели. Из этой суммы более 2,3 млн руб. были завещаны на благотворительные дела вообще, а 2,9 млн распределены самой завещательницей: более 500 тыс. – на поддержание церквей и монастырей в Иркутске и Москве, более 700 тысяч – на учреждение мужской гимназии, более 200 тысяч – на церковно-приходские школы и различные учебные заведения в Москве. Также из средств Медведниковой 15 тыс. руб. получил Пушкинский музей.

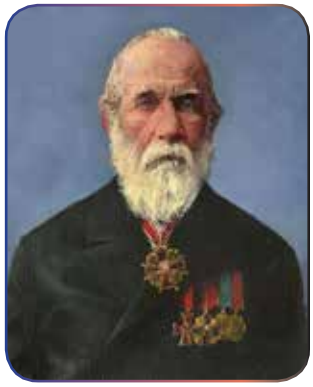
Более одного млн руб. было потрачено на устройство больницы на 150 коек для неизлечимо больных «христианских вероисповеданий, без различия звания, пола и возраста» и 300 тыс. – на богадельню на 60 чел. По завещанию больница, так же, как детский приют, а затем и мужская гимназия, должны были увековечить имена Александры и Ивана Медведниковых. Медведниковская гимназия стала одной из лучших и дорогих казенных гимназий, где учились как отпрыски моск. аристократии, так и дети трудовой интеллигенции, часто совсем неимущей. Эта гимназия имела славу передовой, либеральной.

Строительство больничного комплекса продолжалось с 1902 по 1903 год. Ныне здесь расположен храм при центральной клинической больнице Моск. патриархии (больница имени Святителя Алексия).

За год до смерти, в 1898 году, она пожертвовала 100 тыс. руб. бедным «христианского вероисповедания», проживающим в Иркутске, и 500 тыс. на устройство больницы для неимущих и хронических больных имени Ивана Медведникова. Больные, находившиеся на лечении, получали денежные пособия три раза в год. Возводилось здание по проекту А. И.

Кузнецова. В 1901 больница для хронически больных в Иркутске открылась. Она была рассчитана на 60 мест – 30 женских и 30 мужских. Основными ее пациентами стали престарелые, неимущие люди, часто остававшиеся там до своей кончины. Больница, одна из немногих в городе, имела собственный капитал, дающий около 14 тыс. руб. в год, обеспечивая ей устойчивое, независимое состояние.

Ирк. гор. дума высоко оценила пожертвования Медведниковой, присвоив ей в 1898 звание почетного гражданина. Она стала первой женщиной в Иркутске, удостоившейся столь высокого общественного отличия.

МЕДВЕДНИКОВ Иван Логгинович

(1807, Иркутск – 1 сент. 1889, Поречье Звенигородского уезда Моск. губ.), ирк. купец 1-й гильдии, крупный золотопромышленник, меценат, потомственный почетный гражданин (1887), коммерции советник. Сын Е. М. Медведниковой. В 1834 вместе с братом Логгином был записан в купечество. В 1840-х – в кяхтинской торговле, в 1841–1844 избирался гор. головой. Жертвователь на Казанскую церковь, Александринский детский приют. Вместе с братом Логгином – учредитель и попечитель Ирк. сиропитательного дома Е. М. Медведниковой и банка при нем. В 1850-х Медведников с женой переезжают в Москву, где продолжают активно заниматься благотворительностью, строят храмы, больницы, гимназии (Моск. гимназия им. И. и А. Медведниковых в Староконюшенном пер., больница для неизлечимых больных и богадельня с церковью на Ленинском просп. и др.). Медведников – кавалер орденов Св. Анны III ст., Св. Владимира и Св. Станислава II ст. Похоронен на территории Андроникова монастыря в Москве (место захоронения восстановлено).

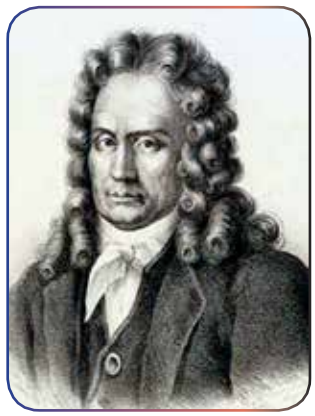
МЕДВЕДНИКОВА Елизавета Михайловна

(15 окт. 1787, Иркутск – 24 окт. 1828, Иркутск), принадлежала к ирк. купечеству. Род. в семье ирк. купца Красногорева. Рано лишившись родителей, воспитывалась у чужих людей и на себе испытала, что значит сиротская доля. В 19 лет вышла замуж за именитого ирк. купца Л. Ф. Медведникова, нажившего крупное состояние на торговле пушниной, но уже через 8 лет (1814) овдовела и оставшуюся жизнь посвятила воспитанию сыновей Ивана и Логгина. Медведникова не получила почти никакого образования, поэтому заветной мечтой ее было организовать в Иркутске училище для девочек-сирот, где бы они бесплатно получали воспитание и образование. Осуществить свой замысел при жизни Медведникова не успела и просила сыновей выполнить ее последнюю волю. Сделать это удалось ее сыну Ивану. По совету В. Н. Баснина И. Л. Медведников часть средств употребил на основание сиропитательного дома для девочек, а на оставшиеся 15 633 руб. учредил банк, получивший название Медведниковский, который был в то время единственным банком в Иркутске. Доход его шел на содержание сиропитательного дома. Банк был открыт 13 мая 1837, а первое в Сибири женское учебное заведение – Сиропитательный дом им. Е. М. Медведниковой – 21 апр. 1838. Капиталы банка быстро росли, а вместе с ними росло число воспитанниц сиропитательного дома. Если при его открытии на содержании находилось всего 14 чел., то в 1880 – уже 180 чел., а в 1913 – 250. Таким образом, Медведникова оставила по себе в Иркутске долгую и добрую память.

МЕЛЕТИЙ (Михаил Леонтович)

(6 ноября 1784, с. Старые Санжары Полтавской губ. – 29 февраля 1840, Харьков), архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский с 18 июля 1831 по 22 июня 1835. Воспитанник Петерб. академии, ректор Могилевской семинарии, позднее – Киевской духовной академии. Чигиринский викарный епископ, затем – епископ Пермский. Большое внимание Мелетий уделял просвещению малых народов России светом Евангельского учения. Святитель основал церкви на севере Камчатки, в северо-восточной части Ирк. епархии и вдоль реки Алдан, на тракте от Якутска до Охотска. Часто обозревал обширную епархию, был на побережье Охотского и Ледовитого морей, в пределах Сев. Америки. Путешествуя по Сибири и берегам Тихого океана, святитель Мелетий нередко общался с населением, исповедовавшим ламаизм. Он впервые открыто выступил против получившего широкое распространение в Забайкалье ламаизма. По его предложению в 1833 Синод учредил там 3 духовные миссии. Он также предложил вести богослужения на монголо-бурят. языке, организовал перевод на монг. язык нескольких богословских текстов. В 1835 переведен архиепископом в Харьков. 21 февр. 1978 Священным синодом Русской православной церкви Мелетий был канонизирован для общецерковного почитания.

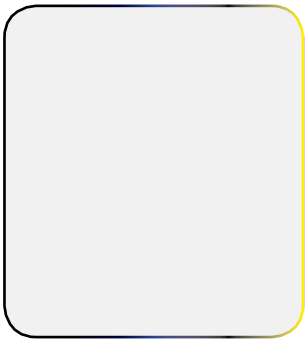
МЕССЕРШМИДТ Даниил Готлиб (Messerschmidt Daniel Gottlieb)

(16 сент. 1685, г. Данциг (Гданьск) – 25 марта 1735, С.-Петербург), ученый, путешественник, первым начал научное изучение Сибири. Род. в семье чиновника, получил хорошее домашнее образование. Изучал медицину в университете г. Иены, затем в Галльском университете. В 1717 поступил на русскую службу. 15 нояб. 1718 появился указ о «посылке» его в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей». Путешествие растянулось на 7 лет. Им были собраны уникальные материалы по зоологии, ботанике, географии, этнографии, истории, лингвистике и минералогии. В Иркутске пробыл с 19 дек. 1723 по 29 февр. 1724, совершив перед тем сложный путь от Мангазеи по Нижней Тунгуске до Лены и далее вверх по течению до Верхоленского острога. В Иркутске провел несколько измерений геогр. широты города, вел метеорол. наблюдения. На обратном пути из Забайкалья зимой 1724 проводил исследования на Байкале.

С 15 апр. по 23 июня 1725 вновь останавливался в Иркутске. Занимался исследованиями в окрестностях города, приводил в порядок коллекции и материалы, собранные в Забайкалье. Вернулся в Петербург 27 марта 1727. Труды Мессершмидта не были должным образом оценены. Все материалы экспедиции были переданы в Академию наук, а оставшиеся у него коллекции погибли в 1729 во время кораблекрушения при возвращении на родину. Больной и нищий Мессершмидт не смог устроиться у себя на родине и в 1730 снова вернулся в Россию. Жил в Петербурге в крайней бедности.

Материалами экспедиции Мессершмидта еще при его жизни стали пользоваться многие ученые. Последующие поколения ученых

признавали его авторитет в изучении края. Большое значение имел дневник путешествия его по Сибири, содержащий огромный фактический материал (опубликован на нем. языке в Берлине в 1962–1969).

МИЛЛЕР Иван Егорович (1773, Дрезден – 1823), директор Ирк. гимназии, краевед. Окончил местную гимназию, затем университет в Лейпциге. Вскоре после его окончания перешел на рус. службу. Опубликовал ряд заметок, статей в научных и популярных изданиях, сотрудничал с учеными организациями, избирался чл.-корр. Императорской академии наук (1810), членом Вольного экономического общества. В нояб. 1809 переведен на должность директора училищ Ирк. губ. В Иркутске Миллер пробыл около 5 лет, способствовал развитию Ирк. мужской гимназии, обновил ее преподавательский состав, прививал учителям стремление к научным занятиям. Много сделал для организации при гимназии естественноисторического музея. Сам все эти годы не оставлял научной деятельности, опубликовал несколько заметок общего характера в «Казанских известиях».

Одним из первых Миллер занялся изучением истории образования в крае. При нем были открыты 3 уездных и 2 приходских училища. Однако несогласие с действиями ирк. администрации в лице Н. И. Трескина, конфликты с учителями, недовольными его строгостями, заставили Миллера подать прошение об отставке. В 1815 он уехал из Иркутска, дальнейшая его судьба неизвестна.

МИЛЮТИН Борис Алексеевич (1831–1886), член совета Гл. управления Вост. Сибири. Брат воен. министра Д. А. Милютина и одного из основных деятелей крестьянской реформы Н. А. Милютина. Окончил юрид. факультет Петерб. университета. В Иркутске с 1859 по 1874. Чиновник по особым поручениям ген.-губернатора, с 1861 одновременно председатель губ. суда. Автор проекта Общества грамотности, активный участник лит. вечеров, член технического и юридического обществ. Основатель «Сибирского вестника». Член редколлегии первой частной сибирской газеты «Амур». Сыграл важную роль в развитии образования в Иркутске. В 1876 издал в Петербурге «Сборник историко-статистических сведений о Сибири».

МИХАИЛ (Матвей Герасимович Бурдуков) (1770, Тобольск – 5 июня 1830, Иркутск), архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский. Перед назначением в Иркутск был архимандритом Троицкого Калязина первоклассного монастыря и ректором Тверской семинарии. 27 авг. 1814 назначен Ирк. епископом; хиротонисан в епископы 18 окт. в Успенском соборе в Москве. В Иркутск приехал 5 янв. 1815. Михаил предпринял ряд длительных поездок для обозрения епархии. С 19 мая 1816 стал именоваться епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским. С 15 мая по 23 авг. 1815 совершил поездку в Якутск и обратно, а с 19 по 24 февр. 1816 посетил Кяхту. Перед этой поездкой получил орден Св. Анны I ст. В 1819 был избран директором Ирк. отделения Библейского общества. В 1821 Михаил путешествовал в Нерчинск и Енисейскую губ., присоединенную к епархии. В 1826 он вновь отправился в Енисейскую губ., плыл по Енисею до Туруханска. В сент. того же года Миха-

ила первым из ирк. архиереев возводят в сан архиепископа. Последнее свое путешествие он совершает с 4 по 13 марта 1829 в Верхнеудинск. Занимаясь в основном церк. делами, Михаил вынужден был принять участие и в полит. жизни: он обратился к министру духовных дел, резко обличая губернатора И. Н. Трескина. Несомненно, его письмо оказалось одним из веских аргументов для посылки в Сибирь Сперанского для проведения ревизии администрации. Вот что писал о роли Ирк. епископа видный сибирский историк В. И. Вагин: «Наконец, возвысил свой голос и кроткий иркутский архипастырь. Об епископе Михаиле Бурдукове все, знавшие его, еще и поныне отзываются с величайшим уважением. Он был глубоко возмущен угнетением и страданиями своей паствы». Похоронен Михаил в Казанском приделе Богоявленского собора в Иркутске.

МИХАИЛ (Матвей Миткевич)

(1720, Черниговская губ. – 1 авг. 1789, Иркутск), епископ Иркутский и Нерчинский. Уроженец Черниговской губ., выпускник Киевской духовной академии, ректор Казанской духовной академии, ректор Тобольской семинарии, архимандрит Тобольского Знаменского монастыря. В епископа хиротонисан 5 дек. 1771. Прибыл в Иркутск 15 марта 1773. Управлял епархией с 1772 по 1789. При нем епархия имела 8 духовных правлений. За годы его правления построено 29 новых церквей. В мае 1779 началось сооружение кирпичной Архангельской церкви в Иркутске, а в сент. 1780 освящен каменный Владимирский храм. С апр. 1773 ходатайствует перед Синодом об учреждении в Иркутске духовной семинарии, которая была открыта в марте 1780. Период управления епархией Миткевичем вошел в историю как самый стабильный и бесконфликтный. Он умел находить взаимоприемлемые решения с гражд. администрацией, реорганизовал работу духовной консистории, поставив во главе ее своего брата Ивана Миткевича. Михаил проявил себя как умелый администратор. Погребен в Казанском приделе Богоявленского собора Иркутска.

МИХЕЕВ Василий Михайлович

(1 янв. 1859, Иркутск – 8 мая 1908, Ярославль), один из самых крупных поэтов Сибири. Сын купца М. В. Михеева. В Иркутске окончил гимназию и уехал для продолжения образования в Москву, где и началась его лит. деятельность. Первые стихи Михеева были напечатаны в газете «Восточное обозрение», а в 1884 в Москве вышел из печати его стихотворный сборник «Песни о Сибири». Кроме стихов, перу Михеева принадлежат рассказы (сб. «Художники», М., 1894), роман «Золотые россыпи» (М., 1894), драма «Тайга» (М., 1893), комедия «По хорошей веревочке» (М., 1889), народные сказания, предания и повести, печатавшиеся в издательстве И. Д. Сытина, лит. приложениях к журналу «Нива», на страницах периодической печати того времени. Произведения его проникнуты сочувствием к «униженным и оскорбленным». В 1890-х Михеев переехал в Ярославль, где редактировал местную газету «Северный край». Роман и другие произведения Михеева изданы Вост.-Сиб. книжным изд-вом в серии «Литературные памятники Сибири» в 1984.

МИХЕЕВ Михаил Васильевич

(1823 или 1824 – 21 июля 1869), ирк. 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин, крупный золотопромышленник. Член комитета Попечительского общества о тюрьмах. За работу в комитете в 1865 награжден золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте. Был квартирмейстером гор. думы, ее гласным, директором Ирк. попечительского комитета о тюрьмах, церковным старостой Ирк. кафедрального собора, почетным блюстителем по хоз. части Ирк. училища девиц духовного звания и местной духовной семинарии. Известен своей благотворительной деятельностью. Неоднократно жертвовал деньги на ремонт Спасской церкви, где был старостой. Николаевская церковь получила от него в дар 6 колоколов. На михеевские пожертвования производилась реконструкция Иерусалимской церкви.

В памяти потомков его имя связано с лечебницей для приходящих больных, для которой в 1863 он передал свой «каменный двухэтажный дом с двумя таковыми же флигелями и всеми имеющимися при оных строениями и землею» (бывшая усадьба Басниных, купленная Михеевым в 1854). При больнице существовала и аптека. Михеев первым браком был женат на Анне Ксенофонтовне Сибиряковой, что дало ему возможность увеличить свой капитал после смерти супруги. Вторая жена – Мария Павловна Михеева, дети: Василий, Иннокентий, Степан, Мария, Елизавета, Клавдия, Александра. Старший сын – В. М. Михеев – впоследствии стал известным поэтом и прозаиком. Михеев умер в Иркутске и похоронен на Иерусалимском кладбище.

МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ Николай Николаевич

(11 авг. 1809, С.-Петербург – 18 нояб. 1881, Париж), граф, ген.-губернатор Вост. Сибири в 1847–1861. Представитель старинного дворянского рода, давшего России многих видных гос. и воен. деятелей. Отец его был сенатором, статс-секретарем в правлении Николая I. Первоначальное образование получил в семье, затем обучался в Пажеском корпусе. Из корпуса вышел в 1827 прапорщиком лейб-гв. Финляндского полка. Участвовал в Русско-турец. войне 1828–1829 на территории Болгарии, в подавлении польск. восстания 1831. В 1838–1840 в составе Кавказского корпуса сражался против горцев, затем командовал отрядом на Черноморской береговой линии. В июне 1841 произведен в ген.-майоры, а в 1844 покинул Кавказ. Перейдя на гражд. службу, был причислен к Министерству внутр. дел, выезжал с ревизиями в Новгородскую губ., в 1846–1847 занимал должность воен. и гражд. губернатора г. Тулы. С сент. 1847 сменил В. Я. Руперта на посту ген.-губернатора Вост. Сибири.

В Иркутск прибыл 14 марта 1848. На высшей административной должности в Вост. Сибири пробыл 13 лет. Это время стало самым значительным и плодотворным в его биографии. Муравьев возглавил деятельность по исследованию и включению в состав гос-ва Амурского и Уссурийского кр. Рядом договоров с Китаем урегулирован пограничный вопрос, новое развитие получила торговля. Он лично контролировал и направлял процесс заселения и хозяйственного освоения новых территорий. В 1858, после заключения Айгунского договора с Китаем, Муравьев был возведен в графское достоинство с присоединением к фамилии почетного имени Амурский. Ему также было присвоено звание генерала от инфантерии.

Деятельность Муравьева-Амурского в Вост. Сибири была многогранной. С его именем связаны административные реформы в крае, создание забайкальского и амурского казачества, забота о положении и быте крестьянского населения и инородцев, ускорение экономического развития региона. Много сделал он для культурного и общественного развития Иркутска, формирования местной интеллигенции. В период его управления краем в Иркутске создаются новые учеб. заведения, открывается Вост.-Сиб. отделение Рус. геогр. общества, появляется периодическая печать. Муравьев-Амурский оказывал помощь полит. ссыльным, декабристам и петрашевцам. Будучи человеком энергичным, трудолюбивым, бескорыстным, стремился решать сложные проблемы края, нередко нарушая законы и традиции своего времени.

К числу недостатков Муравьева-Амурского относились вспыльчивость, способность устраивать грубые «разносы» подчиненным, преследовать лиц, критиковавших его самого или его чиновников. В янв. 1861 уехал в столицу и в февр. вышел в отставку. Его назначили членом Гос. совета. В марте 1861 Муравьев-Амурский уезжает во Францию, на родину жены, изредка наведываясь в Россию. Умер в Париже. Еще в 1905 была предпринята попытка перенести его прах в Россию, но помешала Русско-японская война. В декабре 1990 останки Муравьева-Амурского были доставлены во Владивосток и 21 сент. 1991 перезахоронены рядом с обелиском его сподвижника адмирала Невельского.

МУХАНОВ Петр Александрович

(7 янв. 1799 – 12 февр. 1854, Иркутск), штабс-капитан лейб-гв. Измайловского полка, литератор, историк, декабрист. Род. в семье полтавского губернатора А. И. Муханова. Учился в Моск. университете, затем в училище колонновожатых. С 1816 в воен. службе. Занимался литературной и исторической деятельностью. Один из авторов либретто к опере А. А. Алябьева «Лунная ночь, или Домовые». Его статьи и очерки печатались в журналах «Сын Отечества», «Северный архив», «Московский телеграф» и др. Близкий друг К. Ф. Рылеева, который посвятил ему свою думу «Ермак». В 1823–1824 в Одессе был близко знаком с А. С. Пушкиным. В 1818 вступил в Союз благоденствия. Будучи адъютантом генерала Н. Н. Раевского, сблизился в Киеве с руководителями Южного общества, знал о Северном обществе. После поражения восстания 14 дек. Муханов призывал моск. декабристов к решительным действиям, вызывался на цареубийство. Арестован 9 янв. Осужден по IV разряду на 12 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Свеаборгской и Выборгской крепостях, Чите и Петровском Заводе. По дороге в Читу несколько дней провел в Иркутске (прибыл 24 нояб. 1827). В 1832 Муханов переведен на поселение в Братский острог. Занимался историей России, вел наблюдения за уровнем воды в Ангаре, начал статью о влиянии золотой промышленности на ценность хлеба в Вост. Сибири. В 1842 был переведен в с. Усть-Куда под Иркутском, где уже жили братья Поджио. Последние годы провел в Иркутске, где в окт. 1848 купил дом (ныне ул. Тимирязева, 45). Здесь вошел в круг местной интеллигенции. Особенно интересовался проблемами просвещения, написал статью «Просвещение и образованность (о постановке народного образования в Вост. Сибири)». В ходе этой работы близко познакомился с начальницей Девичьего института М. А. Дороховой, намеревался вступить с ней в брак. Скончался от апоплексического удара. Похоронен в Знаменском монастыре. Могила охраняется.

НЕСЫТОВ Ксенофонт Михайлович

(1880 – 1920), Георгиевский кавалер. Выходец из иркутской купеческой династии Несытовых. Основателем рода считается Михаил Степанович Несытов, родившийся в семье иркутского мещанина в 1822 г., он сделал прекрасную карьеру, став в 1870 г. купцом первой гильдии. Ксенофонт Несытов служил по выборам членом приходского попечительства при Иркутской Борисо-Глебской церкви (1865), старшим попечителем Иркутской ремесленной школы им. Н. П. Трапезникова (1877). Жертвовал в пользу иркутских церквей, на строительство часовни Христа Спасителя (1867). Получил благословение Св. Синода «За усердие по храмам Божьим» (1866). Староста Владимирской церкви (1866–1868). Избирался гласным иркутской городской думы (1872–1876). В 1862–1865 – заседатель городского суда, в 1871–1875 – член городской управы. В 1874 баллотировался в городские головы. Был женат на купеческой дочери Марии Ильиничне Шушаковой. Мария Ильинична состояла директрисой женского отделения губернского тюремного комитета (1877), неоднократно жертвовала в пользу бедных (1878). В 1885 на ее имя был заявлен прииск.

Ксенофонт Михайлович получил образование в Иркутском военном училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн – на 27.12.1914 командующий батальоном 47 Сибирского стрелкового полка. Награды: ордена Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны III ст., Св. Анны II ст. с мечами.

Орден Св. Георгия IV ст. (за отличия в боях с 30 октября по 28 ноября 1914 г.): «...9 ноября 1914 г. полку была поставлена задача поддержать наступление 46 Сибирского стрелкового полка на высоту к югу от д. Ясель. В исполнении чего я повел наступление на левый фланг неприятеля, когда 2 батальон вошел во фланг противнику, командир 6 роты штабс-капитан Несытов со взводом пулеметной команды и вверенной ему ротой собственной инициативой зашел в тыл неприятеля, занимавшего очень сильную укрепленную позицию. Штабс-капитан Несытов, несмотря на действительный пулеметный и ружейный огонь неприятеля, подавая пример отличной, беззаветной храбрости, будучи поддержан огнем взвода пулеметов, атаковал с тыла противника, чем заставил его покинуть свои укрепленные позиции, поспешно оставив на них два пулемета. Причем захватил лично 4 офицера и около 200 нижних чинов в плен. Атакой своей обеспечил выполнение задачи вверенного мне полка помочь 46 полку, последний занял д. Ясель, противнику был отрезан путь отступления. Взят в плен полком 1 штаб-офицер,18 офицеров, до (неразборчиво) нижних чинов и два пулемета» (из наградного списка).

Георгиевское оружие: «В бою с 6 на 7 марта сего года (1915), командуя 3 батальоном при ночном штурме сильно укрепленной позиции вверенным мне полком… при упорном сопротивлении неприятеля овладел с боя штыковой атакой труднодоступной высотой 487, лично ведя роты в атаку, подавая пример отличной храбрости и выдающегося мужества, несмотря на трудности ее с фронта, перекрестного огня, ружейного и пулеметного... взрыва бомб и фугасов. Прошел труднопреодолимые преграды перед расположением противника, выбил его сильным натиском и гнал австрийцев до р. Рона, пройдя последнюю, захватил выс. 366, согласно приказаниям укрепился на ней, чем способствовал успеху атаки всего отряда. 3 батальоном захвачено 2 бомбомета, 6 ящиков бомб для них, 42 ящика артиллерийских снарядов, 21 пулеметный ящик с патронами, 2 прожектора, 12 офицеров, 473 нижних чина. Потери 1 офицер, стрелков: убитыми – 11, ранеными – 444, пропавшими без вести – 9» (из наградного листа).

НИЛ (Николай Федорович Исакович)

(1799, Могилев – 21.06.1874, Ярославль), архиепископ Иркутский, православный писатель и миссионер. Род. в семье могилевского священника. Образование получил в Петерб. духовной академии. В 1825 получил степень магистра богословия. Преподавал в Черниговской семинарии, а затем в Киевской академии. В 1830 возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Богоявленского Аврамиева монастыря и ректором Ярославской семинарии. В дек. 1835 был хиротонисан в епископа Вятского и Слободского. В 1838 переведен на ирк. кафедру, а 2 года спустя возведен в сан архиепископа. Нил ревностно заботился об обращении в православие коренного населения Сибири, для чего перевел несколько богослужебных книг на бурят. и монг. языки, которые для этой цели специально изучал. Высокообразованный, умный, внимательный к людям, он пользовался большим уважением в ирк. обществе, был хорошо знаком со многими декабристами. Особенно тесно общался с С. Г. Волконским. В 1853 Нил был переведен в Ярославль. Уезжая, он подарил часть своей библиотеки Ирк. духовной семинарии. В Ярославле им было учреждено училище для девиц духовного звания. Был почетным членом С.-Петерб. и Казанского университетов. В честь него названа местность близ целебного источника в Тункинской долине (Бурятия) – Нилова пустынь, ныне бальнеологический курорт. Был награжден орденами св. Анны I ст., св. Владимира II ст. и Александра Невского.

ОГЛОБЛИН Прокопий Петрович

(08.07.1872, Иркутск – 21.08.1940, Шанхай, Китай), родился 8 июля 1872 г. в Иркутске в казачьей семье. Окончил Иркутское военное училище (1897).

Службу начал в Забайкальском казачьем войске, участвовал в войнах с Китаем 1900–1901 гг. и Японией в 1904–1905 гг. В 1914 г. есаул 1 Нерчинского казачьего полка на германском фронте. На Персидском фронте – командир 3 Верхнеудинского, затем 1 Сунженско-Владикавказского казачьих полков, участвовал в наступлении на Мосул. Начальник штаба, а затем командир бригады Урмийского отряда.

Награжден орденами Св. Анны II ст., Св. Георгия IV ст., китайским и бельгийским, царской благодарностью за атаку у с. Нугреева. В чин генерал-майора произведен со старшинством с 26 ноября 1917. В 1917 же избран атаманом иркутских казаков.

Орден Св. Георгия IV ст.: «за то, что 2-го февраля 1915г., когда оборонявшая переправу через р. Дзялдувку у д. Унержиж рота пехоты не выдержала натиска противника и отошла, что дало возможность противнику перебросить на левый берег этой реки 2 роты, будучи выслан к этой деревне с вверенной ему сотней для задержания прорвавшихся рот противника, угрожая тылу отряда, оборонявшего участок от Гокипа до Унержижа, спешил сотню под огнем противника и, выслав взвод в конном строю для охвата левого фланга неприятеля, с остальною частью сотни и возвращенною обратно ротою, несмотря на сильный пулеметный огонь противника, атаковал переправившихся немцев и отбросил их на другой берег, чем обеспечил левый флангу и тыл названного отряда. Затем, со 2-го по 6-е февраля, будучи начальником боевого участка Унержиж – Кмеце и имея в своем подчинении,

кроме своей сотни, еще три роты, приведя вверенный ему участок в оборонительное состояние, благодаря своей энергии, мужеству и распорядительности, отбил три атаки противника, наступавшего в превосходных силах в охват обоих флангов участка и поддержанного огнем тяжелой артиллерии. При этом 5 февраля своим ружейным огнем отвлек на себя часть сил и способствовал отбитию атаки противника».

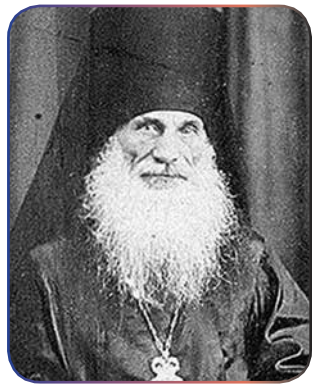
ОГОНЬ-ДОГАНОВСКИЙ Митрофан Нилович

архитектор, работал в Иркутске около 10 лет, исполняющий обязанности городского архитектора, в 1874–1879 – гл. строитель Казанского собора; здания военного госпиталя (ул. Госпитальная, 1).

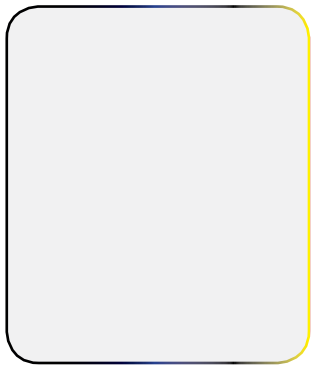
ПАЛЛАС Петр Симон

(22 сент. 1741, Берлин – 8 сент. 1811, Берлин), академик, выдающийся естествоиспытатель и крупнейший исследователь Сибири XVIII в. Возглавлял экспедицию Академии наук 1768–1774 в вост. регионы России. На территории Ирк. обл. работал в 1772–1773. Он составил описания Ангары и ее притоков, большое внимание уделил Байкалу. Дав характеристику рельефа вокруг озера, выдвинул предположение, что Байкал образовался в результате сильного землетрясения. Паллас описал охоту на тюленей на Байкале, впервые дал краткие сведения о глубоководной рыбе голомянке, выдвинул гипотезу о том, что омуль мигрировал в Байкал по Енисею и Ангаре из Ледовитого океана и увеличил свою популяцию благодаря отсутствию хищников в озере. По распоряжению Палласа в 1773 была впервые составлена гидрографическая карта Байкала. Он обратил внимание на частые землетрясения в Байкальском регионе, оценил благоприятные сельскохозяйственных возможности в долинах рек, отметил наличие слюды и др. полезных ископаемых в Прибайкалье. Паллас составил довольно точную карту Сибири от Енисея до Амура.

ПАРФЕНИЙ (Петр Тихонович Попов)

(1809 (по др. свед. в 1811), Воронеж – 21 янв. 1873, Иркутск), архиепископ Иркутский. Род. в Воронеже в семье священника. Окончил Киевскую духовную академию. С 1836 священник, затем протоиерей и благочинный в церквах г. Ельца. Профессор богословия, с 1844 – архимандрит и ректор ряда семинарий, а с 1852 – ректор Казанской духовной академии. С 14 марта 1852 – Томский епископ. 13 сент. 1860 назначен на Ирк. кафедру, приехал 21 дек., с 1863 – архиепископ. При нем в 1862 открыто викариатство. Викарий получил сан епископа Селенгинского. Парфений активно занимался миссионерской деятельностью, с 1861 по 1873 миссия имела 10 церквей, 2 молитвенных дома, обращено в христианство было 11 тыс. представителей коренного населения. При нем в 1861 организован епархиальный комитет по вопросам перевода учебных книг на бурятский язык. По представлению епископа Парфения указом Синода с 1 января 1863 было разрешено издание в Иркутске «Иркутских епархиальных ведомостей». Неоднократно обозревал епархию, с 1863 ввел строгий контроль священников за обязательным исполнением тайны исповеди. Был похоронен в Вознесенском монастыре.

ПЕЖЕМСКИЙ
Петр Ильич

(1809 или 1810 – 2 сент. 1861, Иркутск), известен как один из летописцев Иркутска. Воспитание получил домашнее, грамоте учился у деда Андрея Григорьевича. Затем был зачислен в Киренское народ. училище, открытое в 1814. В 1834 Илья Андреевич с семейством переехал из Киренска в Иркутск. Через 2 года после переезда Пежемский женился на Дарье Андреевне Литвинцевой. С 1838 до 1847 – иркутский мещанин, служил приказчиком 1-го класса «для коммерческих занятий» у ирк. купца П. Н. Саламатова. Пежемский держал лавку на мелочном базаре Иркутска, потом служил конторщиком у известного купца-золотопромышленника П. Катышевцева, затем у купца Сапожникова. В течение 40–50-х годов XIX в. избирался на различные ответственные службы: в 1843 – судьей словесного суда, в 1853 был депутатом ирк. купечества в думской квартирной комиссии, в 1856 – гласным в Думе, городским нотариусом.

В Иркутске Пежемский был известен как краевед, летописец, коллекционер. В течение многих лет он собирал разные вещи, старинные рукописи и свитки по истории Сибири, большинство которых сгорело во время пожара 1879. Он был корреспондентом ряда изданий. Многие годы Пежемский вел записи событий родного города, собирал материалы и факты из газет, различного рода офиц. и неофиц. бумаг. Главной работой Пежемского, которой он посвятил больше 10 лет своей жизни, является сочинение, названное автором «Панорама Иркутской губернии, заключающая в себе историческое описание завоевания Сибири Ермаком; взгляд на построение городов сибирских; географический, гидрографический и исторический очерк губернии, с краткою хронологиею за 150 лет; с присовокуплением Летописи города Иркутска за 190 лет». В 1850 Пежемский опубликовал в «Современнике» очерк «Панорама Иркутской губернии», а в 1858–1861 печаталась в «Иркутских губернских ведомостях» его знаменитая «Иркутская летопись». Она кончалась февр. 1807 и содержала изложение событий более чем за два века. Предполагается, что летопись Пежемского была доведена до сер. 1850-х, но рукопись издана в 1911. Текст за последние два десятилетия принадлежит В. А. Кротову.

Можно говорить и о значительном графическом наследии Пежемского. «Как художник П. И. Пежемский оставил после себя ряд рисунков, почти фотографически воспроизводящих Иркутск первой пол. XIX столетия. Рисунки эти хранятся в местном музее». В Ирк. областном краеведческом музее в наст. время находятся 45 рисунков ирк. летописца, выполненных в 30–40-х гг. XIX в. Виды города, его церкви, гербы городов Ирк. губернии, скорее всего, были выполнены в качестве иллюстраций ко 2-й части «Панорамы Иркутской губернии…», где автор указывает на наличие рисунков в оглавлении. В Ирк. художественном музее хранятся еще около 10 рисунков летописца – Иркутск 40–50-х гг. XIX в. Похоронен Пежемский на Иерусалимском кладбище.

ПЕСКОВ
Михаил Иванович

(1834, Иркутск – 1 авг. 1864, Ялта), художник-живописец. Родился в семье военного. В 1850–1855 служил в канцелярии Иркутского губернского управления. До 20-летнего возраста занимался живописью самостоятельно, создав множество портретов местных жителей. В 1855 отправлен ген.-губернатором Вост. Сибири Н. Н. Муравьевым в Петерб. академию художеств для учебы за казенный счет. Пользовался там советами профессора А. Т. Мар-

кова. В 1859 за этюд с натуры получил вторую серебряную медаль и, в том же году, другую такую же медаль за картину «Домик в Коломне» на сюжет из повести Пушкина, а в следующем (1860) – первую серебряную медаль за картину «Ермак Тимофеевич, сговаривающий атаманов волжских шаек к походу на Сибирь».

Принадлежал к числу приверженцев реалистического искусства, написал ряд полотен исторического содержания и портретов. Мечтал вернуться в Иркутск, чтобы организовать худож. училище, но ранняя смерть не позволила ему осуществить намерение. В Ирк. художественном музее сохранилось несколько работ Пескова, датированных 1854 г.: портрет П. П. Сукачева с сыном, портреты купца и купчихи Лаврентьевых, воен. губернатора И. Б. Цейдлера, неизвестных лиц. Учась в Академии художеств, Песков писал полотна на исторические темы: «Кулачный бой при Иване Грозном», «Воззвание Минина к нижегородцам», «Ермак сговаривает атаманов волжских шаек к походу в Сибирь», «Взятие Ермаком Искера», «Сибирский поселенец». В Академии художеств он участвовал в 1863 в бунте «тринадцати»: молодые выпускники отказались от заданной программы, далекой по своему содержанию от жизни (в качестве дипломной работы выпускник должен был представить работу на библейскую тему. В данном случае все 13 должны были написать картины на тему «Пир в Валгалле»). Это был дерзкий и смелый вызов старым понятиям об искусстве. Молодые художники требовали, чтобы им предоставили возможность писать картины из самой жизни, стремились отразить в них животрепещущие вопросы современности. По выходе из Академии художеств они образовали артель художников-реалистов, их объединяли общие взгляды на искусство, совместный труд, взаимовлияние. Однако вскоре Песков заболел и за счет общих средств художников был отправлен на лечение в Ялту. Здесь он и умер в расцвете творческих сил.

ПЕТРОВ Иннокентий Миронович (? – 13.01.1917), уроженец с. Култук Ирк. губернии. Казак Иркутского казачьего дивизиона, ст. урядник. Самовольно отправился на фронт в 1915. 06.11.1915 награжден от Имени Государя Императора Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем. 26.02.1916, вызвавшись на опасное предприятие – разведать расположение и заманить неприятеля на нашу засаду – выполнил его с полным успехом. Служил в Особом отряде атамана Пунина (Северный фронт), погиб в бою под Ригой. Полный георгиевский кавалер.

ПОЛЕВОЙ Алексей Евсеевич (1759 – 26 авг. 1822), курский и ирк. купец 2 гильдии, компаньон Г. И. Шелихова, служащий Росс.-Американской компании, отец общественных деятелей, писателей и издателей Николая и Ксенофонта Полевых, сибирской бытописательницы Екатерины Авдеевой-Полевой. С начала 1780-х прочно осел в Иркутске, став приказчиком курских купцов Голиковых, с которыми через жену, мещанку Наталию Верховцеву, состоял в близких родственных отношениях. Принимал активное участие в организации морских промысловых экспедиций на Тихий океан. В 1780–1790-х в компании с Г. И. Шелиховым и И. Л. Голиковым снаряжал на Алеутские острова галиоты «Св. Александра», «Три Иерарха», «Св. Екатерина», «Св. Симеон» и др. Был одним из ближайших сподвижников Г. И. Шелихова, активно содействуя его планам по созданию единой

промысловой компании. В Иркутске числился иногородним купцом 2-й гильдии, владел двумя лавками в гостином дворе, двухэтажным деревянным домом в приходе Чудотворской церкви, усадьбой на Ушаковке. А. Е. Полевой активно поддержал создание коммерческой компании ирк. купцов во главе с Н. П. Мыльниковым и даже предоставил им под контору половину своего дома. Вместе с И. Л. Голиковым пытался ослабить влияние клана Шелиховых, но в результате был отстранен от дел вновь образованной Росс.-Американской компании. Пытаясь поправить дела, вложил все деньги в винные откупы, но и здесь потерпел неудачу. В 1802 управлял делами Охотской конторы РАК, а с 1804 недолго был правителем дел ирк. конторы. В 1807 организовал фарфоро-фаянсовое производство в своей усадьбе на Ушаковке, но дело пошло плохо, фабрику в 1811 пришлось продать ирк. купцу Я. П. Солдатову. В 1812 он с семьей переехал в Москву, затем жил в Арзамасе и Курске. Пытался организовать сахароделательное производство, занимался продажей рыбы, но терпел неудачи. В 1814–1817 вновь проживал в Иркутске, где занимался управлением винными откупами от ирк. предпринимателя Е. А. Кузнецова и др. торговыми делами. В последние годы жизни вернулся в Курск. В 1820 пытался заняться созданием водочного заводика в Москве, но годы брали свое. В Иркутске Полевой слыл гостеприимным хозяином. Его дом был своеобразным салоном, в котором собирались просвещенные купцы, ученые, чиновники, морские офицеры. У него была одна из лучших в городе библиотека. По словам Ф. Вигеля, «Полевой занимался европейской политикой гораздо более, чем азиатской своей торговлей. В нем была заметна наклонность к тому, чему тогда не было еще имени и что ныне называется либерализмом, он выписывал все газеты, на русском языке тогда выходившие». Именно в этой среде воспитывались его дети, вошедшие позднее в элиту российской разночинской интеллигенции.

ПОЛЕВОЙ Николай Алексеевич

(22 июня 1796, Иркутск – 22 февр. 1846, С.- Петербург), общественный деятель, писатель, публицист, издатель. Род. в семье ирк. купца А. Е. Полевого, основателя династии, давшей России замечательных писателей, мемуаристов, журналистов, историков, переводчиков, фольклористов и востоковедов. Детские годы провел в Иркутске, о котором потом всегда писал с особой теплотой и любовью. Именно здесь сформировались многие его убеждения и взгляды. В 1812 вместе с семьей уехал из Иркутска, но на всю жизнь сохранил горячую любовь и интерес к родному краю. Он был автором первых сиб. повестей, истор. повествований, многих драматических произведений. Как историк успешно работал над «Историей русского народа», как переводчик подарил России первый сценический перевод «Гамлета» Шекспира. В 1830-е создал и редактировал журнал «Московский телеграф». По мысли В. Г. Белинского, «он владел тайной журнального дела, был одарен для него страшной способностью. Он постиг высшее значение журнала как зеркала современности». «Московский телеграф» был выразителем буржуазно-демократического направления общественной мысли. В своих статьях Полевой требовал, чтобы рычаги управления промышленностью были переданы в руки «производителей средних званий», «честных частных людей» набиравшего силу третьего сословия. Он добивался уважения к купечеству не только со стороны правительства и других сословий, он хотел, чтобы сами купцы осознали свою роль в хозяйственной жизни страны. В журнале публиковались материалы о Сибири, краеведческие статьи, корреспонденции из разных мест Сибири.

ПОНОМАРЕВ
Павел Андреевич

(20 июня 1844, Иркутск – 8 дек. 1883, Петербург), ирк. купец первой гильдии, крупный чаеторговец, известен своей благотворительной деятельностью. Происходил из семьи ирк. цехового, занимавшегося изготовлением и продажей мыла и свечей. После смерти отца продолжил семейный бизнес. В 1867 поступил на службу в чайную фирму иркутян Н. Л. Родионова и И. С. Хаминова, которая владела чайными плантациями близ г. Ханькоу. Спустя десять лет приобрел это предприятие в собственность и организовал фирму «П. А. Пономарев и Ко». Он сумел значительно расширить производство. Кроме плантаций были устроены три фабрики по изготовлению плиточного и кирпичного чая. Магазины Пономарева имелись во всех крупных городах Сибири. Фирма «Пономарев и Ко» установила деловые отношения с Японией, Турцией, рядом стран Европы. Сам владелец занимался усовершенствованием технологии изготовления чая. Он первым стал производить прессованный плиточный чай. Много времени уделял изучению китайского языка и культуры. В 1870-х занимал пост русского вице-консула в Ханькоу, за свою деятельность был удостоен звания коммерции советника и награжден орденом Св. Станислава III ст. Почти весь заработанный на чайной торговле капитал был завещан Пономаревым на развитие народного образования в Иркутске. На эти деньги было построено девять двухклассных училищ для детей бедноты в Иркутске и близлежащих местах – деревнях Большой Разводной, Турской, Тунке, Бурети, Ширяева. Все они носили имя их создателя. В 1908 в них обучалось 654 ученика. Кроме того, значительная сумма в 200 тыс. руб. была пожертвована на учреждение Технологического института в Иркутске. Умер в Петербурге, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В 1890-х его прах был доставлен в Иркутск и перезахоронен в ограде Покровской церкви.

ПОПОВ
Виктор Лукич

(04.11.1864, Иркутск – ?), генерал-майор, участник Первой мировой войны. Награжден георгиевским оружием. Православный. Образование: Иркутское духовное училище, Иркутское пехотное юнкерское училище. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900; по 1-му разряду).

В службу вступил 03.06.1883. Выпущен в Иркутский резервный пехотный батальон 06.05.1900. Состоял при Сибирском военном округе. Капитан (14.04.1902). Помощник ст. адъютанта штаба Сибирского ВО (26.11.1900 – 17.05.1904; 3 г. 6 мес.), обер-офицер для поручений при штабе Сибирского ВО (17.05. – 10.10.1904; 5 мес.). Состоял в прикомандировании к Иркутскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук (10.10.1904 – 14.08.1906; 1 г. 10 мес.). Полковник (06.12.1908). Начальник штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии (назначен 16.12.1908, утвержден. 05.01.1910; 5 лет 11,5 мес.). Цензовое командование батальоном отбывал в 27-м Восточно-Сибирском стрелковом полку (22.04. – 23.08.1909). Был прикомандирован к артиллерии (10.05. – 18.07.1911) и кавалерии (26.06. – 23.07.1913). Участник мировой войны. Командир 55-го Сибирского стр. полка (1 г. 0,5 мес.). Ген.-майор (06.07.1915). Начальник штаба 14-й Сибирской стр. дивизии (с 17.12.1915; 10 мес.). Начальник штаба 13-го арм. корпуса (06.11.1916 – 29.01.1917). Командующий 182-й пехотной дивизией (29.01. – 20.09.1917). Состоял в резерве при штабе Двинского ВО (с 20.09.1917; 3 мес.), в резерве при штабе Петроградского ВО (с 14.12.1917 до демобилизации). С 02.08.1918 занимал

пост генерал-квартирмейстера штаба Западно-Сибирской отдельной (впоследствии Сибирской) армии. 18.09.1918 уволен от службы из-за болезни. 15.07.1919 зачислен на службу по Генеральному штабу в войска А. В. Колчака и назначен главным начальником Усинско-Урянхайского края, выбран атаманом Енисейского казачьего войска. В Иркутске попал в плен к красным. В РККА служил на штабных должностях. Штатный преподаватель по военной статистике и географии Военной Академии РККА (с 15.01.1920).

Награды: ордена Св. Станислава III ст. (1895); Св. Анны III ст. (1901); Св. Владимира IV ст. (1904); Св. Станислава II ст. (1906); Св. Владимира III ст. (1911; 01.03.1912); мечи к ордену Св. Владимира III ст. (26.02.1915); Св. Анны I ст. с мечами (25.09.1917). За отличия награжден Георгиевским оружием.

ПОПОВ Иван Иванович

(1862, С.-Петербург – 1942, Москва), издатель, обществ. деятель, народоволец. После окончания С.-Петерб. учительского института некоторое время занимался педагогической деятельностью. В 1882 был впервые арестован по обвинению в причастности к народовольческому кружку и распространении нелегальных прокламаций, но выпущен под залог. В начале 1880-х начал публиковаться в газетах. В февр. 1885 вновь арестован и выслан в Забайкалье. При его содействии в Кяхте были созданы общественная библиотека, музей, отделение ВСОРГО. Здесь же он познакомился с Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и Д. А. Клеменцем, оказавшими большое влияние на его мировоззрение и общественную позицию. В 1894 Н. М. Ядринцев пригласил Попова к сотрудничеству в газете «Сибирское обозрение», а спустя некоторое время Попов переехал в Иркутск и стал редактором и издателем газеты «Восточное обозрение» и журнала «Сибирский сборник». За короткое время ему удалось поднять тираж газеты до 20 тыс. экз. По определению самого Попова, газета была радикально-демократической, в ней публиковали свои статьи полит. ссыльные и сиб. областники: Б. Шостакович, П. Зайчневский, Тан-Богораз, Бронштейн (Троцкий), Л. Красин и др. За критические публикации Попов неоднократно привлекался к суду и штрафовался, но газета продолжала выходить до начала 1906 и сыграла заметную роль в формировании обществ. мнения сибиряков.

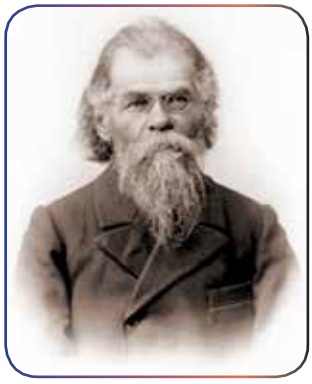
В 1905 Попов разработал проект введения в Сибири земского самоуправления, который одобрила гор. дума и представила его на рассмотрение императору; также подготовил постановление гор. думы с требованием учреждения не законосовещательной, а законодательной Гос. думы в России. Будучи гласным гор. думы, принимал участие в создании гор. милиции, за что позднее, в 1907, был вместе с другими гласными отдан под суд, приговорен к штрафу и лишен избирательных прав.

В 1906 «Восточное обозрение» было закрыто в административном порядке, и Попов переехал в Москву. Он принимал участие в работе различных комиссий I Гос. думы. В последующие годы являлся председателем Общества деятелей периодической печати и литературы, членом полит. Красного Креста и других обществ. организаций. В советское время работал в системе потребительской кооперации, различных издательствах, моск. областном музее и продолжал литературно-публицистическую деятельность. В разные годы помимо газетно-журнальных публикаций им были написаны работы по истории Сибири, Монголии, Китая, проблемам административного управления и самоуправления, биографические очерки о Клеменце, Тургеневе, Муромцеве. Похоронен Попов на Ваганьковском кладбище.

ПОРТНОВА (урожд. Трапезникова) Александра Никаноровна

(21 апр. 1813 – 21 февр. 1890, Иркутск) – купчиха, потомственная почетная гражданка, благотворительница. Завещала средства (из оставленного капитала в 2 млн 340 тыс. руб.) на открытие вдовьего дома в Иркутске, на строительство Александринской церкви (1914), на стипендии при Томском университете, Иркутской духовной семинарии и Иркутском епархиальном женском училище, а также крупные суммы в пользу монастырей, церквей и т. д. Похоронена в ограде Знаменского монастыря.

ПОТАНИН Григорий Николаевич

(22 сент. 1835, пос. Ямышевский, близ г. Павлодара – 30 июня 1920, Томск), сиб. географ, этнограф, публицист. Окончил Омский кадетский корпус (1852). В 1853–1858 на воен. службе в Семипалатинске и Омске. В 1859–1862 – студент Петерб. университета. За участие в студенческих волнениях 1861 выслан в Сибирь. В 1862 Потанин вступает в подпольную организацию «Земля и воля». В Сибири был создан кружок, который занимался пропагандой воскресных школ, проводил лит. вечера, распространял запретную литературу, собирал средства для побега политзаключенных и ссыльных. В 1865–1874 за участие в Обществе независимости Сибири Потанин находился 3 года в крепости Свеаборг, затем – в ссылке в Вологодской губ. Потанин принадлежал к общественно-полит. течению сибирских областников, пекущихся о развитии Сибири, о превращении ее из колонии, поставляющей метрополии богатства и служащей местом каторги и ссылки, в мощную, богатую, равноправную часть России. В 1863–1864 Потанин участвовал в экспедиции Рус. геогр. общества, руководимой рус. астрономом К. В. Струве на оз. Зайсан и хр. Тарбагатай. В 1873 был награжден Рус. геогр. обществом серебряной медалью. В 1876–1877 и 1879–1880 совершил экспедиции в Северо-Западную Монголию и Туву, в 1884–1886 и 1892–1893 – в сев. Китай, вост. Тибет и центр. Монголию и в 1899 – на Б. Хинган. В результате этих экспедиций были получены обширные сведения по географии до этого малоизвестных и неизученных областей Центр. Азии, собраны большой гербарий и зоологические коллекции.

Большую ценность представляют собранные Потаниным материалы по культуре, быту, народному творчеству тюркских и монгольских народов Сибири и Центр. Азии, а также тангутов, китайцев, дунган и др. Он был инициатором ряда экспедиций по Сибири, организатором Общества по изучению Сибири (в Томске). Потанин с супругой подолгу жили в Иркутске, отсюда начинались практически все их совместные путешествия. В 1887 Потанина избрали правителем дел ВСОИРГО, и город стал их постоянным местом жительства. Потанин сыграл выдающуюся роль как организатор науки в Сибири в годы своего правления во ВСОИРГО (1887–1890, в 1890-е). Он был вдохновителем ряда научных экспедиций, в которые вовлечена была большая группа политссыльных (Д. А. Клеменц, И. Д. Черский, Ф. Я. Кон и др.), ставших впоследствии известными учеными, крупными деятелями рус. науки.

В Иркутске Потанин активно сотрудничал в газете «Восточное обозрение». В честь него названы один из хребтов Наньшаня и самый крупный ледник в горном узле Табын-Богдо-Ола на Алтае. В Иркутске имя Потанина носит улица в Рабочем предместье.

ПОТАНИНА Александра Викторовна

(25 янв. 1853, г. Горбатов Нижегородской губ. – 19 сент. 1893, Китай, похоронена в Кяхте), рус. путешественница, жена Г. Н. Потанина. Участвовала в его экспедициях в сев.-зап. Монголию (1876–1877 и 1879–1880) и сев. Китай, вост. Тибет и центр. Монголию (1884–1886 и 1892–1893). Потанина провела ценные этнографические наблюдения, написала работы по этнографии Сибири и Центр. Азии. Живя в Иркутске, много внимания уделяла созданию библиотек. Вот почему, когда в городе возникла идея открыть бесплатную читальню, ей присвоили имя Потаниной. 26 окт. 1890 на углу Первой Иерусалимской и Русиновской ул. (ныне ул. 1-я Советская и Байкальская) в деревянном одноэтажном здании (ныне не сохранилось) открылась библиотека им. Потаниной, Нагорное отделение читальни. В настоящее время ее имя носит центральная городская библиотека, располагающаяся в здании бывшего Нагорного начального училища (ул. Трилиссера, 32).

ПОХАБОВ Яков Иванович, основатель Ирк. острога. Сведения о нем отрывочны. Известно, что в 1648 он входил в отряд сына боярского Ивана Галкина, который, основав Баргузинский острог на севере Байкала, отправил на оз. Буженей и притоки Витима команду во главе с Похабовым. Свою задачу – собрать ясак – Похабов выполнил. Весной 1660 он был послан во главе отряда из Братского острога, чтобы вернуть бурят, бежавших из Балаганского уезда в Монголию. Отряд поднялся вверх по Ангаре, дошел до Иркута, стал двигаться по Иркуту и вышел в Монголию, пытаясь вернуть беглецов. В горах в это время начались «морозы лютые», и отряд, проведя в пути 8 недель, с большими потерями вернулся в Балаганск. Летом 1661 Похабов начал сооружение Ирк. острога и 6 июля сообщил, как идет эта работа. Приехав в окт. 1661 в Енисейск, он доложил, что, «отыскал на устье Иркута реки самое угожее место и на том месте острог поставил он, и около острогу надолбы и всякими крепостьми укрепил и, взяв, посадил в аманаты (заложники) лутчего князца Яндаша...»

РАДДЕ Густав Иванович (Gustav Ferdinand Richard Radde)

(15 ноября 1831, Данциг – 3 марта 1903, Тифлис), путешественник и натуралист, исследователь Забайкалья и Амура. В 1832 совершил путешествие по Крыму. В 1854 в составе большой экспедиции Рус. геогр. общества прибыл в Вост. Сибирь. Из Иркутска выезжал в экспедиции на Байкал. Летом 1855 объехал большую часть западного и восточного побережий озера, изучал его животный мир, особенности геологического строения, открыл источники на дне Байкала, произвел ряд других наблюдений. В конце 1855 составил описание своих исследований на Байкале. На следующий год совершил путешествие к горному узлу Сохондо и Яблоновому хребту, предпринял несколько поездок по степям Даурии, собрав богатые зоологические и ботанические коллекции. Весной 1857 прибыл в Читу, где занялся подготовкой путешествия на Амур. Сплавлялся по Амуру до Бурейских гор, изучал их строение, климат, флору и фауну. Основал на Бурее первое рус. поселение. Новый поселок был назван в его честь. На обратном пути к Иркутску занимался изучением Хамар-Дабана, исследовал долины рек Иркута и Оки, открыл самоцветы в верховьях р. Слюдянки. В 1860 вернулся в Петербург, его богатые вост.-сиб. коллекции были переданы Академии наук. В 1863 вышло 2-томное описание путешествий ученого. За свои исследования в Вост.

Сибири получил Демидовскую премию. С 1863 поселился на Кавказе. Возглавлял музей естественной истории в Тифлисе, совершал путешествия по Кавказу, в 1867 – в турецкую Армению. Автор многих научных и научно-популярных статей.

РАДИЩЕВ Александр Николаевич

(20 авг. 1749, Москва – 12 сент. 1802, С.-Петербург), писатель, философ, сын богатого помещика. Образование получил в Пажеском корпусе (1762) и Лейпцигском университете. После выхода книги «Путешествие из Петербурга в Москву» был приговорен к смертной казни, замененной 10-летней ссылкой в Илимский острог. Путь в Сибирь, задержки в Казани, Тобольске, Иркутске использовались Радищевым для изучения Сибири, ее нравов, обычаев, торговли с Китаем. В Иркутск приехал 15 окт. 1791 и пробыл здесь более 3 месяцев. Встречался с Г. И. Шелиховым, надворным советником И. Л. Долгополовым, академиком Э. Лаксманом. В сент. 1793 Радищев закончил «Письмо о китайском торге» и направил его графу А. Воронцову. Воронцов морально и материально поддерживал Радищева в годы опалы.

По дороге в ссылку и во время пребывания в Илимске Радищев создал «Описание Тобольского наместничества», философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Замечательным историко-лит. памятником стали его «Письма из Сибири», адресованные А. Р. Воронцову (26 с дороги и 22 из Илимска). В 1797 Радищев был переведен под надзор полиции в одно из имений отца – с. Немцово Калужской губ. В царствование Александра I был окончательно помилован и определен на службу в Комиссию составления законов. В Иркутске имя Радищева носит одна из улиц.

РАЕВСКИЙ Владимир Федосеевич

(28 марта 1795, слоб. Хворостянка Курской губ. – 8 июля 1872, дер. Малышевка Ирк. губ.), рус. писатель, декабрист. Род. в семье отставного майора Ф. М. Раевского. Образование получил в Благородном пансионе при Моск. университете и 2-м кадетском корпусе в С.-Петербурге. В воен. службе с 1811, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. В 1819 Раевский был принят в «Союз благоденствия». Будучи начальником дивизионного учеб. заведения, он не только использовал ланкастерскую школу для обучения солдат воен. делу, но и стремился дать им основы знаний, в т. ч. политических. Раевский был арестован и после 5-летнего следствия приговорен к ссылке в Сибирь (с. Олонки Ирк. губ.). В Сибири дважды (в 1828 и 1831) привлекался к дознаниям: по делу о посещавших его в Тираспольской крепости офицерах и по делу кружка братьев Раевских в Курске. В 1829 Раевский женился на олонской крестьянке Е. М. Середкиной. Пользуясь доверием окрестных крестьян, он стал выполнять подряды откупщиков на поставку чая и вина. Это давало ему возможность содержать семью, открыть школу для детей и взрослых, постепенно наладить хозяйство: построить дом в Олонках, купить мельницу, 30 десятин пахотной земли и дом в Иркутске, который в 1838–1840 он сдавал Сиропитательному дому. Однако хозяйство не отнимало все его время и внимание. Он встречался с декабристами Трубецким, Волконским, Вольфом и др.; представителями сиб. интеллигенции Степановым, Щукиным, Игумновым, рус. и иностр. путешественниками и учеными Турчаниновым, Эрманом.

Одновременно занимался лит. деятельностью. Кроме стихов им был создан ряд мемуарных произведений.

После амнистии (1856) Раевский остался в Олонках. В это время он тесно сошелся с М. В. Петрашевским и Ф. Н. Львовым, прибывшим в Иркутск на поселение. В неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» была опубликована его статья «Сельские сцены», которая должна была стать началом целой серии очерков. Однако резкая критика крепостного права напугала местное начальство, и оно запретило печатать продолжение. Активное участие принимал Раевский и в собраниях либерально настроенной интеллигенции в библиотеке М. П. Шестунова и салоне Е. П. Ротчевой при Сиропитательном доме. За Раевским был установлен особый надзор. Здоровье его ухудшилось. В последние годы он занимался в основном лит. трудом. Во время поездки в Балаганск Раевский скончался в дер. Малышевке. Похоронен в с. Олонки. Могила охраняется. Награжден золотой шпагой и орденом Св. Анны IV ст.

РАЗГИЛЬДЕЕВ Александр Евграфович

(15 авг. 1818, крепость Цурухайтуевская (ныне пгт Приаргунск) – 26 ноября 1895, Иркутск), иркутский архитектор. Тунгус. Из штаб-офицерских детей, сын забайк. казака, православный. Первоначальное образование получил дома, затем в Горном училище в Большом Нерчинском Заводе, был отправлен в С.-Петербург, в Институт Корпуса горных инженеров, из которого по собственному желанию перешел в Императорскую академию художеств в июне 1836. При выпуске, в 1839, получил звание классного художника в чине 14-го класса. Иркутский городской архитектор со 2 окт. 1844. За упразднением Ирк. строительной комиссии назначен на должность архитектора при начальнике Ирк. губернии в 1859. В том же году С.-Петербургской Императорской академией художеств удостоен звания академика архитектуры. Приказом по ведомству путей сообщения и публичных зданий 31 окт. 1862 назначен на должность ирк. губернского архитектора. Уволен от должности, согласно прошению, по болезни 1 декабря 1880. Награды: ордена Св. Анны II и III ст., Св. Станислава III ст., Св. Владимира IV ст., знак отличия безупречной службы за 45 лет, бронзовая медаль в память войны 1853–1856 гг.

Некоторые осуществленные проекты Разгильдеева: здание института императора Николая I (б. Гагарина, 20), 1855–1861; Кузнецовская больница (б. Гагарина, 4), 1863–1871; особняк купцов Н. С. и И. С. Котельниковых (ул. Фурье, 2), 1855–1858; жилой дом с лавками купца М. В. Михеева (Дубникова) (ул. Гусарова, 2) 1860–1862; здание Губернского казначейства (ул. Ленина, 1), 1852 (перестроено в 1909–1910) и др.

РАССУШИН Владимир Александрович

(1862, с. Усольское, Иркутской губ. – 18 июля 1934, Харбин), ирк. городской архитектор. Сын чиновника. Окончил Институт гражд. инженеров (8 июня 1886). В 1886–1894 занимал должность ирк. городского архитектора. Значительно повлиял на архитектурный облик города. 9 августа 1898 назначен начальником дистанции II разряда по постройке отделения Средне-Сиб. ж. д. между Красноярском и Иркутском. Углепромышленник, владелец копий в Черемховском районе. После революции эмигрировал в Китай, где занимался архитектурной деятельностью, был гор. архитектором Харбина. На-

гражден орденами Св. Станислава II ст., Св. Анны III ст.

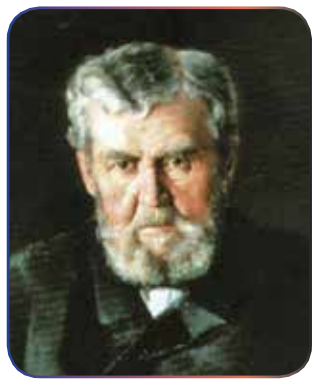
Некоторые осуществленные постройки: капитальная перестройка здания гор. думы (пристрой к старому зданию гор. думы) и выполнение единого фасада (ул. Ленина, 14), 1892–1895 (надстроено и перестроено в 1930-е); здание Александро-Мариинского пятиклассного гор. училища (ул. Ленина, 11), 1894–1895 (надстроено и перестроено в 1930-е); четыре здания гор. начальных училищ (ул. Ленина, 54, ул. Николаева, 5, ул. Челнокова, 1, ул. Красноказачья, 9), 1888–1889; здание общественного собрания (ул. Ленина, 23), 1890–1891, 1901–1902; собственный дом по Троицкой улице (ул. К. Маркса, 10), 1901–1902, 1906; деревянные дома по б. Гагарина, 32, ул. Володарского, ул. Бабушкина, 10; Триумфальная арка цесаревича Николая (каменная), 1891 (не сохр.), понтонный мост через Ангару и др.

РЕЗАНОВ
Николай Петрович

(28 марта 1764, С.-Петербург – 1 марта 1807, Красноярск), рус. дипломат и гос. деятель, посол в Японии. Семья Резанова имела давние связи с Иркутском: дед Николая Петровича, полковник Гаврило Резанов, еще в 1745 проводил в Иркутске перепись населения; отец, Петр Гаврилович, служил в Иркутске судьей, а с 80-х XVIII в. – губернским прокурором. Резанов получил домашнее воспитание, с 1778 находился на воен. службе сначала в артиллерии, затем в лейб-гвардии Измайловском полку. В середине 1780-х стал чиновником. В конце 1780-х назначен правителем дел к вице-президенту адмиралтейской коллегии И. Г. Чернышеву, с 1791 возглавил канцелярию статс-секретаря Г. Р. Державина. Вскоре за вольный образ мыслей был сослан в Иркутск под надзор отца. В Иркутске близко сошелся с Г. И. Шелиховым, женился на одной из его дочерей. С помощью Шелихова и его друзей ему удалось вернуться на гос. службу. В 1797 определен в сенат секретарем, а затем и обер-секретарем.

Резанов был одним из инициаторов и учредителей Росс.-Амер. компании, представлял ее интересы при дворе. Для защиты росс. владений, исследования Сев. Америки, а также для установления дипломатических и торговых отношений с Японией в 1803 была снаряжена первая рус. кругосветная экспедиция. В качестве посла в Японию был отправлен Резанов. От компании он был наделен полномочиями провести ревизию дел и имущества росс. владений в Америке. В 1805–1806 он побывал на Уналашке, Кадьяке, в Новоархангельске, рус. и исп. Калифорнии. Организовал изучение этих территорий, провел перепись населения, разрабатывал планы дальнейшего заселения Русской Америки. С этим путешествием связана романтическая история любви Резанова (он к этому времени был вдовцом) к М. К. Аргуэлло. Эта история нашла отражение в стихах А. Вознесенского и музыке А. Рыбникова (рок-опера ««Юнона» и «Авось»»). Полный замыслов и надежд возвращался Резанов в конце 1806 через Сибирь в столицу. В дороге тяжело заболел, на 2 месяца задержался для излечения в Иркутске (с 30 нояб. 1806 по 13 февр. 1807). Перед отъездом 10 янв. 1807 устроил прием в здании гимназии, на который собралось до 200 гостей. По дороге в Красноярск произошло обострение болезни, началась горячка, и Резанов скончался.

РОДИОНОВ
Николай Львович

(1824 – 24 мая 1903, Иркутск), из семьи цеховых, томский и ирк. купец 1-й гильдии (с 1865), в которой состоял в течение 23 лет (1865–1888), потомствен-

ный почетный гражданин (с 1888). Активно торговал на Кяхте, имел хорошо отлаженную сеть компаньонов и приказчиков. Одним из его приказчиков был П. А. Пономарев. В 1860-х – 1870-х Родионов – совладелец фирмы «Родионов, Хаминов и Ко», которая владела чайными плантациями в Китае близ Ханькоу, вела крупное дело по покупке и продаже чая. В 1876 компания была продана П. А. Пономареву. В 1870-х Родионов вел в Иркутске собственную торговлю, являлся крупным ростовщиком и домовладельцем, сдавал помещения в наем, имел кожевенный завод в Бельске. В 1865 назначен одним из душеприказчиков И. Н. Трапезникова. В начале XX в. его суммарный капитал составлял 954 073 руб. Вел активную общественную деятельность: гласный гор. думы (1870–1889), в 1885 баллотировался на должность городского головы, заседатель в гор. суде, попечитель в Сиропитательном доме Е. Медведниковой, попечитель промышленного училища, которому оказывал большую материальную помощь, способствовал открытию в нем чугунолитейного цеха. Жертвовал на построение часовни Христа Спасителя, городской театр. На пожертвованные им 20 тыс. руб. серебром была открыта церковно-приходская школа при Преображенской церкви. Школа находилась на его содержании – на проценты с капитала в 30 тыс. руб. Был связан родственными узами с купеческими фамилиями Лушниковых, Герасимовых, Лаврентьевых, Патушинских. Похоронен в ограде Знаменского монастыря.

РОЗЕН Генрих Владимирович

(1847, Ревель – после 1915), архитектор. Род. в семье барона. Окончил строительное училище в С.-Петербурге (позднее преобразовано в Институт гражд. инженеров) в 1871. До назначения в Иркутск работал во многих городах России: Гродно, Казани, Петербурге, где построил ряд казенных и частных зданий, а также каменный Воскресенский собор в Казани, принимал участие в строительстве ж. д. В Иркутск Розен приехал в конце 1879 или 1880. Был управляющим строительною и дорожною частями при иркутском ген.-губернаторе. В 1892 покинул Иркутск, заняв должность инспектора подъездных путей в Киеве, чему способствовал ген.-губернатор граф А. П. Игнатьев, бывший иркутский, а затем киевский, подольский и волынский ген.-губернатор. Розен отличался высоким профессионализмом, серьезным подходом к делу. Как и многие сиб. зодчие (К. Лыгин, Ф. Гут), вслед за петерб. и моск. архитекторами (В. Шретером, И. Китнером и др.) Розен применял кирпич без оштукатуривания его как строительный материал, обладающий хорошими прочностными качествами, красивым цветом и пластической выразительностью в конструкциях.

Некоторые осуществленные постройки: здание Географического общества (ныне здание краеведческого музея, ул. К. Маркса, 2), 1882–1883, 1891; Лютеранская церковь (кирха) во имя Вознесения Господня, 1885 (не сохр.); здание городского училища «Детский сад» (деревянное, перенесено на ул. Горького, 5а) 1882; комплекс Базановского воспитательного дома с родильным приютом (ул. Свердлова, 14), 1880–1883; Кафедральный собор во имя иконы Казанской Божией Матери (перепроектирование уже начавшего строиться храма), 1875–1894 (не сохр.) и др.

РОМАНОВ Нит Степанович

(28 сент. 1871, г. Балаганск Ирк. губ. – 13 авг. 1942, Иркутск), историк, библиограф и библиофил, летописец Иркутска, мемуарист. Род. в семье мелкого чиновника. Грамоте обучался у полит. ссыль-

ных и учителя местного приходского училища. В 1888 окончил четырехклассную воен. прогимназию. Продолжать воен. образование отказался и в 1889 уехал в Усть-Уду (Балаганский округ), где работал при волостном правлении. С 1891 служил писцом в ирк. окружном и губ. суде, затем в гостинице «Деко» (1893), в гор. управе помощником делопроизводителя хоз. отдела (с 1899). С 1906 заведовал библиотекой управы. В 1907 назначен заведующим Ирк. гор. публичной библиотекой. Учился на библиотечных курсах при народном университете им. Шанявского в Москве. С 1926 по 1942 работал в Науч. библиотеке Ирк. университета. Член ВСОРГО с 1892, почетный член этого общества с 1925. В 1924 комитет по созыву Первого Всеросс. библиографического съезда избирает его членом съезда с решающим голосом. С 1926 активно сотрудничает с редакцией Советской сиб. энциклопедии. Подавляющее число работ Романова посвящено истории Иркутска, периодической печати Сибири. Один из известных библиографов Сибири. Его собрание положено в основу редких фондов Ирк. обл. публичной библиотеки и Научной библиотеки Ирк. гос. университета. «Иркутская летопись» Романова продолжила известные летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова (1857–1924). На могиле ирк. летописца на Лисихинском кладбище установлен памятник (1986). С 1996 регулярно проводятся научные конференции – романовские чтения.

СВЕШНИКОВ Александр Андреевич

(1786, Иркутск – 1842, Иркутск) – ирк. купец, краевед, собиратель коллекций. Происходил из семьи ирк. предпринимателей, в разное время выходивших в купечество. Рано приобщился к торговой деятельности. Занимался откупными операциями, составил в конце 1830-х акционерную компанию по разведению в Сибири пшеницы-крупчатки, занимался улучшением сиб. породы лошадей, развитием пчеловодства. Известность в ирк. обществе получили его коллекции редких монет и медалей, шкур сиб. зверей. Много сил и средств отдал сбору рукописных материалов по истории Сибири и Иркутска. Сам мало занимался их описанием и изучением, но часто предоставлял исследователям. В частности, его материалами о крыловском погроме пользовался впоследствии сиб. историк П. М. Головачев. Знали их и другие иркутские краеведы.

СЕРЕБРЕННИКОВ Иван Иннокентьевич

(14 июля 1881, с. Знаменское Верхоленского уезда Ирк. губ. – 19 июня 1953, Тяньцзинь), сибиревед, публицист, обществ. деятель. Род. в крестьянской семье. Начальное образование получил в сельской школе. После окончания с серебряной медалью ирк. гимназии (1901) поступил в Петерб. военно-мед. академию. К этому времени относится и начало литературной деятельности Ивана Иннокентьевича, в этом году в ирк. газете «Восточное обозрение» был напечатан его рассказ «Праздник». За участие в студенческих волнениях в 1902 Серебренников был арестован и по приказу военного министра исключен из академии. Возвращается в Иркутск, где начинает готовиться к поступлению в университет, пишет статьи и заметки в сиб. и столичные газеты и журналы, параллельно занимается частным преподаванием и не оставляет политической деятельности. Становится одним из первых членов ирк. комитета РСДРП. Серебренников участвовал в революц. событиях 1905 г. 1 янв. 1906 был арестован, а через четыре месяца освобожден и на время военного положения в административном порядке выслан из Ирк. губ. После он снова отправился

в Петербург, где прожил до 1908. Вскоре снова арестован за участие в военно-писарском союзе партии эсеров. Наказание – шестимесячное заключение в одиночной камере в «Крестах». По окончании срока был выслан из столицы в Вологодскую губ. Но туда он не явился и вместе с женой вернулся на родину, где с 1908 по 1911 проживал в родном селе Знаменском на нелегальном положении. В 1911 официально порывает с РСДРП, уходит из политики и с этого времени все свои силы отдает научной и обществ. работе. Серебренников начинает подробнее интересоваться историей Ирк. губернии, народом, заселяющим сиб. просторы, размышляет о будущем Сибири. Публикует статьи и рассказы по статистике, истории и экономике Сибири в журнале «Сибирские вопросы», газете «Сибирь», «Сибирской врачебной газете» и др. С 1908 начинает сотрудничать с ВСОИРГО, публикует свои труды на страницах «Известий ВСОИРГО». С 1911 живет в Иркутске легально.

Серебренников внес значительный вклад в изучение Сибири. Отдельными изданиями были опубликованы его исследования: «Первоначальное заселение Иркутской губернии» (1909), «К истории заселения Сибири», «Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия» (1913), «Промыслы Иркутской губернии. Материалы для описания существующих в Иркутской губернии промыслов ремесленно-кустарного характера» (1914) и др. Под редакцией Серебренникова в 1911 была опубликована «Иркутская летопись» П. И. Пежемского и В. А. Кротова. Им было проведено статистическо-экономическое обследование района проектируемой Иркутско-Ленской ж. д. и состояние кустарных промыслов в губернии. Серебренников активно участвует и в общественной жизни города. С августа 1912 избирается гор. секретарем Ирк. гор. думы, на этой должности находился два срока подряд (авг. 1912–1914 и 1914–1916). Работу гор. секретаря совмещал с работой в редакционном комитете «Вестника Ирк. гор. общественного управления», входил в состав Ирк. комитета Всерос. гор. союза помощи больным и раненым воинам, где возглавлял военно-технический отдел, который занимался организацией в Ирк. губ. производства боевых снарядов и материальных предметов для снабжения армии. Серебренников входил в состав распорядительного комитета Ирк. губ. Ученой архивной комиссии, был товарищем председателя Ирк. отдела общества изучения Сибири и улучшения ее быта. В апр. 1915 общее собрание членов ВСОИРГО избрало его правителем дел Вост.-Сиб. отдела Географического общества, на должности которого он оставался до июля 1918.

Февр. революцию 1917 Серебренников встретил восторженно и включился в полит. жизнь Иркутска. Принял активное участие в организации местной группы областников-автономистов, пропаганде областнических идей и разработке местных полит. и социальных вопросов. 21 мая 1917 в музее отдела РГО выступил с докладом «Об автономии Сибири». Принимал участие в окт. 1917 в областном съезде в Томске. Приход к власти большевиков не признал.

В конце янв. 1918 на нелегальной сессии Сиб. областной думы от фракции областников Серебренников заочно избирается в состав Временного правительства автономной Сибири в качестве министра снабжения и продовольствия. Одновременно возглавил Административный совет. В кабинете министров занимал правые позиции. Возглавил делегацию Сиб. правительства на Уфимском гос. совещании, на котором было избрано Всероссийское правительство.

Серебренников поддержал установление диктатуры А. В. Колчака, которого назвал «выдающимся русским человеком». К концу 1918 покинул правительство. Вернувшись в Иркутск, продолжил прерванную работу над исследованием хозяйственного быта и землепользования ирк. и забайк. бурят. Осенью 1919 ему поступило предложение организовать и возглавить при штабе Ирк. военного округа осведомительный отдел, который из-

давал ежедневные сводки. Под руководством Серебренникова было налажено издание еженедельной газеты «Великая Россия», а также периодически выпускались листовки, воззвания, агитационные плакаты. 20 янв. 1920 Серебренников вместе с супругой Александрой Николаевной в эшелоне Чехословацкого корпуса покидает Иркутск. Через два месяца, 19 марта 1920, они прибывают в Китай. Там он занимается литературной и преподавательской деятельностью, читает на Харбинских кооперативных курсах лекции по сибиреведению, которые вышли в 1920 отдельным изданием. Увлекся вопросами экономического изучения Китая. В Тяньцзине, где Серебренниковы проживали с 1923, они открыли книжный магазин и частную библиотеку. Серебренников стал одним из учредителей Русской национальной общины в Тяньцзине, которая являлась культурной организаций и объединяла русских эмигрантов.

СИБИРЯКОВ Александр Михайлович

(26 сент. 1849, Иркутск – 2 ноября 1933, Ницца), представитель крупного и влиятельного в Вост. Сибири купеческого рода Сибиряковых. Потомственный почетный гражданин, купец, золотопромышленник, известный исследователь Сибири и меценат. Окончил политехникум в Цюрихе. Активно жертвовал крупные суммы на благотворительные цели, некоторое время поддерживал материально газету «Сибирь». В 1880-е на капитал (в общей сложности 100 тыс. руб.) пожертвований Сибирякова в Иркутске были учреждены и переданы в гор. управление 2 мужские и 2 женские начальные школы имени его сестры А. М. Кладищевой, что явилось значительным вкладом в развитие народного образования (в тот период в Иркутске было 17 начальных школ). Увлеченный идеей просвещения, Сибиряков скупал целые библиотеки и высылал их в фонд первого сиб. университета. Подарил губ. гимназии коллекцию картин. Наибольшую известность получил как человек, финансировавший научные исследования Сибири, и как самостоятельный исследователь. На его средства были обследованы р. Ангара и водораздел рек Оби и Енисея (1878), значительные средства он выделял ВСОРГО. Сам Сибиряков работал над идеей северного морского пути. Вместе с О. Диксоном финансировал экспедицию Норденшильда, а в 1880 совершил плавание в устье р. Енисей через Карское море. В 1881 напечатал отчет об этом плавании в «Известиях ВСОИРГО», а в 1893 – работу «К вопросу о внешних рынках Сибири, о важности водного сообщения между Тобольском и Енисейском через устья Оки и Енисея». В Иркутске его именем был назван дом призрения бедных, построенный на его средства, Норденшильд назвал его именем остров в Енисейском заливе, а ледокол «А. М. Сибиряков» совершил в 1932 впервые в истории Арктики переход от Архангельска до Владивостока за один рейс. Последние годы жизни Сибиряков провел во Франции.

СИБИРЯКОВ Иннокентий Михайлович

(30 окт. 1859, Иркутск – 9 ноября 1901, Афон), ирк. купец 1-й гильдии, известный обществ. деятель и меценат, брат А. М. Сибирякова. Оказывал значительную материальную помощь ВСОИРГО в целях исследования Сибири. На его деньги Н. Потанин совершил длительную экспедицию в Сы-Чуань. На его же средства издавались книги о Сибири, среди которых «Историческое обозрение Сибири» П. Словцова, «Сибирская библиография» В. И. Межова в 3 т., книги Се-

мевского, Ядринцева и др. Сибиряков состоял действительным членом Ирк. благотворительного общества, в фонд которого ежегодно братья вносили значительные суммы. Наибольшую известность получил как организатор состоявшейся в кон. 80-х XIX в. экспедиции в Якут. обл., на которую он выделил 12 тыс. руб. Целью экспедиции Сибиряков определил «...исследование экономических и других условий жизни инородцев Якутской области». Кроме того, в программу экспедиции вошли геологические, географические и этнографические исследования. В экспедиции приняли активное участие полит. ссыльные: Н. А. Виташевский, В. Г. Тан-Богораз, И. И. Майнов, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский и др. По свидетельству современников, экспедиция дала мощный импульс к развитию общественных сил в Якутском и Колымском округах. В годы неурожая в конце XIX в. в Тобольской губ. на средства Сибирякова. Н. Ядринцев устраивал бесплатные столовые. В конце 1890-х Сибиряков увлекся религией и окончил жизнь в монастыре на Афонской горе.

СИБИРЯКОВ
Михаил Васильевич

(1744, Иркутск – 10 июня 1814, Забайкалье), дед А. М. и И. М. Сибиряковых. Купец, первый гор. голова Иркутска, меценат и коллекционер, почетный гражданин.

Михаил Васильевич занимал столько постов, сколько не занимал никто другой из рода Сибиряковых. Во многом благодаря этому он добился немалых успехов в бизнесе. Его предпринимательская деятельность охватывала всю Вост. Сибирь. Сибиряков держал торговлю в Кяхте, его поставки туда достигали порой четверти всего привоза пушнины. Владел наследными рудниками, поставлял свинец и медь с Нерчинских казенных заводов в Барнаул и Екатеринбург. Так, в 1802–1803 перевозка свинца находилась почти исключительно в руках Сибирякова и его сыновей, которые буквально диктовали свои условия на торгах. Сибиряков осуществлял грузоперевозки по Охотскому тракту, являлся крупным винным откупщиком. Ему принадлежал на Байкале целый флот – шесть больших судов, а также карбасы и лодки. Кроме того, территория рыбных ловель, принадлежавших ему, простиралась от Посольского монастыря до Култукского зимовья. Имя Сибирякова значится в анналах организованной Г. И. Шелиховым в Северной Америке торгово-промысловой компании, позже вошедшей в Росс.-Американскую компанию на Аляске. Сибиряков был компаньоном и еще одной промыслово-морской компании – якутского купца Павла Сергеевича. В начале XIX в. Сибиряков возглавил вместе с Н. П. Мыльниковым купеческую партию, отстаивающую свои права на предпринимательство и сферу гор. самоуправления. Апогея противоборство купечества и администрации края достигло в период правления Н. И. Трескина (1806–1819). В 1809 Сибиряков был лишен купеческого звания и сослан в Нерчинск в «работные люди». Там он скончался.

Сибиряков известен как один из первых в Вост. Сибири собирателей предметов духовной культуры: картин, редких книг и рукописей, старинных карт, монет. В 1805 он приобрел у посланника в Китай графа Ю. Головкина гобелен рус. ручной работы XVIII в., много гравюр с изображением городов России, фарфор, худож. бронзу и др. В Ирк. областном художественном музее хранится портрет Р. Державина кисти итальянского мастера С. Тончи – так поэт отблагодарил своего поклонника Сибирякова за преподнесенные ранее соболью шубу и шапку (в них Державин и запечатлен на полотне).

СИВЕРС Петр Александрович

(?, Витебская губ. – 25 июня 1892, Москва), советник ирк. губ. правления при ген.-губернаторе Н. Н. Муравьеве, действит. стат. советник, коллежский советник, камергер царского двора, член Вост.-Сиб. отдела РГО (с 1864), крупный меценат. Зять И. И. Базанова, после смерти которого стал главным распорядителем, а по сути, и обладателем его состояния. От лица Ю. И. и В. П. Базановых Сиверс заведовал всеми торгово-промышленными делами тестя, принимал живое участие в работе золотопромышленной компании, в строительстве знаменитого учеб. заведения «Детский сад». Когда во время страшного пожара 1879 вместе с большой частью города сгорел и «Детский сад», Сиверс внес 30 тыс. руб. на его возрождение. В 1870 и 1890 внес по 10 тыс. руб. в Ирк. благотворительное общество на помощь малоимущим. Были назначены пособия 107 беднейшим семьям. В 1891 вошел в комитет, имеющий целью организовать помощь прокаженным Якут. обл. Поощрял развитие в городе искусства и науки, был с 1874 членом комитета по управлению гор. театром, заведовал его репертуарной частью. В 1889 внес 5 тыс. руб. в Геогр. общество, деньги положены в банк, на проценты, для вручения ежегодной премии за лучшую работу по истории Сибири. В 1891 освящены 2 вновь пристроенных зала музея ВСОРГО (нынешнего краевед. музея). Один из них, в котором разместились этнографические коллекции, был назван «Залом П. А. Сиверса», второй – «Залом И. М. Сибирякова». Именно Сиверсу Иркутск обязан созданием детской Ивано-Матренинской больницы. И. И. Базанов оставил, согласно духовному завещанию, 500 тыс. руб. на благотворительные цели. При этом наследникам, а это были Ю. И. Базанова, В. П. Кельх и Сиверс, предоставлялось право обратить отписанный капитал на устройство благотворительных учреждений в разных местах Росс. империи, по их усмотрению. Но они решили организовать одно заведение – детскую больницу в Иркутске на 30 кроватей с обеспечением ее неприкосновенным капиталом. Однако, посчитав, что имеющейся суммы будет недостаточно, наследники договорились выстроить лечебницу за свой счет, а оставленный капитал положить в банк и с нарастающими на него процентами оставить на содержание больницы. 14 янв. 1884 Сиверс в Иркутском обществе врачей заявил о принятом решении. В дальнейшем он занимался всеми вопросами устройства больницы как распорядитель капитала согласно данной ему доверенности со стороны других наследников. 25 июня 1892 Сиверс скончался в Москве. Тело было доставлено в Иркутск и похоронено в склепе Вознесенского монастыря.

СИНЕЛЬНИКОВ Николай Петрович

(25 сент. 1805 – 4 окт. 1892, Харьков), рус. гос. деятель, сенатор, ген.-губернатор Вост. Сибири, почетный гражданин Иркутска. Происходил из дворян С.-Петерб. губ. Образование получил во 2-м кадетском корпусе, куда поступил в 1817. В 1823 произведен в офицеры и назначен в 1-й карабинерный полк. Участвовал в польск. кампании 1831. До 1851 находился на действит. воен. службе и выслужился до чина ген.-майора. В 1851 оставил службу и был причислен к Министерству внутр. дел. Занимал должности губернаторов Владимирской (1852), Волынской (1852–1855), Московской (1855–1857), Воронежской (1857–1859) губерний. В 1859 получил назначение на должность генерал-интенданта первой армии, расквартированной в Царстве Польском. Уча-

ствовал в подавлении польск. восстания 1863. С 1864 – сенатор, главноуправляющий тюрьмами России. В 1871–1874 – ген.-губернатор Вост. Сибири. Содействовал развитию экономики и культуры края, заботился о положении ссыльнопоселенцев. В Иркутске его стараниями был устроен воспитательный дом, построен театр, уделялось внимание благоустройству города. За плодотворную административную деятельность в 1873 получил чин генерала от кавалерии. В декабре этого же года оставил Иркутск и переехал в Петербург. Прожив в столице несколько лет, перебрался в Харьков, где и провел последние годы. Здесь он закончил «Записки», в которых описал свою жизнь и труды. Они были изданы уже после смерти мемуариста. Перу Синельникова принадлежит еще несколько заметок биографического характера, опубликованных в периодической печати. Награды: орден Св. Георгия III и IV ст.

СЛОВЦОВ Петр Андреевич

(1767, Нижнесусанский Завод Пермской губ. – 28 марта 1843, Тобольск), рус. историк Сибири, обществ. деятель, писатель. В начале 1808 ложно обвинен во взяточничестве и выслан на службу в Тобольск. С 1815 – директор гимназии в Иркутске, многое делает для ее развития. С назначением ген.-губернатором Сибири М. М. Сперанского, соученика Словцова по Александро-Невской семинарии, тот становится в 1821 инспектором (визитатором) народных училищ Сибири. Активно содействует открытию новых приходских школ и училищ. С 1829 в отставке, переехал в Тобольск. Словцов – основоположник научной историографии Сибири. Поднял вопрос о месте Сибири в составе России. Автор первого обобщающего труда о Сибири.

СОФРОНИЙ (Кристалевский Стефан)

(25 дек. 1703, Березень Переяславской губ. – 30 марта 1771, Иркутск), епископ Иркутский. Сын клирика, окончил Переяславскую духовную семинарию, в 1730 пострижен в монахи и наречен Софронием. 12 лет был настоятелем в Красногорском монастыре. Наместник Александровского монастыря в Петербурге. Назначен в Ирк. епархию. 18 апр. 1753 Софроний был хиротонисан во епископы Иркутские в Успенском соборе Москвы. В Иркутске много усилий положил на строительство новых храмов и церквей. По его инициативе и при участии закладывается Тихвинская церковь, домовая церковь во имя Покрова Пресвятые Богородицы, новая церковь над вратами Богоявленского собора и т. д. Он много путешествовал по епархии: совершил поездки в Якутск, в Забайкалье, вел миссионерскую деятельность.

СПЕРАНСКИЙ Михаил Михайлович

(1 янв. 1772, г. Черкутино Владимирской губ. – 11 февр. 1839, С.- Петербург), граф, выдающийся гос. деятель России, сиб. ген.-губернатор в 1819–1821. Род. в семье сельск. священника. Обучался во Владимирской семинарии, с 1788 в Александро-Невской семинарии в Петербурге. По окончании был оставлен в ней преподавателем. В 1795 Сперанский становится префектом семинарии, но вскоре уходит из нее и становится секретарем ген.-прокурора А. Б. Куракина, а с 1799 – правителем его канцеля-

рии. Взлет карьеры Сперанского пришелся на первые годы правления Александра I. Эрудиция, огромная работоспособность, независимость суждений – все это привлекало молодого царя в Сперанском. В 1801 он делает его статс-секретарем и поручает разработать план гос. преобразований. Сперанский назначается директором департамента вновь образованного Министерства внутр. дел и занимается вопросами гос. устройств. К 1809 он предоставляет Александру I либеральный проект преобразования гос. управления в стране, но из-за оппозиции консервативного дворянства план был реализован лишь частично, а сам реформатор в марте 1812 отправлен в ссылку в Н. Новгород, а с сентября того же года – в Пермь. В 1814 ему разрешили вернуться из ссылки и проживать в новгородском имении Великополье. В авг. 1816 Сперанский вновь возвращен на гос. службу и назначен пензенским гражд. губернатором. В марте 1819 ему поручили возглавить ревизию Сибири и назначили сиб. ген.-губернатором. В короткий срок он объехал почти всю Сибирь, решительно боролся с произволом и казнокрадством местной администрации. К суду было привлечено 680 чиновников, с которых взыскано 2,8 млн руб. 29 авг. 1819 Сперанский прибыл в Иркутск. Его небольшая команда, в которую входил будущий декабрист Г. С. Батеньков, за короткий срок подготовила пакет реформ преобразования управления Сибирью. Среди них «Устав об управлении инородцев», «Устав о ссыльных», административная и судебная реформы и т. п. Для рассмотрения сиб. дел в Петербурге был создан спец. орган – Сибирский комитет. В марте 1821 Сперанский вернулся в столицу и был введен в состав Гос. совета. С конца 1820-х занимался составлением Свода законов Росс. империи и кодификацией гражд. и уголовного права. К 1835 работа была закончена, и Свод законов вступил в силу. 1 янв. 1839 Сперанский был возведен в графское достоинство, а через месяц скоропостижно скончался.

СУКАЧЕВ Владимир Платонович

(14 июня 1849, Иркутск – 21 дек. 1920, Бахчисарай). Крупный обществ. деятель, коллекционер и благотворитель, почетный гражданин Иркутска. Род. в семье надворного советника. Учился в Ирк. мужской гимназии, затем в Киевском университете на естеств. факультете и Петерб. университете на юрид. факультете. После окончания университета возвратился в Иркутск, избирался гласным гор. думы. После пожара 1879, уничтожившего две трети города, внес значительные суммы для восстановления гор. хозяйства. Сукачев жертвовал деньги на открытие техн. училища, строил богадельню. С 1885 по 1898 был гор. головой Иркутска, а с 1889 по 1898 – председателем ВСОИРГО. Являлся попечителем мужской гимназии, почетным попечителем Ирк. сиропитательного дома, финансировал экспедицию Г. Н. Потанина в Китай, Тибет и Монголию, устраивал бесплатные спектакли и концерты для детей в ирк. театре. В конце 1898 выехал с семьей на жительство в Петербург. Уезжая, оставил для города и продолжал содержать за свой счет усадьбу с бесплатной школой для девочек и картинную галерею. В 1891 Сукачев отредактировал и издал книгу «Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири»; в 1902 – «Первое столетие Иркутска». С 1905 по 1914 в Петербурге издавал журнал «Сибирские вопросы», выпускал открытки с видами Иркутска и Байкала, гербами Росс. империи. Все эти издания осуществлялись с благотворительной целью в пользу студентов-сибиряков, обучавшихся в Петербурге. С этой же целью, как председатель благотворительной комиссии, возглавлял студенч. столовую, где при его содействии студенты-сибиряки имели возможность питаться

по доступным ценам. Еще в Иркутске начал собирать произведения живописи, количество которых уже в 1870 достигло трех десятков. В 1882 в одном из особняков своей усадьбы открыл картинную галерею, которая была тогда первой на территории Сибири. На ее базе позже был создан Ирк. областной художественный музей.

СУЛКОВСКИЙ Петр Григорьевич

(1850 или 1853, Минская губ. – 21 мая 1903, Кяхта), сиб. чиновник, востоковед. Происходил из семьи мелкопоместных дворян. С детства увлекался историей и языками Востока. В 1876 окончил факультет вост. языков Петерб. университета. Некоторое время служил в Министерстве внутр. дел. В апр. 1880 получил назначение переводчиком маньчжур. языка в Гл. управление Вост. Сибири. Пробыл в Иркутске 4 года. В 1881 находился в длительной командировке на клипере «Стрелок» с целью обозрения северо-вост. берегов Сибири и Командорских островов. В Иркутск возвратился через Китай и Монголию. С 14 июня 1883 исполнял должность ст. чиновника особых поручений при ген.-губернаторе Д. Г. Анучине. В центре его внимания была работа по организации переселенческого движения на Амур. При его непосредственном участии были подготовлены к печати несколько томов «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью». В мае 1884 переведен в Кяхту на должность пограничного комиссара. В Кяхте активно участвовал в обществ. жизни, избирался гласным в гор. думу. Был одним из учредителей местной газеты «Байкал», с 1897 являлся ее цензором, опубликовал на ее страницах десятки статей и корреспонденций. Награжден несколькими росс. орденами и китайским орденом Двойного Дракона II ст.

ТИХОН (Данебин-Троицкий Михаил Михайлович)

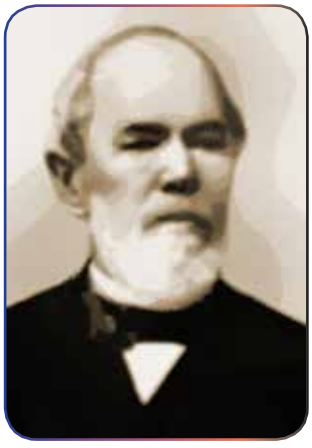
(4 янв. 1831, с. Сушково Зарайского уезда Рязан. губ. – 28 июня 1911, Иркутск), архиепископ Иркутский и Верхоленский. Род. в семье дьякона. Окончил Рязанскую духовную семинарию. С марта 1853 – священник в Рязани. В 1858 поступил в Петерб. духовную академию и окончил ее со степенью кандидата богословия. Преподавал в Новгородской духовной семинарии, с 1871 – ректор Ставропольской семинарии, с 5 июня 1882 – епископ Сарапульский, викарий Вятской епархии. С 8 марта 1886 – епископ Енисейский и Красноярский. С 23 марта 1892 – епископ Иркутский и Верхоленский. При нем образована автономная Забайкальская епархия. 25 янв. 1894 освятил гл. придел Казанского Кафедрального собора в Иркутске. 25 авг. 1898 освящена Тихоновская богадельня для вдов и сирот духовного ведомства в Рабочем предместье. 24 янв. 1911 состоялось открытие бесплатной детской столовой им. архиепископа Тихона и школы при ней. В феврале–мае 1896 Тихон был единственным из архиереев Вост. Сибири, представленных императору на коронации в Петербурге. Умер на архиерейской даче близ Иркутска. Похоронен в Казанском Кафедральном соборе в усыпальнице рядом с могилой архиепископа Вениамина.

ТРАПЕЗНИКОВ Иннокентий Никанорович

(1830, Иркутск – 1865, Москва), ирк. купец 1-й гильдии, золотопромышленник и меценат. Известен тем, что завещал практически все свое

состояние на устройство в Иркутске ремесленного учебно-воспитательного заведения «для обучения грамоте и ремеслам детей неимущих граждан города Иркутска и крестьян Иркутской губернии». Капитал, переданный в ведение города, составлял несколько миллионов рублей. Точно установить первоначальную сумму невозможно, так как документ, свидетельствующий об этом, сгорел во время ирк. пожара 1879. На основании завещания Трапезникова этот капитал и имущество покойного поступили в ведение Ирк. гор. думы, на его незначительную часть (271 тыс. руб.) было учреждено Иркутское ремесленно-воспитательное заведение им. Н. П. Трапезникова, отца завещателя. Училище было открыто 23 мая 1873. Позднее, в 1904–1907, по проекту архитектора Р. Р. Марфельда для него построили здание в Знаменском предместье на Якутской ул. (ныне – ул. Рабочего Штаба, 6). В 1880-х основной фонд училища превышал 1 млн руб. (доп. средства были взяты из капитала), а число воспитанников достигло 100 чел. В заведении бесплатно обучались ремеслам мальчики из городов и деревень Иркутской губернии. Оставшиеся средства (более 1 млн руб.) были использованы Ирк. гор. думой «на другие общественные выгоды в Иркутске и других местах Сибири».

ТРАПЕЗНИКОВ Константин Петрович

(1790 – 15 янв. 1860), купец 1-й гильдии (1849), потомственный почетный гражданин, гор. голова со 2 янв. 1829 по 1831, вторично выбран на должность гор. головы в нояб. 1846. Принял присягу 1 янв. 1847. По некоторым данным, Трапезников был отстранен от службы ген.-губернатором Н. Н. Муравьевым, немного не дослужив последнего года.

Член «Т/Д Петра Дмитриевича Трапезникова и сыновей». Принадлежал к высшим слоям купеческой элиты. Успешно торговал в Кяхте. Вел обширную оптово-розничную торговлю. Одним из первых начал осваивать золотоносные районы Олекминского округа, став крупным золотопромышленником. Благотворитель. Его именем была названа Сиропитательно-ремесленная школа (1866 г.). «Из всех коренных местных жителей ближе всех был знаком с М. М. Сперанским» в бытность его в Иркутске.

ТРАПЕЗНИКОВ Никанор Петрович

(20 июля 1786 – 11 февр. 1847), ирк. купец 1-й гильдии, коммерции советник, потомственный почетный гражданин, гор. голова с 1 янв. 1835 по конец дек. 1837. Представитель крупного купеческого рода Иркутска XVIII – начала XX в., родной брат К. П. Трапезникова. Член «Т/Д Петра Дмитриевича Трапезникова и сыновей». Вел обширные коммерческие дела на севере Якутского края, в Кяхте. Меценат. Жертвовал средства на здание техн. училища. Любитель живописи, владелец небольшой коллекции картин, среди которых было полотно французского живописца XVII в. Н. Пуссена «Избрание апостолов», копии акварелей Н. Бестужева. Желая сохранить облик предков и последующих поколений, содержал домашнего живописца Н. А. Климова. Дядя В. П. Сукачева.

ТРАПЕЗНИКОВ Сергей Константинович

(1842, Иркутск – окт. 1893, Москва), ирк. купец 1-й гильдии из известнейшей династии Трапезниковых, потомственный почетный гражданин, гор. голова 1871–1872. Окончил Ирк. мужскую гимназию. Исполнял обязанности старосты Кафедрального собора, попечителя духовного училища. Член губернского попечительства о тюрьмах (с 1865), член общества попечения о больных и раненых воинах (с 1869), член комитета по устройству в Иркутске часовни во имя Спасителя (1866), член Епархиального комитета миссионерского общества (с 1871), член общества подания помощи при кораблекрушении (с 1873). Служил церковным старостой при Никольской церкви железоделательного завода (1865–1871), почетный блюститель при Ирк. училище девиц духовного звания; церковный староста Кафедрального собора (1781–1875), с 1885 – бессменный гласный Ирк. думы. Вместе с братом Федором Константиновичем организовал в 1881 Ирк. пожарное общество, был его начальником.

Широко жертвовал, в среднем тратя в год на благотворительные нужды около 7 тыс. руб. Отличился при тушении пожара в Иркутске летом 1879, устремясь со своей пожарной машиной и людьми на спасение города. Совместно с Ф. К. Трапезниковым владел (1864–1870) казенным Николаевским железоделательным заводом, провел его капитальную реконструкцию. Занимался разведением лошадей. Пароходовладелец, имел один из первых пассажирских пароходов на р. Лене («Константин»). Крупный золотопромышленник, пайщик золотопромышленного «Ленского товарищества». Неправильная организация приискового дела, незаконные действия приисковой администрации, привлечение к судебному разбирательству (1893) по обвинению в присвоении и растрате имущества и капитала по опеке брата (611 244 руб.), ущерб, нанесенный благосостоянию во время пожара 1879, разорили его. Умер в Москве тяжело больным человеком, почти в нищете.

Награжден орденом Св. Станислава III ст., другими знаками отличия.

ТРЕСКИН Николай Иванович

(1763–1842), ирк. гражд. губернатор (1806–1819), действительный статский советник. Сын священника. С начала карьеры пользовался поддержкой и покровительством И. Б. Пестеля. В 1789 был взят И. Б. Пестелем из Рязанской семинарии и определен на службу при Московском почтамте. До назначения в Иркутск был вице-губернатором в Смоленске. Назначенный сибирским ген.-губернатором И. Б. Пестель настоял на назначении иркутским губернатором лично ему преданного Трескина. По оценке сибирского историка В. И. Вагина, Трескин стал «правою рукой Пестеля, главным деятелем во все его управление Сибирью, образцом для других сибирских губернаторов, их учителем».

По приезде в Иркутск Трескину пришлось столкнуться с местным купечеством, хотя борьба администрации с купечеством началась задолго до его приезда. В ходе этой борьбы Трескин допускал произвол и насилие, нередко обвинялся во взяточничестве и злоупотреблениях. К заслугам Трескина можно отнести наведение порядка в Иркутске и его благоустройство: решение о выравнивании улиц, осушении и поднятии площадей, проложение гатей. Затем последовало обращение к жителям о самостоятельном переносе построек, выходящих за красную линию улиц. И только

после неоднократного предупреждения, убедившись в том, что жители добровольно не хотят урезать свои участки для выравнивания улиц, были приняты суровые меры (отпиливание выступающих далеко в улицу частей домов). Исправлены казенные и публичные здания, выстроены новый ремесленный дом, новые городские запасные магазины, перестроен тюремный замок. Возведены каменные триумфальные ворота по случаю 10-летия восшествия на престол императора Александра I. Из полиции в короткий срок были уволены запятнавшие себя сотрудники, а взамен приняты «надежные офицеры». Особое внимание уделял Трескин путям сообщения: в 1810–1812 начато устройство Хамар-Дабанской дороги (от Иркутска до Троицкосавска), которая сыграла определенную роль в торговле России с Китаем, хотя и не была достроена; произведена реконструкция Московского и Верхоленского трактов, исправлена Охотская дорога. В июне 1814 принято положение «О содержании пожарной части в губернском городе Иркутске», положившее начало организации профессиональной пожарной охраны Вост. Сибири и Дальнего Востока. Трескин стремился распространить среди бурят земледелие и добился, хотя и суровыми мерами, определенных результатов. Проводились мероприятия и по развитию скотоводства.

Мнения о нем современников различны: одни его обвиняли в злоупотреблениях, взяточничестве, незаконных преследованиях ирк. купечества, другие высоко ценили как энергичного и деятельного администратора, добившегося значительных успехов в благоустройстве губернии и Иркутска. Одобрительную оценку его распорядительности давали Н. Н. Муравьев-Амурский и декабрист В. И. Штейнгейль. 17 сент. 1819 Трескин был отстранен от должности, и, по результатам ревизии М. М. Сперанского, Сибирский комитет (26 янв. 1821) предал его суду Сената. Разбирательства тянулись долго, известно, что в 1834 он все еще находился под судом. Был лишен чинов и знаков отличия с запрещением въезда в столицы. Последующие годы проживал в имении недалеко от Москвы.

Награды: орден св. Анны I ст.

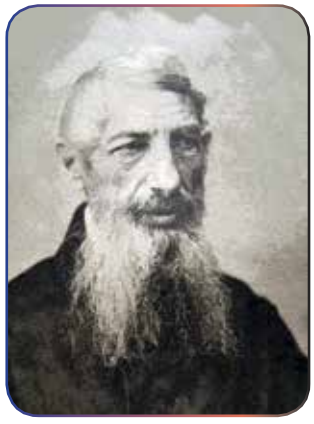
ТРУБЕЦКАЯ (урожд. гр. Лаваль) Екатерина Ивановна

(21 ноября 1800, С.-Петербург – 14 окт. 1854, Иркутск), княгиня, жена декабриста. Род. в семье франц. эмигранта, камергера и церемониймейстера имп. двора И. С. Лаваля. Получила хорошее домашнее образование. В 1819 в Париже познакомилась с С. П. Трубецким, 12 мая 1821 состоялась их свадьба. Единственная из жен декабристов, которая еще до восстания знала о существовании тайного общества. После приговора по делу декабристов добилась разрешения следовать за мужем в Сибирь. Узнав дату его отправки, на след. день выехала за ним в сопровождении отцовского секретаря К. А. Воше. 16 сент. 1826 прибыла в Иркутск и остановилась в доме гор. головы купца Е. А. Кузнецова. Трубецкая сразу установила связь не только с мужем, но и с его товарищами, помогла им деньгами, переправила письма родным. 8 окт. 1826 проводила мужа и его товарищей, отправленных из Иркутска в Благодатский рудник. Ирк. губернатор И. Б. Цейдлер удержал Трубецкую в городе, пытаясь отговорить ее следовать за мужем, пугая ужасами каторги.

С окт. 1826 по февр. 1827 она вела упорную борьбу с местной администрацией за право разделить судьбу мужа. Только подписав отречение от своих дворянских прав, Трубецкая смогла продолжать путь. И в Благодатском руднике, и в Чите, и в Петровском Заводе она, как и другие жены декабристов, старалась облегчить участь заключенных: вносила значительные суммы в декабристскую артель, выписывала для них книги, газеты, журна-

лы, писала письма их родственникам. В июле 1839, по окончании срока каторги, Трубецкие поселились в с. Оек, в 30 верстах от Иркутска. И здесь, и позже в Иркутске дом Трубецких был своеобразным центром для декабристов, поселенных в окрестностях, и местного населения.

Ухудшившееся здоровье и необходимость обучения детей (в это время открылся Девичий институт, куда были помещены две младшие дочери) позволили Трубецкой получить в 1845 разрешение переехать в Иркутск. В Знаменском предместье был куплен дом (сгорел в 1908). Кроме собственных детей в семье воспитывались дочь М. К. Кюхельбекера Анна, сын А. Л. Кучевского Федор, дочь бедного чиновника Мария Неустроева и еще одна подруга старших дочерей Анна. Трубецкая была похоронена в Знаменском монастыре при большом стечении народа.

ТРУБЕЦКОЙ
Сергей Павлович

(29 авг. 1790, Нижний Новгород – 22 ноября 1860, Москва), князь, полковник лейб-гв. Преображенского полка, декабрист. Род. в старинной дворянской семье. По отцу происходил из рода князей Трубецких – потомков великого князя литовского Гедемина, по материнской линии был потомком, с одной стороны, грузинского царя Вахтанга VI, а с другой – сподвижника Петра I А. Д. Меншикова. Учился в Моск. университете. С 1808 в воен. службе. Участвовал в Отеч. войне 1812 г. и заграничных походах. Был ранен под Лейпцигом. В 1815 был одним из организаторов Семеновской артели, а через год – Союза спасения. Был в числе учредителей Союза благоденствия. После его роспуска – один из руководителей Сев. общества. Один из авторов «Манифеста к русскому народу». Во время подготовки восстания Трубецкой был намечен в диктаторы, но на площадь не явился и участия в восстании не принимал. Приговорен к смертной казни, замененной каторгой.

29 авг. 1826 был привезен в Иркутск и доставлен затем в Николаевский винокуренный завод, где получил известие о прибытии жены, Екатерины Ивановны. 6 окт. 1826 вновь доставлен в Иркутск и через 2 дня отправлен за Байкал. Перед отъездом имел краткое свидание с женой. Дальнейшее наказание отбывал в Благодатском руднике, Чите и Петровском Заводе. В 1839 был переведен на поселение в с. Оек. Занимался сельским хозяйством, пытался завести фабрику белил, в 1854 вместе с А. В. Поджио основал на паях (правда, без особого успеха) золотопромышленную компанию, оказывал хозяйственную, ветеринарную и мед. помощь односельчанам. После переезда Екатерины Ивановны в Иркутск Трубецкой 2 года мог только навещать семью, а в 1847 окончательно поселился в городе. Дом Трубецких стал одним из центров культурной жизни Иркутска. Новый дом, в котором ныне находится Музей декабристов, был достроен уже после смерти жены. По амнистии 30 дек. 1856 Трубецкой покинул Иркутск. Перед отъездом подарил свое книжное собрание библиотеке ВСОИРГО, а часть книг по всемирной истории – Девичьему институту, где учились его дочери. По возвращении в Россию Трубецкой жил сначала в Киеве, затем в Москве. Внимательно следил за подготовкой крестьянской реформы, работал над записками по истории тайного общества. Скончался неожиданно от сердечного приступа. Похоронен на старом кладбище Новодевичьего монастыря. Награжден орденами Св. Анны IV ст. и Св. Владимира, прусским орденом «За заслуги» и знаком «Железный крест».

ФЕДОРОВ (Омулевский) Иннокентий Васильевич

(26 ноября 1836, Петропавловский порт на Камчатке – 26 дек. 1883, С.-Петербург), писатель. Род. в семье исправника Петропавловского порта. С Иркутском связаны годы жизни с 1842 по 1857, хотя и позже Федоров неоднократно и подолгу бывал здесь. Учился в Ирк. гимназии, затем состоял на казенной службе, однако подлинным увлечением его была поэзия. В 1857 вышла книжка его переводов из Мицкевича. Тогда же Федоров отправился на учебу в Петерб. университет, но вскоре оставил его и целиком посвятил себя литературе. Печатался в «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Будильнике» и других изданиях. В лит. наследие Федорова входят многочисленные стихи, очерки и публицистика, рассказы и роман «Шаг за шагом», впервые опубликованный в журнале «Дело» (1870) под заголовком «Светлов, его взгляды, характер и деятельность». Роман принес Федорову широкую славу и был восторженно встречен молодым поколением. Год спустя после журнальной публикации роман вышел отдельной книгой и сразу попал в список изданий, запрещенных для библиотек и читален. В 1873 журнал «Дело» начал печатать первые главы нового романа Федорова «Попытка – не шутка», который остался незавершенным. В последние годы жизни Федоров активно сотрудничал в «Живописном обозрении», где вел отдел фельетона в прозе и стихах, публиковал многие поэтические переводы польск. поэтов. Скончался в бедности. Большая часть произведений Федорова посвящена Сибири, а в «одном из лучших губернских городов Восточной Сибири» Ушаковске читатель романа «Шаг за шагом» легко узнает старый Иркутск. Память о писателе увековечена в названии одной из иркутских улиц.

ФРАУЕНДОРФ Карл Львович

(?, Брауншвейг – 02.01.1767, Иркутск), первый губернатор Ирк. губернии, ген.-майор. Род. в одном из крупнейших герм. княжеств, в шляхетской семье. В 1731 перешел на рус. службу. В 1758 в чине бригадира назначен управлять Омской пограничной линией. Многое сделал для усиления обороны южной границы России. Если до него в крепостях находились лишь регулярно менявшиеся гарнизоны, то Фрауендорф распорядился селить вблизи крепостей семьи казаков и солдат, создавая тем самым среду рус. сельскохозяйственного населения.

Прибыв в Иркутск в качестве губернатора 15 марта 1765, Фрауендорф организовал штат губернского управления. Губернатор имел 2 товарищей (заместителей), секетаря, воеводу с товарищем, губ. прокурора. Он впервые обратил внимание на благоустройство Иркутска, дома которого до этого строились без плана. «Он крепкою рукою принялся за устройство города, что жителям поначалу было в тягость, а после сами признали это за полезное», – свидетельствует «Иркутская летопись». Губернатор спрямлял улицы, осушал болота.

Фрауендорф укрепил русско-китайскую границу, поселив вдоль нее казачьи семьи. Стремился распространять хлебопашество среди бурят, упорядочил систему сбора ясака. Фрауендорф отлично знал геодезию, математику, фортификацию и принимал активное участие в составлении карт, планов городов и территорий. Сам преподавал в Навигацкой школе в Иркутске наиболее сильным ее ученикам, одним из его которых был замечательный геодезист, архитектор, краевед А. И. Лосев. «Сей начальник имел большое знание в математике и много находил дела для упражнения разума своего и побуждения прилежности в тех, коих должность ведет к знанию фортификации и гражданской архитектуры», – писал о нем А. И. Лосев.

Пробыв в Иркутске менее 2 лет, Фрауендорф успел оставить о себе добрую память. Похоронен на Лютеранском кладбище.

ХАМИНОВ Иван Степанович

(2 июля 1817, пос. Соль Вычегодская – 8 апр. 1884, Иркутск), ирк. гор. голова, купец 1-й гильдии, тайный советник. Родители по бедности не могли дать сыну образования и отправили его в Иркутск к дальнему родственнику, купцу Верхотину. Благодаря своим деловым качествам Хаминов сам стал крупным купцом, занимался торговлей чаем, золотопромышленностью, владел пароходами на оз. Байкал и р. Лене. Разбогатев, жертвовал крупные суммы на развитие образования и благоустройство города. Хаминов построил в Иркутске и обеспечил неприкосновенным капиталом гор. училище им. Императора Александра III, женский приют им. Императрицы Марии Федоровны и училище для слепых детей. Он принимал деятельное участие в организации женской гимназии и прогимназии, а последнюю в начальный период ее существования содержал исключительно на свои средства.

В июле 1859 в Иркутске появились 2 освещенные в вечернее время улицы, Амурская и Большая (ныне ул. Ленина и ул. К. Маркса). На этих улицах Хаминов установил за свой счет 76 фонарей (электрическое освещение на улицах Иркутска появилось только в 1910). В 1863 учредители публичной библиотеки, обнаружив, что она приносит убытки, передали ее в ведение Ирк. гор. обществава. Бывшие в этот период попеременно гор. головами ирк. купцы Хаминов и Катышевцев до 1870 содержали библиотеку на свои средства, а после пожара 1879 Хаминов, наряду с другими представителями ирк. буржуазии и интеллигенции, внес крупную сумму на ее восстановление. Кроме того, Хаминов жертвовал различные суммы на благотворительные цели.

ШАНГИН Игорь Анатольевич

(1889, Иркутск – 1938, Харбин, Китай), участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. Из забайкальских казаков. Образование: Иркутская мужская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище, Севастопольская военная авиационная школа.

Награды: За боевые отличия был произведен в полковники и 12 июля 1919 года награжден Георгиевским оружием «за то, что 20 июля 1917 г., будучи в чине подъесаула помощником командира 1-й авиационной группы армий Юго-Западного фронта, вылетел на самолете «Ньюпор» для борьбы с неприятельскими самолетами и, встретившись с одним из таковых, сбил его в 10-ти верстах к югу от Хотина. Неприятельский летчик был убит, а аппарат достался нам в целом виде»; Орден Св. Георгия IV степени «за то, что в боях с 10-го октября 1914 г. по 5-е марта 1915 г., будучи наблюдателем на аэроплане, под ружейным и артиллерийским огнем привозил много раз ценные данные о расположении противника в тылу, а также о его передвижениях. Сведения были точны и влекли за собой успех».

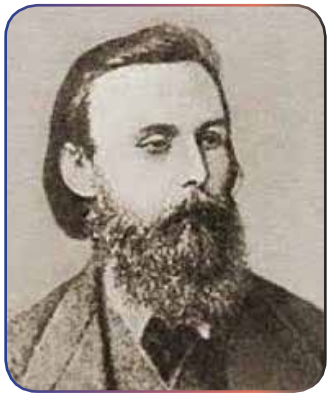
ШАСТИН Иван Михайлович

(11.01.1867 – ?), полковник, участник русско-японской и Первой мировой войн. Награжден Георгиевским оружием. Православный. Образование: Иркутская военная прогимназия, Иркутское пехотное

юнкерское училище.

Служба: в офицеры произведен в 3-й Вост.-Сибирский стрелковый батальон. Подпоручик (11.05.1888). Участник похода в Китай 1900-1901 и русско-японской войны 1904-1905. Был ранен. Подполковник (26.08.1912). На 15.05.1913 в том же чине – в 5-м Сибирском стр. полку. Участник мировой войны. На 23.02.1915 – в том же чине и полку. Полковник (23.02.1915, за отличия в делах...). Командир 232-го пехотного запасного полка (с 01.06.1916).

Награды: ордена Св. Анны IV ст. (1907), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1907), Св. Станислава II ст. (31.12.1909), Георгиевское оружие (05.05.1915).

ШАШКОВ Серафим Серафимович

(5 нояб. 1841, Иркутск – 28 авг. 1888, Новгород), писатель, историк, краевед. Предками его были крестьяне с. Кутулик, заселенного при Петре I ссыльными стрельцами. Дед Шашкова служил пономарем, а три дяди дьячками. Отец его, священник, воспитывался в Ирк. бурсе в 1820–1830-х, он был редким для тогдашнего духовенства человеком: широко начитан, следил за журналами, талантливо играл на скрипке, виолончели, гитаре и фортепиано, отлично пел, писал музыку, а в молодости – стихи. Мать Шашкова была из знаменитого рода Сибиряковых.

Будущий писатель провел дома вольное детство, близость к природе развила в нем пытливый и живой ум. Грамоте его учила мать. В 1853 Шашков поступил в духовное училище, в 1854 был переведен в семинарию. К 17 годам писал стихи, сатиру, статьи обществ. направления. Первая публикация в 1858 – очерк «Буряты Иркутской губернии, их нравы, обычаи, верования, легенды», помещенный в «Иркутских губернских ведомостях». В 1860 первым учеником Шашков окончил курс семинарии и на казенный счет был послан в Петербург. По рекомендации проф. А. П. Щапова Шашков поступил в Петерб. университет. Работал в журналах «Век», «Искра», «Очерки», «Современное слово», помещая статьи о Сибири. В 1863 вернулся в Сибирь. Поселился в Красноярске, открыл с компаньонами школу с гимназическим курсом, просуществовавшую всего год. Читал лекции по истории Сибири в Красноярске и Томске, они пользовались огромным успехом, но вскоре Шашкову запретили их читать, ибо в разговор об истории он вставлял рассуждения о горькой судьбе народа. Лекции послужили поводом к его аресту, отправке в Омск, где производилось следствие «о сибирском сепаратизме». В Омске Шашков 3 года занимался изучением англ. и нем. языков, пополнением образования. В 1869 отправлен в ссылку в г. Шенкурск Архангельской губ., прожил там 5 лет, женился, затем тяжело заболел (поражение спинного мозга). Переведен в г. Бобров Воронежской губ. Лишь в 1874 с Шашкова был снят полицейский надзор. Он поселился в Новгороде (1875). Все эти годы продолжал работать, много печатался особенно в журнале «Дело». Первой его публикацией здесь был очерк «Сибирские инородцы в XIX столетии» (1867). Опубликовал книгу «История европейского крестьянина». После ранней кончины Шашкова в газетах появились некрологи, а в «Петербургском листке» и «Сибирской газете» напечатаны стихотворения сибиряков, посвященные его памяти. Шашковым было написано более тысячи статей и очерков. Лучшая часть их представляет интерес и сегодня.

ШЕЛИХОВ (Шелехов) Григорий Иванович

(1748, г. Рыльск ныне Курской обл. – 20 июля 1795, Иркутск), росс. купец, участник и совладелец купеческих промысловых компаний, основатель Рус. Америки, инициатор создания Росс.-Амер. компании. Род. в семье рыльского купца. Получил домашнее образование и рано приобщился к коммерческой деятельности. Познакомившись с богатыми купцами Голиковыми, он в 1773 приехал в Иркутск. Сначала работал приказчиком у И. Л. Голикова, но в след. году организовал свое дело в компании с якут. купцом П. Лебедевым-Ласточкиным. После женитьбы в 1775 Шелихов основал одну за другой несколько торгово-промысловых компаний. В 1781 с купцами Голиковыми организовал Сев.-Вост. компанию для пушного промысла на Алеутских островах и у берегов Сев. Америки. В 1784 заложил первое рус. поселение на о. Кадьяк, положив тем самым начало Рус. Америки. По возвращении в Россию в 1791 издал свои записки, в которых говорится о необходимости расширения масштабов росс. продвижения в тихоокеанском регионе. Деятельность Шелихова получила признание. Он награжден в 1788 золотой медалью и серебряной шпагой, получил звание «именитого гражданина». Уже после его смерти жена и дети за заслуги отца были возведены в дворянское сословие. В конце 1780-х – начале 1790-х Шелихов расширил сферу своей деятельности в Рус. Америке, поручив новому правителю А. А. Баранову создание здесь рус. колонии Славороссии. Строил школы, церкви, музей. В это же время создавались рус. поселения на Курильских островах. Шелихов мечтал о торговле с Китаем через морские порты, с Японией, Макао, Филиппинскими и Марианскими островами. У него установились хорошие связи со многими гос. деятелями страны и учеными. С 1793 он состоял корр. Вольного экон. общества. Однако результатов своей деятельности не успел увидеть: в июне 1795 Шелихов неожиданно умер в Иркутске на 47-м году жизни. Похоронен у алтаря Знаменского женского монастыря. В 1800 на его могиле вдовой был установлен мраморный памятник, изготовленный в Екатеринбурге. Уже после смерти Шелихова, с 1797, началось постепенное объединение основных купеческих промысловых компаний, что привело к созданию в 1799 Росс.-Амер. компании, получившей монопольные права в Америке. Шелихов и его наследники много сделали для превращения Иркутска в подлинный центр торговли и культуры, отличались широкой благотворительностью. Еще в 1782 Шелихов был в числе учредителей первой в Сибири публичной библиотеки. В честь него названы залив в Охотском море, пролив между п-вом Аляска и о. Кадьяк, город в Иркутской области.

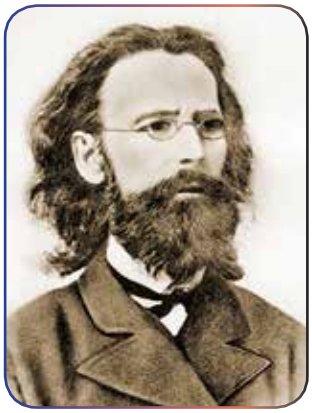

ШЕСТУНОВ Михаил Прокопьевич

(1825, Иркутск – 12 апр. 1883, Иркутск), литератор и журналист, один из зачинателей библиотечного дела в Иркутске. Происходил из купеческой семьи. Образование получил в ирк. мужской гимназии, по окончании которой занимался самостоятельно под рук. своего родственника, учителя уездного училища А. И. Миронова. Изучив коммерческую бухгалтерию, служил бухгалтером в разных конторах, был членом торговой депутации и гласным гор. думы. В 1858 открыл в Иркутске публичную библиотеку, которая стала вскоре центром демократических воззрений. Вызвал неудовольствие ген.-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского и был выслан в Киренск, но через 2 месяца освобожден. Библиотека была

закрыта. В 1862 он вновь открывает публичную библиотеку, на этот раз совместно с В. И. Вагиным.

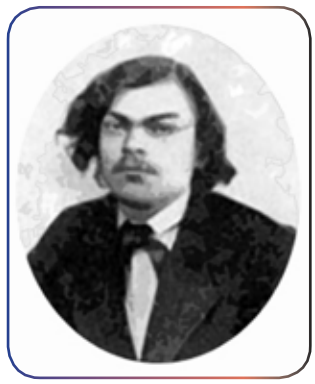
Все эти годы Шестунов занимался лит. деятельностью, собирал материалы по статистике и библиографии Сибири, сотрудничал в ряде столичных и сиб. изданий. В 1860 участвовал в издании первой в Иркутске газеты «Амур», вел в ней внутреннее обозрение и заведовал конторой. С 1875 был постоянным сотрудником газеты «Сибирь», в которой опубликовал многие свои материалы. Кроме того, был составителем издаваемого Синицыным «Сибирского календаря». За свои прогрессивные взгляды неоднократно подвергался обыскам, в 1879 даже провел несколько месяцев в тюрьме. Семьи не имел, жил одиноко и бедно.

ЩАПОВ Афанасий Прокопьевич (3 окт. 1831, дер. Анга Верхоленского уезда Ирк. губ. – 25 февр. 1876, Иркутск), рус. историк, публицист, активный деятель обществ. движения. Род. в семье пономаря. Учился в Ирк. духовной семинарии, Казанской духовной академии (1852–1861), которую окончил со степенью бакалавра и был оставлен в ней преподавателем. В 1856–1860 читал курс рус. истории. Для ведения занятий приглашен в Казанский университет (1860–1861). 16 апр. 1861 произнес речь на панихиде по жертвам расправы с крестьянами в с. Бездна, был арестован и препровожден в Петербург. После следствия отстранен от преподавания и определен чиновником по сектантским делам при Министерстве внутр. дел. В 1862 уволен со службы, находился под полицейским надзором.

Щапов активно сотрудничал в журналах «Век», «Современник». Его часто цитировал А. И. Герцен. В 1864 по подозрению в связях с Герценом и Огаревым выслан из Петербурга в Иркутск. Член ВСОИРГО, предпринял ряд экспедиций в Туруханский край и Верхнеленский район, организованных отделом. Щапов – один из крупнейших знатоков истории рус. раскола старообрядцев. Блестящий лектор. Существует свидетельство очевидца о том, как реагировало общество на чтение Щаповым лекций по рус. истории: «В тот короткий период, когда занимал у нас кафедру русской истории, он, можно сказать, царил в университете. Каждое его появление на кафедре было своего рода триумфом, каждая лекция – целым событием. Долгое время в те часы, когда читал Щапов, все остальные профессора прекращали свои лекции; лаборатории, клиники, анатомический театр – пустели. Городская публика из так называемого Общества также съезжалась послушать знаменитость на кафедре». Умер Щапов от туберкулеза в полной нищете. 19 авг. 1886 в Иркутске состоялось освящение памятника на его могиле. Гор. дума постановила назвать его именем школу в Знаменском предместье и установить одну стипендию в Казанском университете, содержащуюся за счет гор. средств.

В современном Иркутске один из переулков и улица в Маратовском предместье носят имя ученого. 5 нояб. 1988 на Знаменской горе состоялось открытие обновленного памятника Щапову.

ЩУКИН Николай Семенович (1792, Иркутск – 17 апр. 1883, С.-Петербург), писатель-краевед, брат писателя С. С. Щукина. Учился в ирк. гимназии и некоторое время преподавал в ней. Много ездил по Сибири и России, большую часть жизни прожил в Петербурге. В 30-е XIX в., в период расцвета сиб. беллетристики, наряду с произведе-

ниями Н. Полевого и И. Калашникова начали появляться и сочинения Щукина. Он активно сотрудничал в журналах «Московский телеграф», «Северная пчела», «Московитянин», «Журнале Министерства внутренних дел» и др. В очерках и статьях выступал за просвещение родного края, подъем экономики Сибири, накопление книжных богатств, уделял внимание краеведению, этнографии, описанию быта сибиряков, самых отдаленных окраин страны. Наибольшим успехом пользовались его книги «Поездка в Якутск» (1833), повести «Посельщик» (1834) и «Ангарские пороги» (1834).

ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович

(30 окт. 1842, Омск – 7 июня 1894, г. Барнаул), рус. писатель, ученый, путешественник, обществ. деятель. Род. в купеческой семье. В 1851 родители переехали в Томск. Ядринев учился в частном пансионе, а с 1854 – в томской гимназии. В 1860, не окончив курса, отправился в Петербург, поступил вольнослушателем на естеств. факультет университета. Познакомился с Г. Потаниным, вместе они создали Сиб. Землячество, познакомились с деятелями общества «Земля и воля». В журнале «Искра» в 1863 появились первые фельетоны Ядринцева. В связи с тем, что университет после студенч. волнений долгое время был закрыт, Ядринцев возвратился в Сибирь, работал в Омске домашним учителем, читал лекции на тему обществ. жизни Сибири, пропагандировал необходимость открытия сиб. университета. Возмущение местной буржуазии его острыми выпадами заставляет его выехать в Томск, где жил Потанин. Тайные собрания, чтение нелегальной литературы, связи с польск. ссыльными, просветительские лекции областнического уклона, публикация в «Томских губернских ведомостях» нескольких статей Ядринцева вызвали недовольство начальства. В мае 1865 Ядринцев и Потанин были арестованы, их обвинили в попытке создать независимую Сибирь. Три года длилось следствие в Омске. Ядринцев был осужден на бессрочную ссылку в Архангельскую губ. Арест не помешал его творческой работе. В Омском остроге он ведет дневник, печатается в журналах «Искра», «Сибирский вестник», «Женский вестник». В Шенкурске Архангельской губ. продолжает сотрудничать со столичными журналами. В 1872 выходит его книга «Русская община в тюрьме и ссылке», повесть «На чужой стороне». В 1874 Ядринцев был освобожден и переехал в Петербург. Работал над книгой «Сибирь как колония», начал издавать частную газету «Восточное обозрение» (1882). В 1887 вместе с газетой переехал в Иркутск. Многое ему удалось в Иркутске, вокруг газеты собирались литераторы, полит. ссыльные. Сам он писал множество фельетонов на темы местной жизни, среди его героев – символический Кондрат, «тип сибирского воротилы, фантастически разбогатевшего, фантастически осатаневшего». В 1894 Яринцев задумал новую книгу, чтобы осуществить замысел, переехал в Барнаул, где писал воспоминания, публиковал мемуары о своем друге С. С. Шашкове. Однако провинциальная атмосфера, трагическое положение России и его родины – Сибири, безнадежность, поселившаяся в его душе, приводят Ядринцева к духовной драме. Будучи в возбужденном состоянии, он принимает большую дозу опиума.

ЯКОБИ (Якобий) Иван Варфоломеевич

(1726 – 1803, С.-Петербург), рус. воен. и гос. деятель, ген.-губернатор Ирк. и Колыванского наместничества в 1784–1789, генерал от инфантерии. Род.

в семье военного. Его отец Варфоломей Валентинович Якоби (1693–1769), выходец из Швеции, на рус. службе с 1711, бригадир, с 1764 – ген.-майор, командир Якут. пехотного полка, расквартированного в Селенгинске, неоднократно бывал в Иркутске. Якоби воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе, по окончании которого в 1747 получил чин прапорщика и был отправлен в полк отца. В Селенгинске пробыл до 1769. Неоднократно включался в состав посольств, которые вели переговоры с Китаем о статусе Монголии. В 1762 в чине подполовника возглавил Селенгинский драгунский полк. После смерти отца оставил Сибирь. Участвовал в Русско-турец. войне 1768–1774. Отличился в кампании 1771, за что произведен в ген.-майоры. По окончании войны в 1778 назначен астраханским губернатором. С 1781 занял должность симбирского и уфимского губернатора, в 1782 – ген.-губернатора Уфимского наместничества. С учреждением в 1783 Иркутского наместничества был определен его первым ген.-губернатором. В Иркутске жил на широкую ногу, устраивал балы и приемы. Много внимания уделял совершенствованию присутственных мест, организовывал приказы обществ. призрения, богадельни, рабочие дома, занимался укреплением и развитием отношений с Китаем. В 1789 отстранен от должности и вызван в Петербург для следствия по делу о доносе на него ирк. чиновника Парфентьева. Следствие затянулось на долгие годы. «Иркутское дело» включало более 60 доносов и жалоб на Якоби. После долгого разбирательства он был оправдан. При Павле I перешел на воен службу, получил чин ген.-лейтенанта, а вскоре и генерала от инфантерии. В 1797 вышел в отставку. Огромные богатства, нажитые в Сибири, оставил дочери – матери будущего декабриста И. А. Анненкова. Награжден орденами Св. Анны, Св. Владимира I ст.

Некоторые памятники и памятные места в Иркутске

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Первые постоянные перевозочные суда – небольшой пакетбот и лодка – появились на Байкале в 1726. С 1735 байкальское судоходство было передано в ведение Адмиралтейц-коллегии. Для строительства судов в Иркутск были присланы ластовых судов мастера. Для обучения местных мореходов из казаков один из руководителей Камчатской экспедиции А. И. Чириков командировал в 1742 в Иркутск двух матросов и боцмана Трубицина, который управлял байкальскими судами до 1750. В 1753 в связи с готовящейся «секретной» Нерчинской экспедицией по изучению верховий Амура встал вопрос о развитии судоходства на Байкале и в Забайкалье. 29 июня 1754 последовал указ об открытии в Иркутске особой адмиралтейской команды, в ведение которой передавались судоходство на озере и организация снабжения всем необходимым тихоокеанских портов.

Иркутское Адмиралтейство существовало с 1754 по 1838. Первоначально оно размещалось на правом берегу р. Ушаковки недалеко от ее устья. В 1804 его перенесли на 1,5 версты выше по течению за мельницу купца Киселева. Здесь разместились жилые помещения, канцелярия, хоз. постройки. Место оказалось выбрано неудачно, постоянно заливалось водой. Уже в 1815 подняли вопрос о новом переносе. В 1824–1825 казармы и произв. база – канатный и прядильный заводы, кузница, смоловарня – были перемещены за Знаменский монастырь, где на берегу Ангары находился эллинг для строительства судов. Адмиралтейское хозяйство было разнообразным. В его ведении находились пристани в Николе, на Лиственничном рейде, в Посольске. Главной задачей ирк. команды, численность которой в начале XIX в. достигала 86 чел., считалось поддержание перевоза через Байкал казенного груза, почты, пассажиров, партий ссыльных. С 1764 около Иркутска стали строить морские парусные суда – боты или, как их называли здесь, галиоты по чертежам и планам, разработанным в Петербурге. Они были с острым килем и несли морской такелаж. За весь период существования Адмиралтейства на воду было спущено 15 таких судов. В условиях Байкала они были малоэффективны.

П. С. Паллас в 1772 отмечал в своих записках, что «по узкому такому морю галиоты

ходить не могут, а вместо того полезнее маленькие полугалеры или другие суда, чтобы на веслах ходить было можно». Неслучайно поэтому значительную конкуренцию казенному судоходству составляли частные судовладельцы, которые на однопарусных плоскодонных дощаниках перевозили не только купеческую кладь, но и значительную часть казенного груза. С развитием русско-китайской торговли и рыболовства частное судоходство все более сосредоточивается в руках крупнейших ирк. купцов – Сибиряковых, Дудоровских, Шигаевых. Содержание казенных судов, морской команды и самого Адмиралтейства доставляло казне одни убытки. Неоднократно предпринимались попытки передать казенные суда в частные руки, но желающих не находилось.

В 1836 капитан-лейт. Васильев сделал представление ген.-губернатору Вост. Сибири Руперту о нецелесообразности дальнейшего существования морской команды в Иркутске. В ноябре 1839 Адмиралтейство было упразднено, имущество его распродано, а команда переведена в Охотск. В городе был оставлен с небольшой группой капитан-лейт. Трескин, которому и поручалось распорядиться имуществом Адмиралтейства. Казенные суда-галиоты, покупателей на которые так и не нашлось, были брошены на байкальском берегу. В Иркутске же о существовании Адмиралтейства напоминала с тех пор разве что «адмиралтейская» роща за Ушаковкой. Среди начальников Адмиралтейства было немало заслуженных моряков, опытных исследователей сибирского края – будущих адмиралов, участников многих морских сражений. В 1803–1812 Адмиралтейство возглавлял Д. И. Бабаев; с июля 1808 по декабрь 1809 ирк. морской командой временно управлял будущий декабрист В. И. Штейнгейль; в 1812–1815 – Л. А. Гагемейстер, участник трех кругосветных плаваний, гл. правитель Русской Америки в 1818; в 1815–1822 – исследователь М. И. Кутыгин; в 1822–1823 – А. С. Валронт; в 1824–1829 – П. С. Лутковский; в 1830–1833 – Э. И. Стогов.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ СКВЕР

Еще только начался сбор средств на памятник Александру III и формирование площади под него, а члены Комитета по возведению памятника уже думали над реализацией плана создания вокруг него парка или сквера. Весной 1901 начались работы по отсыпке площади. Первоначально открытие памятника планировалось в 1903. В связи с этим 17 января 1903 генерал-губернатор А. И. Пантелеев обратился в специализирующийся на разведении и селекции садовых культур петербургский «Помологический сад доктора А. Э. Регеля и Я. К. Кессельринга» за помощью по составлению плана сквера. А. Э. Регель немедленно согласился. К концу июня 1903 он закончил подготовку вариантов планов и списка растений для будущего сквера. Но сооружение памятника затянулось – и затянулось создание сквера. Первоначально засаживалась аллея «от памятника императору Александру III до Казарменской водокачки на протяжении 150 саженей» (Казарменская водокачка располагалась в створе Казарменской (ныне ул. Красного Восстания). Предполагалось выкопать 450 ям диаметром от 3/4 до 1,5 аршина. В них собирались посадить 144 лиственницы толщиной от 1 до 1,5 вершка и высотой примерно от 5 до 8 аршин, 144 тополя высотой от 2,5 до 3,5 аршина, 144 яблони высотой от 2,5 до 4 аршин. Далее планировалось присыпать и сровнять с двух сторон существующую дамбу.

К концу сентября 1904 была посажена 71 яблоня, 9 временно поставлены в ямы; окончена аллея лиственниц длиной на 35 саженей и посажено там 70 деревьев, на остальном протяжении посадили еще 33 дерева, а оставалось посадить еще 33. Но в целом работы по сооружению памятника и сквера вокруг него в 1904–1905 практически прекратились из-за Русско-японской войны и последовавшей за ней революции. К июню 1905 было посажено только три ряда деревьев и начат четвертый. Помимо этого благоустраивалась набережная. Вокруг посадок создавалась временная дере-

вянная ограда длиной около 300 м для защиты от скота. Все это было устроено за счет иркутского генерал-губернатора графа П. И. Кутайсова. На средства П. И. Кутайсова был устроен бульвар в четыре ряда деревьев по той стороне площади, которая прилегала к Набережной улице. Бульвар служил прямым продолжением существовавшего и ранее перед домом генерал-губернатора.

Посадки деревьев в будущем сквере продолжились только в 1907, когда полным ходом пошла работа по завершению монтажа памятника. На завершающем этапе возведения памятника вопрос о планировке сквера вновь стал актуален. Проект, разработанный в 1903, оставался в качестве основы планировки зеленых насаждений.

Заказанная в С.-Петербурге решетка вокруг памятника поступила в Иркутск с опозданием, ее установка и монтирование изготовленных там же фонарей освещения затянулись до весны 1909. В мае 1909 было принято решение о сооружении внешней ограды сквера. Подряд на сооружение решетки и четырех к ней ворот с калитками взяли на себя Шелихов и Коренев, владельцы механической мастерской на Троицкой улице в Иркутске. В конце 1910 ограда была закончена. Сегодня перенесенная часть этой ограды сохранилась возле здания по ул. 5-й Армии, 2.

Накануне летнего сезона на заседании городской думы 5 апреля 1911 председатель городской комиссии по улучшению улиц, площадей и бульваров гласный думы и известный архитектор В. А. Рассушин (который также стал председателем комиссии по устройству сквера) представил и подробно охарактеризовал составленный им же эскизный проект разбивки сада-сквера при памятнике. По его проекту в сквере планировалось разместить детские площадки для игр. Предложение было одобрено думой. После этого уже под руководством В. А. Рассушина была произведена разбивка сквера. К 20 июля 1912 возвели павильон-буфет, беседку и другие постройки. Официальное открытие сквера состоялось 30 июля 1912. В числе построек, размещенных в саду, были курзал, павильон для буфета, павильон для продажи молока (эти павильоны назывались еще большим и малым соответственно), беседка, грот, сложенный из камня, который вплотную примыкал к молочному павильону. В сквере устроили фонтан и водопровод, вода в который первоначально поступала из музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, а затем из находившейся на углу Казарменской и Набережной улиц водокачки. Интересно, что В. А. Рассушин на собственные средства построил арку, украшенную электрическими лампочками. Работы по благоустройству сквера прекратились в 1914. Он получил название Александровский и, как отмечали современники, стал прекрасным местом для прогулок и отдыха иркутян. Сквер был огорожен, и за вход в него взималась плата.

Постановлением президиума Ирк. городского совета от 3 ноября 1920 среди прочих переименований Александровский сквер стал сквером Парижской коммуны.

В советское время сквер продолжал использоваться по своему назначению, принимая многочисленных посетителей. За вход в него до 1959, как и прежде, взималась плата. Как и до революции, на территории сада работал детский парк с качелями, каруселью, гигантскими шагами и другими незатейливыми аттракционами.

В конце 1950-х общая площадь сада составляла 3,8 га.

По генеральному плану реконструкции города начала 1960-х предусматривались свободный выход к р. Ангаре и благоустройство набережной. Территория сада входила в планируемый на набережной бульвар. Согласно этому документу Ирк. гор. Совет депутатов трудящихся решением № 300 от 9 мая 1960 обязал городской отдел культуры и директора сада к 25 мая сдать территорию сквера городскому отделу коммунального хозяйства и тресту горзеленхоза. В решении было указано, что «в целях улучшения обслуживания отдыха

трудящихся территорию и все строения сада железнодорожников станции Иркутск-I передать на баланс сада имени Парижской коммуны». Итак, бывший Александровский сад был частично уничтожен, многие постройки ликвидированы, а его персонал переведен в Глазково, в сад Железнодорожников, который с этого времени стал называться садом Парижской коммуны и перестал принадлежать Управлению Вост.-Сиб. железной дороги.

АМЕРИКАНСКИЕ КАЗАРМЫ

По инициативе главного правления Российско-Американской компании в период 1802–1804 гг. на территории нынешнего квартала № 70, на участке земли, граничащем с улицами Казарменской (ныне Красного Восстания) и Троицкой (ныне в этом месте переулок А. Сударева), на средства, собранные членами Российско-Американской компании, были возведены каменные казармы, получившие название Американских (в настоящее время на этом месте находится большой четырехэтажный каменный дом, ул. Красного Восстания, 7, по-видимому, частично построенный на фундаменте этих казарм). Казармы возводились для размещения в них войск, чтобы освободить обывателей города от постоялой повинности. Известно, что на постройку в Иркутске в двух местах каменных двухэтажных казарм нижних воинских чинов Российско-Американская компания пожертвовала 70 000 руб., в том числе семейство Шелихова участвовало десятью тысячами рублей.

10 мая 1816 иркутские купцы, мещане и цеховые, по инициативе начальника губернии Николая Ивановича Трескина, решили купить ряд домов в районе уже построенных казарм из оставшихся после строительства средств Российско-Американской компании в 16 876 руб. 17 коп. для дальнейшего строительства на их месте еще одного казарменного корпуса. В сент. 1819 городская дума обратилась к новому генерал-губернатору Сибири М. М. Сперанскому с просьбой о разрешении «на постройку каменных против заморского шлагбаума казарм к облегчению граждан от постоя в особенности бедного класса». Было получено разрешение на постройку казарм для квартирования офицеров здешнего гарнизона. Следствием всех распоряжений было начало постройки в одну линию с Американскими казармами каменного здания, которое долго носило название офицерского флигеля. «Закладка каменных казарм на углу Заморской, прямо Крестовской церкви» (ныне Красного Восстания, 9а) состоялась 27 июля 1820. Но денег у городского общества не хватало, и большим подспорьем в финансировании строительства явилось решение Главного правления Российско-Американской компании отпускать из капитала компании в течение 20 лет, начиная с 1822, каждый год по три тысячи рублей на построение и содержание в Иркутске каменных солдатских казарм. К началу 1826 работы по строительству казарм были закончены. Здание по ул. Красного Восстания, 9а – офицерского корпуса Американских казарм – можно считать непосредственно связаннм с деятельностью РАК в Иркутске. К сожалению, в настоящее время его внешний облик значительно изменен (надстроено третьим этажом).

АМУРСКИЕ ТРИУМФАЛЬНЫЕ ВОРОТА.

Построены в июне–августе 1858 в честь подписания в городе Айхунь (Айгун) 16 мая 1858 договора между Россией и Китаем. Предметом договора было прохождение российско-китайской границы. Стороны соглашались на то, что левый берег Амура от р. Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения Уссури в Амур до моря оставался в общем владении впредь до определения границы. Плавание по Амуру, Сунгари и Уссури было запрещено для судов всех стран. Таким образом, России возвращались территории, отданные Китаю по Нерчинскому договору. Со стороны Российской империи договор подписал ген.-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. Это изве-

стие было получено в Иркутске 14 июня 1858. Именно в честь этого события и для встречи возвращавшегося из Айгуна Муравьева в Иркутске при спуске с Крестовой горы, в начале Заморской улицы, у городского шлагбаума на средства городского общества были возведены триумфальные ворота. Открытие ворот, точнее, встреча ген.-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева состоялась 20 августа 1858. Ворота представляли собою бревенчатый каркас, обшитый тесом. В длину имели 11,38 м при ширине 5,34 м и высоте 10,67 м. Ширина проезда составляла 6,4 м. На воротах имелись надписи со стороны Заморской (с 1858 – Амурской ул.): «Дорога к Великому океану», «Построены 16 мая 1858 г.», «Возобновлены в 1891 г.». Разобраны во второй половине 1920-х.

«АНГАРА»

Ледокол, старейшее судно ледокольного типа в России. Построен в 1899 в Ньюкасле (Англия), в разобранном виде доставлен на оз. Байкал, собран в с. Лиственничном, с 1 авг. 1900 начал совершать грузовые и пассажирские рейсы. Длина «Ангары» – 60 м, шир. – 10,5, высота от киля до палубы в центре – 7,5 м, водоизмещение – 1 400 т. Мощность двигателя 1 250 л. с., осадка в полном грузе – 4,5 м, максим. скорость – 23,1 км/ч. Состав команды – до 50 чел. До 1906 «Ангара» вместе с более крупным ледоколом «Байкал» перевозила грузы и пассажиров на паромной ж.-д. переправе через оз. Байкал. С 1907 до конца 1916 корабль стоял на приколе. В 1918 «Ангара» была национализирована и летом 1918, вооруженная пушками и пулеметами, участвовала в боевых действиях на стороне Советов. В 1921–1960 «Ангара» в качестве ледокольного судна совершала рейсы по Байкалу, перевозя грузы и пассажиров, буксируя баржи. В дальнейшем из-за отсутствия должного надзора судно перенесло пожар и дважды тонуло. В 1988 началось восстановление «Ангары», которое было организовано отделением ВООПИК при активном участии общественности. Судоремонтники очистили судно от грязи, привели в рабочее состояние двигатель, восстановили надстройки и коммуникации корабля. В марте 1991 организованный на нем музей истории судоходства принял первых посетителей. Корабль является уникальным памятником истории техники.

АРКА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

(Триумфальная арка цесаревича Николая). В 1891 для встречи наследника, цесаревича Николая, будущего императора Николая II, возвращавшегося из кругосветного путешествия в С.-Петербург, на набережной Ангары вблизи Богоявленского собора (на пересечении набережной Ангары и Тихвинской ул. (ул. Нижняя Набережная и Сухэ-Батора) была сооружена каменная триумфальная арка по проекту архитектора В. А. Рассушина. Арка наследника цесаревича Николая была сложена «из красного кирпича, неоштукатуренная, она поднимала на своих фигурных столбах граненый островерхий шатер», завершавшийся государственным гербом России – двуглавым орлом. Тексты на лицевых сторонах гласили: от берега Ангары – «Да благосл-вит Г-дь вхождение Твое», с противоположной стороны – «Да благосл-вит Г-дь исхождение Твое» и дата «1891 июня 23». С запада – «От Иркутского городского общества».

23 июня в полдень прибывший с Байкала на пароходе «Сперанский» цесаревич Николай был торжественно встречен колокольным звоном, криками «ура» собравшихся на берегу иркутян и хлебом-солью, поднесенными на серебряном блюде городским головою В. П. Сукачевым. В триумфальной арке цесаревича встретили архиепископ Вениамин и духовенство. Покидая Иркутск ранним утром 25 июня, Николай Александрович взошел на палубу парохода также через арку.

ДЕВИЧИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Получил в 1896 официальное название –

Ирк. институт императора Николая I. Открыт в 1845, первоначально размещался в двухэтажном деревянном доме на берегу Ушаковки (недалеко от нынешнего автовокзала). Постройка нового каменного трехэтажного корпуса на берегу Ангары (1856–1861 (арх. А. Е. Разгильдеев); ныне в этом здании физический и математический факультеты ИГУ, б. Гагарина, 20), а затем удлинение двух его боковых крыльев (1892 и 1913) создали солидную материальную базу для развития института. Средства для его строительства и расширения были пожертвованы местными купцами.

Основная масса воспитанниц обучалась за счет родителей, некоторые (дочери бедных чиновников, погибших или умерших офицеров) – за счет государства. Условия воспитания в закрытом мирке способствовали приобретению довольно широкого круга знаний, соответствовавших среднему образованию. Основное внимание уделялось гуманитарным дисциплинам, особенно тем, которые нужны были в светском обществе (франц. и нем. языки, музыка, танцы). Однако воспитанницы изучали также большинство обычных гимназических дисциплин, занимались домоведением, гимнастикой. В отличие от других учеб. заведений, в Девичьем институте никогда не применяли телесных наказаний. Число воспитанниц, вначале составлявшее 40 чел., к 1919 выросло до 266. Всего же курс института к моменту закрытия его (1920) закончило более тысячи человек. Сотни из них стали педагогами, некоторые – директрисами женских гимназий. Преподавателей в 1915 было 27. Срок обучения первоначально составлял 6 лет, а с 1892 – 7. Так как родители многих воспитанниц (дочерей офицеров, чиновников, купцов, священников) жили очень далеко от Иркутска – на Камчатке, в Якутске, в Зап. Сибири, то примерно треть из них оставалась в институте и во время летних каникул. Поэтому на окраине города была построена прекрасно оборудованная дача, где два летних месяца воспитанницы проводили на воздухе. Около здания самого института был разбит большой сад.

Возглавляла заведение директриса, окончившая, как правило, Смольный институт. Функции надзора выполнял совет, возглавляемый ген.-губернатором или губернатором. Для решения текущих дел раз в месяц собиралась конференция преподавателей. Кадры педагогов подбирались весьма тщательно. В 1915 половина из них имела высшее образование. Особенно высоким был уровень преподавания музыки (фортепиано, хоровое пение). В 1917 из семи учителей музыки трое окончили консерваторию, одна перешла на последний курс консерватории. До возникновения в Сибири спец. муз. училищ именно в институте воспитанницы получали наилучшую в регионе муз. подготовку.

ИНТЕНДАНТСКИЙ САД

Был открыт 1 авг. 1871 между р. Ушаковкой, ул. Институтской (ныне Октябрьской Революции), интендантским управлением воен. округа и губернаторским домом по инициативе ген.-губернатора Синельникова. Устройством сада с мая занимались 300 арестантов. Были проведены аллеи, выкопаны пруды, через каналы построены мостики. Устанавливались беседки, скамейки. Роща, находившаяся на этом месте, была превращена в прекрасный сад. 30 авг. 1871, в день именин императора, было «грандиозное гулянье в новом саду; сад был украшен фонарями, вензелями и усиленной иллюминацией, играло два оркестра музыки и пел хор песенников». Летом здесь каждый день играл оркестр, шли спектакли театра «Комедия». Интендантский сад, бывший местом отдыха многих горожан, был уничтожен при строительстве завода тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева в конце 1920-х – начале 1930-х.

ИРКУТСКАЯ МЕЧЕТЬ

(ул. К. Либкнехта, 86-88). По переписи 1835 в Иркутске проживало 350 мусульман. К 1897 количество мусульман в Ирк. губернии достигло 7 599. В 1887 богатые татарские

купцы Шафигуллины купили дом по ул. Саломатинской с целью устройства молитвенного дома для мусульман. В 1897 состоялась первая служба. Первым уездным имамом был назначен Мухамет Гарыф Баймуратов. Небольшое деревянное здание не могло вместить всех прихожан. Вскоре после начала службы был организован сбор средств на строительство нового каменного здания. Самый большой денежный взнос сделали братья Шафигуллины. В основу архитектуры новой Иркутской мечети легли образцы каменных мечетей Ср. Поволжья, в частности Казани. Постройка выполнена из массивных блоков природного камня. Строительство было завершено в 1902. Иркутская мечеть стала местом общественной и просветительской деятельности мусульман. Здесь были организованы библиотека, школа, приют для сирот и инвалидов, столовая для бедных. После установления советской власти несколько раз под различными предлогами производились попытки закрытия Иркутской мечети, и она в конце концов была закрыта в 1940. Несколько десятилетий в здании размещались автошкола, мотоклуб ДОСААФ, коммунальные квартиры. Вновь открыта в 1946. В конце 80-х XX в. в усадьбе произошел пожар, в результате которого пострадали внутренние постройки. Центральная часть Иркутской мечети – фарес кубический, где происходит моление. Он имеет пятигранный выступ – михраб, ориентированный на юго-запад (на Мекку). С противоположной стороны фарес соединен с сунетом – приземистым помещением для сбора верующих.

ИРКУТСКАЯ СИНАГОГА

(ул. К. Либкнехта, 23). Здание построено в 1882. Возведено на средства иркутских евреев. Большая заслуга в его строительстве принадлежит купцу 1-й гильдии Л. О. Лейбовичу. Это крупное двухэтажное строение с небольшим куполом. Особенностью его является Т-образный план с большой протяженностью здания в сторону двора. Фасад выходит на ул. К. Либкнехта. Иркутская синагога отличается разнообразием пластики фасадов, выразительным контрастом между полукруглыми завершениями дверей и окон и треугольными фронтонами. С 1924 по 28 авг. 1945 для религиозных целей здание не использовалось, было занято разными учреждениями, в результате чего произошли значительные искажения внешнего облика этого памятника архитектуры. В 2009 после капитального ремонта и реставрации зданию вернули первоначальный вид.

ИРКУТСКИЙ ОСТРОГ

Место основания города, центр административной, хозяйственной и культурной жизни. 6 июля 1661 енисейский атаман Я. Похабов на высоком правом берегу Ангары заложил государев острог, который первое время назывался Яндашским, поскольку его просил построить местный тувинский князец Яндаш. Первый острожек был невелик, имел размеры 19,4х17,3 м, а гарнизон состоял из 20 казаков. В авг. 1670 служилый человек А. Барнешлев построил новый, более вместительный острог. Он имел форму квадрата и по периметру достигал уже 432 м. Высота стен была 7 м, а основу обороны составляли 8 башен. 3 из них стояли на берегу Ангары и поднимались на высоту 20 м. Все они имели по 4 яруса. В центре стены, выходящей на Ангару, располагалась гл. Спасская башня. Над ее воротами возвышался амбар, над ним жилое помещение и 2 небольшие часовенки, а венчал все сооружение деревянный шатер. 2 угловые башни, также выходившие на реку, не были проезжими, но имели по 4 этажа. Башни противоположной стороны были ниже – по 17 м. Из них лишь одна – проезжая – была четырехъярусной, остальные имели по 3 этажа. Третья проезжая башня располагалась посредине стены, выходившей в сторону появившегося позднее собора Богоявления. Она была лишь двухъярусной, а напротив нее, на западной стороне, стоял трехэтажный амбар, выполнявший так-

же роль боевой башни. К 1684 в острожную стену были встроены приказная изба и воеводский двор. В 1693 произошла новая перестройка острога. Башни поднимались на высоту 13–14 м, а стены – на 6 м. Периметр стен достиг 520 м. На всех башнях были устроены сторожевые площадки с резными перилами, причем если глухие башни были четырехугольными, то главная, проезжая, – восьмиугольной, высота ее была свыше 20 м, от нее к Ангаре вел деревянный взвоз. Здесь же располагалась и пристань. Первые каменные постройки Иркутска – приказная палата (1704) и Спасская церковь (1710) – были встроены в городскую стену. В 1716 гор. стены были уничтожены пожаром, но вскоре восстановлены. В 1728 острог выстроен заново. Со временем необходимость в остроге отпала, стены и башни местами разрушились и в 1796 были убраны вовсе. Место основания города стало его административным центром. С конца XVII в. у стен Спасской церкви формируется площадь. Здесь зачитывались манифесты и указы, благословлялись все начинания в городской жизни. После ликвидации острога между Спасской церковью и Богоявленским собором, прежде разделенными острожной стеной, образовалась просторная площадь. В первой половине XIX в. на месте бывшего острога был разбит публичный сад. В 1975 на этой территории сооружен мемориал «Вечный огонь» в честь иркутян, павших в годы Великой Отечественной войны.

ИРКУТСКИЙ СИРОПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ Е. МЕДВЕДНИКОВОЙ

По завещанию умершей в 1828 вдовы купца 1-й гильдии Е. М. Медведниковой, был определен капитал на Сиропитательный дом – 70 тыс. руб. Усилиями ее сыновей Ивана и Логгина при помощи гражд. губернатора И. Б. Цейдлера был разработан план устройства учеб. заведения для сирот женского пола. 13 мая 1837 в присутствии почетных попечителей губ. Евсевьева и гор. головы Трапезникова был открыт совет Сиропитательного дома. Первым попечителем был утвержден И. Л. Медведников, вторым и третьим попечителями по выбору ирк. гор. общества стали Л. и Г. Медведниковы. 12 июня 1837 было торжественно заложено рядом со Спасо-Преображенской церковью здание дома. 21 апр. 1838, еще до окончания строительства, Сиропитательный дом начал свою работу: временно был снят дом декабриста В. Ф. Раевского, в котором на 2 года разместились первые воспитанницы. По уставу (1838) здесь должно было обучаться 24 воспитанницы бесплатно, количество пансионерок (150 руб. в год) не ограничивалось. В дальнейшем число воспитанниц росло и к 1885 достигло 250 (150 воспитанниц и 100 пансионерок). В 1915 в устав было внесено дополнение об обязательном православном исповедании воспитанниц.

Первоначально в Сиропитательном доме изучали только краткий курс священной истории, арифметики и рус. грамматики. В 1845 круг преподаваемых предметов расширился: Закон Божий, священная история, география и история России, рус. грамматика, чтение и письмо, арифметика, рисование и церк. пение. Затем было открыто ремесленное отделение, в котором девочки получали профессию прачки, швеи, квалифицированной няни или конторской служащей. При заведении были своя хлебопекарня, молочное хозяйство, огород, а также швейная мастерская, где воспитанницы шили на себя и на продажу. Из этих денег выдавалось пособие при выпуске. Распорядок дня был строго регламентирован, и соблюдение его контролировалось надзирателями и классными наставницами. Сиропитательный дом управлялся советом из 3 попечителей и кандидатов, выбираемых на 3 года Ирк. обществом почетных граждан. Непосредственное руководство осуществляла смотрительница, которая, как и надзирательницы, жила при Сиропитательном доме. До 1889 все дела находились в руках И. Л. Медведникова, после его смерти настоящего хозяина не было, и с 1 нояб. 1895 управление домом и банком было

передано в ведение обществ. управления Иркутска. С 1915 дом перешел в ведение попечителя учеб. округа и директора народных училищ, а банк – в ведение гор. управления. При доме имелись хорошая библиотека и коллекция учеб. пособий. В 1918 Сиропитательный дом был передан в ведение отдела гор. хозяйства при Совете, а банк – в ведение комиссариата финансов. Средств на содержание его в прежнем виде не было. В 1919 число воспитанниц сократилось до 60, а в 1920 дом был реорганизован в обычный детский дом и выведен из принадлежавшего ему здания. Ныне в этом здании размещается один из корпусов сельскохозяйственного института.

КОМПЛЕКС ПОСТРОЕК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (ВСО ИРГО)

Возведен в 1882–1883, 1891 по проекту архитектора Г. В. Розена. Включает в себя здания музея и библиотеки, склады и ворота, выполненные в мавританском стиле. С обществом связаны имена многих сиб. деятелей науки. Здесь работал известный рус. ученый В. А. Обручев. Комплекс расположен на ул. К. Маркса, 2 и б. Гагарина в окружении памятников архитектуры 1-й пол. – сер. XIX в. Все постройки Комплекса ориентированы на ул. К. Маркса, лишь боковой фасад выходит на б. Гагарина. Круглые в плане башенки по углам основного здания и по середине боковых фасадов, завершенные шлемовидными куполами, придают сооружению черты «мавританского» стиля. Интересна беседка, помещенная во втором этаже средней башни по южному фасаду. Декор фасадов, выполненный в кирпичной пластике, также содержит элементы восточной архитектуры – ступенчатые завершения проемов, розетки с вост. орнаментом и др. Высокое крыльцо входа имеет балкон на крыше, огражденный фигурной решеткой. Во фризе здания вмонтированы каменные доски с именами ученых, внесших большой вклад в изучение Сибири. Небольшой флигель решен в тех же формах, что и основное здание, но более прост по декору и построению плана. Проезжие ворота, соединяющие музей и флигель, сделаны в виде стреловидной арки, опирающейся на два небольших объема-столба, которые завершены филиалами. В целом Комплекс представляет собой удивительный памятник стилевой архитектуры.

КОСТЕЛ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ

Сооружение деревянного здания римско-католич. приходской церкви (костела) Во имя Вознесения Божьей Матери началось в Иркутске весной 1825. Оно велось на довольно значительные частные пожертвования. Одним из главных меценатов был граф Ю. П. Литта, выходец из Италии, деятель Мальтийского ордена и крупный царский сановник, выдвинувшийся еще при Павле I. Но служители католической конфессии появились здесь по крайней мере еще с конца 1810-х: вначале представители монашеского ордена иезуитов, а после их удаления из России в 1820 – из бернардинского ордена. На их содержание казной ежегодно отпускались определенные суммы, в т. ч. и на наем для них дома в Иркутске.

Первоначальное здание Костела представляло собой деревянную постройку на каменном фундаменте с 2 флигелями общей площадью 64 кв. сажени (ок. 136 кв. м). Портик гл. фасада в стиле классицизма выходил на Тихвинскую площадь (ныне пл. им. Кирова). Костел в Иркутске оказался одним из центров демократической оппозиции царскому режиму в Вост. Сибири, возникновения дружественных российско-польских контактов и т. п.

В середине XIX в. Костел подвергся капитальному ремонту. Фасад был частично реконструирован. Пришедший в ветхость муз. инструмент, сопровождавший богослужения, заменила специально выписанная из Петербурга фисгармония со звучанием, близким к органному, – т. н. орган Мелодиум Парижской

фабрики Дебена. Приобретен «Мелодиум» был на средства, собранные по подписке среди иркутян. Несколько позднее интерьер Костела украсил замечательный резной алтарь, выполненный ссыльным польским повстанцем (1863) И. Эйхмиллером.

Летом 1879 во время большого ирк. пожара здание Костела было полностью уничтожено огнем. Каменное здание возводилось по проекту (утвержденному в 1881) ст. архитектора Яна (Ивана Фомича) Тамулевича в неоготическом стиле. Оно было завершено и освящено 1 янв. 1885. В работах по отделке интерьера Костела ведущую роль играл В. Коперский, резчик по дереву и скульптор, выполнивший для храма главный и 2 боковых алтаря, кафедру и др. Сохранилась до настоящего времени балконная решетка хоров его же работы, реставрированная в 1978 Б. Корогодом. На хорах находилась фисгармония, выполнявшая функцию органа, традиционного для католического костела. После сооружения нового здания К. Швермицкий оставался его настоятелем до своей кончины в 1894. Преемником его стал ксендз Юзеф Рузга.

С 1938 по настоянию местных властей было прекращено использование римско-католич. Костела как религиозно-культового учреждения. Здесь вскоре была размещена Вост.-Сиб. студия кинохроники. После длительных научно-реставрационных работ (проводившихся первоначально с целью устройства в этом здании музея истории поляков в Сибири) по проекту архитектора Г. А. Вязуновой в конце 1978 в помещении бывшего Костела открылся органный зал обл. филармонии. Для этого по спец. заказу в ГДР был изготовлен концертный орган известной фирмой Шуке.

МОСКОВСКИЕ ВОРОТА

Триумфальная арка, поставленная там, где Московский тракт входит в Иркутск, сразу же за взвозом и причалом парома, на высоком берегу Ангары. Закладка Московских ворот состоялась 9 июля 1811 (закладку освящал епископ Вениамин), завершилось строительство 15 сент. 1813. В этот вечер Московские ворота были ярко иллюминированы, на берегу Ангары состоялось празднество. Гремели пушки. Со временем в нижней части ворот обосновались перевозчики через Ангару, а в верхней зале расположился гор. архив. В 1928 при разборке остатков Московских ворот были обнаружены 2 металлические доски: «Сии городские ворота воздвигнуты в 1811 магистратскими членами по случаю всерадостнейшего дня восшествия на престол Государя Императора Александра I, торжественно празднуемого 12 марта в ознаменование всеобщего верноподданнического благоговения и признательности к благополучному царствованию. В управлении Сибирского ген.-губернатора Пестеля и Иркутского губернатора Трескина». Таким образом, Московские ворота поставлены в честь 10-летия царствования Александра I. На другой доске указаны имена тех, кто был причастен к строительству: «Сии городские ворота воздвигнуты иждивением магистратных чл. бургомистра Алексея Мясникова и Ивана Баженова, ратманов Гаврилы Белоголового, Александра Сибирякова, Александра Лычагова, Михайлы Мягкостукова и иркутского купца Лаврентия Зубкова. План проектирован губ. архитектором коллежским асессором Кругликовым, под руководством которого производили строение коллежский асессор Канарский, губ. секретарь Третьяков и коллежский регистратор Карпушников».

Самая крупная триумфальная арка в Сибири, имевшая 5 этажей, игравшая роль парадных ворот города, была разобрана в 1920-х.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДА ИРКУТСКА

(ул. Франк-Каменецкого, 16а). Открыт в 1996. Работниками Музея создана экспозиция, дающая представление об основных этапах развития города. Организуются тематические выставки. Ежегодно проводятся археол. раскопки, в которых участвуют школьники-краеведы. Действуют клубы, краевед. кружки: клуб

почетных граждан Иркутска, гор. молодежный клуб «Иркутск-Форт Росс». Проводятся школьные научные конференции по истории. Музей издает сборники научных статей, книги по истории города. В 1999 открыта в качестве филиала Музея картинная галерея В. С. Рогаля в специально построенном здании (ул. Халтурина, 5). Здесь проводятся научные конференции, собрания общественности Иркутска. Имеется еще один филиал по адресу ул. Чайковского, 5.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ СВЯЗИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (Музей связи)

Организован Ирк. обл. производственно-техническим управлением связи, открыт 4 нояб. 1977. Инициатор создания и организатор музея – начальник управления связи Н. Ф. Шаповалов. Общественный директор музея С. А. Телепнева (1977–1980). Музей размещался по адресу: пер. Богданова, 8. Первые экспонаты музея: почтовые штемпеля, телеграфные и телефонные аппараты, радиоприемники, фотографии коллективов предприятий связи. В связи с увеличением фонда и формированием коллекций экспозиционная площадь увеличена до 110 кв. м. Директор музея В. В. Трифонова (1981–1986). В 1991 управлением связи завершены ремонтно-реставрационные работы здания по ул. Свердлова, 35В. В XIX в. этот дом входил в усадьбу Василия Николаевича Баснина – купца, мецената, ирк. гор. головы (1850–1852). После реставрации музей разместил свои экспозиции в этом историко-культурном памятнике.

Музей сформирован из даров, насчитывает более 8 тыс. экспонатов по темам: история сиб. почты, приход и развитие электрической связи в Ирк. губернии и области (телеграф, телефон, радиосвязь и радиовещание, телевидение), современные средства связи, история города. В фондах собраны материалы о работниках предприятий связи Ирк. обл. Формируется техническая библиотека. Экспозиционная площадь – 200 кв. м. Корпоративный музей открыт для всех иркутян и гостей города. Музей входит в состав Ассоциации научно-технических музеев ICOM.

ПАМЯТНИК А. В. КОЛЧАКУ

4 ноября 2004 в Иркутске состоялось торжественное открытие памятника А. В. Колчаку, приуроченное к 130-летию со дня рождения адмирала. Памятник открыт по инициативе мецената, канд. юрид. наук, проф. С. В. Андреева. В церемонии открытия приняли участие губернатор Ирк. обл., руководители администрации города, депутаты, ирк. казаки, представители общественности. Выступавшие говорили, что Колчак вошел в историю не только как один из лидеров Белой гвардии, но и как талантливый флотоводец, исследователь Сибири и Арктики. Автор памятника – народный художник России В. М. Клыков. Медная фигура адмирала высотой в 4,5 метра установлена на высоком постаменте. На нем изображены барельефы двух солдат-братьев в форме Красной и Белой армий, опустившие штыки своих винтовок. По словам Клыкова, «памятник выражает идею прекращения братоубийственной гражданской войны и примирение искусственно расколотого общества». Памятник установлен на площадке около Знаменской церкви, недалеко от реки Ангары, в водах которой нашло последний приют тело расстрелянного в 1920-м Колчака. В память об этом на воду был спущен траурный венок. Как сказал на открытии памятника писатель В. Распутин, «такие личности, как Александр Колчак, при всей неоднозначности их деяний достойны того, чтобы о них помнил народ».

ПАМЯТНИК ДЕРЖАВНОМУ ОСНОВАТЕЛЮ ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО РЕЛЬСОВОГО ПУТИ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III.

Возведен в 1903–1908 по инициативе Ирк. ген.-губернатора А. И. Пантелеева на деньги, собранные по подписке. Скульптор Р. Р. Бах,

архитектор И. Ф. Тамулевич. Изготовлен в С.-Петербурге на фирме «А. Моран», пьедестал сделан из финляндского мрамора в С.-Петербурге. Памятник воздвигался в ознаменование окончания строительства сибирского ж.-д. пути. Открыт 30 августа 1908. Вокруг памятника был разбит Александровский сквер. В 1920 фигура императора была уничтожена, на его месте в 1964 по проекту архитектора В. П. Шматкова установлен обелиск. Памятник воссоздан на средства железнодорожников в 2003 в первоначальном виде А. С. Чаркиным, академиком Росс. академии художеств, засл. художником России. Торжественное открытие проходило 4 окт. 2003 при огромном стечении горожан, руководителей города и области, а также гостей из др. регионов страны. Это первый в России после 1917 года воссозданный памятник императору. Так же, как и в 1908, в память о торжественном событии были выпущены памятные медали.

ПАМЯТНИКИ ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ЛЕГИОНЕРАМ

Убитых в боях, умерших от ран и болезней, погибших в несчастных случаях в 1918–1919 гг. солдат и офицеров Чехословацкого корпуса в Иркутске хоронили в братских могилах на двух кладбищах: Глазковском (ныне березовая роща у остановки «Грибоедова» трамвая № 1) и Военном (ныне застроено, ул. Новогодняя, 25) в Знаменском предместье. Всего в Иркутске было похоронено 115 легионеров.

Над братской могилой были установлены три каменные пирамиды (обелиска) с надписями, средняя содержала изображение льва и венчалась скульптурой орла, на левой высечены венки и чаша и т. д.

На Военном кладбище преимущественно в 1919 было погребено 90 чехословаков, в том числе умерших от болезней и 6 убитых 8 мая в бою с красными партизанами на станции Тайшет, торжественные похороны которых состоялись 12 мая 1919. 24 мая 1919 был открыт памятник – плита серого камня высотой до 3 м с фигурой женщины, держащей в левой руке щит с изображением льва, а в правой – лавровый венок. Над скульптурой надпись по-русски: «Сыновья матери Чехии». За фигурой слева надпись по-чешски, справа по-русски: «Памяти героев и мучеников, положивших свою жизнь за свободу чехословацкого народа».

Памятники истории и культуры Иркутска (недвижимые).

В Иркутске более 1 000 памятников истории и культуры. Преобладают памятники архитектуры, на втором месте – памятники истории. Значительно меньше археологических памятников и совсем мало памятников монументального искусства. Особенно большую ценность представляют собой здания общественного назначения, культовые постройки, деревянные жилые дома.

К наиболее ценным относятся памятники федерального (общероссийского) значения:

жилой дом с мастерской иконописцев Старцевых (дерев.), 1830-е–1840-е (время постройки). С 1793 по 1930-е усадьба принадлежала династии иконописцев и просветителей Старцевых. (ул. Ангарская, 8, лит. А, А1, А3) (в наст. время демонтирован);

Знаменский монастырь: церковь Знамения с интерьером, кельи настоятельские, кельи старые, кельи старые с домовой церковью, кельи новые, Святые ворота, ограда;

некрополь Знаменского монастыря: надгробие на могиле Г. И. Шелихова (1748–1795), купца, землепроходца, основателя Росс.-Американской компании; надгробие на могиле декабриста В. А. Бечасного (1802–1859); надгробие на могиле декабриста П. А. Муханова (1799–1854); надгробие на могиле декабриста Н. А. Панова (1803–1850); надгробие на могиле жены декабриста Е. И. Трубецкой (1800–1854) с детьми (ул. Ангарская, 14);

усадьба В. И. Винтовкина: два смежных дома (каменный и деревянный) и флигель (каменный), 1880–1890-х (деревянный дом демонтирован под реставрацию) (ул. Бабушкина, 12, лит. А, А1, а1, а2);

могила декабриста И. В. Поджио (1792–1848) на территории бывшего городского Иерусалимского кладбища (ныне территория ЦПКиО);

усадьба: дом жилой, амбар, (деревянные), сер. XIX в. (ул. Борцов Революции, 6, лит. А, А1, А2, А3, А4, А6, А8, А9, лит. Ж, Ж1);

церковь во имя Преображения Господня: ограда с воротами (каменные) 1795–1811, архитектором считается А. И. Лосев. Храм связан с именем декабриста С. Г. Волконского, проживавшего с семьей в его приходе в 1845–1855, здесь же отпевали Н. А. Панова и М. А. Муханова (пер. Волконского, 1, лит. А, Б);

усадьба декабриста С. Г. Волконского (деревянная): главный дом, людская изба, конюшня, каретный сарай, амбар с погребом, ограда с воротами. Главный дом, построенный в с. Урик в 1838, перенесен в Иркутск в 1847. В 1868 в этой усадьбе была основана Сиропитательно-ремесленная школа К. П. Трапезникова для мальчиков, учредителями которой были К. П. Трапезников и И. С. Хаминов. В 1985 здесь открыт мемориальный музей декабристов (пер. Волконского, 10, лит. А, А1, А3, А5);

дом гражд. Губернатора (деревянный), начало XIX в. Первоначально здесь находился Воспитательный дом. В 1847 здание перестроено для частного лица архитектором А. Е. Разгильдеевым. В нем бывали многие декабристы. С 1851 по 1917 дом был резиденцией военного губернатора Иркутска, а позднее Ирк. гражданского губернатора. Утрачен, подлежит воссозданию (пер. Волконского, 14, лит. А, (перенесен с ул. Окт. Революции, 7));

усадьба: жилой дом и флигель (деревянные), 1880-х (ул. Володарского, 2, лит. А, А1, а, а3);

усадьба: жилой дом, флигель (деревянные) и службы (каменные), 1880-х (ул. Володарского, 6, лит. А, А1, А2, а1, а2);

здание Кузнецовской гражданской Больницы (каменное): сооружено по проекту Е. А. Разгильдеева в 1863–1871 (бул. Гагарина, 4). Это было второе после Чупаловской больницы обществ. здание подобного типа в Иркутске. Построено на средства купца Е. А. Кузнецова. Первоначальный внешний вид в значительной мере изменен. Около 1910 перестроена верх. часть фронтона главного фасада. Изначально трехэтажное, в 1940-е надстроено четвертым этажом (архитектор Ламекин). Оно имеет Ш-образный план с двумя задними крыльями. К середине заднего фасада пристроен объем домовой церкви с полукруглой апсидой. Здание частично сохранило первоначальный декор – гладкие стены, расчлененные междуэтажными карнизами, окна без обрамлений (кроме нескольких в первом этаже). С гл. входа, ранее завершавшегося лучковым фронтоном, устроен высокий, на два этажа, портал. Над ним помещен портик из четырех пилястр, фланкированный пилонами и завершенный фронтоном. Кузнецовская больница – уникальная для Иркутска крупномасштабная обществ. постройка 2-й половины XIX в., при общей простоте обладающая незаурядными архитектурными достоинствами и функциональным планировочным решением. В комплекс построек больницы входит также дом для врачей, в котором жил П. Н. Шастин, гл. врач больницы, видный хирург, один из организаторов системы здравоохранения в МНР. При больнице сохранился построенный по проекту Разгильдеева домик-сторожка. В наст. время в здании располагается обл. детская клиническая больница;

особняк купцов Сибиряковых, в дальнейшем резиденция генерал-губернаторов Вост. Сибири: главный дом, ограда с воротами (каменные), 1817–1821 (1822) (бул. Гагарина, 24, лит. А, А1, А2/уг. ул. К. Маркса, 1).

История дома. Первый дом купца М. В. Сибирякова, находившийся на углу Першпективной и набережной Ангары, там, где сегодня располагается каменный трехэтажный дом (б. Гагарина, 24), через некоторое время после постройки, примерно в период 1804–1812, сгорел и обрушился. Новый дом, вероятнее всего, был копией первого. Этот вывод можно сделать из контракта на строительство 1814, где, в частности, говорится: «соблюсти всю прежнюю фасаду пропорцию», т. е. выполнить таким, какой был прежде. В июле того же 1814 М. В. Сибиряков скончался. После того как большая часть наследников отказалась от прав на усадьбу, К. М. Сибиряков начал проводить строительные работы по дому. В основном строительство (или перестройка) здания было закончено, скорее всего, к 1821.

После смерти К. М. Сибирякова 24 мая 1825 владельцами усадьбы, в том числе и дома, стали его вдова Н. Д. Сибирякова и братья Петр и Александр.

Здесь возникает вопрос об авторстве про-

екта здания. На данное время вопрос об авторе проекта остается открытым. Предположения об авторстве петербургских архитекторов и в частности Джакомо Кваренги представляются достаточно убедительными. По объемно-планировочной структуре, сходстве методов пропорционирования и тождественности использованных элементов дом Сибирякова наиболее близок выстроенным по проекту Кваренги усадебному дому Завадовского (1790–1797, ныне утрачен), зданию Ассигнационного банка (1783–1790), Смольному дворцу.

Сибиряковский период в истории Белого дома закончился со смертью коммерции советницы Н. Д. Сибиряковой в конце 1834 или в начале 1835. Наследницами стали ее дочери А. К. Медведникова и А. К. Кузнецова. В конце 1836 или в начале 1837 решился вопрос о продаже дома с усадьбой казне. В феврале 1837 здание уже было приобретено казной. Продавцом явилась наследница А. К. Медведникова. Иркутский ген.-губернатор переехал в купленный дом весной того же года. Первым начальником края, жившим в бывшем сибиряковском дворце, был С. Б. Броневский. Но поскольку нахождение С. Б. Броневского в новой резиденции ген.-губернаторов было непродолжительным (он покинул Иркутск 9 мая 1837), то с полным основанием можно считать, что новый, ген.-губернаторский, период в существовании дома начался с вселением в него В. Я. Руперта. После этого в доме, до марта 1917, проживали все ген.-губернаторы. Всего до марта 1917 после Руперта сменилось 13 правителей края.

Белый дом является знаковым зданием и символом ключевых моментов в истории Иркутска. Летопись его бытования насыщена событиями, связана с именами и судьбами людей, оказавших значительное влияние на жизнь города. Недаром он всегда имел собственное название: Сибиряковский дворец, дом генерал-губернатора, Белый дом (название дано по цвету, в который одно время было выкрашено здание). В настоящее время его изображение использовано в эмблеме Ирк. гос. университета. Здесь побывали все важные гости и жители Иркутска: М. М. Сперанский, декабристы, И. А. Гончаров, М. В. Петрашевский, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, Г. И. Невельской, Николай II, будучи цесаревичем, и многие другие.

В конце 1917 дом стал большевистской крепостью. С октября в нем размещались Центр. исполнительный комитет, штаб Красной гвардии, военно-революц. комитет и редакция газеты «Центросибирь». Во время декабрьских боев 1917 бывшая резиденция ген.-губернатора оказалась в осаде. В здании находилось более 150 чел. Осажденных возглавляли П. П. Постышев, Н. Ф. Чужак-Насимович, С. Лебедев, Л. Зотов, С. Блюменфельд и известный впоследствии партизанский командир и писатель П. П. Петров. 17 декабря юнкера заняли дом.

После ремонта здания, сильно пострадавшего от боев, в окт. 1918 здесь начались занятия на юрид. факультете только что открытого Ирк. университета.

После 1918 в его стенах побывали многие известные люди. В их числе академики В. А. Обручев и А. П. Окладников, выдающийся антрополог М. М. Герасимов, драматург А. Вампилов, учившийся в университете в конце 1950-х. В 1928 здание посетил нарком просвещения А. В. Луначарский. В 1939 здание перешло к Научной библиотеке университета.

Здание построено в соответствии с канонами строгого классицизма, что не совсем соответствует времени строительства (1810–1820-е), но отчасти подтверждает гипотезу об использовании для существующего здания проекта предыдущего сгоревшего дома.

В рамках строгого классицизма были выработаны четкие приемы, основанные на традициях архитектуры античности и эпохи итальянского Возрождения: центрично-осевая композиция, соподчинение отдельных частей целому (иерархия элементов), строгая пропорциональность, рациональная архитектоническая логика, а также обязательное использование ордерной системы. В данном случае

имеется ряд отклонений от классицистических канонов. Однако все эти отклонения непринципиальны и были вполне допустимы. Русскому классицизму вообще не была свойственна жесткая канонизация форм. Любая схема в известных пределах могла трансформироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, связанных с пожеланиями заказчика, местными традиционными строительными приемами, а также с мастерством строителей.

В 1770–1790-х в архитектуре Петербурга, Москвы и ряда провинциальных городов широко использовался устойчивый тип усадебного дома с симметричной осевой композицией, трехчастным объемно-композиционным построением с выделенной центральной частью, акцентированной колонным портиком с треугольным фронтоном и двухсветным парадным залом. Дом Сибирякова, выстроенный по этому же принципу, представляет собой трехэтажный кирпичный корпус с компактным прямоугольным планом, усложненным ризалитами по осям главного и заднего фасадов.

Основным архитектурным мотивом главного фасада является центральный шестиколонный портик большого коринфского ордера, поднятый на высоту второго и третьего этажей. Ему подчинено решение боковых частей, не имеющих вертикальных членений. В основании портика в уровне первого этажа устроен ризалит, который служит основанием для колонн; для второго этажа – это балкон, на который выходят окна и двери парадного зала. Гл. вход находится по центральной оси дома, также в пределах ризалита.

На заднем фасаде повторена схожая композиционная схема. Но ризалит решен иначе – портик здесь лишь имитируется пилястрами, несущими фронтон. О первоначальном виде заднего дворового фасада можно судить по акварели П. И. Пежемского, выполненной в 1840-х («Вид Крестовоздвиженской церкви в Иркутске»). Здесь также был центральный навесной балкон. Со временем балкон был утрачен, появились пристрои разной величины.

Наружному устройству соответствует и внутреннее трехчастное симметрично-осевое построение с акцентированной центральной частью и соподчиненными небольшими боковыми крыльями. Выделенная поперечными капитальными стенами, центральная часть дома включает главные парадные помещения: на первом этаже – это просторный вестибюль и широкая трехпролетная лестница, на втором и третьем – лестница и парадный двухсветный зал.

О первоначальной планировке, задуманной Сибиряковым, сегодня судить достаточно сложно, но ее можно представить по аналогии с другими крупными особняками того времени. На первом этаже, вероятнее всего, располагались разного рода служебные помещения, на втором – парадные гостиные и жилые комнаты хозяев, на третьем – спальни и, возможно, комнаты прислуги, так, чтобы четко были разделены парадные и жилые покои, а передвижения слуг, хозяев и посетителей не пересекались.

В отличие от крупных усадебных домов центральных городов России этого же периода в доме Сибирякова не была предусмотрена парадная анфилада гостиных, что связано с его относительно небольшими общими габаритами и жизненным укладом самих владельцев.

Сейчас под всем зданием устроен подвал, однако известно, что в первой половине XIX в. «…в доме имелось два больших и один малый погреба…», которые были перекрыты песчаниковыми сводами. Такие помещения с цилиндрическими сводами действительно имеются в центральной части дома, остальные появились позже, вероятно, в конце XIX в.

В бытность ген.-губернаторов дом неоднократно перепланировался, производились частые ремонты. Опуская описание всех этих последовательных изменений, отметим, что каждый ген.-губернатор так или иначе приспосабливал особняк под свои нужды, уклад своей семьи, особенности и режим своей работы, таким образом, строгая логика первоначального устройства дома была со временем утра-

чена. Сохранились интереснейшие архивные чертежи, на которых рукой ген.-губернатора графа А. П. Игнатьева имеются подписи о предполагаемых перестройках и назначении всех помещений (1887).

Первый этаж был преимущественно служебным – здесь находились приемные и служебный кабинет ген.-губернатора, а в южной части дома, выходящей в сад, располагались также спальня и детские, на втором этаже – главный зал, гостиная, столовая, жилые комнаты и домашний кабинет. На третьем – квартиры адъютантов (возможно), людские и домовая церковь.

Церковь, освященная в 1871 во имя Николая Чудотворца, была устроена в небольшой угловой комнате. Каким образом она была декорирована и обставлена, неизвестно. В описи имущества, составленной при передаче бывшего дома ген.-губернатора Ирк. гос. университету в 1918, упоминается, что церковная утварь была перенесена в церковь Михаила Архангела на хранение.

В эпоху классицизма были выработаны четкие каноны, касающиеся как общих объемно-планировочных решений, пропорциональных соотношений и т. п., так и колористического решения фасадов. В именном указе Александра I от 13 дек. 1817 говорится: «Вообще дозволяется красить дома нижеследующими только цветами: белым, палевым, бледно-желтым, светло-серым, диким, бледно-розовым, сибиркою с большою примесью белой краски и желто-серым». Согласно архивным материалам (опись дома 1830), наружные стены особняка были окрашены «палевой краской», детали же были белыми. В настоящее время здание имеет свой исторический цвет.

усадьба: дом жилой и амбар (деревянные), 1880-х (ул. Горького, 6, лит. А, Б);

усадьба: дом жилой, заплот (часть) с воротами (деревянные), 1860–1870-х (ул. Грязнова, 22, лит. А, А1, А2, А3);

усадьба: жилой дом, флигель и амбар (деревянные), сер. XIX в. (ул. Декабристов, 14, лит. А, а, а1, Г1, Г2, Г3, Е1, е /уг. ул. Ремесленной);

усадьба А. П. Рычкова, позднее Дьяконовых: доходный дом (каменный) 1882 г., жилой дом и амбар (деревянные), нач. XX в. (ул. Декабрьских Событий, 50–52, лит. А, Б, Б1, Б2, В);

дом жилой (деревянный), кон. XIX в. (ул. Декабрьских Событий, 54, лит. А, а1, а2, а3);

усадьба: жилой дом и амбар (деревянные), 1-й пол. XIX в. (ул. Декабрьских Событий, 60, лит. А, а, а1, Б);

дом жилой (деревянный), сер. XIX в. (ул. Декабрьских Событий, 74, лит. А, А1, А2);

усадьба дворянина В. П. Сукачева – городского головы, коллекционера, мецената: главный дом с биллиардной (каменно-деревянный), каретная, ледник, службы с конюшней, флигели (деревянные), 1882–1890-х. Загородная усадьба с красивым парком из различных пород деревьев, сохранившаяся почти в полном виде. Здесь в залах главного дома находилась частная картинная галерея хозяина, послужившая основой коллекции Ирк. художественного музея. В 1884 Н. В. Сукачевой открыта частная бесплатная школа для девочек (ул. Декабрьских Событий, 112, лит. А, Б, В, Г, Г6–Г10, Г11; ул. Советская, 47, лит. А);

На месте пересечения нынешних ул. Декабрьских Событий, 1-й Советской и Депутатской был лес. В середине XIX в. участки леса были проданы под строительство домов и дач. Эта местность получила название «Кокуевская роща» по фамилии управителя Ирк. казенной палаты, статского советника П. И. Кокуева. Именно он 8 окт. 1852 купил у Ирк. гор. думы за 50 руб. серебром «городское пустопорожнее место земли», а позднее скупил и ряд частных усадеб, что позволило ему собрать огромную усадьбу. После смерти Кокуева его дочь, поделив единую усадьбу на участки, стала продавать их разным лицам. Начиная с 1882 В. П. Сукачев приобрел первый участок леса с домом у мещанки Журавлевой, а позднее и еще ряд владений. Формирование его усадьбы шло на протяжении нескольких лет, причем неко-

торые усадьбы, как, например, участки В. Н. Каразина, А. А. Буковского, он приобрел уже с постройками, которые впоследствии перестраивались, как считает историк Н. Г. Торшина, по проектам архитектора В. Н. Каразина.

Сформировавшаяся усадьба Сукачевых состояла из следующих построек: гл. 2-этажный дом выходил фасадом на Ланинскую (ул. Дек. Событий) (не сохранился). От него аллея лиственниц вела к 2-этажному дому для прислуги и далее к 2-этажному зданию, где находилась первая в Сибири общедоступная картинная галерея. В 12 комнатах, украшенных китайскими напольными вазами, зеркалами, разместились полотна рус. мастеров: И. Репина, И. Айвазовского, К. Брюллова, Л. Лагорио, К. Маковского и др., копии, выполненные по заказу В. П. Сукачева с работ западноевропейских художников из музеев Флоренции, Мюнхена. После отъезда Сукачевых из Иркутска в 1898 за галереей присматривал доверенный, оберегавший коллекцию, принимавший посетителей. К счастью, картины сохранились в период Гражд. войны и в 1920 были национализированы – 87 произведений живописи и графики, составляющих теперь основу коллекции Ирк. обл. художественного музея им. В. П. Сукачева. В каменном пристрое к зданию галереи, где находился и кабинет хозяина усадьбы, был устроен зимний сад с пальмами, лимонными, лавровыми и померанцевыми деревьями. В парке среди зарослей вязов, яблонь, сирени, бузины и невиданных до сей поры в Иркутске деревьев и кустарников, привезенных семьей Сукачевых с Украины, Дальнего Востока, из Подмосковья, прятались дом для гостей, конюшня, каретная, подвал-ледник, катальная горка, беседки, грот, амбары – всего 17 строений, богато декорированных резьбой в неорусском стиле с элементами восточной архитектуры.

К усадьбе со стороны Иерусалимской ул. (1-я Советская) примыкал одноэтажный дом, который приобрела жена Сукачева – Надежда Владимировна (1857–1935), и 4 февр. 1884 в нем открылась школа для девочек из бедных семей. Школа содержалась на средства Сукачевых до самой революции.

7 (20) марта 1918 усадьба была национализирована. В 1920-х в ней разместили детскую коммуну «Новая жизнь», затем – детский сад. Территория сада была превращена в 1930-х в парк культуры и отдыха. В середине XX в. в парке были расставлены детские аттракционы. С годами парк зарастал, утрачивая то, что выделяло его среди других насаждений города как шедевр ландшафтного искусства. Была утрачена часть построек: на месте барского дома установлен танк «Иркутский комсомолец». Сохранились картинная галерея с пристроенной оранжереей, дома прислуги и для гостей, конюшня со службами, каретная, ледник и школа. Достопримечательностью является парк, где почти половину составляют деревья – современники Сукачевых, в т. ч. кедры и вязы.

доходный дом с лавкой (деревянный), нач. XX в. (ул. Дзержинского, 11, лит. А);

особняк (каменно-деревянный), 1860-х, архитектор А. Е. Разгильдеев (вероятно) (ул. Дзержинского, 56, лит. А);

дом декабриста С. П. Трубецкого (деревянный): кон. 1840-х – нач. 1850-х. С 1970 – Дом-музей декабристов (ул. Дзержинского, 64, лит. Б);

усадьба известных в России купцов А. Ф. и А. А. Второвых (каменный). Занимает большую часть квартала и включает решенный в псевдорусском стиле богатый особняк 1896–1897, магазин, конюшню, флигель и склад 1881–1884 (ул. Желябова, 5, лит. А, Б);

усадьба купцов Трапезниковых, позднее – В. П. Сукачева: дом, флигель (каменные), 1820-х, 1885. В разное время в гл. доме помещались торговые заведения, гостиница «Московское подворье», окружной военный штаб, судебные учреждения. Во флигеле в 1894 была открыта типолитография торгового дома «Макушин и Михайлов» (ул. Пролетарская, 10, ул. Желябова, 6, лит. А);

дом жилой (деревянный), 1880–1890-х (ул. Желябова, 27, лит. Б, Б1, Б2, Б3);

здание Ирк. духовной семинарии (камен.), 1839–1846, архитектор А. В. Васильев. Здесь работали историк христианства П. В. Громов, епископ Зосима (Сидоровский), учились историк А. П. Щапов, писатель М. В. Загоскин, историк и публицист С. С. Шашков, этнограф, монголовед, педагог И. А. Подгорбунский и др. (ул. Красноказачья, 10а, лит. А);

дом жилой с лавкой (деревянный), сер. XIX в. (ул. Лапина, 14, лит. Б);

дом Шубиных (Дуткиных) (деревянный), кон. XVIII – нач. XIX в. Одна из наиболее старых деревянных построек в городе (ул. Лапина, 23);

здание Ирк. отделения Русско-Азиатского банка (каменное), 1910–1911, архитектор В. И. Коляновский. В кон. 1917 – нач. 1918 здесь размещался Губернский Военно-революц. комитет. С лета 1918 в его помещениях заседало правительство А. В. Колчака, а с 1920 – руководящие органы Советской власти (ул. Ленина, 38, лит. А).

Здание имеет сложную объемно-планировочную структуру, включающую ряд соподчиненных объемов, удачно подчеркивающих угловое положение здания на пересечении ул. Ленина и К. Маркса. Гл. вход расположен с угла, где находится пятиугольный в плане входной вестибюль с парадной лестницей. Слева по ул. К. Маркса к нему примыкает центр. часть гл. фасада, выделенная портиком и фланкированная мощными пилонами. В завершении его имеется криволинейной формы аттик с большим круглым окном в центре. По углам фасада находятся две асимметрично расположенные башни. Левая, квадратная в плане, завершена высокой четырехскатной кровлей с изломом, на которой установлена башенка со шпилем, украшенным флюгером. Угловая правая башня – круглая в плане. Она завершена колоколообразным куполом с железной башней и шпилем. В целом композиция дома динамична и близка по построению стилю модерн, но в декоре фасадов пластика модерна сочетается с отдельными элементами неоклассики – рустовка первого этажа, штукатурные карнизы, наличники и т. д. В 1911–1917 здесь размещался ирк. биржевой комитет;

дом жилой (деревянный), 1-й пол. XIX в. (ул. К. Либкнехта, 31, лит. А, а, а1, а2);

комплекс построек Вост.-Сиб. отдела Императорского Русского географ. общества (ВСОИРГО) (каменный), 1882–1883, 1891, архитектор Г. В. Розен. Включает здания музея и библиотеки, склады и ворота, выполненные в мавританском стиле. Построен на частные пожертвования Трапезниковых, И. С. Хаминова, П. А. Сиверса, И. М. Сибирякова и гос. средства. Много сил для сбора капитала приложил ген.-губернатор Д. Г. Анучин (ул. К. Маркса, 2, лит. А, Б);

городской театр (каменный), 1894–1897, архитектор В. А. Шретер. Строился под руководством инженера П. И. Масленникова. Торжественно-монументальное здание возведено на средства состоятельных горожан, среди которых наибольшие пожертвования сделали Ю. И. Базанова, В. П. Кельх, И. М. и А. М. Сибиряковы, Я. А. и А. Я. Немчиновы, П. А. Сиверс, В. П. Сукачев, Г. О. Гинцбург. На сцене театра выступали выдающиеся артисты: Л. Собинов, О. Камионский, Н. Шевелев, А. Давыдов, В. Комиссаржевская, А. Яблочкина и др. (ул. К. Маркса, 14, лит. А).

здание ирк. отделения товарищества Росс.-Американской резиновой мануфактуры под фирмою «Треугольник» (каменное), 1911–1913, архитектор В. Ю. Иогансен. Строилось под наблюдением архитектора В. И. Коляновского. Крупное трехэтажное здание с торговым первым этажом. Одна из лучших построек в городе в стиле модерн. До революции часть здания арендовало отделение Волжско-Камского коммерческого банка. С 1922 по 1959 здесь работали областные партийные и комсомольские органы (ул. К. Маркса, 28).

дом жилой (деревянный), 1860-х. Единственная сохранившаяся постройка большой усадьбы купцов Родионовых (ул. Октябрьской Революции, 11, лит. Б);

церковь во имя Святой Троицы (камен-

ная), 1750-х – 1778 (ул. 5-й Армии, 8, лит. Б);

церковь во имя Михаила Архангела (каменная), 1777–1790. Построена на средства купца В. Балакшина. Здесь 5 марта 1904 венчался лейтенант А. В. Колчак (ул. 5-й Армии, 59, лит. А);

усадьба: жилой дом и два амбара (деревянные), 1890-х (ул. Рабочая, 2);

жилой дом купца М. М. Маслова (каменный), 1860-х – 1870-х. Уцелел в огромном городском пожаре 1879 (ул. С. Разина, 26, лит. Д1, Д2, Д3);

усадьба купца В. К. Бревнова: особняк (каменно-деревянный) и службы (каменные), архитектор Н. И. Бойков, 1905–1907. В 1950-е – 1960-е здесь находилась гостиница ОК КПСС, позднее – общежитие Вост.-Сиб. книжного издательства, с окт. 1978 здесь разместился Иркутский дом литераторов им. П. П. Петрова (ул. С. Разина, 40, лит. А, В, Б);

Здание построено в стиле модерн. Наиболее интересно образное решение гл. фасада. Выразителен второй этаж, имеющий парадный характер. Фасад оживлен богатым орнаментом, в т. ч. маскаронами (изображениями женского лица и львиных голов);

церковь во имя Воздвижения Животворящего Креста Господня (каменная), 1747–1760. Построена на средства И. Амосова, С. Дудоровского, З. Щегорина (ул. Седова, 1, лит. А, Б);

могилы декабристов А. З. Муравьева (1793–1846) и А. П. Юшневского (1786–1844). Перенесены из зоны затопления Ирк. водохранилища, д. Большой Разводной в 1952 (ул. Станиславского, гор. Лисихинское кладбище;

костел римско-католический во имя Успения Божьей Матери (каменный), 1881–1885, архитектор И. Ф. Тамулевич. Интерьеры выполнены по рисункам В. Н. Коперского. В 1896 установлена фисгармония. После реставрации 1974–1978 здесь открыт органный зал филармонии (ул. Сухэ-Батора, 1, лит. А);

ансамбль Кафедрального собора во имя Богоявления Господня: собор, колокольня, сторожка, ограда (каменные), 1718–1746, строитель – «каменных дел подмастерье» В. Гаряев. В Казанском приделе собора находилась усыпальница ирк. архиереев Св. Софрония (Кристалевского), Михаила (Миткевича), Вениамина (Багрянского), Михаила (Бурдукова), Иоанна (Смирнова) (ул. Сухэ-Батора, 1, лит. А, Б / Нижняя Набережная, 2, лит. А, Б);

церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа (каменная), 1706–1713, строитель – «каменных дел мастер» М. И. Долгих; в 1758–1762 пристроена колокольня. Возведена в южной стене острога на средства воеводы А. С. Синявина по типу древнерусс. храмов XVII в. Древнейшая из сохранившихся городских построек (ул. Сухэ-Батора, 2, лит. А);

дом жилой (деревянный), 1840-х. Воссоздан в «новоделе» в середине 1990-х (ул. Тимирязева, 6, лит. А);

дом жилой (деревянный), 1870-х (ул. Тимирязева, 21);

здания 3-й пожарно-полицейской части (каменные), 1899–1901. Главный корпус с каланчей и казарма строились под наблюдением архитектора А. И. Кузнецова по типовому проекту (ул. Тимирязева, 33, лит. А);

усадьба: особняк и жилой дом (деревянные), 1870-х – 1880-х (ул. Тимирязева, 55, лит. А, А1, А2, А3, А4, лит. Б, Б1);

усадьба: два жилых дома и службы (деревянные), 1890-х (ул. Ударника, 5, лит. А, Б, Г);

дом жилой (деревянный), середина XIX в. (ул. Франк-Каменецкого, 25);

усадьба купцов Н. С. и И. С. Котельниковых (камен.), 1855–1858, архитектор А. Е. Разгильдеев, нач. XX в. Использовался под торговые заведения и учреждения. В 1910–1918 в этом здании работал банк Обществава взаимного кредита (ул. Фурье, 2, лит. А, А1, а, Б);

дом жилой (деревянный), 1880-х (ул. Б. Хмельницкого, 9);

дом жилой (деревянный), 1870-х (ул. Б. Хмельницкого, 34);

усадьба: жилой, т. н. голландский, дом (каменно-деревянный), флигель (каменный),

1880-х – 1890-х. Во флигеле жил экономист, профессор ИФЭИ, автор монографии «Илимская пашня» В. Н. Шерстобоев (пер. Черемховский, 1);

могила А. П. Щапова (1831–1876), историка, этнографа, публициста. Надгробие – 1886, архитектор Г. В. Розен; не сохранилось. В 1988 воссоздано из гранита каменотесом П. Ф. Киселем (территория бывшего Знаменского кладбища);

доходный дом А. И. Шастина (деревянный), т. н. кружевной дом, 1910–1911. Пышно декорирован пропильной и объемной резьбой. Воссоздан в конце 1990-х (ул. Энгельса, 21).

Представляют интерес и другие объекты культурного наследия, такие, например, как:

усадьба купцов Н. Т. и В. Н. Басниных (камен.): жилой дом (перестроен, первоначально двухэтажный) 1801, архитектор А. И. Лосев; двухэтажный флигель, нач. – сер. XIX в. Принадлежала семье купцов-меценатов, коллекционеров, летописцев. Один из культурных центров Иркутска, здесь у В. Н. Баснина собиралась интеллигенция, неоднократно бывали декабристы. В 1867 купцом М. В. Михеевым сюда переведены открытая в 1861 бесплатная лечебница и аптека для приходящих больных. Дом (лит. А) выстроен в нач. XX в. для нужд лечебницы (ул. Свердлова, 35);

усадьба Е. И. Рассушиной: два жилых дома и флигель (деревянные), 1907–1908 (ул. Бабушкина, 10);

дом купцов Сибиряковых (каменый) кон. XVIII в., 1868. Одна из ранних гражд. каменных построек. Здание, ограда и ворота выполнены на основе образцового проекта. В 1864 усадьба перешла от купца А. К. Сибирякова казне. В 1868 в доме размещалось Гл. Управление Вост. Сибири, а после его упразднения, с 1887, Канцелярия ген.-губернатора. Здание связано с именами историков и общественных деятелей В. И. Вагина и А. А. Корнилова, геолога В. А. Обручева, петрашевца, редактора «Иркутских губернских ведомостей» Н. А. Спешнева (бул. Гагарина, 36);

особняк купца П. К. Солдатова (каменный) кон. XVIII в., архитектор А. И. Лосев. Один из старинных каменных жилых домов, сохранивший первоначальный облик. В 1895–1898 здесь жил геолог, географ, писатель, академик В. А. Обручев (бул. Гагарина, 56);

здание гор. училища «Детский сад» (деревянное), 1882, архитектор Г. В. Розен. Заведение основано в 1869 по инициативе Н. Г. Тюменцевой. Преподавание велось по системе немецкого педагога Ф. Фребеля. В 1938 перенесено с ул. Ленина (Амурской) на территорию Харлампиевской церкви (ул. Горького, 5а);

аптека провизора М. Г. Писаревского (каменная), 1897–1899, архитектор А. И. Кузнецов. Здание было специально построено под помещение аптеки. Интерьеры и обстановка торгового зала сохранились до наших дней (ул. Дзержинского, 34).

усадьба купца Д. Х. Кузнеца: доходный дом (каменный) и особняк (деревянный), 1901–1903, архитектор В. А. Николаев, 1908–1909. Принадлежала углепромышленнику, активному участнику строительства Сиб. ж. д. Здесь размещалось Управление Забайк. ж. д. В годы Великой Отечественной войны находился эвакуационный госпиталь (ул. Дзержинского, 36, лит. А, Б);

здание «Ирк. больницы для хронических больных коммерции советника и почетного гражданина И. Л. Медведникова и жены его А. К. Медведниковой» (каменное), 1899–1901, архитектор А. И. Кузнецов. Построено и содержалось на средства А. К. Медведниковой. Располагалось в великолепной сосновой роще. В 1932 здесь Я. З. Штамовым организован физиотерапевтич. институт, в годы Великой Отечественной войны размещался военный госпиталь (ул. 2-я Железнодорожная, 4);

здание Губернского казначейства (каменное), 1852, архитектор А. Е. Разгильдеев, перестроено в 1909–1910. В 1902 его посетил выдающийся гос. деятель России С. Ю. Витте (ул. Ленина, 1);

здание Ирк. отделения Гос. Банка (ка-

менное), 1897–1899. Сильно пострадало в дни декабрьских боев 1917, во время установления в городе Советской власти. Перестроено в 1918–1920 (ул. Ленина, 3);

два здания мужской классич. гимназии (каменные): старое – 1797–1801, архитектор А. И. Лосев; 1843–1846, архитектор А. В. Васильев, новое – 1905–1907, архитектор Д. Р. Магидей. Гимназия основана в 1805 на базе Гл. народного училища. Ее директорами были крупный историк Сибири П. А. Словцов, натуралист С. С. Щукин, здесь преподавали известный исследователь Приамурья Р. К. Маак, ученые-историки И. В. Щеглов, Б. Г. Кубалов. Гимназию окончили будущие известные писатели: Н. С. Щукин, И. Т. Калашников, В. П. Паршин, В. М. Михеев, И. В. Федоров-Омулевский; ученые: М. К. Азадовский, Г. А. Стуков, Ф. А. Кудрявцев, художник М. И. Песков, агроном, основатель агрохимической школы, академик, Герой Соц. Труда, лауреат Гос. премии Д. Н. Прянишников, путешественник и естествоиспытатель А. П. Федченко, статистик, литератор, краевед, правитель дел ВСОИРГО, министр продовольствия и снабжения Временного Сиб. правительства И. И. Серебренников и многие другие. В годы Первой Мировой войны здесь была открыта 2-я школа прапорщиков. Во время Великой Отечественной в здании по ул. Ленина, 5а размещался патронный завод. С 1949 в доме по ул. Ленина, 5 начал работать Вост.-Сиб. филиал Академии наук СССР, а в 1975 его занял крупнейший в Сибири Художественный музей им. В. П. Сукачева (ул. Ленина, 5, 5а);

здание I Обществ. Собрания (каменное), 1890–1891, 1901–1902, архитектор В. А. Рассушин. Центр обществ. и культурной жизни высшего общества дореволюционного Иркутска. 12 марта 1897 здесь впервые горожане увидели кинематограф. В залах собрания выступали такие знаменитые артисты, как Л. Собинов, А. Давыдов, эстрадные певицы А. Вяльцева и Н. Плевицкая, поэты К. Бальмонт и Ф. Сологуб (ул. Ленина, 23);

здание Воскресенского и Крестовоздвиженского мужских начальных училищ (каменное),1888–1889, архитектор В. А. Рассушин. Училища основаны в 1805 и 1835 (соответственно), в 1906 объединены в одно (ул. Ленина, 54);

мусульманская мечеть, 1897 (деревянная) и 1901–1902 (каменная). В деревянном здании после 1902 размещалась русская татарская школа (в конце 1980-х дом разобран для реставрации). Мечети построены на пожертвования верующих мусульман (ул. К. Либкнехта, 86–88);

усадьба инженера И. И. Никитина: доходный дом, флигель и службы (каменные), 1902–1903, архитектор А. И. Кузнецов. Большую часть гл. здания занимали первоклассная гостиница и ресторан «Гранд-Отель». Здесь также размещались отделение Русс.-Китайского банка, частная мужская гимназия Е. А. Горцейт, на первом этаже – магазины, в том числе книжный магазин «Товарищества И. Д. Сытина». В 1931 здесь начал свою работу Ирк. радиокомитет (ул. Литвинова, 1).

усадьба купца И. Я. Чурина, позднее купца Я. Е. Метелева: особняк, доходный дом, службы (каменные) и обширный сад, 1888–1890, 1895, 1907–1908. В усадьбе в середине 1900-х находилось Управление землеустройства и переселения в Ирк. губернии; в 1920-е разместился Ирк. химико-бактериологический институт (ул. К. Маркса, 3);

здание кинематографа «Художественный театр Декаданс» (каменнок), нач. XX в. – до 1906, 1908–1911, 1913. Кинематограф принадлежал К. С. Ягджоглу, арендовавшему дом у И. Е. и С. Е. Замятиных (ул. К. Маркса, 24);

дом купца С. Дудоровского, позднее военный госпиталь, юнкерское училище (три смежных здания) (каменный), нач. XIX в., архитектор А. И. Лосев; нач. 1880-х; 1907. К 1829 в усадьбе располагался военный госпиталь. В 1879 здесь разместилось открытое в 1872 юнкерское училище, преобразованное в 1901 в пехотное юнкерское, а в 1911 – в военное пехотное училище (одно из 17 общево-

йсковых военных училищ России). В 1909 его посетил Великий князь, военный и государственный деятель, поэт Константин Константинович («К. Р.») (ул. 5-й Армии, 63-65);

казенный спиртоочистительный склад (камен.), 1902–1903. Постройка производилась под наблюдением гражд. инженера А. С. Покровского, монтажом оборудования заведовал инженер-технолог П. В. Шангин, подрядчик на строительсттве Г. Ф. Шмурло. Построен по заказу Иркутского управления акцизными сборами для хранения и выпуска водки. 20 сент. 1902 строительсттво посетил министр финансов С. Ю. Витте (ул. Рабочего Штаба, 27);

дом купца Г. А. Киселева, позднее Почтовая контора (каменный), 1794–1799, 1805, архитектор А. И. Лосев; 1883–1884, архитектор И. Ф. Тамулевич. Одно из сохранившихся наиболее ранних каменных зданий Иркутска. Было построено купцом Г. А. Киселевым как частное владение. В 1803 продано в казну и приспособлено под почтовую контору, которая дала название улице – Почтамтская (ул. С. Разина, 23);

здание Ивано-Матренинской детской больницы (каменное), 1889–1895, архитектором одни источники называют Попова, другие Рассушина. Больница учреждена в память действительного статского советника И. И. Базанова и его супруги М. М. Базановой. Построена частью на оставленный И. И. Базановым на благотворительные цели капитал, а частью на средства его наследников – зятя П. А. Сиверса, невестки Ю. И. Базановой и внучки В. П. Кельх. Была третьей в России (после петербургской и московской) специализированной детской больницей (ул. Советская, 57);

сиропитательный дом Е. М. Медведниковой (каменный), 1837–1840, архитектор А. В. Васильев, построен ирк. цеховыми братьями П. и Г. Ивельскими; 1882–1884, 1890–1892. Был открыт 21 апр. 1838 по завещанию Е. М. Медведниковой ее сыновьями И. Л. и Л. Л. Медведниковыми. Первое женское учебное заведение в Вост. Сибири. По замыслу учредителей, оно должно было «доставить призрение и образование бедным детям женского пола… обучать девиц наукам соответственно их силам и понятиям, а также необходимым женским рукоделиям…» 27 марта 1857 дом посетил известный русс. гос. деятель и дипломат адмирал Е. В. Путятин. В годы Великой Отечественной войны здесь размещался военный эвакуационный госпиталь (ул. Тимирязева, 59);

усадьба купца Я. С. Домбровского, купца Ф. М. Тихомирова, купчихи И. Г. Ямпольской, А. И. Кабрицкого, М. Н. Швец: два доходных дома и флигель (каменные), до 1873, 1873–1876, 1899 – нач. 1900-х. В домах размещались магазины, II-е коммерческое и реальное училища. Во флигеле находилась гостиница «Амурское подворье», в которой с 4 по 11 июня 1890 останавливался русс. писатель А. П. Чехов, следовавший на о. Сахалин, а с 18 авг. по 17 нояб. 1920 размещалась I монг. делегация революционеров во главе с Д. Сухэ-Батором и Х. Чойболсаном. В 1920 в помещении, ранее занимаемом реальным училищем, работала Ирк. губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по службе («Губчеком») (ул. Фурье, 1, лит. А, А1, а, Б);

могила М. В. Загоскина (1830–1904), писателя, публициста, редактора ряда газет. Надгробие – 1911, архитекторы К. В. Миталь, В. В. Цетнерович, скульптор И. Н. Жуков. В 1963 восстановлено скульптором Б. Г. Горлачем (территория ЦПКиО).

И многие другие.

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ ИРКУТСКА

(список состоящих под гос. охраной и вновь выявленных ландшафтов, садов, парков и иной древесно-кустарниковой растительности исторического значения).

Центральная и Нагорная части города:

1. Александровский сквер, б. Гагарина. Располагался вокруг памятника Александру III.

2. Сукачевский сад (ранее Спасский, городской) в комплексе с мемориалом «Вечный огонь». Заложен в начале XIX в.

3. Комплекс островов – Юность, Конный – ландшафтно-исторический, место массового отдыха.

4. Сквер им. Кирова – искусственные насаждения, живописно скомпонованные и удачно расположенные.

5. Иерусалимское кладбище. Основано в 1772, закрыто в 1929, в 1957 разбит парк. Искусственные насаждения на месте коренного хвойного леса.

6. Парк Сукачева (часть Кокуевской рощи). Спланирован в 1888, заложены аллеи, грот, арки, беседки.

7. Парк Ирк. геофизической обсерватории. Находится между ул. Байкальской, Партизанской, 3-й и 4-й Советскими. Основан в конце XIX в., содержит 140 видов растений.

8. Тополиная аллея (ул. Байкальская, 121). Посажена в 1941 выпускниками школы № 21 перед уходом на фронт.

9. Татарское кладбище, 1-я половина XX в. (ул. Цимлянская, между школой № 39 и гаражным кооперативом).

10. Лисихинское (Амурское) кладбище (1902–1960-е).

11. Остров Любви (Комсомольский). Перспективная рекреационная зона. Сейчас более половины территории занято садовыми участками.

Знаменское и Рабочее предместья:

12. Радищевское (Маратовское) кладбище. Открыто в начале XX в.

13. Маратовский лесной массив (в р-не ул. Карпинского и Лесной, площадь более 100 га).

14. Парк бывшей детской ж. д. (сквер у спорткомплекса «Динамо»). В конце XIX – начале XX в. здесь располагались дачи горожан.

15. Госпитальный парк, площадь 4 га (между ул. Шевцова, Петрова, Николаева, Киренской).

16. Знаменское кладбище. Основано в конце XVIII в. Надгробия утрачены, кроме памятника А. П. Щапову. Площадь 8 га (рядом – Щаповская ул.).

17. Ремесленно-Слободское кладбище (Острожное, Тюремное, Борисоглебское, Рабочедомское), XIX в. Хоронили главным об-

разом заключенных (вершина и склон Знаменской горы).

18. Фрагмент Каштаковской рощи. Площадь 3 га. Находится рядом с Князе-Владимирским монастырем.

Глазковское предместье и Иркутская ГЭС:

19. Парк Парижской Коммуны (Циклодром, Локомотив, парк Железнодорожников). Ландшафтно-исторический археологический памятник «Глазковский некрополь». Как парк начал формироваться с 1900-х, до этого – фрагмент естественной рощи. Эстетически ценный и разнообразный ландшафт с интересным рельефом.

20. Остров Дьячий в устье р. Иркута. Возможно, осваивался с начала строительства острога.

21. Фрагмент березовой рощи Глазковской горы (между ул. Терешковой, Пушкина, Профсоюзной, К. Цеткин).

22. Роща «Звездочка» (между ул. Звездинской, Чернышевского, Гоголя и ж.-д. путями). Ландшафтно-исторический и археологический памятник. Реликтовая сосновая роща. Популярное место отдыха в XIX – 1-й половине XX в.

23. Реликтовая Кайская роща (включая территорию курорта «Ангара», ботанического сада, нового Глазковского (Свердловского) кладбища. Занимает северо-западный и южный склоны Кайской горы. Площадь 205 га. Хорошо сохранились коренные сосновые леса 120–150-летнего возраста. Ценный планировочный и рекреационный элемент.

24. Фрагмент березовой рощи Глазковского училища (угол ул. Пушкина и Кайской). Небольшой участок около муз. школы № 3.

25. Глазковское кладбище (1-я пол. XIX в. – 1930-е). Территория между ул. 4-й Железнодорожной, К. Цеткин, Шмидта, Грибоедова. Ныне сквер.

26. Иркутская ГЭС, 1950–1961. Обширная территория (200 га) в р-не ул. Приморской, Якоби, залива Ирк. водохранилища, склона горы Межовки, плотины ГЭС.

27. Загородный сад «Царь-Девица», открыт в 1908. Место отдыха иркутян возле дер. Титово. Отдыхающих возили в выходные дни пароходом.

Иннокентьевское предместье и пос. Авиастроителей:

28. Роща скита Вознесенского монастыря (Михайло-Архангельской церкви). Площадь 8,6 га.

29. Сад А. К. Томсона. Создан в 1915. Был крупным ботаническим и селекционным центром. Росло 230 сортов яблонь, 77 видов других плодовых растений, 47 декоративных деревьев и кустарников. В 1938 передан в дар Иркутску. Площадь 12 га.

30. Роща ж.-д. больницы (между ул. Р. Люксембург, Образцова, Норильской, пер. Деповским).

31. Озерно-болотный комплекс «Птичья гавань» (в низовьях поймы Иркута). Площадь 220 га. Имеет большое санитарно-гигиеническое значение для города. Торфяные болота разделены на участки дорогами. Растительность: болотные и луговые формации. Встречаются редкие виды растений и птиц. Обитает 82 вида птиц, 23 из них – под международной охраной.

32. Татарское кладбище кон. XIX – нач. XX в. Находится вблизи скита Вознесенского монастыря.

33. Парк Авиастроителей. Создан в середине XX в., занимает площадь 10–14 га, находится рядом с пос. Авиастроителей.

34. Ново-Ленинское кладбище (действующее). Открыто в 1937, площадь 62 га.

«ТАЛЬЦЫ»

В наст. время – архитектурно-этнографический музей. Ранее в этом же районе находилось небольшое селение Тальцы (Тальцинское), известное тем, что здесь, в устье реки Тальцинки, впадающей в Ангару, в 47 км выше Иркутска, академик Э. Лаксман вместе с будущим правителем Аляски, а в ту пору ирк. предпринимателем А. А. Барановым, в 1784 «учредили стеклянный завод». Он выпускал стекло по новой, открытой Лаксманом техно-

логии: вместо поташа – щелочи, добываемой из древесной золы, стали употреблять глауберову соль. Она привозилась в Тальцинское из Забайкалья. Завод выпускал бытовое стекло, посуду. Менялись владельцы, но до середины XX в. продукция оставалась все та же. В начале 1950-х, в связи со строительством Ирк. ГЭС и созданием Ирк. водохранилища селение попало в зону затопления: его перенесли, завод прекратил свое существование. В 1960-е близ Тальцов, на берегу Ангары, было выбрано место для создания этнографического музея. Перевезенные из зон затопления Братского и Усть-Илимского водохранилища старинные строения постепенно, за 2 десятилетия, выстроились в улицы, в крестьянских избах появились домашняя утварь, хоз. предметы и инструменты ремесла прошлых лет. Постепенно сложился уникальный музей, получивший название «Тальцы». До последнего времени это был филиал Ирк. объединенного краеведческого музея, в 1994 «Тальцы» получили самостоятельный статус. Наибольший интерес представляют: Илимская Казанская церковь (XVII в.); Спасская проезжая башня Илимского острога (XVIII в.); каскад из 3 водяных мельниц (кон. XIX в., дер. Владимировка Братского р-на); мангазея – общественный хлебозапасный амбар (кон. XIX в.); церковноприходская школа (1880-е, с. Кеуль Усть-Илимского р-на); усадьбы крестьян Московских (кон. XIX в.), Непомилуева (XVIII – нач. XIX в.), Серышева (сер. XIX в.), Прокопьева (кон. XIX в.); бурят. юрты (кон. XIX в., дер. Малая Бугульдейка Ольхонского р-на Ирк. обл.). Бурятская часть музея продолжает формироваться. В музее проводятся народные праздники, выступают фольклорные коллективы из ближайших к Иркутску сел. Ирк. театр народной драмы устраивает праздничные действа по старорусским канонам, ставит спектакли по мотивам фольклора и народного героического эпоса. В последнее время к помощи музея прибегают кинематографисты и телевидение. С 1996 музей издает журнал «Тальцы».

ТИТОВО

Археологический памятник на левом берегу р. Ангары у бывшей одноименной деревни (располагалась на левом берегу Ангары между Глазково и Кузьмихой. В наст. время это место поворота ж. д. к ст. Академическая, р-н ул. Игошина и Академика Курчатова).

В 1675, проезжая через Иркутск, Н. Спафарий наблюдал здесь деревню (он назвал ее Вяткиной). В 1801–1802 губ. архитектор А. Лосев спроектировал планы 10 домов для «заангарских жителей». Среди них значится «унтер-офицер Титов». Возможно, это и был основатель деревни. В начале XX в. селение причислялось к Смоленской волости Ирк. уезда и входило в Кузьмихинское сельское общество. По данным 1908 г., там было всего 5 дворов, а жителей 28 чел. Тихая местность вокруг деревни в дальнейшем стала пользоваться популярностью у ирк. жителей как место отдыха. 18 мая 1908 неподалеку от Титово был благоустроен сад, названный Царь-Девицей (теперь на его месте жилой массив). Ранее отождествлялся с древней стоянкой «Царь-Девица», однако разведкой 1980 определена его самостоятельность. Памятник двуслойный, собрана коллекция керамики и каменного инвентаря.

МОНАСТЫРИ

Монастырь Вознесения Господня и Иннокентия, Епископа Иркутского (мужской), 1669–1672

(совр. адрес ул. Полярная, 78–98). Вскоре после основания Ирк. острога в 4 верстах от него на противоположном берегу Ангары среди дремучих лесов старцем Герасимом была устроена небольшая пустынь. В 1669 старец Герасим подал енисейскому воеводе челобитную о закреплении земли под монастырские строения. В этом же году грамота царя Алексея Михайловича отнесла к устроенной Герасимом пустыни свободные земли по р. Иркуту. Чуть позже, в 1672, основание монастыря благословила грамота митрополита Сибирского Корнилия.

Первой в монастыре была построена деревянная церковь во имя Вознесения Господня с приделом Одигитриевским, от которой монастырь и получил наименование Вознесенского. Тогда же были устроены ограда и кельи для немногочисленной братии. В 1679 пожар уничтожил все строения, монастырь был возобновлен старцем Исаией. В 1686 вновь воздвигнута деревянная Вознесенская церковь. В начале XVIII в. монастырь владел значительным количеством земли и лесами, а также соляным заводом. К этой обители были причислены монастырь Посольский Спасо-Преображенский и Братская Спасская пустынь. До издания штатов для монастырей в 1764 Вознесенскому монастырю принадлежали 464 крестьянина мужского пола. В 1764 монастырь вошел в число обителей 3-го класса, в 1797 – 2-го класса. В 1836, по представлению ирк. епископа Иннокентия (Александрова), Вознесенский монастырь возведен в 1-й класс. С 1861 стал общежительным. Всего к началу XX в. число проживающих в нем колебалось от 150 до 200 чел. В Вознесенском монастыре сохранялись нетленные останки Святителя Иннокентия I, Епископа Иркутского. С 1883 по указу архиепископа Вениамина монастырь именуется Вознесенским Святителя Иннокентия. Ежегодно более 10 000 богомольцев посещало монастырь, чтобы поклониться святому.

В 1919 в стенах монастыря разместился ирк. сводный госпиталь. В янв. 1921 были вскрыты мощи святителя Иннокентия и затем отправлены в музей Ярославля (в 1990 2 сент. мощи св. Иннокентия возвращены в Иркутск,

сейчас находятся в Ирк. Знаменском монастыре). К началу 1933 все церковные здания, за исключением Успенской церкви, были снесены. К нашим дням из монастырских строений сохранились Успенская церковь с трапезной, два каменных братских корпуса, школа с братской кухней (бывший дом настоятеля), каменно-деревянные службы, кухня, ризница, гостиница для странников.

Монастырь Знамения Пресвятой Богородицы (женский), 1689

(современный адрес: ул. Ангарская, 14). Женский Знаменский монастырь возник на правом берегу р. Ангары в устье р. Иды (сейчас р. Ушаковка) в одной версте от Ирк. острога. По поводу даты основания монастыря существует два мнения. Наиболее часто называется 1693, приведенный в ирк. летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова. Но в документах сохранилась и более ранняя датировка – 1689. Именно тогда митрополит Тобольский и Сибирский Павел благословил строительство женского Знаменского монастыря. Первым его строителем был Влас Сидоров. В 1764 монастырь зачислен во 2-й класс, а в 1836 переведен в 3-й класс. В ограде монастыря погребены известный сиб. промышленник и мореплаватель Г. И. Шелихов, жена декабриста С. П. Трубецкого, декабристы В. А. Бечаснов, П. А. Муханов, Н. А. Панов. В начале XX в. монастырь имел свечной завод, просфоропекарню, рукодельную и переплетную мастерские, оранжерею, церковно-приходскую школу, приют для девочек дошкольного возраста. Сейчас из монастырских строений сохранились церковь Знамения Пресвятой Богородицы, кельи настоятельские, кельи старые, кельи Чупаловские с домовой церковью, кельи новые, святые ворота, монастырская ограда, общая трапезная, больница, каменный дом с сеновалом. Постановлением Совета Министров РСФСР (№ 1327) от 30 авг. 1960 комплекс построек Знаменского монастыря отнесен к памятникам федерального значения и охраняется государством.

Монастырь св. Равноапостольного Князя Владимира (мужской), 1903 (современный адрес: ул. Каштаковская). Мужской Князе-Владимирский монастырь учрежден по определению Синода от 22 мая 1903 на средства, завещанные строителем каменного монастырского храма В. А. Литвинцевым. При монастыре находились богадельня, церковно-учительская семинария, дом причта, сторожка. Во время войны с Японией в 1905 в монастыре размещался госпиталь Красного Креста. Монастырь закрыли в 1922 по указу ирк. епископа от обновленцев Николая. С 1928 в церкви размещался кавалерийский полк НКВД, а позже здесь устроили лабораторию геологического управления.

ХРАМЫ ИРКУТСКА ПРАВОСЛАВНЫЕ

Церковь св. мученицы Царицы Александры, 1910–1914 (современный адрес: угол ул. Партизанской и ул. Трилиссера (угол ул. Большой Блиновской и ул. 3-й Иерусалимской)). Каменная трехпрестольная церковь в нагорной части Иркутска была первоначально заложена в 1896 на капитал, завещанный потомственной почетной гражданкой Иркутска А. Н. Портновой, но строительство остановилось на несколько лет. Иркутский архиепископ Тихон 20 июня 1910 повторно на том же месте освятил основание церкви, но по новому плану. Проект был составлен гражд. инженером А. С. Покровским, впоследствии епархиальным архитектором. Гл. престол освятил 23 марта 1914 ирк. епископ Серафим в присутствии ген.-губернатора Л. М. Князева и других высокопоставленных гостей. Южный придел освятили 8 июня 1914 во имя св. мученика Никанора, северный престол был посвящен св. Василию Великому.

Церковь возвели в неорусском стиле. Двухсветный четвериковый храм завершался пятью главами: крупной центральной и четырьмя небольшими над углами четверика. Ярусная стройная колокольня по высоте превосходила храм и была увенчана шатром, силуэт которого подчеркивало вычурное венчание. Длина всего здания была 18 саженей, ширина – 12, высота колокольни – 20, а средней части 12 саженей с куполами.

Фасады были очень нарядным – с обилием элементов, свойственных древнерусской архитектуре XVII в.: кокошники, ширинки, перехваченные поясками колонки, сухарики. Общий характер декора с традиционным акцентом углов, проемов и карнизов свидетельствует о внимании автора к творческим принципам древних мастеров.

Архитектура храма стилистически близка Тулунской Покровской церкви, также построенной по проекту А. С. Покровского. Еще большее сходство обнаруживается с Верхоленским Воскресенским каменным собором, авторство которого не установлено, но объемное построение и декоративное убранство обеих построек настолько близки, что можно приписать последнюю творчеству того же зодчего.

Александринскую церковь закрыли согласно постановлению Вос.-Сиб. краевого исполнительного комитета от 21 апр. 1934. В здании разместили сначала склад краевой милиции, затем шиноремонтный завод. В 1960-е церковное здание снесли.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1888–1890 (современный адрес: угол ул. К. Маркса и ул. Володарского (угол ул. Большой и ул. Благовещенской)). Первую каменную Благовещенскую церковь заложили в период управления епархией епископом Иркутским Софронием в 1758 на средства И. Бечевина. Были выложены фундаменты, но из-за пожара строительство остановилось. Возобновили его в 1785 на средства ирк. купца И. Баушева. Церковь имела четыре престола: главный во имя Благовещения Пресвятой Богородицы был освящен 29 окт. 1804; боковые – во имя Трех Святителей – 16 ноября 1785 (повторно 26 июля 1796), великомучениц Варвары и Екатерины – 26 июля 1789 (1796); последний холодный придел, устроенный под колокольней, освятили 4 (или 7) авг. 1821 во имя св. Сергия Радонежского и Макария Унженского Чудотворца. Каменная ограда была построена в 1852. Первую каменную церковь возвели в барочных традициях, свойственных ирк. культовому зодчеству XVIII в. Она принадлежала к храмам типа восьмерик на четверике, причем восьмерик отличался крупными размерами и массивностью. Завершался храм типичным барочным куполом с вычурно изогнутыми гранями и стройным малым восьмериком, над которым возвышалась маленькая главка. Такой же укрупненностью масс обладала и колокольня с восьмериковым столпом над притвором.

Декоративное убранство этой постройки было довольно строгим и знаменовало переход к классицизму. Одиночные крупные заглубленные панно на гранях колокольни свидетельствовали о влиянии местных традиционных мотивов. В 1855 фасады получили красный фон с выделением белых деталей.

В 1879 здание пострадало во время пожара и было разобрано до основания. На его месте в 1888–1890 на средства ирк. купцов С. И. Тельных, А. Ф. Дунаева и И. С. Котельникова возвели новую каменную четырехпрестольную Благовещенскую церковь с тем же посвящением приделов. Главный придел, во имя Благовещения Господня, освятил архиепископ Иркутский Вениамин 13 окт. 1890; боковой, во имя преподобных Сергия и Макария, – 28 июля 1891. Остальные приделы освящены чуть позже.

Вторая каменная Благовещенская церковь была построена, вероятно, с использованием фундаментов от первой церкви, так как плановое решение обеих одинаково – продольно-симметричное, с трапезной шире храма. Архитектура характерна для русско-византийского стиля, господствовавшего в России во второй половине XIX в. Четвериковый храм завершался широким световым двенадцатигранным барабаном с довольно крупной главой. Над углами четверика были установлены еще четыре малые главки. В трапезной разместились два придела под своими куполами с главками. Наличие этих приделов, их апсид, колокольни и крыльца создали сложную и необычную объемно-пространственную композицию, не свойственную ирк. культовому зодчеству.

Усложненность и перенасыщенность ощутима и в фасадном декоре. Здесь были широко использованы стилизованные формы различных эпох: кокошники, кубоватые колонки, поребрики и сухарики, пилястры, архивольты и другое.

Церковь разобрали в 1931, а на ее месте построили крупный каменный жилой дом управления ВСЖД.

Собор Богоявления Господня, 1718–1746 (современный адрес: ул. Нижняя Набережная, 2 (ул. Набережная Ангары)). Первый деревянный собор построили в 1693–1695, но пожар уничтожил это строение. Вместо него на собранные горожанами средства в июле 1718 был заложен новый каменный соборный храм. Первым освятили теплый северный придел во имя Петра и Павла – 12 мая 1724. Второй придел, во имя Иоанна Воина, устроенный под колокольней, освятил 22 июня 1729 Иннокентий Кульчицкий, первый епископ иркутский. Строительство гл. холодного храма

растянулось более чем на 20 лет, освящен он был во имя Богоявления Господня только 25 сент. 1746. Иконостас создавал иеродиакон Никон Красовский. Предполагается, что строил собор подмастерье каменных дел Василий Гаряев, участвовавший и в строительстве Верхотурского Троицкого собора, который считается аналогом Иркутского Богоявленского собора.

В 1742 во время землетрясения разрушился шатер колокольни, и вместо него устроили деревянный купол со шпилем. В 1764 пристроили приделы во имя Богоматери Казанской, освященный 6 июля 1766 и 30 марта 1871, Иоанна Предтечи (упразднен в 1870) и Всех Святых, освященный (предположительно) в 1764 и 18 окт. 1827 (разобран в процессе реставрации). В 1868 под руководством художника В. А. Кудельского произвели некоторые перестройки в интерьере: выбрали своды в теплом храме, объединили придел и теплый храм, увеличили окна. Древний иконостас заменили новым, выполненным Б. В. Поповым.

К началу XX в. собор имел четыре престола: в честь Богоявления Господня, Казанской иконы Божьей Матери, св. Апостолов Петра и Павла, Всех Святых. В 1918 на месте упраздненного ранее Предтеченского придела освятили новый – во имя св. Софрония Епископа Иркутского. В Кафедральном Богоявленском соборе была устроена усыпальница иркутских архиереев, здесь погребены св. Софроний, Михаил Миткевич, Вениамин Багрянский, Михаил Бурдуков, Иоанн. Рядом с собором располагается каменная колокольня, построенная в 1812–1815.

В 1925 Ирк. губисполком включил собор Богоявления в списки памятников искусства и старины, рекомендованных к сохранению, но это не помешало ВСКИКу в 1934 вынести решение о закрытии собора и размещении в нем пекарни. В 1948 постановлением Совета Министров РСФСР здание бывшего собора принято под гос. охрану. В 1960 собор и его строения (ограда, сторожка, колокольня) отнесены к памятникам культуры федерального значения (№ 1327 от 30 авг. 1960). С 1967 по 1985 проведена реставрация памятника по проекту московского архитектора Г. Оранской. При реставрации воссоздано шатровое завершение колокольни. В 1994 собор возвращен Иркутской епархии и в 1995 освящен епископом Иркутским Вадимом. Сейчас идут восстановительные работы главного храма. Стены алтаря и трапезной расписаны иконописцами С. Н. Фроловым, Б. М. Лутаенко, Е. А. Алешиной, И. И. Горбуновой. Выполнен новый иконостас (столяр А. Арзамасов, скульптор А. Пермяков, позолотчик А. Карпов.).

В архитектуре собора своеобразно соединились традиции древнерус. посадского храма и новые барочные приемы. Основа композиции – сочетание двух вертикалей: ярусного храма (широкий восьмерик на четверике, первоначально имевший пятиглавое завершение) и шатровой колокольни. Несколько приделов разной высоты группируются вокруг основного объема. Ведущую роль в силуэте здания играет шатровое завершение колокольни.

В декоративном оформлении фасадов переплелись мотивы древнерус. зодчества и барочные элементы. Нарядные наличники включают в себя волюты и фронтоны на полуколонках. Карниз довольно сложно профилирован. В дальнейшем его рисунок будет часто повторяться в храмах сиб. барокко. Памятник имеет уникальное для Иркутска декоративное оформление многоцветными поливными изразцами с изображениями цветов и мифических животных.

Церковь Владимирской иконы Божьей Матери, 1775–1790 (ул. Дек. Событий, 3 (ул. Московско-Ланинская)). По народному преданию, первая деревянная Владимирская церковь с двумя приделами была построена в 1718 на средства блаженного Данилушки, собравшего их подаянием. Освятили ее сначала в 1723, а после ремонта вторично по благословенной грамоте первого епископа Иркутского Иннокентия Кульчицкого 8 мая 1729. В 1775 вместо нее на денежные пожертвования ирк.

купца Я. Протасова была заложена монументальная двухэтажная каменная церковь. Новая церковь имела четыре придела: в храме – теплый нижний во имя Рождества Христова, освященный в 1777 (предположительно), 1826, 1880, и летний верхний – в честь Владимирской иконы Божьей Матери (освящен последовательно в 1780, 1827, 1855 и 1886); в приделе – во имя св. Димитрия Мироточца (1783, 1881) и св. Иоанна Крестителя (1790, 1855, 1890). В конце XIX в. были несколько изменены главы храма, а с западной стороны вместо крылечка пристроена новая, эклектичная по формам паперть.

В 1925 постановлением Ирк. губисполкома церковь объявлена памятником архитектуры, охраняемым государством. В 1934 церковь переименовали в кафедральный собор. Постановлением Президиума ирк. облисполкома от 14 мая 1938 Владимирский собор закрыли. В здании сначала устроили клуб мединститута, затем швейную фабрику. В 1946 здание передали Вост.-Сиб. аэрогеодезическому предприятию. В 1985 решением Ирк. облисполкома (№ 149 от 25 марта 1985) церковь взята под гос. охрану как памятник культуры местного значения. К наст. времени после значительных перестроек церковь утратила первоначальные формы и представляет собой четырехэтажный объем под шиферной кровлей. В 1998 здание возвращено верующим; в нем разместилась временно женская православная гимназия.

Владимирская церковь по своей архитектуре стоит несколько особняком в ряду произведений сиб. барокко. Прежде всего, она выделяется необычной объемной композицией с монументальным пятиглавым храмом, напоминающим зодчество древней Руси. Четырехсветный храм завершался двухъярусным малым восьмериком под восьмилотковым покрытием и более мелкими восьмериками над углами четверика. Четырехскатная кровля (при плоском перекрытии главного храма) настолько необычна для иркутских построек этого периода, что дает право говорить о возможной перестройке венчающей части памятника. Двухэтажная трапезная соединяла храм с ярусной колокольней в виде трехъярусного восьмерика на четверике. Ярус звона размещался не в верхней части (как обычно), а в средней трети восьмигранной части, верхняя же подчеркивала доминирующее градоформирующее значение церкви.

В декоре отразилось влияние местных художественных традиций. В фасадной композиции преобладают вертикальные членения, что значительно отличает пластику данной постройки от убранства других храмов сиб. барокко. Впервые в Иркутске наличники вытянуты на два яруса окон (третий и четвертый). Вертикальная направленность подчеркнута стрельчатым рисунком перспективных наличников и пучками узких перевязанных лопаток. На углах храма и трапезной лопатки заполнены исконно сибирскими заглубленными рельефными панно крестообразной и прямоугольной формы. Своеобразна декорировка восточной стены храма укрупненными перспективными нишами, центральная из которых своей сложной формой предвосхищает надоконные картуши храмов периода позднего барокко в Ирк. епархии.

Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 1747–1758 (ул. Седова, 1 (ул. Верхняя Амурская)). У подножия Крестовой горы вскоре после основания города был установлен крест, отметивший место будущей женской обители, для которой отмежевали значительное количество земли. Монастырь был учрежден в 1690 по благословению митрополита Павла, но фактически так и не был устроен, поскольку город быстро увеличивался и земли вокруг храма вскоре оказались застроены обывательскими домами. В 1717–1719 на горе построили деревянную двухэтажную церковь, которую в мае 1720 собственноручно освятил тобольский митрополит Филофей Лещинский. Нижний придел посвятили Преподобному Сергию Радонежскому, верхний – Святой Троице, боковой, пристроенный в 1733, – Пресвятой Богороди-

це. В дальнейшем на месте алтаря первой деревянной церкви в 1817 поставили каменный памятник в виде стены длиной 3,25 сажени с тремя главами и надписью на доске.

Каменную церковь вместо древней деревянной на Крестовской горе заложили в 1747 на средства иркутского посадского И. Ф. Амосова (часто строителем храма ошибочно называют Ф. Щербакова, подававшего прошение на устройство церкви в 1740, но не получившего архипастырского разрешения). В мае 1747 началось возведение нового храма, законченное к лету 1758. В 1779 на пожертвования купцов С. Дудоровского и З. Щегорина пристроили теплый северный придел. Первоначально, как деревянная, так и каменная, церковь именовалась Троице-Сергиевской, но поскольку в городе имелась еще одна Троицкая церковь, то для удобства церковь на горе переименовали в Крестовоздвиженскую.

Церковь имела следующие приделы: главный – первоначально освящен 4 июня 1758 епископом Иркутским Софронием во имя Пресвятые Живоначальные Троицы и переосвящен 24 сент. 1867 во имя Воздвижения Креста Господня; северный в трапезе – освящен 11 сент. 1758 во имя Воздвижения Креста Господня и переосвящен 26 сент. 1867 во имя Успения Божьей Матери; южный в трапезе – освящен 13 дек. 1760 во имя Успения Божьей Матери и переосвящен 26 сент. 1867 во имя Живоначальные Троицы; с левой стороны теплого северного придела – освящен 25 ноября 1779 и повторно 12 окт. 1852 во имя Живоносного Источника Божьей Матери; с правой стороны того же северного придела – освящен 16 окт. 1804 во имя Спаса Вологодского и переосвящен 19 сент. 1852 во имя Николая Чудотворца; в 1766 под Успенским приделом устроили придел во имя Сергия Радонежского, но впоследствии его упразднили.

В 1860-е старое крыльцо церкви заменили двухэтажным притвором в стиле ампир по проекту ирк. архитектора В. А. Кудельского. В конце XIX в., после пожара 1879, перестроили завершение колокольни. Удачно найденные пропорции и форма венчания придали зданию большую выразительность. Каменную ограду с 39 коваными решетками построили в 1852. С северной стороны ее длина достигала 62 сажени, с западной – 41 сажень.

В первые годы советской власти признается уникальная ценность Крестовоздвиженской церкви, и она ставится Восточно-Сибирским музеем на учет как памятник архитектуры высшей категории (постановление Ирк. губисполкома от 1925).

Но уже в 1933 постановлением ВСКИК от 26 февр. было решено закрыть Крестовоздвиженскую церковь, а в здании устроить антирелигиозный музей. В 1943 церковное здание возвращено верующим, и 19 июля того же года освящен главный Крестовоздвиженский престол. С 1948, согласно постановлению СМ РСФСР, церковь стоит на гос. охране, а в 1960 она с окружающими ее строениями (ограда с воротами, богадельня, два жилых дома) объявлена памятником федерального значения (№ 1327 от 30 авг. 1960). С 1986 по 1995 проводились реставрационные работы: снята поздняя обмазка, восстановлена красно-белая окраска.

Удачное расположение храма на возвышенности, у пересечения главных улиц города, обеспечивает цельное восприятие памятника среди старинной деревянной застройки. Даже сейчас церковь остается одной из главных доминант центра города. Учет градостроительной ситуации определил многоплановую композицию с выразительными силуэтами венчаний. В объемной композиции чрезвычайно активны два придела, объединенные широкой трапезной. Двухсветный четверик холодного храма завершается тремя контрастно убывающими малыми восьмериками. Фигурный купол храма и грушевидные венчания восьмериков над приделами имеют очень сложный и пластичный абрис. В общей композиции усматривается сходство с храмом-ступой в индийском зодчестве. С западной стороны композицию замыкает вертикаль ярусной колокольни.

Свою известность Крестовоздвиженская церковь получила все же не из-за объемно-планировочного решения, а благодаря уникальной декоративной пластике фасадов. Богатая орнаментация заполняет все поле внешних стен, почти не оставляя свободных плоскостей. Сложнейшие узоры созданы комбинацией простых геометрических фигур, обогащенных тонким плетением растительного орнамента. Характер орнаментации и пластическая трактовка стены вызывают ассоциации с восточными странами. Рисунок отдельных деталей декора позволяет предположить влияние прикладного искусства местных народностей и в связи с этим возможное скрытое внехристианское значение орнамента.

Церковь Входа Господня в Иерусалим, 1820–1835 (ул. Борцов Революции, 15 (Иерусалимское кладбище)). Первую каменную церковь на городском Входо-Иерусалимском кладбище заложили на средства ирк. купца М. Сибирякова 11 сент. 1793 и освятили 11 ноября 1795 во имя Входа Господня в Иерусалим. Здание было одноэтажное, однопридельное, без колокольни. В середине XIX в. обветшавшую церковь частично разрушило землетрясение, и в 1867 епархиальное начальство приказало разобрать храм.

Вопрос о строительстве нового кладбищенского храма поднимался еще в 1817 – епископ Иркутский Михаил обращался к губернатору, чтобы тот распорядился «о сочинении плана с фасадом и сметой на предполагаемую к строению церковь». Проект составил томский губернский архитектор А. П. Деев, и 23 сент. 1820 епископ Михаил заложил новую каменную Входо-Иерусалимскую церковь. Строительство велось чрезвычайно медленно, что, вероятно, было связано с повреждением конструкций в 1823 – обрушился свод в почти отстроенной церкви. Только в 1830 закончились основные работы (без внутренней отделки). Иконостас для новой церкви выполнялся по проекту ирк. архитектора А. В. Васильева. Освящение церкви состоялось 25 июля 1835 (повторно освящена после ремонта 28 янв. 1890).

Первоначально она имела один престол, что было неудобно при специфичной функции кладбищенской церкви. При необходимости ежедневного богослужения храм не удавалось закрыть даже для мелкого ремонта или побелки. После настойчивых просьб священнослужителей к церкви в 1890 с южной и северной сторон пристроили два придела, освященные 12 мая 1891 во имя Богоматери св. Иконы Иерусалимской и во имя св. Митрофана Воронежского Чудотворца. К сожалению, выиграв функционально, постройка значительно проиграла эстетически. Ранее изящная, с двумя открытыми портиками по юж. и сев. фасаду, она потеряла композиционную ясность, так как обросла массивными объемами приделов.

До этого здание обладало выразительной объемно-пространственной композицией благодаря контрастному сочетанию массивного храма, увенчанного восьмилотковым куполом, и стройной ярусной четвериковой колокольни. Архитектура церкви была необычна для культового строительства Иркутска и отражала общерусский классицизм. Формы Входо-Иерусалимской церкви выделяются профессионализмом и знакомством с постройками столичных зодчих.

Фасадный декор строг и лаконичен. Окна без наличников, украшенные только сандриками, простой антаблемент, колонные портики с трех сторон – все это характерно для зрелого классицизма, дошедшего в Иркутск лишь к 30-м годам XIX в.

Храм закрыли согласно постановлению ВСКИК от 28 ноября 1931 и разместили в нем училище культуры. Решением облисполкома от 22 февр. 1990 (№ 73) церковь объявлена памятником культуры местного значения и принята под гос. охрану. В марте 2000 здание передано в ведение Иркутской епархии.

Церковь св. Георгия Победоносца (надвратная архиерейская), 1755–1758 (ул. Нижняя Набережная (ул. Набережная Ангары)). В

1755 вокруг собора Богоявления и архиерейского двора строится новая каменная ограда. В связи с этим деревянная надвратная Михаило-Архангельская церковь, которая была возведена в первой половине XVIII в. с сев. стороны Богоявленского собора, по распоряжению епископа Софрония, упраздняется. Над воротами архиерейского дома строится новая церковь, которую освятили в 1758 в честь св. великого Георгия Победоносца. Она просуществовала до 1782, затем была упразднена, а иконостас отдали в строившуюся тогда церковь в Усть-Кудинском селении.

Церковь св. Григория, Епископа Неокесарийского, 1802–1805 (1819?) (пер. Краснофлотский, 5-д (пер. Георгиевский)). В ограде Троицкой церкви, всего лишь в четырех саженях от нее, 8 сент. 1802 заложили небольшой каменный храм, который строили на средства и по обету прихожан из-за частых наводнений Ангары. Церковь возвели по проекту ирк. архитектора А. И. Лосева, и она была первой в Иркутске постройкой с ротондальной основой. В наст. время здание сильно перестроено, но сохранился авторский проект, знакомящий нас с первоначальным обликом храма. Время окончания строительства церковного здания в документах приводится различное. Автор проекта Лосев называет 1805, летописец Иркутска Пежемский – 1819-й, а кроме того, дополнительно сообщает, что освятил ее 1 июня епископ Михаил. В клировых ведомостях окончание строительства датируется 1821. Наиболее достоверной представляется авторская датировка 1805, поскольку храм изображен на плане Иркутска, составленном И. Кожевиным в 1811. Возможно, в дальнейшем храм по случаю ремонтов освящался повторно.

На протяжении всего XIX в. церковь постоянно страдала от стихийных бедствий. Так, в 1829 и 1830 ее повредили большие наводнения, обрушившиеся на город. В 1836 в связи с ветхим состоянием церкви из нее вынесли всю утварь и запечатали ее до 1845. В 1879 она попала в зону знаменитого иркутского пожара, уничтожившего всю центральную часть города, и почти полностью сгорела. Повреждения были столь значительны, что храм решили не восстанавливать. В перестроенном здании устроили богадельню для вдов и сирот духовного ведомства.

С 1931 в здании размещалось общежитие медицинских работников, а с 1985 находился областной клуб кинолюбителей. В 1985 церковь принята под государственную охрану как памятник культуры местного значения (решение облисполкома № 149 от 25 марта 1985). Сейчас здание возвращено в Ирк. епархию.

Одноэтажный каменный компактно-центрический храм с ротондой, окруженной четырьмя равновысокими объемами. Первоначально, в соответствии с проектом, храм завершался куполом с небольшой маковичной главкой. После переделок ядро было увенчано восьмилотковым куполом с малым восьмериком. Значительно была изменена и планировочная структура памятника. Продольно-симметричная композиция плана, в которой ротонда дополнялась поперечным алтарем и притвором, а с юж. и сев. сторон – полукруглой галереей, заменена компактно-центрической с равными рукавами креста.

Фасадный декор храма очень скромен. Плоскости стен фланкированы широкими лопатками с выпусками скругленного угла между ними. Окна с лучковой перемычкой не имеют наличников, лишь в основании проемов выступают плоские подоконные плиты над прямоугольными лежачими нишами.

Церковь св. Иннокентия, Епископа Иркутского, 1905–1906 (Иркутск II (ст. Иннокентьевская)). 10 авг. 1896 неподалеку от скита Иркутского Вознесенского монастыря, от д. Боковой до левого берега Иркута, началось сооружение ж. д. Из владений Монастыря было отчуждено 53 десятины земли, на которой была построена ж.-д. станция, получившая название Иннокентьевской, по второму, бытующему в народе, названию монастыря.

В образовавшемся при станции поселке сначала, в 1899, построили деревянную часовню во имя Иннокентия I епископа Иркутского, а затем, в 1906, – молитвенный дом, переименованный вскоре в Иннокентьевскую церковь. Устроили церковь в деревянном здании пожарного обоза. Здание это возвел в 1905–1906 подрядчик П. Алканов. Среднюю двухэтажную часть дома с наблюдательной вышкой занимала пожарная команда, левую одноэтажную – Иннокентьевская церковь, правую одноэтажную – арестантское помещение. Общая площадь здания была 51,24 кв. саж., из них под церковью было 16,8 кв. саж. В 1908 к зданию пристроили деревянную колокольню.

В сент. 1908, в виду увеличения поселка, насчитывающего до 5 000 жителей, при Иннокентьевской церкви открыли самостоятельный приход. К приходу были приписаны две часовни – в д. Боково во имя Георгия Победоносца и д. Подгородно-Жилкино. Согласно планам церковного строительства, в поселке предполагалось соорудить новую церковь на базарной площади, но к строительству так и не приступили.

Иннокентьевскую церковь закрыли на основании постановления ВЦИК от 1 июля 1934. Она не сохранилась.

Церковь св. Иннокентия, Епископа Иркутского (Глазковская), 1913–1915 (ул. Профсоюзная (ул. Александровская)). Деревянная церковь, первая в Иркутске из посвященных Иннокентию I епископу Иркутскому, была построена на средства Братства этого святителя (образовано в 1900-е). Заложили ее 20 окт. 1913 рядом с богадельней, принадлежавшей Братству. 26 июля 1915 епископ Иркутский Серафим освятил церковь в присутствии начальника края Л. М. Князева, губернатора А. Н. Югана и других почетных гостей.

Церковь закрыли в 1939, а в 1950-е здание снесли.

Архитектура церкви была характерна для русс. стиля второй пол. XIX в. Церковь по облику напоминала терем. Живописная композиция объединяла ярусный храм и стройную колокольню с высокими кровлями, резными крылечками, дополнительными шатриками и фронтончиками. Стены были сложены из бревен с обшивкой цокольной части и фриза дощечками. Карнизы украшались подзорами.

Церковь Казанской иконы Божьей Матери, 1885–1892 (ул. Баррикад, 34 (ул. Знаменская)). Построена в Ремесленной слободе на средства, собранные почетным гражданином Иркутска А. М. Сибиряковым. Храм заложен иркутским архиепископом Вениамином 27 июля 1885. Окончено строительство к апр. 1892. Иконостасы были выполнены ирк. цеховым В. Ф. Коротаевым. Внутренний купол расписан художником М. И. Зязиным. Церковь имела три придела: главный – освящен 9 апр. 1892 во имя Казанской иконы Божьей Матери, правый освящен одновременно с главным храмом в честь св. Николая Чудотворца, левый освящен неделю спустя в честь Иннокентия Епископа Иркутского и великомученика Пантелеймона.

Церковь закрыли постановлением президиума ВЦИК от 20 июня 1936. В здании сначала размещался склад книготорга, затем курсы киномехаников, завод «Сибирский сувенир». В 1975 решением Ирк. облисполкома (№ 68 от 04 февр. 1975) церковь объявлена памятником местного значения. В наст. время здание передано в ведение Ирк. епархии.

Казанская церковь – одна из немногих, сохранившихся построек в русско-византийских формах конца XIX в. Живописный и в то же время монументальный объем ее до сих пор доминирует над окружающей малоэтажной застройкой и играет важную градоформирующую роль.

Объемно-пространственная композиция ее значительно отличается от всех предшествующих ей культовых зданий города. Симметрию центрической структуры плана нарушает только пристрой колокольни. Вокруг центрального столпа сгруппированы второстепенные объемы. Ядро храма завершается

двенадцатигранным барабаном с граненым куполом. Более низкие приделы, апсида и колокольня завершены одинаковыми восьмигранными барабанами в виде ярусов звона под куполами. Подобное композиционное решение, когда различные по функциональному назначению части получают совершенно одинаковую трактовку объемов и планов, было новым для ирк. церквей. В Казанской церкви в привычную схему культового сооружения привнесены новые мотивы, усложняющие прочтение функционального назначения частей. Еще больше усложняет объемную композицию расположение дополнительных башенок, завершенных шатром, по диагоналям ядра. Башенки эти оказались за пределами восьмерикового храма. Обильный декор фасадов, характерный для конца XIX в., использует не только древнерус., но и византийские формы. Модульоны, сдвоенные колонки, пологие кокошники, филенки различных очертаний образуют насыщенную ткань декора.

Кафедральный собор Казанской иконы Божьей Матери, 1875–1894 (пл. Кирова (пл. Тихвинская)). До сталинских пятилеток на берегу Ангары, недалеко от Спасской церкви и Богоявленского собора, возвышался Кафедральный Казанский собор, который был своего рода символом культурного расцвета и богатства Иркутска в конце XIX – начале XX в. Расположенный в центре города, храм не только доминировал над окружающей застройкой, но также зрительно объединял отдельные приходские храмы, чьи выразительные объемы создавали неповторимый живописный силуэт города.

В 1849 ирк. миллионер-золотопромышленник Е. А. Кузнецов сделал пожертвование в размере 250 тыс. руб. на сооружение нового Кафедрального собора в Иркутске. Место под строительство удалось выбрать не сразу. Обсуждение этого вопроса длилось с 1850 по 1872 с подробной публикацией различных вариантов в печати. 17 апр. 1875 новый Кафедральный собор был торжественно заложен епископом Вениамином в присутствии ген.-губернатора Вост. Сибири барона Фредерикса, других чинов и жителей Иркутска.

В основу строительства был положен проект, составленный иркутским архитектором В. А. Кудельским. Сразу же, на первом этапе строительства, между епископом Вениамином и архитектором возникли разногласия, приведшие к отстранению Кудельского от наблюдения за строительством. Наблюдать за работами по возведению собора был приглашен инженер М. Н. Огонь-Догановский, который существенно изменил проект, предложив соединить храм с колокольней. В таком виде чертеж был отправлен в Синод, где апробация затянулась на шесть лет.

Несмотря на эти задержки, строительство собора уже шло полным ходом. Фундамент был заложен на глубину 5 саженей под пилонами и 3 сажени под стенами. Кирпич для стен изготавливали на специально приобретенном заводе, расположенном близ летней архиерейской дачи. Строительные работы велись безостановочно, за исключением зимнего периода. Летом они продолжались до 12 часов ночи. К июню 1879 стены собора были возведены на высоту второго яруса окон. Однако страшный пожар, уничтоживший половину города, приостановил строительство на шесть лет. Возобновилось оно в 1885. Руководить работами был приглашен инженер-архитектор барон Г. В. Розен, который представил свой проект восстановления храма.

Изменения, внесенные Розеном в первоначальный проект по нижней, уже возведенной части, касались фасадного декора. Верхняя же часть получила совершенно иные архитектурные формы. Изменены были не только очертания куполов, но и вся стилистика сооружения. Проект Г. В. Розена был выдержан в русско-византийском стиле и отличался более пышным декоративным убранством.

Новый Богородице-Казанский Кафедральный собор представлял собой пятиглавый крестово-купольный храм. Средние повышенные прясла завершались полукруглыми

закомарами, боковые – килевидными. Над нижним двухсветным ярусом размещался еще и аттиковый ярус, вместивший своды боковых приделов. Четыре малые главы, в виде ярусов звона, венчающие приделы, располагались по диагоналям планировочного креста. Гл. полусферический купол был установлен на двенадцатигранном световом барабане. В интерьере храм был открыт на всю высоту здания и освещался в основном верхним светом через проемы барабана.

Декоративная пластика фасадов была очень насыщенной. Ритм ее нарастал кверху – плоскости стен венчающей части были покрыты сплошным орнаментом со сложной профилировкой деталей: полуколонки, филенки, пояски, кокошники, сухарики, бегунец, кронштейны. Убранство фасадов разномасштабное: в нижней части – укрупненное, с подчеркнутой средней осью (унаследованное от классицизма), а в верхней части – дробное, монотонное, порожденное эклектикой.

В стороне от храма стояла колокольня, соединенная с главным объемом низкой длинной галереей. Строительство колокольни началось одновременно с храмом, по первоначальному замыслу она должна была стоять отдельно, возвышаясь над храмом. При возобновлении работ после пожара архитектор Г. В. Розен предложил разобрать колокольню (выстроенную к тому времени на 13-метровую в высоту) как несоответствующую его проекту, но встретил сопротивление церковных властей. Попытка придать объему колокольни облик, соответствующий стилю храма, не увенчалась успехом. Возведение колокольни с механистичным копированием отдельных форм храма и нарушением общего пропорционального строя, а также строительство галереи привели к нарушению равновесия и цельности композиции всего сооружения.

Иконостас гл. придела вырезал по рисункам Г. В. Розена молодой ирк. мастер Н. П. Попов. Им же были сделаны иконостасы боковых приделов, но уже по собственным рисункам. В восточной части подвального этажа была устроена усыпальница с приделом во имя Второго Страшного Пришествия Христова, освященным намного ранее других приделов, в 1880 году. В 1892 в усыпальнице с правой стороны был погребен архиепископ Иркутский Вениамин.

К возведению ограды вокруг собора приступили в 1892. Рисунки решеток и ворот были составлены местными мастерами. Изготовили их на Николаевском железоделательном заводе братьев Бутиных, находящемся в Братской волости. Сооружение Кафедрального Богородице-Казанского собора и его внутреннее устройство были закончены в 1894.

25 янв. 1894 состоялось освящение гл. придела во имя Казанской Божьей Матери. Освящение храма совершали два архиепископа в сослужении двух архимандритов, семнадцати священников и трех протодиаконов. В период с конца янв. до конца авг. 1894 архиепископом Тихоном последовательно были освящены остальные престолы нового Кафедрального собора. Всего в храме было шесть престолов: во имя Казанской иконы Божьей Матери, св. Николая Чудотворца, свв. Евфимия и Евфимии, свв. Тихона и Митрофана, свв. Иннокентия I Епископа Иркутского, преподобного Вениамина и Страшного Суда.

Ирк. Кафедральный собор был одним из крупнейших культовых сооружений России. Вмещал 5 000 молящихся, а его высота достигала 60 метров. Современники свидетельствовали, что собор был «четвертый провинциальный по величине и красоте внутри и снаружи».

После Октябрьской революции в условиях гонений и террора против церкви жизнь Кафедрального собора начала замирать. В 1919 было разрушено паровое отопление, и богослужения стали совершаться только в теплое время года. В 1920-е в ограде собора устроили спортивную площадку, на которой ежедневно молодежь играла в футбол. При этом была выбита значительная часть стекол, особенно пострадала усыпальница. В местных органах печати велась активная кампания за ликвидацию храма. В это время Кафедральный Казанский

собор содержала немногочисленная община верующих, которая на свои скудные средства пыталась исправлять наносимый храму ущерб. В 1930 на основании Постановления Президиума Ирк. окружного исполкома от 10 нояб. 1929, несмотря на ходатайства Епархиального Церковного Управления, собор был закрыт.

Попытка разобрать собор на строительный материал не увенчалась успехом. Тогда решено было его взорвать. Первый взрыв был произведен в авг. 1932 (потребовалось несколько взрывов, чтобы окончательно его обрушить). Бригады рабочих вручную разбирали обломки собора, сгружая их на вагонетки, которые увозили мусор по временным рельсам, устроенным на площади. После выравнивания Тихвинской площади от остатков собора уровень ее поднялся почти на метр.

Церковь Михаила Архангела (надвратная соборная), первая пол. XVIII в. (ул. Нижняя Набережная (ул. Набережная Ангары)). Над воротами ограды Богоявленского собора, выходившими на Ангару, в первой половине XVIII в. устроена деревянная Михаила Архангела церковь. В связи с сооружением в 1755 новой каменной ограды обветшавший Архангельский храм по распоряжению епископа Софрония упраздняется, и вместо него в 1758 строится над воротами архиерейского дома деревянная Георгиевская церковь.

Церковь Михаила Архангела (скитская), 1872–1876 (ул. Образцова, 1 (ст. Иннокентьевская)). В трех верстах к западу от Вознесенского мужского монастыря, на принадлежащих ему землях был основан скит для братии, стремящейся к уединенной жизни и соблюдению строгих постов. Здесь 3 мая 1872 были заложены деревянный храм и братские кельи. Освятили храм 27 июня 1876 во имя Михаила Архангела.

В 1898 возле самого скита была проложена ж. д. и на отчужденных от монастыря землях была основана большая станция Иннокентьевская (ныне Иркутск II). Тогда скит превратился в крупную монастырскую ферму, на территории которой находился скотный двор, маслобойный и кирпичный заводы.

В годы сов. власти при церкви была образована община верующих из горожан, и богослужения в храме продолжались до 1930-х. Михаило-Архангельскую церковь закрыли на основании постановления президиума Ирк. облисполкома в 1938. Здание передали под устройство клуба медработников. 23 мая 1944 Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР постановил вновь открыть церковь. Возвращена верующим 24 июля 1945. В 1948 с юж. и сев. сторон к храму были пристроены одноэтажные объемы и все здание обшито тесом.

Церковь по архитектуре более близка сельским постройкам, нежели городским. Ее скромный облик с четвериковым храмом и ярусной колокольней напоминает об образцовых проектах, рекомендованных для строительства в отдаленных епархиях. Возможно, один из таких проектов и был положен в ее основу. Храм завершен четырехскатной кровлей и увенчан одной главой на восьмигранном глухом двухъярусном барабане. Колокольня отличается массивностью и приземистыми пропорциями, подчеркнутыми горизонтальными членениями фасадов (карнизы, полицы, полочки, пояса).

Церковь Михаила Архангела (св. Харлампия), 1777–1790 (ул. 5-й Армии, 59 (ул. Троицкая)). Первую деревянную двухпрестольную церковь построил за свой счет в 1738 посадский человек Е. Югов. Нижний этаж освятил епископ Иркутский Иннокентий Нерунович 24 янв. 1739 во имя мученика Харлампия, верхний освятили 18 июня 1746 во имя Михаила Архангела.

В 1777 вместо деревянной закладывается новая церковь, уже каменная. Строительство шло на средства, собранные с прихожан, в том числе очень крупное пожертвование В. Балакшина, и сумму, оставшуюся от возведения деревянной церкви. В храме на нижнем этаже

размещался престол во имя Михаила Архангела (освящен 6 сент. 1782), верхний летний престол был посвящен Успению Божьей Матери (освящен 15 авг. 1790). В северном приделе нижний престол 23 авг. 1784 освятили во имя священномученика Харлампия, в верхнем этаже первоначально было два престола – во имя Жен Мироносиц (освящен 22 авг. 1787) и Иннокентия I епископа Иркутского (освящен в 1806), но последний в 1878 был упразднен. В 1850-е с западной стороны вместо сводчатого крылечка на столбах был устроен крупный двухэтажный притвор в стиле позднего классицизма; произведены были и др. ремонтные работы, после которых престолы верхнего этажа были переосвящены. В 1889–1890, по проекту ирк. архитектора В. А. Рассушина, вокруг церкви была сооружена ограда с каменными тумбами и ажурной кованой решеткой, выполненной на заводе братьев Бутиных.

Харлампиевская церковь оставалась действующей до 1931. Постановлением ВЦИК 10 марта 1932 церковь была закрыта, а в здании сначала было устроено общежитие, затем библиотека ИГУ. В 1995 Указом Президента РФ (№ 176 от 20 февр. 1995) церковь объявлена памятником культуры федерального значения и принята под гос. охрану. Сейчас здание возвращено Иркутской епархии.

Первоначальная композиция церкви складывалась из двух вертикальных объемов – храма и колокольни. Четверик храма с тремя ярусами окон возвышался над двухэтажной трапезной и алтарем и завершался малым световым восьмериком с барочной главкой. Ярусная колокольня из двух восьмериков на высоком четверике завершалась куполом со стройным шпилем. С северной стороны располагается двухэтажный придел. Декор фасадов позднебарочный. Над оконными проемами расположен рельефный орнамент. Рисунок его состоит из криволинейных элементов и силуэтом напоминает восточный головной убор. Иной характер имеют картуши первого этажа. Орнаментальная кладка выступает над фоном стены и обрамляется лекальным кирпичом.

Церковь Святителя Николая Чудотворца (с. Кузьмиха), 1819 (?) – 1822 (ул. Кузьмихинская). Появление церкви в селе Кузьмихинском (нынешний район поселка ГЭС в Иркутске) связано с романтической историей. В деревне в 1814 проживал на поселении богатый ярославский помещик А. Шубин, сосланный за порочащий честь офицера поступок. Здесь Шубин встретил и полюбил молодую красивую дочь простого казака, на которой женился. Вскоре прощенный, он вернулся в армию и восстановил свой офицерский чин. Выйдя в отставку, приехал в Иркутск и в 1819 подал в Ирк. духовную консисторию прошение разрешить ему, в месте его многолетнего страдания и искупления вины, построить каменную церковь, на что и получил благословенную грамоту. Несколькими годами ранее, в 1811, ирк. губернскому архитектору Я. А. Кругликову было поручено составление проекта на предполагаемую в селении церковь. Документы не дают ясного ответа, был ли он действительно автором построенного храма, но очевидно, что замысел храма-ротонды в провинции того времени мог принадлежать только профессиональному архитектору. Заложенная на пожертвования А. Шубина церковь вскоре была построена, и 8 декабря 1822 ее освятили во имя Николая Чудотворца. Кроме Николаевской церкви в селении были деревянный молитвенный дом, построенный в 1898, и часовня, возведенная в 1884.

В 1923 церковь передали в пользование обновленческой общины верующих. Еще в 1937 в ней проводились богослужения, но, вероятно, вскоре она была закрыта, так как в списках действующих церквей 1948 не значится. В 1970-е здание было снесено.

Кузьмихинская Николаевская церковь являлась своеобразной постройкой, в архитектуре которой формы классицизма получили местную трактовку. Церковь не имела аналогов в культовой архитектуре Иркутска как прежних, так и последующих столетий. Двухъярусная ротонда храма завершалась пологим коническим колпаком с малым восьме-

риком над ним. К ротонде примыкали малые двухъярусные четверики, в верхнем ярусе западных висели колокола. На южном фасаде (вероятно, и на северном) был портик перед входом, на западе – невысокое крылечко.

Церковь Святителя Николая Чудотворца и св. Иннокентия, Епископа Иркутского, 1858–1859 (ул. Профсоюзная, 45а (ул. Александровская)). Причиной строительства послужило прошение жителей Глазковского селения, ранее причисленных в приход Троицкой церкви, которая располагалась в центре города, за рекой. В осенний и весенний периоды при отсутствии переправы через Ангару прихожане были лишены возможности посещать храм и в связи с этим обратились в Ирк. духовную консисторию с просьбой разрешить построить собственную церковь. Архиепископ Иркутский Евсевий благословил строительство, но поставил два условия: во-первых, чтобы церковь была каменной, и, во-вторых, построена по проекту, утвержденному Ирк. Губернской строительной комиссией. Возможно, проект составил ирк. архитектор Бельневский (известно, что он участвовал в составлении сметы). Возводилась церковь на пожертвования ирк. купца Я. С. Малкова.

Церковь заложили 27 апр. 1857, а 20 сент. 1859 освятили во имя Николая Чудотворца и Иннокентия епископа Иркутского. Но небольшой однопрестольный храм оказался мал для довольно обширного селения, и спустя 4 года, 16 июня 1863, с северной стороны церкви пристраивается Успенский придел, освященный 28 апр. 1866. Средства на возведение придела пожертвовал «тамошний житель» И. С. Могилев, им же были поставлены позолоченный резной иконостас и новая утварь.

Церковь закрыли Постановлением ВСКИК от 29 марта 1934. После значительных перестроек здание передали в ведомство ирк. киносети и устроили в нем кинотеатр «Заря». В наст. время состояние храма аварийное, предполагается проведение реставрационных работ. В 1990 решением Ирк. облисполкома (№ 73 от 22 февр. 1990) церковь объявлена памятником местного значения.

Николо-Иннокентьевская церковь была последней каменной церковью Иркутска, построенной в стиле классицизма. Компактность ее плана, лаконичное объемное построение и скромный декор свидетельствуют о новом рационалистическом подходе, не свойственном культовой архитектуре города, но получившем в дальнейшем широкое распространение в архитектуре сельских храмов. Основа композиции – сочетание приземистого четверикового храма под двускатной кровлей (под одной небольшой главой) и четвериковой ярусной колокольни, увенчанной колпаком. Простому объему здания соответствует также и лаконичный декор фасадов: лопатки с прямоугольными филенками, подоконные ширинки, рамочные наличники.

Церковь Святителя Николая Чудотворца (нагорная), 1910 (ул. Омулевская, 33а (ул. Омулевского)). Николаевскую (нагорную) церковь заложили 21 февр. 1910 как церковь-школу, и 30 июля того же года киренский епископ Евсевий освятил ее во имя Николая Чудотворца. Возвели ее на средства церковного старосты кафедрального собора Ф. Ф. Кузнецова. В дальнейшем здание использовалось только как церковь.

Вероятно, из-за неброского внешнего вида церковь в советский период просуществовала довольно долго и была закрыта одной из последних в Иркутске Постановлением горисполкома от 4 июня 1940. После перестройки в церковном здании устроили кинотеатр «Экран». В 1999 здание сгорело, уцелевшая после пожара часть была разобрана.

Небольшой храм (всего в три окна) дополняли более низкие прирубы алтаря и притвора. Перед западным входом было широкое, как веранда, крыльцо. Несложный силуэт с двухскатной кровлей напоминал простой жилой дом, и лишь ярусная колокольня с низким глухим шатром и главка над алтарем выделяли его из рядовых строений улицы.

Церковь свв. Апостолов Петра и Павла, 1910, 1918–1920 (ул. Гоголя, 42 (ул. Гоголевская)). Первоначально деревянная Петропавловская церковь была построена в 1910 на территории военных лагерей в д. Михалево. В 1918 церковь перевезли с разрешения ликвидационной комиссии большевиков в Иркутск. Место под строительство определили в Глазковском предместье и 11 июня того же года освятили его. Борьба за власть, происходившая в городе в эти дни, приостановила строительство храма. В июле 1918 были захвачены чехословацкие войска, а 6 октября в Глазково заложили Петропавловский храм, посвятив его памяти чехословацких войск и войск Сиб. Временного правительства, погибших за освобождение Сибири. Таким образом, бывшая лагерная церковь получила своеобразное второе рождение, апробированное как советской властью, так и властью белочехов. Освятили ее 5 июля 1920 во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла.

Закрыли на основании постановления ВСКИК от 17 нояб. 1929, в здании разместили сначала пионерский клуб, затем склад. В 1990-е церковь передали в Ирк. епархию. В 1995 здание было демонтировано для реставрации, но проект не был реализован, так как пожар уничтожил все разобранные конструкции.

Это редкий образец стилизаторского модерна, не характерного для культовой архитектуры Иркутской губернии. Первоначальная объемная композиция здания сочетает одноэтажный монументальный храм и вертикаль ярусной колокольни. Объем храма составляет структурное целое, с рукавами планировочного креста, объединенное многоскатной кровлей с полувальмами. Храм венчала одна приземистая граненая глава на восьмигранном трибуне, меньшая главка завершала алтарь. Колокольня типа восьмерик на четверике имела шатровое покрытие с вычурным банным завершением, напоминающим украинские храмы.

Приемы модерна в объемной композиции соседствуют с мотивами древнерусской архитектуры. Петропавловская церковь отличается крупномасштабностью объемов и элементов декора. Выразительная пластика открытого бревенчатого сруба, при отсутствии декора, подчеркнута разнообразной формой и размерами оконных и дверных проемов.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (старообрядческая), 1907 (ул. Байкальская (ул. Русиновская)). Деревянная однопрестольная церковь Покровской старообрядческой общины была сооружена на средства супругов И. Е. и Т. М. Тюлькиных на месте, приобретенном ими же по Русиновской улице (ныне ул. Байкальская). Чин освящения совершил 15 мая старообрядческий епископ Иосафат, прибывший из Томска.

Покровская церковь была одноэтажной и напоминала простой городской дом. Ее невысокий объем, вытянутый по оси восток–запад, завершала двускатная металлическая кровля. Основная глава была сдвинута на восточный конец конька. Над алтарной частью и над папертью были установлены еще две главки, с западной стороны в уровне кровли – небольшая звонница. Предполагалось возвести колокольню. Ее проект составил архитектор В. И. Коляновский, но о реализации неизвестно.

Закрыли церковь на основании Постановления ВСКИК от 23 сент. 1935. В 1960-е здание снесли.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы и Сретения Господня, начало XIX в., 1824–1828 (ул. Рабочего Штаба, 29 (ул. Покровская). Перестроена из каменного жилого дома, подаренного ирк. купцом Е. Лычаговым (дом, вероятно, построен в начале XIX в.). 8 июля 1824 начались работы по переоборудованию дома. К нему с восточной стороны была пристроена апсида, а с западной паперть и колокольня. Указанные объемы сооружались по проекту, составленному городским архитектором. В 1826 1 окт. освящается главный храм во имя Сретения Господня и придел во имя Покрова Божьей Матери, а 1 мая 1828 – придел под колокольней во имя священномученика

Ермолая. Храм посвящен двум престольным праздникам, оба престола (Сретения и Покрова) располагались в едином объеме, без какого-либо дополнительного разделения как в интерьере, так и во внешнем облике постройки.

Церковь закрыли на основании постановления ВСКИК от 21 апр. 1934. Здание передали автобазе под клуб. Сейчас оно находится в аварийном состоянии и используется под слесарные мастерские авторемонтного завода. В 1990 решением Ирк. облисполкома (№ 73 от 22 февр. 1990) объявлено памятником местного значения.

Церковь имела оригинальное объемно-планировочное решение – доминантой композиции был не храм, а чрезвычайно массивная ярусная колокольня. Очень широкий восьмерик с арками звона высился на двухэтажном четверике, подавляя здание храма. Колокольню венчал крупный граненый купол барочных очертаний, состоящий из чередующихся ярусов выгнутых и вогнутых поверхностей. Храм с двумя приделами размещен в низком одноэтажном удлиненном объеме, над которым установлен небольшой четверик с грушевидным барочным куполом и главкой.

В фасадах преобладали формы провинциального классицизма с отзвуками барокко. С юга и севера к четверику примыкают тосканские портики. Особенность этой постройки – стены ее возведены не только из кирпича, но частично из дерева. Деревянные стены имеют двухэтажную паперть и апсиду придела св. Ермолая, причем они оштукатурены и побелены под камень.

Ранее под церковью был обширный подвал с печью (сейчас засыпан). При пробивке новых окон в стенах апсиды и храма первого этажа были обнаружены узкие, прокопченные сажей колодцы. Возможно, церковь обогревалась теплым воздухом, шедшим от калорифера по этим каналам. По словам старожилов, верхний этаж церкви (придел св. Ермолая) ранее украшали росписи. В наст. время в храме идет реставрация, одновременно проводятся службы.

Церковь Преображения Господня, 1795–1811 (ул. Волконского, 1 (ул. Преображенская)). Инициатором возведения каменной Преображенской церкви для мастеровых кузнецов выступил ирк. купец С. Я. Игнатьев, вложивший в строительство 6 000 руб. Кроме него средства на возведение храма пожертвовали купец И. Н. Сухих и другие благотворители, а кузнецы обязались выполнить все железные работы из своего материала.

Заложили церковь в 1795. Строительство велось довольно быстро, и 10 авг. 1798 епископ Иркутский Вениамин освятил теплый Ильинский придел. Другой боковой теплый придел был освящен в 1802 во имя Архидиакона Стефана. Устройство гл. холодного храма во имя Преображения Господня затянулось, и он был освящен лишь 6 авг. 1811. Предполагается, что проект церкви был выполнен известным ирк. архитектором А. И. Лосевым. В 1848–1849 вокруг церкви на средства купца Е. А. Кузнецова была возведена каменная ограда с чугунными решетками, а также заменена деревянная крыша на металлическую. В 1860 в храме был установлен новый иконостас. С восточной стороны храма напротив алтаря был захоронен Е. А. Кузнецов, на чьи средства были построены Кафедральный Казанский собор, гражд. больница, женское духовное училище и др. здания в Иркутске.

В период 1932–1940 Преображенская церковь была главным храмом Ирк. епархии. Храм закрыли на основании постановления исполкома Ирк. горсовета от 4 сен. 1940. С 1940 по 1973 здесь размещался отдел Окт. революции Гос. архива Ирк. области, с 1973 – хранилище научной библиотеки ИГУ. В 1970-е в Иркутске территория историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске», куда входит Преображенская церковь, была объявлена заповедной. В 1976 церковь постановлением СМ РФ (№ 495 от 7 сент. 1976) принята под гос. охрану как памятник архитектуры федерального значения. В 1980-е по проекту архитектора Е. Ю. Барановского проведены наружные реставрационные работы.

Композиционная схема варьирует барочную систему ярусного храма – четырехчастного в плане, с двумя ярусами восьмериков на четверике (широким нижним и малым венчающим на куполе). Обширная трапезная, включившая в себя приделы, соединяет храм и высокую трехъярусную колокольню под стройным шпилем. Оригинальная особенность интерьера – связь между трапезной и храмом через раструб, расширяющийся в сторону храма и перекрытый коробовым сводом. Этот прием позволил обособить алтари приделов в объеме трапезной.

В очень скромном фасадном декоре барочные мотивы сочетаются с элементами классицизма. Плоские рамочные наличники полуциркульных окон имеют криволинейные очертания. Поверхности стен оставлены гладкими. Прежде они были окрашены и контрастировали с белыми пилястрами и наличниками. В целом постройка знаменует угасание барокко и переход к новому стилю.

Церковь свв. Прокопия и Иоанна, Устюжских Чудотворцев, 1740-е – 1767 (ул. Боград (ул. Чудотворская)). Церковная летопись повествует, что первоначально деревянная церковь была построена в 1703 выходцами из Великого Устюга, принесшими с собой в Иркутск икону Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев, давшую название самому храму. Каменная церковь была заложена в 1740-е (прошение на постройку поступило в 1741) на средства молодого ирк. купца М. И. Глазунова, также выходца из Великого Устюга. В авг. 1748 деревянная церковь сгорела, а так как строительство новой не было еще окончено, то 10 нояб. того же года (по др. данным, 1749) освятили только один престол во имя Сретения Господня, расположенный в северном приделе. Впоследствии этот престол был перенесен в нижний этаж гл. храма и повторно освящен в 1779 (1845, 1890). Гл. престол во имя Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев был освящен 25 авг. (возможно, 5 авг.) 1767 г., вторично 7 окт. 1845. В северном приделе размещалось еще два престола – верхний во имя Параскевы Пятницы (27 нояб. 1754, 16 июня 1846, 1890) и внизу во имя Иннокентия I Епископа Иркутского (1809, 1844). Под колокольней был расположен пятый престол во имя Архистратига Михаила, освященный 17 июня 1765 и позже 23 авг. 1881.

Строительство Чудотворской церкви начало серию своеобразных храмов сиб. барокко в Иркутске. Постройка обладала характерными стилистическими чертами, которые позднее стали доминирующими в культовом зодчестве Иркутска и определили самобытность местной школы. Эта церковь была если не прямым, то близким аналогом многих каменных храмов XVIII – начала XIX в. в Ирк. епархии. Объемно-пространственная композиция с храмом типа малый восьмерик на четверике, соединенным более низкой трапезной с ярусной колокольней под шпилем, стала в дальнейшем традиционной. В декоративном убранстве ощутимо стремление к усложнению фасадной пластики. Здесь впервые встречаются заглубленные панно различной геометрич. формы, ставшие затем как бы эмблемой сиб. барокко.

В фасадах преобладали горизонт. членения. Развитые горизонт. тяги с составными кронштейнами были дополнительно усилены широким рельефным поясом усложненного рисунка. Крупные окна были обрамлены перспективными наличниками.

В традициях древнерус. зодчества Чудотворская церковь была построена на высоком каменном подклете, который предназначался для складов. Но уже в ходе строительства была произведена некоторая перепланировка, и в нижнем подклетном этаже устроили невысокий храм. Это несоответствие использования подклета первоначальному замыслу сказалось в облике здания – нижний храм не имеет оконных проемов и отличается скупым декоративным убранством.

В 1879 церковь сильно пострадала во время пожара. В ее восстановлении принял активное участие священник Г. А. Шергин,

собравший необходимые средства на исправления. Кроме того, им составлены проект фасада и план возобновления храма, которые были утверждены губернским архитектором. В результате церковь приобрела новые формы венчающих частей, характерные для периода эклектики. Обновленную церковь украсили иконы, выполненные московским мастером живописных работ Епанешниковым на средства братьев Александра и Константина Шушаковых.

Церковь закрыли в 1930-е. С 1925 она состояла на учете как памятник архитектуры и охранялась государством, что было подтверждено постановлением СНК РСФСР, и все же здание вскоре снесли. Сейчас на месте, где стояла церковь, расположен трехэтажный жилой дом.

Церковь Спаса Нерукотворного Образа, 1706–1710 (ул. Сухэ-Батора, 2 (ул. Спасо-Лютеранская)). Это был первый храм, построенный в Ирк. остроге. Относительно даты строительства деревянной Спасской церкви в литературе и документах приводятся разноречивые сведения. Наиболее раннюю датировку дает профессор И. Покровский, утверждавший, что первая церковь была построена при преосвященном Симеоне, митрополите Тобольском (управлял с 1651 по 1664). Согласно же грамоте соборного причта, возвели храм в 1670 по благословению митрополита Корнилия. Ирк. летописи и клировые ведомости единодушно относят основание деревянной Спасской церкви к 1672. Наиболее вероятным представляется заложение церкви в 1670 и освящение в 1672. Предполагается, что более ранняя датировка относится к часовне острога, которая предшествовала храму. Такая часовня была устроена над Спасской проезжей башней Ирк. острога. Возведена была, возможно, одновременно с острогом в 1661, поскольку основатель его Я. Похабов писал летом 1661: «государев новый острог служилыми людьми ставлю и башни и потолок срублены». В 1670 острог был перестроен под руководством Андрея Барнешлева. Надвратная часовня, расположенная со стороны Ангары над проезжей башней, имела два придела с внутренней и наружной стороны острога – Спасский и Знаменский – и, вероятно, была устроена по принципу «часовни на свесе».

Деревянная Спасская церковь располагалась в центре Ирк. острога. Была она двухэтажная с двумя приделами: вверху – холодным в честь Нерукотворного Образа Христа, внизу – теплым в честь Святого Николая. Церковь именовалась соборной. При ней была деревянная шатровая колокольня, построенная чуть позже – вероятно, в 1680-е. В 1716 3 авг. деревянная Спасская церковь сгорела.

В 1706 в южной стене острога усердием Ирк. воеводы А. С. Синявина с участием граждан города заложили каменную Спасскую церковь. Строителем церкви был мастер Моисей Иванович Долгих, московский каменщик, работавший до приезда в Иркутск на строительстве Тобольского Софийского собора и в Верхотурье. Первоначально это была небольшая, в два этажа, бесстолпная церковь с более низкой трапезной. На месте существующей сейчас колокольни находилась паперть с гульбищем, которая огибала церковь с южной и северной сторон. Главный престол, расположенный во втором этаже, освятили 1 авг. 1710 во имя Спаса Нерукотворного Образа по благословению епископа Варлаама, первого ирк. викария. Второй престол разместили в нижнем этаже, первоначально предназначенном для кладовой «мягкой рухляди» (пушнины) и денежной казны, и освятили 3 дек. 1717 (по другим сведениям, 2 сент. 1713) во имя Николая Чудотворца. Колокола висели на деревянной острожной Сергиевской проезжей башне, расположенной с вост. стороны. В 1758–1762 с западной стороны к церкви пристроили крупную ярусную колокольню. Под ней в паперти верхнего этажа устроили придел во имя св. Димитрия Ростовского Чудотворца, освященный в 1769 (упразднен в 1861), и в паперти нижнего этажа придел св. Петра Александрийского и Климента, папы

Римского (упразднен 1835). В 1777 с северной стороны к церкви пристраивается двухэтажный каменный придел, нижний его этаж был освящен 21 ноября 1778 во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, верхний – 14 июля 1784 во имя Абалакской иконы Божьей Матери (при реставрации северный придел разобран).

До 1739 Спасская церковь именовалась соборной, затем ее причислили к приходским храмам и выделили приход в 200 дворов, к концу XIX в. приход сократился до 68 дворов.

С 1925 церковное здание состояло на учете Сектора науки Наркомпроса. В 1931 церковь закрыли. В течение 30 лет в здании размещались различные организации, последней были ремонтные мастерские. В 1948 постановлением СМ РСФСР Спасская церковь объявлена памятником архитектуры и принята на гос. охрану, в 1960 – подтверждающее постановление (№ 1327 от 30 авг. 1960). В 1968–1981 по проекту архитектора Г. Оранской проведена реставрация. С 1983 в церкви располагается выставочный зал краеведческого музея.

Одноглавый бесстолпный храм построен в формах, широко распространенных на Руси в последней четверти XVII в. Главный объем – высокий двухэтажный с тремя рядами окон четверик, перекрытый сомкнутым сводом и завершенный небольшой главой. В одну ширину с храмом устроены более низкие трапезная и алтарь. По рисунку начала XIX в. видно, что церковь имела на уровне второго этажа деревянную галерею, которая примыкала с юга к храму, трапезной, колокольне и переходила на западный фасад. Разобрали галерею в 1861. Более поздний объем массивной ярусной колокольни принадлежит барокко и отличается от храма масштабностью, пропорциями и фасадным декором.

Фасады храмового объема выполнены в древнерус. традициях. Основное внимание уделено наличникам со скульптурной пластикой рельефа. Углы четверика подчеркнуты широкими лопатками, верх стен украшен кокошниками. Междуэтажный пояс и подкарнизные тяги подчеркнуты бегунцом. В фасадах колокольни применены заглубленные панно, характерные для сиб. барокко, многоступенчатые наличники, рустованные лопатки. Восточная внешняя стена церкви в нач. XIX в. была украшена живописью, включавшей три многофигурные композиции. Их сюжеты были навеяны историей Иркутска.

Церковь Тихвинской иконы Божьей Матери, 1754–1766 (пл. Кирова (пл. Тихвинская)). Первая деревянная Тихвинская церковь была построена в 1706 за пределами Ирк. острога, примерно в 250 саженях от его южной стены. Освятил ее во имя образа Тихвинской Божьей Матери 13 апр. 1708 ирк. викарий Варлаам. В 1746 к храму был пристроен придел во имя Ильи Пророка.

Строительство новой каменной Тихвинской церкви началось в 1754 – 2 июня она была заложена, 5-го начали копать рвы, а 12-го епископ Иркутский Софроний заложил в основание храма первый камень. Церковь строилась на средства ирк. купца И. С. Бечевина. В 1759 12 окт. был освящен нижний этаж храма с престолом во имя Тихвинской Божьей Матери. Престол во имя Воскресения Господня, расположенный во втором этаже, освятил преосвященный Софроний 1 сент. 1766. Одновременно с главным храмом был возведен и северный придел, в котором разместились престолы в честь Ильи Пророка (освящен 17 июня 1763) и Иоанна Богослова (2 июня 1773). В 1845–1847 после текущих ремонтов все престолы были освящены заново. Во время большого пожара 1879 церковь обгорела, но при восстановлении ее первоначальные формы были сохранены. Только с западной стороны в 1885 на месте лестницы под односкатной кровлей был построен обширный притвор с шатровым верхом. Иркутская летопись сообщала, что в XIX в. Тихвинская церковь была одной из самых богатых в городе.

С первых дней сов. власти церковное здание было признано памятником архитектуры (постановление Ирк. губисполкома от 1925).

Однако постановлением ВСКИК от 26 мая 1932 церковь закрыли и вскоре снесли.

Церковь по стилю была характерна для сиб. барокко середины XVIII в. В композиции господствовал массивный храм с широким восьмериком на трехсветном четверике, завершенный барочным выгнутым куполом с малым световым восьмериком. На восток выступал двухэтажный пятигранный алтарь. Двухэтажная трапезная, одной ширины с храмом, заканчивалась притвором, над которым возвышалась ярусная восьмериковая колокольня, увенчанная шпилем. К ней примыкал более поздний притвор с шатровой башенкой над входом. Северный придел завершался небольшим восьмериком с главкой.

В архитектуре фасадов переплетались формы древнерусского зодчества и барочные элементы. Каждый ярус окон имел свой характер обрамления, но мотив перспективных рамочных наличников объединял их. В декоре применялись и элементы ордерной системы, что отличало памятник от других построек сиб. барокко. Характерный же для этого стиля геометрический орнамент располагался на филенках колокольни.

В интерьере Воскресенского придела были устроены хоры. На них вела лестница в толще стены. Храм был расписан.

Церковь Пресвятой Троицы, 1750-е – 1778 (ул. 5-й Армии, 8 (ул. Троицкая)). В 1718–1721 на берегу Ангары, на «Медведевом возвышении», в местности, которая называлась Потеряихой, на средства П. Медведева была построена деревянная Троицкая церковь (освящена 24 янв. 1721, по другим сведениям, 10 июня того же года) с приделом свв. Апостолов Петра и Павла (освящен 16 янв. 1721).

Точная дата начала строительства каменной церкви вместо деревянной не установлена, вероятно, она была заложена в период с 1754 по 1759 (нижний предел установлен датой прибытия в Иркутск епископа Софрония, верхний – возможностью проведения строительных работ, так как, по свидетельству Н. С. Романова, к 1761 большая часть здания уже была возведена). Правый теплый придел был освящен 5 мая 1763 во имя Рождества Богородицы, левый – 26 июля 1775 во имя свв. Апостолов Петра и Павла. Строительство гл. храма во имя Святой Троицы задержалось из-за аварии: обвалился свод. Освятили храм 22 сент. 1778. В интерьере стены церкви были расписаны (росписи частично сохранились).

Троицкая церковь сохранилась до наших дней без существенных утрат внешнего облика. С первых лет сов. власти она была поставлена на учет Сектором науки как памятник архитектуры первой категории (постановление Ирк. губисполкома от 1925). В 1931 в здании устроили рабочее общежитие. В ответ на ходатайство православной общины Совет Министров СССР от 10 авг. 1948 постановил это церковное здание вернуть верующим. В период с 1948 по 1949 храм был отремонтирован и подготовлен к установке иконостаса, но решением исполкома обл. совета от 28 сент. 1949 в церковном здании устроили планетарий. В 1960 постановлением СМ РФ (№ 1327) церковь объявлена памятником федерального значения. В наст. время Троицкая церковь отреставрирована и возвращена Ирк. епархии.

Это яркое архитектурное произведение сиб. барокко. Церковь Троицы обладает своеобразным объемно-пространственным построением, в котором прослеживается связь с деревянными ярусными древнерус. храмами. Над двухсветным четвериком храма возвышается массивный двухъярусный восьмерик, завершенный куполом. Ярусная колокольня, незначительно превышающая по высоте храм, вместе с приделами и алтарем композиционно подчинена храму. Памятник отличается оригинальным декоративным убранством, в котором проявилась характерная черта сиб. барокко – синтез различных архитектурных течений. Например, оформление наличников одновременно вобрало в себя традиции древнерус. архитектуры и барокко, а также местные приемы устройства окон в перспективных нишах. Четко прорисованные карнизы с про-

филированными сухариками, лопатки с заглубленными панно различных геометрич. форм – все это характерно для декоративного убранства сиб. барокко.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1835–1847 (пл. Декабристов (пл.Успенская)). Место под строительство каменной Успенской церкви было отведено на окраине второй части Иркутска и освидетельствовано архитектором А. В. Васильевым. 25 мая 1835 здесь начали копать рвы под фундаменты, а на следующий год, 25 апр. 1836, епископ Иркутский Иннокентий (Александров) положил в основание стен первый кирпич. Церковь строилась на пожертвования почетного гражданина Иркутска 1-й гильдии купца П. Ф. Медведникова и его сына А. П. Медведникова. Предполагается, что проект церкви был составлен ирк. архитектором А. В. Васильевым. Строил ее мастер П. С. Ивельский. 2 февр. 1846, в присутствии сенатора И. Н. Толстого и гражд. губернатора А. В. Пятницкого, были освящены два теплых придела: первый – во имя св. Николая Чудотворца, второй – во имя Рождества Христова. В один день 21 сент. 1847 были освящены три холодных придела: главный во имя Успения Божьей Матери и боковые во имя Вознесения Господня и во имя великомученика Прокопия.

Успенскую церковь закрыли в 1930, а через год ее взорвали. В наст. время на месте храма разбит сквер.

Церковь была построена в формах зрелого классицизма и выделялась среди провинциальных построек профессионализмом. Массивное четвериковое основание храма завершалось широким световым круглым барабаном, несущим сферический купол. Над углами четверика располагались еще четыре небольших главки. Колокольня была увенчана шпилем и имела ярусы различной формы: четвериковый в основании, восьмериковый в средней части и стройный цилиндрический с аттиком в завершении. Непосредственно под куполом находился круглый низкий ярус резонатора. Фасадам церкви присуща строгая торжественность классицизма. Целостному восприятию здания способствовали развитые горизонтальные членения в виде аттиковых поясов, завершающих все ярусы колокольни и храма. Единственным украшением гладких стен основания были надоконные цилиндрические ниши. Общие размеры постройки были следующие: длина – 24 сажени, ширина – 14 саж., высота храма с куполом – 16 саж., высота колокольни – 24 сажени.

Помимо приходских церквей, в Иркутске существовали и воинские церкви, располагавшиеся на территориях, принадлежавших военному ведомству. Эти церкви не являлись приходскими. Обслуживали духовные нужды военных.

Церковь св. Благоверного Князя Александра Невского, 1877 (ул. Казарминская (ул. Красного Восстания)). В 1802–1804 и в 1820-е в приходе Крестовоздвиженской церкви, с западной стороны от нее, к реке Ангаре, возводятся каменные военные казармы. Вскоре почти вся территория до реки была занята военным ведомством. При ген.-губернаторе Н. П. Синельникове (1871–1874) вдоль ул. Казарминской (Красного Восстания) на средства, пожертвованные купцами Я. А. Немчиновым и А. Ф. Дудаевым, была заложена деревянная на каменном фундаменте церковь с колокольней для Ирк. резервного батальона. 30 авг. 1877 епископ Иркутский Вениамин освятил ее во имя св. благоверного Князя Александра Невского.

В наст. время на месте церкви стоят деревянный двухэтажный жилой дом по ул. Красного Восстания, 9б и каменный четырехэтажный по ул. Красного Восстания, 5.

Церковь во имя свв. благоверных князей Бориса и Глеба, 1916 (Свердловский район (Глазковское предместье)). Борисо-Глебская церковь была возведена в Глазковском предместье для 9-го Сиб. стрелкового полка. «Особое радение в ее устройстве» проявил командир полка полковник Т. Ф. Пуцилло.

Церковь была перестроена из простого казарменного барака. Освятили ее 30 окт. 1916. До наших дней не сохранилась.

Церковь Святителя Николая Чудотворца 28-го Сибирского стрелкового полка, 1910 (ул. Красноярская). Заложена архиепископом Иркутским Тихоном 22 марта 1910 года на Архиерейской горе, вблизи полковых казарм – в память воинов полка, погибших в Порт-Артуре. Главным инициатором создания храма был священник П. Крахмалев. Строил ее архитектор Ф. Ф. Коштял по собственному проекту, утвержденному местными духовными и военными властями. Освятил ее 19 дек. того же года архиепископ Тихон в присутствии командующего войсками Ирк. военного округа ген. Брилевича, ген.-губернатора Князева и других высоких должностных лиц. Год спустя, после завершения внутренней отделки, храм был вторично освящен 20 окт. 1911.

Церковь представляла собой довольно крупное деревянное сооружение длиною 20 саж., шириною 8 саж., высотою 11 саж. (по другим сведениям, соответственно 19, 6–8 и 13 саженей). Вмещала она около 1 000 человек одновременно.

Церковь была построена в формах, характерных для периода эклектики, и соединяла в своей архитектуре различные стилевые направления, с преобладанием влияния древнерус. архитектуры. Она обладала оригинальной симметричной композицией, напоминающей храмы, построенные «кораблем», но не в традиционном варианте, а с выраженным средокрестием. На флангах протяженного храма с одной стороны высилась стройная шатровая колокольня, а с другой – массивная главка апсиды. Двухъярусное ядро храма завершалось вальмовой кровлей со щипцами по южному и северному фасадам. Несмотря на отсутствие глав, храмовому ядру удалось сохранить свое господствующее положение благодаря выразительной пластике и щипцам над входами.

В фасадах вертикальный ритм бревенчатых стен приглушен укрупненными пилястрами. Стены прорезаны оконными проемами различной формы и размеров: крупные арочные в нижнем ярусе и небольшие круглые в верхнем. Окна второго света имеют переплеты в форме георгиевского креста.

В интерьере цилиндрический свод покоился на четырех крупных колоннах. На стенах размещалось 20 досок с именами воинов полка, погибших во время осады японцами Порт-Артура. Престол и жертвенник, насчитывавшие тогда более 100 лет, были подарены храму от Иркутского мужского Вознесенского монастыря. Белый одноярусный иконостас с легкой позолоченной резьбой был украшен иконами, написанными художниками-офицерами с картин и рисунков В. М. Васнецова. В церковном здании также размещались служебные помещения с отдельными входами (библиотека, аптека и др.).

До наших дней церковь не сохранилась.

Церковь Преображения Господня (лагерная), 1887 (1890?) (ул. Дорожная (в 4 верстах от Иркутска)). Преображенская церковь, приписная к Александро-Невской батальонной церкви, была построена в 1887 (по др. сведениям, в 1890) на средства, собранные ген.-губернатором Д. Г. Анучиным. Располагалась она в четырех верстах от Иркутска, вверх по р. Ушаковке, на территории батальонных лагерей. На летнее, лагерное время снабжалась иконами и утварью из городской Александро-Невской церкви.

Церковь обладала редким для Иркутска объемным построением «храма под колокольцы». Центричная ярусная постройка завершалась шатром, который был увенчан граненой маковичной главкой. Своеобразием отличались крутые крещатые щипцовые кровли большого выноса, устроенные над четвериком основания. Храм окружала открытая галерея на фигурных столбиках. С западной стороны (вероятно, в начале XX в.) была пристроена обширная открытая паперть, значительно превосходящая по площади сам храм.

Деревянная церковь представляла собой образец «ропетовского» направления русско-

го стиля, характерного для конца XIX в. Постройка обладала откровенной декоративностью, обилием и красочностью орнаментики. В оформлении поверхностей стен, а также кровель, использовался принцип ковровости с многократными повторами и вариантами несложных узоров.

До наших дней не сохранилась.

Церковь Преображения Господня (в казармах) 28-го Сиб. стрелкового полка, 1906; 1911 (место расположения не установлено). Была устроена в 1906 в деревянном здании казармы. В 1911, при переходе полка на новую стоянку, была перенесена и церковь – в такое же казарменное без колокольни здание, вмещавшее до 250 человек. Церковь имела один престол во имя Преображения Господня. Не сохранилась.

Церковь Скорбященской иконы Божьей Матери при дисциплинарной роте,1884 (ул. 1-я Казачья (ул. Красноказачья)). Первая церковь при Ирк. военно-исправительной (дисциплинарной) роте была устроена в 1876–1877 в деревянном учебном здании в помещении классной комнаты и столовой с закрытой ширмою алтарем. Иконостас для нее был передан епископом Вениамином из домовой церкви. Иконы были написаны арестантами. В 1883 здание с церковью сгорело.

В 1884 Инженерное управление Ирк. военного округа построило вместо сгоревшей новую Скорбященскую церковь – деревянную на каменном фундаменте. Стояла она отдельно от корпусов во дворе роты и имела колокольню. Престол был один – во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радости». До наших дней не сохранилась.

ЧАСОВНИ – небольшие культовые сооружения без алтаря. В Иркутске были как отдельно стоящие городские часовни, так и часовни на территории монастырей, кладбищ и ряда заведений.

Часовня св. благоверного князя Александра Невского при Иркутской конной казачьей сотне, 1893 (ул. 1-я Казачья (ул. Красноказачья)). Каменная часовня на территории Ирк. конной казачьей сотни была сооружена по инициативе командира сотни М. Ф. Коршунова (при поддержке ирк. казаков) в память спасения императора Александра III и его семьи при крушении царского поезда у станции Борки в 1888. Средства на часовню были собраны также среди казачества. Проект часовни с иконостасом был составлен гражд. инженером Н. С. Пухловым. Освящение состоялось в день праздника казачьей сотни 23 апр. 1893. На церемонии присутствовали ирк. губернатор К. Н. Светлицкий, гор. голова В. П. Сукачев, временно командующий войсками Ирк. округа С. А. Шкуринский и другие. В 1905 в часовню была перенесена из Илимской Казанской церкви древняя святыня казаков – хоругвь с изображением Спаса Нерукотворного Образа (на одной стороне) и Знамения Пресвятой Богородицы (на другой). Хоругвь была вышита золотом и серебром на шелковой материи. Часовня входила в приход городской Успенской церкви.

Была сложена из камня и кирпича в русском стиле. Кубический объем завершался четырехгранным колпаком с позолоченной главкой. Нарядный многоступенчатый пояс из городков, поребриков и кокошников завершал стены основания, углы которого были акцентированы опоясанными колонками. Высота часовни была более 7 сажень. Одноярусный иконостас с витыми резными колоннами был выполнен из полированного дуба. Часовню разобрали в 1928.

Часовня Иверской иконы Божией Матери, 1891 (Ивановская площадь (площадь Труда)). Была сооружена на средства ирк. купца А. М. Сибирякова. Проект составил архитектор В. А. Кудельский. Заложил ее 1 сент. 1891 архиепископ Иркутский Вениамин. Часовня была приписана к приходу Благовещенской церкви. Согласно желанию строителя, молебен в часовне проводился еженедельно. Разобрали ее в 1931.

Небольшая каменная часовня в основе плана была восьмиугольной. Объем ее раз-

делялся на ярусы и завершался полусферой над аттиком. Венчал ее крупный крест и фигура ангела. В целом архитектуру ее отличали массивность и укрупненный характер деталей в русско-византийском стиле. Боковые грани были украшены стилизованными приземистыми колоннами с кубоватыми капителями в пятах килевидных архивольтов. В декоре внешних стен использовались ниши, зубцы, кресты.

Часовня св. Иннокентия, Епископа Иркутского, 1868–1877 (ул. Тихвинская (ул. Сухэ-Батора)). Была построена на месте небольшого деревянного дома Елизова, в котором останавливался с декабря 1728 по 1731 Иннокентий (Кульчицкий), первый епископ Иркутский, во время приездов в город из Вознесенского монастыря. В 1804 святитель Иннокентий был причислен Русской православной церковью к лику святых, а в 1860-е на памятном месте его проживания решено было установить часовню. Чин заложения часовни 17 сент. 1868 совершил архиепископ Иркутский Парфений. Строительство завершилось лишь к началу 1877, и 16 янв. епископ Вениамин освятил часовню во имя св. Иннокентия, Епископа Иркутского.

Архитектурное решение часовни было характерно для начального периода эклектики – приемы и формы классицизма переплетались с элементами декоративного убранства, заимствованными у древнерус. зодчества. Каменная ярусная постройка с широким световым восьмериком завершалась одной крупной главой. Углы четверикового основания были срезаны, а грани усложнены двухчастными ризалитами с лучковыми фронтонами и килевидными архивольтами. По углам ризалитов располагались трехчетвертные витые колонны с кубоватыми капителями. Наружные стены были украшены нишами, филенками, рустом и резным каменным орнаментом.

Часовня Христа Спасителя, 1866–1870 (угол ул. К. Маркса и ул. Пролетарской) была сооружена в память спасения жизни императора Александра II во время покушения 1866. Часовню заложили 30 августа 1866 в день его тезоименитства.

На проект часовни был объявлен конкурс, который выиграл в Иркутске поручик Н. Н. Порохов. Но в столице этот проект был забракован, и петерб. архитектором. М. А. Шуруповым был составлен новый, получивший одобрение императора. В результате часовня была возведена по проекту М. А. Шурупова, а встречаемое в литературе утверждение об авторстве Н. Н. Порохова ошибочно. Одновременно там же, в Петербурге, ювелиру А. Я. Соколову заказали для часовни золоченый купол, евангелие, крест, люстры, позолоченный иконостас из кипариса и другое. Иконы написал петерб. профессор живописи П. М. Шамшин.

Ровно через четыре года после заложения часовни, в 1870-м, в тот же день тезоименитства Александра II часовня была освящена во имя Христа Спасителя. Чин совершил архиепископ Иркутский Парфений в сослужении всего городского духовенства и в присутствии генерал-губернатора М. С. Корсакова, а также др. высокопоставленных лиц. В 1887 часовню приписали к приходу Входо-Иерусалимской церкви.

Часовню, вероятно, разобрали в 1920-е или в начале 1930-х. В 1934 на ее месте установили гранитный бюст Ленина.

Трехъярусная постройка была увенчана куполом с тяжеловесным шпилем. Высота часовни была 9 саженей (19,2 м). Кубическое основание имело срезанные вертикальные углы грани и портики с четырех сторон. Портики были фланкированы полуколонками с кубоватыми капителями. Стены нижнего яруса объединял развитый карниз на кронштейнах. Грани второго яруса завершались декоративными трехлопастными закомарами. Часовня была установлена на искусственно приподнятой террасе, огороженной коваными решетками с фонарями.

Часовня на Входо-Иерусалимском кладбище «в воспоминание второго пришествия Спасителя и всеобщего воскресения

мертвых», 1893 (Центральный парк культуры и отдыха (Входо-Иерусалимское кладбище)). Каменная часовня была сооружена на месте первого кладбищенского Входо-Иерусалимского храма, разобранного из-за ветхого состояния в 1867. Построили часовню на средства Т. Г. Качаловой. Чин освящения был совершен 26 марта 1893.

Часовня кладбищенская на Ремесленно-слободском кладбище, 1893 (Куйбышевский район (Ремесленно-слободское кладбище)). Деревянную часовню на Ремесленно-слободском кладбище построили в 1893. Подрядчиками выступали ирк. мещанин П. Н. Петров и отставной рядовой Е. М. Морозов. Небольшая часовня имела форму куба – ее длина, ширина и высота составляли по 2 сажени. Предназначалась для отпевания горожан, умерших от инфекционных болезней. Была приписана к приходу Казанской церкви.

Часовня при Ивано-Матренинской детской больнице, кон. XIX в. (ул. 1-я Советская (ул. 1-я Иерусалимская)). Бесплатная детская больница была сооружена на пожертвования наследников ирк. золотопромышленника И. И. Базанова и по именам его и супруги называлась Ивано-Матренинской. Возвели ее в 1889–1895. Часовня, вероятно, была построена одновременно с остальными зданиями больничного комплекса в кон. XIX в. Представляла собой двухъярусную восьмериковую постройку под шатровой кровлей. В архитектуре использовались традиционные мотивы древнерус. зодчества.

Часовня при Сукачевской богодельне, нач. XX в. При богадельне в Кокуевской роще, в усадьбе гор. головы В. П. Сукачева, имелась часовня. Входила она в приход Успенской церкви.

Часовня над святым колодцем на территории Вознесенского монастыря, 1836. Считалось, что одновременно с монастырем возник источник с целебной водой. Находился колодец к северо-западу от Успенской церкви и соединялся с ней. В 1836 над колодцем со святой водой возвели каменную часовню. Пологая скуфья купола была окрашена в зеленый цвет и увенчана позолоченным железным крестом. Представляла собой невысокую ротонду с классицистическим строгим и лаконичным декором фасадов – гладкие стены с пилястрами, триглифы по фризу, арочные проемы, архивольты. До наших дней часовня не сохранилась.

Часовня над могилой старца Герасима на территории Вознесенского монастыря, 1802. Основавший монастырь старец Герасим соорудил первый деревянный Вознесенский храм, сделал ограду вокруг монастыря и построил кельи для собранной им братии. Он управлял монастырем с 1672 по день кончины 20 янв. 1676. По преданию, на могиле старца часто совершал молитвы Святитель Иннокентий I епископ Иркутский. В 1802 во время устройства новой каменной ограды вокруг монастыря гроб-колода старца Герасима был обнаружен нетленным. Тогда же над могилой установили каменную двухэтажную часовню. Ее верхний этаж занимали монастырская библиотека и архив. Нижний этаж был посвящен старцу Герасиму – здесь сохранялись его посох и аналой, надгробный камень и портрет. Постройка обладала формами, типичными для предшествовавшего XVIII в. – двухъярусный восьмерик с барочно изогнутыми кровлями под одной главой.

До наших дней не сохранилась.

Часовня над могилой архимандрита Синесия на территории Вознесенского монастыря, 1864–1865 (1870?). Архимандрит Синесий, уроженец г. Прилуки Полтавской губернии и сподвижник иркутского епископа Святителя Софрония, управлял Вознесенским монастырем с 1754 по день смерти 10 мая 1787. В 1860-е тело Синесия было обретено нетленным. Над склепом, который находился с восточной стороны Вознесенского собора, в 1864–1865 соорудили каменную часовню. Архитектура ее эклектична с использованием классицистических мотивов.

До наших дней не сохранилась.

Иркутский художественный музей

Иркутск

учебное пособие по предмету

«Иркутсковедение»

Том 1

Главный редактор

Д-р истор. наук, проф. С. И. Гольдфарб

Редакционная коллегия:

Р. Н. Болотов (мэр г. Иркутска), А. В. Южаков (вице-мэр г. Иркутска),
д-р истор. наук Ю. А. Зуляр, д-р истор. наук А. В. Шалак,
д-р истор. наук П. А. Новиков, д-р истор. наук В. П. Шахеров,
к-т истор. наук И. В.Олейников, Ю. Василькова, А. Головко,
Т. Эйдельман, Е. Пономарева

Подбор иллюстраций, макет, верстка
художник С. Григорьев

Корректор А. Асеева

Типография
Принт лайн